

ГЛЕН
КУК

Воды спят

Воды спят

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ГЛЕН
КУК

GLEN
COOK

Water Sleeps

ГЛЕН
КУК

Воды спят

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

2002

Terra Fantastica
Санкт-Петербург

УДК 820 (73)
ББК 84 (7США)
К88

Серия основана в 1999 году

Glen Cook
WATER SLEEPS
1999

Серийное оформление А. Кудрявцева

Перевод с английского Б. Жужунава

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.07.01.

Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ.

Бумага типографская. Усл. печ. л. 28,56.

Доп. тираж 4000 экз. Заказ 1378.

ISBN 5-17-010917-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0278-3 (Terra Fantastica)

© Glen Cook, 1999
© Перевод. Б. Жужунава, 1999
© Дизайн книги. А. Нечасев, 1999
© ООО «Издательство АСТ», 2000
® TERRA FANTASTICA

В те дни Черного Отряда больше не существовало. Его гибель была провозглашена соответствующими законами и указами. И это в какой-то степени соответствовало действительности.

Знамя Отряда, его Капитан и Лейтенант, его Знаменосец и все остальные, благодаря кому Отряд внушал такой ужас, погибли, а вернее, были похоронены заживо в самом сердце огромной каменной пустыни.

— Сияющий Камень, — шептали люди на улицах и в переулках Таглиоса.

— Ушли в Хатовар, — заявляли более осведомленные.

Да, кое-кому пришлось немало потрудиться, чтобы ничто не омрачило великого триумфа, чтобы воля Радиши, или Протектора, или кого-то там еще была выполнена и люди поверили, будто Отряд исполнил свое предназначение.

Однако те, в ком память об Отряде была жива, прекрасно все понимали. Только пятьдесят человек рискнули отправиться на равнину Сияющего Камня, причем половина из них не принадлежала к Отряду. И лишь двое из пятидесяти вернулись, чтобы разносить ложь о том, что там произошло. А третий, вернувшийся, чтобы рассказать правду, был убит во время Кыялунской войны, далеко от столицы. Но все эти уловки Душелова и Лозана Лебеда никого не вводили в заблуждение, ни тогда, ни сейчас. Люди просто притворялись, что верят, — так было безопаснее.

Они ведь запросто могли спросить, почему Могабе понадобилось целых пять лет, чтобы победить Отряд, которого якобы уже не существовало, и загубить тысячи молодых жизней, чтобы привести Кьяулунские территории под власть Радиши, в царство искаженных истин Протектора. А еще они могли сослаться на незатухающие разговоры о том, будто Черный Отряд удерживал крепость Вершина на протяжении нескольких лет уже после этого. До тех пор, пока, в конце концов, их непоколебимая стойкость не вывела из себя Протектора, и она не пожалела ни сил, ни своих самых действенных заклинаний и за два года превратила огромную крепость в белую пыль, белую гальку, белые кости. Да, люди могли бы задать все эти вопросы, но вместо этого хранили молчание. Они боялись. И не без оснований.

Таглианская империя под Протекторатом — это Империя страха. Однажды в годы открытого неповиновения некий неизвестный герой заслужил себе вечную ненависть Душелова, запечатав Врата Теней, единственный путь, ведущий на Сияющую равнину. Из ныне здравствующих Душелов была самой могущественной колдуньей. Став Хозяином Теней, она затмила тех монстров, которых когда-то уничтожил Отряд, защищая Таглиос. Но запечатанные Врата Теней лишили Душелова возможности вызвать себе на подмогу смертоносные Тени, обладающие несокрушимым могуществом. В ее распоряжении осталась лишь жалкая горстка этих тварей — те, которые были с ней, когда она так вероломно поступила с Отрядом.

О, она смогла бы открыть Врата Теней. Один раз. Но понятия не имела, как закрыть их снова. Открой она Врата, и мир содрогнулся бы под натиском могущественных тварей, вырвавшихся на свободу.

Для Душелова это значило выбирать — или все, или очень мало. Или наступит конец мира, или она будет довольствоваться тем, что имеет.

На сегодня она предпочитает последнее, хотя и продолжает непрестанные поиски выхода из тупика. Она — Протектор. Империя трепещет перед ней. Никто не смеет бросить вызов ее террору. Но даже она понима-

ет, что этот век мрачного согласия не может длиться вечно.

Воды спят.

В домах, в темных переулках, в десяти тысячах храмов города никогда не смолкает нервный шепоток. Година Черепов. Година Черепов. Боги живы, и даже те, которые спят, беспокойно ворочаются во сне.

В домах, в темных переулках, на полях, где растет хлеб или мокнет рис, на пастбищах, в лесах и городах, исправно платящих дань, всякий раз, когда в небе появляется комета, или внезапно разразившаяся буря несет гибель и разорение, или, в особенности, когда случается землетрясение, люди бормочут: «Воды спят». И вздрагивают от страха.

2

Они меня называют Дрема. Еще ребенком при каждом удобном случае, будь то днем или ночью, я убежала от ужасов моего детства в спокойную безмятежность снов. В любое время, когда не нужно было работать, я уходила в сны, точно в тихую гавань. Там зло не могло до меня добраться. Я не знала более безопасного места до тех пор, пока Черный Отряд не пришел в Джайкур.

Братья ругали меня за то, что я только сплю и сплю, возмущаясь моей способностью отключаться от действительности. Они не понимали. Они умерли, так ничего и не поняв. А я все спала. На протяжении нескольких лет, уже находясь в Отряде, полностью я не просыпалась никогда.

Теперь я продолжаю писать эти Летописи. Кто-то ведь должен — а кто это может сделать, кроме меня? — хотя звание Летописца никогда не присваивалось мне официально.

Подобный прецедент уже существует.

Книги должны быть написаны. Истина должна быть увековечена, даже если судьба распорядится так, что ни один человек не прочтет написанного мной. Летописи — душа Черного Отряда. Они напоминают о том, кто мы

есть. И кем были. О том, что мы продолжаем существовать. И что никакое вероломство — а мы не в первый раз сталкиваемся с ним — не сможет высосать из нас всю кровь до последней капли.

Мы больше не существуем. Протектор упоминает о нас только в прошедшем времени. Радиша клянется, что дело обстоит именно так. Могаба, могущественный генерал с его тысячью грязных наград, глумится над нашей памятью и плюет на наше имя. Люди на улицах говорят, что мы — всего лишь преследующие их злобные воспоминания. Только Душелов не оглядывается все время через плечо, чтобы не пропустить момент, когда земля начнет уходить у нее из-под ног.

Мы упрямые и непокорные призраки. Вот уже много лет мы сидим тихо, как мыши, но враги продолжают бояться нас. Оттого, что они произносят наше имя шепотом, их вина не становится меньше.

Они и должны бояться.

Каждый день где-нибудь в Таглиосе на стене появляются слова, написанные мелом, или краской, или даже кровью животных. Просто мягкое напоминание: «Воды спят».

Все знают, что это означает. И шепотом повторяют эти слова, понимая, что где-то затаился враг, которого не остановить — как нельзя помешать воде течь. Враг, который когда-нибудь выберется из своей могилы и нанесет удар тем, кто сделал ставку на предательство. Они знают, что нет силы, способной предотвратить это. Их предупреждали десять тысяч раз, но они все же поддались искушению. И теперь никакое зло не сможет защитить их.

Могаба боится.

Радиша боится.

Лозан Лебедь боится до такой степени, что едва ноги таскает. В точности, как колдун Дымок, которого он сам когда-то изводил, обвиняя в трусости. Лебедь знаком с Отрядом еще с севера, еще до того, как здешний люд понял, что мы больше, чем мрачное напоминание о древнем ужасе. И с годами страх Лебеда только растет.

Пурохита Друпада боится.

Генерал-инспектор Гокхейл боится.

Только Протектор не боится. Душелову бояться нечего. И волноваться не из-за чего. Она смеется и бросает вызов демону. Она безумна. Она будет смеяться и веселиться даже на костре.

Тот факт, что она ничего не боится, заставляет ее приверженцев волноваться еще больше. Они знают, что в случае чего Душелов погонит их перед собой, прямо в пасть судьбы.

Время от времени на стенах будет появляться и другое сообщение, куда конкретнее первого: «Их дни сочтены».

Я каждый день бываю на улицах. Иду на работу, шпию, подслушиваю, собираю слухи или распускаю новые в атмосфере анонимности Чор Багана, этого Сада Воров, которого даже Серые пока не способны уничтожить. Прежде я маскировалась под шлюху, но это, как показывает опыт, слишком опасно. Есть люди, которые из кожи вон лезут, пытаясь создавать впечатление, будто Протектор печется о здоровье нации. Миру исключительно повезло, что судьба не дает им проявить свои заскоки во всей их глубине и размахе.

По большей части я брожу под видом молодого парня — способ, давным-давно ставший для меня привычным. После окончания войны молодые люди, не имеющие корней, болтаются повсюду, и это никого не удивляет.

Чем причудливее новый слух, тем быстрее он расползается за пределы Чор Багана и тем сильнее действует на нервы врагу. В Таглиосе должна всегда царить атмосфера мрачного ожидания. И наша задача — неустанно поддерживать ее соответствующими предзнаменованиями и знаменаниями.

Время от времени, в моменты просветления, Протектор возобновляет охоту на нас, но пыл ее быстро угасает. Она не способна сосредоточиваться на чем-то одном. Да и с какой стати ей беспокоиться? Мы мертвы. Мы больше не существуем. Она сама провозгласила это — значит, так оно и есть. Как Протектор она является единственным

реальным судьей на всей территории Таглианской империи.

Но: воды спят.

3

Сейчас Отряд держится на женщине, которая формально никогда не входила в него, Кы Сари, ведунье, жене того, кто до меня вел Летописи, Мургена, Знаменосца. Умная женщина с волей, подобной отточенному клинку. Даже Гоблин и Одноглазый считаются с ней. Запутать ее невозможно. Это никогда не удавалось даже старому мерзкому Дядюшке Дою. Она боится Протектора, Радиши и Серых не больше, чем капуста на грядке. Злоба злых, таких, как служители смертоносного культа Обманников, их мессия Дочь Ночи и богиня Кина не страшили Сари вообще. Она заглянула в самое сердце тьмы, тайны которой больше не внушали ей страха. Только одно существо на свете могло заставить Сари трепетать.

Ее мать, Кы Гота, олицетворяющая собой вечное недовольство всем и вся. Ее горестные жалобы и упрски обладают зарядом такой поразительной силы, что кажется, будто она — живое воплощение некоего капризного древнего божества, пока еще не известного человеку.

Никто не любит Кы Готу, за исключением Одноглазого. И даже он называет ее за спиной Троллем.

Сари вздрогнула, когда мать медленно заковыляла через комнату, где сразу же наступила тишина. Сейчас, когда для нас наступили нелегкие времена, одни и те же помещения приходилось использовать для разных целей. Совсем недавно эта комната была битком набита людьми, которые просто отдыхали. Некоторые — из Отряда, а в основном те, кто работает у Бонх До Трана. Все мы не сводили взглядов со старухи, от всей души желая, чтобы она поторопилась. Страстно желая, чтобы ей не пришлось в голову использовать эту возможность для общения.

Старый и больной До Тран, прикованный к креслу на колесах, вообще выкатился из комнаты. Очевидно, желая таким образом показать, что не хочет помешать

ей каким бы то ни было образом. Все всегда хотели, чтобы Гота оказалась где угодно, только не здесь.

На этот раз жертва До Трана оказалась не напрасной. Однако, наверняка, дело было не в ней, а в том, что Готу грызло какое-то серьезное беспокойство. Иначе она ни за что не упустила бы случая лишний раз поучить молодежь.

Молчание продолжалось до тех пор, пока старый купец не вернулся. Ему принадлежал этот дом, который он позволял нам использовать как свою штаб-квартиру. Ничем нам не обязанный, он, тем не менее, делил с нами опасности из любви к Сари. При решении любой проблемы мы всегда прислушивались к его мнению и учитывали его желания.

Пауза не затянулась надолго, вскоре До Тран с утомленным видом вкатился обратно. Этот человек, который вел жизнь, полную постоянного риска, выглядел настолько хрупким, что его способность самостоятельно передвигаться в кресле воспринималась как чудо.

До Тран был стар, но в его глазах горел неукротимый огонь. Он редко вмешивался в разговор, разве что кто-нибудь молот уж совсем несусветную чушь. Очень хороший человек.

— Все готово, — сказала Сари. — Каждый шаг, каждая деталь проверены и перепроверены. Гоблин и Одноглазый трезвы как стеклышко. Пришло время Отряду заявить о себе. — Она повела взглядом по лицам, приглашая всех высказываться.

Лично мне не казалось, что время пришло. Но я уже высказала свое мнение, когда составляли план. И никто меня не поддержал. Пришлось поработать над собой, чтобы избавиться от чувства досады.

Поскольку новых возражений не последовало, Сари продолжала:

— Ну, что же. Приступаем к первому этапу.

Она махнула рукой сыну. Тобо кивнул и выскользнул из комнаты.

Он был тощим, неопрятным, пронырливым юнцом нюонь бао, а они, это всем известно, по природе своей

воры. Следовательно, за каждым его движением нужно было следить. В результате, постоянно поглядывая в его сторону, люди не вникали в детали того, чем он занимался. Лишь бы не протягивал руки к соблазнительному кошельку с его содержимым. Все остальное их не волновало. Люди, как правило, не замечают того, что, по их расчетам, не может произойти.

Мальчик все время держал руки за спиной, а в таком положении, ясное дело, украсть невозможно. До тех пор, пока он вел себя таким образом, его почти не замечали. Как и маленьких бесцветных шариков, которые он прикреплял, прислоняясь к стенам.

Дети гуннитов не сводили с него взглядов. Мальчик выглядел очень странно в этой своей черной одежде, похожей на пижаму. Но никаких враждебных чувств по отношению к нему они не проявляли. Гунни — в основном миролюбивый народ. Другое дело — дети шадаритов, более жесткие по воспитанию. И более смелые. Их религия в основе своей — философия воина. Юнцы шадаритов сгрудились, собираясь хорошенько проучить этого вора. Конечно, он вор! Он же нюень бао. Все знают, что нюень бао — воры.

Шадарит постарше отозвал юнцов. Пусть воришкой занимаются те, в чьи обязанности это входит. Религия шадаритов содержит в себе некоторые элементы бюрократической упорядоченности.

В результате в толпе возник крохотный вихрь, а это всегда привлекает официальное внимание. Трое шадаритов, призванных следить за порядком, высокие, бородастые, одетые в серос, с белыми тюрбанами на головах, неторопливо двигались сквозь толпу. Они все время оглядывались по сторонам, намеренно не обращая внимания на то, что их окружает островок открытого пространства. Улицы Таглиоса просто забиты народом и днем, и ночью, однако люди каким-то образом ухитряются держаться подальше от Серых. У всех Серых тяжелый взгляд, который, по-видимому, призван продемонстрировать, что им чужды терпение и сострадание.

Тобо юркнул в толпу, точно черная змея, скользкая сквозь заросшее тростником болото. Когда Серые заметили вызванное его присутствием возбуждение, он уже растворился, и никто не смог сказать ничего вразумительного, разве что дать самое общее описание, замешанное главным образом на предрассудках и вытекающих из них допущениях. Ньюень бао — воры. А их в Таглиосе развелась тьма-тьмушная. В наши времена столица может похвастаться обилием всякого рода пришлых. Бездельники, слабоумные и хитрецы со всех концов империи стекаются в этот город. С каждым поколением число жителей города утраивается. Несмотря на безжалостные и умелые действия Серых, в Таглиосе царит хаос, а сам город превратился в кровавую сточную канаву, ад, неугасимый огонь которого подпитывается бедностью и отчаянием.

Бедность и отчаяние всегда налицо, но Дворец не допускает, чтобы нарушители порядка сумели пустить тут корни. Дворец очень заметно преуспел в вынюхивании всяческих секретов. Криминальные элементы быстро исчезают с горизонта. Так же, как и большинство тех, кто пытается устраивать заговоры против Радиши или Протектора. В особенности против Протектора, которую меньше всего беспокоит святость чьей-то жизни (кроме ее собственной, разумеется).

В не столь уж отдаленные времена тайные происки и заговоры были бедствием, миазмы которого отравляли жизнь, практически, всем жителям Таглиоса. Теперь с этим почти полностью покончено. Протектор не одобряет. Большинство жителей Таглиоса страстно желают заслужить одобрение Протектора. Даже жречество избегает привлекать к себе злобный взгляд Душелова. В какой-то момент мальчишка в черной одежде исчез, а на его месте возник такой же; но в набедренной повязке гуннитов, до этого скрытой под одеждой. Теперь он выглядел как всякий другой юнец, хотя и со слегка желтоватым оттенком кожи. Ему ничто не угрожало. Он вырос в Таглиосе и говорил без малейшего акцента, который мог бы выдать его.

4

Перед началом любой серьезной акции всегда наступает время ожидания и затишья. Делать мне было нечего. Я могла позволить себе сыграть в тонк или просто понаблюдать за тем, как Одноглазый и Гоблин пытаются надуть друг друга. Вдобавок у меня был писательский спазм, мешающий работать над Летописями.

— Тобо! — позвала я. — Хочешь пойти посмотреть, как все будет происходить?

Тобо четырнадцать, он самый юный из нас. Вырос в Черном Отряде. Все, что свойственно юности — неумеренность во всем, нетерпеливость, абсолютная уверенность в собственном бессмертии и божественном освобождении от возмездия, — было отмерено ему полной мерой. Задания, которые поручали ему в Отряде, доставляли мальчишке истинное наслаждение. Он плохо представлял себе отца, потому что никогда не видел этого человека. Мы немало потрудились ради того, чтобы Тобо не превратился в избалованного ребенка, однако Гоблин упорно обращался с ним как с любимым сыном. И даже пытался наставлять парнишку.

Гоблин владеет письменным таглианским хуже, чем ему кажется. Существует сотня характерных особенностей в каждодневной вульгате и еще сорок, к которым прибегают только жрецы, которые пишут Высоким Стилем. Это, можно сказать, второй письменный, формальный язык. В Анналах я использую их смешение.

Как только Тобо научился читать слово «дядя», Гоблин стал заставлять его вслух читать все, предназначавшееся для него самого.

— Может, мне стоит прицепить еще «пузырей», Дрема? Ма считает, что чем их больше, тем скорее это привлечет внимание Дворца.

Меня удивило, что он обсуждал с ней этот вопрос. Мальчишек в его возрасте в лучшем случае можно называть угрюмыми. Он постоянно грубил матери. Он был бы еще более груб и еще более непослушен, если бы не

имел счастья иметь столько «дядей», которые не желали мириться с подобным поведением. Естественно, Тобо постоянно демонстрировал, что воспринимает все это как грандиозный заговор взрослых. На людях. Во время личной беседы он поддавался доводам разума. Иногда. Если тот, кто увещевал его, делал это вежливо и если это была не его мать.

— Может быть, несколько. Однако уже темнеет. И, значит, представление вот-вот начнется.

— Кем мы будем на этот раз? Мне не нравится, когда ты изображаешь шлюху.

— Беспризорниками.

Хотя это тоже было рискованно. Вербовщики могли захватить нас и насильно отправить в армию Могабы. Положение его солдат сейчас немногим лучше, чем у рабов, дисциплина там самая суровая и беспощадная. Многие из этих несчастных — мелкие преступники, которым было предоставлено право выбирать: или не знающее снисхождения правосудие, или военная служба. Остальные — дети бедняков, которым просто некуда больше деваться. Таков стандарт профессиональной армии; Мурген сталкивался с ним еще в прежние времена, далеко на севере, когда меня и на свете не было.

— Почему ты всегда так стараешься лучше замаскироваться?

— Мы не должны даже дважды появляться в одном и том же виде. Тогда наши враги ни в какой ситуации не будут знать, кого им искать. Никогда не недооценивай их. В особенности, Протектора. Ей не раз удавалось перехитрить саму смерть.

Тобо еще не созрел для того, чтобы поверить в это, так же, как и во многое другое из нашей экзотической истории. Он был вовсе не так уж плох, лучше многих, во всяком случае. И все же как раз сейчас находился на той самой стадии, когда считал, что знает все и старшие не могли сообщить ему ничего стоящего — в особенности, если их слова имели хотя бы легкий воспитательный оттенок. Он сам был не в силах изменить свою позицию. Это проходит только с возрастом.

Я тоже не могла повлиять на его позицию, хотя для меня этот возраст уже миновал. Сколько бы ни напоминала ему о том, что некоторые вещи чреваты очень дурными последствиями.

— Об этом сказано в Анналах. Твой отец и Капитан ничего не выдумывали, когда писали их.

Во что он тоже не желал верить. Я не стала дальше распространяться по этому поводу. Каждый из нас, безусловно, рано или поздно научится уважать Летописи, — но придет к этому своим собственным путем и в свое время. Подлинное уважение к традициям Отряда вряд ли возможно при том положении, в котором он сейчас оказался. Только двоим из Старой Команды удалось живыми выбраться из ловушки Душелова на каменной равнине и уцелеть позже, во время Кьяулуунской войны. Гоблин и Одноглазый не слишком годились для того, чтобы передавать другим тайну особого дара Отряда. Одноглазый слишком ленив, а Гоблин слишком косноязычен. А я, практически, была еще новичком, когда Старая Команда, осуществляя давнюю мечту Капитана, рискнула отправиться на равнину в поисках Хатовара. Хатовара он не нашел. Думаю, он его и не искал, по правде говоря.

Тогда я только и делала, что изумлялась. Стать двадцатилетним ветераном Отряда мне предстояло еще очень нескоро. Мне только-только исполнилось четырнадцать, когда Бадья взял меня под свое крыло... Но я никогда не была похожа на Тобо. В свои четырнадцать я была уже древней старухой — по тем страданиям, которые выпали на мою долю. За годы, прошедшие после того, как Бадья спас меня, я только помолодела...

— Что?

— Я спросил, почему у тебя вдруг сделался такой сердитый вид.

— Я вспоминала о тех временах, когда мне было четырнадцать.

— Девчонкам это легче дается...

Тобо прикусил язык. Его лицо мгновенно вытянулось, и северное происхождение проступило более заметно. Он — самонадеянное и испорченное маленькое

дрянце, но мозгов у него хватает. Он отдавал себе отчет в том, что сейчас едва не разворошил гнездо ядовитых змей.

— Когда мне было четырнадцать, Отряд и нюень бао угодили в ловушку в Джайкуре. — Собственно говоря, это ему уже было известно. — Или в Дежагоре, так они его там называли. — Остальное не имело значения. Остальное благополучно ушло в прошлое. — Сейчас у меня почти не бывает ночных кошмаров.

Тобо уже объелся рассказами о Джайкуре. Его мать, бабка и Дядюшка Дой тоже были там.

— Гоблин говорит, что эти «пузыри» произведут впечатление, — прошептал Тобо. — Они не просто пугают людей, но и тревожат их совесть.

— Тогда уж это точно что-то из ряда вон. — В наших с ним диспутах совесть упоминалась крайне редко. С любой стороны.

— Ты действительно знала моего па? — Тобо не раз слышал историю своей жизни, но в последнее время явно проявлял к этой теме повышенный интерес. Мурген все меньше и меньше был для него просто образом, за которым не стоит ничего, кроме пустых слов.

Я повторила то, что уже не раз говорила прежде.

— Он был моим командиром. Учил меня читать и писать. Он всегда был хорошим человеком. — Я негромко рассмеялась. — Настолько, насколько можно быть хорошим человеком, принадлежа к Черному Отряду

Тобо замер. Сделал глубокий вдох. И спросил, глядя куда-то в сумерки над моим левым плечом:

— Вы были любовниками?

— Нет, Тобо. Нет. Друзьями. Почти. Но только не это. Он и узнал-то, что я женщина, как раз перед тем, как отправиться на Сияющую равнину. А я не знала, что он узнал, пока не прочла его Летописи. Никто не знал. Все думали, что я — просто смазливый парнишка невысокого росточка, которому не повезло вырасти повыше. А я не разубеждала их. Так я чувствовала себя в большей безопасности.

— А-а-а...

Тон у него был настолько неопределенно-нейтральный, что я просто не могла не поинтересоваться:

— Почему ты об этом спрашиваешь?

Конечно, он видел, как я веду себя сейчас, но у него не было никаких оснований думать, что так было всегда.

Он пожал плечами.

— Просто хотел знать.

И все же что-то, безусловно, должно было вызвать у него это побуждение. Может, позиция: «Я просто хочу знать, что будет, если...» Гоблина и Одноглазого, когда они проводят испытания своих ядов домашнего изготовления, способных убить и слона.

— Ладно, это твое дело. Ты прицепил «пузыри» у театра теней?

— Как мне велели.

В театре теней используют кукол, насаженных на прутья. Свеча, расположенная сзади, отбрасывает их тени на экран из белой ткани. Кукловод рассказывает свою историю, передвигая кукол и говоря за них разными голосами. Если он сумеет развлечь публику, ему бросят несколько монет.

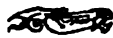
Спрашивая Тобо, я имела в виду вполне определенный театр теней и кукловода, который выступал на одном и том же месте вот уже на протяжении жизни целого поколения. Он спал внутри своих подмостков. И жил припеваючи. Во всяком случае, лучше, чем большинство бездомных обитателей Таглиоса.

Он был осведомителем. В Черном Отряде его не любили.

Истории, которые он рассказывал, по большей части основывались на мифах и так или иначе были связаны с циклом Кади. В них непременно участвовала эта богиня со слишком большим количеством рук, которая без устали пожирала демонов.

Конечно, в каждом представлении участвовала одна и та же кукла, изображающая демона. Почти как в реальной жизни, где погибший демон возвращается снова и снова.

Сначала над крышами на западе возникло еле заметное цветное пятно. Потом послышался душераздираю-

щий крик. Люди останавливались, чтобы поглазеть на яркий оранжевый свет и мерцающий дым, который, колыхаясь, повалил откуда-то из-за подмостков кукловода. Струи дыма сплетались в хорошо известную эмблему Черного Отряда — оскаленный череп без нижней челюсти, выдыхающий пламя. Алый огонь в левой глазнице напоминал зрачок, пристально глядевший в самую душу зрителя, точно выискивая то, чего тот боялся больше всего.

То, что создано дымом, недолговечно. Прежде чем рассеяться, он успел подняться на десять футов. Вокруг царило испуганное молчание. Сам воздух, казалось, шептал: «Воды спят».

Снова жалобный вой и новая вспышка. Поднялся второй череп. Этот был серебряный с ярким голубоватым оттенком. Он просуществовал дольше и поднялся на дюжину футов выше. И прошептал: «Мой брат неотмщен».

— Сюда идут Серые! — прокричал кто-то достаточно высокий, чтобы видеть поверх толпы.

Из-за маленького роста мне легче затеряться среди людей, но зато я не вижу того, что происходит позади них.

Серые всегда где-то рядом, однако против такого рода беспорядков они бессильны. Это может случиться где угодно, когда угодно и должно произойти прежде, чем они смогут среагировать. Для них же лучше, если они не окажутся поблизости, когда «пузыри» говорят. Серые понимают это. Они просто идут сквозь толпу. Протектора нужно ублажать, но и их деткам есть хочется.

— Сейчас! — пробормотал Тобо, когда появились Серые.

Пронзительный крик послышался из-за подмостков кукловода. Сам кукловод выскочил, завертелся и прислонился к своим подмосткам, широко разевая рот. Последовала вспышка, менее яркая, но более продолжительная, чем предыдущие. Образ, сотканный из дыма на этот раз, был сложней и устойчивей. Он выглядел как монстр. Но вполне определенный монстр, смысл которого был понятен только шадаритам.

— Ниасси... — пробормотал один из Серых.

Ниасси — главный демон мифологии Шадар. Схожий демон; но только под другим именем, существует и в верованиях Гунни.

Ниасси — глава внутреннего круга наиболее могущественных демонов. Верования Шадар есть не что иное, как еретическая Ведна. Включающие в себя понятие посмертного, карательного Ада, они вполне допускают возможность Ада в духе Гунни на земле, еще при жизни. Его создают демоны, которые служат Ниасси и насылаются на особо грешных.

Понимая, что над ними издеваются, Серые, тем не менее, заколебались. Нападение с этой совершенно новой стороны было поистине неожиданным, и даже против воли никого из них не могло оставить равнодушным. Вдобавок все это случилось на волне мощных слухов, которые увязывали Серых с отвратительными ритуалами, якобы практикуемыми Душеловом.

Дети исчезают. Разум подсказывает, что это — совершенно неизбежно в городе, таком огромном и переполненном людьми, даже если никакой злобный монстр не приложил к этому руку. Малыши исчезают, потому что они бродят где придется и теряются. И ужасные вещи часто происходят с хорошими людьми. Но, если увязать все это воедино, искусно подпустив нужный слухок, люди звереют и перестают доверять друг другу.

Память становится избирательной.

Мы не упускаем случая распространить хотя бы крошечную ложь относительно наших врагов.

Тобо выкрикнул что-то оскорбительное. Я дернула его за руку и потащила к нашему логовищу. Люди принялись ругать Серых и насмехаться над ними. Тобо бросил камень, который угодил в тюрбан Серого.

Темнота не позволила им разглядеть наши лица. Они вытащили свои бамбуковые палки — настроение толпы становилось угрожающим. Похоже, наши колдуны постарались на славу. Ничего, жители Таглиоса — люди выдержанные и не так уж легко теряют контроль над собой. Чтобы жить в такой неестественной скученности, требуется много терпения и самоконтроля.

Я огляделась по сторонам в поисках ворон, летучих мышей или других шпионов Протектора. После наступления ночи мы рискуем больше, чем днем, потому что в темноте трудно заметить этих соглядатаев. Я покрепче вцепилась в руку Тобо.

— Ты не должен был этого делать. Знаешь же, что в темноте выползают Тени.

Мои слова не произвели на него ни малейшего впечатления.

— Гоблин будет счастлив. Он много времени потратил на эту штуку. И она сработала отлично.

Серые засвистели, вызывая подкрепление.

Четвертый «пузырь» тоже выпустил дымный призрак, но мы его уже не увидели. Я протащила Тобо мимо ловушек для Теней, установленных вокруг нашего штаба. Вскоре ему предстоит объясняться с некоторыми своими «дядями». Те, для кого паранойя остается образом жизни, очень сильно рискуют получить от Отряда «по рукам» за все свои безобразия. С Тобо нужно провести серьезную разъяснительную работу, иначе его поведение может быть использовано умным противником с пользой для себя.

5

Сари вызвала меня вскоре после нашего возвращения. Не для того, чтобы сделать выговор за бездумный риск, которому при моем попустительстве подверг себя Тобо. Нет, она просто хотела сообщить, что собирается перейти к следующему этапу. Возможно, когда-нибудь Тобо погорит настолько серьезно, что это пробудит в нем хоть какое-то чувство страха. Плохо только, что жизнь в подполье не знает жалости. Редко выпадает больше чем один шанс. Тобо должен прочувствовать это всем сердцем.

Конечно, Сари допросила меня с пристрастием обо всем, что произошло в городе, и постаралась довести до сведения Гоблина и Одноглазого, что она недовольна и ими тоже. Тобо отсутствовал и не имел возможности защищаться.

На Гоблина и Одноглазого все ее высказывания произвели мало впечатления. Даже сорок промахов любимого дитяти не могли внушить опасения этим двум антикам. Кроме того, они и сами были наполовину виновны в его проделке, а кому же охота признавать свою вину? Только не им.

Сари сказала:

— Сейчас я буду вызывать Мургена.

В ее голосе явно ощущалась странная неуверенность. Она всегда не слишком охотно беседовала с Мургеном. Всем нам хотелось бы знать, почему. Их с Мургеном связывала искренняя и очень романтическая любовь из разряда тех, которые описывают в легендах, со всеми атрибутами, сопутствующими этим вневременным историям. Вызов богам, разочарование родителей, ужасные разрывы и счастливые воссоединения, интриги со стороны врагов и прочее в том же духе. Так получилось, что одному из них пришлось сойти в царство смерти, чтобы спасти другого. И Мургена любезно препроводили в холодный подземный ад — такая уж обходительная наша безумная колдунья Душелов. Он и все остальные Пленные были живы, но находились в стасисе, под равниной Сияющего Камня, в таком месте и такой ситуации, о которых мы знали только благодаря тому, что Сари была способна вызвать дух Мургена.

Может, все дело было именно в стасисе? Сари каждый день старил, а Мургена нет. Может, она начала бояться, что станет старше его матери к тому времени, когда мы освободим Пленных?

После долгих лет изучения истории я вынуждена с грустью констатировать, что она в значительной степени руководствуется личными соображениями вроде этого, а вовсе не борьбой за идеалы тьмы или света.

Уже давным-давно Мурген научился во время сна покидать свое тело. Сейчас он отчасти сохранил эту способность, но, к сожалению, она была ослаблена противоестественными факторами его нынешнего состояния. Даже в виде призрака он не мог самостоятельно выбраться за пределы пещеры. Для этого его непременно должна

была вызвать оттуда Сари — или, возможно, любой другой некромант, знающий, где он находится.

Дух Мургена был превосходным шпионом. За пределами нашего круга никто, кроме Душелова, не мог обнаружить его присутствия. Благодаря Мургену мы были в курсе всех замыслов наших врагов — разумеется, тех из них, кто был настолько могуществен, что ими стоило интересоваться. Процесс был достаточно сложный и имел целый ряд ограничений, но все же Мурген представлял собой наше едва ли не самое мощное оружие. Без него мы попросту не выжили бы.

И сегодня Сари более чем когда-либо была не в настроении вызывать его.

Бог знает, как это трудно — сквозь года и невзгоды пронести свою веру. Многие из наших братьев утратили ее и ушли, затерялись в хаосе империи. Некоторые, возможно, снова обрели бы свою веру, добейся мы достаточно громкого успеха.

Сари пришлось в жизни нелегко. Она потеряла двоих детей — боль, которую матери нелегко сносить, даже если она никогда не любила их отца. Его она потеряла тоже, но от этой утраты страдала мало. Никто из тех, кто помнил этого человека, не сказал о нем ни одного доброго слова. Вместе со всеми нами ей крепко досталось во время осады Джайкура.

Может быть, Сари — и все нюень бао — чем-то страшно разгневала Гангешу. Или, может быть, этот бог со слоновьими головами просто наслаждался, когда гибли его почитатели, — вот, дескать, какая славная получилась шутка. Вроде Кины, которая наверняка довольно хихикала, когда ее грубые шалости по отношению к собственным фанатикам оканчивались для них фатально.

Гоблин и Одноглазый обычно не присутствовали, когда Сари вызывала Мургена. Она не нуждалась в их помощи. Ее мастерство было ограниченным, но сильным, а эти двое только и способны, что мешать, сколько бы не тужились вести себя как положено.

Однако на этот раз наши ископаемые оказались тут же, из чего я сделала вывод, что затевается нечто

необычное. До чего же старые они оба! Наверно, уже и счет годам потеряли. Держались только благодаря своему мастерству. Одноглазому, если Летописи не лгут, было уже под двести, а его «юному» другу около ста.

Мягко говоря, ни того, ни другого крупными мужчинами не назовешь. Оба ниже меня ростом. И никогда не были выше, даже задолго до того, как превратились в иссохшие от старости ходячие мощи. Я даже представить себе не могу Одноглазого молодым. Нет, только старым и только в этой его черной шляпе, самой безобразной и грязной изо всех когда-либо существовавших на свете.

Может, Одноглазый и жив-то еще только потому, что проклят этой шляпой. Может, эта шляпа использует его как своего коня и поэтому не дает ему умереть.

Этот жесткий смердящий кусок заскорузлого войлока сгорит в ближайшем костре, прежде чем тело Одноглазого перестанет содрогаться в предсмертных судорогах. Все ненавидят его шляпу.

Но больше всех ее ненавидит Гоблин. Он считает своим долгом прицепиться к ней всякий раз, когда между ним и Одноглазым завязывается перебранка, а происходит это почитай при каждой их встрече.

Одноглазый — маленький, черный и морщинистый. Гоблин — маленький, белый и морщинистый. Лицом он похож на сушеную жабу.

Одноглазый не забывает напомнить об этом всякий раз, когда они начинают браниться, а происходит это почти всегда, когда имеются в наличии зрители. Однако никто не встречается между ними.

Нужно признать, что рядом с Сари они из всех сил стараются вести себя как можно приличнее. Эта женщина имеет особый дар. Она пробуждает в людях все лучшее. Что, правда, не относится к ее матери. Хотя бабушка Троль гораздо хуже, если дочери нет поблизости.

К счастью для нас, мы редко видим Кы Готу. Всему виной ее суставы. Тобо помогает ухаживать за ней — таким образом мы цинично эксплуатируем его особый

иммунитет по отношению к ее сарказму. Она до безумия любит мальчика — даже несмотря на то, что его отец подонок и чужак.

Сари объяснила мне:

— Эти двое говорят, что придумали способ частично материализовать Мургена. Тогда ты сможешь общаться с ним напрямую.

Обычно только Сари может разговаривать с Мургеном, когда вызывает его. У меня отсутствует то, что называется психическим ухом.

— Если мы и вправду сможем видеть и слышать его, тогда Тобо тоже должен присутствовать здесь, — ответила я. — В последнее время он что-то все время задает вопросы об отце.

Сари как-то странно посмотрела на меня, — точно не понимая, что я имею в виду.

— Правильно, мальчик должен знать своего старика, — продребезжал Одноглазый.

Он посмотрел на Гоблина, ожидая, что тот начнет ему противоречить. Такой уж у них был обычай. Кидайся в бой и не обращай внимания на всякие мелочи вроде фактов или здравого смысла. Так или иначе, эти бессмысленные споры годами, чуть что, возникали снова и снова.

На этот раз Гоблин воздержался. Он еще успеет дать отпор, когда Сари не будет рядом. Она только мешает ему, со своими призывами образумиться.

Сари кивнула Одноглазому:

— Но сначала нужно проверить, получилось ли у вас.

Одноглазый тут же запыхтел и принялся брызгать слюной. Кто-то осмеливается сомневаться в его способности колдовать? Все, что было раньше, не в счет? На этот раз...

Я прервала его:

— Не заводись.

Время не пощадило Одноглазого. Память у него стала слабовата, и в последнее время он все чаще начинал клеветать носом посреди разговора или дела. Или, выкрикивая свои напыщенные фразы, забывал, из-за чего весь сыр-бор разгорелся. Или вдруг просто смолкал ни с того, ни с сего.

Когда я его встретила впервые, он уже напоминал высохшую старую мумию, но сейчас и от этого осталась только тень. И все же нельзя сказать, чтобы он полностью утратил свою силу. Однако, отправившись в дорогу, он на полпути вполне мог забыть, куда идет. Изредка это бывало даже кстати, но по большей части — просто беда. Когда ему поручали что-то важное, Тобо обычно вменялось в обязанность следить за тем, чтобы он дошел туда, куда надо. Одноглазый тоже обожал мальчишку.

Чем больше слабел старый колдун, тем легче становилось удерживать его дома, вдали от искушений города. И слава Богу. Одна-единственная неосторожность могла погубить нас всех. А до Одноглазого никогда в полной мере не доходило, что это вообще такое — быть благоразумным.

Гоблин захихикал, когда Одноглазый смолк.

— Можете вы оба сосредоточиться на том, чем собираетесь заниматься? — Меня преследовал страх, что однажды Одноглазый задремлет прямо в середине какого-нибудь смертоносного заклинания и оставит нас всех по уши в демонах или кровососущих насекомых, совершенно обезумевших оттого, что их выдернули из болота где-нибудь за тысячу миль отсюда. — Это важно.

— У вас всегда все важно, — проворчал Гоблин. — Даже если это просто: «Гоблин, хватит сидеть сложа руки, я слишком ленив, чтобы самому полировать серебро». Даже тогда это звучит так, точно речь идет о конце света. Важно? Уф!

— Я вижу, ты сегодня в хорошем настроении.

Одноглазый вытащил себя из кресла, выругался в мой адрес и, опираясь на трость, зашаркал к Сари. Он забыл, что я женщина. Он вел себя не так по-свински, когда помнил об этом, хотя в принципе я не рассчитываю ни на какое особое обхождение только потому, что меня утормозило родиться существом женского пола.

Одноглазый стал опасен для нас в совершенно новом смысле в тот злополучный день, когда приобрел эту трость. Он использовал ее, чтобы колотить людей. Или подставлять им подножку. Он постоянно дремал то здесь, то там, но никогда нельзя было точно знать, спит он или же притворяется. В последнем случае ему ничего не сто-

ило неожиданно выбросить свою трость и подцепить вас за ноги.

Несмотря на все это, мы постоянно трепетали от страха, опасаясь, что Одноглазый долго не протянет. Без него шансы, что нас не засекут, были невелики. Гоблин, конечно, будет выкладываться изо всех сил, но что он сможет, оставшись один? К тому же на долговременное колдовство он вообще был не способен. В нашей ситуации требовалось, по меньшей мере, два колдуна и притом в расцвете сил.

— Начинай, женщина, — проскрипел Одноглазый. — Гоблин, сопля жучиная, тащи сюда то, что требуется. Я не намерен болтаться тут всю ночь.

Специально для них перед Сари стоял стол — самой ей не требовалась никакая опора. В установленное время она просто концентрировалась на Мургене. Контакт у них обычно возникал быстро. Во время месячных, когда чувствительность падала, она пела на языке нюень бао. В отличие от некоторых братьев по Отряду, у меня нет способности к языкам. А когда речь идет о нюень бао, я вообще ничего не воспринимаю. Пение Сари было похоже на колыбельную, если только слова не имели двойного смысла. Что очень даже возможно. Дядюшка Дой всю жизнь говорит загадками, но не устает повторять, что легче всего понять их смысл, если просто слушать.

Дядюшка Дой нечасто оказывается поблизости. Слава Богу. У него свое собственное расписание — хотя, кажется, даже ему самому не ясно, к чему все это. Окружающий мир заставляет меняться и его, что ему вовсе не всегда нравится.

Гоблин, не обращая внимания на глупые придирки Одноглазого, притащил мешок с каким-то их добром. В последнее время он стал чаще уступать Одноглазому. Наверно, только ради того, чтобы было больше толку. Но зато уж если он не был занят делом, непременно высказывал все, что думает.

Они, наконец, начали выкладывать свои колдовские штучки, но и тут не обошлось без перебранки по поводу того, что куда класть. Ну, просто малые дети! Мне захотелось хорошенько отшлепать их.

Сари запела. У нее прекрасный голос. Жаль, что такой талант пропадает зря. В полном смысле этого слова некроманткой она не была. Не приобретала власти над Мургенем, не заклинала его дух — Мурген был все еще жив, хотя и находился не здесь. Но его дух мог покинуть могилу, если к нему зывали.

Хорошо бы и других Пленных можно было вызывать тоже. В особенности, Капитана. Он сумел бы нас воодушевить, что пришлось бы весьма кстати.

Между Гоблином и Одноглазым, стоявшими у противоположных концов стола, медленно сформировалось что-то вроде пыльного облака. Нет, это была не пыль. И не дым. Я ткнула туда пальцем и лизнула его. Прекрасный, прохладный водяной туман. Гоблин сказал Сари:

— Мы готовы.

Характер ее пения изменился, голос зазвучал почти вкрадчиво. Я смогла разобрать даже некоторые слова.

Голова Мургена материализовалась между колдунами, колыхаясь, точно отражение на покрытом рябью пруде. Я испугалась, но не из-за колдовства, а из-за того, как Мурген выглядел. Точно так, как я запомнила его, без единой новой морщинки на лице. В отличие от всех нас.

Сари теперь выглядела почти так же, как ее мать в Джайкуре. Конечно, не такой грузной. И походка у нее не была такой странной, покачивающейся, от чего у Кы Готы, наверно, и возникли проблемы с суставами. Но красота Сари увядала быстро. Она еще в какой-то степени сохранила ее, хотя обычно женщины нюень бао начинали блекнуть очень рано. Сари никогда не говорила об этом, но, безусловно, страдала. Молча. У нее было свое тщеславие. И не лишенное оснований.

Время — самый беспощадный из всех злодеев.

Мурген, похоже, тоже не испытывал особого восторга, что его зывали. Может, все дело было в недопомощи Сари? Он заговорил. И я прекрасно разбирала каждое слово, хотя он произносил их еле слышным шепотом.

— Мне снился сон. Это место... — Его оживание пошло на убыль, сменившись тусклым ужасом. Мне-то известно, о каком месте шла речь, он описывал его в своих

Анналах. Ему снилось поле, усеянное костями. — Белая ворона... — У нас могла возникнуть проблема, если он предпочтет даже этому проблеску жизни медленное скольжение сквозь сонные туннели Кины.

— Мы готовы нанести удар, — сказала ему Сари. — Радиша приказала созвать Тайный Совет. Посмотри, чем они занимаются. Убедись, что Лебедь там.

Туман, из которого был слеплен Мурген, медленно растаял. Сари выглядела печальной. Гоблин и Одноглазый принялись ругать Знаменосца за то, что он скрылся.

— Я видела его, — сказала я им. — Очень отчетливо. И слышала тоже. Именно так я всегда представляла себе говорящего призрака.

Усмехнувшись, Гоблин ответил:

— Ты потому «слышала», что ожидала этого. На самом деле тебе отлично известно, что слышала ты не ушами.

Одноглазый лишь насмешливо улыбнулся. Он никогда ничего и никому не объяснял. Только, может быть, Готе, если ей случалось застукать его, когда он прокрадывается домой посреди ночи. Тогда он начинал на ходу сочинять какую-нибудь историю, такую же извилистую, как история самого Отряда.

Заговорила Сари, и голос у нее звучал как у женщины, которая очень хочет показать, что ничуть не расстроена.

— Думаю, можно привести сюда Тобо. Ясно, что никаких взрывов и вспышек не будет. И вы прожгли всего-навсего две дыры в крышке стола.

— Какая неблагодарность! — воскликнул Одноглазый. — А что касается дыр, то это случилось лишь потому, что здесь вот этот, который вылитая жаба...

Сари точно не слышала его.

— Тобо может записать рассказ Мургена, а позже Дрема использует это для Летописей. Может быть, Мурген выяснит, что нам угрожает опасность. Тогда надо будет предупредить остальных, послать им сообщение.

Все это входило в наш план. Однако сейчас я испытывала в отношении него еще меньше энтузиазма.

Мне хотелось просто поговорить со старым другом. Но то, что здесь происходило, нельзя было назвать встречей друзей. И расспрашивать о том, как там Бадья, было бы сейчас неуместно.

6

Мурген скользил по Дворцу, точно призрак. Эта мысль показалась ему забавной — в той степени, в какой такого рода ощущения были теперь для него доступны. Ничто на свете больше не могло заставить его смеяться. Пятнадцать лет, проведенных в могиле, плохо сказываются на чувстве юмора.

Увитая ползучими растениями каменная громада Дворца ничуть не изменилась. Разве что он стал еще более пыльным. И еще более остро нуждался в ремонте. За все это надо было сказать «спасибо» Душелову, которая терпеть не могла, когда под ногами болтается много людей. В былые времена во Дворце работало немало профессиональных, хорошо вышколенных служащих, но большинство из них теперь оказались уволены или лишь время от времени выполняли случайную работу.

Дворец стоял на вершине довольно большого холма. Вот уже много поколений подряд каждый правитель Таглиоса считал своим долгом что-нибудь пристроить к нему. Не из-за нехватки места, а просто отдавая дань многовековой традиции. Таглианцы шутили, что через тысячу лет от города ничего не останется — все займет Дворец. Или, точнее, развалины Дворца.

Радиша Драх, как утверждал ее брат, Прабриндрах Драх, пропала во время войны с Хозяевами Теней, но потом была возвращена из небытия вопреки тому, что это могло вызвать недовольство Протектора. После чего провозгласила себя главой государства. Традиционалисты из жрецов не хотели, чтобы в этой роли выступала женщина, но весь мир знал, что Радиша, в некотором роде, обычной женщиной не была. Она относилась к разряду тех, кто, практически, всегда так или иначе добивается своего. Ее слабости существовали главным образом в умах

ее критиков. Однако, завися от епископа, она допустила, по крайней мере, одну из двух крупных ошибок. Или, возможно, обе. Первая — предательство по отношению к Черному Отряду, совершенное вопреки хорошо известному факту, что никто и никогда не получал выгоды от такого вероломства. И вторая ошибка, на которую в особенности напирала жрецы высшего разряда, состояла в том, что Радиша в свое время наняла Черный Отряд. И неважно, что благодаря Отряду удалось избавиться от террора, чинимого Хозяевами Теней. Об этом просто забыли.

Те, кто вместе с Радишей находился в зале собраний, не выглядели ни счастливыми, ни даже довольными. Чисто автоматически взгляд сосредоточивался прежде всего на Протекторе. Душелов выглядела как всегда — лишь отчасти напоминая человека, но все же с элементом чувственности, вся в черной коже, черной маске, черном шлеме и черных кожаных перчатках. Она расположилась немного слева и позади Радиши, в тени. Ей не требовалось выставлять себя на первый план, и без того было ясно, кто тут принимает окончательные решения. Не проходило ни дня, ни часа, чтобы Радиша не обнаруживала еще какую-нибудь причину, заставлявшую ее пожалеть о том, что она поставила себя в зависимость от Душелова. Цена, которую ей приходилось платить за нарушение обещания, данного Черному Отряду, стала уже почти невыносимой. Несомненно, сдержки она свое обещание, и это оказалось бы для нее гораздо менее болезненным. Ничего худшего с ней уже не могло произойти — после того, как она помогла Капитану, а заодно и своему брату, найти дорогу в Хатовар.

С обеих сторон от Радиши на расстоянии пятнадцати футов лицом друг к другу за пюпитрами стояли писцы, которые прикладывали титанические усилия, чтобы успеть записать все, что здесь говорилось. Это делалось во избежание того, что случилось однажды, когда уже после заседания Тайного Совета возникли разногласия по поводу трактовки принятого решения. Одна группа писцов обслуживала Радишу, другая — Душелова.

Перед женщинами стоял стол двенадцати футов на четыре. За его необозримым пространством почти терялись четверо мужчин. На левом конце сидел Лозан Лебедь. Его когда-то чудесные золотые волосы поседели, истончились, а на макушке почти совсем вылезли. Лебедь был здесь чужаком. Лебедь представлял собой комок нервов. Лебедь занимался делом, которое было ему не по душе, но от которого он не мог отказаться. Лебедь — уже не в первый раз в своей жизни — скакал верхом на тигре.

Лозан Лебедь был главой Серых. В глазах простых людей. На самом деле никаким «главой» он не был. Если он открывал рот, то лишь для того, чтобы озвучить мысли Душелова. Ненависть народа, в полной мере заслуженная Протектором, вместо этого обращалась против Лебеда.

Вместе с Лебедем сидели три старших жреца, обязанные своим положением милости Протектора и потому готовые «вилять хвостами» по первому ее зову. Маленькие людишки в большом деле. Их присутствие на Совете было лишь вопросом проформы. Они не принимали участия ни в каких значительных дебатах, но могли получать инструкции. Их функция состояла в том, чтобы соглашаться и поддерживать Душелова, если ей случалось говорить. Показательно, что все трое представляли культ Гунни. Хотя Протектор добивалась исполнения своей воли с помощью Серых, Шадар не имели голоса в Совете. И веднаиты тоже. Последних было слишком мало, что не мешало им неустанно возмущаться поведением Душелова, поскольку, с их точки зрения, она присвоила себе многое из того, что присуще только Богу. Ведна была безнадёжно монотеистична и упрямо держалась за это.

Глубоко внутри, под обволакивающей его пеленой страха, Лебедь был хорошим человеком. При малейшей возможности он говорил за Шадар.

Позади большого стояли два стола поменьше, за которыми, тем не менее, расположились персоны более значительные. Они восседали на высоких стульях и смотрели на всех сверху вниз, точно пара тощих старых грифов. Оба в свое время предвосхитили приход Протектора,

которой пока не удавалось найти подходящего предложения для того, чтобы от них избавиться, хотя они частенько ее раздражали.

По правую руку от нее сидел Генерал-инспектор Протоколов, Чандра Гокхейл. Судя по титулу, его роль сводилась к фиксации и прославлению, но на самом деле все обстояло совсем иначе. Он контролировал финансы и большую часть общественных работ. Старый, лысый, худой, как змея, и вдвое более подлый. Своему назначению он был обязан отцу Радиши. До самых последних дней войны с Хозяевами Теней его роль была крайне незначительной. Именно война стала причиной того, что значение и самой его должности, и его личное влияние существенно расширились. И вдобавок Чандра Гокхейл всегда был готов прибрать к рукам любой, хотя бы незначительный клочок бюрократической власти, до которого смог дотянуться. Он был стойким приверженцем Радиши и непоколебимым врагом Черного Отряда. Что не помешало бы ему, с учетом «ласочьей» натуры, в мгновение ока поменять свои приоритеты, если бы выяснилось, что это повлечет за собой значительные преимущества.

Человек за столом слева был в каком-то смысле еще хуже. Арджана Друпата, жрец культа Рави-Лемна, не имеющий даже представления о том, что такое братская любовь. Он носил официальный титул Пурохита, что означает, более или менее точно, Княжеский Капеллан. На самом же деле именно он был истинным голосом жречества. Выполняя их волю, он вступил в альянс с Радишей в то время, когда она готова была пойти на любые отчаянные уступки, лишь бы обрести поддержку. Подобно Гокхейлу, Друпата интересовался не столько благом Таглиоса, сколько борьбой за власть и прочими политическими играми. Но абсолютно циничным манипулятором он не был. Его частые нравственные увещевания заставляли Протектора вздергивать нос даже чаще, чем постоянные увертки и протесты Генерал-инспектора, который жалел денег на все. Внешне Друпата был знаменит копной буйных седых волос, напоминающей развороченный стог сена, — им явно требовался

хороший гребень, а их владелец, похоже, забыл, что это такое.

Только сами Гокхейл и Друпада не подозревали о том, что их дни сочтены. Протектор Всея Таглиюса не питала к ним ни малейшего расположения.

Последний член Совета отсутствовал. Как обычно. Великий Генерал, Могаба, предпочитал сражаться, что для него означало грабить тех, кого он рассматривал как своих врагов. По его мнению, перепалки во Дворце лишь отвлекали от настоящего дела.

Однако в данный момент на первый план выступила текущая ситуация. Произошли кое-какие Инциденты. Имелись кое-какие Свидетели, которым предстояло Дать Свои Показания. Чувствовалось, что Протектор недоволен.

Поднялся Лозан Лебедь и поманил к себе сержанта Серых, застывшего во мраке позади двух стариков.

— Гопал Сингх. — Никто не обратил внимания на необычное имя. Возможно, он был новообращенный. Случаются и более странные вещи. — Сингх со своими людьми патрулировал район, примыкающий непосредственно ко Дворцу на северной стороне. Сегодня днем они обнаружили молитвенное колесо, установленное на одном из мемориальных столбов перед северным входом. К ручкам колеса было прикреплено двенадцать копий сутры.

Лебедь продемонстрировал маленький бумажный свиток таким образом, чтобы свет упал на написанное. Текст был выдержан в духовном стиле. Лебедь не знал таглианского алфавита и не смотрел в свиток, однако не сделал ни одной ошибки, докладывая, что там написано.

— Раджахарма. Долг Князей. Знай: Княжеский Сан — это доверие. Князь — облеченный высшей властью и наиболее добросовестный слуга народа.

Лебедь не узнал этот стих, такой древний, что некоторые ученые приписывали его авторство кому-то из Князей Света и относили еще к тем временам, когда боги вручали законы предкам нынешних людей. Но Радише Драх этот стих был знаком. И Пурохите тоже. Кто-то укоризненно поднял палец, обращаясь к обитателям Дворца с предостережением и упреком.

Душелов тоже поняла это. Сразу же уловив суть проблемы, она заявила:

— Только монаху Бходи может прийти в голову сделать выговор княжескому дому. А их, как известно, очень мало. — Этот культ, в основе которого лежали миролюбие и высокая нравственность, был еще очень молод и насчитывал в своих рядах совсем немного сторонников. К тому же во время войны он пострадал почти так же сильно, как последователи Кины. Один из принципов Бходи состоял в том, что они отказывались защищать себя. — Я хочу, чтобы нашли человека, который сделал это, — произнесла она голосом сварливого старика.

— М-м-м... — Это все, что сумел выдавить из себя Лебедь.

Спорить с Протектором было неразумно, но такое поручение выходило за пределы возможностей Серых.

Одной из самых пугающих черт Душелова была ее кажущаяся способность читать мысль. На самом деле такой способности у нее не было, в чем, правда, она никогда не признавалась открыто. Пусть люди верят в то, во что им хочется. Это так удобно. Она сказала Лебедю:

— Он же Бходи и, значит, сам отдастся в наши руки. Его даже искать не придется.

— Как это?

— В одной из деревушек Семхи растет дерево, которое называют Деревом Бходи. Очень старое, предмет особого почитания Бходи. Репутацию этому дереву создал, отдохнув в его тени, Бходи-Проливший-Свет. Бходи считают его своей самой большой святыней. Сообщите им, что я прикажу срубить их Дерево, если человек, который установил это молитвенное колесо, не явится ко мне. При чем сделаю это, не откладывая. — На сей раз Душелов использовала голос мелочной, мстительной старухи.

Мурген сделал в уме пометку: сказать Сари, чтобы человека, которого ищет Протектор, убрали за пределы ее досягаемости. Если Душелов и впрямь уничтожит эту святыню, у нее появятся тысячи новых врагов.

Лозан Лебедь открыл было рот, собираясь заговорить, но Душелов перебила его:

— Мне плевать, если они возненавидят меня, Лебедь. Меня интересует только одно — чтобы они подчинялись любому моему повелению. Как бы там ни было, кулак Бходи на меня не поднимут. Не станут они пятнать свою карму.

Циничная женщина наш Протектор.

— Уладь это, Лебедь.

Лозан вздохнул:

— Сегодня вечером появилось еще несколько дымовых «картинок». Одна была гораздо больше, чем прежде. И снова во всех присутствовал символ Черного Отряда.

По его приказанию вперед выступил еще один свидетель-шадарит; он рассказал о том, что толпа забросала их камнями, но не упомянул о демоне Ниасси.

Эти новости никого не удивили: именно они были одной из причин, почему собрался Совет. Радиша спросила, требовательно, но без огня в глазах:

— Как такое могло произойти? Почему ты не помешал этому? Твои люди стоят на каждом углу, не так ли? Чандра? — Она посмотрела на человека, которому было доподлинно известно, как дорого обходится содержание всех этих Серых.

Гокхейл величественно склонил голову.

Пока Радиша задавала свои вопросы, в душе Лебеда поднялась мощная волна протеста, а вместе с ней неизвестно откуда взялось и мужество. В конце концов, хуже того, что с ним случилось, уже не будет. Это не в силах Радиши. И Протектора тоже. Он спросил:

— Ты вообще когда-нибудь выходишь из Дворца? А стоило хотя бы разок изменить облик и отправиться на прогулку. Как Сарагоз в рассказах о феях. На улицах полно народу. Одни спят прямо посреди дороги, другие перешагивают через них. Проходы между домами и переулки задыхаются от бездомных. Иногда скученность настолько велика, что можно убить человека в десяти футах от моих людей и уйти незамеченным. Люди, играющие в эти игры с дымовыми картинками, вовсе не глупы. А если они и в самом деле из Отряда, то не глупы тем более. Хотя бы потому, что умудрились уцелеть, несмотр-

ря на все, что против них предпринималось. Они используют толпу как прикрытие точно так же, как в свое время использовали скалы, деревья и кусты. Они не носят формы. Они ничем не выделяются. И уж, конечно, они не иноземцы. Если ты действительно хочешь схватить их, издай указ, что они обязаны носить особого покроя красные шляпы. — Мужество Лебеда просто било ключом. Но оно было направлено не против Радиши. Она — не по своей охоте, а под давлением Душелова — издала несколько указов, незабываемых по своей абсурдности. — Доктрина Отряда для этих людей — не пустой звук, и они не околачиваются поблизости, когда появляются их дымовые эмблемы. До сих пор мы не можем даже вычислить, каким образом эти картинки возникают.

Из горла Душелова вырвалось глухое рычание. Это означало, что она сомневается в способности Лебеда узнать хоть что-то. Его мужество тут же начало таять, точно оплывающая свеча. На лбу выступил пот. Он знал, что, имея дело с этой безумной, ходит по туго натянутому канату. Его терпели, как запаршивевшее домашнее животное, однако причины такой снисходительности были ясны только самой колдунье. Она очень часто руководствовалась в своих действиях сиюминутным капризом, который в любой момент мог обернуться чем-то прямо противоположным.

Его могли сместить в любой момент. Найдутся и другие. Душелова не интересовали факты, непреодолимые препятствия или простые трудности. Ее интересовали результаты.

Лебедь сбавил тон:

— К числу плюсов можно отнести то, что даже самые ловкие наши осведомители не обнаружили ничего, кроме этих «шалостей» с картинками. Следовательно, их можно рассматривать как всего лишь низкопробную и мелкую неприятность. Даже если за всем этим стоят те немногие из Черного Отряда, кто сумел уцелеть... и даже с учетом вечерних беспорядков.

— Им никогда и не стать ничем, кроме «мелкой неприятности». — На этот раз Душелов говорила голосом

решительной девочки-подростка. — С ними покончено. Я вырвала у Отряда сердце, когда похоронила всех их вожаков. — Теперь это был мужской голос, голос человека, привыкшего к неукоснительному повиновению. Но уже сам тот факт, что эти слова прозвучали, был равносильен косвенному признанию, что кое-кто из членов Отряда, возможно, все еще жив, а повышенная интонация, с которой был произнесен конец фразы, свидетельствовала о потенциальной неуверенности. Существовал целый ряд вопросов, связанных с тем, что именно произошло на равнине Сияющего Камня, на которые сама Душелов не могла дать ответ. — Вот если они сумеют вызвать их из мертвых, тогда я и начну беспокоиться.

Она не знала, возможно ли это.

Поистине, мало что происходит так, как мы планируем. Ее бегство вместе с Лебедем было делом чистой удачи. Но Душелов была не из тех, кто верит, что сияющий лик Фортуны будет обращен к ней всегда.

— Вероятно, ты права. Только это и важно, если я правильно тебя понял.

— Другие Силы Зашевелились, — с расстановкой сказала Душелов голосом сивиллы.

— Появились новые слухи, связанные с Обманниками, — сообщила Радиша, вызвав всеобщую испуганную реакцию, в том числе и у бестелесного шпиона. — Недавно из Дежагора, Мелдермхая, Годжи и Данжиля пришли сообщения о людях, убитых в классической манере Душил.

Лебедь уже явно пришел в себя.

— Когда речь идет о классической работе Душил, только убийцы и знают, что именно произошло. Они не террористы в обычном понимании этого слова. Тела пройдут через их религиозные обряды и будут похоронены в святом месте.

Радиша проигнорировала его замечания.

— Сегодня удушение произошло здесь. В Таглиосе. Жертва — некий Перхюль Кноджи. Он умер в доме радости, специализирующемся на очень молоденьких девушках. Считается, что таких мест больше не существует,

и все же они есть. — Это было обвинение. Серым вменялось в обязанность громить такого рода притоны. Но Серые работали на Протектора, а Протектора это не волновало. — Я так понимаю, у нас по-прежнему продается все, что угодно.

Национальная мораль пребывала в коллапсе, и в этом некоторые винули Черный Отряд. Другие считали, что виновато правящее семейство. Находились даже те, кто упрекал Протектора. На самом деле не имело значения, кто именно виноват, равно как и тот факт, что большинство самых грязных пороков поселились здесь почти с тех самых пор, как первая грязная хибарка выросла на берегу реки. Таглиос изменился. И люди, впавшие в отчаяние, готовы на все, чтобы выжить. В такой ситуации только дурак может рассчитывать на хороший результат.

— Кто такой Перхюль Кноджи? — спросил Лебедь, оглянувшись через плечо на своего собственного писца. Его интересовало, почему Радише известно об этом убийстве, а ему нет. — Может быть, он просто получил то, за чем пришел? Увеселения с молоденькими девицами иногда заканчиваются весьма печально.

— Очень может быть, что Кноджи действительно получил по заслугам, — сказала Радиша с оттенком горького сарказма. — Как веднаит он сейчас обсуждает это со своим богом, так я себе представляю. Нас интересует не мораль этого человека, Лебедь. Все дело в его положении. Он был одним из главных помощников Генерал-инспектора. Собирал налоги в Чессе и на побережье, в восточных областях. Его смерть создаст нам проблемы на месяцы. Подведомственные ему области приносили существенную часть годового дохода.

— Может быть, кто-то из должников...

— Его юная приятельница осталась жива. Именно она позвала на помощь. Явились те, кто в таких местах призван улаживать неприятности. Это — работа Душил. Убийство, совершенное в качестве вступительного взноса. Правда, кандидат в Душилы оказался не на высоте. Тем не менее, с помощью своего румеля он сумел-таки сломать Кноджи шею.

— Так их захватили.

— Нет. Там была та, кого они называют Дочерью Ночи. Наблюдала за удушением.

Итак, парни с крепкими мускулами испугались до умопомрачения, как только узнали ее. Ни Гунни, ни Шадар не хотели верить, что Дочь Ночи была просто отвратительной молодой женщиной, а не мистической фигурой. Среди таглианцев, какой бы религии они ни придерживались, мало у кого хватило бы мужества попытаться в чем-то помешать ей.

— Хорошо, — уступил Лебедь. — Похоже, это и в самом деле были Душилы. Но откуда известно, что там присутствовала Дочь Ночи?

Душелов рывкнула, не сдержав раздражения:

— Оттуда, что она сама сказала им, кто она такая, кретин! «Я — Дочь Ночи. Я — Дитя Тьмы, Которая Грядет. Отправляйся к моей матери или молись зверям опустошения в Годину Черепов.» Типичный для нее злоеущий набор. — Теперь голос Душелова звучал монотонно, больше всего напоминая голос образованного скептика среднего уровня. — Не забывай, что она настоящий вампир, а в детстве была точной копией моей сестры.

Дочь Ночи не боялась никого и ничего. Она знала, что ее духовная мать — Кина-Разрушитель, Темная Мать — обеспечит ее защиту. Даже несмотря на то, что эта богиня просыпалась не чаще, чем раз в десять лет. Слухи о Дочери Ночи никогда не утихали среди городских низов. Очень многие люди верили, что она действительно та, кем себя провозглашает. И это лишь добавляло ей власти над человеческим воображением.

Другой слух, со временем угасший, связывал Черный Отряд с предсказанной Киной Годиною Черепов, которая наступит тогда, когда таглианское государство встанет на путь предательства своих наемных защитников.

Обманщики и Отряд оказывали на людей в чем-то схожее психологическое воздействие, в результате чего молва значительно преувеличивала их численность. Превращение в призраков сделало и тех, и других более путающими.

Важнее всего, однако, было то, что Дочь Ночи появилась в самом Таглиосе. И проявила себя публично. А там, где проходила Дочь Ночи, за ней по пятам, точно верный шакал, следовал вождь всех Обманников, живая легенда, живой святой Душил Нарайан Сингх — и тоже делал свое злое дело.

Мурген подумал, что, может быть, ему стоит прервать свою миссию, чтобы предостеречь Сари, посоветовать ей отозвать всех, кто уже начал действовать, и оценить ситуацию с учетом этих новостей. Хотя, скорее всего, остановить раскручивающийся маховик событий сейчас уже не удастся. Что бы ни происходило.

Нарайан Сингх был самый заклятым врагом Черного Отряда. Ни Могабу, ни даже Душелова, старого, очень старого противника Отряда, не ненавидели так страстно, как Нарайана Сингха. Сингх и сам, мягко говоря, не питал любви к Отряду. Когда-то он позволил себя захватить. И потом потратил немало времени, досаждая Отряду с помощью самых разных приверженцев зла. Многих он считал своими должниками, и ему нравилось собирать долги, а его богине, должно быть, нравилось попустительствовать ему в этом.

Тайный Совет, как обычно, очень скоро выродился в нытье и тыканье друг в друга пальцем. При этом Пурохита и Генерал-инспектор маневрировали, пытаясь сваливать вину друг на друга и, если удастся, на Лебеда. Пурохита мог рассчитывать на поддержку трех «ручных» жрецов — если только это не противоречило планам Душелова. Генерал-инспектор обычно имел счастье опираться на поддержку Радиши.

Эти перебранки были, как правило, продолжительными, но мелочными, скорее символическими, чем затрагивающими существо дела. Протектор не позволяла им разрастаться в то, чего не одобряла.

Мурген уже собрался удалиться — его присутствие так и не было замечено, — но тут в зал ворвались два княжеских стражника и направились к Лозану Лебедю, хотя он не был их капитаном.

Возможно, они просто не сочли нужным беспокоить непредсказуемого Протектора, свою официальную начальницу.

Лебедь выслушал их, а потом ударил кулаком по крышке стола.

— Проклятие! Я так и знал, что это больше, чем «мелкая неприятность».

Он протопал мимо Пурохиты, одарив его презрительным взглядом. Эти двое терпеть не могли друг друга.

Началось, подумал Мурген. Тогда — срочно обратно на склад До Трана. То, что пришло в движение, уже не остановить. Однако нужно немедленно рассказать находящимся в штабе о Нарайане и Дочери Ночи, чтобы они как можно быстрее занялись ими.

7

Сари бывала разной, очень разной — точно актер, который снимает с лица одну маску и надевает другую. То — некромантка, заговорщица, безжалостная, коварная, холодно расчетливая. То — «соломенная» вдова Знаменосца и официальный Летописец Отряда. Иногда же просто нежно любящая мать Тобо. А всякий раз, отправляясь в город, она превращалась вообще в совершенно другое существо, которое звали Минх Сабредил.

Минх Сабредил принадлежала к отбросам общества. Метиска, внебрачный ребенок жреца Кхусы и шлюхи нюень бао. Минх Сабредил знала о своем прошлом больше, чем половина людей на улицах Таглиоса о своем, и постоянно сама с собой разговаривала на эту тему. И готова была рассказывать о себе всякому, кто хотел слушать.

Эта жалкая, обделенная судьбой женщина очень рано превратилась в согбенную старуху. Даже люди, которые никогда не сталкивались с ней, узнавали Минх Сабредил по маленькой статуэтке Чангеша, которую она везде таскала с собой. Того самого бога Чангеша, которому, согласно верованиям Гунни и некоторых нюень бао, подчинялась удача. Минх Сабредил разговаривала с Чангешем, когда больше слушать ее было некому.

Овдовев, Минх Сабредил вынуждена была содержать свою единственную дочь, выполняя самую грязную работу во Дворце. Каждое утро перед рассветом она оказывалась среди других бедолаг, которые собирались у северной задней двери для слуг в надежде получить работу. Иногда она брала с собой Саву, полоумную сестру покойного мужа. Иногда приводила дочь, хотя довольно редко. Девочка уже была достаточно большой и могла привлечь нежелательное внимание.

Младший помощник домоправителя Джауль Барунданди выходил и сообщал количество рабочих мест, имеющихся в распоряжении на сегодняшний день, а потом отбирал людей, которые займут их. Барунданди всегда указывал на Минх Сабредил, потому что, хотя в сексуальном отношении она его не интересовала, он мог рассчитывать на щедрую часть ее заработка. Минх Сабредил была в отчаянном положении.

Барунданди забавляла статуетка Сабредил, с которой та никогда не расставалась. Как гуннит и приверженец Кхусы, он часто включал в свои молитвы просьбу о том, чтобы его обошла стороной «удача», выпавшая на долю Сабредил. Никогда не признаваясь в этом своим товарищам по вере, он испытывал к Сабредил некоторое расположение из-за того, что ей достался такой жалкий отец. Подобно большинству других негодяев, он был злым не всегда, а лишь большую часть времени и главным образом мелочными способами.

Сабредил, она же Кы Сари, никогда не молилась. Кы Сари не привыкла полагаться на помощь богов. Не подозревая о том, что в душе Барунданди существовал крошечный уголок, где жили добрые чувства, она уже спланировала его судьбу. Когда придет время, у этого хищника будет время и возможность пожалеть о своих грязных делишках.

И не только у него — на всех необъятных просторах Таглианской империи. Когда придет время.

Мы прошли сквозь лабиринт заклинаний, которыми Гоблин и Одноглазый в течение долгих лет опутывали наш

штаб с целью сбить с толку любого, приближающегося к нему.

Тысяча искусно переплетенных слоев тонкой ткани обмана, такой неуловимой, что только сама Протектор могла бы обнаружить ее.

Но Душелов не бродила по улицам, выискивая убежища врагов. На то у нее имелись Серые, и Тени, и летучие мыши, и вороны. А эти ее соглядатаи были слишком тупы, чтобы заметить, как их уводили прочь или искусно препровождали через эти области таким образом, что они полагали, будто находятся совсем в другом месте. Два маленьких колдуна неустанно поддерживали и расширяли свой запутанный лабиринт. В результате в пределах двух сотен ярдов от нашей штаб-квартиры ни один человек теперь не оказывался просто так, по своей охоте. Только если его туда приводили специально.

Мы пересекли лабиринт безо всякого труда — с веревочными браслетиками на запястьях. Они разгоняли мираж, который видели другие люди, позволяя воспринимать вещи такими, какими они были на самом деле.

Вот каким образом мы зачастую узнавали о планах Дворца еще до того, как они начинали осуществляться. Минх Сабреди, а иногда и Сава во время «работы» прежде всего занимались подслушиванием.

— С какой стати мы тащимся в такую рань? — пробормотала я.

— С такой, что как бы рано мы ни встали, будут те, кто опередит нас.

В Таглиосе множество отчаявшихся людей. Некоторые даже раскидывали лагерь неподалеку от Дворца, но не ближе, чем позволяли Серые.

Мы оказались в районе Дворца на несколько часов раньше, чем обычно. Было еще темно, и это позволило нам посетить некоторых братьев из Отряда, которые жили, а иногда и работали в городе под видом простых людей. Разговаривала с ними Минх Сабредил, а Сава следовала за ней по пятам, пуская слюну уголком изогнутого рта.

Большинство братьев не узнавали нас. Они и не ожидали, что это произойдет. Они думали, что услышат кодо-

вое слово — этого было достаточно, чтобы выполнить все указания, переданные через посланцев. Наши люди и сами часто меняли облик. Предполагалось, что каждый брат Отряда должен разработать для себя несколько разных образов, которые мог бы принимать на людях. У некоторых это получалось лучше, у других хуже. Последним давали менее рискованные задания.

Сабредил посмотрела на осколок луны, на мгновение выглянувший сквозь прореху в облаках.

— Пора идти.

Я что-то проворчала, нервничая. Прошло много времени с тех пор, как я принимала участие в предприятии, более опасном, чем слоняться вокруг Дворца или ходить в библиотеку. Но сегодня события могли начать развиваться самым непредсказуемым образом, и требовалось, чтобы я лично приняла в них участие.

— Такие облака бывают перед сезоном дождей, — заметила я.

Обычно сезон дождей начинается позже, принося с собой бесконечные ливни, весь день напролет. Погода словно срывается с цепи, с безумными температурными перепадами и градом, а гром гремит так, точно все боги пантеона Гунни упились в доску и скандалят. Но все же жару я не люблю гораздо больше.

Тагианцы делают год на шесть сезонов. Только во время одного, который они называют зимой, наступает хоть какое-то облегчение от жары.

— Стала бы Сава обращать внимание на облака? — спросила Сари.

Она была сторонницей того, чтобы ни при каких обстоятельствах не выходить из образа. В городе, где правит тьма, никогда не знаешь, чьи глаза наблюдают из темноты, чьи невидимые уши насторожались, подслушивая.

— М-м-м... — Это была, наверно, самая умная вещь, которую Сава когда-либо произносила.

— Пошли.

Сабредил взяла меня за руку и повела, как всегда, когда мы отправлялись на работу во Дворец. Когда мы добрались до главного северного входа, который находился всего в

сорока ярдах от задней двери для слуг, там горел единственный факел — как предполагалось, для того, чтобы стражники могли следить за тем, что происходит снаружи. Но он был установлен так неудачно, что помогал им видеть лишь честных людей. Когда мы были уже совсем рядом, кто-то прокрался вдоль стены, подпрыгнул и накинул на факел мешок из влажной сыромятной кожи.

Один из стражников грубо выругался — значит, заметил. Интересно, хватит у него глупости отправиться посмотреть, что случилось?

Скорее всего, да. Тронная Стража уже на протяжении многих десятилетий не сталкивалась ни с какими серьезными неприятностями и стала довольно беспечной.

Край луны скрылся за облаками, и тут же какая-то тень проскользнула в сторону входа во Дворец.

Наступал тот этап нашего замысла, который требовал особой ловкости.

Звуки, обычно сопровождающие драку. Испуганный вскрик. Треск, стук, лязг металла — когда люди врывались в ворота. Вопли. Свист. Ответный свист с разных сторон. Пока все точно в соответствии с планом. Через некоторое время свист, доносившийся со стороны входа во Дворец, стал ужасно пронзительным.

Когда идея только обсуждалась, возникли серьезные дебаты по поводу того, должно ли нападение быть реальным. Складывалось впечатление, что одолеть стражу у входа не составит труда. Некоторые решительно настроенные, уставшие от ожидания люди настаивали на том, чтобы ворваться внутрь, убивая всех подряд.

Какое-то удовлетворение это, безусловно, принесло бы, но уничтожить Душелова мы бы наверняка не смогли. К тому же, такое массовое убийство ни в какой мере не способствовало бы осуществлению наших планов освобождения Плененных, что считалось нашей главной задачей.

Я постаралась убедить всех, что тактика отвлечения внимания и «запуаривания» мозгов сработает гораздо лучше. В старой манере, почерпнутой из Летописей. Заставить врага думать, что у нас на уме одно, а на самом деле

сделать нечто совсем другое. Выманить их из караульного помещения — пусть погоняются за нами там, где никого нет, в то время как мы будем действовать совершенно в другом месте.

Сейчас, когда Гоблин и Одноглазый сделались совсем старыми, наши уловки должны быть все более и более изощренными. К сожалению, у колдунов не хватило бы ни силы, ни выносливости, чтобы создать и поддерживать иллюзию серьезной потасовки. И обучить Сари своим секретам они не могли, даже если бы захотели. Ее талант имел совсем другую направленность.

Первые Серые, которые прибежали на шум, угодили в засаду. Последовала жестокая схватка, но все же несколько Серых ухитрились прорваться ко входу во Дворец и присоединиться к защищавшим его охранникам.

Сабредил и я заняли позицию у стены, между главным входом и тем, который предназначался для слуг. Сабредил крепко сжимала в руке своего Чангешу и что-то шептала. Сава вцепилась в нее, неся всякую чушь и время от времени негромко вскрикивая от испуга.

Хотя свалка оказалась достаточно серьезной, нападающим не удалось пробиться сквозь заслон защитников. Потом прибыла помощь изнутри. Лозан Лебедь и взвод Тронной Стражи выскочили наружу. Нападающие мигом рассеялись. Настолько быстро, что Лебедь закричал:

— Стойте! Здесь что-то не так!

Внезапно ночь как будто взорвалась. Воздух начали со свистом рассекать огненные шары. О них уже и думать забыли — это оружие никто не пускал в ход со времен тяжелых боев в конце войны с Хозяевами Теней. Тогда Госпожа создавала его в огромных количествах, но, кроме нее, этого не мог делать никто. То, что уцелело, приходилось заботливо экономить. Сейчас, согласно нашему плану, стреляли те из нападающих, которые прежде устроили сражение у входа. Их задачей было отделить Лебеда от Стражи и Серых.

От этого зависела его жизнь.

Шары начали падать в стороне от Сабредил и меня. Лебедь был явно испуган. Когда огненный шар упал у

самого входа, отрезая его от остальных, он, как и предполагалось, отступил к служебному входу. Мимо нас.

Добрый старый Лебедь. Можно подумать, что он читал разработанный мной сценарий. Когда его люди, спасаясь от огненных шаров, бросились в разные стороны, он шарахнулся к стене, едва успев уклониться от очередного снаряда. Над нашими головами летели расплавленный камень и ломти горячей плоти, и я подумала, что, наверно, мы немного перестарались. Просто забыли, какой разрушительной силой обладает это оружие.

Лебедь споткнулся о ногу, которую выставила Сабредил. Грохнувшись на булыжную мостовую, он обнаружил, что над ним склонилась бормочущая какую-то чушь идиотка. Кошпик ее кишжала упирался ему под подбородок.

— Попробуй только пикнуть, — прошептала она.

Огненные шары ударялись о стену Дворца и расплавляли ее, прожигая себе путь внутрь. Деревянная дверь у входа пылала. Света хватало, и братья прекрасно разглядели сигнал, свидетельствующий о том, что нужный человек у нас в руках. Огонь стал более прицельным. Все новые и новые Серые сбегались на помощь, и нападающие стали отступать. Двое братьев подбежали к Лебедю, «освободили» его, ударили и обругали нас. Подхватили Лебеда и потащили его с собой, догоняя других отступающих, волна которых хлынула прочь от Дворца под натиском мощного сопротивления охраны.

Когда они исчезли во мраке, случилось то, чего мы опасались больше всего.

Душелов вышла на зубчатую стену, чтобы посмотреть, что происходит. Сабредил и я поняли это, потому что, как только ее заметили, сражение сразу же прекратилось на несколько секунд. Потом град огненных шаров полетел точнехонько туда, где она стояла.

Нам повезло. Она была в такой степени не подготовлена к происходящему, что не придумала ничего лучшего, как просто присесть. Тогда наши братья сделали то, что и планировались, — бросились вниз по склону холма и затерялись среди людей прежде, чем Протектор смогла пустить по их следу своих летучих мышей и ворон.

Я не сомневалась, что они разлетятся по всему городу в течение нескольких минут. Так же, как и слухи, один абсурднее другого. Если люди не ударятся в панику.

Сабредил и Сава подошли поближе ко входу для слуг. Мы просто стояли, поддерживая друг друга, бормотали и нашептывали свои глупости и в страхе поглядывали на горящие трупы, когда испуганный голос требовательно спросил:

— Минх Сабредил, что ты тут делаешь?

Джауль Барунданди. Наш начальник. Я даже головы не подняла. И Сабредил не отвечала, пока Барунданди не подтолкнул ее носком башмака и повторил свой вопрос. В его тоне, однако, не чувствовалось злости.

— Мы решили придти сегодня пораньше. Саве очень нужна какая-нибудь работа. — Сабредил оглянулась по сторонам. — Где остальные?

Где им еще было быть, остальным. Тем четверым или пятерым, что страстно жаждали оказаться первыми в очереди на получение работы. Естественно, они разбежались. Интересно, много ли им удалось заметить до того, как они бросились наутек? Предполагалось, что это произойдет, как только начнут падать огненные шары и возникнет паника, то есть, до того, как Лебедь окажется рядом с нами, но я не могла вспомнить, так ли все это было.

Сабредил повернулась к Барунданди. Я крепче вцепилась в ее руку и жалобно заскулила. Она успокаивающе похлопала меня по плечу и пробормотала что-то невразумительное. Барунданди, казалось, купился на этот спектакль, в особенности, когда Сабредил пожаловалась ему, что один из хоботов Чангеша отломился, заплакала и принялась обыскивать все вокруг.

У главного входа толпились ошарашенные охранники и еще не прочухавшиеся после сна служащие. Все спрашивали друг у друга, что случилось и что нужно делать. Вот дерьмо! Некоторые из огненных шаров прожгли стену, а ведь она в шесть-восемь футов толщиной! Шадариты, которые прибыли, чтобы забрать мертвых и раненых Серых, тоже ломали себе голову над происшедшим.

Голос Джауля Барунданди помягчел. Он подозвал кого-то из своих служащих.

— Проводи этих двоих внутрь. Будь пообходительней. Может быть, с ними захочет поговорить кто-нибудь, кто поважнее.

Я надеялась, что не подведу. Хотя, по-моему, лучше бы нам было вообще отсюда убраться, раз «важные» люди могли заинтересоваться тем, что видели две женщины, относящиеся чуть ли не к разряду неприкасаемых. Такого на моей памяти не случалось ни разу.

8

Я могла не беспокоиться. С нами побеседовал сильно выбитый из колеи сержант Охраны и делал он это, по-видимому, только ради того, чтобы убаготворить Джауля Барунданди. Который, так считал вояка, просто хотел подольститься к вышестоящим, предоставив им свидетелей, своими глазами видевших разыгравшуюся трагедию.

Поняв, что никакого толку не будет, сержант утратил к нам всякий интерес. Спустя несколько часов мы все же оказались внутри. Тут по-прежнему царило всеобщее возбуждение, а предводители Тронной Гвардии и Серых наводняли Дворец все новыми и новыми солдатами и рассылали по солдатским баракам все новых и новых шпионов, на всякий случай — а вдруг солдаты так или иначе замешаны в нападении? В это время Минх Сабредил и ее идиотка-невестка уже тяжело трудились. По указанию Барунданди приводили в порядок комнату, где собирался Тайный Совет. Там все было вверх дном. Впечатление такое, что кто-то вышел из себя и, срывая свою ярость, принялся крушить все вокруг.

— Сегодня придется как следует потрудиться, Минх Сабредил. Этим утром пришло совсем мало народу. — В словах Барунданди чувствовалась искренняя горечь. Из-за налета большинство наемных работников разбежались, и, значит, ему перепадет меньше денег, которые он с них сдирал. Ему даже в голову не приходило поблагодарить

судьбу за то, что он вообще остался жив. — Как она, в порядке?

Он имел в виду меня. Саву. Я все еще весьма натурально вздрагивала.

— Все будет хорошо, пока я рядом. Не стоит перевозить ее сегодня в другое место, где она не сможет меня видеть.

— Ладно, работы и здесь хватит, — проворчал Барунданди. — Только старайтесь не попадаться никому на глаза.

Минх Сабредил кивнула. Скромница, ничего не скажешь. Усадив меня на огромный стол, она нагромоздила туда же целую гору ламп, подсвечников и прочего в том же духе. Я заставила себя полностью сосредоточиться на работе, как это сделала бы Сава, и принялась их чистить. Сабредил приводила в порядок пол и мебель.

Люди входили и уходили, в том числе и важные персоны. Никто не обращал на нас внимания, только Генерал-инспектор Чандра Гокхейл раздраженно оттолкнул Сабредил, которая скоблила пол как раз там, где ему захотелось пройти.

Сабредил, стоя на коленях, поклонилась и робко извинилась. Гокхейлу было на нее наплевать. Она принялась подтирать разлившуюся воду, не проявляя никаких эмоций. Минх Сабредил восприняла все случившееся как должное. Но вполне может быть, что как раз в этот момент у Кы Сари сформировалось совершенно определенное мнение относительно того, кто из наших врагов будет следующей мишенью после Лозана Лебеда.

Появились Радиша с Протектором и уселись на свои места. Вскоре, точно из воздуха, возник Джауль Барунданди — чтобы увести нас оттуда. Сава, казалось, не замечала ничего, сосредоточившись исключительно на подсвечниках.

Торопливо вошел высокий капитан-шадарит.

— Ваше Высочество, согласно предварительным подсчетам, погибло девяносто восемь и ранено сто двадцать шесть человек, — сообщил он. — Не вызывает сомнений, что некоторые из последних умрут от ран. Министр Лебедь не найден, но многие тела так сильно обожжены,

что это затрудняет идентификацию. Те, в кого угодили огненные шары, вспыхивали, точно смоляные факелы.

Капитану стоило немалых усилий сохранять спокойствие. Совсем молодой человек, он наверняка до сих пор не сталкивался с последствиями реального сражения.

Я продолжала работать, изо всех сил стараясь не выходить из образа. Мне не случалось находиться так близко к Душелову с тех пор, как пятнадцать лет назад она захватила меня и удерживала в плену. Не слишком приятные воспоминания. Дай Бог, чтобы она не узнала меня.

Я все глубже погружалась в себя, отрешаясь от всего окружающего и отыскивая внутри собственной души безопасное местечко. Необходимости прятаться здесь не возникало со времени моего пленения. Петли на дверях заржавели, но я все же нашла туда дорогу и теперь могла ни о чем не волноваться до тех пор, пока оставалась Савой. Сосредоточенность и самоуглубленность не мешали мне следить за тем, что происходит вокруг.

Протектор внезапно спросила:

— Кто эти женщины?

Барунданди завилал хвостом.

— Простите, Ваши Сиятельства. Простите. Моя вина. Я не знал, что эта комната может понадобиться.

— Отвечай на вопрос, домоправитель, — приказала Радиша.

— Конечно, Ваше Сиятельство. — Барунданди поклонился чуть не до полу. — Женщина, которая скребет пол, Минх Сабредил, вдова. Вторая — се дурочка-невестка, Сава. Они не служат во Дворце постоянно, мы даем им работу время от времени в соответствии с благотворительной программой Протектора.

— У меня такое чувство, словно я видела одну или, может быть, даже обеих прежде, — задумчиво проронила Душелов.

Барунданди снова низко поклонился. Этот неожиданный интерес пугал его.

— Минх Сабредил работает здесь много лет, Протектор. Сава помогает ей, когда ее разум проявляется настолько, что можно поручать ей несложные задачи.

Я чувствовала, что он решает для себя вопрос, стоит ли упомянуть о том, что мы были непосредственными свидетельницами утреннего нападения. Потом я настолько глубоко погрузилась в себя, что пропустила происшедшее на протяжении нескольких последующих минут.

Барунданди, по-видимому, пришел к выводу, что лучше помалкивать. Может, он боялся, что при более детальном расспросе вылезет наружу тот факт, что мы были вынуждены отдавать ему половину своего ничтожного заработка. Только за право делать работу, от которой руки превращались в кровоточащие, ноющие от боли клешни.

В конце концов Радиша сказала ему:

— Оставь нас, домоправитель. Пусть работают. Сейчас здесь не будет решаться судьба империи.

И Душелов махнула рукой в перчатке, прогоняя Барунданди, но внезапно остановила его, требовательно спросив:

— Что там валяется на полу рядом с этой женщиной?

Она, конечно, имела в виду Сабредил, поскольку я сидела на столе.

— А? Ох... Чангеш, Ваше Сиятельство. Эта женщина повсюду таскает его с собой. Она на нем просто помешана. Он...

— Ладно, иди.

Так вот и получилось, что, по крайней мере, Сари на протяжении почти двух часов присутствовала при том, как обсуждались сокровеннейшие проблемы реакции властей на наше нападение.

Спустя некоторое время я тоже очнулась — не слишком поздно, чтобы понять, что происходит вокруг. Курьеры приходили и уходили. Постепенно стала вырисовываться общая картина, достаточно всеобъемлющая и без прикрас. Никакой реальной причины именно сейчас устраивать утреннюю заварушку ни у армии, ни у простого народа не было. Как и ожидалось. Но все равно Радиша восприняла это как хорошую новость.

Однако Протектор была и умнее, и подозрительнее. Циничная женщина.

— Никого из нападавших не удалось захватить в плен, — сказала она. — Нет ни трупов, ни раненых. Если разобраться с этой историей поближе, получается, что они сделали все, чтобы избежать малейшего риска. И при первой же возможности сбежали с такой скоростью, точно за ними гнались. К чему тогда все это? В чем состояла их истинная цель?

Чандра Гокхейл заметил, вполне резонно:

— Похоже, атака резко пошла на убыль, как только ты сама появилась на поле сражения. Именно в этот момент все бросились наутек.

— Некоторые очевидцы слышали, как бандиты спорили между собой, ты ли это на самом деле, Протектор, — вмешался в разговор капитан-шадарит. — Кажется, они рассчитывали, что тебя нет во Дворце. Может, нападение вообще не состоялось бы, если бы они знали, что ты здесь.

Я считаю, что это полезно — морочить врагу голову. Похоже, в данном случае это сработало.

— Все равно все в целом не имеет смысла. Что за безумная идея? — Она не рассчитывала на ответ и не стала дожидаться его. — Удалось опознать хоть какие-то сожженные тела?

— Только три, Протектор. Большинство останков выглядят так, что опознание фактически невозможно.

— Чандра, каковы материальные повреждения? — спросила Радиша. — Ты уже получил донесение специалистов?

— Да, Радиша. Ничего хорошего они не говорят. В стене, по-видимому, произошли некоторые внутренние повреждения. Полную оценку мы получим несколько позже. Можно с уверенностью сказать лишь то, что на протяжении некоторого времени стена будет не слишком надежно защищать Дворец. Предлагаем на твоё рассмотрение следующее. Обнести область восстановительных работ деревянной стеной-куртиной. И обдумать, не стоит ли ввести туда дополнительное воинское подразделение.

— Солдат? — спросила Протектор. — Зачем нам здесь еще солдаты?

В ее голосе, долгое время остававшемся нейтральным, зазвучали подозрительные нотки. Братья Черного Отряда все как один в разное время и разных ситуациях страдали паранойей, но, когда вообще не имеешь друзей, это тяжкое заболевание практически неизбежно. И не в самой легкой форме.

— Потому что Дворец слишком велик, чтобы защитить его с теми людьми, которые имеются в нашем распоряжении сейчас. Даже если вооружить всех служащих. Врагу вовсе не обязательно для проникновения внутрь использовать только входы. Можно, скажем, перелезть через стену на участке, за которым не ведется наблюдение.

— Во Дворце заплутает любой, у кого нет подробной карты, — вставила Радиша. — Я знала лишь одного человека, передвигавшегося тут совершенно свободно. Копченого, который много лет назад был нашим придворным колдуном. Для этого нужно иметь особое чутье.

Генерал-инспектор заметил:

— Если нападение было организовано кем-то из случайно уцелевших членов Черного Отряда — а огненные шары позволяют усмотреть тут некоторую связь, несмотря на то, что Отряд в целом был уничтожен Протектором, — тогда, возможно, у них есть карты коридоров Дворца, изготовленные в те времена, когда люди Освободителя были расквартированы здесь.

— Карту Дворца составить невозможно, — настаивала Радиша. — Мне точно известно. Я пыталась.

А вот за это, Княгиня, нужно благодарить Гоблина и Одноглазого. Много лет назад Капитан добился, чтобы наши колдуны оплели отдельные участки Дворца паутиной своих заклинаний. Имелись кое-какие вещи, которые, так он считал, Радиша ни в коем случае не должна обнаружить. Среди них были и древние тома Летописей, в которых, как предполагается, объясняется тайна возникновения Отряда. До них пока никто так и не добрался. Только Минх Сабредил знала, где искать эти книги. При малейшей возможности она проникала туда, вырывала несколько страниц и

потихоньку выносила для меня. Потом я брала их с собой в библиотеку и, когда никто не видел, переводила понемногу, надеясь когда-нибудь наткнуться на ту единственную фразу, которая поможет нам освободить Плененных.

Сава чистила латунь и серебро. Минх Сабредил скребла пол и мебель. Члены Тайного Совета и их помощники приходили и уходили. Паника понемногу утихала, поскольку никаких новых нападений не происходило. Жаль, что нас слишком мало, чтобы беспокоить их снова и снова через каждые несколько часов.

Душелов все время сохраняла нехарактерное для нее спокойствие. Только Капитан, Гоблин и Одноглазый знали Отряд лучше, чем она, хотя, в отличие от них, она знала его не изнутри. Она понимала — чула, — что все не так просто. Нет, отнюдь нет.

Я от всей души надеялась, что она так и не разгадает загадку сегодняшнего нападения, хотя и опасалась, что ей уже многое ясно, потому что она продолжала интересоваться сожженными телами и Лозаном Лебедем. Однако ей ни разу не пришлось в голову высказать предположение, что речь идет о похищении. Наверно, это и успокаивало меня.

Закончив с последним подсвечником, я просто осталась сидеть на своем месте, молча, стараясь не глядеть по сторонам. Было легче не думать об опасности, находившейся совсем рядом, когда руки неустанно работали. Я принялась молча молиться — как меня учили, когда я была еще маленькой. Женщине, объясняли мне тогда, это занятие никогда не повредит. Да и Сари не раз повторяла, что молитва помогает не выходить из образа.

Помогло и на этот раз.

Потом вернулся Джауль Барунданди. Под взглядами своих Сиятельств он вел себя с нами как лучший в мире начальник. Сказал Сабредил, что пора уходить. Сабредил энергично встряхнула Саву. Слезая со стола, я жалобно захныкала.

— Что с ней? — спросил Барунданди.

— Она голодна. Мы не ели весь день.

Обычно нас кормили — обедами, конечно. Тоже вид приработка. Сабредил и Сава обычно часть своей доли забирали домой. Все женщины-работницы так делали.

Протектор наклонилась вперед, пристально и настойчиво вглядываясь в наши лица. Чем, хотелось бы знать, были вызваны ее подозрения? Может, ее паранойя была настолько застарелой, что включалась совершенно интуитивно? Или она действительно могла читать мысли, хотя бы отчасти?

— В таком случае, пошли на кухню, — сказал Барунданди. — Сегодня у поваров осталось много лишнего.

Мы потащились за ним. Каждый шаг ощущался как огромный прыжок от зимы к весне, от тьмы к свету. Отойдя на некоторое расстояние от зала заседаний, Барунданди сильно удивил нас. Пробежав рукой по волосам и тяжело отдаваясь, он сказал Сабредил:

— Ох, до чего же хорошо вырваться оттуда! Рядом с этой женщиной мне всегда не по себе.

Мне тоже рядом с ней было не по себе. И только глубочайшее проникновение в образ спасло меня от того, чтобы выдать себя. Надо же! Кто бы мог подумать, что в Джауле Барунданди сохранилось еще что-то человеческое? Я почувствовала, что Сабредил сильно сжала мою руку, и вздрогнула.

Отвечая Барунданди, Сабредил смиренно согласилась, что да, присутствие Протектора нагоняет ужас.

Кухня, обычно не доступная для таких, как мы, случайных работников, была настоящей продуктовой сокровищницей. И даже охранявший ее дракон отсутствовал. Сабредил и Сава наелись до отвала, так что могли передвигаться лишь с трудом, точно откормленные утки. Да и с собой прихватили немало, надеясь, что удастся все это добро вынести. Получили свои жалкие монеты и побыстрее смылись, пока на них не навалили новой работы и до помощников Барунданди не дошло, что отстегиваемая им обычно часть заработка уплывает из рук.

Снаружи у входа стояли вооруженные охранники. Это было что-то новое. Серые, не солдаты. Они не слишком интересовались теми, кто выходил наружу. И

не производили обычного беглого досмотра, целью которого было выяснить, не украл ли кто-нибудь из бродяг княжеское серебро.

Жаль, что наши образы не предполагали проявлений излишнего любопытства, тогда я смогла бы лучше разглядеть причиненные нами повреждения. Обстроенная лесами деревянная стена-куртина уже приобретала отчетливые очертания. Но даже того, что я успела мельком заметить, было достаточно, чтобы внушить чувство благоговения. До сих пор мне не приходилось видеть собственными глазами, на что способны более поздние варианты оружия, стреляющего огненными шарами. Передняя часть Дворца казалась сделанной из темного воска, в который раз за разом втыкали раскаленный добела железный прут. Камень не только расплавился и потек, но местами просто испарился.

Мы освободились гораздо раньше, чем обычно. Была только середина дня. Я заторопилась, страстно желая поскорее убраться подальше. Сабредил придержала меня. Дворец окружала безмолвная толпа, собравшаяся здесь, чтобы поглазеть на разрушения. Сабредил пробормотала что-то вроде: «..Десять тысяч глаз».

9

Я ошиблась. Люди пришли не просто полюбоваться на результаты нашей ночной работы и подивиться тому, что расправиться с защитниками Протектора оказалось так легко. Их внимание привлекли четыре последователя Бходи. Один из них взгромоздился аж на молитвенное колесо на одном из мемориальных столбов, установленных неподалеку от разгромленного входа, с наружной стороны быстро растущей стены-куртины. Два других расprostерлись на вышитом красно-оранжевом полотне на булыжной мостовой. Четвертый, сияющий обритым наголо черепом, стоял перед Серым, очень молоденьким, лет шестнадцати, не больше. Этот Бходи скрестил на груди руки, глядя как бы сквозь юнца, который неловко переминался с ноги на ногу, не зная, как выполнить приказ

помешать этим людям. Протектор запрещает такие выступления.

Происходящее могло заинтересовать даже Минх Сабредил. Она остановилась. Сава вцепилась ей в плечо и вытянула шею, чтобы лучше видеть.

Неприятное ощущение — стоять вот так, на виду, рядом с толпой молчаливых разинь.

Вскоре прибыло подкрепление для юного Серого, в виде мерзкого на вид сержанта-шадарита, который, по-видимому, воображал, что проблема Бходи состояла в глухоте.

— Убирайтесь! — завопил он. — Или вас уберут отсюда!

Бходи со скрещенными руками ответил:

— Протектор посылала за мной.

Поскольку мы с Сари еще не получили последнего отчета от Мургена, то понятия не имели, о чем идет речь.

— Чего-чего?

Бходи на молитвенном колесе объявил, что оно готово. Сержант взревел и с силой сбросил его вместе с колесом со столба. Бходи наклонился, поднял колесо и начал снова устанавливать на место. Последователи Бходи никогда не применяли насилия, не оказывали сопротивления, но проявляли исключительное упорство.

Двое расprostертых на молитвенном коврике поднялись с таким видом, точно сделали то, что собирались, и сказали что-то человеку со скрещенными руками. Он наклонил голову и тут же посмотрел вверх, стараясь встретиться со взглядом старшего Серого. И провозгласил, голосом громким, но неестественно, напряженно спокойным:

— Раджахарма. Долг Князей. Знай: Княжеский Сан — это доверие. Князь — это облеченный высшей властью и наиболее добросовестный слуга народа.

Все свидетели этой сцены никак не прореагировали на сказанное, точно ничего не слышали, а если и слышали, то не поняли.

Бходи, который говорил, опустился на молитвенный коврик, имевший тот же оттенок, что и его одежда.

Распростершись на нем, Бходи, казалось, растворился в чем-то всепоглощающем, необъятном.

Один из двух Бходи протянул ему большой кувшин. Он поднял его, как будто предлагая небу, а потом опрокинул на себя его содержимое. Сержант-шадарит с испуганным выражением лица оглянулся в поисках помощи.

Молитвенное колесо снова стояло на месте. Бходи, который им занимался, привел его в движение и отошел к тем двум, которые прежде лежали распростершись на молитвенном коврике.

Бходи, обливший себя из кувшина, ударил кремнем по огниву и исчез во взрыве пламени. Я ощутила запах керосина. Жар обрушился на нас, точно удар. Оставаясь по-прежнему в образе, я вцепилась в Сабредил обеими руками и испуганно залопотала что-то. Она быстро зашагала прочь, ошеломленная, с широко распахнутыми глазами.

Горящий Бходи не издал ни звука и не сделал ни одного движения до тех пор, пока жизнь не покинула его, оставив лишь обуглившуюся оболочку.

Толпа окружила его, ругаясь на разных языках. Теперь в ней чувствовалось возбуждение совсем иного рода. Последователи Бходи, которые помогали в подготовке ритуального самосожжения, исчезли, воспользовавшись моментом, пока все взгляды были сосредоточены на сгоревшем.

10

— До сих пор не могу поверить, что он действительно сделал это! — сказала я, сдирая с себя вонючие тряпки Савы вместе с ее безумной личностью.

Мы никак не могли успокоиться даже дома. Не хотелось говорить ни о чем, кроме этого самоубийства. Наши собственные ночные труды отошли на второй план. Они были уже пройденным этапом. Тобо, однако, придерживался другого мнения. Он прямо так и заявил нам и все порывался рассказать о том, что его отец видел во Дворце

этой ночью. И, конечно, добился своего, для точности все время сверяясь с заметками, которые сделал с помощью Гоблина. Он ужасно гордился проделанной работой и хотел, чтобы мы по достоинству оценили ее.

— Но он даже не поговорил со мной, мама. Только сердился, когда я о чем-нибудь спрашивал. Как будто хотел как можно скорее покончить с делами и убраться отсюда.

— Знаю, дорогой, — сказала Сари. — Знаю. Он и со мной вел себя точно также. Вот, смотри, тут хлеб, который нам удалось вынести. Съешь что-нибудь. Гоблин, как там Лебедь? Здоров?

Одноглазый захихикал.

— Настолько, насколько это возможно для человека со сломанными ребрами. В штаны, правда, не наложил. — Он снова захихикал.

— Сломанные ребра? Объясни.

— А что тут непонятного? — ответил Гоблин. — Кто-то, имеющий зуб против Серых, немного переусердствовал. Нечего из-за этого волноваться. Парня можно извинить за то, что он позволил своим чувствам взять верх.

— Я устала, — сказала Сари. — Мы провели весь день в одной комнате с Душеловом. Я думала, что взорвусь.

— Ты? А я из-за всех сил сдерживалась, чтобы не завопить и не выскочить оттуда. Пришлось так сильно сконцентрироваться на Саве, что я пропустила мимо ушей половину того, о чем они говорили.

— То, о чем они не говорили, возможно, даже более важно. Душелов явно заподозрила что-то насчет нашего нападения.

— Говорил я тебе — нужно вцепиться им в глотку! — рявкнул Одноглазый. — Пока они еще не поверили в нас. Убить их всех, и тогда не придется рыскать вокруг, пытаясь вычислить, как вызволить нашего Старика.

— Нас бы просто убили, — сказала Сари. — Душелов уже сейчас выглядела очень обеспокоенной. Все дело, конечно, в Дочери Ночи. Кстати, я хочу, чтобы вы двое искали ее, и Нарайана тоже.

— Тоже? — спросил Гоблин.

— Душелов наверняка будет охотиться за ними с большим энтузиазмом.

— Кине, должно быть, опять не спится, — заметила я. — Нарайан и девушка не появились бы в Таглиосе, если бы не были уверены, что она их защитит. А это означает также, что красавица снова может начать копировать Книги Мертвых. Сари, скажи Мургену, чтобы он с них глаз не спускал. — Эти жуткие древние книги были похоронены в той же пещере, что и Плененные. — У меня возникла мысль, пока мы были там — после того, как я покончила с подсвечниками и сидела без дела. Прошло уже много времени с тех пор, как я читала Летописи Мургена. Насколько мне помнится, в них нет ничего, что могло бы нам сейчас помочь. Они касаются, в основном, текущих событий. И все же, когда я сидела там, всего в нескольких шагах от Душелова, у меня возникло отчетливое ощущение, как будто я упустила что-то важное. Меня даже в дрожь бросило. Но я уже так давно не заглядывала в них, что не в состоянии сказать, чем именно вызвано это ощущение.

— Теперь у тебя будет время. На несколько дней нам нужно залечь на дно.

— Ты-то собираешься ходить на работу?

— Это будет выглядеть подозрительно, если я именно сейчас исчезну.

— А я собираюсь ходить в библиотеку. Я откопала там кое-какие исторические труды, относящиеся к самым ранним дням Таглиоса.

— Да? — прокаркал Одноглазый, вздрогнув и пробудившись от полудремы. — Тогда выясни для меня, какого черта тут всегда правили только князья. Территории, которые им принадлежат, больше, чем большинство королевств в округе.

— Вопрос, который никогда не приходил мне в голову, — вежливо ответила я. — И, скорее всего, никому из местных жителей тоже. Хорошо, я поищу.

Если не забуду.

Из задней части склада, оттуда, где уже начали сгущаться тени, послышался нервный смех. Лозан Лебедь. Гоблин сказал:

— Он играет в тонк с ребятами, которых знал в прежние времена.

— Нужно вывезти его из города, — сказала Сари. — Где мы могли бы содержать его?

— Он нужен мне здесь, — возразила я. — Необходимо расспросить его об этой равнине, почему он первый и оказался у нас. Не буду же я мотаться по стране каждый раз, когда, наконец, натолкнусь на что-то нужное в библиотеке, и мне понадобится его помощь.

— А вдруг Душелов пометила его как-то?

— У нас имеются два своих собственных колдуна. Пусть проверяют его сверху донизу. Правда, они наполовину с придурью, но, если сложить их вместе, получится как раз один приличный колдунишка.

— Что за язык, Малышка?

— Извини, Одноглазый. Я хотела сказать...

— Дрема дело говорит. Если Душелов пометила его, вы должны быть способны обнаружить это.

Одноглазый заворчал:

— Думай головой! Если бы она пометила его, то уже была бы здесь, а не расспрашивала бы своих прихвостней, не нашли ли еще его кости.

Кряхтя и постанывая, коротышка выкарабкался из своего кресла и зашаркал в полумрак, скопившийся в дальней части склада, но не туда, откуда доносился голос Лебеда.

— Он прав, — согласилась я.

И направилась в ту сторону, где сидел Лебедь. Я не видела его около пятнадцати лет. За моей спиной Тобо принялся донимать мать расспросами о Мургене. Его явно задело безразличие отца.

Свет упал на мое лицо, когда я подошла к столу, где Лебедь играл в карты с братьями Гупта и капралом по имени Слинк. Лозан тут же уставился на меня.

— Дрема, ты? Ничуть не изменился. Что, Гоблин и Одноглазый наложили на тебя заклятье?

— Бог добр к тем, кто чист сердцем. Как твои ребра?

Лебедь пробежал пальцами по остаткам своих волос.

— А, ничего страшного. — Он потрогал бок. — Жить буду.

— Мне нравится, как ты воспринимаешь то, что произошло.

— Я уже давно нуждаюсь в отпуске. Теперь от меня ничего не зависит — прекрасно. Можно расслабиться, пока она не найдет меня снова.

— А она может?

— Ты сейчас Капитан?

— У нас уже есть Капитан. Я просто придумываю разные трюки. Так что, может она найти тебя?

— Ну, сынок, это, как говорится, бабушка надвое сказала. На одной чаше весов Черный Отряд с его четырьмя сотнями лет всяческих напастей и изворотливости. На другой — Душелов с четырьмя столетиями недоступных обычным людям средств и безумия. На кого поставить? По-моему, этот вопрос пока открыт.

— Она никак не пометила тебя?

— Только шрамами.

То, каким тоном он произнес это, заставило меня почувствовать, что он имел в виду.

— Хочешь перейти на нашу сторону?

— Шутишь? Неужели вы затеяли весь этот сыр-бор сегодня утром только ради того, чтобы попросить меня присоединиться к Черному Отряду?

— Мы затеяли весь этот сыр-бор сегодня утром ради того, чтобы показать миру, что мы все еще живы и можем делать, что и когда пожелаем. Что бы там ни вякала Протектор. А заодно и ради того, чтобы захватить тебя. Меня очень интересует все, что ты можешь рассказать о равнине Сияющего Камня.

Он несколько секунд изучающе разглядывал меня, а потом перевел взгляд на свои карты.

— Не ко времени этот разговор.

— Ты твердо собираешься придерживаться этой позиции?

— Это не для твоих ушей. Хотя, черт возьми, готов поспорить на что угодно — на свете нет такой пакости,

о чем бы тебе не приходилось слышать. — Он сбросил черного валаета.

Слинк **покрыл** эту карту дамой, сбросил девятку и усмехнулся, **обнажив** зубы, над которыми давно уже следовало **потрудиться** Одноглазому.

— **Дерьмо!** — проворчал Лебедь. — Я проморгал эту партию. **Как бы** научиться этой игре? Чертовски просто, кажется, но я никогда не встречал таглианца, способного **постигнуть** эту премудрость.

— **Играй** почаще с Одноглазым и научишься. Отвали, Син, дай-ка я вместо тебя сяду, а заодно поковыряюсь в мозгах у этого парнишки. — Я подтянула к себе стул, ни на мгновение не спуская с Лебеда взгляда. Кто-кто, а он знал, что это такое — войти в образ. Это был не тот Лозан Лебедь, о котором рассказывал Мурген в своих Анналах, и не тот, которого Сари встречала во Дворце. Я взяла пять карт из следующей сдачи. — Как тебе удастся так расслабиться, Лебедь?

— А с какой стати мне сейчас напрягаться? Хуже, чем есть, уже быть не может. У меня нет даже двух карт одинаковой масти.

— Думаешь, больше тебе не из-за чего напрягаться?

— В свете сегодняшних событий мне остается лишь откинуться на спинку стула и ни о чем не думать. Просто играть себе в тонк, дожидаясь, пока моя подружка явится сюда и уведет меня домой.

— А ты не боишься? Судя по тому, что мне известно из Летописей, твое положение даже менее прочно, чем было у Копченого.

Его лицо застыло. Это сравнение ему явно не понравилось.

— Худшее уже произошло, не так ли? Я — в руках врагов. Но все еще цел и невредим.

— Никаких гарантий, что так будет и дальше. Если не станешь сотрудничать с нами. Проклятие! Если так дело пойдет и дальше, мне придется ограбить кого-нибудь, чтобы расплатиться!

Удача так и не вернулась ко мне до конца партии. Я проиграла.

— Я готов петь, точно дрессированная ворона, — сказал Лебедь. — Да что там — точно целая стая ворон. Но тебе будет от меня мало толку. Может, ты думаешь, что я и в самом деле был одним из заправил? Ошибаешься.

— Может быть. — Я пристально наблюдала за его руками, когда он сдавал. Кто его знает, может, попробует смухлевать? Однако, если у него и была такая задумка, он понял, что меня ему не провести, и не стал ничего предпринимать. Не зря я, значит, обучалась игре у Одноглазого. — Но ты должен доказать это. Для начала расскажи, как вам с Душеловом удалось так быстро убраться с равнины?

— Ну, это проще простого. — Он закончил сдачу безо всяких фокусов. — Мы неслись быстрее призраков, гнавших за нами. На тех самых черных конях, которых Отряд привел с севера.

Может, он и не врал. Мне самой не раз приходилось скакать на этих колдовских жеребцах. Скорость у них была несравненно выше, чем у обычных, а усталости они, казалось, и вовсе не знали.

— Может быть. Может быть. У нее нет какого-нибудь особого талисмана?

— Никогда ни о чем таком не слышал.

Опять скверные карты. Допрос Лебеда мог дорого мне обойтись. Хотя я вообще-то среди наших не самый сильный игрок в тонк.

— Что случилось с конями?

— Насколько мне известно, погибли. Время, или магия, или раны прикончили их. Что весьма огорчает и эту суку тоже. Она не любит ни ходить, ни летать.

— Летать?

✓ Я так сильно удивилась, что сбросила карту, которую следовало сохранить. Один из братьев Гупта сразу же воспользовался этим и заработал еще пару монет.

— Мне нравится играть с тобой, — заявил Лебедь. — Да. Летать. Она раздобыла пару ковров, которые сделала Ревун. И неплохо управляет ими. Могу подтвердить это из личного опыта. Тебе сдавать. Ровно, гладко, ковер слушается ее как миленький.

Неизвестно откуда возник Одноглазый. Такой же «бодрый», как обычно.

— Есть место еще для одного? — спросил он, дышнув алкоголем.

— Узнаю этот голос, — проворчал Лебедь. — Дудки. Я разгадал тебя еще двадцать пять лет назад. А мне-то казалось, что тебя послали куда-то в Кадигате. Или, может быть, в Налаңду. И ты там сгинул.

— Я скор на ногу.

Слинк сказал:

— Можешь играть, но только если покажешь сначала деньги и согласишься не сдавать.

— И держать руки все время на крышке стола, — добавила я.

— Ты разбиваешь мне сердце, Малышка. Люди могут подумать, будто ты считаешь меня мошенником.

— Вот и отлично. Зачем им терять время и страдать, убеждаясь в этом на собственном опыте?

— Малышка? — спросил Лебедь. Внезапно в его глазах возникло совершенно новое выражение.

— У Одноглазого словесный понос. Садись, старик. Лебедь только что рассказывал нам о магических коврах Душелова и о том, как ей не нравится летать. Как ты думаешь, это нам не может пригодиться?

Лебедь молча переводил взгляд с одного на другого, а я следила за руками Одноглазого, пока он подвигал к себе карты. Он запросто мог «поработать» над этой колодой раньше.

— Малышка?

— У нас что тут, эхо? — спросил Слинк.

— У тебя проблемы? — спросила я.

— Нет! Нет. — Лебедь выставил вперед ладонь свободной руки. — Просто, оказавшись здесь, я столкнулся с массой сюрпризов. К примеру, уже видел четырех человек, которых Душелов считает мертвыми. В том числе некоего поганого колдунешку и женщину нюень бао, которая ведет себя так, точно она тут за старшего.

— Не смей говорить так о Гоблине, — проворчал Одноглазый. — Мы с ним приятели. Я за него горой. — Он захихикал.

Лебедь не обратил на его слова никакого внимания.

— А вот теперь ты. Значит, ты женщина? .

Я пожала плечами.

— Не все об этом знают. И это не имеет значения. Я думала, у этого остолопа с повязкой на глазу и в вонючей шляпе хватит ума не распускать язык при постороннем. — Я сердито посмотрела на Одноглазого.

Он усмехнулся, вытянул карту из колоды, посмотрел и сбросил ее.

— Она жуть какая склочная, Лебедь. Но и продувная, черт бы ее побрал. Это она придумала план, как заполучить тебя. И уже начала разрабатывать другой, правда, Малышка?

— Даже несколько. Хотя Сари хочет, чтобы следующим был Генерал-инспектор.

— Гокхейл? А какой нам с него прок?

— Задай этот вопрос ей. Лебедь, тебе известно что-нибудь о Гокхейле? Он случайно не балуется с молоденькими девочками, как Перхюль Кноджи?

Одноглазый бросил на меня злобный взгляд. Лебедь посмотрел... удивленно. На этот раз я явно сболтнула что-то лишнее.

А, ладно. Слово не воробей...

— Ну?

— Да, есть немного. — Лебедь заметно побледнел и делал вид, что полностью сосредоточился на своих картах, но едва сдерживал дрожь в руках. — В их ведомстве многие этим страдают. Общие интересы сближают. Радиша не знает. Точнее, не хочет знать.

Он сбросил вне очереди. Чувствовалось, что игра внезапно утратила для него свою прелесть.

До меня, наконец, дошло, почему. Он подумал, что, раз я говорю при нем так свободно, это может означать одно — ему крышка.

— С тобой все будет хорошо, Лебедь. Пока ты ведешь себя прилично. Пока отвечаешь на наши вопросы. Черт, ты нужен мне живой! И даже не столько мне, сколько тем нашим парням, которые похоронены под Сияющей равниной. Они очень хотели бы послушать твое мне-

ние насчет того, как им выбраться оттуда. — А интересно было бы понаблюдать за его разговором с Мургеном.

— Они все еще живы? — ошеломленно спросил он.

— Еще как живы. Просто заморожены во времени.

И с каждой минутой злятся все сильнее.

— Я думал... Великий Бог... Дерьмо!

— Не смей говорить так о Господе! — взвился Слинк.

Он тоже был веднаит, из Джайкури. И гораздо более ревностный, чем я. Молился, по крайней мере, раз в день и несколько раз в месяц посещал храм. Местные веднаиты думали, что он беженец из Дежагора, которого Бонх До Тран нанял, потому что во время осады он оказал нюень бао ряд услуг. Большинство братьев были наемными рабочими и трудились в поте лица. Чтобы не выделяться среди местных и, конечно, чтобы заработать.

Сглотнув, Лебедь сказал:

— Ваши люди вообще-то едят? У меня со вчерашнего дня во рту ни крошки не было.

— Едят, — ответила я. — Но не то, к чему ты привык. Нюень бао и впрямь не едят ничего, кроме рыбьих голов и риса. Восемь дней в неделю.

— А что рыба? Совсем неплохо. Лишь бы брюхо набить.

— Слинк, — сказала я. — Нужно послать команду в Семхи, к Дереву Бходи. Протектор, очень может быть, и впрямь собирается срубить его. Если мы помешаем ей, то можем приобрести друзей. — Я рассказала о Бходи, который сжег себя, и об угрозе Душелова уничтожить Дерево. — Жаль, что я не могу сама отправиться туда. Интересно было бы посмотреть, как в этом случае сработает их этика непротивления. Они что, в самом деле будут просто стоять вокруг и смотреть, как уничтожают их самую почитаемую святыню? Но у меня слишком много дел здесь. — Я отшвырнула карты. — Фактически, я и сейчас не имею права бездельничать.

Я устала, но считала своим долгом почитать Летописи Мургена до того, как лечь спать.

— Черт, откуда ей все это известно? — прошептал Лебедь за моей спиной, когда я выходила. — И еще. Это и в самом деле «она»?

— Никогда не проверял этого лично, — ответил Слинк. — У меня есть жена. Но у Дремы определенно есть кое-какие женские замашки.

Какого дьявола? Хотелось бы мне знать, что он имел в виду. Я — просто один из парней, и все.

11

Дела пошли, дела пошли! Известие о нашей дерзкой вылазке распространилось по всему городу. Интересно, что говорят люди? Мне захотелось поскорее оказаться среди них. Быстро глотая холодный рис, я слушала, что говорил Тобо. Он снова жаловался на то, что отец не уделяет ему никакого внимания.

— Ты считаешь, что я могу тебе в этом как-то помочь, Тобо?

— А?

— Если ты думаешь, что я могу его убедить, чтобы он поговорил со своим ребенком по душам, тогда ты понапрасну тратишь свое время и мое терпение, толкуя об этом. Где твоя мать?

— На работе. Уже давно ушла. Сказала, что могут возникнуть подозрения, если она не придет сегодня.

— Наверняка. Сейчас они ко всему будут относиться настороженно. Тебе не кажется, что вместо бессмысленного нытья лучше подумать о том, что ты будешь делать в следующий раз, когда увидишь отца? И кстати, для меня очень важно, чтобы ты продолжал записывать все, о чем его спрашивают. И ответы, конечно.

Судя по недовольному ворчанию, предложение поработать вызвало у него не больше восторга, чем у любого мальчишки его возраста.

— Мне тоже пора на работу.

Очень подходящий день для того, чтобы оказаться в библиотеке пораньше. Там почти целый день никого не будет, поскольку на сегодня назначено большое собрание бхадралока — группы объединившихся по доброй воле образованных людей, которые не любили Протектора и находили само учреждение Протектората совершенно не-

нужным и даже вредным для страны. Они в шутку называют себя интеллектуальными террористами. Слово «бхадралою» означает что-то вроде «порядочные люди», и они действительно себя такими считают. Все они образованные Гунни из высшей касты, из чего автоматически следует, что подавляющее большинство таглианцев из низших каст относятся к ним безо всякой симпатии. Самая их большая проблема с Протектором состоит в том, что она относится к их высокомерным претензиям на превосходство с совершеннейшим презрением. Как революционеры и террористы, они гораздо менее пылки, чем другие общественные объединения, которых в городе немало. Очень сомневаюсь, что Душелов приставила к ним своих шпионов. Они и выглядели-то очень смешно, выкрикивая из-за плеча друг друга, что мир катится в ад в запряженной козлами телеге, которой правит демон в черном. Зато каждую неделю или около того библиотека оказывалась почти полностью в моем распоряжении. Я всячески поддерживала их бунтарское рвение.

Покончив с едой, я, наконец, собралась в дорогу. Недалеко от выхода из склада стояли двое наших братьев, обычно выполняющих для До Трана всякую вспомогательную работу. Завидев меня, один из них сделал жест, показывая, что у них есть новости. Вздохнув, я свернула в их сторону.

— В чем дело, Речник?

Так его звали у нас. Настоящее имя этого человека мне, по крайней мере, известно не было.

— В ловушки угодили новые Тени.

— Ох, нет. Проклятие! — Я покачала головой.

— Плохо.

— Очень плохо. Иди, расскажи об этом Гоблину. Я постою тут с Раном, пока ты вернешься. Да не застревай там. Я опаздываю на работу.

Не совсем правда, но таглианцы плохо представляют себе, что значит поторопиться, а такое понятие, как пунктуальность, и вовсе чуждо большинству из них.

В ловушки угодили Тени. Ничего хорошего, без сомнения. Насколько нам было известно, сейчас в распоряжении

Душелова имелось не больше двух дюжин послушных ей Теней. Гораздо больше их одичали, сбежали далеко на юг и превратились в ракшасов, то есть демонов или дьяволов, но не совсем таких, с какими в прежние времена сталкивались на севере мои братья. Северные демоны были одинокими существами, каждый из которых сам по себе обладал значительной силой. Ракшасы по отдельности были слишком слабы и поэтому действовали сообща. Очень опасные создания.

Судя по древним мифам, в прошлом они, конечно, обладали гораздо большим могуществом. Колотили друг друга по голове вершинами гор, у каждого на месте отсеченной головы вырастали две новые, а любимым развлечением этих очаровательных тварей было овладевать прекрасными женами королей, которые на самом деле являлись инкарнациями божеств, хотя и не помнили этого. В давние времена, должно быть, жизнь была гораздо увлекательней — даже если все это и не имело особого смысла.

Душелов глаз не спускает со своих Теней. Они — ее наиболее ценный ресурс. Поэтому, посылая их шпионить, она всегда старается точно знать, где находится каждая из них. По моему мнению, единственный разумный подход, если обладаешь невосполнимыми ресурсами. К примеру, я вела себя именно так по отношению к Лозану Лебедю и каждому, кому было поручено его караулить. Знала, куда и каким путем они пошли, когда и как возвращались обратно, а также что происходило между этими двумя моментами. И если бы они, не дай Бог, не вернулись вовремя, я лично отправилась бы на розыски. Точно также, по моим понятиям, должна действовать и Душелов в отношении своих Теней.

В раннем утреннем свете, прихрамывая, появился Гоблин. Ругаясь на чем свет стоит. Одетый в покрывающую его с ног до головы шерстяную коричневую хламиду, которые носят веднаиты-дервиши. Он ненавидел эту экипировку, но что поделаешь? Выходя в город, нужно маскироваться. Я не осуждала его — в шерстяной одежде жарковато. Эти святые люди носили ее, чтобы напо-

нить себе об аде, которого можно избежать лишь на пути аскетизма и добрых дел.

— На кой черт нужно это дерьмо? — ворчал он. — Жара такая, что того и гляди яйца сварятся.

— Ребята говорят, что в наши ловушки попались Тени. Я подумала, может, ты захочешь разобраться с ними сам, прежде чем Мама не прибежала за своими детишками.

— Дерьмо. Снова работа...

— Попридержи язык, старый.

— Ханжа веднайтская. Вали отсюда, пока я не дам тебе настоящий урок языка. И принеси чего-нибудь пожрать, попримличнее, когда будешь возвращаться. Или приведи корову.

Он и Одноглазый уже давно зарились на священных коров, которые бродили по городу. Пока что их усилия успехом не увенчались — никто из наших не хотел в этом участвовать. Большинство по происхождению были Гунни.

Много времени не понадобилось, чтобы понять — угодившие в плен Тени были из тех, которых Душелов время от времени по ночам отпускала на свободу, чтобы они малость подкормились. В городе только о них и говорили. Даже новости о нападении на Дворец и о самосожжении Бходи отошли на второй план. Этой ночью убийства произошли совсем неподалеку от нашего дома и, как обычно, носили совершенно случайный характер. Труп человека, жизнь которого поглотила Тень, выглядел как покоробленная оболочка того, кем он был прежде.

Я незаметно протиснулась в толпу, сгрудившуюся вокруг дома, где жила пострадавшая от Теней семья. Это нетрудно, если ты невысокая, гибкая и умеешь работать локтями. Как раз в этот момент выносили тела. Я надеялась, что они будут открыты, чтобы все могли полюбоваться на результат «работы» Теней, но мои ожидания не оправдались. А жаль. Люди должны видеть, что творит Душелов. Пусть у нее будет как можно больше врагов. Тела были плотно укутаны, но по толпе тут же прошеле-стел говорок.

Большинство погибших относились к разряду бедолаг, не имеющих ни кола, ни двора. Между ними, кроме этого, не было ничего общего. Отпуская Тени на свободу, Душелов хотела прежде всего продемонстрировать, что может, хочет и будет убивать.

Эти первые смерти, впрочем, большого страха не вызвали. Люди думали, что на том все и закончится. Мало кто из них знал погибших лично, что тоже объясняло прохладную реакцию. В толпе преобладали любопытство и интерес.

По возвращении домой, решила я, нужно будет обсудить с Гоблином такой вариант: нельзя ли сделать так, чтобы можно было выпускать плененные Тени по ночам и дальше, предоставляя им возможность убивать? Обнаружив, что они продолжают «резвиться», Душелов будет считать, что с ними все в порядке и не станет разыскивать тех, в чьи ловушки они угодили. А между тем Тени существенно пополняют ряды ее врагов.

Поначалу мне показалось, что Серые вовсе исчезли с улиц. Во всяком случае, они гораздо меньше обычного бросались в глаза. Но когда я шла по краю Чор Багана, то поняла, в чем дело. Все они, в основном, стянулись сюда. Наверно, решили, что если кто-то из Черного Отряда (бандиты, как именovala нас Протектор) и уцелел, то, скорее всего, скрывается среди местных воров и мошенников. Забавно.

Сари и я всегда настаивали, что нам следует как можно меньше иметь дел с криминальными элементами. Несмотря на протесты Одноглазого и вопреки случайным промахам До Трана. Что такое эти криминальные элементы? Люди весьма сомнительной нравственности, не имеющие ни малейшего представления о дисциплине. Им ничего не стоит пойти на убийство ради лишнего кувшина вина. Я от всей души надеялась, что у них с Серыми найдется чем позабавить друг друга. И что эти «игры» обернутся кровью и для тех, и для других. Нам от этого будет только польза.

Любая прогулка по городу обнажает жестокую суть Таглиоса. Нигде в мире нет столько нищих. Если бы кто-то

сумел собрать всех нищих Таглиоса и дать им в руки оружие, он имел бы в своем распоряжении армию гораздо больше той, которую собрал Капитан во времена войны с Хозяевами Теней. Если вы хоть чуточку похожи на иностранца или просто состоятельного человека, они нахлынут на вас со всех сторон, как волны. И все бьют на жалость. Не так далеко от склада До Трана живет мальчик, у которого нет ни рук, ни ног. На месте последних у него прикреплены деревянные колоды. Он ползает вокруг, зажав в губах чашу. Каждый калека старше пятнадцати утверждает, что он — герой войны. Но самое страшное — дети. Часто их калечат умышленно, жестоко деформируя конечности. Продают людям, которые рассматривают несчастных калек как свою собственность, потому что «кормят» их — раз в несколько дней дают горстку поджаренных зерен.

Последняя премудрость этого города состоит в том, что люди, которые эксплуатируют нищих, рискуют сами оказаться на их месте. Если не будут очень, очень внимательно следить, что происходит у них за спиной.

Я как раз проходила мимо одного из несчастных. Из конечностей он худо-бедно мог пользоваться одной рукой, подтаскивая себя с ее помощью. Остальные были ужасно искривлены и ни на что не годились. Кости изломаны, лицо и обнаженное тело покрыты шрамами от ожогов. Я остановилась и бросила ему мелкую монету.

Он прошептал что-то и попытался отползти. Он все еще мог видеть одним глазом.

Всюду, куда ни бросишь взгляд, кипела жизнь в неповторимой, сугубо таглианской манере. Все средства передвижения были увешаны людьми, кроме разве что рикши какого-нибудь богатого человека, к примеру банкира, который мог позволить себе иметь вооруженных скороходов-охранников, разгонявших прохожих бамбуковыми палками. Лавочники часто сидели прямо на своих крошечных прилавках — просто потому, что другого места не было. Рабочие, прокладывая себе путь локтями, спешили во всех направлениях с тяжеленными грузами, яростно поливая бранью тех, кто оказывался на пути. Люди

спорили, дико размахивая руками, не обращая внимания на то, что рядом кто-то испражнялся, если ему приспичило. Купались в сточных канавах, с равнодушием взирая на то, что по соседству другие мочились в ту же самую воду.

Таглиос — тотальное, безжалостное изнасилование всех чувств человека, но больше всего страдает обоняние. Я терпеть не могу сезон дождей, но без него Таглиос как среда обитания стал бы непригоден даже для крыс. Без дождей эндемические холера и оспа косили бы людей гораздо сильнее, чем сейчас, — хотя дожди приносят с собой вспышки малярии и желтой лихорадки. Болезни — самые разные — явление обычное и воспринимаются стоически.

И потом здесь имеются прокаженные, чье положение придает новую глубину таким понятиям, как ужас и отчаяние. Никогда моя вера в Бога не подвергается такому испытанию, как при виде прокаженных. Кроме всего прочего, я знакома с некоторыми из них лично и знаю, что очень немногие действительно заслуживают такого страшного наказания. Разве что Гунни правы, и эти люди платят за то зло, которое совершили в прошлых жизнях.

Над городом кружат коршуны и вороны, канюки и грифы. С точки зрения этих пожирателей падали, жизнь прекрасна. Пока не приедут могильщики, чтобы собрать трупы.

В поисках удачи люди стекаются сюда отовсюду, даже за пять сотен миль. Но Удача — безобразная двуликая богиня.

То, что она творит с людьми, — ужасно, но если ты прожил в окружении этого большую часть своей жизни, то перестаешь замечать всю уродливость происходящего. Забываешь, что жизнь может и должна быть совсем иной. Перестаешь удивляться тому, как много зла способен породить человек просто самим фактом своего существования.

Библиотека, созданная и переданная в дар городу одним из прошлых князей, значительно преуспевшим в коммерции и проникшимся опущением важности об-

разования, поражает меня как символ знания, вопреки всему стремящегося пролить свет в окружающий его мрак невежества. Едва ли не самые жуткие городские трущобы расположены прямо напротив стены, которая окружает территорию библиотеки. Рядом со входом постоянно толкутся нищие. Что, между прочим, странно. Никогда не видела, чтобы кто-нибудь швырнул им монету.

В библиотеке имеется сторож, но функций охранника он не исполняет. У него нет даже бамбуковой палки. Но она и не нужна. Святость этого места знания соблюдается абсолютно всеми. Точнее говоря, всеми, кроме меня.

— Доброе утро, Адо, — сказала я, когда сторож распахнул передо мной железные ворота.

Хотя я тут воспринималась всеми лишь как уборщик и мальчик на побегушках, у меня был определенный статус. Все знали, что кое-кто из бхадралока оказывает мне свое покровительство.

Статус и каста играют все более важную роль по мере того, как число жителей Таглиоса возрастает, и ресурсы, имеющиеся в распоряжении города, не успевают за этим ростом. Только за последние десять лет требования, предъявляемые к тем, кто хочет принадлежать к той или иной касте, заметно ужесточились. Люди отчаянно цепляются руками и ногами за то небольшое, что имеют. Заметно более могущественными стали ремесленные гильдии. Некоторые из них обзавелись небольшими частными отрядами вооруженных охранников, которые следят за тем, чтобы пришлые никоим образом не покушались на права их гильдии, и которых иногда сдают внаем храмам или кому-то еще, нуждающемуся в защите своих прав. Некоторые наши братья тоже выполняют работу в этом роде. Она позволяет пополнить казну, создать контакты и незаметно просочиться внутрь других закрытых сообществ.

Снаружи библиотека похожа на богато изукрашенный гуннитский храм. Ее опорные столбы и стены покрыты барельефами на исторические и мистические темы. Это не такое уж большое здание, всего тридцать

ярдов в длину и шестьдесят футов в ширину. Оно стоит на небольшом холме, заросшем деревьями, в тени которых прячутся памятники. Основное помещение возвышается над уровнем земли на десять футов. На втором этаже по всему периметру здания тянется подвесная галерея, над ней расположена мансарда, а ниже уровня основного помещения — очень хорошо обустроенный сухой подвал. С моей точки зрения, такой интерьер делает человека слишком доступным взгляду. Если я захожусь в основном зале, а не в подвале или мансарде, любой может видеть, чем именно я занимаюсь.

Пол в основном зале из мрамора, привезенного откуда-то издалека. На нем ровными рядами стоят письменные столы, за которыми работают ученые, читая и переводя рукописи или копируя пришедшие в негодность. Здешний климат не благоприятствует долгой жизни книг. Библиотека страдает главным образом от того, что вокруг нее все больше сгущается атмосфера пренебрежения. С каждым годом число ученых уменьшается. Протектор не заботится о библиотеке, поскольку та не может похвастаться древними книгами, содержащими смертоносные заклинания. Таких поганых вещей тут и впрямь не найдешь. Хотя можно обнаружить много интересного — если бы Душелов дала себе труд поискать. Но любопытство такого рода не свойственно ее характеру.

Нигде я не видела столько застекленных окон, как в библиотеке. Копиистам нужно много света. В наше время они, в основном, уже старики, и зрение у них слабовато. Сантараксита часто твердит, что у библиотеки нет будущего. Никто не хочет посещать ее. Он убежден, что нужно что-то делать с истерическим страхом перед прошлым, который начал возникать еще во времена его молодости, вскоре после того, как повылезали Хозяева Теней. С Черным Отрядом дело обстояло несколько по-другому — страх перед ним начал циркулировать еще до его появления.

Я вошла в библиотеку и огляделась. Мне нравилось это место. При других обстоятельствах я была бы рада стать одной из помощниц Сантаракситы. Если бы смог-

ла выдержать более детальную проверку, которой непременно подвергаются будущие студенты.

Я была не Гунни. Не принадлежала к высокой касте. Думаю, мне не стоило бы труда сфальсифицировать прошлое достаточно правдоподобно. Я прожила среди Гунни всю свою жизнь. Но кастовые обычаи изнутри были мне не известны. Получить образование могли только люди из касты жрецов и некоторых избранных коммерческих каст. Зная и вульгату, и высокий стиль, я все же никогда не смогла бы выдать себя, скажем, за человека, выросшего в семье жреца, для которой наступили трудные времена. Практически, я не смогла бы выдать себя за человека, выросшего в какой угодно семье.

Оказалось, что библиотека находится в полном моем распоряжении. И никакой уборки, по крайней мере на первый взгляд, не требовала.

Меня всегда поражало, что в библиотеке никто не живет. Что она была более пустой и, в этом смысле, более пугающей, чем любой храм. Кангали, эти беспризорные и бесстрашные уличные мальчишки, которые в возрасте шести-восьми лет сбегают из дома и сбиваются в шайки, рассматривают храмы всего лишь как еще один потенциальный источник добычи. Однако библиотеку они никогда не трогают.

С точки зрения необразованных людей, книги — это зло. Они шарахаются от книг, как если бы те были переплетены в плоть создания столь же порочного, как Душелов.

У меня было одно из лучших рабочих мест в Таглиосе. На мне лежала ответственность содержать в порядке самое большое хранилище книг в Таглианской империи. Понадобилось три с половиной года интриг и несколько тщательно продуманных убийств, чтобы я заняла это место, которое доставляло мне столько удовольствия. Здесь мной очень часто овладевало искушение выкинуть из головы Отряд. Это искушение было настолько велико, что я готова была забыть и о своей обязанности уборщика, погрузиться с головой в книги. Когда никто не видел, конечно.

Я быстренько достала свои рабочие инструменты и заторопилась к одному из самых удаленных копировальных столов. Он стоял в стороне, но позволял все видеть и слышать, так что меня невозможно было застать врасплох, когда я занималась чем-то недозванным.

Меня уже дважды заставляли за такими занятиями, по счастью, оба раза с тантрическими книгами с роскошными цветными иллюстрациями. Они подумали, что я интересовалась грязными картинками. Сантараксита тогда посоветовал мне изучать стены храмов, если меня привлекают вещи такого сорта. Однако я не могла не почувствовать, что после второго из этих случаев он затаил в отношении меня серьезные подозрения.

Они никогда не угрожали мне увольнением или хотя бы каким-то взысканием, но дали ясно понять, что я перешла грань дозволенного и что боги наказывают тех, кто выходит за пределы своего кастового или общественного положения. Они, конечно, понятия не имели об истинном моем происхождении, моих связях и моем полном нежелании принять религию Гунни со всем ее идолопоклонством и терпимостью ко злу.

Я углубилась в книгу, которая представляла собой описание ранних дней Таглиоса. Она была скопирована с очень старого манускрипта, целые куски в котором были написаны в том же стиле, что и старые Летописи, над расшифровкой которых мне пришлось изрядно поломать голову. Если бы не это обстоятельство, я бы на нее и внимания не обратила. Баладитай, копиист, безо всяких затруднений перевел рукопись на современный таглианский. Я утаила заплесневелый, рассыпающийся на части оригинал. Мне подумалось, что, сравнив его с современной версией, я смогу освоить диалект старых Летописей.

Если же нет, можно будет предложить Гиришу перевести кое-что для Черного Отряда — возможность, на которую он должен просто наброситься, учитывая, как мало сейчас подобной работы.

Книги, которые я хотела бы перевести, были скопированы с еще более ранних версий. По крайней мере, две из них первоначально вообще были написаны на дру-

гом языке — может быть, на том самом, на котором говорили первые братья Отряда, когда они явились в наш мир с равнины Сияющего Камня.

Я приступила к делу.

Книга оказалась очень интересной.

Таглиос начинался как скопище грязных хибарок, возникших на берегу реки. Одни жители рыбачили, стараясь не угодить в пасть крокодилам, другие занимались земледелием. По не совсем понятой причине, разрастаясь, город захватывал последние жизнеспособные земли перед рекой, а затем и зловонные топи дельты, где в те дни нюень бао еще не обитали. Торговцы, спускаясь с верховьев реки, затем перегружали свои товары и дальше везли их по суше во «все великие княжества юга». Какие именно, не упоминалось.

Вначале Таглиос платил дань Баладилтиле. Согласно устным сказаниям, это был великий город, который больше не существовал. Поговаривают, что к нему имеют отношение действительно очень древние развалины неподалеку от поселения Видеха. Само же это поселение связывают с интеллектуальными достижениями «Империи Курас»; в центре него находятся развалины совершенно другого типа. В Баладилтиле в древности родился Райдрейнак, князь-воин, который почти истребил Обманников, а горстку выживших захоронил там, где были спрятаны их священные тексты, Книги Мертвых, — в той самой пещере, где теперь в ледяной паутине были погребены Мурген и вся наша Старая Команда.

Источником этих сведений для меня стала не только та книга, которую я сейчас читала. Я связывала прочитанное с тем, что мне доводилось читать или слышать раньше. Захватывающая работа. Для меня.

Здесь был ответ для Гоблина. Князя Таглиоса не могли быть королями, потому что они почитали как своих повелителей королей Нанды, из рук которых и получали власть. Конечно, Нанды больше не существовало, и Гоблин наверняка захочет узнать, почему, в таком случае, князя Таглиоса не могли просто короновать себя сами. Существовало множество подобных прецедентов. На протяжении столетий

непосредственно перед появлением Черного Отряда это было излюбленное развлечение всех, у кого было хотя бы трое-четверо приверженцев.

Я преодолела настойчивое желание заглянуть вперед и прочитать о тех временах, когда в мире возникли Свободные Отряды Хатовара. Не следовало торопиться. То, что происходило до их появления, наверняка поможет разобраться в том, что случилось после него.

13

Внезапно я вздрогнула, почувствовав, что не одна. Я и не заметила, как прошло время. Солнце уже несколько часов скользило по небу. Характер освещения внутри библиотеки изменился, превратившись лишь в бледную версию того, что было утром. Скорее всего, набежали облака.

Очень надеюсь, что я не подскочила или каким-то другим образом не проявила свою реакцию. Ни в коем случае нельзя было демонстрировать свою осведомленность о том, что за спиной у меня кто-то находится. Возможно, все дело было в его дыхании — запах кэрри с чесноком ощущался очень сильно. С уверенностью могу сказать лишь, что никаких звуков я не слышала.

Я постаралась унять сердцебиение, придала лицу спокойное выражение, повернулась и...

Встретилась взглядом с Главным Библиотекарем, моим непосредственным начальником, Сурендранатом Сантаракситой.

— Дораби. Итак, ты умеешь читать.

В библиотеке меня знали под именем Дораби Дей Банерай. Достойное имя. Человек, который носил его, много лет назад погиб, сражаясь со мной бок о бок неподалеку от Роши Дака. Теперь тот факт, что я присвоила себе его имя, не мог причинить ему вреда.

Я не произнесла ни слова. Трудно было что-либо отрицать, если библиотекарь стоял за моей спиной достаточно долго. Я прочла уже половину книги, в которой не было не только никаких иллюстраций, но даже ни одного отрывка, содержащего тантрические мотивы.

— Я некоторое время наблюдал за тобой, Дораби. Твой интерес и навыки не вызывают сомнений. Очевидно, ты читаешь лучше большинства моих копиистов. Равным образом очевидно, что ты не принадлежишь к касте жрецов.

На моем лице застыла деланная улыбка. Я обдумывала, не следует ли убить его и куда в этом случае девать труп. Может, сделать так, чтобы подумали на Душел... Нет. Главный библиотекарь Сантараксита был стар, но все еще достаточно крепок, чтобы отшвырнуть меня, если я попытаюсь задушить его. В некоторых случаях малый рост оказывается помехой. Он был выше меня всего на восемь дюймов, но в этот момент мне казалось, что на целых несколько футов. И к тому же в дальнем конце библиотеки слышны были голоса.

Я не стала раболепно опускать взгляд. Сантараксита уже понял, что перед ним больше, чем просто любознательный уборщик, пусть даже и неплохой. Я содержала это место в чистоте. Таково правило Отряда. Если нам приходится принимать участие в общественных работах, наше поведение не должно вызывать никаких нареканий, и дело свое мы обязаны делать хорошо.

Я ждала. Пусть Сантараксита сам решит свою судьбу. А заодно и судьбу библиотеки, которую так любил.

— Вот как, значит. Наш Дораби — гораздо более талантаивый юноша, чем предполагалось. Что еще ты умеешь делать, о чем нам следовало бы знать, Дораби? Писать, к примеру? — Я, конечно, не стала отвечать. — Где ты этому научился? Члены бхадралока не раз спорили на тему, обладают ли те, кто не входит в касту жрецов, гибкостью ума, необходимой для изучения Высокого Стиля.

Я по-прежнему молчала.

Рано или поздно, он займет определенную позицию. Вот тогда я среагирую соответственно. Я надеялась обойтись без того, чтобы убивать его и сотрудников библиотеки; еще меньше мне хотелось разрушать ее саму — все это еще могло пригодиться. Именно такого подхода Одноглазый стремился придерживаться годами. Если нужно — схитри. Не следует настораживать Душелова, а это

непременно произойдет, если у нее под самым носом случится нечто подобное.

— Молчишь? Тебе нечего сказать в свое оправдание?

— Тяга к знаниям не нуждается в оправданиях. Еще Сондел Госх-Джанакка утверждал, что в Саду Мудрости нет каст, — хотя в те времена касты имели гораздо меньшее значение.

— Сондел Госх имел в виду университет в Викрамасе, где все студенты должны были сдавать всеобъемлющий экзамен, прежде чем им было позволено войти под его своды.

— И многие ли студенты любой касты, не способные прочесть Панас и Пашидс, были к этим экзаменам допущены? Сондела Госха недаром называли Джанаккой. Викрамас был местом, где изучали прежде всего религию Джанай.

— Уборщик, который имеет такое представление о религии, уже не уборщик. Видно, и в самом деле настал Век Кади, когда все встает с ног на голову. — Кину в Таглиосе предпочитали называть Кади, имея в виду одну из ее наименее ужасных ипостасей. Имя Кина употребляли редко — вдруг Темная Мать услышит и проснется? Только Обманники жаждали ее появления. — Где ты приобрел эти навыки? Кто тебя учил?

— Много лет назад начало было положено одним моим другом. После того, как мы похоронили его, я продолжал учиться сам.

Все это время мой взгляд был неотрывно прикован к его лицу. Для старого ученого, чья заикленность на своей работе была предметом насмешек молодых копиистов, он производил впечатление человека на удивление умственно гибкого. Но, в таком случае, он был гораздо умнее, чем казался. Может, даже понимал, что, сорвись с его губ лишнее слово, и его труп поплывет по реке, чтобы упокоиться где-нибудь в болотных топях.

Нет. Господин Сурендранат Сантараксита пока еще не жил в мире, где тот, кто читал и хранил в памяти священные тексты, мог одновременно резать людям глотки и иметь дело с колдунами, мертвыми и ракшасами. Гос-

подин Сурендранат Сантараксита не думал о том, что с ним станет, если он сболтнет лишнее. Просто он был кем-то вроде святого отшельника, обеспокоенного только тем, чтобы защитить все то хорошее, что было в знании и культуре. Это, собственно, было ясно для меня и раньше, по прошлым наблюдениям. Но не вызывало сомнений и другое — наши мнения по поводу того, что именно можно назвать «хорошим», наверняка не всегда совпадают.

— Значит, ты просто очень хочешь учиться.

— Я испытываю влечение к знаниям сродни тому, как некоторые люди испытывают влечение к удовольствиям плоти. Так всегда было. Я ничего не могу с этим поделать. Это страсть.

Сантараксита наклонился, внимательно вглядываясь в мое лицо близорукими глазами.

— Ты старше, чем кажешься.

Я не стала возражать.

— Меня считают моложе, чем на самом деле, из-за маленького роста.

— Расскажи мне о себе, Дораби Дей Банерай. Кем был твой отец? Из какой семьи происходила твоя мать?

— Вряд ли вы слышали о них.

У меня мелькнула мысль, что, может быть, не стоит развивать эту тему. Однако Дораби Дей Банерай имел свою историю, и я вживалась в нее на протяжении целых семи лет. Если просто не выходить из образа, все будет выглядеть вполне правдоподобно.

Оставаться в образе. Быть Дораби, которого застали за чтением. Предоставить Дреме отдыхать и не беспокоиться о том, что делать, пока не придет время вновь выйти на подмостки.

— Ты чересчур принижаешь себя, — сказал Сантараксита. — Возможно, я знал твоего отца... Если он был тот самый Доллаал Дей Банерай, который не смог воспротивиться призыву Освободителя вступать в его легион, одержавший потом победу при Годжийском броде.

Я уже упоминала о том, что отец Дораби умер, и не могла сейчас взять своих слов обратно. Как могло

случиться, что он знал Доллаа? Банерай — одна из самых старых и наиболее распространенных традиционных таглианских фамилий. О людях, ее носивших, упоминалось и в том тексте, который я читала совсем недавно.

— Наверно, это был он. Я не знал его хорошо. Помню, как он хвастался, что был одним из первых, кто завербовался. Он принимал участие в походе Освободителя, когда нанесли поражение Хозяевам Теней. И так и не вернулся с Годжийского брода. — Кроме этого, мне мало что было известно о семье Дораби. Я не знала даже имени его матери. Как такое могло произойти, чтобы во всем огромном Таглиосе я столкнулась именно с тем человеком, который помнил его отца? Фортуна и в самом деле богиня с причудами. — Вы хорошо его знали? — Если это было так, библиотекарю, похоже, придется все же исчезнуть, иначе мое разоблачение неминуемо.

— Нет. Нельзя сказать, что хорошо. Скорее даже плохо. — Теперь у господина Сантаракситы сделался такой вид, точно у него пропало желание говорить на эту тему. Обеспокоенный и задумчивый. Немного помолчав, он сказал. — Пойдем со мной, Дораби.

— Господин?

— Ты завел разговор об университете в Викрамасе. У меня есть перечень вопросов, которые задают тем, кто хочет его посещать. Просто из любопытства мне хотелось бы проэкзаменовать тебя.

— Мне мало что известно о Джанай, господин.

По правде говоря, в хитросплетениях своей собственной религии я не слишком-то хорошо разбиралась и поэтому всегда опасалась того, что кому-то вздумается экзаменовать меня в этом смысле более детально. Другие же религиозные учения были просто напичканы такими персонажами, как, скажем, Кина, гордо шествующая по земле. Мне вовсе не улыбалось запинаться о валуны всяческих нелепостей, торчащие из почвы моей собственной веры, которую я, к стыду своему, возделывала безо всякого усердия.

— Этот экзамен по сути своей не религиозен, Дораби. Он выявляет качества потенциального студента в

области морали, этики и способности мыслить. Монахи Джанака не хотят давать образование людям, у которых запятнаны души.

В таком случае, мне придется погрузиться в образ Дороби очень глубоко. У Сони, веднаитки и девушки-солдата из Джайкура душа была чернее, чем ночная тьма.

14

— И что ты потом сделала? — спросил Тобо.

Набив полный рот ароматным рисом по-тагиански, я ответила:

— Потом я пошла и навела в библиотеке чистоту.

А Сурендранат Сантараксита остался там, где был, застыв от потрясения, которое вызвали у него ответы жалкого уборщика. Я могла бы объяснить ему, что всякий, кто внимательно прислушивается к уличным рассказчикам, проповедям нищенствующих жрецов и легко доступным бесплатным советам отшельников и йогов, сможет удовлетворительно ответить на большинство вопросов из Викрамаса. Проклятие, да любая веднаитка из Джайкура была способна на это!

— Мы должны убить его, — сказал Одноглазый. — Как будем делать это?

— Другого у тебя нет на уме, да? — спросила я.

— Чем больше мы прикончим сейчас, тем меньше будет их болтаться вокруг и трепать мне нервы, когда я состарюсь.

Может, он так шутит? Не знаю.

— Давай будем беспокоиться об этом, когда ты начнешь стареть.

— Расправиться с этим типом будет проще простого, Малышка. Он ничего такого не ждет. Бам! И нету. И никто даже не побеспокоится. Задуши этого придурка. И оставь на нем румель. Пусть это будет на совести нашего старого приятеля Нарайана. Он в городе, и нужно постараться побольше вывалить его в дерьме.

— Следи за языком, старик. — Одноглазый забулькал, выплевывая скотские ругательства на тысяче языков. Я

повернулась к нему спиной. — Сари? Ты что-то совсем притихла.

— Пытаюсь переварить то, что заработала сегодня. Между прочим, Джауль Барунданди был очень огорчен, что ты осталась дома. Забирая себе часть моего заработка, пытался вычесть твою долю. В конце концов, он довел Минх Сабредил до ручки. Я пригрозила, что закричу. Он, конечно, не поддался бы на мое запугивание, если бы его жена не оказалась поблизости. Ты уверена, что оставлять в живых этого библиотекаря не опасно? Если устроить ему «естественную» смерть, никто ничего не заподозрит...

— Может, это и опасно, но одновременно и полезно. Господин Сантараксита хочет провести надо мной в некотором роде эксперимент. Посмотреть, можно ли на самом деле собачку из низшей касты обучить вставать на голову и притворяться мертвым. Как там Душелов? И что с Тенями? Ты узнала что-нибудь?

— Она выпустила на свободу всех, которые у нее были. Рискованно, конечно, но, наверно, ей уж очень хотелось напомнить городу о своем могуществе. Она рассчитывала, что их жертвами станут иммигранты, которые живут на улицах. О них никто не побеспокоится. Перед рассветом домой вернулась только горстка Теней. Мы подержим наших пленников до завтра.

— Можно было бы захватить еще несколько...

— Летучие мыши, — сказал Гоблин, плюхнувшись в кресло. Одноглазый делал вид, будто дремлет. Хотя по-прежнему крепко вцепился в свою палку. — Летучие мыши. Этой ночью летучих мышей было видимо-невидимо.

Сари кивнула в подтверждение.

— Помню, перед тем, как отправиться в поход против Хозяев Теней, мы все убивали летучих мышей, — сообщил Гоблин. — За каждую нам платили премию, и на нее даже можно было прожить. Но ведь Хозяева Теней использовали их как шпионов.

Мне припомнились времена, когда безжалостно убивали ворон, считая их «глазами» Душелова.

— Ты хочешь сказать, что нам лучше оставаться дома этой ночью?

— Ум у тебя, старушка, острый, как бритва.

Я спросила Сари:

— Что Душелов думает о нашем нападении?

— Об этом я ничего не слышала. — Она бросила передо мной на стол несколько страниц из старых Летописей. — Самоубийство Бходи беспокоит ее гораздо больше. Боятся, что за этим последуют и другие.

— То есть, что может сыскаться еще монах, настолько глупый, чтобы поджечь себя?

— Она так думает.

— Ма, мы будем вызывать па этой ночью? — спросил Тобо.

— Сию минуту не могу точно сказать, дорогой.

— Я хочу подольше поговорить с ним.

— Поговоришь. Уверена, он тоже хочет поговорить с тобой. — Это прозвучало так, как будто она пытается убедить сама себя.

— Нельзя ли сделать так, чтобы этот туман, из которого вы слепили Мургена, сохранялся все время? — спросила я Гоблина. — Тогда мы смогли бы постоянно поддерживать с ним связь и в любой момент, когда возникнет надобность, отправить его на разведку.

— Мы работаем над этим.

Он ударился в технические объяснения. Я не поняла ни слова, но не мешала ему трептать. Любому человеку приятно время от времени почувствовать себя спецом в каком-нибудь деле.

Одноглазый начал похрапывать. По крайней мере, пока от его трости никто не пострадает.

— Тобо мог бы вести записи все время... — начала я.

Перед моим внутренним взором возникло видение сына Летописца, который становится продолжателем дела своего отца — так, как это происходит в таглианских гильдиях, где ремесленные навыки и орудия труда передаются от поколения к поколению.

— А я считаю, — заявил Одноглазый, как будто наша беседа на интересующую его тему не прерывалась и как

будто это не он притворялся спящим всего мгновение назад, — сейчас настало время, Малышка, «отколоть» старый-престарый, грязный трюк Старой Команды. Пошли кого-нибудь к торговцам шелком. Скажи, чтобы купили разноцветного шелка. Наделай точно таких же шарфов, какие используют Душилы. Их румели. А потом мы начнем душить тех, кто нам не нравится. Время от времени будем оставлять шарфы на месте преступления. Так и с этим твоим библиотекарем разделаемся.

— Отлично, — сказала я. — За исключением того, что относится к господину Сантараксита. Этот вопрос не обсуждается, старикашка.

Одноглазый захихикал.

— Не должно быть никаких исключений.

— Слишком многие станут пальцами указывать, если это случится, — сказал Гоблин.

Одноглазый захихикал снова.

— Но в каком направлении, Малышка? Наверняка, не туда, куда следует. Нам сейчас, конечно, излишнее внимание ни к чему. По моему мнению, мы гораздо ближе к своей цели, чем кое-кто из нас думает.

— Воды спят. Мы должны добиться того, чтобы к нам относились серьезно.

— А я о чем толкую? Мы используем их шарфы, чтобы убрать информаторов и тех, кто знает слишком много. Библиотекаря, к примеру.

— Я не отклонюсь от истины, если предположу, что ты уже давненько подумываешь обо всем этом и держишь наготове небольшой такой списочек людей, которыми следует заняться в первую очередь?

Этот список наверняка будет включать в себя всех тех, кого он считает ответственными за свои неудачные попытки утвердиться на тагланском черном рынке.

Он затрясся от смеха. И вдруг шарахнул Гоблина своей тростью.

— Ты был прав, когда говорил, что у нее ум как бритва.

— Давай сюда твой список. В следующий раз, как увижу Мургена, обсужу его с ним.

— С призраком? Ты же знаешь, у них отсутствует чувство перспективы.

— Ты имеешь в виду, что он все видит и потому понимает, что ты на самом деле собой представляешь? С моей точки зрения, это и есть перспектива. Невольно возникает мысль — может, в свое время Отряд сумел бы добраться до Хатовара, если бы наши тогдашние братья имели в своем распоряжении призрака, который не спускал бы с тебя глаз?

Одноглазый пробурчал что-то о безрассудстве и порочности мира. Сколько я его знаю, он всегда пел эту песню. И будет продолжать в том же духе даже после того, как сам станет призраком.

— Как думаешь, Мурген мог бы установить, где источник зловония, от которого тут скоро дышать нечем будет? — задумчиво спросила я. — Вонь идет откуда-то со склада, где До Тран хранит крокодиловые шкуры, но это не они так воняют. У крокодиловых шкур свой собственный и даже немного приятный запах.

Одноглазый посмотрел на меня таким взглядом, точно готов был разорвать на куски. Сейчас он охотно сменил бы тему разговора. Эта вонь распространялась от крошечного, спрятанного в подвале заводика по производству пива и ликера, о чем, как считали они с До Траном, никто не догадывался. Бонх До Тран, прежде наш благодетель только ради Сари, теперь, практически, стал заодно с этим старым хрычом, потому что питал слабость к конечному продукту, который производил Одноглазый. Но не только. Его так и тянуло к нелегальным и теневым доходам, и еще ему нравились крепкие парни, готовые вкалывать за ничтожные деньги. Он думал, что его порок не известен никому, кроме Одноглазого и Готы, которые были, можно сказать, его сообщниками. Эта троица напивалась вместе дважды в неделю.

Алкоголь — совершенно определенно слабость нюень бао.

— Не стоит беспокоиться, Малышка. Скорее всего, воняют дохлые крысы. В этом городе с ними проблема.

До Тран все время повсюду раскладывает отраву против крыс. Целыми фунтами. Не стоит тратить время Мургена на то, чтобы охотиться на грызунов. Вам обоим есть чем заняться и поважнее.

Мне действительно будет о чем потолковать с Мургеном, если я смогу иметь с ним дело напрямую. Если нам удастся привлечь и удержать его внимание. Предпочитаю узнавать из первых рук то, что, как правило, становится известно мне от других людей. Я вовсе не имею в виду злобный умысел, в особенности, со стороны Сари. Просто люди часто переиначивают любую информацию в соответствии со своими собственными предубеждениями. Включая даже меня саму, возможно, хотя до сих пор я была объективнее, чем кто-либо. Все мои предшественники по Летописям, однако... От их записей так и разит предвзятостью.

Конечно, большинство из них делали тот же вывод относительно своих предшественников. Тут мы одинаковы. Агут все, кроме нас самих. Правда, только Госпожа не стыдилась самовосхвалять себя. Она использовала любую возможность, чтобы напомнить, какой выдающейся, решительной и удачливой она была, круто переломив ход войны против Хозяев Теней, хотя могла полагаться почти исключительно на саму себя. Мурген большую часть времени был, мягко говоря, не в своем уме. И все же, поскольку я сама была участницей многих событий тех времен, могу подтвердить, что он описывает их совсем неплохо. Может быть, все именно так и происходило. Я не могу опровергнуть его. Но очень многое кажется просто фантастическим.

Фантастическим? А разве не фантастически звучит — «прошлой ночью я долго беседовала с призраком Мургена»? Или его духом. Не знаю, как правильнее выразиться. Если только это и в самом деле был Мурген, а не какой-нибудь новый трюк Кины или Душелова, разыгранный специально для нас.

Мы никогда даже на сотую долю процента не можем быть уверены, что все в точности таково, каким кажется. Кина — Мать Обмана. А Душелов, цитируя человека,

который был несравненно мудрее меня, но обладал грязным языком, — сука безумная. Способная на все.

15

— Отлично. — Я была в восторге, когда Сари снова вызвала Мургена. Сама она, впрочем, особого энтузиазма не проявляла. И присутствие Тобо никоим образом не улучшило ее настроения. — Я хочу, чтобы прежде, чем заняться чем-то еще, он проверил Сурендраната Сантаракситу.

— Значит, ты и сама не доверяешь этому своему библиотекарю, — сказал Одноглазый и снова захихикал.

— Я думаю, с ним все в порядке. И все же зачем оставлять ему хоть малейший шанс разбить мне сердце, если можно избежать этого, просто послав туда Мургена разведать, что и как?

— А моего мнения тебе, конечно, недостаточно?

— Согласись, ты судишь заочно, а это не одно и то же. К тому же ты сам отверг возможность заниматься Летописями. В ближайшее время мне придется как следует зарыться в книги. Возможно, я уже на пути к тому, чтобы что-то нащупать. — Маленький колдун заворчал. — Мне кажется, я как раз сегодня обнаружила кое-что ценное в библиотеке. Если Сантараксита не поймает меня на месте преступления, я уже к концу этой недели буду иметь общее представление о том, как возник Отряд.

Нашей целью было отыскать не только независимые исторические источники, но и неповрежденные экземпляры первых трех томов Летописей.

У Сари, однако, было на уме другое.

— Барунданди хочет, Дрема, чтобы Сава тоже ходила со мной на работу.

— Нет. Савы пока не будет. Она больна. У нее холера, если уж на то пошло. Я наконец-то добилась некоторого прогресса и не собираюсь останавливаться именно сейчас.

— Он также спрашивал насчет Шики.

В тех редких случаях, когда Тобо сопровождал мать во Дворец, она называла его Шикхандини — шутка, смысл которой ускользал от Джауля Барунданди, поскольку он никогда не уделял внимания исторической мифологии. У одного из королей легендарного Хастинапура была старшая жена, которая оказалась бесплодной. Как добрый гуннит, он молился и с верой приносил жертвы. В конце концов, один из богов спустился с небес и заявил ему, что он может получить желаемое — а король страстно хотел иметь сына, — но путь к этой цели будет нелегкий, поскольку сын родится дочерью. Так все и случилось. Вскоре жена родила девочку, которую король называл Шикхандини — женский вариант имени Шикхандини. Это долгая и не слишком увлекательная история, суть которой состоит в том, что девочка выросла и стала могущественным воином.

Неприятности начались, когда пришло время «принцу» выбирать себе невесту.

Облики, которые мы принимали на публике, часто содержали в глубине скрытый намек, иногда с элементом шутки. Так братьям было интереснее играть свои роли.

— Можно ли на чем-то подловить Барунданди? — поинтересовалась я. — Кроме того, что он так жаден до денег? — Вообще-то я думала, что он наиболее полезен для нас именно в своем теперешнем качестве. Любой, кто занял бы его место, наверняка оказался бы таким же продажным, но вряд ли проявлял столько великодушия к Минх Сабредил. — И еще. Может, имеет смысл выманить его оттуда — так, чтобы у нас была возможность войти с ним в более близкий контакт?

Никто не видел стратегического смысла в том, чтобы захватывать этого человека.

— Почему ты спрашиваешь об этом? — поинтересовалась Сари.

— Потому что я думаю, что его будет нетрудно соблазнить. Тобо оденется девушкой, а когда Барунданди начнет подъезжать к нему, он скажет, что готов встретиться, но только не во Дворце...

Сари ничуть не оскорбило такое предложение. Хитрость — законное оружие войны.

— А не лучше ли проделать все это с Гокхейлом?

— Может быть. Хотя он, похоже, интересуется совсем уж малолетками. Можно спросить Лебеда. Вообще-то я предполагала захватить Гокхейла в том месте, где Обманники убили этого Кноджи.

Наши враги, засевшие во Дворце, редко покидали его. Именно поэтому нам так важно было заполучить Лозана Лебеда.

Сари запела. Мурген, однако, не торопился.

— Мургену надо также заглянуть в этот дом радости. Он лучше любого из нас сможет разобраться, что там творится.

Хотя, без сомнения, нашлось бы немало братьев, которые пожелали бы рискнуть собой и отправиться туда на разведку. Желательно с условием, чтобы можно было не торопиться.

Сари кивнула, не нарушая ритма своей колыбельной.

— Можно даже...

Нет. Нельзя просто сжечь этот бордель, когда там будет находиться Гокхейл. Никто из наших не понял бы, зачем нужно уничтожить такой замечательный публичный дом, — хотя некоторых наверняка увлекла бы сама по себе идея запалить большой костер.

Одноглазый снова притворился спящим, но потом спросил, не открывая глаз:

— Ты уже решила, что делать, Малышка? Я имею в виду глобальный план?

— Да.

Я сама удивилась, когда у меня это вырвалось. Чисто интуитивно, где-то глубоко внутри, совершенно не отдавая себе в этом сознательного отчета, я уже разработала весь план освобождения Пленных и воскрешения Отряда. И план этот уже начал осуществляться. После всех этих лет бездействия и молчания.

Возник Мурген и забормотал что-то о белой вороне. Вид у него был совсем безумный. Я спросила колдунов:

— Вы уже придумали, как удержать его здесь?

— Проклятие, вечно тебе нужно что-то еще, — проворчал Одноглазый. — Что ни делай, все мало.

— Это можно сделать, — заявил Гоблин. — Но мне по-прежнему непонятно, зачем это нужно.

— Он не слишком-то склонен к сотрудничеству. И потихоньку теряет связь с реальным миром. Предпочитает в полусне бродить по этим своим пещерам. — Я говорила все это наугад. — И парить на белых крыльях. Быть посланцем Кади.

— Почему белых?

Они не читали Летописей.

— Ворона-альбинос, которая иногда внезапно появляется. Временами Мурген как бы оказывается внутри нее. Кина помещает его туда. Или она прежде использовала его таким образом, а теперь он цепляется за эту возможность, как поступал в те времена, когда Душелов хотела до него добраться.

— Откуда тебе все это известно?

— Я иногда читаю, в отличие от некоторых. И временами даже Летописи. А читая, пытаюсь вычислить то, что у Мургена скрыто между строк. Даже такое, о чем он, возможно, и сам не догадывался. Может быть, образ белой вороны сейчас привлекает его тем, что это способ обрести реальную плоть и выйти за пределы пещер. Или, может быть, он подпадает под влияние Кины всякий раз, когда она пробуждается снова. Но сейчас все это не имеет значения. А имеет сейчас значение одно — нужно, чтобы он шпионил для нас. И там, и сям — везде, где понадобится. Я хочу всегда иметь его под рукой, чтобы в любой момент отправить, куда нужно.

Цель важнее всего. Мурген сам учил меня этому.

— Дрема права, — сказала Сари. — Зацепите его чем-нибудь, чтобы он не мог сам исчезнуть отсюда. Тогда я схвачу его за нос и хорошенько встряхну. Может, таким образом мне и удастся безраздельно завладеть его вниманием.

Настроение у нее, казалось, неожиданно улучшилось, как будто прямой контакт с мужем открывал перед ней

совершенно новые перспективы, за которыми маячила утерянная было надежда.

Она готова была пойти на открытую конфронтацию с Мургеном. И даже втянуть в нее Тобо, на своей стороне, конечно.

Не исключено, что ей действительно удастся восстановить нарушенные связи Мургена с внешним миром.

Я повернулась к остальным.

— Этим утром я обнаружила еще один миф, в котором фигурирует Кина. В нем рассказывается, что ее отец вовсе не погрузил ее в сон. Она умерла. Тогда ее муж так огорчился...

— Муж? — проскрипел Гоблин. — Что за муж?

— Не знаю, Гоблин. В этой книге часто не называется имен. Она была написана для людей, которые выросли в атмосфере религии Гунни. Авторы уверены, что всякий, читающий ее, понимает, о ком идет речь. Когда Кина умерла, ее муж настолько опечалился, что схватил труп и принялся с ним танцевать. Точно так, как, по рассказам Мургена, она это делала в его видениях. Несчастный так разошелся, что другие боги испугались, как бы он не разрушил мир. Тогда отец швырнул в нее заколдованный нож, который разрезал Кину на пятьдесят кусков. И каждое место, куда упал один из них, стало святым для тех, кто ей поклоняется. Читая между строк, я предположила бы, что Хатовар — это место, где ударилась о землю ее голова.

— Значит, Одноглазый был прав, когда удалился в пустыню.

Одноглазый вытаращил глаза. Гоблин говорит о нем добрые слова?

— Черта с два. Мною просто овладел юношеский страх. Я преодолел его и снова стал разумным человеком.

— Это что-то новое, — заявила я. — Разумный Одноглазый.

— Почему бы и нет? Только не всегда. Во время катастроф и бедствий — может быть, — сказал Гоблин.

— Я не въехал в эту историю про Кину, — сообщил Одноглазый. — Если она давным-давно умерла, то как

ей удалось доставить нам столько неприятностей за последние двадцать или тридцать лет?

— Это религия, дубина,— проворчал Гоблин.— В ней и не должно быть смысла.

— Кина — богиня,— сказала я.— По моему мнению, боги полностью никогда не умирают. Не знаю, Одноглазый. Я просто рассказываю то, о чем читала. Вспомни, Гунни не верят, что люди умирают на самом деле. Их души продолжают жить.

— Хе-хе-хе,— захихикал Гоблин.— Если эти Гунни правы, ты в глубоком дерьме, коротышка. Ведь Колесо Жизни будет возрождать тебя снова и снова, пока ты не станешь совсем хорошим. А у тебя так много кармы, от которой нужно освободиться.

— Все. Хватит! — взорвалась я.— Мы, кажется, собирались работать.

Работа. Почти все люди терпеть не могут это слово.

— Вы должны приколотить Мургена к месту,— продолжала я.— Или приковать. Или поставить на якорь. Делайте что угодно, лишь бы мы могли удерживать его под контролем. Тогда Сари сможет по-настоящему разбудить его. В самое ближайшее время события начнут развиваться очень бурно. Мурген должен полностью очнуться и активно сотрудничать с нами.

— Похоже, ты собираешься торчать тут и заглядывать нам через плечо,— проворчал Одноглазый.

Я уже встала.

— Умница. А сейчас мне нужно кое-что почитать и перевести. Обойдетесь без меня. Если сумеете сосредоточиться.

Одноглазый сказал Гоблину:

— Нужно затолкать Малышку в один мешок с каким-нибудь парнишкой и завязать покрепче. Может, тогда она станет не такой умной.

Это — его лекарство от всех болезней, несмотря на возраст.

— Когда он разведает то, о чем я уже говорила, пусть поищет Нарайана и Дочь Ночи,— сказала я, прежде чем уйти.

Эта парочка ни в коем случае не должна достигнуть своих целей.

16

— Вот оно! — закричала я, влетая обратно в тот угол, где друзья и родственники Мургена терзали его, пытаясь пробудить устойчивый интерес к миру живых. — Я нашла это! Вот оно!

Мое возбуждение было так велико и кричала я так громко, что даже Мурген, пойманный в тенета колдовского тумана и явно не испытывающий от этого никакого удовольствия, испытующе посмотрел на меня.

— У меня всегда было чисто интуитивное ощущение, что ответ — в Анналах. В Анналах Мургена. И я просто проглядела его. Может, все дело в том, что я слишком давно читала их и мне даже не приходило в голову поискать там снова.

— И вот пожалуйста! — глуумливо воскликнул Одноглазый. — Он там, только тебя и дожидался. Написанный золотом на шикарнейшей бумаге, с крошечными алыми стрелками. Прямо так и было сказано: «Это здесь, Малышка. Секрет в том...»

— Заткнись, дерьмо поганое! — рявкнул Гоблин. — Я хочу послушать, что там Дрема отыскала.

— Это все связано с нюень бао. Ну, может, и не все, — поправила я, заметив хмурый взгляд Сари, — но часть уж точно. С дядюшкой Доем, матушкой Готой и тем, почему они не ушли на свои болота, хотя у них не было долга чести, как у твоего брата, Сари. — Ее брат, Тай Дэй, был сейчас похоронен вместе с Мургеном под Сияющей равниной. Он служил телохранителем Мургена, расплачиваясь таким образом за то, что во время осады Джайкура и сам Мурген, и Отряд в целом помогал нюень бао. — Сари, тебе наверняка что-то известно об этом.

— Может, и так, Дрема. Но прежде объясни, к чему ты клонишь.

— Я клоню к тому, что Тысяча Голосов украла что-то из Храма Чангеша, в промежутке между концом осады и

тем временем, когда дядюшка Дой и твоя мать оставались с тобой тут, в Таглиосе. Мурген вскользь снова и снова касается этого вопроса, но не думаю, чтобы он в полной мере понимал, в чем тут дело. Чем бы ни было то, что украла Тысяча Голосов, дядюшка Дой называл это «Ключ». Опираясь на некоторые другие доказательства, я думаю, что речь идет еще об одном ключе к Вратам Теней, наподобие Копья Страсти. — Тысячей Голосов нюень бао называли Душелова.

— И мне кажется, что, заполучив этот Ключ, мы смогли бы освободить Пленных.

Первый вопрос, который сразу же пришел мне на ум: при чем тут нюень бао?

Сари медленно покачала головой.

— Я ошибаюсь? Тогда что такое этот Ключ?

— Я не говорю, что ты ошибаешься, Дрема. Я просто не хочу, чтобы это оказалось правдой. Есть вещи, в отношении которых я очень не хочу, чтобы они оказались правдой.

— Какие? Почему?

— Мифы и легенды, Дрема. Отвратительные мифы и легенды. Я знаю далеко не все из них. Скорее всего, мне неизвестны самые худшие. Дой был их собирателем и хранителем. Вот как ты для Черного Отряда. Но Дой ни с кем не делился своими секретами. Тобо, разлюби твою бабушку и приведи ее сюда. И До Трана тоже, если он здесь.

Недовольно оглядываясь, мальчишка потащился прочь.

Оттуда, где в специальное колдовское устройство был пойман Мурген, донесся призрачный шепот:

— Дрема, возможно, права. Я припоминаю что-то подозрительно похожее на это. Неплохо бы найти подробную историю нюень бао. Тогда, возможно, удалось бы разобраться, в чем тут дело. Нужно также как следует расспросить Лозана Лебеда.

— Непременно, только не сейчас, — ответила я. — И наедине. Лозану вовсе ни к чему знать, что происходит. Ты пришел в себя, Знаменосец? Понимаешь, где мы и что делаем?

— Да.

Тон у него, однако, был какой-то... Точно он просто мирится с обстоятельствами. В точности как я, когда поутру нужно вставать.

— Тогда расскажите мне о Храме Чангеша. Вы оба. Почему этот Ключ хранился там?

Сари не хотелось говорить об этом. Вся ее поза и выражение лица говорили о яростной борьбе, которая происходила у нее внутри.

— Почему это так трудно для тебя? — спросила я.

— На прошлом моего народа лежит пятно древнего зла. Я имею о нем лишь самые смутные представления. Дой знает всю правду. Мы, теперешние, помним лишь, что на совести наших предков лежал тяжкий грех и пока мы не искупим его, вся наша раса обречена жить на болоте, в горькой нужде и лишениях. Этот храм был святым местом задолго до того, как некоторые нюень бао начали принимать веру Гунни. В нем хранилось что-то. Может быть, тот самый Ключ, о котором ты говорила. То, что разыскивал дядюшка Дой.

— Откуда пришли нюень бао, Сари?

Этот вопрос занимал меня еще со времен детства. Каждые несколько лет сотни этих странных людей проходили через Джайкур, совершая паломничество. Тихо, спокойно, никого не затрагивая, но и не подпуская к себе. И спустя год они возвращались с севера тем же путем и снова проходили через город. Даже когда могущество Хозяев Теней достигало высшей точки, этот цикл неукоснительно повторялся. Никто не знал, куда они идут. Никого это не волновало.

— Откуда-то с юга, много лет назад.

— Из-за Данда Преш?

Трудно представить, что могло заставить маленьких детей и стариков совершать трудное путешествие такой протяженности. Очевидно, это паломничество было чрезвычайно важно для нюень бао.

— Да.

— Но теперь больше нет паломников.

То, которое закончилось гибелью в Джайкуре сотен нюень бао, было последним, насколько мне было известно.

— После Кьяулунской войны и войны с Хозяевами Теней паломничества стали невозможны. Хадж должен был происходить раз в четыре года. Каждый взрослый нюень бао де дуань должен был совершить паломничество хотя бы раз. Раньше проблем не было. Но сейчас Протектор не позволяет нашим людям выполнять свой долг. — Сейчас мне ответил До Тран. Он прибыл на своем кресле на колесах как раз вовремя, чтобы уловить суть моего «допроса» и включиться в него. — Есть вещи, которые мы обсуждаем только среди нюень бао.

У меня возникло ощущение, что все его слова имеют как бы два смысла: один предназначался мне, другой — Сари. Тут могли возникнуть определенные трудности. Никто из нас не дерзнул бы обидеть Бонх До Трана, чья дружба была для нас так важна.

Никогда нельзя ничего выяснить просто и открыто, без обиняков. Только я начала излагать старику свои соображения, как вперевалку вошла Кы Гота. У меня глаза на лоб полезли, когда Одноглазый галантно предложил ей свой стул. Наш мир, несомненно, полон чудес. Потом маленький колдун вышел и принес себе другой стул, на котором и уселся рядом с Готой. Эти двое сидели, опираясь на свои трости, точно пара храмовых горгулий. Призрак давно увядшей красоты выглядывал из-под той широкоскулой, постоянно хмурой маски, которая была у Готы вместо лица.

Я объяснила ситуацию.

— Но тут какая-то тайна. Где сейчас этот Ключ? — Никто ничего не знал. — Думаю, если бы он был у Тысячи Голосов, она каждый месяц возвращалась бы в Кьяулун и отлавливала новую порцию Теней-убийц. Если бы сумела открыть Врата Теней без вреда для себя. А если бы Ключ был у дядюшки Доя, он не скитался бы вокруг, разыскивая его. Вернулся бы на болота, счастливый и довольный, послав нас, оставшихся, в аль-Шейл. Ну что, матушка Гота? Я не права? Ты хорошо знаешь этого человека. Уверена, тебе есть что сказать.

Может, и есть. Но вот чего нет, конечно, так это желания. На мои вопросы о тех временах, когда Отряд находился на юге, все молчат, как рыбы. Обо всем. Боятся, что ли? Чего? Сами не знают. И тот факт, что сейчас Отряд почти целиком состоит из местных, ничего не меняет. Наша жизнь такова, что не привлекает знающих, образованных людей. Если бы какой-то жрец предложил нам свои услуги, очень скоро его труп плыл бы вниз по течению реки — ведь ясно же, что он шпион.

— Уж не у тебя ли эта проклятая хреновина? — спросил Одноглазый.

— У кого?

— У тебя, Малышка. У тебя, плутовка. Я не забыл, что ты одно время была гостьей Душелова, как раз тогда, когда она напала на след этой штуки, выведав что-то через Мургена. Я не забыл, что наш милый старый дядюшка Дой освободил тебя просто между делом. Он искал свою пропавшую безделушку, Ключ. Не так ли?

— Все это правда. Но все, что я таким образом заработала, — это несколько новых шрамов на спине.

— Тогда нужно выяснить, продолжает ли Душелов поиски Ключа?

— С уверенностью ничего сказать нельзя. Но время от времени она летает на юг и рыщет там, точно что-то ищет.

Об этом мы узнали от Мургена, ~~хотя~~ вплоть до сегодняшнего дня ее поведение казалось лишенным смысла.

— Итак, у кого еще есть какие-нибудь соображения?

Одноглазый не стал напрямую давить на Готу, чтобы заставить ее разговариваться. Подобраться к Готе можно было только, делая вид, что не замечаешь ее. Временами у старухи возникало желание, чтобы ее заметили.

Я вспомнила бледную, оборванную маленькую девочку, которая, хотя ей было всего четыре года, казалась безвозрастной — молчаливая, не по-детски терпеливая и совершенно не напуганная тем, что оказалась в плену. Дочь Ночи. Она никогда не разговаривала со мной. Она

вообще замечала мое существование только тогда, когда, слишком уж разозлившись на нее, я забирала себе жалкую еду, оставленную нам Душеловом. Эх, жаль, что я не задушила ее тогда. Но в те времена я понятия не имела, кто она такая.

В те времена мне больше всего хотелось вспомнить, кто я такая. Душелов подмешала что-то в мою еду, проникла в самую душу и утащила оттуда половину того, что делало меня мной. А потом и в самом деле прикинулась мной, чтобы проникнуть в Отряд. Интересно, много ли ей на самом деле удалось тогда узнать обо мне. Известно ли ей, что я уцелела во время Кьяулунской войны? Не хотелось бы. Пусть думает, что я погибла, так безопаснее.

— Потом пришел Нарайан, чтобы забрать Дочь Ночи,— продолжала я вспоминать уже вслух.— Но я видела его лишь мельком. Ужасный тощий маленький человечек в грязной набедренной повязке. Отвратительный тип. Я вообще не догадывалась, что это он, пока не стало ясно, что меня-то никто освобождать не собирается. Я не видела, что они делали, и не знаю, взяли ли что-нибудь с собой. Мурген, ты же видел их тогда. Я сама читала о том, что видел. Взяли они с собой что-нибудь, похожее на этот Ключ?

— Не знаю. Хочешь верь, хочешь нет, но восприятие, как и память, очень избирательно.— Его самолюбие, казалось, было задето.

— Ну все равно, напрягись, попытайся вспомнить,— попросила я.

— Вряд ли от этого будет много толку,— заявила Сари, прерывая Мургена прежде, чем он начал пересказывать все с самого начала.

— Ты можешь найти их сейчас? — Это, конечно, было довольно опасно, поскольку девочка могла поддерживать связь с Киной. Если богиня Тьмы зашевелится снова, Мургену следует проявлять крайнюю осторожность, чтобы не привлечь к себе божественное внимание.— Вот какие приоритеты мы установили относительно Дочери Ночи. Убить ее. В случае неудачи — убить ее «друга». В случае неудачи — сделать так, чтобы она не смогла ско-

пировать Книги Мертвых. Ничуть не сомневаюсь, что она снова примется за это, как только установит надежную связь с Киной. И последнее: отобрать у нее все, что они с Сингхом унесли, когда он освобождал ее.

Одноглазый перестал, как заведенный, кивать головой и лениво хлопнул в ладоши.

— Сотри их в порошок, Малышка. Сотри их в порошок.

— Заткнись, старый негодяй.

Одноглазый захихикал.

— Можно подойти к этому с другой стороны, — сказал Гоблин. — У тебя ведь в библиотеке есть дружки среди тех, кто переплетает чистые книги, подготовленные для записи? Пойди к ним и постарайся разузнать, кто совсем недавно заказывал такие. Или предложи взятку, чтобы они сообщили тебе, когда это произойдет.

— Отлично, — сказала я. — Хорошо, что есть хоть кто-то, использующий свои мозги по назначению. Прелесть этого мира в том, что в нем полно чудес. Проклятие, куда подевался Мурген?

— Ты же сама сказала ему, чтобы он поискал Нарайана Сингха и Дочь Ночи, — напомнила Сари.

— Я не имела в виду сию секунду. Сейчас мне гораздо важнее узнать что-нибудь о Чандре Гокхейле, что можно было бы использовать против него.

— Ну, что ты все суетишься, Малышка? — Тон у Одноглазого был такой сладкий, что мне захотелось хорошенько треснуть его. — Расслабься. Не подгоняй события.

Вошли двое наших парней, Ранмаст Сингх и тенеплет, которого в Отряде звали Кендо Резчик.

— Этим вечером опять вопят то там, то здесь, — сообщил Кендо. — Я разослал сообщения всем нашим, чтобы получше законопатили все дыры и вообще были поосторожнее.

— Тени охотятся, — негромко произнесла Сари.

— Здесь нам опасаться нечего, — сказала я. — Но просто на всякий случай, для пущей безопасности, почему бы тебе, Гоблин, не отправиться в обход с Кендо и

Ранмастом? Нам ни к чему сюрпризы. Сари, может Душелов выпустить на свободу Тени, которые ее не слушаются?

— Просто ради каприза? Ты же Летописец. Что в книгах о ней сказано?

— Там сказано, что она способна на все. Что ее связи с человеческим родом оборваны. Она, должно быть, чувствует себя очень одинокой.

— Что?

— Итак, наша следующая цель — Чандра Гокхейл? Нет возражений?

Сари удивленно посмотрела на меня — ведь это было уже решено. Если никакой более удачной возможности не представится, мы просто ликвидируем Генерал-инспектора, без чьей налоговой и бюрократической системы государство начнет спотыкаться. Одновременно он казался самым уязвимым из наших врагов. И если мы устраним его, Радиша окажется в такой изоляции, в какой ей бывать еще не приходилось. Зажатая между Протектором, жрецами и неспособная свернуть со своего пути, потому что ведь она была Радиша, неприступная княгиня, в некоторых отношениях полубогиня.

Она, должно быть, тоже чувствует себя очень одинокой. А еще хитрой и коварной.

— Что мы сделали сегодня для устрашения? — спросила я.

И тут же осознала, что знаю ответ. Мы обсуждали это, когда составляли план захвата Лозана. Сегодня вечером должна была состояться демонстрация наших дымовых «картинок», «пузыри» для которых были установлены раньше. И еще больше их будет завтра. Это и «Воды спят», и «Мой брат не отмучен», и «Все их дни сочтены». И так будет каждый вечер, начиная с сегодняшнего дня.

Сари сказала задумчиво:

— Кто-то принес еще одно молитвенное колесо и установил его на мемориальном столбе у северного входа. Его еще не заметили, когда я уходила из Дворца.

— С очередным сообщением?

— Наверняка.

— Жуть какая. Это может оказать сильное воздействие. Раджахарма.

— Радиша тоже так думает. Она страшно разволновалась из-за того монаха, который сжег себя.

История моей жизни. Я тут трачу месяцы, разрабатываю в малейших деталях изумительный план, — и, пожалуйста, какой-то безумец, которому вздумалось поиграть с огнем, отвлекает на себя все внимания, а я оказываюсь на обочине.

— Значит, эти чудики-Бходи нашли удачный отрывок. Как ты думаешь, мы не могли использовать кое-что из этих их туманных угроз?

Одноглазый злобно захихикал.

— Что такое? — требовательно спросила я.

— Иногда я сам себя развлекаю.

Гоблин, который встал, собираясь уходить вместе с Ранмастом и Кендо, заметил:

— Ты развлекаешь сам себя уже двести лет. Главным образом потому, что никто больше не интересуется таким ничтожеством.

— Ты лучше не ложись спать в ближайшее время, жабеныш...

— Тихо, тихо, — произнесла Сари. Мягко. И, тем не менее, она сумела завладеть вниманием обоих колдунов. — Может, мы займемся делом? Мне еще нужно хоть немного поспать.

— О чем разговор! — тут же откликнулся Гоблин. — О чем разговор! Если у этого старого пердуна есть интересная идея, пусть родит ее сейчас, пока она не сдохла от одиночества.

— Займись лучше своим делом.

Гоблин показал ему язык и удалился, наконец.

— Ну, давай, удиви нас, Одноглазый, — предложила я.

Меньше всего мне хотелось, чтобы он задремал, так и не поделившись с нами своими мудрыми мыслями.

— В следующий раз, когда один из этих помешанных Бходи подожжет себя, нужно, чтобы тут же появились наши «картинки». «Воды спят», конечно. Но и кое-что новенькое. Я думаю — «Смерть Еще Не

Конец». Согласись, тут есть некоторый тонкий религиозный оттенок.

— Пожалуй, — сказала я. — Проклятие, но что это значит?

— Малышка, не начинай цепляться ко мне...

Призрак нашего прошлого прошептал:

— Я нашел их.

Мурген вернулся.

Я не спрашивала, кого.

— Где?

— В Саду Воров.

— В Чор Багане? Там же полным-полно Серых.

— Да, — сказал Мурген. — И они из кожи вон лезут, прочесывая это место.

17

Сари разбудила меня перед рассветом. Терпеть не могу это время дня. Я прибилась к Отряду, когда город, где я жила, оказался в осаде. Тогда я с утра до ночи твердила себе одно — как только удастся выбраться оттуда, мы будем спать до полудня, вдоволь есть непротухшую еду и никогда, никогда не станем мокнуть под дождем. Вот тут-то я и наткнулась на Черный Отряд — лучшее из того, что было мне доступно. Вода поднялась на пятьдесят футов. Единственной непротухшей едой были «длинные свиньи», то есть человеческое мясо, которым лакомились Могаба и его друзья-нары. Если не считать случайно подвернувшихся увечных крыс и уж совсем тупых ворон.

— Ну, что такое? — недовольно проворчала я.

Убеждена, что даже от жрецов беспечного старого Чангеша не требовалось выражать удовольствие, когда их будили поутру, причем гораздо ближе к полудню, чем меня сейчас.

— Мне нужно во Дворец, а тебе следует появиться в библиотеке. И еще. Если мы хотим вырвать Нарайана и девочку прямо из-под носа у Серых, нужно поторопиться с планом.

Что же, все верно. Но это не значит, что я должна быть в восторге.

Все мы, живущие в комплексе До Трана, включая его самого, как всегда, позавтракали вместе. Отсутствовали только Тобо и матушка Гота. Но они в обсуждении участия все равно не принимали бы.

Так же, как и те, кто находился снаружи — Тени все еще бродили по городу.

— Мы разработали отличный план, — заявил Одноглазый, напыжившись от гордости.

— Не сомневаюсь, что все ваши идеи одна гениальнее другой, — ответила я, забирая свою долю — чашку холодного риса, манго и чашку чая.

— Сначала Гоблин напаялит наряд дервиша и отправится туда. Потом пойдет Тобо...

— Доброе утро, Адо, — рассеянно пробормотала я, когда сторож выпустил меня в библиотеку.

Меня беспокоило, что Гоблин и Одноглазый сейчас были предоставлены самим себе. Это у тебя материнский инстинкт пробудился, заявили они, показывая свои гнилые зубы. Ты прямо как курица, которая боится хоть на шаг отпустить от себя цыплят. Правда, на свете не так уж много кур, которым приходится волноваться из-за того, что их цыплята могут надраться, забыть, чем занимались, и отправиться бродить по городу в поисках приключений.

Адо кивнул в ответ. Он никогда не произносит ни слова.

Оказавшись в библиотеке, я тут же рьяно взялась за дело, хотя до меня прибыла всего пара копиистов. Иногда Дораби удается сосредоточиться не хуже Савы. Это помогает отвлечься от тревог.

— Дораби? Дораби Дей Банерай?

Я медленно вынырнула из сна, изумляясь, как это меня угораздило. Я сидела на корточках в углу. В такой позе обычно сидят Гунни и нюень бао, но не Ведна, не Шадар и не остальные, принадлежащие к малочисленным этническим группам. Мы, веднаиты, предпочитаем сидеть со

скрещенными ногами на полу или на подушке. Шадар любят низкие кресла или стулья. Если у шадарита нет хотя бы самого примитивного стула, это у них считается признаком бедности.

Я не вышла из образа даже во сне.

— Господин Сантараксита?

— Ты болен? — Голос у него звучал озабоченно.

— Устал. Не выспался. Скидирша охотились этой ночью. — Вообще-то Теней так называют тенеплеты, но Сантараксита и ухом не повел. За время Протектората это слово прочно вошло в обиход. — Крики мешали спать.

— Понятно. Я и сам не выспался, хотя по другой причине. До меня даже не доходило, какой это на самом деле ужас, пока утром я не увидел, что они натворили.

— Значит, скидирша проявляют должное уважение к жреческому сословию.

Он еле заметно скривил губы, но мне стало ясно, что ирония дошла до него.

— Я в ужасе, Дораби. Это зло не похоже ни на что, с чем мы сталкивались прежде. Одно дело такие слепые бедствия, как наводнение, мор или что-то в этом роде. Их нужно переносить стоически. И против Тьмы иногда бессильны даже сами боги. Но посылать шайку этих Теней, чтобы они снова и снова совершали убийства просто так, наобум, а не по какой-то, пусть даже совершенно безумной, причине — это зло того сорта, какое проповедовали только северяне. — Дораби пришлось приложить титанические усилия, чтобы не стиснуть челюсти. — Прости. Но я знаю, что говорю. Ты наверняка никогда не встречался с этими чужаками.

Он сделал ударение на последнем слове — именно его таглианцы употребляли, имея в виду прежде всего Черный Отряд.

— Встречался. Я видел самого Освободителя, когда был маленьким. И еще ту, кого они называли Лейтенантом, после того, как она вернулась из Дежагора. С тех пор прошло много лет, но я все помню, потому что именно в тот день она убила всех жрецов. Она очень похожа на Протектора. — Ничего особенного в моих словах не было,

любой взрослый таглианец мог бы сказать то же самое. На протяжении нескольких лет перед тем, как начался завершающий поход против Длиннотени, который засел в своей крепости Вершина, Черный Отряд то входил в город, то оказывался за его пределами. Я поднялась. — Я пойду. Мне нужно еще кое-где убраться.

— Ты добросовестно выполняешь свою работу, Дораби.

— Спасибо, господин Сантараксита. Я стараюсь.

— Бесспорно. — У него на языке, казалось, вертелось что-то еще. — Я принял решение позволить тебе пользоваться любыми книгами за исключением закрытого фонда. — В закрытом фонде хранились книги, имеющиеся в небольшом количестве экземпляров. Пользоваться ими разрешалось только особо доверенным ученым. До сих пор мне удалось установить названия лишь немногих книг, которые там находились. — Если у меня не будет для тебя других поручений.

Прекрасно. Фактически, я всегда какую-то часть дня провожу без дела, ожидая, когда мне скажут, что делать.

— Спасибо, господин Сантараксита.

— Мне хотелось бы обсудить с тобой прочитанное.

— Да, господин Сантараксита.

— Мы стоим на неизведанном пути, Дораби. Впереди нас ждет волнующее и пугающее путешествие.

Как человек предубежденный, он действительно имел в виду то, что сказал. Тот факт, что я умею читать, полностью перевернул его представления о мире, и теперь он пытался как-то сориентироваться в этой новой для себя вселенной.

Я взяла веник. В моей вселенной волнующие и путающие события были нормальным явлением. И меня буквально трясло от мысли, что я вынуждена торчать здесь вместо того, чтобы держать их под контролем.

Маленький дервиш в коричневой шерстяной хламиде казался полностью погруженным в самого себя. Он

что-то шептал, не замечая происходящего вокруг. Скорее всего, пересказывал сам себе священные тексты Ведны, как их понимали члены его секты. Хотя Серые устали и были раздражены, они не стали к нему цепляться. Их учили уважать всех святых людей, а не только тех, кто находился под защитой религии шадаритов. Любой, кого коснулась рука мудрости, в конце концов найдет свой путь к свету.

Терпимость к тем, кто ищет просветления, характерна для всех таглианцев. Большинство из них в этой жизни о душе заботятся мало. В то же время Гунни считали поиски просветления одной из четырех ключевых стадий идеально прожитой жизни. Если человеку удалось вырастить и хорошо обеспечить своих детей, ему следовало отложить в сторону все сугубо материальное, все свои амбиции и удовольствия. Уйти в лес и жить там как отшельник. Или странствовать в поисках просветления, живя подаянием. Или каким-то другим способом потратить остаток своих дней на поиски истины и очищение души. В истории Таглиоса и княжеств, расположенных дальше к югу, было много славных имен князей или просто богатых людей, которые избрали для себя именно такой путь.

Но человеческая природа остается человеческой природой...

Серые не позволили дервишу продолжить свои поиски в Чор Богане. Сержант остановил его. Его товарищи окружили святого человека. Сержант сказал:

— Отец, не ходи туда, нельзя. Эта улица закрыта для движения по приказу министра Лозана.

Даже мертвый, Лозан должен был принять на себя вину за политику Душелова.

Дервиш, по-видимому, не замечал Серых, пока буквально не натолкнулся на них.

— А?

Серые помоложе засмеялись. Людям всегда приятно, когда представления, основанные на предубеждении, подтверждаются на практике.

Сержант повторил то, что уже говорил раньше.

— Тебе придется свернуть направо или налево, — добавил он. — Мы разыскиваем злобных тварей, которые прячутся впереди. — Он явно был неглуп.

Дервиш взглянул направо, взглянул налево. Вздрогнула и изрек слегка дребезжащим голосом:

— Все зло — результат метафизической ошибки.

И двинулся по улице направо. Это была очень странная улица — почти пустая. В Таглиосе такое нечасто увидишь.

Спустя мгновение сержант-шадарит пронзительно вскрикнул от удивления, боли и начал хлопать себя по боку.

— Что случилось? — спросил другой Серый.

— Что-то ужалило меня... — Он закричал снова, и это означало, что ему было действительно очень больно, поскольку Шадар гордятся своей способностью выносить боль без единого вскрика или даже содрогания.

Двое людей сержанта попытались задрать ему рубашку, а третий сильно ухватил его за руку, не давая ему дергаться. Сержант снова пронзительно закричал.

Его бок начал дымиться.

Серые в страхе отступили. Сержант упал и забился в конвульсиях. Дым продолжал подниматься вверх. И принимал форму, которую никому из Серых не хотелось видеть.

— Ниасси!

Демон Ниасси начал нашептывать секреты, которые никто из Шадар не хотел слышать.

Усмехаясь себе самому, Гоблин проскользнул в Чор Баган. Он исчез задолго до того, как кому-то пришло в голову задуматься, нет ли связи между неприятностью с сержантом и дервишем-веднаитом.

Со всех сторон к месту происшествия сбегались Серые. Офицеры, рывкая и ругаясь, загнали их обратно на посты, прежде чем обитатели Чор Багана сообразили, что у них появилась возможность скрыться. Очевидно, это был отвлекающий маневр с целью дать тем, за кем они охотились, шанс сбежать.

Начала собираться толпа. Среди людей шнырял мальчишка нюень бао, который, увидев момент, срезал у кого-то

кошелек и проскочил мимо Серых. Один из них вспомнил, что уже видел его тем вечером, когда их побили камнями. Дисциплина начала падать.

Офицеры Серых выбивались из сил. И, в общем, справились с задачей. Всего несколько человек покинули Чор Баган и поддюжины проскользнули внутрь. Среди них — тощий маленький старик, целиком обмотанный в желтую ткань, как одевались все прокаженные.

Одноглазому эта идея не нравилась. На кой черт им возиться с желтой тканью? Ерунду какую-то Гоблин придумал.

Шесть участников налета приблизились к дому спереди и с тыла, разделившись на две группы по трое. Одноглазый был среди тех, кто впереди. Люди разбегались во все стороны, увидев желтое. Все шарахаются от прокаженных.

Никому не нравилось, что все происходит при дневном свете. Это было не в обычаях Отряда. Но ночная тьма для нас недоступна, пока Тени Душелова бесчинствуют на улицах. И в виде исключения все — и Летописцы, и колдуны — пришли к единому мнению, что при дневном свете Дочери Ночи вряд ли удастся воззвать к Кине за помощью. Был и еще один плюс — днем она наверняка меньше всего опасалась нападения, и это давало шанс использовать фактор неожиданности.

Прежде чем начать штурм, обе команды остановились, чтобы проверить, на месте ли у всех веревочные браслеты с колдовскими заклинаниями, которые окружали человека, точно рой moskitov. Нападающие вошли внутрь, переступая через или обходя испуганных, дрожащих людей. Семья, обитавшая здесь, до этого момента верила, что им крупно повезло. Как-никак, они имели крышу над головой, даже если это был всего лишь сдаваемый внаем отрезок коридора. Обе команды оставили снаружи по человеку, чтобы никто из посторонних не смог проникнуть внутрь. Еще двое заняли места на шатких ступеньках, чтобы помешать жильцам бегать вверх и вниз по лестнице. Гоблин и Одноглазый встретились у входа в подвал и обменялись жалобами на то, что в их

распоряжении так чертовски мало людей, а потом с преувеличенной любезностью стали предлагать друг другу первым спуститься в логовище врага.

В конце концов, на это согласился Гоблин, но только на том основании, что обладает превосходством молодости и быстротой ума. Он запустил парочку светящихся звездочек в глубину подвала, где тьма была чернее, чем сердце Кины.

— Они здесь! — воскликнул он. — Ха! Мы их достали...

Взрыв — и что-то вроде пылающего тигра возникло прямо из ничего. Он прыгнул на Гоблина. Сбоку вынырнула тень и выбросила вперед что-то длинное и тонкое, захлестнувшее петлю на шее маленького кодауна.

В то же мгновение в воздух взлетела трость Одноглазого и опустилась на запястье Нарайана с такой силой, что хрустнула кость. Живой святой Душил выронил свой румель, который, плавно паря, полетел в глубину подвала.

Через голову Гоблина Одноглазый швырнул что-то туда, откуда появился тигр. Помещение залил призрачный свет, похожий на светящийся болотный газ. Внезапно он пришел в движение, окутав фигуру молодой женщины. Она начала хлопывать себя ладонями, пытаясь стряхнуть его.

Пока ее внимание было отвлечено на это, Гоблин сделал движение рукой. Женщина упала.

— Черт! Дерьмо! Сработало! Я — гений. Признай, что это так. Я — проклятуший чертов гений!

— Кто гений? А кто разработал план?

— План? Какой план? Успех зависит от деталей, коротышка. Кто разработал детали? А то, подумаешь, он предложил — давайте захватим эту парочку. План! Любой идиот мог предложить такой план.

Продолжая ворчать и переругиваться, они связали пленников.

Одноглазый сказал:

— Раз ты такой умный, давай продумай в деталях, как нам выбраться отсюда вместе с ними. И, главное, пройти мимо Серых.

— Все уже давно продумано, кретин. У них сейчас столько хлопот, что некогда заниматься какими-то прокаженными. — Он начал обматывать куском желтой ткани голову Дочери Ночи. — Напомни мне не забыть предостеречь наших, что эта подруга мастерица создавать иллюзии.

— Не учи ученого. — Одноглазый, в свою очередь, принялся обматывать желтой тканью Нарайана. Во мгновение ока Гоблин тоже сменил свою коричневую хламиду на желтую. Четверо братьев, стоявших на ступеньках лестницы, по происхождению все шадариты, столь же быстро преобразились в Серых. — Я говорил раньше и сейчас повторяю, что это может не сработать.

— Потому что это я придумал?

— Вот именно. Смотри-ка, начинаешь ухватывать. Добро пожаловать в реальную жизнь.

— Если мы влипнем в какое-нибудь дерьмо, винить нужно не меня, а Дрему. Это была ее идея.

— Нужно что-то делать с этой девчонкой. Она чертовски много думает. Долго ты собираешься тут ласы точить?

— Не бей Нарайана слишком сильно. Ты же не собираешься его на руках нести?

— Это ты мне говоришь? А сам чем занимаешься, старый извращенец? А ну-ка убери свои поганые руки оттуда!

— Я всего лишь кладу управляющий амулет ей на сердце, дерьмо ты протухшее. Чтобы у нас не возникло с ней никаких трудностей по дороге домой.

— Фу ты, ну ты! Конечно, амулет кладешь, ни больше ни меньше. Но почему бы не взглянуть на это с оптимистической точки зрения? По крайней мере, ясно, что у тебя снова проснулся интерес к девицам. Она так же хороша, как ее мать?

— Лучше.

— Попридержи язык. Может, тут обитают призраки. И я подозреваю, что некоторые из них могут разговаривать друг с другом, что бы там не утверждал Мурген.

С этими словами Одноглазый поволок нетвердо стоящего Нарайна Сингха по ступеням.

— Уверен, что мы благополучно выберемся, — ликовал Одноглазый. Комбинация Серых с прокаженными, казалось, привела в волнение весь Сад Воров — в особенности, сейчас, когда настоящие Серые бегали вокруг, обращая внимание только на то, что происходит с ними самими.

— Не хочется разбивать тебе сердце, старина, — сказал Гоблин. — Но думаю, что мы на крючке. — Он оглянулся через плечо.

Одноглазый тоже обернулся.

— Дерьмо!

Маленький летучий ковер опускался прямо на них, в сопровождении ворон, не издававших ни единого звука. Душелов. Как всегда, уверенная в себе и охваченная злобой радостью.

Она швырнула что-то.

— В стороны! — завопил Гоблин. — И не давайте этим двоим улизнуть.

Он повернулся в сторону опускающегося ковра, чувствуя, что сердце колотится где-то в области горла. Если дело дойдет до прямого столкновения, от него останется мокрое место, точно от раздавленного яйца. Он вытянул руку в перчатке, схватил падающий черный шарик, размахнулся и метнул обратно в небо.

Душелов вскрикнула, охваченная яростью. Таглианцы не обладали подобным нахальством. Она направила ковер в сторону, избегая соприкосновения с черным шариком. И вовремя.

Удача снова сопутствовала ей. Пронзительно свистя, прямо через то место, где она только что находилась, промчался огненный шар, точно такой же, как те, которые изрешетили стену Дворца, а людей поджигали, точно то были светильники на дрянном жиру. Она начала спуск. Еще два огненных шара едва не задели ее. Душелов укрылась за домом. Ее душил гнев, но она сдерживала себя.

Точно фейерверк, над ее головой одна за другой начали взрываться вороны. Дождем посыпались кровь, плоть и перья.

Душелов посоветшалась сама с собой, разговаривая на разные голоса. И пришла к определенным выводам.

Это были не обитатели Чор Багана. Они пришли сюда за чем-то.

— Они здесь, в городе. Просто нам не удалось обнаружить их. Слухи, следы... Мы видели и слышали только то, что соответствовало их желанию. До этого момента. Здесь не обошлось без колдовства. Вот тот смельчак-коротышка, похожий на жабу. Гоблин. А ведь Великий Генерал клялся, что своими глазами видел его мертвым. Кто еще уцелел? Может, Великий Генерал не заслуживает доверия?

Нет, невозможно, немыслимо. Других друзей у Могабы не было. Она намертво привязала его к себе.

Душелов опустила ковер на землю, сошла с него, сложила легкий бамбуковый каркас, намотала на него ковер и внимательно оглядела улицу. Они вылезли вон оттуда. Что им могло понадобиться настолько безотлагательно и отчаянно, чтобы решиться поставить себя под удар разоблачения? Что-то очень важное. Она обязана выяснить, что именно. Наверняка это представляет очень большой интерес для нее самой.

Одно произнесенное шепотом слово силы — и в подвале стало светло. Грязь была ужасающая. Душелов медленно поворачивалась, оглядываясь по сторонам. Мужчины и его дочь, надо полагать. Во всяком случае, старик и молодая женщина. Одна лампа. Разбросанная одежда. Несколько горсточек риса. Немного рыбы. А это зачем — принадлежности для письма и чернила? Книга? Кто-то только что начал писать в ней на неизвестном языке. Краешком глаза Душелов заметила, как в углу промелькнуло что-то черное. Она резко обернулась и присела, опасаясь нападения бродячей Тени. Скидирша питала особенную ненависть к тем, кто осмеливался командовать ими.

Крыса бросилась наутек, выронив предмет своего любопытства. Душелов опустилась на колени и взяла в руки длинный шарф из черного шелка с эмблемой в виде древней серебряной монеты, вышитой в углу.

— Ох... Понятно.— Она расхохоталась, точно молоденькая девушка, до которой внезапно дошел смысл непристойной шутки. Взяла книгу и еще раз внимательно осмотрела помещение, прежде чем покинуть его.— Как плохо, однако, оплачивается самоотверженность.

Оказавшись на улице, она снова собрала ковер, на этот раз не проявляя ни малейшего беспокойства по поводу возможного обстрела. Эти люди давно ушли и сейчас находятся далеко отсюда. Они знают свое дело. Но ничего, вороны выследят их.

Она замерла, пристально глядя вверх, на сидящую на гребне крыши белую ворону, но не видя ее.

«Как они сумели обнаружить этих двоих?»

19

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Сари, даже не успев снять с себя лохмотья Минх Сабредил.

Я и сама еще была одета как Дораби Дей Банерай.

— Мы каким-то образом потеряли Мургена. Гоблин был уверен, что они его прочно закрепили, но, пока все мы отсутствовали, он куда-то подевался. Не представляю, как заполнить его обратно.

— Я имею в виду, что случилось в Саду Воров? В какой-то момент Душелов исчезла из Дворца. Не знаю, что у нее были за дела, но вернулась она совершенно другим человеком. Я не смогла расслышать все, что она рассказывала Радише, но одно ясно — она или нашла, или выяснила что-то такое, что полностью изменило ее настрой. Как будто ей внезапно стало не до шуток.

— Ох! Не знаю,— сказала я.— Может, Мурген мог бы рассказать. Если удастся вернуть его.

Тут к нам присоединился Гоблин, толкнув Одноглазого, уснувшего в кресле Бонх До Трана.

— Оба ведут себя спокойно,— сообщил он.— Я им дал успокаивающее. Нарайан поначалу был как безумный. Девчонка вела себя намного сдержаннее. Но с ней нужно держать ухо востро.

— Что с ним такое? — спросила я, указывая на Одноглазого.

— Просто устал. Он ведь уже старый. Вот проживешь хоть половину того, что у него за плечами, тогда посмотрим, будешь ли ты хоть вполровину так энергична.

— Почему ты сказал, что с этой девушкой нужно держать ухо востро? — спросила Сари.

— Потому что она дочь своей матери. Она еще не шибко преуспела в колдовстве, ведь учить-то ее было некому, но у нее к этому природные способности, и она может очень далеко пойти. Может даже стать такой же могущественной, как ее мать, но без тех зачаточных представлений об этике, которые были присущи Госпоже. От нее просто несет...

— От нее несет, это точно, но совсем не тем, о чем ты думаешь, — прохрипел Одноглазый. — Первое, что надо сделать с этой голубушкой, — затолкать ее в бочку с горячей водой. Потом бросить туда же две — нет, четыре! — полные горсти щелока и отмачивать ее не меньше недели.

Мы с Сари обменялись взглядами. Если этой девице удалось оскорбить даже чувства Одноглазого, значит, она и впрямь была «хороша».

Гоблин расплылся от уха до уха, но смолчал.

— Я слышала, вы наткнулись на Протектора, — сказала я.

— Она сидела на крыше или где-то там еще, надеясь увидеть, что происходит. Ну, ее надежды не оправдались. Пара огненных шаров и — брык! Так и просидела все время.

— Вы «хвоста» за собой не привели?

Я, по правде говоря, знала ответ — они ведь понимали, что поставлено на карту. И даже не приблизились бы к дому, если бы имели малейшее сомнение в том, что это небезопасно.

И все же я должна была задать этот вопрос. Хотя, если бы они допустили промашку, наш склад уже пылал бы, подожженный Серыми.

— Мы были готовы к тому, что придется разбираться с воронами.

— Со всеми, кроме одной, — проворчал Одноглазый.

— Что?

— Я видел там белую ворону. Она, по правде говоря, не пыталась нас преследовать.

И снова мы с Сари обменялись взглядами. Сари сказала:

— Я хочу переодеться, съесть что-нибудь и немного передохнуть. Давайте встретимся через час. Если у тебя есть сердце, Гоблин, ты попытаешься отыскать Мургена.

— Ты некромантка.

— А ты клялся, что он у вас на крючке. Даю тебе час.

Гоблин заворчал что-то себе под нос. Одноглазый мерзко захихикал и не предложил помочь ему. Вместо этого он спросил меня:

— Ну как, надумала укокошить своего библиотекаря?

Я не стала ничего объяснять ему, но этим вечером начала склоняться к тому, что, может быть, в его словах есть смысл. Похоже, Сурендранат Сантараксита подозревает, что Дораби Дей Банерай — нечто большее, чем даже любознательный уборщик. А может, я тоже поддавалась паранойе и слышу в словах Сантаракситы то, чего в них не было.

— Пусть тебя не волнует господин Сантараксита. Он очень добр ко мне. Сказал, что я могу брать любую книгу, какую пожелаю. За исключением закрытого фонда.

— Ишь, лиса! — заявил Одноглазый. — Рано или поздно кто-нибудь да отыщет дорожку к твоему сердцу. Может, тот, кто думает, что она проходит через книги? Смотри, не забудь назвать первенца в честь меня.

Я помахала кулаком у него перед носом.

— Я бы выбила тебе последние зубы и обозвала чокнутым, но меня воспитали в уважении к старшим — даже когда они бормочут всякую чушь, выжили из ума и совсем одряхтели. — Несмотря на свою сфокусированность на Едином Истинном Боге, моя религия содержит очень сильный налет почитания предков. Любой веднаит верит, что предки могут слышать его молитвы и ходатайствовать за него перед Богом и Его святыми. Если

считает, что ведет себя достойно. — Я собираюсь последовать примеру Сари.

— Крикни, если тебе понадобится попрактиковаться, чтобы не ударить в грязь лицом перед новым дружком.

Его кудахтанье внезапно смолкло — мимо прохромала Гота. Когда я оглянулась, Одноглазый выглядел так, будто уже снова спал. Вот притворщик!

Во время осады в Джайкуре я только и твердила, что никогда в жизни не стану привередничать в еде. Что мне ни предложат, буду лишь улыбаться и говорить: «Спасибо». Но время знает способ заставить человека забыть свои клятвы. Рис и вонючая рыба надоели мне не меньше, чем Гоблину и Одноглазому. Просто тоска берет от риса и рыбы, рыбы и риса. Уверена, что именно эта их диета делает нюень бао людьми, лишенными чувства юмора.

Я зашла к Сари. Она вымылась, распустила волосы, расслабилась и выглядела на десять лет моложе. Легко представить себе, что еще десять лет назад она воплощала собой мечту любого молодого мужчины.

— У меня есть еще немного денег из тех, что достались мне от одного человека, который погиб на юге, — заявила я, размахивая крошечным кусочком рыбы, зажатым между двумя бамбуковыми палочками.

Нюень бао отказываются пользоваться кухонными принадлежностями, к которым вот уже на протяжении многих лет все привыкли в этой части света. Здесь, в комплексе До Трана, еду готовили только нюень бао.

— Что? — недоуменно спросила Сари.

— Я готова их потратить. Чтобы купить свинью. — Веднаитам не положено есть свинину. Но какая разница, раз уж меня уторазило родиться женщиной? Все равно дорога в Рай для меня закрыта. — Или что-нибудь другое, только бы оно обитало не в воде, вот как это. — Я снова взмахнула рукой с рыбой.

Сари это непонятно. Ей все равно, что есть, — лишь бы есть хоть что-то. Вечная рыба и вечный рис — что

может быть лучше? И, вероятно, она права. Множество людей за пределами этих стен едят чхати, потому что им недоступен рис. А другим попросту вообще нечего есть. Хотя сейчас, похоже, усилиями Душелова ряды последних оказались сильно прорежены.

Сари начала рассказывать мне еще об одном Бходи, который у входа во Дворец сегодня требовал встречи с Радишей. Однако мы как раз подошли к освещенной области, где изготавливали наши «страшилки» для вечерних «выступлений», и она увидела что-то, заставившее ее остановиться.

— Неплохо бы перехватить следующего... — начала было я, но Сари перебила меня.

— Какого черта он тут делает? — проворчала она.

Теперь и я увидела, что привлекло ее внимание. Вернулся дядюшка Дой. Какой, однако, он выбрал момент... Интересно и... подозрительно.

Я также отметила, что, даже волнуясь, Сари говорила по-таггиански. У нее были с нюень бао свои счеты. Хотя, по правде говоря, у нас на складе на нюень бао говорила только матушка Гота — ей нравилось выступать в роли страдальцы.

Дядюшка Дой — толстый и маленький человечек, мускулистый и довольно крепкий; несмотря на свои без малого семьдесят. В последние годы характер у него заметно испортился. Он не расстается с длинным, слегка изогнутым мечом, который называет Бледным Жезлом. Бледный Жезл — моя душа, так он говорит. В каком-то смысле он жрец, хотя не считает нужным объяснять что-либо по этому поводу. Однако его религия допускает владение боевыми искусствами и использование священных мечей. На самом деле ничьим дядюшкой он не был. Это прозвище у нюень бао является признаком уважения, а все они считали Доя достойным всяческого уважения.

Со времен осады Джайкура дядюшка Дой то возникал в нашей жизни, то исчезал из нее, всегда скорее раздражая, чем оказывая содействие. То болтался под ногами целые годы подряд, то вдруг пропадал на недели, месяцы или годы. В последний раз его отсутствие

длилось более года. Возвращаясь, он никогда не считал нужным сообщить, где был и что делал, но, судя по наблюдениям Мургена и моим собственным, по-прежнему упорно искал Ключ.

Любопытно, что он материализовался так внезапно именно сейчас, когда Нарайан и девчонка оказались в наших руках. Я спросила Сари:

— Твоя мать уходила сегодня со склада?

— Я тоже сразу же задалась этим вопросом. Надо будет выяснить.

В отношениях матери и дочери почти не ощущалось тепла. Мурген не был причиной, но, безусловно, стал символом этого.

Существовало мнение, что дядюшка Дой — колдун, хотя и довольно слабенький. Мне не приходилось видеть никаких доказательств этого — если не считать просто сверхъестественного владения Бледным Жезлом. Дой был стар, суставы у него одеревенели, рефлексy заметнo ухудшились. И все же просто не представляю, кто мог бы стать для него достойным противником. Не приходилось мне и встречать человека, который так носился бы с куском стали, как он.

Хотя, внезапно подумала я, есть доказательства того, что он колдун. Ему никогда не стоило ни малейшего труда проникать сквозь лабиринт заклинаний, созданный Гоблином и Одноглазым, чтобы защитить нас от неожиданных гостей. Надо бы заставить эту парочку потрудиться над тем, чтобы не выпускать его отсюда, пока он не объяснит, как проделывает это

— Ну, что будем с ним делать? — спросила я Сари.

В ее голосе затрепетали еле слышные нотки веселья.

— Пока я занята, пусть посидит под замком вместе с Сингхом и Дочерью Ночи.

— Враг моего врага — все равно мой враг, это ты хочешь сказать?

— Я никогда не питала особой любви к Дою. По меркам нюень бао, он — выдающийся и благородный человек, всеми уважаемый герой. И одновременно он олицетворяет собой все, что мне не нравится в наших людях.

— Скрытность, да?

Она принужденно улыбнулась — это качество было присуще ей не в меньшей степени, чем любому нюень бао.

— Это у нас в крови.

Тобо заметил, что мы стсим, разговаривая. И тут же стрелой помчался к нам, чем-то ужасно взволнованный.

— Ма! Дядюшка Дой здесь.

— Вижу. Он сказал, что ему нужно на этот раз?

Я мягко, но предостерегающе прикоснулась к ее руке. Не стоило сталкивать их лбами.

Дой, конечно, уже заметил наше присутствие. Мне никогда не приходилось встречать человека, который до такой степени остро чувствовал, что происходит вокруг. Он мог расслышать каждое слово, даже сказанное шепотом. Очень сомневаюсь, что возраст ослабил его слух. Он жадно ел рис и не обращал на нас внимания.

— Пойди поздоровайся, — сказала я Сари. — Мне нужно пару секунд, чтобы настроиться для разговора с ним.

— Я слишком устала для этого. Нужно послать за Серыми, пусть устроят тут облаву. — Она даже не потрудилась понизить голос.

— Ма?

20

Изо всех сил стараясь сохранить спокойствие, я встретила взглядом с Доем. И спросила — голосом, лишенным всяких эмоций:

— Что такое Ключ?

Связанные, с кляпами во рту, Нарайан Сингх и Дочь Ночи поглядывали на нас, дожидаясь своей очереди.

Еле заметный всплеск удивления вспыхнул в глазах Доя. Он никак не ожидал, что именно я буду его расспрашивать.

Я была уже в новом образе, заимствованном у одного из членов шайки, которая напала на нас несколько лет назад. Его звали Вайра по прозвищу Наг. Теперь шайка была не у дел, Вайра благополучно отбыл в лучший мир,

но его наследие время от времени оказывалось для меня полезным.

Пытаться я Доя не собиралась, мои планы не распространялись так далеко. Судьбы Отряды и нюень бао так тесно переплелись, что жестокое обращение с Доем оттолкнуло бы этих наших едва ли не самых полезных союзников.

В ответ на мой вопрос Дой не издал ни звука. Собственно говоря, я и не рассчитывала, что он прямо так, с ходу, будет разговорчивее камня.

— Нам нужно открыть проход на Сияющую равнину. Мы знаем, что у тебя нет Ключа. И знаем, откуда нужно начинать его поиски. Мы с удовольствием вернем его тебе, как только освободим своих братьев. — Я остановилась, предоставляя ему возможность удивить меня, дав ответ. Он не воспользовался ею. — Возможно, ты психологически противишься тому, чтобы этот проход был открыт. Должна разочаровать тебя. Мы откроем его. Так или иначе. У тебя единственный выбор — либо ты участвуешь в этом, либо нет.

На одно коротенькое мгновение взгляд Доя сместился с меня на Сари. Он хотел прояснить для себя ее позицию.

С ней все было ясно. Ее муж угодил в ловушку под Сияющей равниной. И желания одинокого жреца какого-то непонятного культа в ее глазах никакого значения не имели.

Даже Бонх До Тран и Кы Гота не проявляли открыто готовности поддержать его, хотя в силу многолетней инерции были настроены по отношению к нему благосклонно.

— Если ты не станешь помогать нам, то не получишь Ключ, когда мы сделаем свое дело. И что именно подразумевается под словом «помогать», будем определять мы. Для начала ты должен положить конец увиливаниям, уверткам и внезапно нападающей на тебя глухоте.

Характер Вайры-Нага не располагал к тому, чтобы прибегать к нему слишком часто. Сам по себе Наг —

мифический змей, который жил под землей и не испытывал сострадания ни к одному представителю рода человеческого. Сложность с этим характером состояла в том, что я могла увлечься и соскользнуть в него так прочно, словно он был скроен в точности на меня. Очень часто, стоило мне хотя бы слегка разозлиться, и я проникалась духом Вайры-Нага.

— У тебя есть то, что нам нужно. Книга. — Можно назвать это озарением или интуицией, но что бы это ни было, оно базировалось на сведениях, полученных от Мургена и из Летописей. — Она представляет собой толстый том дубленого пергамента в переплете. Написана неумелой рукой на языке, на котором не говорят вот уже около семи столетий. Это — почти совершенная копия первого тома Книг Мертвых, утраченных священных текстов Детей Кины. Я не исключаю, что ты даже не знаешь этого.

Нарайан и даже Дочь Ночи навестили уши.

— Эту книгу украл из крепости Вершина колдун по имени Ревун, — продолжала я. — Он спрятал ее, потому что не хотел, чтобы она попала в руки Душелова или вот этой красавицы. А ты либо видел, как он ее прятал, либо случайно наткнулся на нее вскоре после того, как это произошло. И перепрятал в безопасное место, забыв о том, что все тайное когда-нибудь становится явным. Иначе говоря, все спрятанное рано или поздно кому-нибудь да попадется на глаза.

И снова я замолчала, предоставляя Дою возможность ответить. И снова он ее упустил.

— Перед тобой стоит выбор. Только хочу напомнить, что ты стар, что избранный тобой преемник похоронен под равниной вместе с моими братьями и что у тебя здесь нет союзников, кроме Готы, но даже ее энтузиазм в этом смысле к настоящему моменту кажется весьма сомнительным. Ты, конечно, можешь сделать выбор в пользу того, чтобы молчать как рыба, — в этом случае истина уйдет вслед за тобой во тьму. Но не Ключ. Он останется здесь и попадет в другие руки. Тебя хорошо покормили? К До Трану как хозяину претензий нет? Пусть кто-нибудь

поможет нашему гостю найти что-нибудь выпить. Не следует давать повод обвинить нас в недостатке гостеприимства.

— Ничего он не скажет, — недовольно проворчал Одноглазый, как только Дой уже не мог его услышать.

— Я и не рассчитываю на это. Просто хочу, чтобы ему было о чем подумать. Давай-ка побеседуем с теми двумя. Нужно вынуть кляп изо рта у Сингха и развернуть его спиной к девчонке, чтобы он не мог воспользоваться ее подсказкой.

Жуткая девица. Даже связанная, с кляпом во рту, она так мощно излучала зло, что была в состоянии нарушить душевное равновесие тех, кто находился поблизости. Поместите ее рядом с людьми, уже настроенными на то, что она удостоена прикосновения темного божества, и станет понятно, почему культ Обманников возродился. Интересно, однако, что это произошло лишь в самое последнее время. Лет десять они с Нарайаном скитались, прикладывая невероятные усилия, чтобы ускользнуть от агентов Протектора и подчинить себе немногих уцелевших Обманников. И вдруг именно сейчас, в тот самый момент, когда мы почувствовали, что в состоянии дернуть кое-кого за бороду, они всплывают на поверхность, напоминая всем о том, что еще живы.

Гунниты с их богатым воображением наверняка сочли бы их предвестниками Годины Черепов, поставив в один ряд с другими ужасными предзнаменованиями, но меня так просто не проймешь.

— Нарайан Сингх, — сказала я, снова войдя в образ Вайры-Нага. — Ты — упрямый старик. Тебе следовало умереть много лет назад. Может, Кина и в самом деле благоволит к тебе? Разумно предположить, что раз ты оказался здесь, у меня в руках, значит, богиня хочет этого. Все происходит только по воле Божьей. Он уже все рассчитал, в том числе и глубину бездны, куда собирается зашвырнуть тебя, — и уж Он не промахнется, можно не сомневаться.

Сингх молча смотрел на меня. Без особого страха. И не узнавая.

Хотя наши пути и пересеклись когда-то, я была слишком незначительной персоной, чтобы сохраниться у него в памяти.

Дочь Ночи, напротив, вспомнила, кто я такая. По глазам было видно — она считает меня ошибкой, которую ей ни в коем случае не следует повторять. Она же в моих глазах была ошибкой, которую нам ни в коем случае не следует совершать, но в то же время и в некотором роде весьма полезным орудием. Она почти напугала Вайру-Нага, хотя он был слишком туп, чтобы до конца осознать это.

— Ты обеспокоен тем, что произошло, но не напуган, — продолжала я, обращаясь к Сингху. — Полагаешься на свою богиню. Прекрасно. Хочу заверить, что мы не причиним тебе вреда. Если станешь сотрудничать с нами. Однако многое будет зависеть от тебя. — Он не поверил ни единому моему слову, и я не винила его. Обычный вариант — палач протягивает обреченному «руку надежды», чтобы таким образом добиться от него сотрудничества. — Но учти — если не станешь помогать нам, все страдания выпадут на долю кое-кого другого.

Он заворочался, пытаясь взглянуть на девушку.

— Ну, не прямо сейчас, Нарайан Сингх. Не прямо сейчас. Хотя именно с этого мы начнем. Нарайан, у тебя есть кое-что, что нам нужно. С другой стороны, и у нас есть вещи, которые, по нашему убеждению, представляют для тебя ценность. Я готова совершить честный обмен, клянусь именами всех наших богов.

Нарайан молчал. Пока. Но у меня возникло ощущение, что он не совсем глух к убеждениям.

Дочь Ночи почувствовала это тоже. И стала извиваться, пытаясь привлечь к себе внимание. Такая же упрямая и безумная, как ее мать и тетка. Кровь, что поделаешь.

— Нарайан Сингх. Когда-то давным-давно, можно сказать, совсем в другой жизни ты был торговцем овощей в городке под названием Гондовар. Каждое лето ты сбегал оттуда, уходя с отрядом тугов, у которых ты был предводителем. — Теперь Сингх выглядел обеспокоенным и сбитым с толку. Чего-чего, а этого он никак не ожидал. —

У тебя была жена, Вашодара, которую ты в личном общении называл Лили. И дочь, Кхадитайя, слишком маленькая в те времена для такого «умного» имени. И у тебя было трое сыновей: Валмики, Сутрива и Аридата. Аридату ты так и не увидел, потому что он родился после того, как Хозяева Теней захватили в плен всех дееспособных мужчин Гондовара.

Вот когда Нарайан по-настоящему забеспокоился. Все, что было до прихода Хозяев Теней, он считал утраченным, потерянным навсегда. После своего неожиданного спасения он всецело посвятил себя богине и ее Дочери.

— В те времена творилось такое, что у тебя были все основания думать, будто с приходом Хозяев Теней прошлая жизнь рухнула. Но это не так, Нарайан Сингх. Вашодара родила тебе третьего сына, Аридату, и прожила достаточно долго, чтобы увидеть, как он превратился во взрослого человека. Несмотря на бедность и отчаяние, которые выпали на ее долю, твоя Лили умерла всего два года назад. — Фактически, сразу после того, как мы ее обнаружили. — Из твоих сыновей Аридата и Сутрива еще живы, и дочь Кхадитайя тоже. Правда, она сменила имя и теперь называется Амба, когда, к своему ужасу, обнаружила, что ее отец — Нарайан Сингх, пользующийся такой дурной славой.

Украл дитя Госпожи, Нарайан вошел в историю как один из величайших злодеев. Все люди — взрослые, по крайней мере — слышали и это имя, и множество историй, повествующих о злых деяниях того, кто его носил. Хотя, по правде говоря, большинство этих историй были выдумками, обросли всякими несуществующими подробностями и прежде связывались с именем другого демона в человеческом обличье, именем, постепенно выветрившимся из памяти людей.

Он так хотел остаться равнодушным, но мне удалось-таки завладеть его вниманием. Что поделаешь! Семья чрезвычайно важна для всех — кроме нас, конечно.

— У Сутривы свое дело, хотя желание избавиться от влияния твоей репутации завело его сначала в Аодак, а

потом в Джайкур, когда Протектор пожелала, чтобы город вновь был заселен. Он рассудил, что там, где все будут пришлыми, ему удастся состряпать более удачную легенду о своем прошлом.

Я сказала — «Джайкур», и оба пленника заметили это. Толку им от этого, конечно, не было никакого, но они поняли, что по происхождению я не из Таглиоса. Ни один таглианец не назвал бы этот город иначе, как Дежагор.

— Из Аридаты получился очень приятный молодой человек, красивый, с отличной фигурой, — продолжала я. — Он служит в армии, старший сержант одного из городских батальонов. Быстро продвигается по служебной лестнице. Весьма вероятно, станет одним из уполномоченных офицеров — должность, введенная в армии Великим Генералом.

Я замолчала. Никто не произнес ни слова. Некоторые слышали об этом впервые, хотя мы с Сари начали разыскивать этих людей много лет назад.

Я встала и вышла, чтобы налить себе большую чашку чая. Терпеть не могу чайной церемонии, принятой у нюень бао. В их глазах я, конечно, варварка. Терпеть не могу и крошечные чайные чашечки, которые они используют. Или уж пить чай, или не пить. Если да, то заварить покрепче и непременно добавить меду.

Вернувшись, я снова уселась перед Нарайаном. В мое отсутствие все по-прежнему хранили молчание.

— Итак, живой святой Душил, ты и впрямь отказался от всех земных привязанностей? Хотелось бы тебе увидеть снова свою Кхадитайю? Она была совсем крошкой, когда ты их покинул. Хотелось бы увидеть своих внуков? У тебя их пятеро. Я могу распорядиться, и не больше чем через неделю один из них будет здесь. — Я отпила глоток чая, глядя Сингху в глаза и надеясь, что он проигрывает в уме все открывающиеся перед ним возможности. — Но с тобой все будет в полном порядке, Нарайан. За этим я лично прослежу. — Я одарила его улыбкой Вайры-Нага. — Ну, а теперь кто-нибудь покажет нашим гостям их комнаты?

— К чему ты все это затеяла? — спросил Гоблин, когда их увели.

— Я хочу, чтобы Сингх поразмыслил о своей непрожитой жизни. И о возможности потерять даже то, что осталось от нее. О том, что он может потерять даже свое мессианство. И, наконец, о том, что избежать всех этих напастей очень просто — сообщив нам, где найти тот сувенир, который он унес из логова Душелова под Кьялуном.

— Ондохнуть не смеет без позволения девчонки.

— Посмотрим, как он поведет себя, получив возможность принять самостоятельное решение. Если он станет уж чересчур упираться, а время нас будет поджимать, вы наложите на меня чары, и я заставляю его поверить, что я — это она.

— А с ней что будем делать? — спросил Одноглазый.

— Наложите на нее несколько этих ваших удушающих заклинаний. По одному на каждую лодыжку и запястье. И двойное вокруг шеи. — Среди прочего у нас было небольшое стадо, и с годами Одноглазый и Гоблин, подгоняемые своей невероятной ленью, разработали для управления им специальные удушающие заклинания. Чем дальше животное забредало от определенной черты, тем плотнее и плотнее они сжимались. — Она — изобретательная женщина. К тому же и богиня на ее стороне. Я бы предложила убить ее, но в этом случае нам не дожидаться помощи от Сингха. Если же она ухитрится сбежать, тогда другое дело. В случае успеха она просто умрет от удушья. Если же она только попытается сделать это, пусть потеряет сознание от недостатка воздуха. И еще — никаких постоянных контактов ни с одним из наших людей. Не забывайте, что ее тетушка, Душелов, сделала с Лозаном Лебедем. Кстати, Тобо, как там Лозан? Ничего интересного не говорит?

— Он только играет в карты, Дрема. Болтает все время, но, в основном, всякую чушь. Вроде дядюшки Одноглазого.

— Ты вбил это малышу в башку, жаболицый? — прошептал «дядюшка».

Я закрыла глаза и начала большим и указательным пальцем массировать бровь, стараясь изгнать образ Вайры-Нага из своего сознания. Хотя было соблазнительно не делать этого — как в каком-то смысле рептилия, он мог жить-поживать себе спокойно, не связанный никакими обязательствами.

— Я так устала...

— Не понимаю, какого черта мы не отступимся? — прокаркал Одноглазый. — Черт, кто, спрашивается, десятилетиями рвался в Хатовар? Капитан, не мы. А в результате кто сидит в дерьме по уши? Вот то-то. И теперь вы, две дуры-бабы, затеяли святой крестовый поход, задумали воскресить Пленных. Плюнь ты на это дело, Малышка. Найди себе славного паренька. Лучше потрать время на то, чтобы вскружить ему голову. Нам никогда не вырвать их оттуда. Смирись с этим. Просто думай о них как о покойниках.

Предатель, живущий в моей душе, каждую ночь перед сном нашептывал мне то же самое. В особенности, насчет того, что нам никогда не вернуть Пленных.

— Нельзя ли вызвать нашего любимого покойника? — спросила я у Сари. — Одноглазый, спроси его, что он думает о нашем плане.

— Уф! К черту. Давай, жаба, займись этим. Мне нужно принять лекарство, подкрепить силы.

Чуть ли не улыбаясь, несмотря на свои больные суставы, Гота заковыляла вслед за Одноглазым. На какое-то время эти двое исчезнут с глаз долой. Если повезет, Одноглазый быстро налижется и отрубится. Если нет, он вернется, пошатываясь, сцепится с Гоблином, а нам придется уговаривать его уняться. Веселенькое получится дельце.

— Ну, наш блудный сын на месте. — Сари удалось-таки позвать Мургена в его туманное вместилище.

— Расскажи-ка об этой белой вороне, — попросила я его.

— Иногда я оказываюсь как бы внутри нее, — озадаченно ответил он. — Но не по своей воле.

— Сегодня в Чор Багане мы захватили Нарайана Сингха и Дочь Ночи. В это время там болталась и белая ворона. Выходит, ты был там.

— Нет, не был. — Он выглядел совсем уж сбитым с толку. И даже обеспокоенным. — Я не помню этого.

— Думаю, Душелов заметила ворону. А она знает всех своих ворон наперечет.

— Я там не был, но откуда-то знаю, что произошло, — продолжал Мурген. — Неужели со мной снова происходит то же самое?

— Ладно, успокойся. Расскажи лучше, что именно ты знаешь.

Мурген повторил каждое слово, сказанное Душеловом, и описал все, что она делала после того, как спряталась от наших стрелков.

— Она знает, что Сингх и девчонка у нас, — сказала Сари.

— Интересно, она догадывается, зачем они нам понадобились? Между этими двумя и Отрядом старая вражда.

— Она только тогда успокоится и решит, что дело именно в старой вражде, когда увидит их тела. Она еще не до конца уверена, что Лозан мертв. Протектор — очень подозрительная женщина.

— Ну, подsunуть ей труп Нарайана будет нетрудно. В городе миллион тощих, грязных, маленьких стариков с дурными зубами. Другое дело — красивая двадцатилетняя девушка с голубыми глазами и кожей чуть бледнее, чем слоновая кость.

— Серые определенно засуетятся, — сказала Сари. — Независимо от того, подозревает она что-либо или нет, Протектор не захочет, чтобы в ее городе творилось что-то непонятное.

— Думаю, Радиша придерживается другого мнения насчет того, чей это город. Что напоминает мне кое о чем, что все время вертелось где-то в подсознании. Выслушай и скажи, что ты об этом думаешь.

Когда Бходи прокладывали свой путь через толпу, многие одобрительно похлопывали их по спинам. Бходи воспринимали это благосклонно, хотя и в свойственной им вяловатой манере. Большинство людей поддерживает их, это хорошо.

Очередной коленопреклоненный жрец исчез в пламени, как только Серые начали оттаскивать с дороги его помощников.

Густой дым повалил кверху, сформировавшись в череп Черного Отряда. Единственный глаз, казалось, злобно глядел прямо в души всех, кто толпился вокруг. В утреннем воздухе отчетливо прозвучал голос:

— Их дни сочтены.

И вдруг на деревянном заборе, защищающем восстанавливаемую стену, на высоте человеческого роста возникли мерцающие буквы, нанесенные известью. Они складывались в слова: «Воды спят», «Мой Брат Не Отмщен», которые медленно ползли туда и обратно.

На крепостном валу тут же материализовалась Душелов.

Еще одно, больших размеров, облако дыма поднялось над горящим Бходи. Возникло лицо — лучшее изображение Капитана, на которое оказались способны Одноглазый и Гоблин. Оно заговорило, обращаясь к замершим в благоговейном ужасе людям:

— Раджахарма! Долг Князей. Знай: Княжеский Сан — это доверие. Князь — это облеченный высшей властью и наиболее добросовестный слуга народа.

Я начала выбираться из толпы. Происходящее, без сомнения, больно задело Протектора и могло подтолкнуть ее к импульсивной реакции.

Оказалось, ничего страшного. Вроде бы она ничего не сделала, но внезапно подул ветер и разогнал дым. Одновременно он раздул пламя, пожиравшее Бходи, и разнес по городу запах горящей плоти.

Когда господин Сантараксита поинтересовался причиной моего опоздания, я сказала правду.

— Еще один Бходи сжег себя перед Дворцом. Я смотрел. Ничего не мог с собой поделывать. Тут, конечно, колдовство замешано.

Я описала, что видела. Как и многие, наблюдавшие за происшедшим собственными глазами, Сантараксита, казалось, испытывал одновременно и отвращение, и любопытство,

— Как ты думаешь, Дораби, зачем Бходи делают это?

Я знала, зачем. Не нужно быть гением, чтобы понять их мотивы. Ставило в тупик одно — их решимость.

— Они хотят таким образом дать понять Радише, что она не выполняет своих обязанностей по отношению к таглианцам. Ситуация кажется им до крайности ужасной. Поэтому они выражают свое мнение способом, который невозможно проигнорировать.

— Я тоже так считаю. Однако остается вопрос: что может сделать Радиша? Протектор не уйдет только потому, что кому-то она не по душе.

— Простите, Сри, но у меня сегодня много работы, а я еще, к тому же, и опоздал.

— Иди, иди. Я должен созвать бхадралок. Может быть, нам удастся выработать для Радиши рекомендации, которые помогут ей ослабить хватку Протектора.

— Удачи вам, Сри.

Она ему — и всему бхадралоку — ой как понадобится. Только самая невероятная удача может вложить в руки Сантаракситы и его закадычных друзей оружие, способное погубить Душелова. Подозреваю, что эти умники из бхадралока даже не осознавали опасности противостояния, на которое решились.

Я вытерла пыль, вымыла полы, проверила ловушки для грызунов и только потом заметила, что в библиотеке почти никого нет. Спросила у Баладитая, старого копииста, куда все подевались. Оказалось, остальные копиисты тут же разбежались, как только старшие библиотекари

отправились на собрание своего бхадралока. Копиисты знали, что бхадралок — это бесконечная говорильня, где часами будут жаловаться и спорить, и просто устроили себе выходной.

Не следовало упускать такую возможность. Я начала просматривать книги и даже зашла так далеко, что забралась в закрытый фонд. Баладитай не замечал ничего. Он не видел дальше трех футов от своего носа.

23

Джауль Барунданди дал в напарницы Минх Сабредил молодую женщину по имени Рахини и отправил их убираться в личных комнатах Радиши. Ими руководила женщина, которую звали Нарита, толстая, склочная особа, проникшаяся неизвестно на чем основанной идеей собственной важности. Нарита недовольным тоном заявила Барунданди:

— Мне нужно еще шесть женщин, чтобы как следует убраться в помещении Совета после того, как покончу с комнатами княгини.

— В таком случае, возьми сама веник в руки. Я вернусь через несколько часов. Надеюсь, к этому времени дело сдвинется с мертвой точки. Я дал тебе лучших работниц, которые имеются в моем распоряжении. — И Барунданди отправился портить настроение кому-то другому.

Толстухе пришлось удовлетвориться Сабредил и Рахини. Сабредил не знала, кто такая Нарита. Прежде эта женщина никогда не убиралась в княжеских покоях. Орудуя шваброй, Сабредил прошептала:

— Что это за женщина, такая сердитая? — Она погладила своего Чангеша.

Рахини, не поднимая глаз, глянула сначала вправо, потом влево:

— Ее можно понять. Она — жена Барунданди.

— Эй, вы, двое! Вам деньги не за болтовню платят.

— Простите, мэм, — сказала Сари. — Я не поняла, что делать, а вас беспокоить не хотела.

Толстуха заворчала, но тут же переключилась на кого-то другого. Рахини мягко улыбнулась и прошептала:

— Она сегодня в хорошем настроении.

Шли часы, у Сари заболели колени, руки и все мышцы тела. Она понимала, что они с Рахини оказались в распоряжении жены Барунданди не столько из-за работы, которую могли сделать, сколько по причине того, какими они были. Или, точнее, какими не были. Они не были ни чересчур смысленными, ни привлекательными. Барунданди надеялся таким образом убедить жену в том, что всегда нанимает женщин только такого типа. Можно не сомневаться, что где-нибудь в другом месте он, как и его помощники, используют все преимущества своей власти над обездоленными и отчаявшимися женщинами.

День выдался неподходящий для разведки. Работы было больше, чем могли выполнить три женщины. Сари не имела даже возможности вырвать несколько новых страниц из Летописей. К тому же вскоре обстановка во Дворце стала гораздо более напряженной. Туда-обратно забегали всякие важные люди. Прошел слух, по-видимому, просочившись прямо сквозь стены, что еще один Бходи сжег себя перед Дворцом, и Радиша просто обезумела. Нарита сама сообщила женщинам:

— Она очень напугана. Закрылась в Комнате Гнева. Почти каждый день сейчас туда ходит.

— Комната Гнева? — удивленно пробормотала Сари. Прежде ей ни о чем таком слышать не приходилось, но до недавнего времени она и не работала в такой близости от самого сердца Дворца. — Что это, мэм?

— Есть такая комната в глубине Дворца, где она может рвать на себе волосы и одежду, изливать свой гнев и плакать в уединении. Она не выйдет оттуда, пока совсем не успокоится.

Чисто по-гуннитски, подумала Сабредиа. Только у Гунни могла возникнуть такая идея. Религия Гунни персонифицирует все. В ней есть и боги, и богини, и демоны, и дэвы, и ракшасы, и уакши, и много кого еще, в разных видах, воплощениях и с различными именами. Все были

очень деятельны в прежние времена, хотя ныне никто и никогда их не видел.

Только очень богатая гуннитка могла додуматься до того, чтобы завести себе Комнату Гнева — гуннитка, обреченная иметь тысячу комнат, с которыми она не знала, что делать.

Позже в этот день Сабредил ухитрилась сделать так, чтобы ей позволили убрать освободившуюся Комнату Гнева. Крошечную, в которой не оказалось ничего, кроме циновки на полированном деревянном полу и маленькой святыни предков. Комната была полна густого дыма, а запах ярости просто подавлял.

24

— Хорошо, что со мной не было ни одной страницы Летописей, — сказала мне Сари. — Серые обыскивали нас на выходе. Одна женщина, Ванха, попыталась украсть маленькую серебряную масляную лампу. Завтра Джауль Барунданди подвергнет ее «наказанию». На это у него наверняка уйдет все утро.

— Интересно, знает ли об этих проделках Барунданди его начальник?

— Не думаю. А что?

— Мы могли бы подстроить так, чтобы об этом стало известно. И тогда его вышвырнут вон.

— Нет. Барунданди — дьявол, но мы его хорошо изучили. Честным человеком труднее манипулировать.

— Я его ненавижу.

— Согласна, он отвратительный. Власть, даже незначительная, портит людей. Но мы здесь не для того, чтобы заниматься реформированием Таглиоса, Дрема. Мы здесь, чтобы найти способ освободить Пленных. И беспокоить наших врагов, когда это не мешает осуществлению основной задачи. Сегодня мы сделали очень важное дело. Радиша просто раздавлена нашими посланиями.

Сари рассказала мне, что обнаружила. Потом и я поделилась с ней своей собственной маленькой победой.

— Сегодня я проникла в закрытый фонд. И нашла то, что, возможно, является оригиналом того тома Летописей, который спрятан во Дворце. В ужасном состоянии, но все цело и вполне читаемо. Может быть, там есть и другие тома. Пока что я ознакомилась только с частью закрытого фонда. Потом мне пришлось помочь Баладитаю найти его башмаки, чтобы внук мог отвести его домой.

Книга лежала прямо тут, на столе. Я с гордостью хлопала по ней ладонью. Сари спросила:

— Ее не хватятся?

— Надеюсь, что нет. Я заменила ее одним из заплеванных томов, который мне не нужен.

Сари сжала мою руку.

— Хорошо. Хорошо. В последнее время дела пошли хорошо. Тобо, поищи-ка Гоблина. Мне нужно кое-что обсудить с ним.

— Пойду взгляну, что делают наши гости. Может, кто-нибудь из них уже созрел, чтобы посекретничать со мной.

Но, увы, только Лебедь интересовался мной в качестве слушательницы, хотя никаких секретов у него не было. Пусть по-своему, но он был так же неисправим, как Одноглазый, и все же его манера вести себя не задевала меня. В сердце своем Лебедь не был злым человеком. Как и многие другие, он стал жертвой обстоятельств и просто старался сохранить свою голову в бурном водовороте событий.

Дядюшка Дой был недоволен тем, как складывались его обстоятельства, хотя его и не посадили под замок.

— Мы, безусловно, сможем обойтись без этой книги, — сказала я ему. — Я даже сомневаюсь, что сумею прочесть ее. Больше всего меня волнует, чтобы она не попала снова в руки Обманников. На самом деле нам нужно то, что хранится у тебя в голове.

Ох, и упрям был старый Дой! Он явно еще не созрел для того, чтобы заключить с нами сделку или хотя бы рассматривать нас как союзников.

— Неужели все, что ты знаешь, умрет вместе с тобой? — спросила я, уже собираясь уходить. — И ты бу-

дешь последним нюень бао, который следовал Пути? Тай Дэй не сможет этого сделать, если так и останется навсегда под Сияющей равниной.

Я понимала Доя лучше, чем он думал. Его проблема состояла не в конфликте с моральными принципами — это был вопрос нежелания подчиняться кому бы то ни было. Он хотел поступать исключительно по собственному разумению, не идти ни у кого на поводу.

Он станет доступнее, если я буду и дальше напоминать ему о том, что он смертен и не имеет ни сына, ни ученика. Нюень бао известны своим упрямством, но даже они не склонны приносить в жертву все свои надежды и мечты, если можно этого избежать.

Посетив Нарайана, я напомнила ему, что не в наших интересах причинять ему вред. Другое дело — Дочь Ночи. Мы сохраняем ей жизнь только потому, что рассчитываем на его сотрудничество с нами.

— Можешь еще поупрямиться — пока. У нас сейчас есть и другие дела, но как только мы с ними покончим, наш основной интерес сосредоточится на тебе. На том, чтобы развеять твои мечты.

Это было главное, на что я упирала в разговорах с нашими пленниками. Сделать так, чтобы под ударом оказались их надежды и мечты. Действуя таким образом, я могла заработать дурную репутацию в духе Душелова, Вдовела, Грозотеня, Длиннотеня и сохраниться в памяти людей как Убийца Грез. Неплохо звучит, а?

Я представляла себе, как скольжу в ночи наподобие Мургена. Но, в отличие от него, тащу на себе огромный черный мешок, куда складываю мечты, украденные у тех, кто забылся беспокойным сном. Прямо как ракшаса прежних времен.

Дочь Ночи даже глаз не подняла, когда я заглянула к ней. Она сидела в клетке, которую Бонх До Тран использовал для содержания крупных и смертельно опасных животных. Иногда леопардов, но по большей части тигров. Взрослый тигр-самец очень высоко ценится у аптекарей. Дочь Ночи была закована в кандалы. С леопардами и тиграми мы таких мер предосторожности не принимали.

Вдобавок, в еду ей добавляли немного опиума и беладонны. Никто не хотел совершить роковую ошибку, недооценив ее потенциал. Из-за плеча у Дочери Ночи выглядывала ее богиня.

Разум подсказывал мне, что нужно убить ее прямо сейчас, пока Кина не проснулась. Тогда до конца своих дней я смогу не беспокоиться о конце света. Сменится несколько поколений, прежде чем темная богиня создаст новую Дочь Ночи.

Одновременно разум подсказывал мне, что, если девушка умрет, Пленные до конца своих дней могут остаться в пещерах под Сияющей равниной.

Разум подсказал мне и еще кое-что, после того, как я некоторое время разглядывала ее. Она не просто игнорировала меня. Она не знала, что я здесь. Ее сознание витало где-то совершенно в другом месте. Что настораживало и даже пугало. А вдруг Кина смогла высвободить ее дух? Тем же способом, как это происходило с Мургеном...

25

Господин Сантараксита задержался около меня.

— Очень хорошо, что ты позаботился вчера о Баладитае, Дораби. Я так увлекся на собрании бхадралока, что совсем позабыл о нем. Но будь осторожен, а не то его внук постарается спихнуть тебе старика, чтобы ты отводил его домой. Он уже пытался проделать этот фокус со мной.

Я не смотрела ему в глаза, хотя мне очень хотелось увидеть их выражение. В его голосе ощущалось напряжение, свидетельствующее о том, что на уме у него что-то было. Но я уже и так позволила себе слишком много вольностей в качестве Дораби. Нет, этот малый не стал бы глядеть прямо в глаза человеку, принадлежащему к жреческой касте.

— Но я ничего особенного не сделал, господин. Разве нас не учили уважать старших и помогать им? Если мы не будем поступать так в молодости, кто будет уважать и помогать нам, когда мы сами состаримся?

— В самом деле. Однако ты продолжаешь изумлять и интриговать меня, Дораби.

Почувствовав неловкость, я попыталась сменить тему разговора:

— Вы до чего-нибудь договорились на собрании бхад-ралока?

Сантараксита на мгновение нахмурился, но тут же улыбка снова вернулась на его лицо.

— Ты очень находчив, Дораби. Нет. Конечно, нет. Мы же бхадралок. Мы болтаем, не действуем.— Его усмешка ясно показывала, что он верно оценивает ситуацию.— Протектор успеет состариться и умереть, пока мы будем обсуждать, какую форму должно принять наше сопротивление.

— Это правда, что о ней говорят, господин? Будто ей четыреста лет, хотя она свежа, как невеста?

Мне не было до этого никакого дела, я просто хотела увести беседу в сторону от интереса и удивления, которые Сантараксита явно испытывал в отношении меня.

— По-видимому, таково общее убеждение. Оно занесено к нам этими наемниками с севера и теми путешественниками, которых принимает Радиша.

— Тогда выходит, что Душелов и впрямь могущественная колдунья.

— Мне слышалась в твоем тоне нотка зависти.

— Разве нам всем не хотелось бы жить вечно?

Он как-то странно посмотрел на меня.

— Но так и будет, Дораби. Эта жизнь — только один из этапов.

Что-то ты не то говоришь, Дораби Дей.

— Я имею в виду, в этом мире. Я не прочь подольше оставаться Дораби Дей Банераем.

Сантараксита снова слегка нахмурился, но ненадолго.

— Как идут твои занятия?

— Прекрасно, господин. В особенности мне нравятся исторические тексты. Так много интересного узнаешь.

— Превосходно. Замечательно. Если я могу как-то тебе помочь...

— У нюень бао существует письменность? — спросила я. — Или, может, была когда-то?

Это отвлекло его от моей оговорки.

— У нюень бао? Не знаю. Почему тебя это...

— Я несколько раз видел непонятную надпись около того места, где живу. Никто не знает, что она означает. Я задавал этот вопрос самим нюень бао, но они не в состоянии на него ответить. Однако я никогда не слышал, чтобы среди них были грамотные.

Сантараксита на мгновение положил руку мне на плечо.

— Постараюсь выяснить это для тебя.

Мне показалось, что пальцы у него дрожат. Неразборчиво пробормотав что-то, он поспешно ушел.

26

Стало известно, что Бходи не в восторге от того, что мы украли у них текст предостережения, которое они демонстрировали у входа во Дворец. Хотелось бы мне знать, что они подумают, когда новости о случившемся докатятся до Семхи.

Мурген обнаружил группу Слинка на пути в это селение. И они двигались быстрее, чем отряд, посланный Протектором срубить Дерево Бходи. Людей в отряде было больше, чем наших братьев, но они не ожидали встретить никакого сопротивления. Ничего, пройдет несколько дней, и там разразится гроза.

А пока что гроза бушевала здесь. Наступил сезон дождей. Я была вынуждена задержаться в библиотеке из-за яростной грозы, которая затопила улицы и засыпала город градом с дюйм в диаметре. Кангали и другие ребята высыпали на улицы и принялись собирать ледышки, вскрикивая от боли каждый раз, когда градина обжигала кожу. Ненадолго воздух стал почти прохладным. Но потом гроза двинулась дальше, и жара нахлынула с новой силой, хуже, чем прежде. Городская вонь снова ударила в ноздри. Одной грозы было недостаточно, чтобы хорошенько промыть город. Хорошо хоть, что теперь некоторое время насекомых будет поменьше.

Я подняла свою ношу и напомнила себе, что не имею времени надолго застревать в этой выгребной яме.

— Еще один заход, и я раздобуду все, что может дать библиотека.

Мое новое приобретение лежало на столе для всеобщего обозрения. Конечно, прочесть, что там написано, никто не мог. И я в том числе. Но теперь я не сомневалась, что владею еще одним оригиналом трех утраченных томов Летописей. Возможно, самым первым, учитывая то, на каком языке они были написаны. Буквы в этих томах чем-то напоминали те, которые оказались в спасенном мной томе. Если язык был тот же самый, я в конце концов овладею им.

— Ну-ну, — закаркал Одноглазый. — И кто же переводит все это для тебя? Твой новый дружок?

Он все время твердил, что господин Сантараксита жаждет соблазнить меня. И что его сердце будет разбито, если он преуспеев в этом, а потом обнаружит, что я женщина.

— Хватит болтать, грязный старикашка.

— Ради дела можно пожертвовать всем, Малышка.

Он снова полез ко мне с советами, расписывая все как можно красочнее. Опять напился. Или все еще был пьян.

Появилась Сари и отдала мне целую кипу новых страниц.

— Уймись, Одноглазый. Иди, найди Гоблина. Есть дело. — Потом она спросила, обращаясь ко мне: — с какой стати ты терпишь все это?

— Он же безвредный. И слишком старый, чтобы измениться. Пусть поворчит. По крайней мере, пока он тут, рядом, хоть не вяпается ни во что.

— Ну да, ты же готова пожертвовать всем ради дела.

— Что-то вроде этого. — Тут появился Гоблин. — Какой скорый! Ну, что там с Одноглазым?

— Отливает, сейчас придет. Ну, зачем я вам понадобился?

— Есть возможность проникнуть в Комнату Гнева, — сказала Сари. — Остальное зависит от вас.

— Если ты сделаешь это, то больше никогда не сможешь даже близко подойти ко Дворцу.

— О чем речь? — спросила я

— Думаю, мы можем выкрасть Радишу, — объяснила Сари. — Если повезет и если Гоблин с Одноглазым хорошенько постараются.

— Гоблин прав. Если ты сделаешь это, нам и на пушечный выстрел нельзя будет приблизиться ко Дворцу. У меня есть идея получше. Если уж мы готовы пойти на то, чтобы всем стало ясно, что мы имеем доступ во Дворец, пусть в результате пострадает Душелов. Нужно добраться до одного из ее ковров и хорошенько над ним «поработать», чтобы он развалился под ней на полной скорости, на высоте так футов двести над землей.

— Мне нравится твоя задумка, Дрема. Я хочу принять участие. Это будет что-то вроде того, как Ревун врезался в Башню в Чарах. Скорость у него была втрое больше, чем у коня. Со всего маху в стену — бам-м-м! Волосы, зубы, глаза — все в разные стороны...

— Идиот, ему же удалось выкарабкаться. — Это вернулся Одноглазый. — Он сейчас вместе с нашими парнями под Сияющей равниной. — Судя по ни с чем не сравнимому аромату, Одноглазому удалось улучшить момент и принять «дозу».

— Прекратите! Сейчас же! — Сегодня вечером Сари явно была сильно раздражена. — Наш следующий шаг — нейтрализовать Чандру Гокхейла. Это уже решено. Остальными проблемами будем заниматься по ходу дела.

— Нужно провести несколько тренировочных занятий, на тот случай, если придется спешно убираться из Таглиоса, — заметила я. — Чем активнее мы действуем, тем больше вероятность совершить ошибку. Если это произойдет, Душелов будет дышать нам в затылок, и придется исчезнуть.

— Она не тупая, она просто ленивая, — заявил Гоблин.

— Она отозвала свои Тени?

— Не знаю. Ничего об этом не слышала.

— Что нам на самом деле нужно, это придумать что-нибудь такое, чтобы можно было обходиться без сна, — проворчал Гоблин. — Примерно так в течение года. Дай мне взглянуть на Чангеша Минх Сабредил.

Сари послала Тобо за статуэткой. Мальчишка вел себя гораздо приличнее, чем когда был с ней один на один.

Все разом смолкли, как только в комнату вкатился Бонх До Тран, которого вез один из его людей. Он улыбался, точно отколол удачную шутку. Радовался, что напугал нас.

— Тут вот такая новость. В нашу паутину защитных заклинаний попала парочка посторонних. На вид они вроде бы безвредные. Старик и немой. Нужно вывести их и отправить идти своим путем. Так, чтобы они ничего не заподозрили.

Эта новость заставила меня слегка вздрогнуть, но тогда мне даже и в голову не пришло, о ком на самом деле идет речь. Гоблин и Тобо отправились выпроваживать «гостей» — колдун что-то там мудрил с заклинаниями, а мальчик выводил людей. Когда наши труженики вернулись, Гоблин сообщил:

— По-моему, это твой дружок хотел нанести тебе визит, Дрема.

— Что?

— Мерзкий старикашка! Он и на Тобо пытался произвести впечатление, упирая на то, что он библиотекарь. — На большинство тагланцев это и в самом деле произвело бы впечатление. Умение читать воспринимается здесь почти как колдовство. — Своего товарища он называл Адо. Ты говорила нам...

Одноглазый буквально взревел:

— Малышка разбивает буквально все сердца! Проклятие, я готов отдать что угодно, лишь бы присутствовать при том, как старый дурак засунет руку ей в штаны и не обнаружит там того, что ищет.

Я была смущена. А ведь мне казалось, что ничто не может смутить меня с тех пор, как дядя Рафи засунул руку мне под сари и таки обнаружил там то, что искал.

Проклятый старый дурак, Сантараксита! Зачем он все усложняет?

— Хватит об этом! — взорвалась Сари. — На завтра назначено заседание Тайного Совета. Думаю, можно использовать его, чтобы добраться до Гокхейла. Но со мной должны пойти Сава и Шикхандини.

— Зачем? — спросила я.

В мои планы не входило снова показываться во Дворце.

— Отличная мысль! — Одноглазый был в восторге. — Тебя не будет завтра в библиотеке, этот старый козел начнет тосковать, скулить и захочет выяснить, что случилось. А вдруг тут есть его вина? Пусть даже ему кажется, что ты никак не могла узнать о том, что он выслеживал тебя до дома. Он у тебя на крючке, Малышка. Все, что тебе нужно, это вытащить его...

— Я же сказала... — попыталась унять его Сари.

— Подожди минутку, — прервала я ее. — В его словах что-то есть. А что, если мне воспользоваться ситуацией, подловить Сантаракситу и под этим соусом добиться, чтобы он сделал для меня перевод? Можно даже присокупить его к нашей коллекции. Вряд ли у него большая семья. Интересно было бы посмотреть, сколько времени пройдет, прежде чем люди зададутся вопросом, куда он подевался.

— У-у-у, какая ты нехорошая, Малышка, — сказал Одноглазый. — Очень, очень нехорошая.

— Наконец-то до тебя дошло, Одноглазый.

— Что с Гокхейлом? — спросила Сари.

— Зачем тебе нужны и я, и Тобо?

— Тобо позаботится о том, чтобы у него начался зуд в одном месте и возникла потребность отправиться в город на поиски приключений. Ты прикроешь нас. На всякий случай Тобо возьмет с собой флейту. — Флейта Тобо на самом деле была уменьшенной копией бамбуковой трубки, стреляющей огненными шарами. — Как только мы окажемся внутри, он отдаст ее тебе. — Каждый раз, сопровождая мать во Дворец, Тобо брал с собой эту флейту. Как сказала Сари, на всякий случай. — И еще я хочу,

чтобы Джауль Барунданди не забыл о твоём существовании, потому что мне не обойтись без тебя при захвате Радиши. Гоблин, ты можешь что-нибудь сделать с моим Чангешей?

Никто в целом мире не осмелился бы вот так прямо требовать чего-то от маленького колдуна. Но Сари есть Сари. Ей все достаётся даром.

Я встала, собираясь уйти. У меня были и другие заботы.

— Можно я покажу твои Летописи Мургену? — спросил Тобо. — Он хочет прочесть их.

— Вы с ними ладите теперь?

— Мне кажется, да.

— Хорошо. Пусть посмотрит. Скажи только, чтобы не слишком меня критиковал. Если не послушается, я больше шагу не шагну, чтобы вытащить его.

27

Мой устойчивый интерес к Нарайану, похоже, совершенно сбивал его с толку. Не думаю, чтобы он помнил меня. Но теперь он знал, что тот молодой человек по имени Дрема, с которым он сталкивался когда-то давным-давно, на самом деле оказался женщиной.

— У тебя было время подумать. Ну как, решил, будешь нам помогать или нет?

Он взглянул на меня с откровенной злостью, но — и это очень чувствовалось — без личной ненависти. Я представляла собой просто досадное препятствие на пути неизбежного триумфа его богини. Сознание Сингха вернулось в свою привычную колею.

— Ладно. Тогда до завтра. Твой сын Аридата уже в пути. Вскоре он сможет посетить тебя.

За Дочерью Ночи наблюдал охранник.

— Что ты здесь делаешь, Кендо?

— Не спускаю глаз...

— Уходи. И не возвращайся обратно. И всем передай — никто не должен охранять Дочь Ночи. Она слишком опасна. Чтобы никто даже не приближался к ней,

пока я или Сари не скажем. И даже тогда этого нельзя делать в одиночку.

— Она не кажется...

— Еще бы она казалась! Иди отсюда. — Я подошла к клетке. — Сколько времени понадобится твоей богине, чтобы создать подходящие условия для появления на свет второй такой же, как ты? Если я надумаю убить тебя?

Девушка медленно подняла на меня взгляд. В нем ощущалась такая мощь, что я едва не съежилась от страха, но удержалась. Наверно, нужно увеличить дозу опиума.

— Поразмышляй над тем, какую ценность ты для нее представляешь. И над тем, что в моих силах уничтожить тебя.

Возникло ощущение, точно меня сдувает. Судя по эпическим повествованиям, такие вещи умели делать дэвы и боги низшего ранга.

Она не отрывала от меня пристального взгляда. Да, Гоблину и Одноглазому непременно нужно будет лично встретиться с Кендо, чтобы удостовериться, что она уже не подчинила его себе.

— Думаю, без тебя никогда не наступит Година Черепов. Ты еще и жива-то лишь потому, что мне нужно кое-что от Нарайана, который любит тебя, как отец. — Сингх и был ей отцом — во всех практических вопросах. Ворчун оказался лишен этой возможности — такова была его злая Судьба. Или, точнее, такова была воля Кины. — Веди себя хорошо, дорогая.

Я ушла. Мне нужно было еще почитать. И кое-что записать, если предоставится возможность. Мои дни были до отказа забиты делами, и слишком часто все складывалось не так, как планировалось. Я решала что-то сделать, а потом забывала об этом. Говорила другим, что надо что-то сделать, а потом тоже забывала об этом. Временами я просто мечтала о том времени, когда успех — или сокрушительная неудача — заставит нас покинуть город. Тогда бы я смогла затаиться там, где никто меня не знает, и просто побездельничать несколько месяцев.

Или всю оставшуюся жизнь, если захочу.

Мне было ясно, почему каждый год все новые наши братья отступались и уходили прочь. Оставалось лишь надеяться, что несколько громких дел, и они вернутся обратно.

Я внимательно просмотрела страницы, которые принесла Сари, но переводить было трудно; то, о чем там говорилось, не вдохновляло, и я быстро устала. Внимание рассеялось. Я задумалась о господине Сантараксите. Я задумалась о том, что мне предстояло вернуться во Дворец, но на этот раз с оружием. Я задумалась о том, что Душелов будет делать теперь, когда она узнала, что это мы ускользнули от нее в Саду Воров. Я задумалась о том, что такое старость и одиночество; подозреваю, что именно страх перед тем и другим заставляет многих наших братьев держаться Отряда, что бы ни случилось. Ведь другой семьи у них нет.

Как и у меня.

Я не буду оглядываться назад. У меня хватит сил. Буду держать себя в руках и упорно идти вперед. Одержу победу над собой и справлюсь с любой бедой.

Я уснула, перечитывая свои собственные воспоминания о том, что Мурген рассказывал о приключениях Отряда на Сияющей равнине. Мне снились создания, с которыми он там сталкивался. Кем они были? Мифическими ракшасами и Нагами? Какое отношение они имели к Теням или к людям, которые создали Тени из незадачливых пленников?

28

— Не нравится мне все это, — сказала я Сари, когда все мы — она, я и Тобо — отправились в свой неблизкий путь. — Ты уверена, что Теней на улицах нет?

— Не суетись, Дрема. Ты ведешь себя прямо как старуха. На улицах все спокойно. Единственные монстры, которых мы там можем встретить, — люди. Но с ними мы уж как-нибудь справимся. И во Дворце с нами все будет в порядке, если только ты как следует войдешь в образ. С Тобо тоже ничего не случится,

пока он не забывает, что на самом деле он вовсе не Шикхандини, и ему нечего переживать, как бы его мать не потеряла работу. Не так страшен черт, как его малюют. Точнее, как он сам себя малюет. Это я о Джауле Барунданди, который из кожи вон лезет, стараясь, чтобы подчиненные дрожали перед ним, хотя на самом деле он не так уж плох. У таких людей в природе заложено — отвечать на все «нет». Но это вовсе не значит, что меня могут из-за любого пустяка выгнать оттуда. Есть и другие, кто заметил, как я работаю. К примеру, жена Барунданди. Теперь давай, Дрема, соберись и хорошенько войди в образ. Тобо, и ты тоже. Ты в особенности. За Дрему я не беспокоюсь. Уверена, у нее все получится, если она как следует сосредоточится.

Тобо был одет как молоденькая девушка, дочь Минх Сабредил. Я очень надеялась, что наше возвращение домой останется незамеченным Гоблином и Одноглазым, иначе они произдеваются над ним вволю. Сари постаралась, применив все свое женское искусство, и Тобо выглядел исключительно привлекательно.

Джауль Барунданди был с этим вполне согласен. Выкикая работников, он первой назвал Минх Сабредил; о бедной Саве он, естественно, в этот момент думал меньше всего.

Сава изо всех сил старалась, чтобы ее лицо не выражало ничего, когда позднее нас перехватила жена Барунданди Нарита. Одного ее взгляда на Шики было более чем достаточно. Отныне все члены семьи Минх Сабредил будут работать только с Наритой и никак не иначе.

Это было очень удачно, что Минх Сабредил удалось снискать расположение Нариты. По весьма немаловажной причине. Ведь именно Нарита отвечала за уборку той части Дворца, которая интересовала нас больше всего.

Прежде Саве не часто приходилось работать под руководством Нариты. Сабредил объяснила Нарите все про Саву, и жена Барунданди отнеслась к ее словам с пониманием, которого я никогда не замечала за ней прежде.

— Ну, ясно, ничего сложного ей поручать нельзя, — заявила она. — Эта ночь выдалась для Радиши особенно тяжелой, а когда ей не спится, она начинает крушить все подряд. Так что нам есть чем заняться.

В тоне женщины ощущалось искреннее сочувствие. Тагианцы всегда с любовью относились к правящему семейству и считали, что его членам по справедливости позволено больше, чем простым смертным. Подумать только, какую ношу приходится им нести! Раджахарма, этим все сказано.

Сабредил подыскала для меня местечко, откуда я, оставаясь незамеченной, могла наблюдать за тем, что происходило вокруг. Они с Наритой принесли мне гору латунных изделий, которые нужно было почистить. Правящее семейство питало особую страсть к латуні. Сава перечистила уже, наверно, тонну всяких латунных штук. В общем-то, понятно — Саве нельзя было доверять ничего хрупкого.

Шики подошла ко мне и спросила:

— Тетя Сава, ты не покараулишь мою флейту?

Я взяла инструмент, повертела в руках, с идиотской ухмылкой постучала по нему и извлекла несколько звуков. Только для того, чтобы никто не сомневался, что это самая настоящая флейта. Хотя, конечно, вряд ли кому-нибудь могло придти в голову, что из этого «инструмента» можно запросто уложить, по крайней мере, полдюжины людей, если бы они вздумали надоедать флейтисту в минуту плохого настроения.

Жена Барунданди спросила Шики:

— Ты играешь на флейте?

— Да, мэм. Но не очень хорошо.

— А вот я, еще девочкой, играла неплохо... — Она замолчала, заметив, что ее муж заглянул к нам уже второй раз за это утро, и справедливо подозревая, что его интересует не только то, как идут дела. — Сабредил, по-моему, ты поступаешь неразумно, приводя сюда дочь, — буркнула она и добавила после некоторой паузы: — я сейчас вернусь. Мне нужно сказать пару ласковых этому человеку.

Как только она вышла, Минх Сабредил мгновенно оказалась в Комнате Гнева Радиши. Я восхищалась ею. Чем сложнее ситуация, тем четче работает у нее голова. Иногда мне даже кажется, что ей доставляет удовольствие играть роль служанки во Дворце. И чем опаснее складывается ситуация, тем решительнее и результативнее она действует.

Несмотря на большой объем работы и частые отлучки Нариты с целью пресечь попытки своего мужа подгрести к Шики или перевести ее в другую группу работниц, в середине дня мы покинули личные апартаменты Радиши и перешли в мрачный зал заседаний Тайного Совета. Прошел слух, что Бходи собираются послать еще одного ненормального, чтобы устроить самосожжение у входа во Дворец. Радиша, ясное дело, постарается сделать все, чтобы помешать этому.

От нас требовалось подготовить зал к очередному заседанию Совета.

На самом деле слух о Бходи зародился в уме Кы Сари. Она распустила его для того, чтобы дать Шикхандини возможность встретиться с Чандрой Гокхейлом лицом к лицу.

Прошло почти два часа, прежде чем появились писцы, незаметные маленькие людишки, которым предстояло записывать все, что тут будет говориться. Потом прибыл Пурохита, в сопровождении духовных лиц, принимающих участие в Тайном Совете. Пурохита не снизошел до того, чтобы заметить наше присутствие, даже несмотря на то, что Шики по ошибке приняла его за Гокхейла и строила ему глазки до тех пор, пока Сабредил сделала ей знак прекратить. Шики тут же начала шепотом оправдываться: мол, все старики на одно лицо.

Ни Арджана Друпата, ни Чандра Гокхейл стариками себя не считали.

Мы продолжали работать, никто не обращал на нас внимания. Всем им крупно повезло, что сейчас у нас были другие планы. В принципе, рискуя, конечно, собственной жизнью, мы могли бы учинить тут кровавую бойню, во время которой погибли бы очень многие из этих «ши-

шек». Но прикончить Пурохиту — какой смысл? Его труп не успел бы еще остыть, а старшие жрецы уже заменили бы его другим протухшим стариком, таким же мерзким и мыслящим столь же узко.

Едва появившись в зале, Чандра Гокхейл тут же попался на удочку. Сари не зря по крупичам собирала все сведения, которые Лозан Лебедь мог сообщить ей о вкусах этого старого козла в отношении прекрасного пола. Он буквально остолбенел при виде Шикхандини, точно ему врезали между глаз. Шики превосходно справилась со своей ролью. Она выглядела одновременно застенчивой, невинной и кокетливой; в общем, вела себя так, точно ее девичье сердце в мгновение ока оказалось сражено наповал. Бог устроил мужчин таким образом, что они заглатывают подобную наживку в девяносто девяти случаях из ста.

У Барунданди было отличное чувство времени. Он явился за нами как раз в тот момент, когда в зал заседаний, точно яростный орел, ворвалась Протектор. Глаза у Гокхейла стали как плашки, когда он увидел, что мы уходим. И прежде чем это произошло, он что-то шепнул одному из своих писцов.

К несчастью, у Джауля Барунданди в отношении некоторых вещей был наметанный глаз.

— Минх Сабредил, по-моему, твоя дочь произвела впечатление на Генерал-инспектора.

Сабредил изобразила удивление.

— Что? Нет-нет. Это невозможно. Я не допущу, чтобы моя дочь угодила в ту же ловушку, которая сломала мою жизнь.

Сава схватила Сабредил за руку. Со стороны это выглядело так, будто ее напутала вспышка Сабредил. На самом же деле она таким образом предостерегала Сабредил, чтобы та не говорила ничего лишнего, что позднее может припомниться Барунданди, если Чандра Гокхейл исчезнет.

Возможно, нам придется изменить план. Ни у кого не должно быть ни малейшего повода связать с кем-нибудь из нас то, что произойдет дальше.

Сабредил сникла. Она засмушалась и выглядела так, точно хотела как можно быстрее оказаться подальше отсюда.

— Шики, идем!

Я сама была готова нападать Шики по заднице — она положительно вела себя как самая настоящая сучка. Но приказа матери послушалась.

Сава снова взялась за последний из своих грязных латунных подсвечников, в надежде, что ее не заметят, пока собирается Тайный Совет. Но Джауль Барунданди был настороже.

— Минх Сабредил, уведи свою невестку.

По дороге он попытался заигрывать с Шинхандини, но заработал всего лишь взгляд, в котором сквозило неприкрытое отвращение.

Минх Сабредил потянула меня за собой и заторопилась вслед за дочерью.

— Что это ты себе позволяешь, Шики?

— Да я просто шутки ради. Он ведь и вправду грязный старый извращенец.

Негромко, как будто ее слова не предназначались для ушей Барунданди, хотя на самом деле именно для него они и были произнесены, Сабредил сказала:

— Чтобы больше таких шуток не было. Смотри, доиграешься. Мужчины, занимающие такое положение, имеют право делать с тобой все, что им вздумается.

Отнюдь не лишнее предостережение. Меньше всего нам улыбалось, чтобы кто-то из сильных мира сего затащил Шикхандини в темный угол и принялся щупать ее.

Бог даст, до этого дойдет. Невозможно даже представить себе последствия такого поворота событий, хотя в принципе это было не исключено. Даже простые люди зачастую не останавливаются перед насилием, что же говорить о тех, кто воображал, что для них закон не писан?

— Нарита! — позвал Барунданди. — Куда ты опять запропастилась? Черт бы побрал эту женщину. Наверняка опять точит ласы на кухне. Или дремлет где-нибудь в уголке.

Позади нас, в зале заседаний, послышался голос Радиши, но отдельных слов было не разобрать. Ей раздраженно ответил другой голос. Душелов, скорее всего. Мне захотелось поскорее убраться отсюда. Я пошла быстрее.

Сава иногда делает то, что другие не всегда понимают. Сабредил, заволновавшись, схватила ее за руку. Барунданди сказал ей:

— Веди всех на кухню, вам дадут поесть. Если Нарита там, скажи, что она нужна мне.

— Саве самое время заблудиться, — заявила я, как только он скрылся из вида.

Страницы Летописей, которые Сабредил приносила Дреме, не всегда устраивали последнюю. Сабредил, вынужденная торопиться, не имела возможности прочесть, что перед ней, и редко приносила что-нибудь действительно интересное.

Я надеялась, что помню дорогу. Даже для того, у кого есть веревочный защитный браслет, опутанный паутиной заклинаний, Дворец — опасное место. Я не пускалась в странствия по нему с тех пор, как Капитан был Освободителем и великим героем таглианцев. И даже тогда я бывала тут всего лишь несколько раз.

Почувствовав себя неуверенно, я достала кусочек мела и начала время от времени рисовать на стенах крошечные буквы алфавита Сангел. За годы, проведенные на юге, я немного выучила этот язык, что оказалось совсем не просто. Если кто-то и обнаружит мои пометки, то почти наверняка не поймет, что они означают.

Я нашла комнату, где были спрятаны старые книги. Чувствовалось, что кто-то часто бывает здесь. Я вытащила книгу подревнее. Черт, ну и тяжеленная же она была! Оказалось, вырывать из нее страницы очень даже нелегко. Они даже были не из бумаги, которую вообще мало кто употреблял. За один раз удавалось вырвать лишь одну страницу. Вот почему, наверно, Сабредил приносила, что под руку подвернется. У нее не было времени копаться и выбирать.

Я увлеклась и в какой-то момент беспокоилась, что, наверно, отсутствую слишком долго. Барунданди или его

жена могли заметить, что меня нет. Я очень надеялась, что они не начнут допытываться, почему Сабредил не подняла шум, обнаружив мое отсутствие.

Но, несмотря на все свои тревоги, я никак не могла остановиться и продолжала вырывать страницы. И унялась, лишь когда их набралось столько, что мы и втроем еле-еле смогли бы унести.

Я спрятала все это добро в чулане неподалеку от служебного выхода, хотя вовсе не была уверена, удастся ли нам улучшить момент, чтобы забрать их оттуда. Потом собралась и настолько хорошо прониклась духом Савы, что почти и в самом деле почувствовала себя полной кретинкой.

Они обнаружили меня, грязную, зареванную и безуспешно пытающуюся найти дорогу в зал заседаний; «они» — это значит другие наемные работницы. Меня тут же отвели к Сабредил и Шикхандини. Я вцепилась в руку своей невестки, точно была легкой щепкой и безумно боялась, что бурный поток снова унесет меня.

Джаулю Барунданди, конечно, все это не понравилось.

— Минх Сабредил, я допускаю сюда эту женщину исключительно ради тебя, а не просто по доброте сердечной. Но такие ляпсусы — вещь совершенно неприемлемая. Пока мы занимались поисками, дело-то стояло...

Внезапно он смолк. К нам приближались Радиша и Протектор. Довольно странно, что они оказались здесь, в этой части Дворца, предназначенной, в основном, для слуг. На что Душелову, безусловно, было наплевать. У этой женщины отсутствовало какое-либо классовое или кастовое высокомерие. Мир для нее делился на две половины — она сама и все остальные.

Сава, скорчившись, опустилась на корточки, уткнувшись лицом в колени. Сабредил, Шикхандини и Джауль Барунданди шарахнулись в стороны, вытаращив глаза. До сих пор Шики не видела ни одну из этих женщин.

Сава незаметно скрестила пальцы, зажатые между колен. Сабредил зашептала молитвы, обращенные к Чангеше. Джауль Барунданди просто дрожал от ужаса.

Радиша не обратила на нас ни малейшего внимания. Она прошла мимо, возбужденно говоря, что нужно выпустить кишки этим Бходи. В ее голосе, однако, не чувствовалось убежденности. Протектор, напротив, замедлила движение и внимательно оглядела нас. На мгновение меня с головой накрыла волна страха — а вдруг она и в самом деле может читать мысли? Потом Душелов двинулась дальше, и Джауль Барунданди кинулся следом, позабыв и о нас, и о Нарите, потому что Радиша бросила ему через плечо какое-то приказание.

Сава поднялась и прошептала:

— Я хочу домой.

Сабредил согласилась, что на сегодня достаточно.

Ни Серые, ни Княжеские Гвардейцы никого не обыскивали. Повезло, ничего не скажешь. У меня под одеждой было столько страниц, что, изображая нормальную походку, я с трудом смогла пройти не больше нескольких дюжин шагов.

29

В этот вечер я недолго сидела вместе со всеми. Потом, уединившись в своем уголке, стала сравнивать недавно добытые страницы с аналогичными из той книги, которую я стащила из библиотеки и которая, по моему мнению, была точной копией — если вообще не оригиналом — подлинного первого тома Летописей Черного Отряда. У меня было отличное настроение. Не сомневаюсь, Одноглазый не упустил случая позубоскалить по этому поводу за моей спиной.

События складывались так, что я не была свидетельницей дальнейшего развития процесса искушения Чандры Гокхейла.

Позднее мне рассказали, что Гокхейл отправил своего человека проследить, где живет Шики. Однако посланный не вернулся по истечении всех разумных сроков, что было вполне естественно, поскольку, оказавшись там, где ему делать было нечего, он наткнулся на Ранмаста и Икбала Сингха, а закончил путь в виде трупa, плывущего

вниз по течению реки. Раззадорившись, Гокхейл отправился в дом радости, предназначенный специально для обслуживания его самого, его приближенных и прочих избранных. Речник с несколькими другими братьями подкараулили его, когда он покидал Дворец. С ним были два приятеля, у которых столь неудачным для них образом возникло желание снискать расположение Генерал-инспектора, присоединившись к нему этим вечером, когда ему вздумалось удовлетворить свою страстишку.

Мурген проследил за тем, как развивались события. Предвидя это, я позволила себе расслабиться, изучая свои новые приобретения.

Мне понадобилось чуть больше часа, чтобы сделать вывод, что принесенное сегодня на самом деле было более поздней версией самых первых Летописей, и еще почти час, чтобы осознать — без помощи специалиста тут не обойтись. Другое дело, если бы я располагала свободным временем. Но увы...

Чандра Гокхейл погиб в этом самом доме радости. Как и оба его спутника. Тому были свидетели. Люди видели, как их задушили. Убийцы поспешили скрыться, выронив красный румель.

Серые прибыли почти сразу же. Они погрузили трупы на телегу, объяснив, что Протектор требует немедленно доставить Гокхейла во Дворец. Но Серыми они пробыли недолго — ровно столько, сколько понадобилось, чтобы покинуть дом наслаждений. И направились они в сторону реки, а не Дворца. Лишние тела унесло течение.

Белая ворона, дремавшая на крыше, проснулась, когда они двинулись вниз по склону. Она расправила крылья и полетела вслед за ними.

Мурген присутствовал при том, как Душелову сообщили новости. Это произошло вскоре после случившегося, и отчет был на удивление полным. Серые потрудились на славу, чтобы угодить своей хозяйке.

Братья, которые должны были привезти Гокхейла на склад, все еще не прибыли.

Мургену было также поручено как следует осмотреться в покоях Протектора, раз уж он оказался там. Однако ничего нового мы не узнали. В ее комнаты никто никогда не входил. Во всяком случае, с тех пор, как Лозан Лебедь получил там обещанную ему награду, Душелов не стала у себя задерживаться. Она тут же отправилась на поиски Радиши.

Радиша знала, что с Гокхейлом что-то случилось, но без подробностей. Женщины уселись в прихожей аскетических покоев Радиши. Душелов рассказала о том, что ей было известно. Голосом очень делового человека. Было замечено, что Протектор наиболее опасна и наименее предсказуема именно тогда, когда перестает капризничать и становится очень спокойной и серьезной.

— Похоже, у Генерал-инспектора были такие же слабости, как и у Перхюля Коджи. Наверно, в его ведомстве многие успели подхватить эту «болезнь».

— Ходили слухи.

— И ты ничего не предпринимала?

— Частные увеселения Чандры Гокхейла, какими бы отвратительными ни казались они мне лично, не мешали ему в полной мере исполнять свои обязанности Генерал-инспектора. Он пополнял казну, а все остальное меня не касалось.

— Действительно. — Деловой голос Душелова на мгновение дрогнул. Мурген потом рассказывал, как его позабавила мысль, что, может быть, и она имеет хоть какие-то моральные принципы. — На него напали в том же стиле, что и на Коджи.

— Может, кто-то имеет зуб против этого департамента в целом? Или Обманники отлавливают для своих церемониальных жертвоприношений мужчин, страдающих именно этой слабостью?

— Обманники не убивали Гокхейла. В этом у меня нет никаких сомнений. Это сделали те, кто выманил Лебеда отсюда и убил его. Если они вообще убили его.

— Если? — Чувствовалось, что Радиша напугана тем, что стояло за этими словами.

— Мы не видели его труп. Заметь, что и на этот раз у нас нет тела. Люди, замаскировавшись под наших, почти сразу же прибыли туда и увезли тело. Меньше чем за неделю Тайный Совет потерял двух своих членов. Причем организационно они были наиболее важны. Они делали львиную долю работы по управлению государством. Если Великий Генерал окажется где-то поблизости, могу предсказать, что именно он станет их следующей целью. Эта гогочущая стая жрецов никому не нужна. От них никакого толку. Они ничем не управляют. Моя сестра доказала, что, в случае гибели, их можно заменить в считанные минуты. А вот Лебеда или Гокхейла никто не может заменить. Серые уже начали расследование.

Мурген сделал в уме пометку, что, возможно, Лебедь был марионеткой Душелова гораздо в меньшей степени, чем он старался всем внушить.

— Почему это не могут быть Душилы? — спросила Радиша.

— Потому что всего день назад те же самые люди срезали голову змее Обманников. — Она описала то, что произошло в Саду Воров. Судя по всему, раньше она не удосужилась ни с кем поделиться этими новостями. Не вызывало сомнений, что Протектор рассматривала княгиню как необходимого, но младшего партнера. — На протяжении всего нескольких дней эти люди, которых мы считали уничтоженными раз и навсегда, нанесли нам несколько сокрушительных ударов. За всем этим чувствует-ся ум человека очень опасного.

Нет, не опасного. И даже не удачливового. Это ум человека, одержимого параноидальной идеей, что, как известно, помогает двигать с места горы. Душелов всегда нюхом чувствовала зло того же масштаба, что и ее собственное.

— Мы понимали, что они не останутся во тьме навечно, — сказала Радиша. И тут же торопливо поправи-лась. — Я понимала. Не тот человек Капитан.

Да, в свое время она допустила ужасную ошибку, предав Черный Отряд, но сейчас ей угрожало не прошлое.

Тот дьявол был похоронен глубоко, в сотнях миль отсюда. Гораздо опаснее был другой, который в данный момент сидел рядом с ней.

Протектор — вот ошибка, на исправление которой ей не хватит всей жизни. Не подумав о последствиях, она решила оседлать тигра. Теперь ей не оставалось ничего другого, как вцепиться посильнее, чтобы не дать себя сбросить.

— Нужно вызвать сюда Великого Генерала, — сказала Душелов. — Только если войска окажутся в городе до того, как наши враги сделают следующий шаг, у нас хватит людских ресурсов, чтобы поймать их. Отошли приказ немедленно. И как только курьер отбудет, нужно широко оповестить всех о том, что Великий Генерал возвращается. Они, как известно, питают особую нелюбовь к Могабе. Узнав, что он прибывает, они отложат осуществление других планов и попытаются прежде всего добраться до него.

— Ты говоришь так, будто знаешь, что именно они сделают.

— Я знаю, что сделала бы я, если бы меня точило столь яростное желание, и внезапно возникла возможность осуществить его. Вот увидишь, они попытаются сделать этот «удачный» ход.

— А что они будут делать дальше? — раздраженно спросила Радиша.

— Пока я не хочу распространяться об этом. Не потому, что не доверяю тебе. — Душелов, наверно, подозревала даже самое себя. — Просто хочу убедиться, что понимаю, как именно работает этот противостоящий мне разум, прежде чем начать вмешиваться в его деятельность. Ты же знаешь, у меня к этому талант.

К несчастью, Радиша знала. Она не ответила ничего. Душелов тоже молчала, как будто ожидая, что княгиня заговорит. Но Радише нечего было сказать.

Протектор задумчиво произнесла:

— Хотелось бы мне знать, кто это? Я знаю тех двух кодунов из старых. Но ни у одного из них нет ни амбиций, ни воображения, ни сил, хотя оба, конечно, твердые орешки.

Радиша издала звук, больше всего похожий на писк придушенного цыпленка:

— Колдуны?

— Те два коротышки. Неразлучная пара. Везунчики, не более того.

— Они выжили?

— Я же сказала, что им везет. Ты не помнишь никого, кто не участвовал в походе на Сияющую равнину и кого можно было бы рассматривать как потенциального лидера? Я — нет.

— Я думала, что все эти люди мертвы.

— Я тоже так думала. Наш Великий Генерал утверждает, что собственными глазами видел их тела. Но при этом он исходил из того, что оба колдуна погибли еще раньше. Хм-м-м... Тут-то у меня и возникло подозрение относительно того, что он просто глуп. Ну, можешь ты кого-то вспомнить?

— Среди членов Отряда, которых я знаю, — нет. Но там был еще нюень бао, который имел какое-то отношение к жене Знаменосца. В некотором роде жрец. Превосходно владел мечом и военными искусствами. Я сталкивалась с ним всего несколько раз. И о нем никогда не упоминалось ни в каких отчетах.

— Меченосец? Это объяснило бы многое. Но я убила его, когда... Вот странность. Именно те, кого есть все основания считать мертвыми, часто оказываются живы. Ты не замечала?

Радиша с трудом сдержала улыбку — редкую гостью на ее лице. Подумать только, кто это говорит!

— Затеваешь какое-то колдовство. Нужно быть готовыми ко всему.

— Ты права. Ты абсолютно права. И еще этот меченосец. — Душелов поднялась, собираясь уйти. Голос у нее изменился — теперь он звучал жестко. — Надо же! Давненько я не наносила визит этим людям. Может, из них удастся вытянуть что-нибудь полезное. — И она вышла из комнаты.

Радиша, вся в тревоге, несколько минут просидела неподвижно, точно каменная. Потом поднялась, ушла в

свою Комнату Гнева и закрылась там. Невидимый шпион последовал за Протектором, которая, не имея привычки откладывать дела в долгий ящик, прямоком отправилась в свое хранилище. Собрала маленький ковер, рассчитанный на одного человека, все время споря сама с собой дюжиной раздраженных голосов.

Мурген почти ни слова не слышал, потому что был удивлен и шокирован. Там оказалась белая ворона. Она наблюдала за Протектором, которая по-прежнему не догадывалась о присутствии Мургена. Хотя она была более восприимчива к такого рода вещам, чем кто-либо из ныне живущих, за исключением ее сестры. Птица, в отличие от нее, заметила Мургена, но не выказала ни малейшего беспокойства. Оглядела его сначала одним глазом, потом другим. И подмигнула ему, явно сознательно! А потом, как только Протектор взлетела, тоже упорхнула в ночь, по-видимому, собираясь сопровождать ее в этом путешествии.

Но я же и есть белая ворона!

На время он потерял всякую ориентацию. Это продолжалось совсем недолго, но напугало Мургена не меньше, чем в те давние времена, когда он только начинал путешествовать в виде духа, покидая тело.

31

— Тобо, приведи-ка сюда дядюшку Доя, нужно с ним... — Тут я увидела Кендо Резчика и Ранмаста. — А, пожаловали, наконец-то. Ну, как все прошло?

— Отлично. В точности по плану.

— Привезли мне подарочек? — спросила Сари.

— Его как раз сейчас затаскивают. Все еще дергается.

— Киньте его прямо здесь. Нам нужно дружески поболтать, как только он придет в себя. — В глазах Сари вспыхнул злой огонек.

Я довольно засмеялась.

— Душелов думает, что у нас есть некий грандиозный, тщательно продуманный план, до тонкостей разработанный каким-то великим стратегом, обладающим

выдающимся умом. Если бы она только знала, что мы тыкаемся наугад, точно слепые, в надежде, что удача не оставит нас...

— У кого из собравшихся выдающийся ум, уж не у тебя ли, Малышка? — тут же встрял Одноглазый. — А что делать дальше, ты продумала?

— Конечно. — Это и в самом деле было так. — И уверена, что Душелову даже в голову не приходит, каков будет наш следующий шаг. Хочу выкрасть господина Сан-таракситу, предоставить ему возможность пережить самое большое приключение в жизни.

— Хе-хе! Я так и знал.

Подоспел дядюшка Дой, явно недовольный тем, как с ним обращались в последнее время.

— Один из наших друзей только что сообщил о беседе, состоявшейся между Тысячью Голосов и Радишей, — сказала я. — Как она до этого додумалась — за пределами моего воображения, но Тысяча Голосов решила, что во всех ее последних неприятностях виноват меченосец, который вроде бы должен был погибнуть много лет назад. По последним данным, она отправилась в храм Вин Гао Ганг, чтобы расспросить об этом человеке. Полагаю, ты знаешь, что это за храм.

Дой побледнел, как полотно. На мгновение его правая рука задрожала, а правое веко судорожно задергалось. Он повернулся к Сари.

— Это правда, — подтвердила она. — Что она может там выяснить?

— Говори на языке Людей.

— Нет.

Меченосец, как обычно, смирился с тем, чего не мог изменить, хотя чувствовалось, что никакого удовольствия от этого не испытывал.

— Книга, которая нам нужна, по-прежнему у тебя, — сказала я. — И ты можешь рассказать нам немало полезного.

Упрямый старик. Решительно настроенный не позволять никому втягивать себя во что бы то ни было.

— Тысяча Голосов послала за Могабой, — продолжала я. — Она думает, что армия сумеет отыскать нас. Будь у

меня возможность, я бы с удовольствием покинула Таглиос до того, как он вернется. Но пока нам нельзя уходить. Наши дела здесь не закончены. Твоя помощь могла бы оказаться неоценимой. Как я уже не раз напоминала тебе, кое-кто из ваших людей тоже находится под этой равниной... Ох!

— Что такое? Дрема? — воскликнула Сари. — Гоблин! Взгляни-ка, что с ней?

— Я в порядке. Все хорошо. Просто меня вдруг осенило. Послушайте. Душелов думает, будто Пленные мертвы, все говорит за это. Значит, она уверена, что и Длиннотень мертв. Мы-то знаем, что это не так, поэтому и не проявляем беспокойства. Но, если она не знает, почему не поражается тому, что мир еще не наводнили Тени?

Все, даже колдуны, озадаченно уставились на меня, не понимая, из-за чего я так разволновалась.

— Смотрите, что получается, — продолжала я. — Неважно, жив Длиннотень или умер, пока он по ту сторону Врат Теней. Нет рокового меча, висящего над миром и готового упасть, как только этот безумец закаркает. Другое дело, если он окажется здесь. Тогда вряд ли уцелеет кто-нибудь, кроме разве самых искусных колдунов.

Наши колдуны, хоть и не самые искусные, тут же схватили, в чем суть. И нарисовали весьма драматическую перспективу. Не потому, конечно, что их всерьез волновало, что станет с миром после того, как они покинут его.

Что делать с Хозяином Теней после освобождения Пленных? Вот вопрос, которым мы никогда не задавались всерьез, потому что до этого было далеко и потому что нас, в основном, волновали сиюминутные проблемы, возникающие на пути к заветной цели. Сари выразила мнение многих:

— Мы пока даже не знаем, сможем ли открыть путь. С какой стати нам сейчас беспокоиться о том, как потом закрыть его?

— Хотелось бы мне знать, как Хозяева Теней делали это? С помощью грубой физической силы? Черный Отряд был еще далеко на севере вместе со своим Копьем

Страсти. — Я взглянула на дядюшку Доя. И остальные тоже уставились на него. — Может, великий позор нюень бао вовсе не такой уж древний, как я думала? Может, это случилось всего несколько десятилетий назад? Примерно в то же время, когда появились Хозяева Теней, и как раз перед тем, как они заявили о себе?

Дядюшка Дой закрыл глаза. Открыв их через некоторое время, старый жрец пристально посмотрел на меня.

— Пошли выйдем, Каменный Солдат.

К сожалению, Чандра Гокхейл, Генерал-инспектор и любитель очень молоденьких девушек, выбрал именно этот момент, чтобы застонать. Я сказала Дую:

— Через несколько минут, дядюшка. У нас тут гость, которого нужно хорошо принять. Обещаю, что не задержусь надолго.

Гоблин опустил на колени рядом с министром, слегка похлопал его по лицу и помог сесть. От Генерал-инспектора только что дым не шел, он явно собирался обрушить на наши головы гром и молнию. Только он открыл рот, я наклонилась вперед и прошептала:

— Воды спят.

Голова Гокхейла дернулась. Он мгновенно вспомнил, где видел меня прежде.

— Все их дни сочтены, приятель, — продолжил мою партию Гоблин. — И, похоже, в твоём распоряжении их будет чуть поменьше по сравнению с некоторыми другими.

Гокхейл узнал и его тоже, хотя предполагалось, что Гоблин мертв. А вспомнив, где видел прежде Сари, он затрепетал.

— Помнишь, как ты несколько раз обругал Минх Сабредил? — спросила Сари. — Сабредил-то уж точно помнит. Думаю, нам ввек с тобой не расплатиться за все мучения. Будешь сидеть в клетке для тигров. Вот и все наказание. Ничего страшного, не правда ли? И, возможно, уже через несколько дней Пурохита составит тебе компанию. — Она рассмеялась таким злым смехом, что меня пробрала дрожь. — Ваши дни сочтены, но сколько бы их не осталось, ты, Чандра Кокхейл, и Арджуна

Друпада все время будете взывать к Земле и Небу, Ночи и Дню. Как наши братья в ледяной могиле.

Часть сказанного, которая имела особый смысл исключительно для нюень бао, я не поняла. Но суть уловила. Так же, как и Гокхейл. Он проведет остаток своей жизни в одной клетке с человеком, которого ненавидел больше всех на свете.

Сари снова засмеялась.

Когда она так смеется, это означает, что нервы у нее натянуты, как струна.

32

Я не спускала глаз со старого жреца, когда мы пробирались сквозь паутину заклинаний, которой был опутан склад. У него не было защитного амулета. Его голова судорожно подергивалась, ноги то и дело норовили изменить направление движения, но усилием воли он прокладывал свой путь сквозь наведенные иллюзии. Возможно, это было результатом обучения на Пути Меча. Хотя мне припомнилось, как Госпожа не раз настойчиво повторяла, что он тоже колдун, хотя и не слишком сильный.

— Куда мы идем, дядюшка? И зачем мы идем туда?

— Мы идем туда, где нет ушей нюень бао, которые могли бы услышать то, о чем я расскажу тебе. Старые нюень бао заклеили бы меня как предателя. Молодые нюень бао называли бы меня лжецом и старым дурнем. Или еще как-нибудь похуже.

А я? Как правило, я разделяла последнее мнение, в особенности, когда слышала его проповеди о необходимости внутреннего мира, которого можно достичь, с яростной одержимостью готовясь к сражению. Его философия привлекала очень немногих из тех, кто работал у Бонх До Трана, и все они были нюень бао, слишком молодые для того, чтобы на своей шкуре испытать, что такое на самом деле война. Я понимала, что словосочетание «Путь Меча» не носит милитаристского характера, но многим не нравилось именно, как оно звучало.

— Хочешь сохранить в глазах нюень бао свой образ нестигаемого старика, готового скорее умереть, чем помочь джентали, людям второго сорта, как известно.

Было слишком темно, но мне показалось, что он улыбнулся.

— Да, примерно так, хотя и несколько упрощенно. — Его таглианский, который никогда не был плохим, сейчас стал еще лучше, поскольку мы были одни.

— Ты учиываешь тот факт, что в каждом темном уголке может прятаться летучая мышь, или ворона, или крыса, или даже одна из Теней Протектора?

— Мне нечего их бояться. Тысяча Голосов уже знает все, что я собираюсь рассказать тебе.

Но она могла не хотеть, чтобы я тоже узнала это.

Мы довольно долго шли в молчании.

Таглиос не перестает изумлять меня. Дой уверенно шел через район состоятельных людей, где люди обитали в поместьях, окруженных высокими и к тому же охраняемыми стенами. Их молодежь развлекается на улице Салара, которая возникла много лет назад специально для этой цели. Разум подсказывал, что там, где сконцентрировано богатство, нищих должно быть в избытке, но дело обстояло как раз наоборот. Бедным не позволялось оскорблять своим присутствием взгляд богачей.

Здесь, как нигде, запахи цекотали нозари, но то была не вонь, а аромат сандалового дерева, гвоздики и духов.

Потом Дой повел меня по темным улочкам района храмов. Мы отошли в сторону, пропуская банду приверженцев Гунни. Молодые парни, задиры, живущие на улицах. Вздумай они прицепиться к нам, им здорово досталось бы, хотя нам это было вовсе ни к чему. Однако все обошлось. Им помешали безобразничать трое Серых.

Нельзя сказать, что Шадар в полной мере презирают кастовую систему. Просто они придерживаются мнения, что к высшей касте должны принадлежать не только жрецы и те, кому по рождению предназначено стать жрецами, но и, конечно же, любой, исповедующий веру Шадар. А эта вера, в высшей степени еретическая и пред-

ставляющая собой боковую ветвь моей собственной Единой Истинной Веры, содержит в себе нечто очень привлекательное для слабых и обездоленных.

Серые обрушили на юнцов удары своих бамбуковых палок, а с жалобами посоветовали обращаться к Протектору. Парни оказались сообразительнее, чем можно было подумать на первый взгляд. Не успели Серые ухватиться за свистки, вызывая подмогу, как забияк и след простыл.

В городе наступило царство ночи. Дой и я все шли и шли.

В конце концов он привел меня в так называемый Парк Оленей — участок дикой природы, расположенный неподалеку от центра города. Он был создан несколько столетий назад кем-то из тогдашних правителей.

— Не понимаю, зачем нужно было тащиться сюда, — сказала я.

Может, в его голове созрел дурацкий план убить меня и бросить тело под деревьями? Глупость, конечно. И, главное, какой в этом смысл?

Дой есть Дой, однако. Никогда не знаешь, чего можно от него ожидать.

— Здесь я чувствую себя спокойнее, — заявил он. — Но надолго никогда не задерживаюсь. Здешние лесничие постоянно гоняют отсюда чужаков. А для них чужак — любой нетаглианец или таглианец, но не из высшей касты... Вот это бревно имеет форму точно по моим ягодицам.

Я упала, споткнувшись о бревно, о котором шла речь. Поднялась на ноги и сказала:

— Слушаю тебя.

— Сядь. Нам потребуется время.

— Опустит все бегаты.

У веднаитов Джайкура это слово означало дополнительные объяснения, призванные облегчить трудности, возникающие при заучивании священного писания. Чем, как известно, у них должен был заниматься каждый ребенок. То есть мои слова означали: «Не трудись объяснять, на ком лежит вина и как они докатились до такого злодейства. Просто расскажи, что случилось».

— Просить рассказчика отказаться от приукрашивания событий — все равно что просить рыбу добровольно отказаться от воды.

— Мне завтра на работу идти.

— И пойдешь. Тебе известно, что Свободные Отряды Хатовара и странствующие отряды Душил, убивающих во славу Кины, имеют одинаковое происхождение?

— В Анналах можно найти немало намеков, позволяющих сделать такое предположение, — призналась я.

Хотя в это как-то мало верилось.

— Мою роль у нюень бао грубо можно сопоставить с твоей как Летописца Черного Отряда. И с ролью жреца в отрядах Душил. Этим последним, кроме всего прочего, вменяется в обязанность хранить устную историю отряда. С годами Тути постепенно утратили уважение к письменной истории.

Мои собственные исследования показывали, что с годами Черный Отряд тоже претерпел значительную эволюцию. Вероятно, гораздо большую, чем отряды Обманников, которые все время оставались внутри одной и той же культурной среды, не претерпевшей значительных изменений. В отличие от них, Черный Отряд забирался все дальше и дальше в чужие земли, и старые солдаты замещались молодыми чужестранцами, у которых отсутствовала связь с прошлым и которые зачастую даже не представляли себе, что Хатовар еще существует.

Дой точно прочел мои мысли.

— Отряды Душил — слабое подражание первоначальным Свободным Отрядам. Черный Отряд сохранил свое название и кое-что из воспоминаний, но в философском смысле вы гораздо дальше от начальной точки, чем Обманники. Ваш Отряд ничего не знает о своих истинных предках, и весь его путь в огромной степени происходит под воздействием богини Кины. Но не только ее. Есть и другие, поменьше рангом, кто не хочет, чтобы ваш Отряд стал тем, чем был когда-то.

Я молчала, но Дой не потрудился ничего объяснить. Как всегда.

Зато он сделал то, что было для него даже труднее. Рассказал мне правду о своем собственном народе.

— Нюень бао — почти чистокровные потомки тех, кто входил в один из Свободных Отрядов. Того, который предпочел не возвращаться.

— Но считается, что именно Черный Отряд был тем единственным, который не вернулся. В Анналах говорится...

— Там не может быть сказано больше того, что было известно его авторам. Мои предки пришли сюда после того, как Черный Отряд завершил опустошение страны и двинулся на север, уже утратив всякое представление о своей божественной миссии. Предоставленный самому себе, не ведая о том, какая роль была ему уготована. К тому времени в нем сменились уже три поколения, и не прилагалось никаких усилий к сохранению чистоты крови. Он просто сражался, принимая участие в войне, первой из тех, которые запомнили авторы ваших Летописей. И был почти полностью уничтожен. Похоже, таков удел Черного Отряда. Снова и снова возникать почти из ничего, каждый раз воссоздавая себя заново. И каждый раз утрачивая что-то из того, чем он был до этого.

— А каков удел твоего Отряда? — Я обратила внимание на то, что он никак не называл его. По правде говоря, это было неважно. Название не имело для меня значения.

— Погрязнуть даже глубже в неведение о самом себе. Я знаю истину. Мне известны старые тайны и пути. Но я — последний. В отличие от других Отрядов, мы взяли свои семьи с собой. Нам было что терять. И мы дезертировали. Ушли и спрятались на болотах. Но смешения кровей мы не допускали. Почти.

— А эти ваши паломничества? Старики, которые умерли в Джайкуре? Хонь Тэй? И великая, мрачная, ужасная тайна нюень бао, которая так волнует Сари?

— У нюень бао много мрачных тайн. Все Свободные Отряды имели мрачные тайны. Мы были орудием Тьмы. Солдаты Тьмы. Костяные Воины, призванные открыть путь Кине. Каменные Солдаты, сражающиеся

за честь остаться в вечности, за то, чтобы наши имена были золотыми буквами записаны на камнях Сияющей равнины. Мы потерпели неудачу, потому что наши предки были несовершенны в своей преданности. В каждом Отряде имелись те, кто был слишком слаб, и это не позволило навлечь Годину Черепов.

— А что старики?

— Кы Дам и Хонь Тэй. Кы Дам был последним официальным Капитаном нюень бао. Занять его место некому. Хонь Тэй была ведьмой и несла в себе проклятие дара предсказания. Она была последним подлинным жрецом. Жрицей.

— Проклятие дара предсказания?

— Она никогда не предсказывала ничего хорошего.

Я почувствовала, что он не хочет углубляться в этот предмет. Мне припомнилось, что последнее пророчество Хонь Тэй касалось Мургена и Сари, что, конечно, было воспринято как оскорбление всеми «правильными» нюень бао, — и это пророчество все еще не исполнилось в полной мере.

— А в чем великий грех нюень бао?

— Эта идея у тебя от Сари, конечно. И она, так же, как все те, кто родился после прихода Хозяев Теней, верит, что именно «грех» заставил нюень бао уйти на болота. Она ошибается. Это бегство было связано не с грехом, а со стремлением выжить. По-настоящему черный грех был совершен уже при моей жизни.

В его голосе отчетливо проступила напряженность. Без сомнения, то о чем он говорил, сильно задевало его чувства.

Я не торопила его.

— Я был маленьким мальчиком и делал первые шаги на Пути Меча, когда появился этот чужеземец. Привлекательный человек средних лет. Его звали Ашуттош Вакша. На древнем языке Ашуттош означает что-то вроде Отчаяние Грешника. Вакша имеет почти тот же самый смысл, что и в современном тагианском. То есть «добрый дух». Людям казалось, что он — существо сверхъестественное. Из-за белой кожи. Очень бледная, действи-

тельно просто совсем белая кожа, белее, чем у Гоблина или Лозана Лебеда, которые хотя бы слегка загорели. И все же альбиносом он не был. Глаза у него были совершенно нормальные, а волосы не такие светлые, как у Лебеда. В целом, большинство нюень бао воспринимало его как волшебное, почти неземное создание. Он говорил на нашем языке немного странно, но все же понять его было можно. Сказал, что хочет пройти обучение в храме Вин Гао Ганга, слава о котором дошла до него издалека. Стали допытываться, откуда он родом, но он отвечал непонятно. Дескать, его родина — Страна Неизвестных Теней, что под звездами Аркана.

— Он сказал, что пришел с равнины Сияющего Камня?

— Не совсем. В полной мере его было трудно понять. То ли с нее, то ли из-за нее. Да никто и не допытывался уж слишком настойчиво. Даже Кы Дам или Хонь Тэй, хотя он явно вызывал у них беспокойство. Мы довольно быстро поняли, что Ашуттош — очень сильный колдун. А в те дни были живы еще многие люди, помнившие происхождение нюень бао. Они испугались, что, возможно, его послали с целью вернуть нас домой. Они ошибались. Довольно долго Ашуттош был лишь тем, кем он себя объявил — ученым, который жаждет вкусить мудрости, накопленной в храме Чангеша. Этот храм был для нас святым местом с тех пор, как нюень бао поселились на болотах.

— Однако здесь отчетливо ощущается некое «но», верно? В конце концов, этот человек оказался негодяем?

— Да. Ашуттош был тем, кого позже знали под именем Тенелов. Он прибыл, чтобы найти наш Ключ, а послал его учитель и наставник, которого вы называли Длиннотень. Еще в юном возрасте этот человек случайно услышал, что не все Свободные Отряды вернулись в Хатовар. Из этого он сделал вывод, до которого, кроме него, не додумался никто, — что каждый Отряд, все еще находящийся снаружи от Врат Теней, должен владеть талисманом, способным открывать и закрывать эти Врата. Честолюбивый человек мог с помощью этого талисмана

добраться до ракшасов и заставить их вершить для него черные дела. Сила, способная убивать, может стать ужасающей в руках человека, не умеющего или не желающего сдерживать ее.

— Ну и что, нашел Ашуттош Вакиша Ключ?

— Он лишь убедился, что тот существует. Втерся в доверие к жрецам, и кто-то из них проболтался. Вскоре Ашуттош заявил, что его учитель, наставник и духовный отец, Мариша Мантара Думракша, как он его называл, находясь под большим впечатлением от его отчетов о храме, собирается лично прибыть сюда. Думракша оказался высоким, невероятно худым человеком, который всегда носил маску, по-видимому, из-за того, что у него было изуродовано лицо.

— И ты, услышав это имя — Мариша Мантара Думракша, — ничего не заподозрил?

Уже стемнело, и я не могла разглядеть выражение лица Доя, но чувствовала, что мой вопрос огорчил и обидел его.

— Я был маленьким мальчиком.

— А нюень бао не интересуются ничем, кроме самих себя. Да. Я веднаитка, дядюшка, но даже мне известно, что Мантара и Думракша — имена легендарных демонов Гунни. Нужно было держать ухо востро. Тогда, если какой-нибудь мерзкий колдун дженгали и запудрит тебе мозги, ты, по крайней мере, будешь знать, с кем он связан.

— Этот Думракша мог кого хочешь заговорить, — проворчал Дой. — Когда он узнал, что раз в десять лет, как тогда было принято, отряд, состоящий из самых сильных мужчин, отправляется в паломничество на юг...

— Он попросился к ним и, заморозив голову, добился позволения осмотреть Ключ.

— Почти. Но не совсем. Да. В общем, ты угадала верно. Целью паломничества были сами Врата Теней. Там пилигримы оставались в течение десяти дней, ожидая знака. Вряд ли они имели представление о том, каким должен быть этот знак. Но — важно было соблюсти традицию. Пилигримы, однако, никогда не брали с собой

настоящего Ключа. Они носили копию, на которую накладывалось несколько простых заклинаний, в расчете на глупого и невнимательного вора. Настоящий Ключ оставался дома. Старики на самом деле вовсе не хотели, чтобы с той стороны был подан знак.

— Длиннотеню никакой знак не требовался?

— Да. Когда паломники прибыли к Вратам Теней, они обнаружили, что их поджидают Ашуттош Вакша с подлюжиной колдунов. Некоторые сбежали с севера, из царства Тьмы, где служил тогда Черный Отряд. Когда Думракша попытался использовать фальшивый ключ, на его банду напали с той стороны Врат Теней. Прежде чем проход удалось закрыть, используя силу подлинного имени Длиннотени, погибли трое из этих так называемых Хозяев Теней. Один, по имени Ревун, был сильно ранен, но сбежал. Уцелевшие быстро перессорились между собой, пытаясь захватить монстров, которых твои братья обнаружили, когда прибыли на место. И все это стало причиной того, что Мать Ночи пробудилась и начала замышлять, как бы устроить Годину Черепов.

— В этом и состоит великий грех нюень бао? В том, что они позволили колдунам провести себя?

— В те дни между жителями болот и внешним миром контакт был очень незначителен. Семья Бонх До Трана заправляла всей торговлей с внешним миром. Раз в десять лет горстка мужчин отправлялась к Вратам Теней. И примерно с той же частотой отшельники-гунниты уходили на болота, надеясь таким образом очистить свои души. У них, по-видимому, с головой было не в порядке, иначе они бы искали бы место получше. К ним, как правило, относились с терпимостью. Вот и все, никаких контактов больше фактически не было.

— При чем тут Тысяча Голосов?

— Она узнала всю эту историю от Ревуна примерно в то время, когда мы оказались в ловушке в Дежагоре. Или сразу после этого. Явилась в храм вскоре после нашего возвращения. Даже самые сильные из нас были до предела изнурены, все старики умерли, включая нашего Капитана, и Глашатая, и ведьму Хонь Тэй. Кроме меня, не

осталось никого, кто знал бы все — хотя Гота и Тай Дэй кое-что знают, и Сари немного, поскольку все они принадлежат к семье Кы Дама и Хонь Тэй. Когда Тысяча Голосов пришла в храм, меня там не было. Она использовала свое могущество, чтобы запутать жрецов. В конце концов они капитулировали и отдали ей таинственный предмет, который был доверен им на хранение много лет назад. Они даже не знали, что он собой представлял. На самом деле они не так уж и виновны, но сколько я ни бился, их все равно продолжали стыдить. Ну вот, теперь ты все знаешь. Все тайны нюень бао.

Я не была уверена в этом.

— У меня есть серьезные сомнения на этот счет. Но все же это уже кое-что, с чем можно работать. Ты собираешься помогать нам? Если мы сумеем заставить Нарайна Сингха признаться, куда он дел Ключ?

— Если ты пообещаешь, что никто никогда не узнает того, что я рассказал тебе сегодня ночью.

— Клянусь на Анналах. Не скажу ни слова ни одной живой душе. — Такая форма клятвы, однако, не помешает мне записать все то, о чем я от него услышала.

Я не стала требовать от него никаких клятв.

Рано или поздно он столкнется с моральной дилеммой, которая раздавила Радишу. В какой-то момент у нее возникло ощущение, что Отряд выполнил свои обязательства по отношению к ней и пришло время заняться своими собственными делами, забыв об обязательствах по отношению к Отряду. Как только — если! — людям дядюшки Доя удастся освободиться из могилы под Сияющей равниной, его надежность как союзника обратится в дым.

Ладно, когда время придет, тогда пусть голова и болит, подумала я и сказала Дою:

— Мне завтра на работу. И сейчас уже очень поздно.

Он поднялся, явно испытывая чувство облегчения от того, что я задавала не так уж много вопросов. У меня на уме, конечно, было несколько. К примеру, почему нюень бао со временем стали более часто совершать свои паломничества к Вратам Теней как раз в те времена, когда

Хозяева Теней были в силе, и зачем таскали с собой женщин, детей и стариков? Я задала ему этот вопрос по дороге домой.

— Хозяева Теней милостиво не препятствовали нам. Это добавляло им ощущения собственного превосходства. К тому же, нам удалось внушить им, что, поскольку настоящего Ключа у нас нет, мы отправляемся на поиски его. И даже сами наши люди верили в это. Только Кы Дам и Хонь Тэй знали правду. Хозяева Теней надеялись, что мы найдем Ключ — для них.

— Тысяча Голосов раскусил вас.

— Да. Ее вороны летают везде и слышат все.

— И в те дни в ее распоряжении был один очень подлый демон.

Всю дорогу обратно на склад я продолжала докучать ему, выпытывая оставшиеся секреты, чтобы заполнить пробелы в его рассказе.

Но мне не удалось одурачить его.

Прежде чем дотащить до постели, я еще раз встрети-лась с Сари, Мургеном и Гоблином.

— Ну как, вы ничего не упустили?

Подстраховаться никогда не мешает — Мурген, невидимый и неслышимый, присутствовал во время нашей увлекательной беседы с Доем.

— В основном, да, — ответил Мурген. — Этот старик большой хитрец.

— Как думаете, он сказал правду?

— По большей части, — откликнулась Сари. — Он не сказал ни слова лжи, но не открыл и всей правды.

— Ну, конечно, нет. Он — нюень бао до кончиков кривых ногтей. И кроме того, колдун.

Прежде чем Сари успела возмутиться, Гоблин со-общил:

— Следом за вами летела белая ворона.

— Я видела ее. И решила, что это Мурген.

— Нет, не Мурген, — возразил Мурген. — Я был там в виде духа. Так же, как сейчас.

— Кто же она, в таком случае?

— Не знаю, — ответил он.

Я не совсем поверила ему. Может, интуиция обманывает меня, но я была уверена, что у него есть кое-какие подозрения. И достаточно основательные.

33

Господин Сантараксита едва дождался, пока мы остались одни, и тут же подошел ко мне.

— Дораби, я тобой недоволен. Два дня назад ты опоздал. Вчера тебя не было вообще. И после этого сегодня ты являешься как ни в чем не бывало и готов приступить к работе.

Вовсе я не «явилась как ни в чем не бывало». Я явилась злая как черт, но не из-за него, конечно. И, наверно, поэтому не сразу заметила несоответствие тона, каким были сказаны его слова, и их содержания. В тоне отчетливо проступало облегчение — от того, что я вернулась, и слабеющий привкус страха — от того, что этого могло не произойти. Пришлось солгать.

— У меня был жар. Просто ноги не держали. Я попробовал добраться сюда, но был так слаб, что лишь зря потратил время. Пришлось вернуться домой.

— Зачем же ты пришел сегодня? — Полный разворот — теперь в его голосе ощущалось сильное беспокойство.

— Сегодня я чувствую себя чуть лучше. У меня тут много дел. Мне очень не хотелось бы потерять эту работу, Сри. Книги... Кладезь мудрости...

— Где ты живешь, Дораби?

Я взяла метлу, но это не остановило его. Он буквально шел за мной по пятам. Взгляды, которыми люди провожали нас, свидетельствовали о том, что Сантараксита снискал себе репутацию охотника до молоденьких мальчиков.

Этот вопрос не застал меня врасплох, ведь я знала, что он пытался выследить, где я живу.

— Снимаю маленькую комнатку на побережье в Си-раде, вместе с несколькими друзьями еще со времен армии.

Довольно распространенная ситуация для Таглиоса, где число мужчин превышает число женщин почти вдвое. Мужчинам легче отправиться в дальние края в надежде устроить свою судьбу.

— Почему ты не вернулся домой, когда кончилась война, Дораби?

Ох!

— Сри?

— Твоя мать, твой брат со своей женой, твои сестры, их мужья и дети все еще живут там же, где прошло твое детство. Они считают тебя погибшим.

Ох-ох! Проклятие! Он что, ездил туда и своими глазами видел всех их? Есть же люди, которые обожают совать нос в чужие дела!

— Я всегда не ладил со своей семьей, Сри. — Это уже было откровенной ложью по отношению к Дораби Дей Банераю. Он как раз, насколько я знаю, был очень близок со своей семьей. — Кьяулунская война сильно изменила меня, я стал совсем другим человеком. И потом... Со временем они узнали бы обо мне такое, что заставило бы их отречься от меня. Пусть лучше считают, что Дораби мертв. Все равно того юноши, которого они помнят, больше не существует на свете.

Я надеялась, что воображение подскажет ему, как лучше интерпретировать мои слова. Он клянул на эту удачку.

— Понимаю.

— Благодарю за заботу, Сри. А сейчас, простите...

Я приступила к работе. Руки так и мелькали, но я не замечала, что делаю, целиком погрузившись в свои мысли. Теперь, конечно, ничего другого не оставалось, как только позволить соблазнить себя. Никакого опыта в этом смысле у меня не было, с какой точки зрения ни посмотреть. Но старики недаром называют меня умной. Спустя некоторое время я придумала, как направить дальнейшие события в желаемое русло без того, чтобы Сурендранат Сантраксита всерьез подвергал себя эмоциональному или моральному риску. Во всяком случае, не больше, чем когда он пытался проследить за мной до дома, и я послала Тобо вывести его наружу. О чем он, конечно, не знал.

Несколько часов спустя я ухитрилась заставить свой желудок извергнуть завтрак и демонстративно, чтобы это не прошло незамеченным, убрала все за собой. Чуть позже я воспользовалась заклинаниями, вызывающими головокружение. Это случилось уже после того, как большинство библиотекарей и копиистов ушли домой. Дневная гроза оказалась не такой ужасной, как в большинстве случаев. Таглианцы обычно считают это дурным предзнаменованием.

Сантараксита сыграл свою часть превосходно, точно прочел написанный мной сценарий. Он оказался рядом еще до того, как заклинание перестало действовать. Заметно нервничая, он посоветовал:

— Тебе лучше отправиться домой, Дораби. Ты сегодня изрядно потрудились. Завтра можешь отдохнуть. Я провожу тебя, чтобы удостовериться, что с тобой все в порядке.

Я вяло запротестовала, что в этом нет никакой необходимости, но тут у меня снова закружилась голова. Пришлось сказать:

— Спасибо, Сри. Ваше великодушие не знает грани. А что будет с Баладитаем? — Внук старого копииста снова не пришел за ним.

— Практически, ему по дороге с нами. Мы просто сначала проводим его.

Я попыталась сделать или сказать что-то, что разожгло бы фантазию Сантаракситы, но не смогла. В этом, впрочем, и не было необходимости. Он сам, по собственной воле шел на крючок. И все потому, что я умела читать.

Судьба.

Так уж получилось, что Речник оказался поблизости, когда господин Сантараксита, Баладита и я покидали библиотеку. Еле заметным жестом я дала ему понять, почему мы оказались втроем. По дороге пришлось прибегнуть к дополнительным жестам и знакам, с помощью которых я сообщила ему, что старика нужно захватить, как только мы с Сантаракситой покинем его. Он последним видел Главного Библиотекаря в моем обществе. И он мог оказаться полезен для нас.

Неподалеку от склада мне пришлось прибегнуть к еще одному заклинанию. Чтобы помочь мне удержаться на ногах, Сантараксита обхватил меня за плечи. Я выскользнула из его рук и продолжила игру. К этому моменту нас уже окружили братья из Отряда, держась, правда, на расстоянии.

— Просто пошли дальше, — сказала я Сантаракситу, на которого уже начали воздействовать наши заклинания. — Только возьмите руку.

Спустя мгновение легкий удар по затылку Главного Библиотекаря позволил мне, наконец, выйти из роли, которая была мне очень не по нутру.

— Здесь меня знают под именем Дрема. Я — Летописец Черного Отряда. Я привела вас сюда, чтобы вы помогли перевести записи, сделанные некоторыми из моих самых отдаленных предшественников.

Сантараксита попытался возмутиться. Кендо Резчик положил руку ему на рот и нос, лишив возможности дышать. После нескольких подобных эпизодов даже до представителя класса жрецов дошло, какая связь существует между молчанием и беспрепятственным дыханием.

— У нас репутация жестоких людей, Сри. И вполне заслуженно. Нет, я не Дораби Дей Банерай. Дораби умер во время Кьяулунской войны. Сражаясь на нашей стороне.

— Чего вы хотите? — Голос у него дрожал.

— Я ведь уже сказала — нам нужно перевести кое-какие старые книги. Тобо, принеси их с моего рабочего стола.

Мальчишка выбежал, ворча себе под нос, с какой стати именно его всегда гоняют с поручениями.

Господин Сантараксита ужасно разозлился, обнаружив, что кое-что из предназначенного для перевода было украдено из закрытого фонда библиотеки. Я подвинула к нему то, что считала самым ранним томом Летописей:

— Мне хотелось бы, чтобы вы начали вот с этого. Тут он побелел, как полотно.

— Я обречен, Дораби... Прости, юноша. Дрема, кажется?

— Хм-м-м... — промычал Одноглазый, который только что вошел. — Ты все время пил глаза не на то дерево. Наша маленькая дорогая Дрема — девушка.

Я ухмыльнулась.

— Проклятие! У вас новые трудности, Сри. Теперь вам придется освоиться с мыслью, что и женщина может читать. Ах! Но ничего, здесь Баладитай. Вы будете работать с ним. Спасибо, Речник. Мы тебя не слишком затруднили?

Сантараксита снова попытался возразить.

— Я не...

— Вы будете переводить, и очень усердно, Сри. Или мы не будем вас кормить. Здесь вам не бхадралок. У нас с разговорами давным-давно покончено. Мы делаем дело. Вам просто не повезло, что вы оказались замешаны во все это.

Появилась Сари. Насквозь промокшая.

— Снова дождь. Вижу, ты поймала свою рыбку. — Она рухнула в кресло, разглядывая Сурендраната Сантаракситу. — Я совсем без сил. Весь день нервы у меня были на пределе. В середине дня Протектор вернулась с болот. В очень скверном настроении. У них с Радишей произошла ужасная ссора, прямо у нас на глазах.

— Радиша спорила с ней?

— Да. Она дошла до предела. Этим утром появился еще один Бходи, но Серые помешали ему поджечь себя. Тогда Протектор заявила, что собирается устроить нам веселенькую ночь, выпустив все Тени на свободу. И тут Радиша завопила как резаная.

Сантараксита настолько перепугался, услышав откровения Сари, что я не смогла сдержатъ смеха.

— Нет, — пробормотал он. — Тут нет ничего смешного. — Потом выяснилось, что его взволновали вовсе не Тени. — Протектор оторвет мне уши. Эти книги вообще не должны были находиться в библиотеке. Считалось, что я уничтожил их много лет назад, но я не в состоянии обойтись так с книгой. Потом я забыл о них. Мне следовало бы запереть их где-нибудь подальше.

— Зачем? — огрызнулась Сари.

Ответа она не получила.

— Ты принесла еще что-нибудь? — спросила я.

— У меня не было возможности раздобыть ни одной страницы. Я торчала в покоях Радиши. Подслушивала ее с Душеловом. Но зато у меня есть еще кое-какая информация.

— Например?

— Например, что Пурохита и все жрецы, которые входят в Тайный Совет, завтра покинут Дворец, чтобы присутствовать на собрании жрецов, посвященном подготовке этого ихнего ежегодного Друга Пави.

Друга Пави — самый крупный ежегодный праздник гуннитов. Тагиос, со всеми его бесчисленными культами и бессчетными этническими меньшинствами, может похвастаться тем, что какой-нибудь праздник отмечается в нем почти каждый день, но Друга Пави затмевает все остальные.

— Но он же не бывает раньше, чем кончится сезон дождей. — У меня возникло какое-то странное ощущение по поводу этого сообщения.

— Я и сама чувствую, что здесь что-то не так, — призналась Сари.

— Речник, забирай господина библиотекаря и копииста и постарайся устроить их поудобнее, насколько это для нас возможно. Скажи Гоблину, чтобы он снабдил их необходимыми принадлежностями. — Я повернулась к Сари. — Ты слышала что-нибудь о библиотекаре до или после того, как Душелову надоело запугивать жителей болот и она вернулась обратно?

— После, конечно.

— Конечно. Она подозревает что-то. Кендо, я хочу, чтобы завтра на рассвете ты отправился в Керми Уот. Покрутись там, посмотри, не удастся ли что-нибудь разузнать. Но так, чтобы никто не заметил твоего интереса. Если увидишь множество Серых или других Шадар, то ничего не предпринимай. Просто возвращайся обратно и расскажи все, что увидел.

— Думаешь, это и есть благоприятная возможность? — спросила Сари.

— Есть и будет, пока они за пределами Дворца. Разве не так?

— Может быть, лучше всего просто убить их. А потом прикрепить к трупам наши «пузыри». Чтобы окончательно свести Душелова с ума.

— Постой. Мне кое-что пришло в голову. Может, это то же самое, что с Аль-Хульским отрядом. — Я замахала пальцем в воздухе, точно отбивая некий музыкальный ритм. — Да. Это так. Похоже, Протектор пытается подстроить нам ловушку с Пурохитой, — я пояснила свою мысль.

— Неплохо, — сказала Сари. — Но, если мы собираемся все это повернуть, вам с Тобо придется отправить-ся со мной во Дворец.

— Я не могу. На следующий день после исчезновения господина Сантаракситы я обязательно должна быть на работе. Поговори с Мургеном. Расспроси, не был ли он сегодня неподалеку от Дворца. Разузнай, есть ли ловушка и где она. Если Душелова не будет, вы с Тобо и сами справитесь.

— Я не хочу преуменьшать твою сообразительность, Дрема, но я очень много думала над тем, что собираюсь сделать. Годами, хотя и с перерывами. Отчасти именно из-за этой возможности я всегда старалась держаться как можно ближе к центру событий. Фокус в том, что проделать это можно только втроем. Мне нужны и Шики, и Сава.

— Дай мне подумать. — Пока я размышляла, Сари поговорила с Мургеном. В последнее время он как будто проявлял больше интереса по отношению к внешнему миру, в особенности ко всему, что заботило его жену и сына. Должно быть, начинал понимать, что к чему. — Я знаю, что делать, Сари! Гоблин сможет притвориться Савой.

— Ну и придумала, — заявил Гоблин и грязно выругался на четырех или пяти языках, чтобы быть уверенным, что его все поняли. — Какого черта? Ты в своем уме, женщина?

— Ты такой же низенький, как и я. Мы вотрем тебе в лицо и руки немного сока орехов бетеля, напьем на тебя «наряд» моей Савы, и Сари проследит,

чтобы ты рта не раскрывал, как бы тебе ни приспичило,— никто и не заметит разницы. Только смотри все время вниз, как Сава всегда делает.

— Может, это и выход,— ответила Сари, не обращая внимания на несмолкающие протесты Гоблина.— Фактически, чем больше я об этой идее думаю, тем больше она мне нравится. Ничуть не желая проявить к тебе неуважение, Дрема, могу сказать — в том, что касается «изюминки» нашего замысла, Гоблин может быть гораздо полезнее тебя.

— Понимаю. Ну, так отправляйтесь. А я смогу еще какое-то время побыть Дораби Деем. По-моему, отлично, как ты считаешь?

— Женщины,— проворчал Гоблин.— Жить с ними невозможно, но разве от них отвяжешься?

— Ты лучше начинай у Сони обучаться заскокам Савы.— Потом Сари повернулась ко мне: — у Савы будет полно работы, не сомневаюсь. Нарита жаждет заполучить ее. Тобо, ты должен хорошенько выспаться. Никто не связывает твое появление с Гокхейлом, но все же тебе нужно быть настороже.

— Мне вовсе не нравится ходить туда, ма.

— Ты думаешь, мне нравится? Мы все...

— Да. Думаю, что тебе нравится. Думаю, ты продолжаешь ходить туда, потому что тебя привлекает опасность. Думаю, тебе придется нелегко, когда не надо будет ежедневно рисковать собой. Думаю, если это произойдет, нам всем нужно будет глаз с тебя не спускать, а то ты можешь втянуть нас во что-нибудь этакое, и всех нас прикончат вместе с тобой.

Да, этот ребенок явно много думает. Может, с подачи своих «дядей». Но одно не вызывало сомнений — он очень недалек от истины.

Я расположилась в кресле перед клеткой, где сидел Нарайан Сингх. Он не спал, но не обращал на меня внимания.

— Дочь Ночи еще жива,— сказала я.

— Мне это известно.

— Да? Откуда?

— Я узнал бы, если бы ты причинила ей вред.

— Тогда тебе полезно будет узнать следующее. Пройдет совсем немного времени, и ей очень даже причинят вред. Она вообще жива только потому, что мы нуждаемся в твоей помощи. Если мы ее не получим, какой смысл продолжать кормить ее? И тебя, кстати, тоже. Хотя я намерена сдержать свое слово и позаботиться о тебе. Потому что хочу, чтобы ты увидел, как все, что тебе дорого, будет уничтожено. Да, кстати. Этим вечером Аридата не сможет прибыть сюда. Его не отпустил капитан, опасаясь возможных беспорядков в городе. Еще один Бходи пытался поджечь себя. Так что придется подождать до завтрашнего вечера.

Нарайан издал звук, похожий одновременно и на стон, и на шипение. Он страстно желал выкинуть меня из головы, забыть о моем существовании, поскольку оно заставляло его чувствовать себя ужасно несчастным. А это, в свою очередь, делало счастливой меня, хотя никакой личной неприязни к нему я не испытывала. Моя враждебность носила исключительно гигиенический, исключительно казенный характер; я действовала от имени моих братьев, пострадавших из-за него. И от имени тех, которые были пленниками подземелья.

— Может быть, тебе следует обратиться к Кине,— посоветовала я. — Пусть наставит тебя на путь истинный.

Он одарил меня таким взглядом... У Нарайана Сингха начисто отсутствовало чувство юмора. Он не распознавал даже самого ядовитого сарказма.

— Учти одно: мое терпение на исходе,— продолжала я. — И время тоже. Мы уже прыгнули тигру на спину, и вот-вот начнется очень большая кошачья драка.

Кошачья драка. Так говорят мужчины, когда бранят женщины.

Ох, неужели?

До меня только сейчас дошло — ведь в предстоящей битве и впрямь прежде всего будут участвовать

женщины. Сари и я. Радиша и Душелов. Кина и Дочь Ночи. Дядюшка Дой играл во всем этом очень незначительную роль. И Нарайан тоже, хотя он и был тенью Дочери Ночи.

Странно. Очень странно.

— Нарайан, когда во все стороны полетят клочки шерсти, мне будет не до того, чтобы присматривать за твоей подругой. Но о тебе я — уже в который раз — обещаю позаботиться.

Я встала, собираясь уйти.

— Я не могу сделать этого. — Голос Сингха был едва слышен.

— Думай, думай, Нарайан. Если любишь девушку. Если не хочешь, чтобы твоя богиня была вынуждена начинать все сызнова.

Полагаю, я могла бы сделать так, чтобы Кина продолжала спать еще век. Для этого нужно было только убить кого следует. И я сделала бы это, если бы в результате мои братья выбрались из своей подземной темницы.

В углу, где я работала и спала, меня поджидал Бонх До Тран. Выглядел он неважно, что было неудивительно. Он был ненамного моложе Гоблина, а прибегать к чудодейственным источникам силы, в отличие от последнего, не имел возможности.

— Я могу быть чем-то полезна, дядюшка?

— Дой рассказал тебе историю нашего народа. — Самое большее, на что у него хватало сил, был хриплый шепот.

— Историю, да, но какую? Когда нюень бао делятся своими секретами, всегда остаются некоторые сомнения.

— О-хо-хо, Дрема. Ты очень смышленная молодая женщина. Совсем мало иллюзий и никаких явных заскоков. Думаю, Дой был честен с тобой в той степени, к какой смог принудить себя. Позволю себе предположить, что он был честен со мной, когда перед этим пришел за советом. Долгое время он просто не слышал меня, когда я убеждал его, что сейчас наступили новые времена. Именно на это хотела указать нам Хонь Тэй, когда допустила,

чтобы дженгал стал мужем Сари. Мы все — заблудившиеся дети. Нам нужно взяться за руки. Хонь Тэй очень хотела, чтобы мы поняли это.

— Почему же было просто взять и не сказать все как есть?

— Она же была Хонь Тэй. Пророчица. Пророчица нюень бао. Ты хочешь, чтобы она издавала указы, как Радиша и Протектор?

— Вот именно.

До Тран захихикал. А потом, казалось, просто уснул. Или мне показалось? Интересно.

— Дядюшка?

— А? Ох! Извини меня, девушка... Не думаю, чтобы кто-то еще рассказывал тебе об этом. Может быть, никто, кроме нас с Готой, ничего и не видел. Здесь, в этом месте, завелся призрак. За прошедшие две ночи мы видели его несколько раз.

— Призрак? — Может быть, Мурген настолько окреп, что люди начинают видеть его?

— Что-то холодное и злое, Дрема. Наподобие того, что рыщет у входа в могилы или скользит сквозь горы костей. Похожее на ту девушку-вампира, которая сидит в клетке для тигров. Будь очень осторожна с ней. А мне, я думаю, пора ложиться. А то я засну прямо здесь, и твои друзья начнут перешептываться.

— Если уж им приспичит болтать обо мне, думаю, они не найдут более подходящего объекта.

— В один прекрасный день, когда я снова буду молодым и здоровым. При следующем обороте Колеса.

— Спокойной ночи, дядюшка.

Я надеялась, что смогу еще почитать, но заснула почти мгновенно. В какой-то момент посреди ночи возникло ощущение, что призрак До Трана действительно существует. Я проснулась, мгновенно насторожившись, и увидела смутно вырисовывавшуюся, мерцающую человеческую фигуру, стоящую рядом и, судя по всему, наблюдающую за мной. Старик очень верно описал это создание, кстати. У меня возникло ощущение, точно это была сама Смерть.

Почувствовав мой взгляд, фигура исчезла.

Я лежала, анализируя свои впечатления. Мурген? Шпион Душелова? Неизвестный? Или, что наиболее вероятно, душа девушки, сидящей в клетке для тигров, которая выбралась оттуда и отправилась погулять?

Я еще некоторое время поломала над этой загадкой голову, но вскоре заснула, сломленная усталостью.

35

Я сразу почувствовала, что в городе что-то не так. Кроме необычно свежего запаха, вполне объяснимого, впрочем, потому что дождь лил почти всю ночь. И кроме ошеломленного выражения на лицах обитателей трущоб, переживших, наверно, одну из самых страшных ночей в своей жизни. Нет. Это было ощущение вроде удушья, которое становилось тем сильнее, чем ближе я подходила к библиотеке. Возможно, какой-то чисто психический феномен.

Я остановилась. Капитан часто повторял, что нужно доверять своим инстинктам. Если у меня возникло дурное предчувствие, нужно срочно разобраться, на чем оно основано. Я медленно повернулась.

Это была не такая уж невзрачная улица, что вполне понятно, учитывая близость библиотеки. Повсюду лежали мертвецы. Живые попрятались, опасаясь, что днем Теней сменят Серые. Но Серые отсутствовали тоже. И уличное движение было гораздо менее интенсивное, чем должно бы. Большинство крошечных лавчонок с единственным продавцом — он же владелец — сейчас куда-то подевалось.

В воздухе был разлит страх. Люди ждали, что вот-вот что-то случится. Они видели что-то, глубоко взволновавшее их. Но что? Непонятно. Я спросила одного торговца, достаточно смелого, чтобы не забраться в какую-нибудь щель, но он сделал вид, что не слышал моего вопроса. Вместо этого он принялся убеждать меня, что я дня не проживу без его бронзовой кадильницы, украшенной чеканкой.

И тут мне пришло в голову, что, возможно, он прав. Я заговорила еще с одним торговцем бронзовыми изделиями,

который расположился в таком месте, откуда видна была библиотека.

— Куда все подевались нынче утром? — спросила я, разглядывая чайник с длинным носиком — вещьцу того сорта, которые вряд ли пригодны на практике.

Торговец украдкой взглянул в сторону библиотеки, и я поняла, что предчувствие не обмануло меня. И что бы именно ни случилось, это произошло совсем недавно. В Таглиосе ни одно место не остается таким пустым и тихим надолго.

Я редко брала с собой деньги, но сегодня захватила несколько монет. И купила бесполезный чайник.

— Подарок жене. За то, что, в конце концов, родила мне сына.

— Вы ведь нездешний, правда? — спросил продавец бронзовых изделий.

— Нет. Я из... Дежагора.

Человек понимающе кивнул, как будто это объясняло все.

Когда я собралась отправиться дальше, он пробормотал:

— Не ходите тем путем, дежагорец.

— А?

— Не надо спешить. Лучше сделайте крюк и обойдите это место.

Я искоса взглянула в сторону библиотеки. Ничего необычного. И в саду все выглядело как будто нормально, хотя там работали какие-то люди.

— Ах!

Я продолжала медленно продвигаться вперед, пока не оказалась у входа в переулок.

Откуда взялись эти садовники? Обычно они являлись лишь по приглашению Главного Библиотекаря.

И тут я заметила птицу, описывающую круги над библиотекой. Скорее всего, одинокий голубь, подумала я. Однако, когда она уселась на железные ворота прямо над головой Адо и сложила крылья, стало ясно, что это белая ворона. И глаз у нее был острее, чем у Адо. Но Адо и не интересовало ничего, кроме его караульной службы у ворот.

Это был еще один предостерегающий знак.

Белая ворона уставилась прямо на меня. И вдруг подмигнула. Или, может быть, просто мигнула, но мне больше по душе было думать, что за этим стоит братство заговорщиков.

Ворона опустила на плечо Адо. Он так испугался, что чуть не выскочил из своих сандалий. Птица, по всей видимости, сказала что-то. Адо подпрыгнул снова и попытался схватить ее. Потерпев неудачу, он бросился в библиотеку. И тут же выскочили Шадар, замаскированные под библиотекарей и копиистов, и стали пытаться сбить ворону камнями. Птица благополучно скрылась.

Я последовала ее примеру, но двинулась в другом направлении. Настороженная как никогда. Что произошло? Почему они тут оказались? Очевидно, поджидали кого-то. Меня? Или кого-то другого? Но почему? Что нужно сделать, чтобы благополучно выбраться отсюда?

Может быть, ничего. Хотя тот факт, что я не явилась на работу и тем самым уклонилась от допроса, мог рассматриваться как изболочившая улика. Но я еще не настолько сошла с ума, чтобы пытаться обмануть Серых при непосредственном контакте с ними.

Молоко уже пролито. Назад пути нет. Но мне было ужасно жаль, что я не успела найти и стащить еще один древний том Летописей.

Всю дорогу домой я пыталась вычислить, что Серые делали в библиотеке. Сурендранат Сантараксита отсутствовал не так уж долго, чтобы власти обратили на это внимание. Если уж на то пошло, Главный Библиотекарь частенько появлялся даже гораздо позже. Я выбросила эти мысли из головы, едва не вывихнув себе мозги. Нужно отправить Мургена, чтобы он тут все разведal. Он сможет подслушать... и найти ответ.

Мурген уже занимался подслушиванием, несмотря на дневное время. Он беспокоился о Сари и Тобо. А может быть, даже немного и о Гоблине. Когда я вошла,

Одноглазый нависал над столом, безотрывно вглядываясь в свое туманное приспособление. Матушка Гота и дядюшка Дой присутствовали тут же, напряженные и полные внимания. Отсюда я сделала вывод, что Сари решила идти напролом и нанести свой, может быть, самый дерзкий удар. К моему изумлению, Одноглазый засуетился — ну, фактически, медленно зашаркал — и хлопнул меня по спине.

— Отлично, что ты здесь, Малышка. А то уж мы переполошились, как бы этим ублюдкам не удалось захватить тебя.

— Что?

— Мурген сообщил, что там была ловушка. Он слышал, как некоторые начальники из Серых обсуждали это, когда производил для Сари разведку. Эта старая сука Душелов надеялась, что ты угодишь в ловушку. Ну, не персонально ты, но кто-то, кто занимался кражей книг, которые, как считалось, не должны были находиться в библиотеке.

— Я совсем запуталась с тобой, старик. Начни с того места, о котором мне хоть что-то известно.

— Вчера, когда ты со своим дружкой шла сюда, кто-то последовал за вами. Очевидно, шпион Протектора, занимающийся этим делом по совместительству. — Мы знали о существовании платных информаторов и старались не предоставлять им возможности подработать. — Также очевидно, что случилось все это из-за твоего дружка.

— Одноглазый!

— Ладно, ладно. Из-за твоего начальника. Так будет точнее, хотя тоже не совсем. Кто-то пожаловался Серым, что этот грязный старикашка-извращенец пытался силой склонить к сожительству одного из молодых работников. Серые тут же помчались в библиотеку, начали там рыскать, выпрашивать всех и быстро обнаружили, что часть книг исчезла. И Сантараксита тоже. Это выяснилось, когда они принялись вытаскивать людей из постелей и стонать их в библиотеку. Потом уточнили, каких именно не хватает книг. Оказалось, что среди них имеются очень ценные раритеты и даже парочка таких, которые,

как предполагалось, давным-давно уничтожены, что сделано не было. Вот это уже было очень серьезно, о чем тут же сообщили Душелову. Что тут было! Она разбушевалась, как самая настоящая ведьма. Кричала, что сожрет всех живьем и прочее в том же духе.

— И я едва не вяпалась во все это, — задумчиво сказала я. — Как они узнали, что книги исчезли? Я заменила их другими, ненужными. Однако... Если там не хватало многих книг, значит, господин Сантараксита был вор. Что ему мешало проделать тот же самый фортель?

А я-то как о нем думала! Кем-кем, но продажным он мне не казался. Выходит, ему удалось ловко одурачить меня.

Придется с ним объясниться.

— Насколько Мургену удалось выяснить, Дораби Дей Банерая никто не подозревает ни в чем, кроме наивности. А вот Сурендранат Сантараксита по уши в дерьме. Душелов заявила, что убьет его, отрубая по очереди руки и ноги и позволяя смотреть, как вороны расправляются с его конечностями. — Одноглазый усмехнулся так широко, что стал виден его единственный зуб. Это зрелище, естественно, создало ему соответствующую репутацию как дантисту Отряда. — Можно говорить о Душелове все, что угодно, но она терпеть не может продажности.

— Ладно, со мной все обошлось, — сказала я. — И есть пища для размышлений. Белая ворона поджидала на воротах. Похоже, специально, чтобы предостеречь меня. Во всяком случае, она определенно предприняла попытку вступить со мной в контакт. Ну, что там Сари?

— Она пошла напролом. Этот Джауль Барунданди — удивительный простак. Запросто купился на ту хилую подделку твоей Савы, которую ему преподнес Гоблин. Потом он предпринял попытку увести Тобо от Сари. Ей пришлось пригрозить, что она расскажет об этом его жене.

Такая позиция грозила Минх Сабредил потерей работы.

— Команда прикрытия на месте?

— Обижаешь, Малышка. Кто копался во всем этом дерьме еще до того, как твоя прапрабабушка на свет родилась?

— Лишняя проверка не помешает. Раньше или позже, но она сработает. Позволит спасти кого-то, кто прошляпил что-то. Команда, которая будет осуществлять наше отступление из города, готова?

Вероятность того, что нам придется покинуть Таглиос гораздо раньше, чем мне бы хотелось, была очень велика. Скоро Душелов обложит нас со всех сторон.

— Спроси Ду Транга. Он сказал, что сам займется этим. Может, тебе покажется интересным, что Душелов прекратила наблюдение за Арджаной Друпадой, когда вся эта заваруха с библиотекой вышла на первый план и понадобилось отправить туда тех, кому она доверяет.

— Что, на все у нее людей не хватает?

— Тех, кому можно доверять, — нет. Большинство из них наблюдали за Бходи. Как только она отозвала их отсюда, эти ненормальные устроили еще один фокус с саможжением.

— Раз так, нужно нанести удар Друпаде...

— Яйца курицу учат, а? Я ведь уже сказал, кто играл в эти игры, когда мамаша твоей бабули еще пачкала свои пеленки.

— Тогда скажи мне, кто обеспечивает защиту склада?

Когда так много всего сразу происходит, всем людям находится дело, и их даже не хватает. Душелов была не единственной, кому пришлось столкнуться с проблемой нехватки человеческих ресурсов.

— Ты и я, Малышка. Пес и Красавчик тоже где-то тут толкуются, совмещают обязанности часовых и курьеров.

— Ты уверен, что за Друпадой нет слежки?

— Мурген проверяет его каждые полчаса. Точно как и свою милашку. Наш дружок Арджана чист. На данный момент. Но сколько это продлится? И Мурген также приглядывает за Слинком в Семхи. Проверяет его каждую пару часов. Похоже, там сегодня что-то назревает. Душелов собирается вяпаться еще и в это дерьмо. Она наворотила уже целые горы дерьма. Ну, и мы тоже даром времени не теряем — сегодня куснем ее за титьки.

— Язык, старик. Следи за своим языком.
Дядюшка Дой пробормотал что-то.
Одноглазый бросился к своему туманному прожектору.

37

Несмотря на ее энтузиазм прошлым вечером, Сари беспокоило, справится ли Гоблин с ролью Савы. Коротышка не слишком заслуживал доверия. Ему придется делать то...

Вобщем, она ему не очень-то доверяла. Он не прожил бы так долго, если бы был вынужден делать тупую работу в опасных ситуациях. В результате он даже больше походил на Саву, чем я. Ни одного самостоятельного шага — Минх Сабредил руководила каждым его действием. Но вполне консервативную трактовку своей новой роли он украсил очарованием полной незаинтересованности. Джауль Барунданди — и все остальные — едва взглянул в сторону этой идиотки и полностью сосредоточился на Шики, которая этим утром выглядела особенно привлекательно. Флейта висела у нее на ремешке, повязанном вокруг шеи. Вздумай кто-нибудь применить по отношению к ней силу, и его ожидал жестокий сюрприз.

Флейту Шики брала с собой и раньше, но сегодня она захватила с собой и Чангеша. Даже Сава тащила статуэтку этого бога. Джауль Барунданди с усмешкой спросил Сабредил:

— Скоро ты будешь в каждой руке таскать по Чангешу?

Это было после того, как она пригрозила ему из-за Шики, и он был настроен отнюдь не доброжелательно.

Сабредил склонилась над своим Чангешем и прошептала что-то вроде того, чтобы он простил Барунданди. Дескать, в сердце своем это человек хороший и просто нуждается в помощи для обретения якоря спасения, которое может дать только свет. Кое-что из сказанного достигло ушей Барунданди и на время умиротворило его.

Он отослал эту ненормальную с ее подружками к своей жене, которая в последнее время проявляла к ним почти собственнический интерес. Сабредил в особенности вызывала ее доброе отношение из-за своего невероятного трудолюбия.

Нарита тоже заметила Чангеша.

— Если и впрямь религиозное рвение вознаграждается лучшей жизнью при следующем обороте Колеса, то ты, Сабредил, наверняка возродишься в касте жрецов. — Потом толстуха нахмурилась. — Слушай-ка, это не ты оставила тут вчера своего Чангеша?

— А? Ох! Ах! Оставила? А я-то думала, что потеряла его! Я так волновалась, что с ним! Где он? Где он? — Она была готова к такому повороту событий, поскольку Чангеша оставила тут намеренно.

— Ну-ну, успокойся, успокойся. — Столь жаркая привязанность Сабредил к Чангешу забавляла всех. — Не волнуйся, мы позаботились о нем.

На этот день был запланирован очень большой объем работы. Что радовало. Так время шло быстрее. Начинать действовать можно было только значительно позже и то лишь в случае большой удачи. Здесь и дюжины Чангешей было бы мало — так нужна была им сейчас удача.

На кухне, во время перерыва на обед, состоящего из обедков, до Сабредил и ее спутниц дошли слухи, что Протектор в ярости из-за того, что из княжеской библиотеки пропали какие-то книги. Душелов лично отправилась проводить расследование.

Сабредил предостерегающе посмотрела на своих компаньонов. Никаких вопросов. Никакого беспокойства по поводу людей, которым они при всем желании не имели возможности помочь.

Позже поползли новые слухи. Пурохита и еще несколько членов Тайного Совета, вместе со своими телохранителями и прихлебателями, угодили в массовую резню неподалеку от Кернми Уот. Судя по всему, это было полномасштабное военное нападение с применением весьма серьезного колдовства. Слухи носили неопределенный и даже противоречивый характер, по-

сколько все, кроме нападающих, думали лишь о том, как бы унести ноги.

Сабредил пыталась учитывать это, но не могла совладать со своим гневом. Кендо Резчик был слишком склонен к насилию, не стоило ставить его за старшего. И ярый веднаит. Гунни не понравится, что прямо на подступах к их главному храму устроили кровопролитие.

Было много разговоров о том, что, начав разбегаться, нападающие оставляли позади дымовые «картинки». Всем стало ясно, кто ответственен за случившееся. Дымовые облака провозглашали либо «Воды спят», либо «Мой брат не отмщен».

На протяжении всего дня распространялись слухи, что Великий Генерал вызван в Таглиос, чтобы управиться с мертвецами, которые не желают покоиться тихо.

Сари была обеспокоена. Душелов находилась в библиотеке, когда поползли слухи о нападении. Узнав новости, она, конечно, ужасно разозлится и, вернувшись во Дворец, будет в высшей степени настороже. В результате вся операция Сари может оказаться под угрозой срыва.

Радиша разбушевалась, когда до нее дошли слухи. Она просто обезумела и тут же удалилась в свою Комнату Гнева. Сава, по-видимому, сильно чем-то обеспокоенная, на мгновение оторвалась от чистки очередного латунного изделия. Сабредил, заметив это, тут же отложила свою швабру и пошла взглянуть, что стряслось. Никто не обращал на них ни малейшего внимания.

Немного позднее, когда Джауль Барунданди заглянул к ним, чтобы посмотреть, как идут дела, и заодно перекинуться парой «ласковых» слов с Наритой, Сава, выбрав момент, когда на нее не смотрели, отправилась куда-то побродить. Никто не обратил на это внимания. Она всегда старалась быть как можно более незаметной, а сегодня этот эффект был усилен с помощью небольшого колдовства.

Шики держалась поближе к матери. Она побледнела, выглядела встревоженной и вцепилась руками в свою флейту.

— Еще не пора? — прошептала она.

— Нет. Поставь куда-нибудь своего Чангеша. — Шики должна была сделать это уже несколько часов назад.

Слухи ширились, волна за волной. Протектор вернулась, кипя от ярости. И тут же отправилась к своим Теням. Улицы Таглиоса ожидала еще одна ночь ужасов.

Женщины заговорили о том, что, возможно, разумнее закончить работу до того, как Протектор пожелает увидеться с Радишей. Протектор плевать хотела на желание княгини побыть одной. Она презирала таглианские обычаи и не делала из этого секрета. Даже Нарита согласилась, что для них будет лучше не попадаться на глаза Протектору, пребывающей в таком настроении.

Именно в этот момент Шики заметила, что ее тетка исчезла.

— Черт возьми, Сабредил! — Нарита просто кипела от злости. — Ты обещала не спускать с нее глаз после того, как это случилось в прошлый раз.

— Прошу прощения, госпожа. Я так перепугалась. Она, скорее всего, пошла на кухню.

Шики уже отправилась на розыски. И почти сразу же закричала:

— Я нашла ее, мама.

Когда подошли остальные женщины, Сава сидела, прислонившись к стене. На коленях у нее лежала латунная лампа, на которую несчастную вырвало. Она была без сознания.

— Ох, нет! — воскликнула Сабредил. — Только не это!

Болтая всякую чепуху в тщетных усилиях привести Саву в чувство, она как бы ненароком проговорила, что боится, как бы Сава не забеременела, если ее изнасиловал кто-нибудь из дворцовых служащих.

Нарита, kloкоча от ярости, тут же бросилась прочь. Сабредил и Шики последовали за ней, с двух сторон поддерживая Саву и направляясь к служебному выходу. Никто не заметил, что сейчас ни у одной из женщин не было их статуэток Чангеша, в том числе и той, которую Сабредил забыла вчера.

Учитывая, в каком состоянии была Сава и в каком настроении Нарита, а также опасаясь напороться на Протектора, женщины сумели получить свою плату и скрыться, миновав лейтенанта Барунданди, обычно взимающего с них мзду. Снова.

Едва спустившись с дворцового холма и оказавшись на одной из извилистых улиц, они смогли нанять крытую телегу и погрузить туда Саву. Шики так бурно выражала свою радость, что Сабредил не раз была вынуждена одергивать ее.

38

— Есть масса людей, которые видели все, что мы делали, — сказала я, собрав своих. — Как только пройдет слух, что Радиша исчезла, все эти люди начнут рыться в памяти. И можно не сомневаться — Душелов сумеет отделить зерна от плевел.

— И сумеет призвать на помощь сверхъестественные силы, способные выделить именно ваш след среди тысяч других, — высказался Лозан Лебедь.

Он присутствовал тут же, поскольку согласился взять на себя заботу о Радише. Она вот-вот должна была прийти в себя и обнаружить, что, в конце концов, ее демоны добрались до нее.

— Вы собираетесь бежать или нет? — спросил Бонх До Тран.

Старик держался из последних сил — он трудился с самого рассвета.

— Ну что, исчезаем? — спросила я.

— Подождите еще чуть-чуть, до тех пор, пока дела примут совсем уж отчаянный оборот. Учтите и то, что понадобится еще несколько часов, чтобы загрузить на баржи продовольствие.

По правде говоря, никто не хотел уходить. Пока, по крайней мере. За годы у большинства здесь наладились связи. У всех были незаконченные дела. Такова жизнь. Ситуация, которая на протяжении всей истории Отряда неоднократно возникала снова и снова.

— Ты еще не добила от Нарайана, чтобы он отдал тебе Ключ?

— Я поговорю с ним. Речник вернулся? Нет? А что с Кендо? Как там Пес и Красавчик?

Все люди выполняли те или иные задания. Наш милый старый Одноглазый послал двух последних остававшихся с нами мужчин, пока не слишком компетентных в таких делах Пса и Красавчика, убить сторожа Адо, поскольку Мурген установил, что именно он оказался причиной всей этой суматохи в библиотеке. И еще Адо хотя бы примерно представлял, в каком районе я живу.

— Возвращается Кендо Резчик, — сообщил Одноглазый. — Арджана Друпада здоров настолько, насколько это слово применимо к человеку с дюжиной ножевых ран. А в остальном — все в порядке.

Мурген прошептал что-то. Однако именно в этот момент снаружи послышался шум, раздались приветственные возгласы, и я не расслышала ни слова.

— Мурген говорит, что на Семхи началось. Слинк напал на них, как только они начали разбивать лагерь. Отрезал их от оружия.

— Проклятие! — выругалась я. — Черт-черт-черт!

— Что с тобой, Малышка?

— Он должен был дождаться, пока они попытаются сделать что-то с Деревом Бходи. А так никому и в голову не придет, с какой стати мы набросились на них.

— Вот почему, как ты ни хороша, но все равно не мужчина.

— Что?

— Ты хочешь слишком многого. Ты послала Слинка убить определенных людей. Ты же не сказала ему, что это лишь для вида, или что парни должны сражаться только левой рукой, или еще что-то в этом роде? Ну вот, он, как может, выполняет свою задачу — быстро, безо всяких затей и с наименьшим риском для наших ребят.

— Я думала, он понимает...

— Ты ведь не уточнила этого, Малышка, не так ли? Такая умная, такая опытная, а? Ты, которая составила

для себя список того, что необходимо проверять, и включила в него даже то, зашнурованы ли твои ботинки?

Он достал меня. И как следует. Я попыталась сменить тему разговора.

— Если мы уходим, нужно послать кого-то к Слинку, чтобы сообщить ему, где будет место встречи.

— Не увиливай.

Я отвернулась от него.

— Кендо, он нуждается в медицинской помощи?

— Друпادا? Кровь из него больше не течет.

— Тогда оттащи его туда, где он встретится со своим новым соседом. — Одноглазый уел меня, да, и я вся прямо тряслась от злости. Лучше бы, конечно, срывать ее не на своих. — Остальные пусть займутся Радишей. Чтобы никто не смог упрекнуть нас в том, что с ее головы хотя бы волос упал.

Резчик покачал головой и пробормотал что-то себе под нос.

— Эй, паскудник! — окликнула я Генерал-инспектора. — Не хочу, чтобы ты когда-нибудь смог сказать, что Черный Отряд не угождает своим гостям. Теперь тебе будет не скучно. Поразвлекайте друг друга, пока Душелов не заявится сюда, чтобы освободить вас.

Кендо хорошенько поддал Друпаду ногой под зад. Пурохита влетел в клетку. Они с Гокхейлом уселись в противоположных углах и злобно уставились друг на друга. Такова человеческая природа — каждый уверен, что за его неприятности несет ответственность кто-то другой.

Я сказала Кендо:

— Расслабься. Пойди поешь. Вздремни немного. Но держись подальше от девчонки.

— Ха, Дрема, я с первого раза понял это. А в особенности теперь, когда она принялась ходить во сне. Так что полегче, и нечего учить меня.

— Почему это?

— Почему бы нам просто не шлепнуть ее?

— Потому что нам нужна помощь Сингха, чтобы открыть Врата Теней. И нам не получить эту помощь, если

он не будет уверен, что мы хорошо обращаемся с Дочерью Ночи.

— Я не знаю близко никого из Пленных. По-моему, ты собираешься спасти их за мой счет.

— А по-моему, мы должны спасти их за счет Отряда, Кеңдо. Точно так же, как сделали бы это, если бы ты была на их месте.

— Понял. Все правильно. — Кеңдо Резчик был из тех людей, которые имеют склонность всегда ожидать плохого.

— Давай, отдохни.

Дожидааясь, пока Мурген сообщит что-нибудь о происходящем во Дворце, я решила переговорить с Нарайаном.

Мне не хотелось уходить отсюда, но было ясно, что очень скоро Отряду придется сделать это. Только нужно посмотреть, как Душелов среагирует на все эти похищения. И вызволить Гоблина из Дворца.

Если Душелов не обрушится на нас, точно буря, вот тогда я начну всерьез беспокоиться о том, что она задумала.

— У меня сегодня был по-настоящему удачный денек, спасибо, господин Сингх. Долгое, долгое планирование, немного вдохновения и импровизации — и все прошло как по маслу. Не хватает одной-единственной вещи, чтобы этот день можно было назвать по-настоящему удачным.

Я втянула носом воздух. Пахло так, точно Одноглазый с друзьями испекли новый хлеб. Скорее всего, так оно и было, поскольку, если придется бежать, много захватить мы с собой не могли.

Я подтянула ногой связку шкур рядом с решеткой клетки Сингха, уселась на нее и поведала ему самые последние новости.

— Похоже, никому из ваших людей нет дела до вас двоих. Может, вы были уж слишком скрытны. Было бы даже жаль, если бы целый культ исчез просто из-за того, что все сидят сложа руки и ждут, пока выяснится, что происходит.

— Мне было сказано, что я могу заключить с тобой сделку. — Сегодня в этом человеке не ощущалось никаких признаков страха. Напротив — твердость характера, явно каким-то образом подкрепленная извне. — Я готов обсудить интересующий тебя вопрос, если получу абсолютные гарантии того, что Черный Отряд никогда не причинит Дочери Ночи ни малейшего вреда.

— Никогда — это так долго. А у тебя нынче отнюдь не полоса удачи. — Я встала. — Гоблин как раз сейчас выразил желание поработать с ней. Я, пожалуй, позволю ему отрубить ей несколько пальцев, просто чтобы показать тебе, что у нас нет ни совести, ни жалости, когда речь идет о старых врагах.

— Я же предложил тебе то, о чем ты просила.

— То, что ты предложил, равносильно лишь отсрочке смертного приговора. Если я соглашусь принять твоё дурацкое предложение, то спустя десять лет эта ведьма с черным сердцем своим ядом отравит нас так сильно, что перед нами встанет выбор: либо держать свое слово и погибнуть, либо нарушить его и тем самым погубить собственную репутацию. Уверена, что ты плохо знаком с мифологией севера. Среди прочего там есть легенда, касающаяся одной старой религии. В ней рассказывается о том, как один бог сознательно пошел на смерть. И знаешь, зачем? Только ради того, чтобы его семья больше не была связана обещанием, которое он по глупости дал своему врагу и которое защищало того, точно панцирь черепахи.

Нарайан злобно уставился на меня — взгляд холодный, как у кобры, — ожидая, какой я нанесу ему следующий удар. И я-таки оправдала его ожидания. Немного, и то лишь потому, что мне хотелось объяснить ему все до конца. Хотя Одноглазый сотню раз внушал мне, что не нужно никому ничего объяснять.

— Если я приму твоё предложение, это сделает моих людей уязвимыми. И еще учти — я не могу ручаться за тех из них, кто сейчас похоронен. Со своей стороны я делаю тебе другое предложение. Ты получаешь гарантии того, что выберешься из всего этого живым, если пообещаешь никогда больше не

причинять никаких неприятностей Отряду. И еще ты отправишься к Капитану и Лейтенанту и будешь умолять их простить тебя за то, что ты украл их дитя.

Даже сама такая постановка вопроса до смерти напугала живого святого Обманников.

— Она — Дитя Кины. Дочь Ночи. Эти двое не имеют отношения к делу.

— Очевидно, нам не о чем разговаривать. Я пришла тебе ее пальцы на завтрак.

Я отправилась посмотреть, как себя ведет Сурендра-нат Сантараксита и выполняет ли поставленную перед ним задачу, что, как мне казалось, могло бы скрасить скуку его заключения. К моему удивлению, он усердно трудился, переводя с помощью старого Баладитая то, что я считала первым томом утраченных Летописей. Они работали уже приличную стопку страниц.

— Дораби! — воскликнул господин Сантараксита. — Прекрасно. Твой друг-иностранец уверяет нас, что вот эти несколько последних страниц — вся бумага, на которую мы можем рассчитывать. Он хочет, чтобы потом мы использовали эти нелепые книги, изготовленные из коры, которые они делают на своих болотах.

Кора применялась еще до того, как появились современная бумага и пергамент. Не знаю, какое именно дерево для этого используется; мне известно лишь, что с него очень бережно сдирают внутреннюю кору, обрабатывают ее определенным образом, расправляют под прессом — и, пожалуйста, можно писать. Чтобы сделать книгу, страницы складывают в аккуратную стопку, просверливают дыру в ее левом верхнем углу и продевают сквозь нее веревку, ленту или кусок очень легкой и тонкой цепочки. Бонх До Тран питал слабость к коре, потому что это было и дешево, и достаточно прочно, и в традициях его народа.

— Я поговорю с ним.

— Я не хотел его обидеть, Дораби.

— Меня зовут Дрема.

— Дрема — это не имя. Это или болезнь, или беда. Я предпочитаю Дораби. И буду называть тебя Дораби.

— Как хотите. Я пойму, к кому вы обращаетесь. — Я прочла пару страниц. — Скука какая. Похоже на конторскую книгу.

— Это так и есть, в основном. То, что тебя интересует, тут можно прочесть только между строк, потому что пишущий исходит из предположения, что все детали известны любому читателю его времени. Он не упоминает возрастов, не говорит даже, молодой человек или старый. Он учитывает гвозди для подков, стрелы, копыя и седла. Все, что он имеет сказать по поводу очередного сражения, это то, что офицеры низшего ранга и сержанты не проявили должного энтузиазма в отношении оружия, оставленного или потерянного врагом, предпочитая дожидаться рассвета. В результате отставшие солдаты противника и крестьяне сумели подобрать все самое стоящее.

— Я вижу, тут нет даже ни одного имени или названия местности.

Пока господин Сантараксита говорил, я продолжала читать. Я могла слушать и читать одновременно — не смотря даже на то, что была женщиной.

— Здесь нет ни расстояний, ни дат. Однако все это может быть вычислено из контекста. Но вот что меня уже удивляет, Дораби, — почему мы всю свою жизнь смертельно боялись этих людей? Эта книга не дает оснований для подобного отношения. Эта книга — об отряде простых людей, которые маршировали туда, куда не хотели, по причинам, которых не понимали, и были абсолютно убеждены в том, что их непонятная миссия продлится всего лишь несколько недель или, самое большее, месяцев. А потом они получают возможность вернуться домой. Но месяцы складывались в годы, годы — в десятилетия. А они по-прежнему ничего толком не понимали.

Книга также наводила на мысль, что нам нужно пересмотреть свое старое представление о том, что в те же самые времена по миру огнем и мечом проходили Свободные Отряды. Упоминался только один небольшой отряд, вернувшийся за несколько лет до того, как в поход отправился Черный Отряд. И фактически некоторые старшие офицеры Черного Отряда в прошлом по

доброй воле служили в этом более раннем отряде, название которого не упоминалось.

— Да, так и есть,— проворчала я.— Мы можем перевести все эти книги и узнать из них множество самых разных вещей, но ни на дюйм не приблизиться к пониманию сути происходившего.

— Это гораздо более захватывающее занятие, чем собирание брадхалока, Дораби,— сказал Сантараксита.

Тут впервые подал голос Баладитай.

— Нас тут что, голодом хотят уморить, Дораби?

— Вам не принесли никакой еды?

— Нет.

— Сейчас займусь этим. Не пугайтесь, если услышите, что я ругаюсь. Надеюсь, вы ничего не имеете против рыбы и риса.

Проследив, чтобы их покормили, я на некоторое время уединилась в своем углу. По правде говоря, результаты работы господина Сантаракситы меня немного огорчили. Чем большего ждешь, тем, соответственно, больше и разочарование, когда оказывается, что овчинка не стоила выделки.

39

Меня разбудил Тобо.

— Как ты можешь спать, Дрема?

— Наверно, потому, что я устала. Чего тебе надо?

— Протектор, в конце концов, подняла шум из-за Радиши. Па хочет, чтобы ты сама следила за развитием событий, а не узнавала все из вторых рук.

В этот момент я в полной мере соответствовала своему имени. Мне хотелось одного — растянуться на своем соломенном тюфяке и погрузиться в сны, где не будет места реальной жизни.

Лет так с четырнадцати я поступала именно так, когда случались какие-нибудь неприятности. Другого способа справиться с ними я не знала. Сейчас мне снилось, что господин Сантараксита, действуя по принципу «кто старое помянет, тому глаз вон», взял меня обратно в библиотеку. Сразу же после того, как мы похоронили

Душелова в пятидесятифутовой яме с расплавленным свинцом.

Я подтащила стул и уселась между Сари и Одноглазым, опираясь локтями на стол, наклонившись вперед и пристально глядя на сгусток тумана, где должен был появиться Мурген. Одноглазый ругал Мургена, хотя тот не мог его в данный момент слышать. Я сказала:

— Можно подумать, ты беспокоишься о Гоблине.

— Конечно, я беспокоюсь о Гоблине, Малышка. Коротышка позаимствовал у меня трансцендентальный локатор, прежде чем отбыть нынче утром. Не говоря уж о том, что он остался мне должен несколько тысяч пэйс за... Короче, он должен мне кучу денег.

Что-то я такого не могла припомнить. Одноглазый всегда был должен всем — это да. Даже когда дела у него шли хорошо. И несколько тысяч пэйс — не бог весть какая сумма. Ведь пэй — это крошечное зернышко строго определенного веса, что позволяет использовать его для оценки самоцветов и драгоценных металлов. Одна северная унция соответствует почти двум тысячам пэйс. Поскольку Одноглазый не пояснил, что он имел в виду, золото или серебро, проще всего предположить, что он подразумевал медные монеты. Другими словами, всего ничего.

И, опять-таки другими словами, он беспокоился о своем лучшем друге, но не мог вот так прямо взять и сказать об этом, потому что на людях ругался с ним на протяжении вот уже долгих ста лет.

Если и существовал такой колдовской инструмент, как трансцендентальный локатор, Одноглазый наверняка изобрел его за час до того, как дать взаймы Гоблину.

— Этот мерзкий маленький гаденыш допрыгается — я просто придушу его, — пробурчал Одноглазый. — Он что, хочет, чтобы я один тащил весь этот воз... — Он замолчал, осознав, что думает вслух.

Мы с Сари обе сделали пометку в уме разузнать потом, что это за «воз». Похоже, они что-то задумали. По секрету от нас. Интересно, интересно...

Мурген материализовался, практически, нос к носу со мной. Он пробормотал:

— У Душелова кончается терпение. Стая ворон только что принесла новости с Семхи. Протектор просто в жутком настроении. Сказала, что, если Радиша не выйдет из своей Комнаты Гнева через две минуты, она сама просто войдет туда.

— Как Гоблин? — нетерпеливо спросил Одноглазый.

— Спрятался, — ответил Мурген. — Ждет, пока солнце взойдет.

Колдунишка наш и не собирався пытаться удрать из Дворца ночью. Душелов опять отпустила на свободу свои Тени, просто чтобы наказать Таглиос за то, что он так досаждал ей. Мы расставили наобум несколько ловушек, но я не рассчитывала поймать кого-нибудь. Не может же все время везти в одном и том же?

У Гоблина был с собой амулет, отпугивающий Теней, который сохранился еще со времен войны с Хозяевами Теней, но неизвестно, будет ли от него хоть какой-то толк. Несмотря на всю нашу изворотливость и предусмотрительность, никто ни разу не опробовал эти амулеты на настоящих Тенях.

Все продумать невозможно.

Но нужно хотя бы стараться.

Один из княжеских охранников попытался остановить Протектора, когда ее терпение кончилось и она отправилась вытаскивать Радишу из ее уединения. Он рухнул, не издав ни звука, сваленный наземь случайным прикосновением. Со временем он придет в себя. В тот момент Протектор еще не пылала жаждой мести.

Она ворвалась в Комнату Гнева, просто разнесла дверь на куски. И взывала от разочарования еще до того, как эти куски закончили свое падение.

— Где она?

Душелов была в такой ярости, что присутствующие содрогнулись от ужаса.

Камергер, сложившись в поклоне почти вдвое и продолжая неуклюже опускаться все ниже и ниже, жалобно проскулил:

— Она была там, Ваше Величество!

Кто-то упорно твердил:

— Мы не видели, чтобы она выходила оттуда. Она должна находиться внутри.

Откуда-то издалека, точно эхо, почти как из другого пространства и времени, донесся короткий, выразительный смешок.

Душелов медленно обернулась, ее пристальный, злобный взгляд готов был сразить любого, точно копье.

— Подойдите ближе. Повторите, что вы сказали.

В ее голосе ощущалась непреодолимая сила, он наводил ужас, вызывал озноб. Она пристально гляделась в глаза стоящих перед ней, окваченных таким страхом, что он позволял проникнуть в самую глубину их душ, прочесть все самые потаенные секреты.

Никто из людей Радиши не изменил своих показаний.

— Вон отсюда! Вон из этих апартаментов! Здесь что-то произошло. Я хочу, чтобы ничто не отвлекало меня. Я хочу, чтобы никто не беспокоил меня.

Она снова повернулась, медленно, путив в ход все свое колдовское чутье, пытаясь почувствовать, что тут произошло. Это оказалось труднее, чем она предполагала. Сказывалось слишком долгое бездельничанье и отсутствие практики. Короче говоря, она была не в форме.

Снова зазвучал отдаленный смех, на этот раз уже ближе.

— Ты! — закричала Душелов на толстую женщину, одну из домоправительниц. — Что ты только что сделала?

— Мэм? — с трудом прокаркала Нарита, чувствуя, что еще немного, и от страха она сделает лужу не сходя с места.

— Ты запихнула что-то в левый рукав. Что-то с алтаря. — Единственная белая свеча, уже почти истаявшая, все еще освещала небольшую гробницу предков. — Подойди сюда. — Душелов протянула затянутую в перчатку руку.

Нарита была не в силах сопротивляться. Она шагнула навстречу этой жуткой женщине, такой по-своему эффектной и злобно женственной в обтягивающем

ее кожаном костюме. Гадкая, как ей удастся поддерживать свое тело в такой форме? Нарита ненавидела ее за это.

— Давай!

Нарита неохотно вытащила из рукава Чангеша. И забормотала что-то совершенно невразумительное, не отдавая себе отчета в том, что пытаться скрывать Чангеша бесполезно, потому что Протектор уже заметила его.

Душелов внимательно взглядела в маленькую глиняную статуэтку.

— Уборщица. Эта штука принадлежит уборщице. Где она?

Вдали снова прозвучал издевательский смешок.

— Она поденная работница, мэм. Приходит сюда из города.

— Где она живет?

— Не знаю, мэм. И не думаю, что кто-нибудь знает. Никто никогда не интересовался. Какое это имеет значение?

Служанки наперебой забубнили:

— Она всегда хорошо работала.

Душелов продолжала изучать Чангеша.

— Что-то странное во всем этом... Сейчас это может иметь значение. Для меня. Узнай.

— Как?

— Как хочешь! Пошевели мозгами! Но сделай это. — Душелов с размаху бросила статуэтку на пол, осколки брызнули во все стороны.

Призрачный жгут тьмы взвился вверх и на мгновение замер на высоте фута, точно поднявшаяся на хвосте кобра. Потом он нанес удар. Протектору.

Служащие завизжали и, расталкивая друг друга, бросились вон. Никому из них не приходилось до этого видеть Тени, но все знали, на что те способны.

Снова послышался смех, на этот раз он был громче и звучал дольше.

Душелов тоже взвизгнула от удивления и испуга, точно женщина, наступившая на змею. Одежда и защитные заклинания, которыми она всегда себя окружала, спасли ее от того, чтобы стать жертвой своего собственного и самого беспощадного «живого» оружия.

Но даже несмотря на это, примерно на протяжении минуты она чувствовала себя как ребенок, на которого напали москиты — пока Тень с энтузиазмом пыталась воспротивиться ее приказаниям. Вернуть себе управление Тенью Душелову не удалось, и тогда она просто прикончила ее. Все случившееся свидетельствовало о том, что тут не обошлось без исключительно извортливого ума. Расчет, по-видимому, строился на том, что, охваченная яростью, она допустит...

— Женщина! Вернись!

Душелов простерла руку в направлении убегающей Нариты. И каким-то непонятным образом одна прядь волос несчастной женщины обвилась вокруг пальцев Душелова. Эти пальцы тут же замерцали, воздух затрещал от разрядов. Остальные служащие жалобно заскулили, жалея о том, что, не выдержав нервного напряжения, они посмели попытаться скрыться.

Нарита медленно вернулась, двигаясь короткими неуверенными шагами. Точно зомби.

— Сюда! — приказала Душелов, указав на какое-то пятно на полу Комнаты Гнева. — Остальные — вон. Немедленно. — В повторных приказаниях не было нужды. — Ну-ка, толстуха, расскажи мне все о той, которая всегда носила с собой этого Чангеша.

— Я уже рассказала все, что знала, — захныкала Нарита.

— Нет. Еще не все. Давай, говори. Возможно, именно она выкрала Радишу.

В то же мгновение Душелов пожалела о вырвавшихся у нее словах.

Смех — дьявольское хихиканье — на этот раз слышался как будто из коридора. Охваченная тревогой, Протектор повернула голову в этом направлении. Звук стих примерно через минуту.

— Ее зовут Минх Сабредил. — Нарите потребовалось не больше тридцати секунд, чтобы выпалить то небольшое, что она знала о Минх Сабредил, ее дочери Шикхандини и невестке Саве.

— Благодарю, — проворчала Душелов. — Ты мне очень помогла. И за это тебя ждет соответствующее вознаграждение. — Правой рукой она схватила толстую за горло и крепко стиснула.

Когда Нарита упала к ее ногам, все тот же смех зазвучал снова. И не только смех, но и слово. Какое? Ардат? Или, может быть, Силат? Или...? Неважно. Над ней смеялись, вот что важно. Она бросилась в направлении звука, но в коридоре никого не оказалось.

Душелов хотела позвать охранников, но вдруг вспомнила, что только что убила женщину, единственную — кроме нее самой — точно знавшую, что Радиша исчезла.

Радиша решила удалиться от мира. Вот и все, что всем этим людишкам требуется знать. Княгиня решила навсегда затвориться в стенах своей Комнаты Гнева. Риск и тяготы реальной жизни утомили ее. И она поручила своему доброму другу Протектору выполнять скучную работу управления империей.

Снова смех — как будто из ниоткуда, отовсюду. Душелов зашагала прочь. Ну-ну. Это еще не конец.

Белая ворона слетела вниз из мрака, скопившегося под потолком коридора, и, взмахнув крыльями, приземлилась рядом с толстой. Подсунула клюв почти к самым ноздрям женщины, точно проверяя, нет ли дыхания. И тут же внезапно полетела прочь — острый слух позволил ей уловить еле слышный звук крадущихся шагов.

Дрожащий Джауль Барунданди проскользнул в комнату и опустился на колени рядом с женщиной. Обхватил ее голову руками и замер. Слезы струились по его щекам. Он оставался в таком положении до тех пор, пока не услышал, что Душелов возвращается, споря сама с собой на разные голоса.

— Ну, что скажешь? — спросила я у Сари. — Нарита пыталась прикрыть тебя. А потом Барунданди вон как убивался из-за того, что случилось с ней.

Сари помахала пальцем — не мешайте, она думает.
— Мурген, что тебе известно об этой белой вороне?
На мгновение заколебавшись, Мурген ответил:
— Ничего.

Мы слишком хорошо его знали, чтобы не понять: в общем и целом он сказал правду, но умолчал о каких-то своих собственных идеях на этот счет.

Сари сказала:

— Тогда поделись с нами, что ты думаешь об этом.

Мурген исчез.

— Какого черта? — набросилась я на Одноглазого. — Вы обещали настроить эту свою штуковину так, чтобы он делал то, что ему сказано.

— Он и делает. По большей части. Может, выполняет какие-то предыдущие инструкции.

Но старому дураку не удалось меня провести. Чувствовалось, что он и сам не знает, куда подевался Мурген.

Душелов действовала быстро и тут же вызвала служащих, которые присутствовали при том, как она ворвалась в Комнату Гнева.

— Слишком большое волнение и напряжение оказались не по силам этой бедной женщине. Я попыталась воскресить ее, но ее душа уже не откликается. Она, должно быть, счастлива там, где оказалась сейчас. — Свидетелей не было, и никто не возразил ей, хотя далекий насмешник засмеялся снова. — Я нашла Радишу. Она спала. Она удалилась в Комнату Гнева и не хочет, чтобы ее беспокоили. Ни сейчас, ни потом. Она уже говорила мне прежде об этом своем желании. Будем считаться с ним, а то как бы с нами не случилось что-нибудь в этом роде. — Она указала на толстуху.

Даже те из служащих, кто заглядывал в Комнату Гнева раньше и видел, что она пуста, должны были признать, что сейчас внутри нее кто-то находился. Дверь была едва приоткрыта и толком разглядеть удавалось немного, но все же... Расхаживая из стороны в сторону, этот кто-то сердито бормотал себе под нос — точно так, как обычно делала Радиша.

— Думаю, всем пора спать. Порядок наведем завтра. — Душелов obeжала взглядом лица собравшихся, стараясь выделить и запомнить тех, кто мог причинить беспокойство.

Служащие поторопились убраться, испытывая безмерное облегчение просто от того, что больше не находились рядом с Душеловом.

Она села и задумалась. Прочесть ее мысли, конечно, не представлялось возможным, но потом она начала, как обычно, бормотать на разные голоса. Тогда стало ясно, что она пытается представить себе механизм похищения. И, похоже, даже не исключала возможность, что Радиша сама все это устроила.

Очень подозрительная женщина наша Протектор.

Одного за другим она разыскивала и допрашивала всех, кто имел дело с Минх Сабредил, Савой и Шикхандини, начиная с Джауля Барунданди и заканчивая Делом Мукхараем, тем самым, который обычно собирал мзду с поденных работников.

— Не смей больше делать этого, — приказала Протектор Мукхараю. — Ни ты, ни кто-нибудь другой. Если это повторится, я выверну твоё тело наизнанку, засуну тебя в стеклянный шар и повешу над служебным входом. И запущу туда же пару бесенят, чтобы они пожирали твои внутренности в течение полугода, пока ты будешь подыхать. Понял?

Дел Мукхарай прекрасно понял, что ему угрожало. Но до него так и не дошло, почему она хочет лишить его средств к существованию.

У Протектора был пункт в отношении продажности.

По истечении некоторого времени Протектор выяснила, что во Дворец приходили три женщины и позже три женщины покинули его. Но, похоже, ушли вовсе не те трое, которые вошли. И с тех пор из Дворца не выходил никто комплекции Радиши.

А это означало, что некто, способный дать ответ на кое-какие вопросы, все еще находится внутри.

Злобно усмехнувшись, Душелов предположила, что этот некто проскользнул в нежилую часть Дворца. И отправилась на поиски доказательств.

Гоблин спал на пыльной старой постели. В какой-то момент его храп сменился чиханием и фырканием — когда в ноздри забилося слишком много пыли.

Внезапно пронзительный крик заставил его так резко подскочить, что он едва не потерял сознание от сильного головокружения. Повернулся. И не увидел ничего. Зато услышал негромкий смех и странный скрипучий голос, в котором было что-то неуловимо знакомое.

— Просыпайся. Просыпайся. Она идет.

— Кто идет? Кто это говорит?

Ответа не было. Не чувствовал он и присутствия сколько-нибудь сильного колдовства. Да, вот загадка.

Однако кое-какие мыслишки насчет того, кто именно идет, у него имелись. Не так уж много существовало на свете женщин, которые могли бы посреди ночи устроить на него здесь охоту.

Ну, что же, он готов. В маленькой сумке уже лежали две книги из тех, которые Дрема больше всего хотела заполучить. Дотащить все три у него просто не хватило сил. Ловушки были установлены. Оставалось одно — проскользнуть в пустовавшую часть Дворца, которую когда-то занимал Черный Отряд, квартировавший здесь. Существовали такие пути, по которым можно было пробраться, оставаясь незамеченным. Они с Одноглазым обнаружили их еще в прежние времена. Вот только выбираться ночью на улицу у него не было желания, амулет там или не амулет.

Душелов утрачивала большую часть своего чувства осязания, когда затягивала каждый дюйм тела в кожу и надевала шлем. Она не почувствовала прикосновения или противодействия тончайшей нити паутинового шелка, натянутой поперек коридора. Но у нее было хорошо развито потрясающее чувство личной опасности. Прежде чем Чангеш грохнулся на пол, она отскочила в сторону и

пустила в ход защиту. Это были рефлексы того рода, которыми обладали только создания вроде нее, Госпожи и Ревуна; именно эти свойства позволили всем им уцелеть на протяжении столь долгого срока. На этот раз соответствующие заклинания были наготове. Они тут же окутали ее со всех сторон, разбрасывая по сторонам искры.

Тень, угодившая в ловушку внутри статуэтки, еще только собиралась выбраться наружу, как была атакована, сжата и скована, а затем изогнута и расплюснута, превратившись в скулящий, содрогающийся шарик в одной из затянутых в перчатки рук Протектора. Жизнерадостный юный голос произнес:

— Тебе найдется лучшее применение.

Душелов продолжила путь, внутренне усмехнувшись при мысли, что, может быть, ей представится возможность швырнуть Тень кое-кому в лицо. Коридор просматривался все хуже и хуже, через некоторое время она вообще потеряла ориентацию. Несколько несложных экспериментов убедили ее в том, что это воздействие носило внешний характер. Коридор был опутан легкой паутиной заклинаний, настолько неуловимой, что даже она не заметила бы их, если бы не задержалась тут специально, попытавшись проанализировать свои ощущения.

— Ох, и умные же вы, дьяволы. Сколько времени все это уже находится здесь? Ах! Долго, я думаю, очень долго. Вы еще были в силе, когда затеяли все это. Вы ведь, наверно, прятались здесь. Вот почему я не могла найти вас в городе — вы просто не вылезали отсюда. — И уже совершенно другим голосом она продолжала: — ну-ка, а тут что? Пахнет так, точно за этой дверью прячется кто-то, кому очень страшно. И он даже не потрудился запереть ее. Тупицей меня считает, что ли?

Кончиком сапога Душелов толкнула дверь.

Глиняный Чангеш, установленный на верхнем срезе двери, камнем полетел вниз. Душелов усмехнулась. На этот раз она справилась с Тенью еще быстрее и зажала ее в ладони второй руки. И вошла в комнату.

Никого. Это сразу чувствовалось. Но возникло ощущение... любопытное. Нужно разобраться, в чем тут дело,

решила она. Душелов создала маленький огонек и медленно повернулась, стоя на одном месте и читая историю этой комнаты по оставшимся в ней еле заметным следам. Много чего происходило здесь. Не столь уже отдаленная история Черного Отряда в большой степени формировалась именно в этом месте. Оно еще хранило сильный запах застарелого страха, который у Душелова ассоциировался с давно умершим придворным тагианским кодауном Копченым.

По ходу дела она обсуждала все это сама с собой, как обычно, разными голосами, которые спорили друг с другом. Такое у нее было развлечение. Жизнь вообще, по понятиям Душелова, была развлечением, и презанятным.

— А это что такое? — Из-за пыльной старой кровати, где кто-то лежал совсем недавно, выглядывало что-то похожее... Не раздумывая, она вытащила этот предмет, для чего пришлось на мгновение разжать руку. — Проклятие! Глупость какая!

Понадобилось несколько минут, чтобы восстановить контроль над выскользнувшей из ладони Тенью, действовавшей очень проворно. В конце концов, Душелов зажала обе Тени в одной руке, что им в высшей степени не понравилось. Если Тени что и ненавидели, кроме живых существ, так это друг друга.

То, что Душелов обнаружила, оказалось книгой, половина страниц в которой были вырваны. Больше книг Душелов не нашла.

— Так вот что стало с ними, а я все ломала голову — кому они понадобились? Хотелось бы знать, какая им была польза от этих книг?

Уже собираясь уходить, Протектор еще раз взглянула на растерзанную книгу.

— Чтобы выдрать такое количество страниц, требуется время. И немалое. А это означает, что они не раз приходили во Дворец. Какой из этого следует вывод? А такой, что Радиша не имеет отношения к своему исчезновению. Ну, ладно. Ее больше нет. Если нашим друзьям так хочется, пусть позабавятся с этой маленькой крысой.

В отличие от Душелова, Гоблин в темноте видеть не мог. Но у него было другое преимущество — он хорошо знал то место, по которому шел. Поэтому ему удалось все время держаться впереди нее, а потом выскользнуть через один из старых потайных выходов. Луна давала мало света, то и дело скрываясь за быстро бегущими по небу облаками, которые нагоняла Матушка Буря. Гоблин положил последнего Чангеша на булыжную мостовую в доступном для взгляда месте и бросился бежать. Книжки в сумке били его по спине, затрудняя дыхание. Он пробормотал себе под нос что-то вроде того, как ему повезло, что бежать приходится вниз по склону холма. Не повезло ему в другом — что крутом стояла тьма-тьмушая, что Тени вышли на добычу, а он был не слишком уверен в качестве своего амулета, которому минуло вот уже пятнадцать лет. Одна надежда — что город достаточно велик, а ночных убийц не так уж много и никто из них не встретится ему на пути. Он бежал, пыхтя, и сопя, и думая прежде всего о том, как бы его не догнала Душелов.

Ему даже в голову не приходило, что она могла снова подчинить себе Тени, с помощью которых он устроил ей засаду, и послать их вдогонку за ним.

Душелов вышла в ночь неподалеку от того места, где выскользнула наружу ее жертва, и успела заметить, как что-то промелькнуло поперек открытого пространства двора и исчезло в тени. Она обследовала оставленного Чангеша и несколько других мелких предметов, которые выглядели так, точно их выронили в спешке. Потом швырнула две свои Тени в воздух и в то же самое мгновение стукнула каблуком по глиняной статуэтке. Маленькие убийцы тут же бросились по следу коротышки.

К этому моменту она уже нисколько не сомневалась, что преследовала колдуна по имени Гоблин.

Душелов пронзительно вскрикнула. Боль в пятке была такой, какой ей до сих пор испытывать не приходилось. Горло перехватило, страдания сделали почти невыносимы, и все же она не упустила из вида три ослепительно ярких огненных шара, которые рванулись в ночь вдогон-

ку за Тенями, посланными ею за Гоблином. Все еще борясь с чудовищной болью, она создала кинжал и его острием соскребла еще один огненный шар со своей ноги. Он, однако, уже прогрыз тело до кости и даже вглубь нее, повредив ногу до уровня лодыжки. И это несмотря на всю защиту!

— Я искалечена! — почти прорычала она. — Он усыпил мои подозрения. Заморочил мне голову, и я подумала, что это просто еще одна ловушка для Тени, — теперь ни в одном из ее голосов не чувствовалось ни нотки веселья. — Ничего. Хитроумный маленький ублюдок поплатится за это.

Упал еще один огненный шар и прожег дыру в булыжной мостовой. Пересиливая боль, Душелов попыталась встать на покалеченную ногу. И обнаружила, что не в состоянии идти, хотя не потеряла ни капли крови. Огненный шар прижег ее рану.

— Сестра моя любимая, если ты еще жива, я убью тебя за то, что ты изобрела эти проклятые штуки.

И снова послышался смех, эхом отражаясь от защитного вала Дворца.

Что-то белое заскользило в ту сторону, куда убежал Гоблин.

— А пока убью просто кого-нибудь, — пробормотала Душелов и поползла к дворцовому входу на руках и коленях.

Она загнала боль в самый дальний уголок сознания, сконцентрировавшись на разжигании в себе злости из-за того, что в результате этого приключения оказались повреждены ее прекрасные кожаные штаны и перчатки.

41

— Как можно в такое поверить? — спросила я. — Получается, что порча наряда взволновала ее не меньше, чем бегство Гоблина и боль в ноге.

Одноглазый захихикал. Он испытывал безмерное облегчение из-за того, что Гоблину удалось улизнуть.

— Ну, почему же. Вполне верю в это.

— Как? И ты тоже?

— А что ты удивляешься? Все, что она носит, из кожи, а этот материал можно достать только далеко на севере. Что вы, здешние людишки, понимаете в коже? Ей, вероятно, приходится летать за пять тысяч миль каждый раз, как вздумается завести себе новые штаны. А это означает, что ей приходится следить, как бы чего не случилось и с передом, и с задом. В отличие от некоторых... Эй! Ты что дерешься? Не забывай, мы все тут сражаемся на одной стороне.

— Ты веришь этому маленькому ублюдку? — спросила я Сари.

— Пойди спроси Лебеда. — Одноглазый оскалился, показав мне свой зуб. Единственный, который у него остался. — Он расскажет тебе, как эта женщина раздобыла свои первые штаны.

Сари, однако, больше всего занимало дело.

— Что мы предпримем, если она изобразит дело так, точно с Радишей все в порядке? Скольким людям обычно приходится встречаться с княгиней? Их, по-моему, не слишком много. И Тайного Совета больше не существует. Они все у нас. За исключением Могабы.

— Нужно и его сюда затащить, — проворчал Одноглазый.

— Давайте не зарываться. Захватить Великого Генерала будет потруднее, чем всех остальных вместе взятых. Я задумчиво произнесла:

— Она не станет держать Радишу взаперти слишком долго. Может быть, две недели. Пока она подберет себе новый Совет, который будет отвечать лишь: «Да, мэм!» и «На какую высоту?», — когда она прикажет им прыгать.

Одноглазый выдохнул мощную струю воздуха.

— А что? Верно. Здесь есть над чем подумать.

— Уже подумала, — заявила я. — Захватив Радишу, мы, возможно, поступили даже умнее, чем казалось. Можем предъявить ее, если Душелов начнет уж очень зарываться. И Душелов будет все время помнить об этом. Она не позволит соблазну завести себя слишком далеко. Ни в коем случае, пока она с нами разбирается.

— Она делает все, что в ее силах, чтобы найти и заполучить обратно Радишу, — сказала Сари. — Я уверена в этом. А это означает, что нам надо поскорее убраться из города.

— Прежде чем я уйду, мне обязательно надо кое-что сделать. Не ждите меня. Мурген, будь другом, постарайся и разуйнай все, что сможешь, об этой белой вороне.

Я не стала дожидаться его ответа. Теперь, когда Гоблин был в безопасности, больше всего мне хотелось поговорить с нашей новой пленницей.

Кто-то позаботился о том, чтобы обеспечить Радише хотя бы некоторые удобства. И в клетку ее тоже сажать не стали. По-видимому, Одноглазый счел, что достаточно простеньких заклинаний, способных вызвать удушье.

Она не замечала моего присутствия, что дало мне возможность как следует приглядеться к ней. Об этой женщине ходили устрашающие слухи, когда Отряд впервые прибыл в Тагиос. Она и впрямь показала себя сильным борцом, но годы не прошли для нее даром. Сейчас она выглядела старой, усталой и сдавшейся.

Я шагнула вперед.

— С тобой хорошо общались, Радиша?

Слабая улыбка скользнула по ее лицу. В глазах на мгновение вспыхнуло выражение одновременно и гнева, и сарказма.

— Я понимаю. Это не Дворец. Но лично мне пришлось радоваться худшему. Включая цепи или отсутствие всякой крыши над головой.

— И шкуры животных?

— Я прожила здесь последние шесть лет. Придется и тебе привыкать к этому. — На самом деле это продолжалось дольше, но мне сейчас было не до точности.

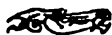
— Почему?

— Воды спят, Радиша. Воды спят. Ты не напрасно ожидала нас. Мы должны были прийти.

Именно в этот момент она окончательно поняла, что к чему. Глаза у нее стали как плошки.

— Я уже видела тебя прежде.

— И не раз. Совсем недавно — во Дворце. И еще давным-давно, также во Дворце, вместе со Знаменосцем.

— Ты ненормальная.

— Я? Одна из нас двоих — уж точно.

Она начала наливать гневом.

— Это не поможет, — сказала я. — Но если тебе непременно нужно время от времени впадать в ярость, чтобы чувствовать себя лучше, подумай вот над чем. Протектор скрыла от всех твое исчезновение. Единственный человек, которому о нем было известно — не считая, конечно, нас, злодеев, — уже мертв. Этим, конечно, дело не ограничится, погибнут и другие. И ты, под покровом анонимности своей Комнаты Гнева, будешь издавать преступные и жестокие законы. А через полгода Протектор будет всех держать в своем кулаке, потому что ее Серые и те, кто думает, что союз с ней может принести им выгоду, придут к выводу, что ты больше вообще никакого значения не имеешь, — если только Душелов сможет прийти к соглашению с Могабой.

Говорить об этом я не стала.

Радиша тут же разразилась возмущенной речью в отношении своей союзницы. Не выбирая выражений.

Я молча слушала некоторое время, а потом напомнила ей еще один лозунг: «Все их дни сочтены».

— Проклятие, что это значит?

— Это значит, что раньше или позже, но мы доберемся до всех, кто причинил нам вред. Ты права. Это ненормальность. Но у нас нет другого пути. Ты знаешь, что произошло до того, как ты оказалась здесь. Теперь на свободе только Протектор и Великий Генерал. Все их дни сочтены.

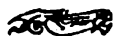
На самом деле все, конечно, обстояло намного сложнее. Она была в плену. Она не знала, где. Она не знала, что будет дальше. Она не знала, чего можно ждать от безумцев, захвативших ее в плен, учитывая, что в свое время она сама предала их.

— У тебя нет законного наследника?

Такой поворот сильно удивил ее.

— Что?

— Насколько я понимаю, ваш род на вас и обрывается.

И снова:

— Что?

— В данный момент не просто ты у меня в заложниках — я держу в кулаке все будущее Таглиоса и Таглианских Территорий. У тебя нет детей. У твоего брата нет детей.

— Сейчас я уже слишком стара для этого.

— Но не твой брат. И он еще жив.

Я оставила ее с удивленно разинутым ртом. Пусть поворачивает мозгами.

Я обдумала, не пойти ли снова повидаться с Нарайном Сингхом, и пришла к выводу, что для этого я слишком перевозбуждена. И слишком устала. Не следует иметь дело с Обманником, если не в полной мере держишь себя в руках. Сон — вот тот любовник, в чьих объятиях я сейчас нуждалась больше всего.

42

Я играла в тонк с Красавчиком, Джоджо и Кендо Резчиком. Интересное сочетание. По крайней мере, трое из нас воспринимали свою религию со всей серьезностью. Настоящее имя Джоджо было Чо Дай Чо. Ньюень бао и, теоретически, телохранитель Одноглазого. Одноглазый не хотел иметь телохранителя. Джоджо не хотел быть телохранителем. В результате они не слишком часто общались, а всем остальным Джоджо примерно так же редко попадался на глаза, как и дядюшка Дой. Джоджо пожаловался:

— Я знаю, вы просто сговорились обчистить бедного паренька с болот.

— Ты подозреваешь меня в сговоре с еретиком и неверующим? — спросила я.

— Ты займешься ими после того, как разжуешь и выплюнешь мои косточки.

Мне в этот раз необычно везло.

Все возмущаются, когда удача ускользает у них из рук.

— Не могу устоять, хотя мне и нужно идти работать. — Джоджо сбросил шестерку, которой мне не хватало, чтобы открыть карты. — Может быть, сегодня мой день.

— Значит, самое подходящее время отвалить отсюда и найти себе дружка.

— Гоблин, ты еще живой, оказывается? Душелов так озверела прошлой ночью, что я не удивилась бы, если бы она закусилась тобой как раз на полпути к дому.

Гоблин растянул большой рот в жабьей ухмылке.

— Некоторое время она будет весьма забавно выглядеть при ходьбе. Я и не надеялся, что у нее хватит дурачества растоптать эту штуку. — Он посерьезнел. — Мне тут вот что в голову пришло. Может, зря мы ее так «подковали». Я мог бы завести ее куда-нибудь, где она угодила бы под перекрестный огонь...

— Ничего не вышло бы, она наверняка ожидала чего-то подобного. Думаешь, почему она не погналась за тобой? Только потому, что подозревала нечто подобное... Хочешь заменить меня?

Остальные тут же насупились. Гоблин, конечно, не Одноглазый, но и ему они не очень-то доверяли. С уверенностью, порожденной невежеством, они твердо знали, что, вздумай Гоблин мошенничать, он любого проведет и выведет. Тот факт, что в его жизни было больше поражений, чем побед, воспринимался всеми просто как часть «дымовой завесы».

Человеку нравится верить в то, в чем он сам себя убедил.

— Не сейчас. — Гоблин понимает намеки с полуслова. Но ничего, он найдет способ отыграться на парнях, которые посмели выразить ему недоверие. И так им и надо. — Нужно кое-чем заняться. Мне уже надоели жалобы на призрака, который бродил по всему складу прошлой ночью. Хочу поохотиться на него.

Скажите пожалуйста, как труженик! Я швырнула карты.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя бездельницей. — Я сгребла свой выигрыш.

— Ты не можешь сейчас уйти,— проворчал Кендо.

— А я вот возьму и уйду, доказав тем самым твою правоту.— Он без конца твердил, что женщины не могут играть в карты.— Посиди я здесь еще немного, и у меня не останется и медяка.

— У тебя его отродясь не было.

— Наверно, потому, что я играла с вами в тонк. Вы, парни, только и норовите, что ободрать меня. Что остается делать? Держать ухо остро и ловить удачный момент.

Теперь заворчали уже все.

— Я, может, и сяду за тебя,— проворчал Гоблин.— Все-таки, лишний игрок...

— Обойдемся. Ты лучше помоги Соне. Или пусть Дрема поможет тебе.— Ворчание смолкло, только когда мы оказались за пределами слышимости.

Гоблин захихикал. И я тоже. Он сказал:

— Нам с тобой следует пожениться.

— Я слишком стара для тебя. Попроси Чандру Гокхейла, он найдет тебе молоденькую девочку.

— Эти двое ведут себя, точно пара голодных крыс.

Гокхейл и Друпанда постоянно были на ножах. Их перебранка пока еще не переросла в драку только потому, что оба были самым серьезным образом предупреждены — победитель «сражения» будет наказан самым жестоким образом.

— Может, один из них убьет и съест другого,— сказала я.— Если повезет.

— Ну, ты у нас и фантазерка.

— Что ты думаешь об этом призраке?

Он пожал плечами.

— Считаешь, что это девушка, да?

— Почти уверен.

— Думаешь, она делает то же самое, что и Мурген, когда он только начинал? Проходит сквозь время и пространство?

— Не знаю. Тут что-то другое. С Мургеном никто никогда его не видел.

— Можешь ты помешать ей делать это?

— Тебя напугало привидение?

— Конечно, но только в том смысле, что, возможно, таким образом она получает какую-то помощь.

— Ох-хо-хо... Я об этом не подумал.

— Так давай подумай, Гоблин. А что там с белой вороной? Может, она и есть эта белая ворона?

— Я думал, белая ворона — это Мурген.

Он, конечно, все прекрасно понимал.

— Мурген здесь, как верный раб Сари.

— Уже не в первый раз Мурген оказывается в одном и том же месте, но как бы воспринимая события, происходящие там в разные времена.

— Он говорит, что не помнит, чтобы был этой вороной,— возразила я.

— Может, это потому, что пока он ею еще не был. Может, это Мурген из следующего года или из какого-то другого. — Я не знала, что сказать на это. Такое мне на ум не приходило. А ведь с Мургеном уже случалось прежде что-то в этом роде. — С другой стороны, лично я не думаю, что это Мурген или это отродье.

Он снова растянул губы в жабьей ухмылке. Знал, что я тут же так и взвосьюсь.

— Что? Ах ты, крысеньш! Кто же это, в таком случае?

Он опять пожал плечами.

— У меня имеется парочка идей, но я пока не готов обсуждать их. Ты получила Летописи. Все, до чего я додумался, можно извлечь из них. — Он захихикал, получая удовольствие от того, что обыграл Летописца на его собственном поле. — Ха-ха! — Он завертелся, пританцовывая. — Иди-ка займись вербовкой Нарайана Сингха. О! Взгляни-ка, кто здесь. Лебедь, ты уже черт знает какой старый для таких длинных волос. Если только ты не собираешься зачесывать их наверх, чтобы прикрывать лысину.

Я подняла руку, сверху вниз указывая пальцем на голову Гоблина. Сколько я себя помнила, у него никаких проблем с волосами не было. Потому что не было волос.

— Что-то у тебя череп стал какой-то перекошенный,— сказал Лебедь. — Наверно, из-за того, что ты стукался головой о множество самых разных столов. —

Лебедь поглядел на меня, подняв бровь. — Он что, под кайфом?

— Нет. Просто никак не придет в себя после того, как удирал от твоей приятельницы, которая едва не наступала ему на пятки.

Вопрос Лебеда, однако, косвенным образом навел меня на одну интересную мысль. Тут конопля росла, точно сорная трава. И как это Гоблин с Одноглазым не додумались извлекать из этого удовольствие?

Гоблин без единого слова понял, о чем я подумала.

— Мы травкой не балуемся, потому что от нее голова дурная, — изрек он.

— А от этой буйволовой мочи, которую вы тут варите, нет?

— Ну, это же чистое лекарство, Дрема. Тебе тоже следует попробовать. Очень даже полезно, когда с желудком неладит.

— У меня чудная диета, Гоблин. Если не считать рыбы и риса.

— Я об этом и говорю. Давай сбросимся, купим свинок... Пусть себе Сари что угодно говорит. Тушеная свинина с бобами, м-м-м...

Мы вместе с Лебедем продолжали медленно двигаться в сторону клетки Нарайана. Лозан сказал:

— Я готов присоединиться. Не ел свиной грудинки уже двадцать лет.

— Дерьмо, — заявил Гоблин. — Готов присоединиться, говоришь? Человеке, у тебя теперь даже имени нет. Ты мертв.

— Я мог бы сбегать во Дворец, пошарить там под матрасом. Не всегда же мне не везло.

— Если не хочешь выходить замуж за меня, Дрема, тогда выходи за Лебеда, — сказал Гоблин. — У него припрятано целое состояние, и он уже слишком стар, чтобы приставать к тебе с... Ну, сама понимаешь... Нарайан Сингх. Оторви свою вонючую задницу и поговори со мной.

— Желание выжить, надо полагать, действует похлеще самого мощного наркотика, — пробормотал Лебедь.

— Наверно, если дожить до возраста Гоблина, — согласилась я.

— Полагаю, это верно в любом возрасте.

— В смысле? — спросила я.

— В смысле, я должен был давным-давно вернуться на север. Здесь мне нечего было делать. Как только с Ножом и Корди было покончено, следовало быстренько смотаться отсюда. Но я не смог. И не только потому, что Душелов выкручивала мне руки.

— М-м-м?

— Я проиграл. Все мы проиграли. Все трое. И даже не сумели сделать это как солдаты в старой империи. Мы дезертировали. Ножа на родине сунули задницей в пасть крокодилам за то, что он обвел вокруг пальца жрецов. Мы все плохо начинали, все трое. Мы с Корди оказались тут, потому что, раз начав бежать, не смогли остановиться. Теперь у меня нет друзей, нет никого, кто вразумил бы меня.

Я не стала сообщать ему, что Нож и Махер живы и находятся среди Пленных. Только заметила:

— Нельзя сказать, что ты был здесь совсем уж не на своем месте. С тех пор, как ты здесь, таглианский трон относился к тебе с большим доверием.

— Я — чужак. Из меня сделали «козла отпущения». Все знали, кто я такой, все узнавали меня. Протектор и Радиша просто подставили меня, принимая от моего имени непопулярные решения.

— Ну, теперь им придется поискать кого-нибудь другого.

— Нечего на меня так смотреть. Я не присоединюсь к Черному Отряду, даже если ты пообещаешь выйти за меня замуж и сделать Капитаном. Вы, ребята, обречены.

— Чего ты, в таком случае, хочешь?

— Я? Поскольку я уже слишком стар, чтобы отправиться домой — да и дома-то у меня никакого нет, — я хотел бы делать то, чем мы пытались заниматься, когда только пришли сюда. Открыть маленький пивоваренный заводик и провести остаток своих дней, с его помощью немного облегчая людям жизнь.

— Не сомневаюсь, что Гоблин и Одноглазый будут счастливы взять тебя в компаньоны.

— Эти двое. Не пойдет. Они выпьют половину того, что мы наварим. Будут надираться, и драться, и швырять друг в друга бочонками...

Тут у него перед ними было явное преимущество. Я так ему и сказала, а потом добавила:

— Хотя в последнее время они неплохо держат себя в узде.

— Советую обратить внимание на то, как смотрит на тебя этот бездельник — так бы и убил, кажется. Он всегда вызывал у меня удивление. — Лебедь имел в виду Нарайана Сингха. — До чего же надменная физиономия! На улицах можно встретить десять тысяч таких же — и подумать, что они заняты очень важным делом. А в действительности они просто умирают от голода.

— Если бы думала, что от этого будет толк, я бы и этого уморила голодом. Нарайан, вот и я. Ну как, будем разговаривать или будем придуриваться?

Сингх поднял на меня взгляд. Безмятежный, почти мирный. Это можно было сказать про всех Души. Их никогда не мучила совесть.

— Доброе утро, девушка. Да. Мы можем поговорить. Я прислушался к твоему совету, отправился к богине, и она одобрила твое ходатайство. Честно говоря, я удивился. Она не выдвигает никаких особых условий при заключении нашего соглашения. Кроме тех, чтобы жизнь и благополучие ее главных сторонников не пострадали.

Лебедь был ошеломлен даже больше, чем я.

— Тебе удалось с ним договориться, Дрема?

— Не знаю. Даже когда им становится ясно, что увертки не помогают, они все равно могут держать кое-какие хитрости про запас, так я считаю. — Требовалось немного поразмыслить. Или, может быть, как следует поразмыслить. И, может быть, кое о чем побеспокоиться. — Мне определенно приятно это слышать, Нарайан. Определенно. Где Ключ?

Улыбка у Нарайана была почти такая же мерзкая, как у Одноглазого.

— Я отведу тебя к нему.

— А-а-а... — пробормотала я. — Понятно. Главное, лед тронулся. Прекрасно. Когда ты готов отправиться?

— Как только девушка сможет. Ты, наверно, заметила, что она нездорова.

— Да, заметила. Подумала, может, у нее месячные. — И тут мне в голову пришла ужасная, просто жуткая мысль. — Она случайно не беременна? — Судя по выражению лица Сингха, ему такое предположение казалось абсолютно невероятным. — Это хорошо. Хотя мы сейчас и стовариваемся с вами — я имею в виду Обманников и Черный Отряд, — вы двое все равно в нашу «команду» не войдете. Печально, но факт, Нарайан Сингх, — я не доверяю тебе. А ей я не буду доверять, даже если она окажется в могиле.

Он улыбнулся — загадочно, точно знал одному ему ведомый секрет.

— Но рассчитываешь на то, что мы будем доверять тебе.

— Учитывая общеизвестный факт, что Черный Отряд всегда держит свое слово, — да. — Небольшое преувеличение, конечно.

Нарайан всего на мгновение перевел взгляд на Лебеда. И снова улыбнулся.

— Полагаю, этого будет достаточно.

Я скупно улыбнулась.

— Прекрасно. Договорились. Пойду подготовлю людей к нашему походу. Далеко идти?

Улыбка.

— Не очень. Несколько дней к югу от города.

— Ха! Роковой Перелесок. Следовало бы догадаться.

Я увела от него Лебеда и вернулась к игрокам за карточным столом.

— Нужно, чтобы сын Сингха как можно быстрее оказался здесь. Никогда не вредно иметь кое-что про запас.

— Мне прямо не по себе, когда делать нечего, — сказала Сари.

Они с Тобо сидели перед туманным прожектором и рассказывали Мургену все, что знали. Приятно было видеть, что мать и сын ладят.

— Ну, дело всегда можно найти. Например, принять участие в установке всех оставшихся «пузырей», чтобы о нас не забывали, даже когда мы уйдем. Или таскать вещи к реке.

— Как говорит Гоблин, я не настолько скучаю по работе, чтобы напрашиваться на нее. Что новенького?

— Парни доставили сына Сингха. Интересный мужик. И еще они прихватили с собой пару указов, сняли со столба, на котором вывешивают официальные сообщения. Изданы уже после того, как началось затворничество Радиши.

— И что в них сказано?

— В основном, что она предлагает очень большое вознаграждение всякому, кто сообщит любую информацию о банде вандалов, выдающих себя за членов давно не существующего Черного Отряда и причиняющих неприятности честным гражданам.

— Интересно, кто-нибудь поверит в это?

— Как правило, ее слова обычно бывает достаточно. Насколько мне известно, она всегда исполняла свои обещания. Меня беспокоит вознаграждение. Есть люди, способные продать даже мать родную. Душелов отправит на улицу пару проходимцев, которые будут швыряться деньгами и хвастаться, за что они их получили. И кто-то, кто действительно что-нибудь о нас знает, может попытаться не упустить свой шанс.

— Тогда почему бы нам просто не уйти? Тут мы уже почти ничего сделать не сможем, разве не так?

— Мы можем заполучить Могабу.

— Можно просто распустить слух. И не один — как можно больше слухов о Великом Генерале и Радише. А в это время исчезнуть. Когда ты отправляешься за Ключом?

— Еще не знаю. Скоро. Я тяну время. Жду сообщения от Слинка.

Сари кивнула и улыбнулась.

— Правильно рассуждаешь. Сингх наверняка что-то прячет в рукаве.

Подошел Лозан Лебедь.

— У девочки возникли кое-какие проблемы.

Я бросила на него хмурый взгляд. Сари — тоже, но у нее хватило вежливости спросить:

— У Дочери Ночи? Что за проблемы?

— Мне кажется, у нее припадок. Или что-то в этом роде.

— Самое подходящее время, — проворчала я. Сари тут же послала Тобо за Гоблином. Я продолжала тем же тоном. — Что тебе понадобилось около нее, Лебедь?

Он слегка покраснел и сказал:

— Ну...

— Ты, тупица несчастный! Госпожа уже раз обвела тебя вокруг пальца. Ты годами тосковал по ней. Потом плясал под дудку ее сестрички и выжимал соки из миллионов ни в чем не повинных людей. А теперь хочешь выставить себя уж полным идиотом? Хочешь позволить отродью Госпожи вдеть себе кольцо в нос? Ты в самом деле глупец и ничтожество, Лебедь!

— Я просто...

— Ты просто сделал то, что тебе вложили в голову. Точно пятнадцатилетний мальчишка, наглотавшийся наркотиков. Эта женщина не просто очень умна, Лебедь! Она хуже, чем может привидеться в самом страшном ночном кошмаре. Подойди сюда!

Он подошел. Я сделала молниеносное, резкое движение — точно так, как много-много раз в прошлом мечтала обойтись с моими возлюбленными дядями. Кончик кинжала проткнул кожу под его подбородком.

— Ты в самом деле хочешь умереть глупой, унижительной, бессмысленной смертью? Если да, я тебе это устрою. Но никто на всем свете больше не будет расплачиваться за твою тупость.

Закудахтал Одноглазый — шуму-то, шуму:

— Она чудо, правда, Лебедь? Тебе надо переключиться на нее вместо этих твоих черных вдовушек.

Он сидел в кресле на колесах До Трана, но передвигался самостоятельно. Я еще не остыла и поэтому злобно сказала:

— Глупое, унижительное и бессмысленное — это и в твоем духе, старик. Могу устроить, если очень попросишь.

Он лишь рассмеялся в ответ.

— Дрема, ты пригласила сюда этого солдафона Аридату, чтобы он встретился со своим давно потерянным отцом. Иди, займись ими, хватит флиртовать тут с Лебедем.

Временами он был способен просто сводить с ума. И ему нравилось это. Если удавалось...

— Объясни Одноглазому, что ты имел в виду, говоря о девушке, — сказала я Лебедю. — Одноглазый, разберись с этим. Только не убивай ее. Сингх не отдаст мне Ключ, если мы прикончим эту тошную маленькую... ведьму.

44

Черт! Аридата Сингх оказался таков, что я почти готова была отказаться от своего зарок в отношении мужчин. Он был великолепен. Высокий, пропорционально сложенный, с очаровательной улыбкой, обнажавшей прекрасные зубы. Его не портила даже явная взволнованность. И держался он превосходно. Джентльмен во всех смыслах этого слова. Кроме происхождения, конечно.

Я сказала ему:

— У тебя, наверно, была чудесная мать.

— Что?

— Ничего. Ничего. Тут все называют меня Соней. А вы Аридата. Вот мы и познакомились.

— Кто эти люди? Зачем меня доставили сюда?

Он не возмущался, не угрожал. Просто был сильно удивлен. Немногие таглианцы вели бы себя так, если бы их похитили.

— Тебе вовсе не обязательно знать, кто мы такие. Ты здесь для того, чтобы встретиться с человеком, тоже

являющимся нашим пленником. Не упоминай о том, что тебя освободят после этого разговора. Он останется здесь. Иди за мной.

Спустя некоторое время Аридата Сингх обронил:

— Ты — женщина, не правда ли?

— Насколько мне известно, да. Вот мы и пришли. Это Нарайан. Нарайан! Поднимайся! К тебе посетитель. Нарайан, это Аридата. Как и было обещано.

Аридата смотрел на меня, пытаюсь понять. Нарайан пристально смотрел на сына, которого никогда не видел. Очевидно, он разглядел в нем что-то, от чего лицо его смягчилось, всего на мгновение, правда. И я поняла, что сумела «достать» его. Он больше не смотрел на меня так, точно я просила его предать Кину. То прежнее выражение исчезло.

Я отступила назад и стала ждать, что будет дальше, но ничего не происходило. Аридата время от времени оглядывался на меня, Нарайан просто смотрел. Наконец, мое терпение лопнуло, и я спросила Нарайана:

— Что, этого мало? Нужно привести сюда Кхадитайю и Сугриву? А заодно и их детей тоже?

Это произвело впечатление на Нарайана и дало понять Аридате, что он был похищен именно из-за своей принадлежности к этой не совсем обычной семье. От меня не ускользнул тот момент, когда до него дошло истинное положение дел. Он снова оглянулся, но теперь в его глазах было совершенно другое выражение.

— С моей точки зрения, — сказала я, — об этом человеке мало что можно сказать хорошего, но назвать его плохим отцом нельзя. Судьба не дала ему шанса проявить себя в этом смысле ни плохим, ни хорошим. — Если не считать его отношения к девушке, для которой он делал все возможное и невозможное, при полном безразличии с ее стороны. — Он очень преданный.

Аридата понял, что это похищение не имеет никакого отношения к нему лично. Что он был всего лишь рычагом для воздействия на Нарайана Сингха, с целью чего-то добиться от него. Того самого Нарайана Сингха, который был печально известен как глава культа Душил.

И снова Аридата покори́л мое сердце, когда он расправил плечи, шагнул вперед и обратился к отцу с приветствием. В котором, конечно, не чувствовалось подлинного тепла, но все равно это было то, что надо.

Я наблюдала за тем, как они пытались найти какую-то общую основу, ту точку соприкосновения, с которой можно было бы начать. И они нашли ее на удивление быстро. А может, в этом и не было ничего удивительного — вряд ли Нарайан Сингх сейчас порицал себя за то, что когда-то был нежно привязан к своей Лили.

— Сногсшибательный мужик, правда?

Я испуганно вздрогнула. Оказывается, до сих пор я не слышала ни звука. Не слышала даже того, как сзади подошел Речник, а ведь он обычно топал, точно слон. А это могло означать лишь то, что Аридата — вот кошмар! — и в самом деле произвел на меня сильнейшее впечатление.

— Да. Согласна. Хотя не могу сказать, в чем тут дело.

— Ну, я объясню тебе. Он напоминает мне Лозана Лебеда. Человек высокой пробы, понимаешь? Только еще полный сил. И по молодости лет не испорченный жизнью.

— Речник! Как ты заговорил, однако. Еще чуть-чуть и ты совсем поумнеешь.

— Только не говори об этом нашим парням. Одноглазый может догадаться, почему ему удастся обмишурить меня в тонк только через раз. — Он снова внимательно посмотрел на Аридату. — А красавец какой. Держи его подальше от своего библиотекаря. Он, кстати, ищет тебя.

— Может, они что-то раскопали...

— Понятия не имею.

— Когда ему нужно возвращаться? Можем мы задержать его на вечер?

— Хочешь попробовать, какой он на вкус?

Речник редко поддразнивал меня, но в данном случае и он не смог удержаться. Впрочем, я этого ожидала.

— Нет. Не в том смысле. Что-то внутри меня восстает при одной мысли об этом. Хочу отвести его к Радише.

— Решила выступить в роли свахи?

— Нет. Просто хочу, чтобы этот честный парень своими глазами увидел, что его княгиня вовсе не во Дворце. Потому что он способен рассказать правду.

— Ну-ну.

— Давай-ка, присмотри за этими двумя, а я пойду потолкую с Бабой.

Речник приподнял бровь. Кроме Лебеда, никто так Радишу не называл.

— Перенимаешь плохие привычки.

— Похоже на то.

45

Радиша сидела, полностью погрузившись в глубь себя. Она не спала, не медитировала, а просто блуждала в коридорах собственного сознания. Может быть, винила себя за то, что испытывала такое облегчение, на время освободившись от тягостного давления. Я на мгновение почувствовала ей. Может, они с братом и были нашими врагами, но в сердце своем они были хорошие люди. Они несли в себе зерно раджахармы.

— Мэм? — Она была достойна более подходящего обращения, но я не могла заставить себя употреблять все эти высокопарные титулы. — Мне нужно поговорить с вами.

Она медленно подняла взгляд. Даже в отчаянии, глаза ее выражали понимание и интерес.

— Неужели все, кто служил мне во Дворце, были моими врагами?

— Мы не по своей воле стали вашими врагами. И даже сейчас мы чтим и уважаем вас как княгиню.

— Конечно. Чтобы напомнить мне о моей глупости. Как эти Бходи своим самосожжением.

— Наши разногласия с вами никогда не были столь велики, как с Протектором. Никакого мира с ней у нас быть не может. Вы никогда не спустили бы скидирша на город. Она — запросто. И зло настолько глубоко разъело ее душу, что она даже не понимает всей безнравственности своего поведения.

— Ты права. Как тебя зовут? Только потому, что ей удалось уцелеть на протяжении нескольких сотен лет, мы стали воспринимать ее почти как богиню. Моцъ, способная ради каприза сносить с лица земли целые царства — так ребенок может разрушить муравейник, просто чтобы посмотреть, как насекомые будут карабкаться оттуда.

— Меня зовут Дрема. Я — Летописец Черного Отряда. И одновременно я — та злодейка, которой вы обязаны большинством ваших неприятностей. Они были для нас не самоцелью, а просто способом заявить о себе. Теперь, в результате искусного маневрирования, у нас есть некоторое преимущество.

Радиша слушала меня очень внимательно.

— Продолжай.

— Протектор решила скрыть ваше исчезновение. Официально вы пребываете в своей Комнате Гнева, проходя обряд очищения, умоляя богов и своих предков укрепить ваше сердце и дать вам мудрости в грядущие тяжелые времена. Однако время от времени вы делаете паузу и издаете довольно странные указы. Вот эти два принесли мои братья. Мои братья неграмотны, поэтому срывали, что под руку подвернется. Но и эти указы достаточно символичны. Можно доставить сюда и другие, если пожелаете.

Сообщение о вознаграждении Радиша прочитала первым. Оно было написано просто и выдержано в спокойных тонах.

— Это должно осложнить вашу жизнь.

— Так и есть.

— У нее нет денег. Что это? Десятипроцентное снижение нормы выдачи риса? У нас нет никакой нормы выдачи риса. Мы не нуждаемся в том, чтобы ограничивать выдачу риса.

— Это вы не нуждаетесь. Однако не все, кто хотел бы питаться рисом, в состоянии позволить его себе.

— Ты знаешь, что это такое? — Радиша уперлась ногтем в указ, точно хотела проткнуть его. — Готова держать пари. Это ей присоветовали те странные личности,

которые у нее внутри. Это ведь не просто голоса. Или в ней разыграло чувство юмора, когда она диктовала это. У нее есть заклинания — на случай, если голоса уж очень донимают ее. Она никогда не позволяет им говорить слишком долго.

Ага, сказала я себе. Пикантная новость, которая может оказаться ценной. Будем иметь в виду.

— Вы не могли бы в противовес этому издать более разумные указы? У меня не хватит людей, чтобы разослать их по всему городу, но обещаю, что в наиболее важных местах они будут развешаны.

— Как сделать так, чтобы их подлинность не вызывала сомнений? Любой может достать кусок специально обработанной наады и написать на ней что угодно.

— Я обдумываю это. У нас есть гость, высокоуважаемый военнотружущий одного из Городских Батальонов. Мы доставили его сюда, чтобы он встретился с другим пленником. Я подумала, что, в случае необходимости, он сможет подтвердить, что и вы тоже в плену.

— Интересно. Ты знаешь, что она в этом случае делает? Попытается обмануть вас. Создаст иллюзорную версию и заявит — а ну-ка, покажите мне вашу Радишу? А этого вы делать не станете, потому что хотите жить. Правильно?

— И правильно, и нет. У Протектора есть свои трудности и немалые. Никто не верит ни одному ее слову. Люди могут подумать, что она просто хочет обойти вас, потому что вы перестали вести себя как ее послушная марионетка. Почему вы всегда занимали такую ненавидящую и вероломную позицию по отношению к Отряду?

— Я вовсе не ее марионетка. Ты понятия не имеешь, как много ее безумных замыслов мне удалось удушить в зародыше.

Я не стала рассказывать ей, что мы очень даже имели об этом понятие. Я нарочно злила ее, чтобы заставить разговариваться, но хотелось уколоть ее еще сильнее.

— Почему вы так возненавидели моих братьев?

— Я не ненавидела...

— Возможно, я выбрала неудачное слово. Но что-то такое было. Все Летописцы прежних лет пишут, что вы внезапно изменили свое отношение к Отряду, когда почувствовали, что Хозяева Теней больше не угрожают вам. Это не стало для вас такой же навязчивой идеей, как для Копченого, но болезнь поразила и вас, без сомнения.

— Не знаю. За последние десять лет я сама не раз удивлялась этому. И что интересно — как только я объявила вас своими врагами, острое ощущение неприятия прошло. Однако Копченый и я были в этом смысле не единственными. Все люди испытывали к вам схожие чувства. Может быть, все дело в воспоминаниях о прежних временах, когда Отряд...

— Не было никаких таких времен. Не было ничего такого, что хоть кто-нибудь счел бы нужным отразить в исторических и прочих документах тех дней. То небольшое, что мне удалось расшифровать в наших собственных Анналах, носит самый обычный, рутинный характер. Произошло лишь одно-единственное по-настоящему жестокое сражение, когда Отряду было уже около ста лет. Это случилось неподалеку отсюда, и Отряд потерпел поражение. От него почти ничего не осталось. При этом три тома Летописей попали в руки врага. До сих пор они хранились в таглианской библиотеке. С тех пор, как Отряд вернулся в Таглиос, доступ к этим книгам ему был закрыт. Что только не предпринималось ради того, чтобы мы не добрались до них! Из-за этих книг погибло немало людей. И ради чего? Насколько я могу судить, «страшный» секрет, который любой ценой нужно было от нас скрывать, состоял в том, что на протяжении тех ранних лет существования Отряда ничего экстраординарного не произошло. Не было в те времена ни жестоких грабежей, ни бесконечных кровопролитий.

— Почему же, в таком случае, жители многих государств помнят то, чего не было, и боятся, как бы это не произошло снова?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Надо спросить у Кины, как она все это устроила. Мы так и сделаем, непосредственно перед тем, как убить ее.

На лице Радиши возникло такое выражение... Точно она подумала: «Ну-ну. Выходит, я не единственная, кто верит в невозможное».

— Вы хотите стряхнуть с себя власть своей безумной подружки? — спросила я. — Хотите вместе с нами сорваться у нее с крючка? Хотите, чтобы ваш брат вернулся?

В последнее время ей не раз приходило в голову, что, может быть, Прабриндрах Драг еще жив.

Радиша несколько раз открыла и закрыла рот. Она никогда не была привлекательной женщиной, а возраст и обстоятельства, точно сговорившись, внешне сделали ее почти отталкивающей.

Нехорошо так думать. Время не щадит и меня.

— Все это вполне достижимо. Понимаете? Все.

— Мой брат мертв.

— Нет. Никто, кроме Отряда, не знает об этом. Даже Душелов. Есть люди, которых она заманила в подземную ловушку и «заморозила» там. Что-то вроде этого. Я не понимаю, какие таинственные процессы участвуют в этом. Факт тот, что эти люди там, они живы-здоровы, и их можно освободить. Я только что заключила соглашение, в результате которого мы получим Ключ и сможем открыть им дорогу.

— Вы можете сделать так, что мой брат вернется?

— И Корди Махер тоже.

Освещение было слабое, и все же я заметила, что краска залила ее лицо и шею.

— Ваши люди уже разгадали все секреты, верно?

— Почти.

— Чего ты хочешь от меня?

Вот уж не ожидала, что наступит такой момент, когда Баба задаст мне этот вопрос. Несмотря на ее репутацию приземленной, здравомыслящей, деловой особы. Поэтому у меня наготове ответа не было. Но я быстро наверстала это упущение.

— Вы могли бы отречься от Протектора, открыто появившись в каком-то общественном месте, где множество людей увидели и узнали бы вас. Вы могли бы восстановить честь Черного Отряда. Вы могли бы уволить Великого Генерала. Вы могли бы рассказать, как на протяжении пятнадцати лет находились под властью злобных заклинаний Душелова, и как, в конце концов, вам удалось сбежать. Вы могли бы сделать так, чтобы мы снова в глазах всех стали тем, кто мы есть, — просто хорошими парнями.

— Не знаю, получится ли. Я слишком долго боялась Черного Отряда. И сейчас еще боюсь.

— Воды спят, — сказала я. — Что для вас сделала Протектор?

Радиша не ответила на этот вопрос.

— Мы можем вернуть к жизни вашего брата. И снять груз постоянного давления с вашей души. Поразмыслите обо всем этом. Раджахарма.

Изо всех сил стараясь сдерживаться, Радиша воскликнула:

— Не напоминай об этом! У меня все внутри разрывается и делается нечем дышать.

В точности это я и желала ей не раз и не два — когда была менее снисходительно настроена.

Аридата Сингх посмотрел на меня как-то странно.

— Он совсем не такой, каким я представлял себе Нарайана Сингха.

Встреча с княгиней произвела на него гораздо меньшее впечатление, чем встреча с отцом.

— Речник, ты доставишь его обратно?

Ночь уже наступила, но у нас осталось еще два из тех защитных амулетов, которые уцелели после войны с Хозяевами Теней. Вроде бы с ними все было в порядке. Хотелось бы иметь еще сотню таких, но Гоблин и Одноглазый больше их не изготавливают. Точно не знаю, почему. Они не имеют привычки делиться со мной секретами своего ремесла. Предполагаю, что все дело просто в их возрасте.

Меня часто путала мысль о том, что мы будем делать без наших стариков. А для Одноглазого эта перспектива уже не за горами. О, Отец Небесный, защити его! Пусть не умирает, пока Пленные не окажутся на свободе и все наши проблемы не будут разрешены.

46

Все наши люди на складе были плотно заняты делами. Кто-то готовил Отряд к эвакуации. Другие собирались в дорогу со мной и Нарайаном к Роковому Перелеску за Ключом нюень бао. Нюень бао, и те, что работали у До Трана, и те немногие, которые присоединились к Отряду, просто нервно суетились — чтобы не стоять на месте. Они были испуганы и обеспокоены.

У Бонх До Трана этой ночью случился удар. Прогноз Одноглазого был неутешителен.

— Я не утверждаю, что девчонка причастна к этому, но все же До Тран был первым, до кого дошло, что это она шатается тут в виде духа, — сказала я Гоблину.

— Он просто стар, Дрема. Никто ничего ему не делал. По-моему мнению, его срок уже давно вышел. Он держался только потому, что заботился о Сари. Но теперь этому пришел конец. Похоже, ее муж вскоре в самом деле окажется на свободе. И До Тран слишком стар, чтобы бежать. Душелов уж постарается отыскать это место, недаром же она вызвала Могабу, который вот-вот приступит к поискам. Лично я не удивился бы, если бы До Тран просто решил в глубине души, что умереть сейчас — самое лучшее, что он может сделать для всех.

Я не хотела, чтобы До Тран уходил. И не только потому, что никому не нравится, когда умирают близкие люди. Он был — в своей ненавязчивой манере — лучшим другом Отряда, которого тот имел на протяжении многих лет.

Как и все остальные, я старалась забыть в работе.

— Может, девчонка и в самом деле тут ни при чем, но я не хочу, чтобы она продолжала шалить по ночам.

Сделайте что-нибудь. Только, конечно, не калечьте и не убивайте ее.

Гоблин вздохнул. С некоторых пор он только так и реагировал, если ему поручали какое-то дело. Наверно, настолько устал, что даже жаловаться и протестовать был не в состоянии.

— Где Одноглазый?

— Ну... — Он украдкой бросил взгляд по сторонам. — Только учти — я тебе ничего не говорил. Ломает голову над тем, как захватить с собой все наши манатки.

Я покачала головой и ушла.

Тут меня окликнули Сантараксита и Баладитай. Они смирились с ситуацией, в которой оказались, и с охотой делали то, что им было поручено. В особенности увлекся господин Главный Библиотекарь. Еще бы! За долгие годы это был первый реальный вызов его учености.

— Дораби, за всеми этими волнениями я забыл сказать тебе, что нашел ответ на вопрос о письменном языке нюеень бао, — жизнерадостно воскликнул он. — Такой язык существует. И, по-видимому, не один. Вот эта старейшая книга написана на древнем диалекте этого языка. Другие написаны на раннем таглианском диалекте, хотя в оригинале третьего тома вместо местных литер использованы буквы иностранного алфавита.

— Это доказывает, что фонетическое значение алфавита захватчиков в те времена определенно было выше по сравнению с местным рукописным шрифтом. Верно?

Сантараксита вытаращил глаза.

— Дораби, ты никогда не перестанешь изумлять меня. Совершенно верно.

— Ну, обнаружили вы что-нибудь интересное?

— Черный Отряд пришел с равнины, которую называли равниной Сиящего Камня даже тогда, и затем переходил из одного маленького княжества к другому. Его члены без конца вздорили между собой — большинству вовсе не хотелось приносить себя в жертву ради того, чтобы в мире наступила Година Черепов. Жрецы, присоединившиеся к Отряду, были охвачены большим энтузиазмом, чего нельзя сказать о солдатах.

Многие, по-видимому, вступили в Отряд, рассматривая это как способ сбежать из так называемой Страны Неизвестных Теней, а вовсе не потому, что жаждали способствовать наступлению конца света.

— Страна Неизвестных Теней, вот как? А что еще?

— Очень интересная информация насчет цены гвоздей для лошадиных подков и нехватки лечебных трав, которые сейчас растут в каждом саду. Что ты хочешь? С тех пор прошло почти четыреста лет.

— Потрясающе. Продолжайте в том же духе, Сри.

Я собиралась сказать, что ему придется покинуть город вместе с нами, но решила не волновать его прямо сию минуту. У него сейчас было хорошее время и не хотелось портить его, ставя перед выбором — отправиться вместе со своими похитителями неизвестно куда и умереть.

Материализовался дядюшка Дой.

— До Тран хочет увидеться с тобой.

Дой привел меня в крошечную комнату, которую старик отторгнул для себя в дальнем углу склада. По дороге Дой предупредил меня, что До Тран не может говорить.

— Он уже виделся с Сари и Тобо. Думаю, он любит и тебя тоже.

— Мы с ним собирались пожениться в следующей жизни. Если Гунни не врут.

— Я готов отправиться в путь.

— Что?

— Я собираюсь пойти с тобой к Роковому Перелеску.

— Смотри, если у тебя есть какие-то безумные идеи о том, чтобы похитить Ключ, лучше выбрось их из головы.

— Я согласился помочь тебе. И буду помогать. Я хочу пойти с вами, чтобы не дать возможности Обманнику нарушить свое слово. Это Обманник, уважаемая Дрема. Обманник. И еще я согласился отдать тебе Книгу Мертвых. Она спрятана в потайном месте как раз по пути.

— Прекрасно. Присутствие рядом Бледного Жезла успокоит меня и заставит поволноваться моих врагов.

— В самом деле, — негромко рассмеялся Дой.

— Сюда мы уже не вернемся.

— Знаю. Я возьму с собой все, что хочу сохранить. Не нужно притворяться с До Траном. Ему ясна его судьба. Окажи ему честь достойного прощания.

Я сделала больше — впервые в своей взрослой жизни расплакалась. На минуту положила голову старику на грудь, прошептала слова благодарности за дружбу и снова пообещала встретиться с ним в следующей жизни. Крошечная ересь, конечно, но, надеюсь, Бог не следит за каждым моим шагом.

Бонх поднял дрожащую руку и погладил меня по волосам. После чего я резко встала и ушла туда, где смогла побыть наедине с моей печалью о человеке, который, казалось, никогда не был мне слишком близок и, тем не менее, был движущей силой всей нашей жизни. Когда слезы перестали течь, я поняла, что никогда больше не буду снова той же Дремой, что прежде. И что До Тран наверняка поразился бы, узнав об этом.

47

Самая большая проблема, с которой предстояло столкнуться в связи с эвакуацией, была та, которая всплывала каждый раз, когда Отряд покидал насиженное место, где оставался достаточно долго. Корни, которые нужно было вырвать. Связи, которые предстояло обрубить. Люди, создавшие для себя какое-то подобие нормальной жизни, которые должны были расстаться с ней.

Некоторые просто не уйдут.

Некоторые из уходящих проболтаются о том, куда держат путь.

Номинально Отряд состоял примерно из двухсот человек, треть из которых вообще жили не в Таглиосе, а в разбросанных вокруг селениях. Они смогут помочь братьям в дороге. Это очень походило на то, как действовали Обманники. Частично такая ситуация создавалась и поддерживалась ими намеренно, недаром Обманники столетиями разрабатывали для себя способы выживания.

Наши курьеры заблаговременно сообщили кодовое слово всем братьям, проживающим за пределами города, вместе с предостережением о том, что надвигаются тревожные времена. Никому из них не рассказывали, что именно должно произойти, просто предупредили, что грядут перемены, и немалые. Получив кодовое слово, они поняли — началось.

Вскоре следом за курьерами отправится в путь и большинство остальных людей, небольшими группами, чтобы не привлекать внимания, все так или иначе замаскированные. Те, кто уйдут последними, будут действовать с максимальной осторожностью. Все уходящие пройдут через целую серию проверочных и сборных пунктов, на каждом из которых им сообщат лишь, каков следующий пункт назначения. Основная надежда возлагалась на то, что, прежде чем Душелов спохватится, большинство наших людей уже просочится за пределы города.

Никто не принуждал и не наказывал тех, кто решил не уходить, — лишь бы они остались верны интересам Отряда. Невредно иметь агентов в городе после того, как Отряд уйдет.

И это тоже в большой степени напоминало тактику Обманников, которой они придерживались на протяжении столетий.

Дымовые «картинки» будут и после нашего ухода возникать то там, то здесь. Основное предпочтение мы отдали демону Ниасси, из-за того, что он производил такое угнетающее впечатление на Серых и, соответственно, на их активность. Тем, кто останется в городе — я не знала точно, кто это будет, ведь мне предстояло уйти одной из первых, — придется организовать несколько беспорядочных нападений, погромов и актов вандализма. Такая устрашающая кампания террора, которая должна была достигнуть пика во время Друга Пави. Если Душелов клюнет на эту наживку, она потеряет немало времени, устраивая нам засады в городе.

Если же нет, даже каждый купленный такой ценой час позволит братьям уйти чуть дальше по своему пути, прежде чем до Протектора дойдет, что мы снова сделали

неожиданный ход. И даже тогда, по моим расчетам, она не сразу найдет место, где мы скрывались столько лет.

48

Мой отряд первым покидал Таглиос. Мы отправились в путь тем самым утром, когда умер Бонх До Тран. Со мной шли Нарайан Сингх, Лозан Лебедь, Радиша Драха, матушка Гота и дядюшка Дой, Речник, Икбал Сингх с женой Сурувайей, двумя детьми постарше и грудной малышкой, и его брат Ранмаст. Кроме того, у нас было несколько мелких коз, нагруженных сумками, цыплята, связанные спинами, два осла, на которых по очереди ехала Гота, и повозка. Ее тащил вол, которому мы по мере сил постарались придать как можно более понурый и запущенный вид. Почти все так или иначе замаскировались. Шадар постригли волосы и бороды, семейные облачились в одежды Ведны. Я так и осталась веднаиткой, но простилась с мужской одеждой. Зато Радиша, напротив, превратилась в мужчину. Дядюшка Дой и Лозан Лебедь обрили головы и стали Бходи. Лебедь выкрасил кожу в темный цвет, но, к сожалению, никакие ухищрения не позволили ему изменить голубизну своих глаз. Готе пришлось позабыть о своих замашках нюень бао.

Нарайан Сингх никаких изменений не претерпел — в сущности, он и так был неотличим от тысяч других, выглядевших в точности также.

Смотрелись мы, конечно, странновато, но кого только не встретишь на пути? Попадались и более причудливые группы людей. К тому же, все вместе мы сходились только на стоянках. По дороге мы растягивались почти на полмили — один из братьев Сингх впереди, другой замыкал шествие, а Речник все время держался рядом со мной. У каждого из братьев Сингх было по устройству, которые состряпали для них Гоблин и Одноглазый. Если Нарайан, Радиша или Лебедь достаточно далеко отклонятся в сторону от линии, соединяющей эти штуки, горло нарушителя начнет стягивать удушающее заклинание.

Никто из этой троицы об этом не знал. Как предполагалось, сейчас мы все стали друзьями и союзниками. Но друзья тоже разные бывают — одним я доверяла больше, чем другим.

На Каменной Дороге, построенной Капитаном между Таглиосом и Джайкуром, мы вообще никому не попались на глаза. Однако такая уйма народу, да еще с младенцем, и повозкой, и постоянными веднайтскими молениями, и черт знает чем еще, быстро передвигаться не может в принципе. Да и погода не благоприятствовала. Я почувствовала, что просто заболеваю от бесконечного дождя.

В последний раз я путешествовала по Каменной Дороге на огромном черном жеребце, который, в общем даже без спешки, за сутки покрыл расстояние между Таглиосом и Годжей на реке Майн.

По прошествии четырех дней после выхода из города мы были все еще далеко от моста у Годжи — первого «бутылочного горлышка», где нас могла подкарауливать опасность. Именно в тот день дядюшка Дой сообщил, что мы находимся неподалеку от места, где он спрятал копию Книги Мертвых. Меня это известие отнюдь не обрадовало.

— Проклятие! Я надеялась, что это дальше. Как мы будем объяснять наличие книги, если нас остановят?

Дой улыбнулся.

— Я — жрец. Проповедник. Вся ответственность будет на мне. — Несмотря на трудности, он был счастлив. — Пойдем, поможешь мне достать ее.

— Что это такое? — спросила я два часа спустя.

Мы оказались в месте, больше всего напоминающем старые ночные кошмары Мургена о Кине. Оно было огорожено частоколом длиной двадцать ярдов.

— Кладбище. Во времена хаоса, еще до того, как появился Черный Отряд, одна из армий тенеземцев использовала это место сначала для лагеря, а потом для захоронения погибших. Они посадили эти деревья, чтобы скрыть могилы и памятники от вражеских глаз. — Заметив испуганное выражение моего лица, он добавил: — у них были свои похоронные обряды.

Это я знала. Мне даже случилось быть свидетельницей подобных обрядов. Но никогда прежде мне не приходилось ощущать такую плотную атмосферу печали.

— Тут все дело в заклинаниях, которые и призваны вызывать такое тягостное ощущение. Тенеземцы надеялись выиграть войну, вернуться и устроить тут мемориал. А до тех пор, так они хотели, пусть люди держатся подальше отсюда.

— Ничего не имею против. У меня просто мурашки по коже бегают.

— Не бойся, ничего плохого не случится. Пойдем. Это должно занять не больше нескольких минут.

Так и произошло. Или почти так — все продолжалось чуть-чуть дольше. Пришлось открывать дверь одного из этих чудных захоронений и выкапывать узел, завернутый в несколько слоев промасленной кожи.

— Это место стоит того, чтобы его запомнить, — сказал Дой, когда мы двинулись обратно. — Люди, живущие поблизости, избегают его. А незнакомые вообще о нем не знают. Хорошее укрытие. Тебе понравится и Роковой Перелесок.

— Я была там. Он мне тоже не понравился, но в тот раз мне было не до того, чтобы анализировать свои ощущения.

— Еще одно хорошее потайное место.

По природе своей я не так подозрительна, как Душелов, но время от времени находит и на меня. В особенности мне подозрительны подобные метаморфозы — когда скрытный старый нюень бао внезапно превращается в неумного болтуна и чуть ли не насильно предлагает свою помощь.

— Капитан прятался там однажды, — сказала я. — Ему это место не слишком понравилось. Что ты замышляешь?

— Замышляю? Не понимаю.

— Прекрасно понимаешь, старик. Вчера я была всего лишь еще одна дженгали, хотя и такая, с которой тебе приходилось считаться. А сегодня, вдруг, ни с того, ни с сего, я получаю непрощенный совет. Вся накопленная

десятилетиями мудрость оказывается в моем распоряжении, точно я в некотором роде твоя ученица... Хочешь, я понесу это по очереди с тобой? — В конце концов, он был старый человек.

— По мере того, как шла жизнь, события разворачивались все быстрее и принимали совершенно неожиданный — но обычно благоприятный — оборот, я все более настойчиво и осознанно стал размышлять над мудрыми высказываниями Хонь Тэй, над ее предвидением, даже над ее дьявольским чувством юмора. И, похоже, в конце концов стал понимать весь смысл ее пророчеств.

— В которых, возможно, не было ничего, кроме чуши. Скажи все это Сари и Мургену в следующий раз, когда увидишься с ними. И не забудь добавить чуть-чуть больше искреннего чувства, когда будешь оправдываться.

Моя нарочитая резкость не произвела на него никакого впечатления.

Днем снова зарядил дождь. Он начался раньше, был сильнее обычного и сопровождался совершенно невероятным, просто неистовым градом. Вдоль всей дороги, укрываясь под деревьями, путешественники пытались собирать градины, прежде чем они растают. Таглианцы никогда не видели снега и только во время сезона дождей могут посмотреть на лед — если только они не забираются достаточно далеко, в ту высокогорную область за Данда Преш, которую обычно называют Страной Теней.

Собирать градины — забава для молодых. Старики забились как можно глубже под деревья, накинув на себя что-нибудь от дождя. Наша малышка плакала, не переставая. Ей не нравился гром. Ранмаст и Игбал одним глазом следили за детьми, а другим за путешественниками, оказавшимися поблизости. Они были убеждены, что кто-то из встреченных нами по пути непременно окажется шпионом. С моей точки зрения, они вели себя совершенно правильно.

Речник неслышно бродил между деревьями, проклиная дождь. Я понимала и его тоже.

Дядюшка Дой получил возможность на время отдохнуть от своей ноши, устроившись рядом с Готой.

Она тут же принялась ворчать и жаловаться, но без своего обычного энтузиазма.

Я уселась неподалеку от Радиши. Сейчас мы называли ее Таджик. Я сказала:

— Вы уже начинаете понимать, почему вашему брату так нравилось все время находиться в пути? — Она усмехнулась. — В каком-то смысле ему не везло. Что бы он ни затевал, всегда находились сотни эгоистов, которые ради собственной выгоды разрушали его мечту.

— Ты знала его? — спросила Радиша.

— Не очень хорошо. Не в той мере, чтобы пускаться с ним в философские рассуждения. Но он не был скрытым человеком.

— Мой брат? В таком случае, покинув двор, он изменился гораздо больше, чем я думала. Живя во Дворце, он ни перед кем не раскрывал свое внутреннее «я».

— Вдали от центра его власть была более прочной. Не нужно было считаться ни с кем, кроме Освободителя. Его люди любили князя и готовы были следовать за ним куда угодно. Что и закончилось для большинства из них гибелью, когда вы изменили свое отношение к Отряду.

— Он действительно жив? Или ты просто манипулируешь мной в своих собственных интересах?

— Конечно, я манипулирую вами. Но он жив, это правда. И все Пленные тоже. Вот почему мы покинули Таглиос несмотря даже на то, что вы с нами. Прежде всего и больше всего мы хотим, чтобы наши братья обрели свободу.

Моих ушей коснулся шепот:

— Сестра, сестра...

— Что?

Радиша молчала, с любопытством поглядывая на меня.

— Это не я, — произнесла она немного погодя.

Я в тревоге оглянулась по сторонам, но не увидела никого.

— Наверно, просто дождь шумит по листьям.

— Хм-м-м. — Радишу, конечно, мои слова не убедили.

Они и звучали неубедительно. Я почувствовала, как сильно мне недостает Одноглазого и Гоблина.

Я снова отыскала Дядюшку Доя.

— Госпожа не раз повторяла, что ты колдун, хотя и не очень сильный. Если у тебя есть хоть какой-то дар, пожалуйста, используй его, чтобы выяснить, не следит ли кто-нибудь за нами. — Как только Душелов придет к выводу, что мы за пределами Таглиоса, ее вороны и Тени быстро найдут нас.

В усмешке Дядюшки Доя сквозила обычная уклончивость.

49

По-настоящему страшно стало нам наутро через день, как раз тогда, когда, казалось бы, были веские основания считать, что все идет как надо. Предыдущий день прошел спокойно, никаких ворон поблизости не наблюдалось. Все складывалось так, что мы могли достигнуть Рокового Перелеска еще до завтрашнего дневного ливня и, значит, сделать свое дело и освободиться до полуночи. Такая перспектива радовала.

Внезапно на дороге к югу от нас появилась группа всадников. Они скакали в нашу сторону, и вскоре стало ясно, что на них форменная одежда.

— Что будем делать? — спросил Речник.

— Просто надеяться, что они ищут не нас. Идем дальше.

Всадники не проявляли интереса к тем путешественникам, которые шли перед нами, хотя сгоняли всех с дороги. Они скакали не слишком быстро, но и не прохлаждались. Дядюшка Дой подошел к ослу, на котором сейчас не ехала Гота. Ноша животного состояла из сложенной палатки и шестов от нее, а под всем этим был спрятан Бледный Жезл. Несколько пускателей огненных шаров лежали там же — они выглядели как бамбуковые шесты от палатки.

Теперь у нас их оставалось совсем мало. И новые не появятся до тех пор, пока мы не вытащим Госпожу из-под земли. Гоблин с Одноглазым не могли создавать их — хотя в приватной обстановке Гоблин

признавался, что еще десять лет назад это было им по силам.

Оба были уже слишком стары почти для всего, что требовало гибкости мышления и, в особенности, физической сноровки. Туманный прожектор для фиксации Мургена, по всей вероятности, был последним существенным вкладом, который они оказались в состоянии сделать. Да и то, вся немагическая часть этой конструкции была изготовлена проворными руками юного Тобо.

Всадники были вооружены — я заметила отблеск полированной стали.

— Слева от дороги, — сказала я Речнику. — Собираемся там.

Однако я опоздала. Идущий вперед Икбал уже отпрыгнул вправо.

— Надеюсь, у него хватит ума перейти к нам, когда они проедут мимо.

— Он не дурак, Дрема.

— И тем не менее, мы здесь, а он там, не так ли?

— Это точно.

Вскоре стало ясно, что всадники были передовым отрядом гораздо более крупной военной группировки, а она, в свою очередь — авангардом Третьей Территориальной Дивизии таглианской армии. Третья Территориальная Дивизия была личной частью Великого Генерала. А это означало, что Бог решил лицом к лицу столкнуть нас с Могабой.

Бог, несомненно, пошутил. Ну, что же, ему виднее — только Он знает Свое собственное сердце. Я постаралась не терзаться, обдумывая практические последствия этой шутки для нас. Моя задача — собрать всех слева от дороги, и все. Но тут меня осенило, что Могаба знает кое-кого из нас в лицо; и не только он сам, но и все ветераны, которые по возрасту могли быть участниками Кыялуунской войны и войны с Хозяевами Теней.

Мы, конечно, сильно изменились. И далеко не все встречались в свое время с Великим Генералом. Если не считать дядюшки Доя, матушки Готы, Лозана Лебеда и... Проклятие! И Нарайана Сингха! Нарайан был близким

союзником Великого Генерала перед самой войной с Хозяевами Теней. Эти двое не раз вместе вынашивали и осуществляли свои злобные планы.

— Мне нужно изменить свою внешность.

— Что?

Рядом, напугав меня, возник тощий маленький Обманник. Если он способен вот так неслышно подкрадываться...

— Это ведь Великий Генерал, Могаба, верно? И он может узнать меня, несмотря на то, что прошли годы с тех пор, как мы встречались лицом к лицу.

— Ты удивляешь меня, — призналась я.

— Я исполняю желание богини.

— Конечно. — Нет Бога, кроме Бога. И все же каждый день мне приходится иметь дело с богиней, чье воздействие на мою жизнь несравненно более ощутимо. Были времена, когда мне приходилось бороться с собой, чтобы выкинуть эти мысли из головы. В Прощении Своем Он Подобен Земле. — Что, если тебе переодеться и снять тюрбан?

Хотя, поскольку речь шла о нем, никакое решение не казалось в полной мере удовлетворительным. Как уже говорилось, внешне Нарайан Сингх был типичным представителем мужской части гуннитов. Думаю, Могабе будет нелегко узнать его, даже если когда-то, как поговаривали, они были любовниками. Хотя вряд ли Нарайан до такой степени забылся. Как можно? Ведь он не кто-нибудь, а Господин Обманник, живой святой этого культа.

— Стоит попробовать.

Сингх отошел, а я с внезапно вспыхнувшей подозрительностью глядела ему вслед. С чего бы это он вдруг так разволновался? Он не мог не знать, что в какой-то степени сама природа обеспечивала ему анонимность. Значит, он, скорее всего, просто хотел заморочить мне голову. С какой целью?

Жаль, что я не могла просто перерезать ему горло. Одно беспокойство с ним — кто знает, что у него на самом деле на уме? Но никуда не денешься, приходилось терпеть. Ключ, нам нужен был Ключ, а без Сингха до

него не добраться. Даже дядюшка Дой точно не знал, как выглядит то, что мы ищем. Он никогда не видел Ключ и даже узнал о его существовании лишь после того, как его украла. Я очень надеялась, что, увидев Ключ, он все же каким-то образом поймет, что это не подделка.

У меня не было времени обдумать, что именно убедило Сингха согласиться отправиться с нами и почему он поверил, что мы не убьем Дочь Ночи. Ведь они находились в разных местах и ничего точно о ней он знать не мог.

Отряд кавалеристов проскакал мимо. Они не обратили на нас никакого внимания, поскольку мы сами убрались с их пути. В нескольких сотнях ярдов позади шагал первый батальон пехотинцев, подтянутых и аккуратных настолько, насколько Могаба смог добиться этого от них на марше. Впечатляющее зрелище. Проходя мимо, некоторые выкрикивали мне непристойные предложения, но в остальном солдаты не обращали на нас внимания. Третья Территориальная была высокодисциплинированной, профессиональной дивизией, в полном соответствии с характером и волей Могабы — ничего похожего на оборванных отщепенцев, из которых состоял Отряд.

С военной точки зрения, мы были просто «ноль», больше ничего. Нас осталось так мало, что ни о каких сражениях с частью вроде Третьей Территориальной не могло быть и речи. Сердце Ворчуна будет разбито, когда мы вытащим его из-под земли.

Мой оптимизм пошел на убыль. Теперь, когда дорогу заняли солдаты, наше движение волей-неволей замедлится. Судя по верстовым столбам, до Рокового Перелеска оставалось совсем немного, но все же для нас это было несколько часов пути. Повозка и животные будут долго тащиться по грязной, неровной земле.

Я начала оглядываться в поисках местечка, где можно было бы укрыться от дождя, хотя, насколько мне помнилось по прошлым временам, здесь с этим было непросто. Не помог и дядюшка Дой, когда я спросила его об этом. Он сказал:

— Сам Перелесок — вот единственное серьезное укрытие, которое можно найти поблизости.

— Нужно послать кого-нибудь на разведку.

— Почему это тебя так волнует?

— Мы имеем дело с Обманниками.

Я промолчала о том, что наша встреча со Слинком и его группой из Семхи должна была произойти именно там. Дою совсем не обязательно нужно это знать. Да и Слинк мог запоздать, если ему придется увертываться от армии Могабы и патрулей.

— Я могу пойти. Мое отсутствие ни у кого не вызовет интереса.

— Возьми с собой Лебеда. Он — наше самое слабое звено с точки зрения возможного предательства.

С Радишей тоже риск был немалый, хотя до сих пор она не проявляла склонности поднять крик, взывая о помощи. Однако Речник все время держался поблизости и, в случае чего, мог схватить ее за горло.

Что-что, а глупой ее не назовешь. Если она и собирается предать нас, то решится на это лишь в том случае, если у нее будет шанс уцелеть.

Никто не обратил внимания, когда дядюшка Дой и Лозан Лебедь исчезли. Дядюшка Дой не стал брать с собой Бледный Жезл. Я подошла к Речнику и Радише.

— Сейчас эта местность гораздо лучше разработана, — заметила я.

Во времена моей юности пространство между Таглиосом и Годжей по большей части представляло собой пустыню. Селения были маленькие, бедные и жили за счет крошечных полосок обработанной земли. В те дни тут не было самостоятельных хозяйств. Теперь, напротив, они виднелись повсюду. Их основали уверенные в себе, независимо мыслящие ветераны или те, кто сбежал из мест, где земля была исковеркана, потому что долгое время находилась под пятой Хозяев Теней. Новые хутора тянулись вдоль дороги сразу же за полосой отчуждения. Кое-где они даже мешали сойти с дороги.

Солдат, направляющихся на север, оказалось около десяти тысяч, не считая обоза, который следовал позади:

Вполне достаточно, чтобы занять дорогу на мили и мили. Вскоре стало ясно, что нам не удастся добраться до Рокового Перелеска не только до дождя, но, может быть, и до наступления сумерек.

Будь у меня выбор, я меньше всего хотела бы оказаться поблизости от этого места в темноте. Я уже бывала тут ночью, много лет назад, когда принимала участие в рейде Отряда, целью которого было захватить Нарайана и Дочь Ночи. Тогда мы перебили почти всех, кто был с ними, но эти двое ускользнули. Мне запомнились лишь страх, и холод, и ужасное ощущение, точно Перелесок имел собственную душу, даже более чуждую, чем душа паука. Мурген как-то сказал, что находиться тут ночью так же скверно, как оказаться втянутым в один из снов Кины. Находясь в нашем мире, Перелесок таил в себе заразу чего-то совершенно чужеродного.

Я попыталась расспросить Нарайана об этом. Почему его предшественники почитали именно Перелесок как свое самое святое место? Как его отличали от других перелесков в те времена, когда воздействие человека на лицо земли было существенно меньше?

— Почему это тебя интересует, Летописец? — Мой интерес явно показался Сингху подозрительным.

— Потому что я по природе своей любопытна. Разве тебе никогда не бывало интересно, каково происхождение некоторых вещей и почему люди поступают так или иначе?

— Я служу богине.

Я молчала, выжидая. Без толку. Очевидно, он полагал, что этим все сказано. Как человек религиозный, я могла понять его, хотя такой ответ меня и не удовлетворил.

Я возмущенно фыркнула, Нарайан самодовольно улыбнулся.

— Она реальна, — сказал он.

— Она — это тьма.

— Следы ее деятельности можно заметить вокруг нас каждый день.

Неправда.

— Это не так. Другое дело, если она когда-нибудь обретет свободу. Вот тогда, я думаю, мы их и в самом деле увидим. — Внезапно эта дискуссия вызвала у меня ужасно неприятное чувство. Втянувшись в нее, я как бы признавала факт существования другого бога, не моего, что, как утверждает моя религия, невозможно. — Нет Бога кроме Бога.

Нарайан снова самодовольно улыбнулся.

Могаба в свое время сделал для меня одно-единственное доброе дело. Предоставив меня самой себе, он дал мне возможность заняться суровой и обременительной умственной гимнастикой, которая, тем не менее, помогла мне переосмыслить Кину как падшего ангела, заброшенного туда, где ей самое место — в преисподнюю. Я поняла, что это, возможно, и в самом деле так. Многие элементы мифа о Кине не противоречили догматами единственной подлинной религии. И я занималась этой религиозной акробатикой достаточно изящно, чтобы вызвать восхищение у учителей моего детства.

Сам Могаба со своим штабом разместились на расстоянии примерно трех четвертей от хвоста колонны. Удивительно, но Великий Генерал ехал верхом. Прежде он никогда не садился на коня. Еще удивительнее, однако, было то, на каком именно коне он скакал.

На одном из тех созданных с помощью колдовства черных жеребцов, которых Отряд привел с собой с севера. А я-то думала, что из них уже никого не осталось в живых. Мне не приходилось видеть ни одного со времен Кьяулунской войны. А этот был не только цел и невредим, но и находился в великолепном состоянии. Несмотря на свой возраст. Он выглядел так, словно поход нагонял на него скуку.

— Не стой, разинув рот, — одернул меня Речник. — У людей просыпается любопытство, если они вызывают любопытство у других.

— Думаю, ничего страшного не случится, если мы немного поглазеим. Могаба наверняка считает, что заслуживает этого.

Могаба от макушки до пят выглядел Великим Генералом и могущественным воином. Высокий, великолепно сложенный, с хорошо развитой мускулатурой, прекрасно одетый, на холеном, ухоженном коне. Но серебряная пыль в его волосах делала свое дело — он выглядел старше, чем при нашей первой встрече, сразу после того, как Отряд освободил Джайкур от Грозотени. Тогда Могаба предпочитал брить голову. В данный момент он явно пребывал в хорошем настроении, что, насколько я помню, было совершенно нехарактерно для него в прошлые времена. Тогда все его замыслы пошли прахом, потому что Капитан, точно шмель, кружил вокруг и сводил на нет все его усилия.

Когда Великий Генерал поравнялся с нами, его конь внезапно испуганно фыркнул и встряхнул головой, как если бы перед ним пробежала змея. Могаба выругался, хотя никакой опасности свалиться не возникло.

Небеса разразились смехом. Белая ворона упала сверху прямо позади коня и вцепилась лапами в перекладину шеста, который нес личный знаменосец Великого Генерала.

Могаба выругался снова, упустив при этом из вида, что конь повернул голову, наблюдая за мной.

Черт бы его побрал! Конь узнал меня. Наверно, это был один из тех, на которых я много лет назад проскакала не одну сотню миль.

Я занервничала.

Кто-то из личных охранников Могабы выстрелил в ворону из лука. И промахнулся. Стрела упала неподалеку от Ранмаста, который громко вскрикнул от неожиданности. Великий Генерал тут же сердито отчитал стрелка.

Конь продолжал коситься на меня. Я изо всех сил сдерживалась, чтобы не броситься наутек. Может быть, все еще обойдется...

Белая ворона прокаркала что-то. Возможно, слово, хотя для меня это было просто карканье, не больше того. Конь Могабы подпрыгнул, вызвав новый поток брани, рванул вперед и припустил рысью. Слава Богу, все обошлось.

Все, кроме Сурувайи Икбала, пошли немного быстрее, глядя себе под ноги. Я подошла к Лебедю, который так разнервничался, что начал заикаться, когда попытался отколоть шутку насчет голубей, которые усаживались на Великого Генерала, хотя тот был еще жив.

Над головой снова зазвучал смех. Ворона, высоко вверху, была почти неразличима на фоне сгустившихся облаков. Она начинала все больше и больше интересоваться и беспокоить меня — жаль, что никто не мог сказать ничего толкового на этот счет.

На протяжении многих десятилетий Отряд воспринимал появление ворон как дурное предзнаменование. Но конкретно эта, казалось, была к нам очень расположена.

Может, и впрямь это Мурген из другого времени?

Мурген, конечно, стал был охранять нас, но, уверена, даже в виде вороны нашел бы способ связаться с нами. Что он, может быть, и делал...

Наша встреча с Могабой могла окончиться плохо и для него. Если бы нас захватили, его шансы на воскрешение свелись бы к нулю.

50

Встреча с Великим Генералом несколько задержала нас, и мы не смогли незаметно уйти подальше от дороги до дождя. Зато он оказался настолько силен, что на нас уже никто не обращал внимания, кроме, может быть, тех, кто находился непосредственно рядом. Мы сбились жалкой кучкой. Я вообще-то не слишком склонна к сочувствию, но неожиданно для самой себя поняла, что мне жаль ребятишек Икбала.

— Сингх получит известное преимущество, если мы доберемся туда после наступления темноты, — заметил Лебедь.

— Тьма приходит всегда.

— Как?

— Одно из изречений Обманников. Тьма — это их время. И тьма приходит всегда.

— Ты, похоже, не слишком обеспокоена.

Я едва слышала его, так сильно шумел дождь.

— Вовсе нет, приятель. Я уже бывала здесь раньше. Это не то, что можно назвать «хорошим местом».

Роковой Перелесок был сердцем Тьмы, благодатной почвой для безнадежности и отчаяния. Он разедал душу любого, кто не был приверженцем Тьмы. Они же всегда чувствовали себя здесь прекрасно.

— Места не могут быть хорошими или плохими, Дрема, они — явление природы. Это люди бывают добрыми или злыми.

— Вот побываешь там и изменишь свое мнение.

— Слушай, я того и гляди утону. Может, спрячемся куда-нибудь?

— Ничего не имею против, если ты найдешь куда.

Небо прорезала огненная вспышка, оглушительно загрохотал гром. Вскоре и град наверняка посыплется. Хотелось бы мне иметь шляпу побольше и попрочнее. Вроде тех, которые нюонь бао плетут из бамбука и надевают, работая на рисовых полях.

Не оставалось ничего другого, как следовать за Речником и Радишей — в надежде, что они сами следуют за кем-то, кого могут видеть. И еще я очень надеялась, что никто у нас не заблудится и не потеряется. В особенности, с наступлением темноты. И что ребята с Семхи окажутся там, где должны быть.

Когда начал падать град, откуда-то сбоку возник Икбал. Он пригнулся, стараясь уклониться от ударов обжигающе холодных градин. Я делала то же самое, но почти без толку.

Икбал прокричал:

— Налезо, по склону холма! Там небольшая роща вечнозеленых деревьев. Лучше, чем ничего.

Мы с Лебедем бросились в указанном направлении. Градины падали все гуще по мере того, как молнии сверкали все ближе, а гром грохотал все громче. Но хоть воздух посвежел.

Во всем есть своя хорошая сторона.

Я поскользнулась, упала, покатилась и... оказалась среди деревьев. Там уже были дядюшка Дой и Гота, Речник и Радиша. Икбал у нас известный оптимист — я бы не решилась назвать это деревьями. Разве что кустами, которые были о себе слишком высокого мнения. Ни одно растение не достигало даже десяти футов, и чтобы иметь удовольствие укрыться под ними, нужно было распластаться на мокрых иголках. Но ветки не могли задержать падение градин, которые с шумом проскальзывали между ними. Едва собравшись открыть рот, чтобы спросить, как там животные, я услышала бление козочек.

И почувствовала легкий укол вины. Не испытывая особой любви к животным, я обычно увиливала от участия в уходе за ними.

Градины падали отовсюду, и между ветками, и снаружи. Лебедь поймал одну особенно большую, показал ее мне, усмехнулся и засунул себе в рот.

— Вот это жизнь,— сказала я.— Только свяжись с Черным Отрядом, и каждый день будет рай на земле.

— Великолепный способ вербовки,— согласился Лебедь.

Как это обычно бывает, вскоре буря также стремительно умчалась прочь. Мы выползли из-под кустов, сосчитали головы и обнаружили, что даже Нарайан Сингх никуда не делся. Живой святой Душил не хотел потерять нас. Книга Мертвых была очень важна для него.

Дождь, который совсем недавно лил как из ведра, теперь лишь моросил. Пока мы выкарабкивались из грязи, каждый взывал к тому богу, которого предпочитал. Теперь мы старались держаться вместе, за исключением дядюшки Доя, который умудрился тут же раствориться даже на местности, где не было никакой возможности укрыться.

На протяжении следующего часа мы миновали несколько верстовых столбов, которые я узнала по Летописям Мургена и Ворчуна. Я все время шарила взглядом по сторонам, надеясь, что появятся Слинк и его товарищи. Но нет, их не было. Я очень надеялась, что это было хорошее предзнаменование, не дурное.

Мои страхи оправдались — в другом отношении. Мы добрались до Перелеска в сумерках. Вид у всех был жалкий и измученный, малышка плакала, не переставая. Я натерла мокрой обувью волдырь. За исключением, возможно, Нарайана, все и думать забыли о том, зачем мы сюда притащились. Жаждали одного — рухнуть куда угодно в надежде на то, что кто-то другой разведет костер, чтобы можно было обсушиться и поесть.

Нарайан настаивал на том, чтобы мы двинулись дальше, к храму Обманников, который находился в самом центре Перелеска.

— Там сухо, — пообещал он.

Его предложение не вызвало энтузиазма. Хотя мы только-только пересекли границу Перелеска, его «запах» окружал нас со всех сторон. Неприятный, по правде говоря. Как же тут воняло в «удачные» для Обманников дни, когда они устраивали свои жертвоприношения?

Это место действовало на людей как отраву, в нем было что-то сверхъестественное, заставляющее испытывать ощущение мурашек, бегущих по телу. Гунни обвиняли в этом Кину, потому что это было одно из мест, где упал фрагмент ее расчлененного тела. Их нисколько не смущал тот факт, что одновременно Кина спала очарованным сном где-то на, или под, или за равниной из Сияющего камня. У Гунни вообще отсутствует понятие души, не то что у нас, веднаитов, или у нюень бао. С моей точки зрения, здесь, в Перелеске, обитали души всех жертв, которые погибли тут ради удовольствия Кины, или во славу ее, или ради чего там еще Душилилы убивают людей.

Если бы я только заикнулась об этом, Нарайан, а уж тем более какой-нибудь из посвященных гуннитов тут же заговорили бы о ракшасах, этих злобных демонах, ночных бродягах, которым завидовали и люди, и боги. Ракшасы могли притвориться духом кого угодно — просто ради того, чтобы мучить живых.

— Нравится нам это или нет, но Нарайан прав, — заявил дядюшка Дой. — Здесь негде укрыться. Что касается безопасности, то что там, что здесь — все равно.

Зато там мы не будем страдать от этого бесконечного нудного дождя, — дождь и впрямь никак не кончался.

Я внимательно посмотрела на него. Старик, который, казалось бы, меньше молодых должен был рваться продолжать трудный путь. Значит, у него есть причина хотеть этого. Он наверняка что-то знает.

Дой всегда что-то знает. Другое дело, что заставить его объяснить, в чем дело, задача почти невыполнимая.

Я была здесь за старшего. Пришло мое время принимать непопулярное решение.

— Идем дальше.

Ропот, ворчание, жалобы.

Храм был задуман как величественное сооружение, обладающее очень мощным воздействием — даже по сравнению с окружающим его Перелеском. Еще не видя его, можно было ощутить, в каком направлении он находится. Лебедь, который шел позади меня, спросил:

— Интересно, почему вы не снесли его, когда были в силе?

Я не поняла вопроса. Зато Нарайан, шедший впереди, услышал и понял.

— Они пытались. И не раз. Мы восстанавливаем его, когда никто не видит.

Он разразился бессвязной и напыщенной речью о том, как его богиня всегда охраняла строителей. И продолжал в том же духе, пока Ранмаст не стукнул его бамбуковым шестом.

Это был один из тех самых шестов, хотя Нарайан об этом не знал. В Перелеске было очень темно — отличное место для Теней, чтобы устроить тут засаду. Ранмаст был начеку.

Кто мог помешать Душелову выпускать этих злобных тварей, когда ей вздумается? Сейчас Таглиос был в полном ее распоряжении.

Я могла лишь надеяться, что, несмотря на все сложности, наши люди, оставшиеся в городе, выполнят свои задачи. В особенности, те, кто должен был снова проникнуть во Дворец. Им предстояло завербовать Джауля Барунданди и поглубже втянуть его в наши дела, чтобы он

не успел сбежать прежде, чем обида на Душелова за смерть жены сменится трезвым пониманием своего положения.

51

Малышка продолжала плакать, уткнувшись в материнскую грудь, но не потому, что хотела есть. Ее плач всем внушал беспокойство. Выследить нас не составит никакого труда. Мы даже не услышим, если кто-то подкрадется — из-за этого плача и непрерывного шуршания капель, скользящих по веткам мокрых деревьев. Речник и наши Сингхи не спускали рук с оружия. Дядюшка Дой достал Бледный Жезл, несмотря на то, что меч мог заржаветь.

Животные нервничали не меньше ребенка. Козы блеяли и еле волочили ноги. Ослы упрямылись как обычно, но матушка Гота знала несколько трюков, чтобы заставить упрямых животных идти вперед. Да, неприятностей разного рода было предостаточно.

Дождь продолжал лить.

Впереди шел Нарайан Сингх. Он знал дорогу. Он был дома.

Устрашающие очертания храма возникли перед нами — я не видела, я просто чувствовала это. Нарайан заторопился. Разбрасывая мокрые листья, его сандалии издавали звук, похожий на шепот. Я все время внимательно прислушивалась, но не слышала ничего нового, пока Лозан Лебедь не начал бормотать себе под нос, жалуясь на судьбу. Будь он поумнее, сидел бы сейчас дома у камина и слушал, как плачут не чужие дети, а его собственные внуки. Вместо этого ему приходится терпеть все эти муки и заниматься какими-то таинственными поисками. А чем все кончится? В лучшем случае, он проживет чуть дольше, чем те, кто втянул его во все это.

— Дрема, тебе не приходит в голову, что, может быть, имеет смысл не мешать этому засранцу?

Где-то прокричала сова.

— Кого ты имеешь в виду? И почему?

— Нарайана. Пусть себе наступает Година Черепов. Тогда все мы могли бы сесть сложа руки, расслабиться и не таскаться больше под дождем по уши в дерьме.

— Нет.

Сова прокричала снова. Казалось, она чем-то недовольна.

В ответ, точно насмехаясь, закаркала ворона.

— Но разве не это было первоначальной целью Отряда? Сделать так, чтобы наступил конец света?

— Главари, по-видимому, стремились именно к этому. Но не те парни, чьими руками они собирались выполнить эту работу. Солдаты, скорее всего, вообще никакого понятия обо всем этом не имели. Они вступили в Отряд, потому что так было лучше, чем оставаться дома.

— Это мне очень даже понятно. Наверно, есть вещи, справедливые во все времена. Осторожно. Здесь ужасно скользко — наверно, из-за совиного дерьма.

Он тоже слышал, как перекликаются птицы.

Несмотря на дождь, козы и ослы отказывались приближаться к святыне Обманников. По крайней мере, до тех пор, пока внутри не вспыхнул слабый свет. Его отбрасывала единственная плохонькая масляная лампа, но по сравнению с тьмой вокруг он казался почти ослепительным.

— Нарайан ничего там не натворит? — спросил Лебедь.

— Я наблюдаю за ним. Каждую минуту. — С него действительно следовало не спускать глаз.

По правде говоря, я рассчитывала на дядюшку Доя. Он, как старый хитрец, скорее заметит какой-нибудь трюк. Как хитрец высокого класса, напомнила я себе, за которым тоже нужен глаз да глаз.

Когда я подошла к двери храма, что-то пролетело над головой. Сова или ворона, не знаю. Я обернулась недостаточно быстро, чтобы разглядеть. Я сказала Ранмасту и Икбалу:

— Охраняйте нас, пока я тут все как следует не проверю. Дой, Лебедь, пошли со мной. Вы знаете об этом месте больше, чем кто-либо другой.

Речник и Гота грязно ругались, прикладывая титанические усилия, чтобы справиться с козами. Сыновья Икбала уже спали прямо там, где стояли, не обращая внимания на продолжающийся дождь.

Я попыталась войти в храм, но Нарайан остановил меня.

— Нет, пока я не совершу обряд освящения. Иначе вы оскверните это святое место.

Для меня это было вовсе не святое место. Меня не беспокоило, оскверню я его или нет. Получалось, что он должен выдать нам что-то вроде разрешения на вход. Ничего, пусть поразвлекается, когда-нибудь это место и впрямь будет снесено с лица земли и тогда уже никто не сможет его восстановить. Но пока я должна ладить с ним.

— Дой, не спуская с него глаз. Ранмаст, и ты тоже. — Он мог испепелить этого живого святого с помощью своего бамбука, если Обманник попытается ловчить.

— Мы же договорились, — напомнил мне Нарайан.

Он казался обеспокоенным. И не из-за меня. Оглядываясь по сторонам, точно искал что-то, что должно было находиться здесь, но чего не было.

— Ты, главное, сам не забывай об этом, недомерок.

Я вышла наружу, на мелкий дождик, который стал еще неприятнее из-за того, что теперь вокруг сгушался туман.

— Дрема, — прошептал Икбал, стоя внизу у начала лестницы. — Смотри, что я нашел.

Я едва расслышала, что он сказал. Малышка по-прежнему капризничала. Измученная Суривайя укачивала ее, мурлыча колыбельную. Она и сама-то была почти девочка, но очень смышленная и красивая. Трудно представить себе, как можно быть счастливой, живя такой жизнью, какая выпала на ее долю. Но Суривайе, казалось, важно было одно — находиться рядом с Икбалом, куда бы ни занесла его судьба.

Легкий ветерок шевелил ветки Перелеска.

— Что?

Мне, конечно, было ничего не видно сверху. Я спустилась по ступенькам храма во влажную, зябкую тьму.

— Вот, — он сунул что-то мне в руки.

Куски ткани. Очень хорошей ткани, вроде шелка, шесть или семь кусков, каждый весом в один корнер.

Я улыбнулась в лицо ночи. И рассмеялась. Моя вера в Бога получила новое подтверждение. Эта дьяволица, Кина, снова предала своих детей. Слинк добрался до Перелеска вовремя. Слинк оказался изворотливей Обманников. Слинк сделал свое дело. Сейчас он находился где-то неподалеку, прикрывая нас и готовя Нарайану еще один ужасный сюрприз. Я чувствовал себя гораздо увереннее, когда вошла внутрь и крикнула Нарайану:

— Давай пошевеливайся, Сингх. У нас женщины и дети мерзнут снаружи.

Не везло живому святому. Что бы он ни искал — под предлогом неосквернения своего храма присутствием неверующих, — этого там не было.

Я испытывала сильное искушение швырнуть ему прямо в лицо румели, которые нашел Икбал. Но удержалась. Это лишь разозлило бы его, искушая отказаться от соглашения с нами. Вместо этого я сказала:

— По-моему, у тебя было достаточно времени, чтобы освятить не только храм, но и весь этот проклятуший лес, защитив его от присутствия неверующих. Забыл, как плохо снаружи?

— Тебе следует поучиться терпению, Летописец. Очень полезное качество и для вашей, и для нашей деятельности.

Я снова удержалась и не стала напоминать о том, что мы проявили по отношению к нему просто ангельское терпение. На мгновение его раздражение прорвалось наружу, и Нарайан сбросил что-то на пол. Нельзя сказать, чтобы он совсем не управлял собой. Однако мне впервые приходилось видеть его в состоянии, когда он не чувствовал уверенности, что владеет ситуацией. Сделав мне знак рукой, что можно войти, он зашептал что-то. Наверно, тиетно взывал к своей богине.

Эту новую версию храма вряд ли можно назвать хотя бы тенью того, что видели когда-то Ворчун и Госпожа. Теперь идол был деревянный, не более пяти футов высо-

той и неотшлифованный. Лежащие перед ним жертвоприношения выглядели жалкими и засохшими. В целом храм, похоже, утратил зловещую, мрачную атмосферу места, где было принесено в жертву множество жизней. Да, не слишком славные времена настали для Обманников.

Нарайан упорно продолжал что-то искать. У меня не хватило духа разбить ему сердце, сообщив, что друзья, которых он рассчитывал тут встретить, столкнулись с друзьями, которых надеялась встретить я. Любые взаимоотношения складываются лучше, если остается некоторый элемент недоговоренности.

— Объясни, где ты хочешь, чтобы мы расположились, а где нет, и я постараюсь как можно лучше учесть твои пожелания. — Нарайан посмотрел на меня так, точно я внезапно отрастила лишнюю голову. — Я вот о чем думала в последнее время. Мы ведь какое-то время собираемся действовать сообща. Для всех будет легче, если мы постараемся уважать обычаи и философию друг друга.

Нарайан сдался. Он начал объяснять, где можно развести огонь и где разместиться людям. Храм внутри не потрясал размерами и свободного места в нем было немного.

И все же я не сомневалась — Сингх не рискнет вернуться ко мне спиной.

— Ловко ты его надула, — сказал мне Речник. — Он так и просидит всю ночь, прислонившись к стене и стараясь не заснуть.

— Надеюсь, мой храп поможет ему. Икбал, перестань.

Этот глупец вздумал помогать матушке Готе, которая начала готовить еду. К нашей старушенции было опасно приближаться, когда она проявляла свое кулинарное искусство. Об этом в Отряде знали все. Она могла предложить вам попробовать кипяток, чтобы вы не вертелись у нее под ногами.

Икбал усмехнулся, обнажив зубы, состояние которых свидетельствовало о том, что ему нужно срочно проконсультироваться по этому поводу с Одноглазым.

— Ничего, как-нибудь уцелею.

— Ну, смотри.

Неплохо. Совсем неплохо.

Закончив помогать Икбалу, старуха принялась доить коз. Я понимала, какие чувства испытывал Нарайан. Может быть, мне тоже нужно просидеть всю ночь, прислонившись к стене.

Удивительно, но Гота даже не жаловалась.

А дядюшка Дой остался снаружи. По-видимому, чтобы насладиться прохладой и свежестью леса.

52

В этом нечистом храме было сухо, но отнюдь не тепло. Не верилось, что слабенький костерок из ветвей способен разогнать холод, насквозь пропитавший эти стены и разъедающий наши кости и души, точно отвратительный духовный ревматизм. Даже Нарайан Сингх чувствовал это. Он сгорбился у огня, время от времени вздрагивая, как будто в любую минуту ожидал удара сзади. И пробормотал что-то о том, что его вера и без того выдержала множество испытаний.

Я не отличаюсь ни способностью сопереживать, ни сострадательностью. Те, кто оскорбляет нас, должны знать, что поплатятся за это. Все мы в руке Божьей. Если Бог хочет, чтобы мы где-то находились, Он в Своем великодушии обеспечит нам возможность этого. И наша антипатия по отношению к Нарайану Сингху возникла так давно, что превратилась почти в ритуал. Поэтому мои слова были продиктованы чем угодно, только не сочувствием.

— Предлагаю обмен, — сказала я. — Копия Первой Книги Мертвых за твой Ключ.

Он вскинул голову. И посмотрел прямо мне в глаза — подлинный Нарайан, проглянувший сквозь маску спокойствия того Нарайана, которым он всегда хотел казаться. И тут же настороженно сощурился.

— Как вы смогли...

— Не имеет значения. Она у нас. Мы ее выменяли. И готовы обменять снова.

Настороженность сменилась процессом прикидки и расчета. Готова поспорить на что угодно, что он взвешивал, каковы его шансы убить нас во время сна, чтобы избавить себя от выполнения данного обещания.

— Возможно, это менее изящное решение, чем массовое убийство, Нарайан, но почему бы нам, если оно тебя не привлекает, просто не придерживаться того, о чем мы уже договорились? — Я вздрогнула. В храме, казалось, стало еще холоднее, если это вообще было возможно. — В сущности, то, что я тебе предлагаю — это премия. Ты вручаешь нам Ключ и можешь уходить. Куда хочешь. Ты свободен. Если поклянешься не трогать больше Черный Отряд.

Не сомневаюсь, что дать эту клятву ему ничего не стоит. Такие клятвы, если они исходят от Обманников, все равно что пустой звук. Кина не рассчитывает на то, что он будет держать клятву, данную неверующему.

— Постине великодушное предложение, — ответил Сингх. С оттенком подозрительности. — Позволь мне подумать до утра.

— Как угодно, — я щелкнула пальцами. Появились Икбал и Ранмаст с кандалами. — Повесьте на него еще и козы колокольчики. — У нас их было несколько. Прикрепленные к кандалам Нарайана, они будут издавать звон при малейшем его движении. Конечно, он был мастер по части всяческих хитростей, но никакая хитрость не помешает колокольчикам выдать его. — Только не удивляйся, если я буду настроена уже не так великодушно, когда в мир вернутся свет и тепло. Тьма всегда приходит, это верно, но и солнце всегда встает.

Я уже сидела, завернувшись в одеяло, а сейчас закуталась в него поплотнее, легла, извиваясь, точно червяк, в тщетной попытке устроиться поудобнее, и заснула. Мои сны были полны зла, что, по-видимому, случается со всяким, кто проводит ночь в Роковом Перелеске.

Я осознавала, что сплю. Мне было известно, что существует возможность проникать в свои собственные сны, хотя со мной никогда такого не случалось. И Госпожа, и Мурген писали об этом. Визуальные элементы не вызвали

у меня особого ужаса. Но я была совершенно не готова к тому, что почувствую такое зловоние — смрад, окутавший поле сражения, которое закончилось, наверно, тысячу недель назад. Хуже любого запаха, который я помнила со времен осады Джайкура. Там и сям упоенно пировали бесчисленные вороны.

Спустя некоторое время я ощутила чье-то присутствие. Поначалу вдалеке, потом все ближе, ближе. Я испугалась, не желая встречаться лицом к лицу с ужасной богиней Нарайана. Хотела броситься наутек, но не знала, как. Мургену пришлось годами учиться тому, как убегать от Кины.

Потом до меня дошло, что никто мне не угрожает. Это присутствие не было враждебным. Оно знало, кто я такая. И забавлялось, чувствуя мой испуг.

Мурген?

Я, моя ученица. Я так и думал, что сегодня ночью ты будешь спать здесь. И оказался прав. Мне нравится, когда я бываю прав. Это — одна из немногих радостей, доступная мне теперь, когда я стал призраком.

Не думаю, что Сари поймет...

Конечно, нет. Забудь об этом. У меня мало времени. Есть кое-что, о чем тебе непременно нужно узнать, а я не смогу напрямую добраться до тебя снова, пока ты не окажешься на Сияющей равнине. Итак, слушай.

И я «услышала».

Жизнь в Таглиосе протекает нормально. Скандал вокруг княжеской библиотеки и исчезновение Главного Библиотекаря Протектор использовала для отвлечения внимания. Душелова больше волновало укрепление собственного положения, чем искоренение остатков Черного Отряда. По прошествии всех этих лет она так и не стала воспринимать нас всерьез, сколько мы ни бились. Или, может быть, была совершенно уверена, что покончит с нами в любой момент, как только всерьез озаботится этим.

Мурген считал, что это может произойти в любой момент, и поэтому советовал нам двигаться с максимальной скоростью, пока есть такая возможность.

Самые лучшие новости касались Джауля Барунданди. Он проявил полную готовность сотрудничать с нами, горя страстным желанием отомстить за жену. И уже получил свое первое задание, которое следовало выполнить, только если он был полностью уверен, что его не схватят и удастся все провернуть так, чтобы не оставить никаких следов. Оно состояло в том, чтобы проникнуть в покои Протектора и украсть, уничтожить или еще каким-то образом вывести из строя волшебные ковры, которые она в свое время похитила у Ревуна. Если она лишится их, наша позиция в значительной степени упрочится. Он также должен был вербовать союзников — не говоря им, что речь идет о помощи Черному Отряду. Издревна укоренившиеся в сознании людей пугающие предрассудки все еще были очень сильны.

Все звучало великолепно, но я пришла к выводу, что это пустяки. Людей, движимых исключительно жаждой мести, в лучшем случае можно рассматривать как орудия с брачком. Если такой человек позволит своей одержимости разьесть душу, то окажется потерян для нас, не успев сделать ничего по-настоящему важного. А ведь Барунданди был не какой-нибудь рядовой служащий Дворца и в принципе мог помогать нам очень существенно и долго. Но... Ладно, к чему каркать. Посмотрим.

Зато плохие новости оказались плохими в полной мере.

Наша основная группа, которая сплавлялась по реке, уже прошла дельту и теперь спускалась по реке Нагир, то есть существенно обгоняла нас по времени, поскольку мы еще даже не начали свое путешествие к Вратам Теней.

Позапрошлой ночью у Одноглазого случился удар, в то время, когда он вместе со своим лучшим другом Гоблином потягивал крепкое пиво.

Смерть ему не угрожала — благодаря своевременно вмешательству Гоблина. Но его разбил частичный паралич, возникли серьезные проблемы с речью, как это нередко случается после удара. Последнее было в особенности плохо, поскольку затрудняло общение Одноглазого с Гоблином, когда тому требовалось посоветоваться с ним для разрешения очередной проблемы. Одноглазый

тужился сказать или написать что-то, но не удавалось разобрать ни слова.

Ничего себе проблема, а? Она могла свести с ума заурядного Летописца, которому все время приходилось сражаться с собственной природной тупостью.

Сколько ни старайся, подготовить себя ко всему невозможно. Неизбежное, нанося удар, всегда вызывает шок.

Как будто отвечая таким образом на какую-то очень удачную шутку, вороны, которые кружили над полем, разразились мрачным, издевательским смехом.

Был еще и целый ворох менее значительных новостей. Как только Мурген исчерпал их запас, я спросила:

Можешь связаться со Слинком, если он здесь, неподалеку? И вдолбить кое-что в его тупую башку?

Может быть.

Попытайся. Скажи ему...

Моя идея позабавила Мургена. И он тут же исчез, торопясь проникнуть в сны Слинка, без сомнения, столь же необычные, как мои. Вороны разлетелись, как будто поблизости не было больше ничего для них интересного.

Я оставалась в своем ночном кошмаре, надеясь, что подобные «путешествия» не войдут у меня в привычку, как это случилось с Госпожой и Мургеном. Интересно, Госпожа и сейчас страдает тем же самым? Тогда ее нынешняя могила хуже ада.

На верхушку тощего дерева опустилась ворона, прямо на фоне того, что здесь, судя по всему, называлось солнцем. Мне не удалось толком разглядеть ее, но, похоже, она чем-то отличалась от своих товарок.

Сестра, сестра. Я всегда с тобой.

Ужас пронзил меня до глубины души, стиснув сердце железным кулаком. Я подскочила и, охваченная паникой, зашарила вокруг в поисках оружия.

По ту сторону огня сидел Дой, пристально глядя на меня.

— Ночные кошмары?

Я взрогнула от холода.

— Да.

— Это плохая сторона ночевки здесь. Но можно научиться не допускать их.

— Я знаю, что мне делать с ними. Как можно быстрее убраться из этого забытого Богом места. Завтра. Пораньше. Сразу же после того, как Обманник отдаст нам Ключ и ты подтвердишь его подлинность.

Мне показалось, что где-то в ночи еле слышно расхоталась ворона.

53

Наступила моя очередь караулить. Выяснилось, что проблемы со снами были не у меня одной. Все, за исключением Нарайана, спали нездоровым сном. Малышка Икбала хныкала, не переставая. Козы и ослы, хотя им не было позволено войти внутрь, всю долгую ночь блеяли, фыркали и издавали жалобные звуки.

Роковой Перелесок, без сомнения, Скверное Место. От этого никуда не денешься. Черное есть черное, а белое — белое.

Утро было ненамного приятнее ночи. Мы еще и позавтракать не успели, а Нарайан уже попытался ударить. Речник проявил невероятное самообладание, и Нарайан был доставлен обратно, не утратив способности ходить.

— Неужели ты и вправду хотел ударить от меня теперь? — спросила я. Вообще-то я догадывалась, что он рассчитывал на друзей, которые освободят его, но не хотелось, чтобы он заподозрил это. — Мне казалось, тебе нужна эта книга. — Он пожал плечами. — Сегодня ночью мне приснился сон. Очень скверный сон. Я оказалась там, где не хотела быть, и увидела тех, кого не хотела видеть. Но это был правдивый сон. Я проснулась с уверенностью, что никто из нас не имеет ни малейшего шанса получить желаемое, если мы нарушим условия нашего соглашения. Поэтому я говорю тебе, что играю честно — Книга Мертвых за Ключ.

Когда я упоминала о сне, Нарайан не сдержал всплеска раздражения. Вне всякого сомнения, этой ночью он рассчитывал на Божественное руководство, но, увы, не дождался его.

— Я лишь хотел поискать кое-что, оставленное в прошлый раз, когда я тут был.

— Ключ?

— Нет. Просто одна личная вещь. Безделушка.

Он уселся на корточках рядом с огнем, на котором матушка Гота и Суривайя готовили рис. Радиша, ко всеобщему изумлению, пыталась помогать. Или, точнее говоря, пыталась научиться тому, что нужно делать, чтобы она смогла помочь в другой раз. Ни одна из женщин не выказывала по отношению к ней — с учетом ее положения как княгини — какого-либо особого уважения. Гота ворчала и огрызалась на Радишу точно так же, как на любого из нас.

Пока Нарайан ел, я наблюдала за ним. Он использовал специальные палочки. Никогда не замечала их прежде. Меня одолело параноидальное желание вспомнить, прибегал ли Сингх когда-нибудь в прошлом к этим самым обычным деревянным палочкам. Дядюшка Дой, как и все нюень бао, пользовался ими. И утверждал, что они представляют собой смертоносное оружие.

Наверно, я сойду с ума, если Нарайан не исчезнет из моей жизни в самое ближайшее время.

Он улыбнулся, точно прочел мои мысли. Иногда мне кажется, что он чересчур доверяет моему слову, данному от имени Отряда.

— Покажи мне книгу, Летописец.

Я оглянулась по сторонам.

— Дой?

Этот человек тут же возник в дверном проеме храма. Интересно, что он делал там, снаружи?

— Да?

— Господин Обманник хочет взглянуть на Книгу Мертвых.

— Как скажешь.

Он спустился по усыпанным листьями наружным ступеням, пошарил в одном из мешков и достал оттуда завернутый в промасленную кожу сверток, который мы выкопали на кладбище тенеземцев. С подчеркнутым поклоном протянул ее Обманнику, сделал шаг назад и

остановился, скрестив руки. Я заметила, что он проделал все это не как всегда, а в некоей мистической манере. Бледный Жезл уже висел у него за спиной. Я вспомнила, что семья, принявшая Доя как своего, имела зуб против Нарайана Сингха и культа Душил. Обманники убили То Тана, сына брата Сари Тай Дэя. Того самого Тай Дэя, который вместе с Плененными был похоронен под равниной Сияющего Камня.

Дядюшка Дой никаких обещаний Нарайану Сингху не давал.

Хотелось бы мне знать, догадывался ли Сингх об этом. Наверно, скорее да, чем нет, хотя этот вопрос никогда не обсуждался в его присутствии.

Я также обратила внимание на то, что безо всякого плана или сигнала остальные наши подошли поближе, так что мы оказались окружены вооруженными людьми. Только Лебедь, похоже, смутно представлял в этой ситуации свою роль.

— Садись и поешь немного риса, — сказала я ему.

— Я ненавижу рис, Дрема.

— Скоро мы попадем туда, где еда будет более разнообразной. Надеюсь. У меня самой рис уже из ушей лезет.

Нарайан с благоговением развернул промасленную кожу, один за другим откладывая в сторону ее слои. Внутри обнаружилась большая, безобразная на вид книга. Она мало чем отличалась от тех томов, которые я в качестве Дораби Дей Бенерая видела каждый день. Ничто не свидетельствовало о ее особой святости, о том, что она содержала священный текст самого мрачного культа в мире.

Нарайан открыл ее. Написанное внутри напоминало каракули, беспорядочные и небрежные. Дочь Ночи начала писать ее, когда ей было четыре года. По мере того, как Нарайан переворачивал страницы, можно было заметить, что быстро училась девочка. Почерк улучшался прямо на глазах. И еще я отметила, что она использовала тот же самый шрифт, которым был написан первый том Летописей. Интересно, и язык в обоих случаях один и тот же?

Где господин Сантараксита, когда он так нужен мне?

Далеко-далеко отсюда, вместе с Сари и Одноглазым. Наверняка жалуется на отсутствие удобств и хорошей еды. Нехорошо, старик, нехорошо. У всех у нас точно такие же проблемы.

— Убедился, что она подлинная? — спросила я.

Этого Нарайан отрицать не мог.

— Ну вот, я выполнила свою часть нашей сделки. Фактически, я сделала все, чтобы способствовать ее благополучному завершению. Теперь твой ход.

— Ты в любом случае ничего не теряешь, Летописец. Я все еще плохо представляю себе, как смогу выбраться отсюда живым.

— Я не буду предпринимать ничего, что могло бы помешать тебе спокойно уйти. Если кто-то и попытается тебе отомстить, то это произойдет не здесь. — Нарайан изо всех сил пытался разгадать мои истинные намерения. Принять сказанное за чистую монету? Нет, на это он был не способен. — С другой стороны, ты никуда отсюда не уйдешь, если не отдашь Ключ. И у нас есть способы убедиться, что он не подделка. — Я взглянула на Доя.

Нарайан сделал то же самое. Потом уселся в позу молящегося и закрыл глаза.

Может быть, Кина ему и ответила. Возникло ощущение ледяного холода, неожиданно подул ветер и принес с собой могильный запах.

Содрогнувшись, Сингх открыл глаза.

— Я должен пойти в храм. Один.

— Надеюсь, здесь нет какого-нибудь черного хода?

Сингх мягко улыбнулся.

— А если бы и был, какая мне от него польза?

— На этот раз — никакой. Придется на время забыть, что ты Обманник, если хочешь выбраться отсюда.

— Да будет так. Година Черепов не наступит, если я не использую этот шанс.

— Пусть идет, — сказала я Дою, который стоял между Нарайаном и храмом.

Я заметила, что Речник и Ранмаст держали в руках бамбуковые палки — на случай, если этот

недомерок попытается сделать какую-нибудь глупость.

— Что-то долгонько он возится,— проворчал Речник.

— Но он все еще там,— успокоил нас Дой.— Ключ наверняка спрятан на совесть.

Или его там вообще нет, подумала я, но говорить не стала.

— Что он нам принесет? — спросила я Доя.— В смысле, я до сих пор не представляю себе, как выглядит Ключ. Еще одно копье? — Открыв с помощью Копья Страсти равнину, Ворчун тем самым решил участь Пленных.

— Я лишь слышал, как его описывают. Это что-то вроде молота странной формы... Он возвращается.

Появился Нарайан. Он выглядел каким-то другим — воодушевленным и испуганным одновременно. Речник сделал предупреждающий жест бамбуковой палкой, Ранмаст медленно поднял свою. Сингх знал, что такое эти шесты на самом деле. Попытайся он сейчас сбежать, у него не было бы ни малейшего шанса.

Он нес то, что выглядело как литой железный боевой молот. Старый, ржавый и мерзкий на вид, с треснувшим и обколотым бойком. Нарайан нес его с таким видом, как будто он был тяжелее, чем казался.

— Дой? — спросила я.— Что скажешь?

— По описанию похоже, Летописец. За исключением того, что боек треснул.

— Я уронил его,— сказал Сингх.— Он треснул, ударившись о пол храма.

— Постарайся прочувствовать его, Дой. Ты наверняка сможешь сказать, есть ли в нем сила.

Сингх отдал Доя молот, и тот выполнил мою просьбу. Похоже, вес молота показался старику ноев бао устрашающим.

— Похоже, это он, Летописец.

— Забирай свою книгу и проваливай, Обманник. Пока у меня не возникло искушение забыть о своих обещаниях.

Нарайан схватил книгу, но с места не двинулся. Он замер, в ужасе глядя на Суривайю и ее дочку.

Суривайе нужно было что-то подсунуть под подбородок малышки, чтобы та не пускала слюни на одежду. И ей пришло в голову, что красный шелковый шарф прекрасно годится для этого.

Идиоты! Боже мой, какие идиоты!

54

Пока мы собирались в дорогу, один из сыновей Икбала — старший мальчик — заметил особенно глубокую трещину в бойке молота. Остальные были слишком заняты, поздравляя друг друга и обсуждая, чем будет заниматься Отряд после того, как мы уведем Пленных подалее от равнины. Мальчик обратился к отцу. Икбал позвал Ранмаста и меня.

Вот что значит юность! Мы, старики, не сразу разглядели то, что заметил мальчик.

— Похоже, внутри золото.

— Это объяснило бы его вес. Дой, иди сюда. Ты никогда не слышал о том, что этот молот внутри сделан из золота?

Икбал начал ковырять в трещине ножом, оттуда выпал кусочек железа.

— Нет, — ответил Дой. — Не повреди его еще больше.

— Успокойся. Ключ цел. Дой, изучи его как следует. Очень тщательно. Потратить столько лет, пройти через такое дерьмо! Не хочу, чтобы все пошло прахом. Что? — Я заметила, что все потянулись к оружию.

— Взгляни, кто здесь, — сказал Лебедь. — Откуда взялись эти парни?

Появились Слинк и его команда. Мы со Слинком обменялись взглядами. Он пожал плечами.

— Ускользнул.

— Ничего удивительного. Мы тут «прокололись». Он знал, что кто-то из ваших поблизости. — Красный шарф теперь украшал плечи Суривайи. — Пора в путь. Нужно пересечь мост у Годжи до того, как Протектор начнет разыскивать нас. — Я с самого начала твердила о том, что

стоит нам пересечь этот мост, и мы получим реальный шанс скрыться. Потом я сказала Слинку: — твои парни хорошо поработали в Семхи.

— Могли бы и лучше. Если бы я вовремя сообразил подождать до тех пор, пока они начнут рубить Дерево Бходи. Тогда мы были бы героями, а не просто бандитами, как сейчас.

Я пожала плечами.

— В следующий раз. Лебедь, объясни этой козе, что мы съедем ее, если не станет слушаться.

— Обещаешь?

— Обещаю, что, так или иначе, будет настоящая еда, когда мы доберемся до Джайкура.

55

Однако мост у Годжи мы пересекли на редкость легко и просто.

У всех нервы были напряжены до предела, когда мы добрались до этого очередного «бутылочного горлышка». Я послала Слинку вперед на разведку и чисто эмоционально не поверила ни единому его слову. Он доложил, что для пересечения моста требовалось одно — уплатить пошлину размером в два медных пэйса; в остальном путешественниками никто не интересовался. Эти жалобы расположились у старого брода вниз по течению от моста. В сезон дождей брод был непроходим. Народу шло много. Солдаты, приставленные наблюдать за мостом, шатались без дела и играли в карты. Иными словами, были слишком заняты, чтобы беспокоить путников.

Что-то внутри меня определенно ожидало худшего.

Годжа превратилась в маленький городок, обслуживающий тех, кто путешествовал по Каменной Дороге — едва ли не последнему дару Черного Отряда. Готовясь к вторжению в Страну Теней, Капитан замостил булыжником всю дорогу от Таглиоса до Джайкура. Работали здесь пленники, захваченные во время войны. Уже в более поздние времена Могаба продолжил дорогу в юго-западном направлении, через территории вассальных государств;

соединив таким образом города и земли, оказавшиеся под протекторатом Таглиоса.

Как только мы оказались в безопасности на другом берегу Майна, я собрала всех, чтобы обсудить, что делать дальше.

— Нельзя ли как-нибудь состряпать поддельный указ, предписывающий здешнему гарнизону арестовать Нарайана, если тот попытается пересечь мост?

— Ты слишком оптимистически настроена, — заявил Дой. — Если он отправился на юг, он уже обогнал нас.

— Не говоря уж о том, что, если он окажется в руках Протектора, она сможет вытянуть из него все, что ему известно о вас, — добавил Лебедь.

— Сразу чувствуется, что говорит специалист.

— Я не по доброй воле этими делами занимался.

— Ладно. Она сможет, да. Он знает, куда мы направляемся. И зачем. И что у нас есть Ключ. Но что ему известно о той нашей группе, которая везет с собой Дочь Ночи? Если ему удастся проскочить незамеченным, он может попытаться перехватить их, чтобы освободить девчонку.

Никто не нашелся, что возразить.

— И я вполне допускаю, что мы могли случайно сболтнуть что-нибудь лишнее об этой группе.

Сари никаких обещаний Нарайану не давала. Может, ей удастся схватить его и отобрать незаконченную первую Книгу Мертвых.

— Эта ворона так и летит за нами, — заметил Лебедь.

На южном берегу над мостом и бродом возвышалось небольшое, но очень высокое укрепление. Птица сидела наверху, наблюдая за нами. Не двинулась с места с тех самых пор, как мы пересекли реку. Может быть, просто хотела отдохнуть. Почему нет?

— У нас еще остался один бамбуковый шест с шарами, предназначенными для ворон, — заявил Речник.

— Оставьте ее в покое. Непохоже, что она хочет навредить нам. До сих пор, во всяком случае, этого не было. — Более того, я несколько раз имела возможность убедиться, что она пытается вступить в общение

с нами. — Если что-то изменится, тогда мы с ней и разберемся.

В Годже мы не слышали ничего, кроме традиционных жалоб на вышестоящих. Слухи о событиях в Таглиосе казались настолько преувеличенными, что никто не поверил и десятой доли услышанного. Позже, когда мы добрались до Джайкура и на некоторое время задержались там, чтобы отдохнуть, характер слухов начал меняться. Теперь они несли в себе намек на то, что гигантский паук, сидящий в сердце своей паутины, зашевелился. И хотя было ясно, что конкретные новости станут известны еще не скоро, общее мнение сводилось к тому, что надо как можно быстрее продолжить путь и по дороге тоже не тратить времени зря.

Был замечен какой-то человек, расспрашивающий о Нарайане. Ранмасту удалось выяснить, что это был его сын Сугрива, тот самый, который сменил свое имя.

— У Нарайана есть хоть какие-то слабости? Может, стоит убить Сугриву, пока мы здесь?

— Он не сделал нам ничего плохого.

— Зато его отец сделал. Напомним ему таким образом о себе.

— А зачем напоминать ему о себе? Если Нарайан настолько туп, что воображает, будто мы с ним теперь чуть ли не друзья, пусть его. Представляю, какое выражение появится на его лице, когда он снова окажется у нас в руках.

Нарайана было бы нетрудно заметить в Джайкуре, потому что город все еще очень походил на военный лагерь. Без сомнения, люди вспомнят и нас, если их будут расспрашивать в ближайшее время.

Я несколько раз отправлялась бродить по городу, разыскивая места, связанные с моим детством. Но ничего из того, что я помнила, не осталось. Ни людей, ни мест, ни плохого, ни хорошего. Прошлое было живо лишь в моей памяти. Жаль, что там оно никак не хотело умирать.

В своей практической деятельности Отряд руководствуется правилами, мало чем отличающимися от тех, которых придерживаются чародеи или фокусники. Мы предпочитаем, чтобы наши зрители не видели ничего, за исключением того, что нам нужно. Но даже то, что они видят, на деле совсем не то, чем кажется. Отсюда козы и ослы. И, уже к югу от Джайкура, изменение внешнего облика каждого из нас. И не только каждого человека, но и всей группы в целом. Мы разбились как бы на две «семьи» плюс отряд незадачливых охотников с юга, которым в Таглиосе крупно не повезло. Теперь они, огорченные поражением, плелись домой. Подобные типы постоянно крутились поблизости, приглядываясь к проходящим. У них не задержалось бы напасть на тех, кто, по их мнению, не мог оказать достойного сопротивления. Дороги вообще не патрулировались. Протектора не волновало, безопасно по ним передвигаться или нет.

Передовой отряд состоял из Доя и Лебеда, Готы и меня. На первый взгляд, мы выглядели достаточно беззащитно, но на самом деле мои спутники, хоть и были в преклонных годах, стояли четырех или пяти простых смертных. У нас произошла только одна стычка, которая закончилась спустя несколько секунд. Цепочка кровавых следов уходила в кустарник — Дой предпочитал никого не убивать.

Местность выглядела более гостеприимной и все время слегка повышалась. Прозрачный воздух позволял видеть на далекое расстояние, и впереди замаячили пики Данда Преш, хотя до них было еще идти и идти. Мощеная дорога закончилась заброшенным рабочим лагерем.

— Должно быть, пленников не осталось, — заметил Лебедь.

Лагерь был разграблен — все, что можно, из него унесли.

— Тут покоятся останки многих врагов Душелова; с ее точки зрения, это был ценный вклад в дорогу. У нее под рукой всегда имелись люди, которые ей не нрави-

лись. Она считает это достаточным основанием, чтобы поручить им разрабатывать проект.

Именно так она поступила с западной дорогой, по которой должна была добираться до места остальная часть Отряда. Ее собирались замостить на всем протяжении до Чарандапраша. Стройка все тянулась и тянулась, пока несколько лет назад Протектору все это не надоело. Она пришла к выводу, что, хотя Кыялунская война закончилась, это не повод для того, чтобы облегчать жизнь Великого Генерала и его людей. И потребовала от Радиши прекратить тратить деньги.

Хотелось бы мне знать, чего Радиша ждет от будущего. Она наверняка совершенно искренне верила, что к моменту похищения была в стране главной. И вот она оказалась здесь, среди своих верных подданных, которые на многое открыли ей глаза.

Мы добрались до озера Танжи, которое мне очень нравится. Огромное пространство застывшей красоты цвета индиго. Когда я была намного моложе, тут у нас произошло едва ли не самое смертоносное сражение с созданиями, которым Хозяева Теней обязаны своим названием. Прошло более десяти лет, но все еще заметно выделялись места, где плавилась скалы. А в узких ущельях, которые, точно шрамы, прорезали склоны холмов, можно было обнаружить человеческие кости.

— Это место навевает мрачные воспоминания, — заметил Дой.

Он тоже участвовал в том сражении. Так же, как и матушка Гота, которая, видимо под влиянием этих воспоминаний, даже прекратила свои жалобы. И надолго.

В те дни ей и вправду пришлось многое пережить.

Над нашими головами пронеслась белая ворона. Опустилась на склон впереди и скрылась среди мохнатых ветвей высокой горной сосны. Теперь мы почти каждый день видели эту птицу. Без сомнения, она следовала за нами. Лебедь клялся, что она пыталась заговорить с ним, когда он забрался в кусты, чтобы облегчиться.

Я спросила его, чего она хотела, и он ответил:

— Ну, я постарался поскорее убраться оттуда, Дрема. У меня проблем и без того хватает. Не хочу прослыть человеком, который болтает с птицами.

— Может, она собиралась сказать что-то важное.

— Без сомнения. И если у нее в самом деле есть желание сообщить кому-то скверную новость, пусть поговорит с тобой.

Сейчас Лебедь посмотрел на склон и сказал:

— Она прячется от чего-то.

— Но не от нас. — Земля на склоне холма выглядела совершенно нехоженой. Внизу извивалась тропа, которая тянулась дальше вдоль берега, но людей и там не было видно. Теперь этот путь был почти заброшен. — Я могла бы провести остаток своих дней в уединении на берегу этого озера, — сказала я Лебедю.

— Не самое лучшее место, разве что у тебя не будет выбора.

В чем-то он был прав. Эта местность выглядела гораздо более заброшенной, чем двадцать лет назад. Тогда вокруг озера было разбросано много дереvушек.

— Взгляни туда, — сказал Лебедь, оглянувшись.

— Что? — Я присмотрелась, но увидела не сразу. — Ох! Птица?

— Не просто птица. Ворона. Причем вполне определенного типа.

— У тебя глаза лучше моих. Не смотри в ту сторону. Если не обращать на нее внимания, может, и она нас не заметит. — Сердце у меня, однако, заколотилось чаще.

Может, это обыкновенная дикая ворона, ничего общего не имеющая с Душеловом. Вороны непривередливы в том, что касается еды.

А может, Протектор, наконец, начала разыскивать нас за пределами Таглиоса.

Белая ворона куда-то подевалась, черная, наоборот, взлетела, причем явно что-то искала. Что бы это значило?

Поделаться с ней мы, однако, ничего не могли. Хотя в глазах дядюшки Доя всякий раз, когда он видел черную ворону, появлялось оценивающее выражение.

Спустя некоторое время интерес у нее пропал и она улетела. Я сказала остальным:

— Не обращайтесь внимания. Вороны, конечно, птицы шустрые, но тупые. Каждая в отдельности много «на хвосте» не унесет, сколько бы Душелов их ни инструктировала. К тому же, может, они и не имеют к ней отношения.

И все-таки сейчас дикие вороны попадались гораздо реже, чем прежде. А те, которые уцелели, казалось, все находились под контролем Душелова. Очень может быть, что именно ее вмешательство и приводило к тому, что их осталось так мало.

Если эта ворона на самом деле была разведчицей Душелова, пройдут дни, прежде чем она сможет что-нибудь ей сообщить.

— Если она что-то заподозрила, вскоре здесь могут появиться и Тени, — заметил Дой.

Это, конечно, был самое лучшее средство Душелова выследить нас. Тени перемещались быстрее ворон, были способны понять более сложные инструкции и могли принести гораздо больше информации. Но вот вопрос — могли ли Душелов контролировать их на таком расстоянии? Препятствия Хозяева Теней имели большие трудности с тем, чтобы управлять своими «любимцами» при значительном удалении.

Мы двинулись берегом озера Танжи. Все использовали возможность выкупаться в ледяной воде. Зброшенная дорога вывела нас на равнину Чарандапраш, где Черный Отряд одержал одну из своих самых выдающихся побед, а Великий Генерал потерпел одно из своих самых позорных поражений — хотя и не по своей вине. История капризна, и имя его трусливого хозяина — Длиннотени — в связи с этим событием в ней не упоминается. Обломки того сражения все еще были разбросаны по склонам. У перевала через Данда Преш стоял небольшой гарнизон, который, казалось, ничуть не интересовался ни наведением порядка, ни тем, кто и куда направляется. Никому до нас не было никакого дела. Никто не задал ни одного вопроса. Нам сказали, какую пошлину

нужно уплатить, и предупредили, что осел может поскользнуться, потому что скалы все еще покрыты льдом. Еще мы узнали, что в последнее время через перевал что-то зачастили люди, хотя обычно это случалось крайне редко. Из чего мне стало ясно, что никаких непреодолимых трудностей на пути группы Сари не возникло и что они, как и следовало, опережают нас, несмотря на всех своих стариков и спутников поневоле.

В горах было гораздо холоднее и меньше растительности, чем в предгорьях, которые мы только что пересекли. Хотелось бы мне знать, какое впечатление все это производило на Радишу, — я имею в виду, что она думала по поводу империи, завоеванной для нее главным образом Отрядом. Без сомнения, сейчас у нее на многое открылись глаза.

Она остро нуждалась в том, чтобы они открылись. Большую часть своей жизни она, точно в клетке, провела во Дворце.

Белая ворона возвращалась снова и снова раз в несколько дней, а ее черные товарки куда-то пропали. Может быть, Протектор отослала их в другое место.

Хотелось бы мне владеть способностью Мургена покидать свое тело. С тех пор, как мы ушли из Рокового Перелеска, мне ни разу не приснился сон, который позволил бы узнать новости. Очень огорчительно, в особенности, после того, как обнаружишь такой легкий способ доступа к секретам, невзирая на расстояние.

По ночам в горах было по-настоящему холодно. Я призналась Лебедю, что временами у меня возникает искушение принять его предложение, сбежать отсюда куда-нибудь подальше и завести пивоваренный завод и скромное хозяйство. Когда дрожишь от холода, начинает казаться, что несколько мелких грешков не имеют значения.

Точно установить временную последовательность происходившего в Таглиосе представляется маловероятным, потому что за последние пятнадцать дней наши взаимо-

отношения с главным осведомителем, Мургенем, носили случайный характер. Но даже его обрывочные описания событий в городе, последовавших за нашим исчезновением, чрезвычайно интересны.

Вначале Протектор не заподозрила ничего. Мы оставили в городе «пузыри», взрывающиеся с появлением дымовых картинок, распустили всевозможные слухи, но постепенно все это пошло на убыль, и таглианцы начали кое-что понимать. Одновременно в народе возникло подозрение, что Протектор разделалась с правящей княгиней. К этому времени людей уже стало труднее обмануть.

Появление Великого Генерала и его армии обеспечило сохранение мира. Кроме того, оно развязало Протектору руки. Теперь, когда ей не нужно было тратить время на запугивание друзей с целью обеспечить их поддержку, она могла начать охотиться на врагов. По прошествии всего нескольких дней она обнаружила товарный склад нюень бао в районе порта. В данный момент он был пуст, если не считать клеток, в которых томились похищенные члены Тайного Совета. Никто из них, конечно, не мог в дальнейшем исполнять свои обязанности. Повсюду были понаставлены ловушки, для обезвреживания которых пришлось привлечь немало народу, но ни одна из них не оказалась настолько хитроумной, чтобы причинить вред самой Душелову. Однако некоторые Серые оказались не столь удачливы. Наследие, оставленное Отрядом, пожидало свою смертельную жатву. Увидев изувеченные тела, Протектор отнеслась к этому зрелищу с характерным для нее бессердечием.

— Тем, кто хлопает ушами, туда и дорога, — заявила она Могабе.

Судя по всему, Великий Генерал был с ней полностью согласен.

Опрос соседей, проводившийся весьма энергично, ничего существенного не дал. Купцы нюень бао вообще старательно поддерживают завесу таинственности вокруг себя и своей деятельности. Стремясь обеспечить себе большую анонимность, они даже прибегают к колдовству. Удалось обнаружить лишь обрывки нашей паутины заклинаний.

— Я носом чую этих двух колдунов,— бормотала Душелов.— А ты ведь клялся, что они мертвы, Великий Генерал. Как же так?

— Я собственными глазами видел их мертвыми.

— Лучше не раздражай меня. Тогда, может, и доживешь до того дня, когда и в самом деле увидишь их мертвыми.— Все это было произнесено голосом избалованного ребенка.

Великий Генерал не стал отвечать. Если Душелову и удалось напугать его, он не подал вида. И не выказал ни малейшего недовольства. Он просто ждал, не без оснований уверенный в том, что слишком ценен для нее и поэтому ему не грозит стать жертвой злобного каприза. Не исключено, что в самой глубине души он считал себя даже ценнее Протектора.

— Они не оставили ни малейшего следа,— пробормотала Душелов позднее, ровным голосом, который мог бы принадлежать ученому.— Они ушли. И все же ощущение их присутствия сохраняется, такое отчетливое, как если бы здесь все стены были залиты кровью.

— Иллюзия,— сказал Могаба.— Не сомневаюсь, что в Анналах Черного Отряда можно отыскать сотню примеров, когда они создавали у врагов иллюзию, что движутся в одном направлении, в то время как сами уходили в другом. Или внушали, что их гораздо больше, чем на самом деле.

— Не меньше примеров можно было бы найти и в моих дневниках. Если бы мне вздумалось хранить их. Я не делаю этого, потому что любые записи — лишь вмес- тилище лжи, которую автор хочет подсунуть читателю.— Теперь это был голос, который ученому принадлежать не мог. Голос человека, на собственном горьком опыте убедившегося в том, что образование — лишь способ научить людей обманывать.— Их больше здесь нет, но они могли оставить шпионов.

— Конечно, они так и сделали. Это входит в доктрину. Но понадобится чертова уйма времени, чтобы обнаружить их.

Пока Протектор и ее доблестный защитник беседовали, Джауль Барунданди и два его помощника накрывали на стол. Никто не замечал их присутствия. Слуги для Душелова были чем-то вроде мебели, а на «мебель», при всей своей параноидальности, Душелов внимания не обращала. Сразу же после исчезновения Радиши всех служащих Дворца допросили, но сообщников преступников среди них не обнаружили.

Протектор, конечно, знала, что персонал любил ее меньше, чем Радишу. Но ее это мало волновало. Ни один простой смертный не мог разрушить ее личную защиту. Сейчас равных ей в мире не было. Абсолютная порочность и сохранявшаяся столь долго неуязвимость поставили ее в положение, в котором она чувствовала себя королевой мира, не меньше. Если ее вообще волновал этот вопрос.

В один прекрасный день ей придется задуматься об этом.

Посреди трапезы Душелов внезапно замерла с открытым ртом.

— Найди мне нюень бао, — приказала она Могабе. — Любого нюень бао. Немедленно. Отправляйся сейчас же.

Худошавое черное лицо не выразило никаких эмоций.

— Их штаб-квартира находилась на товарном складе нюень бао. Нюень бао были связаны с Отрядом со времен сражения в Дежагоре. Последний Летописец женился на одной из нюень бао. И имел от нее ребенка. Возможно, эта связь глубже, чем просто историческая случайность. — На самом деле, конечно, ей было известно о нюень бао гораздо больше.

Могаба слегка наклонил верхнюю часть тела, изобразив что-то вроде поклона. Имея дело с Душеловом, он, по большей части, чувствовал себя совершенно спокойно. Как правило, он одобрял все ее замыслы. Вот и сейчас, он тут же отправился на поиски того, кто мог бы отловить для него парочку этих болотных обезьян.

Слуги суетились вокруг Протектора, оказывая ей все возможное внимание. Она праздно отметила про себя,

что эти трое, как правило, оказывались среди тех, кто из всех сил старался облегчить ей жизнь всякий раз, когда ей случалось посещать Дворец. Кто-нибудь из них обязательно сопровождал ее во время исследовательских скитаний по лабиринту заброшенных коридоров, занимавших большую часть Дворца — просто на тот случай, если ей что-нибудь вдруг понадобится. А в самое последнее время они даже сумели вдохнуть жизнь в ее личные апартаменты, долгое время остававшиеся такими же холодными, голыми и пыльными, как нежилые части Дворца.

Такова их природа. Это заложено в них от рождения. Они должны кому-то служить. После исчезновения Радиши, стремясь удовлетворить эту свою потребность в хозяйине, они обратили свои взоры на нее.

Мобаба, как всегда, провозился дольше, чем ей хотелось. Когда этот человек, наконец, соизволил вернуться, она спросила его обиженным голосом избалованного ребенка:

— Где ты пропадал? Почему так долго не появлялся?

— Я имел возможность убедиться, как это нелегко — поймать ветер. Во всем городе нет ни одного нюень бао. В последний раз их видели здесь позапрошлым утром. Они поднимались на борт баржи, которая позже спустилась по реке в сторону болот. Очевидно, эти болотные люди покинули город непосредственно перед тем, как исчезла Радиша, а вы повредили пятку.

Душелов издавала что-то вроде рычания. Она не любила, когда ей напоминали об этом позорном случае. Достаточно того, что сама пятка напоминала о нем.

— Нюень бао — упрямый народ.

— Это всем известно, — согласился Мобаба.

— Прежде я дважды посещала их. И каждый раз они вели себя так, точно до них в полной мере не доходит, о чем я говорю. Полагаю, придется прочесть им еще одну проповедь. И устроить облаву на всех, кто прибыл на болота в последнее время.

Ясное дело — те из Отряда, кто уцелел, затаились на болотах. Этот вывод просто сам напрашивался. Нюень бао и прежде принимали беглецов. Сейчас многое гово-

рило в пользу того, что дело обстоит именно так. Большая часть Отряда на баржах спустилась вниз по реке, а оттуда было рукой подать до реки Нагир — главной судоходной магистрали, ведущей на юг.

Душелов «загорелась» этой идеей. И вылетела из комнаты с увлеченностью и энтузиазмом подростка. Могаба уселся, разглядывая остатки своей еды, которые еще не убрали. Один из слуг подобострастно сказал:

— Мы подумали, что, может быть, вы пожелаете продолжить, сир. Если нет, мы немедленно все уберем.

Могаба поднял взгляд на угодливое лицо человека, который, едва появившись на свет, уже горел страстным желанием служить. И все же, как ни странно, у него возникло мгновенное и быстро погасшее ощущение, что этот человек прикидывал, куда бы лучше нанести удар кинжалом.

— Убери это. Я не голоден.

— Как пожелаете, сир. Гириш, унеси остатки к выходу, где мы раздаем милостыню. Не забудь сделать так, чтобы нищие поняли — Протектор думает о них.

Могаба наблюдал за слугами, когда они выходили. И ломал голову над тем, откуда возникло ощущение, что этот человек лицемерит. Что-то такое было в его поступках... Хотя, с другой стороны, он не сделал ничего, выходящего за рамки поведения преданного слуги.

Душелов направилась прямо в свои покои. Чем больше она думала о нюень бао, тем сильнее разъярялась. Как можно проучить этих людей? И надо сделать это еще до того, как солнце взойдет. Ночь террора, учиненного Тенями, вынудит их повнимательнее отнестись к ее словам.

Душелов понимала себя лучше, чем казалось тем, кто наблюдал за ней со стороны. И ее занимал вопрос, с какой стати она так разбушевалась, выйдя за рамки своего обычного своенравия и раздражительности. Она рыгнула и стукнула себя кулаком по груди, чтобы рыгнуть снова. Может, еда была слишком острой? Ну вот, начинается изжога. И немного кружится голова.

Она вскарабкалась на балюстраду, где у нее хранились два оставшихся в мире летающих ковра. Ничего,

эти болотные обезьяны заплатят ей и за изжогу тоже. Обед был выдержан в этническом духе нюень бао — крупные, безобразные с виду грибы, еще более мерзкие утри, множество неизвестных овощей в обжигающе остром соусе и, конечно, неизменный рис. Любимое блюдо Радиши, которое, в связи с этим, готовили довольно часто. Протектора меню не волновало, поэтому на кухне все осталось по-прежнему.

Душелов снова рыгнула. Изжога все усиливалась, выжигая ей внутренности.

Она вспрыгнула на ковер большего размера. Он закрипел под ее тяжестью. Протектор приказала ему лететь вниз по течению реки.

Быстро.

Она пролетела уже несколько миль, поднявшись на высоту около четырехсот футов над землей и обгоняя быстро мчавшихся голубей, когда испорченные детали каркаса, на котором держался ковер, начали потрескивать. Как только первая из них сломалась, давление на остальные стало слишком велико. В течение нескольких секунд ковер распался на составные части.

Ослепительно полыхнуло — так ярко, что вспышку заметила половина города. Последнее, что увидела Душелов, летя по дуге к поверхности реки, было окружающее ее кольцо огромных букв, складывающихся в слова: «Воды спят».

Незадолго перед тем, как за окном полыхнуло, удивленный Могаба обнаружил на своей спартанской койке сложенное и запечатанное письмо. Рыгая и радуясь тому, что съел не так уж много этой еды под острым соусом, он сломал воск и прочел: «Мой брат не отмщен». Потом его внимание привлекла та самая вспышка за окном. Он прочел и лозунг, возникший в небе. На протяжении нескольких последних лет Могаба прикладывал титанические усилия, чтобы научиться читать. И ради чего — ради вот этого?

Что теперь? Неужели Протектор погибла? Или просто хочет, чтобы все так думали, а сама спрячется где-то?

Он рыгнул снова, опустилсЯ на койку и почувствовал, что ему нехорошо — ощущение совершенно новое и непривычное. Могаба никогда не болел.

58

На военно-пропускном пункте, к которому мы вышли по ту сторону перевала, с нами беседовал болтливый юнец из местных, явно с претензиями. Возраст мешал ему вести себя напыщенно и официально, хотя старался он изо всех сил. На самом деле его гораздо больше интересовали новости издалека, чем контрабанда или люди, объявленные в розыске.

— Что там творится на севере? — спросил он. — Совсем недавно тут прошло много беженцев. — Он небрежно осмотрел наши скудные пожитки, но не стал рыться в них.

Гота и Дой затараторили друг с другом на нюень бао, сделав вид, что не понимают таглианского произношения молодого человека. Я пожала плечами и ответила по-джайкурийски. Этот диалект достаточно близок к таглианскому, чтобы два человека понимали большую часть того, что говорят, но юноша явно почувствовал себя разочарованным. У меня не было ни малейшего желания торчать тут; болтая с каким-то чиновником.

— Ничего не знаю о других. Нам просто не повезло — одни страдания, вот что мы там имели. Услышали, что на юге есть какие-то возможности, покинули Землю Печали Нашей и отправились в путь.

Я понадеялась, что офицер решит, будто я имела в виду конкретную страну, и не догадается, что эти слова — Земля Печали Нашей — в Ведне означают место, куда люди попадают после смерти, прежде чем предстать перед Богом.

— Говоришь, уже многие прошли тут до нас? — спросила я, постаравшись, чтобы мой голос звучал обеспокоенно.

— Совсем недавно, да. Поэтому я и испугался — а вдруг что-то надвигается?

Он волновался за стабильность империи, с которой связал свою судьбу. Я не смогла удержаться от небольшой выходки.

— Ходили слухи, что в Таглиосе снова появился Черный Отряд и объявил войну Протектору. Но об этом Черном Отряде всегда рассказывают Бог знает что. На самом деле, это так, болтовня одна. А если даже и правда, нам-то какое дело?

Молодой человек совсем приуныл. И пропустил нас, утратив к разговору всякий интерес. Мне до него, в общем-то, тоже не было никакого дела, но хочу заметить, что он оказался единственным чиновником из тех, с кем мы сталкивались, который более-менее серьезно относился к своим обязанностям. Но и он делал это лишь в надежде преуспеть.

Мне так и не пришлось никому излагать сложную легенду, которую я разработала для нашей компании. Согласно ей, Лебедь был моим вторым мужем, Гота — матерью моего покойного первого супруга, а Дой — ее двоюродным братом; и всем нам пришлось пережить войну. Эта история могла сработать в любой местности, где долгое время шли бои. Там такие ушербные семьи были явлением распространенным.

— Подумать только! — пожаловалась я. — Всю дорогу я придумывала для нас легенду, но мне так и не пришлось прибегнуть к ней. Ни разу. Всем плевать на свои обязанности.

Дой улыбнулся, подмигнул мне и исчез. Отправился откапывать оружие, которое мы спрятали перед контрольно-пропускным пунктом.

— Да, с этим надо что-то делать, — заявил Лебедь. — В следующий раз, когда мы повстречаемся с очередным бездельничающим княжеским офицером, я прямо подойду к нему и вправлю ему мозги. Мы все платим налоги. И вправе ожидать от наших чиновников большего усердия.

Гота внезапно проснулась и обозвала Лебеда идиотом из идиотов. Лучше заткнись, заявила она ему, а то даже сам Бог Всех Дураков отречется от тебя. После чего закрыла глаза и снова захрапела. Гота начала беспокоить

меня. Жизнь в ней, казалось, убывала с каждым днем. Дой полагал, будто она вбила себе в голову, что ей больше незачем жить.

Может быть, Сари смогла бы снова пробудить в ней волю к жизни. К примеру, напомнить, что наша цель — освобождение не только Пленных братьев, но и Тай Дзя.

Кстати, я и сама начала с беспокойством задумываться о последствиях наших действий. Все эти годы я была занята делом, я готовилась. И вот теперь, впервые, мне пришлось в голову — а что реально это будет означать, если мы добьемся успеха? Те, кто похоронен под землей, никогда не были образцом здравомыслия и праведности. Почти два десятилетия они квасились в собственном соку в этих ледяных пещерах. И теперь вряд ли пылали братской любовью ко всем остальным, живущим в этом мире.

И потом существовал страж-демон Шиветай и, пусть даже неизвестно где, другое, заколдованное, скованное сном создание, которому поклонялись Нарайан Сингх и Дочь Ночи. Не говоря уж о тайнах и опасностях самой равнины. И множестве других, о которых мы просто пока еще не знали.

Только Лебедь имел какое-то представление об этом, но от него толку было мало. Точно так же, как от Мургена на протяжении всех этих лет, хотя его опыт трагически отличался от пережитого Лебедем. Мурген испытал на себе, что такое Сияющая равнина, сразу в двух мирах. Лебедь же более отчетливо представлял ее с точки зрения нашего мира. И все, связанное с ней, врезалось ему в память. Даже спустя столько лет он мог описать все бросающиеся в глаза объекты местности в мельчайших деталях.

— Как получилось, что ты никогда не рассказывал об этом прежде?

— Не потому, что я скрывал, Дрема. Просто в этом мире мало что делается по доброй воле. И если бы я признался, что мне кое-что известно об этом месте, следующее, что мне стало бы известно, это то, что старый добрый Лебедь должен вернуться туда в качестве

проводника банды непрошенных гостей. Которые, можно не сомневаться, расшевелият все это дерьмо и разозлят духов, обитающих там. Ну что, я не прав? Прав или нет?

— Ты не так туп, как хочешь казаться. Я думала, ты не видел никаких духов.

— Не в том смысле, в каком, по утверждению Мургена, он их видел, но это не означает, что я не чувствую, когда они крадутся поблизости. Подожди, ты тоже поймешь это. Попробуй-ка уснуть ночью, когда знаешь, что голодные Тени шатаются всего в нескольких футах от тебя. Это все равно что находиться в зоопарке, где все хищники мира отделены от тебя только решеткой. Решеткой, которую ты не можешь ни видеть, ни даже почувствовать, и, следовательно, не имеешь возможности убедиться, насколько она надежна. Ладно, хватит, от всей этой болтовни у меня только нервы разыгрываются, Дрема.

— Может, мы туда и не доберемся, Лебедь — если Ключ окажется фальшивым или не сработает еще по какой-то причине. Тогда нам не останется ничего, кроме как и впрямь наладить твой пивоваренный заводик и притвориться, будто мы никогда не слышали о существовании Протектора, Радиши и Черного Отряда.

— Успокойся, душа моя. Тебе чертовски хорошо известно, что Ключ — подлинный. Лозан Лебедь влип, спасибо твоему богу, моим богам и черт знает чьим еще богам. И что бы ни случилось, уж они постараются, чтобы это был наихудший вариант из всех возможных и чтобы я принимал в нем участие. Мне следовало бы сбежать от тебя сейчас. Мне следовало бы сдать тебя ближайшему княжескому патрулю. Да вот только в результате Душелов узнает, что я еще жив. И дело примет дурной оборот, когда она спросит, почему я не сдал тебя тремя, четырьмя месяцами раньше.

— Не говорю уж о том, что ты с большой степенью вероятности станешь покойником задолго до того, как доберешься до чиновника, который возьмет на себя труд выслушать тебя.

— И это тоже.

Вернулся Дой с оружием. Мы разобрали его и пошли дальше. Лебедь продолжал красноречиво высказываться на тему о том, что он не иначе как первенец богини по имени Невезуха.

Может, считал, что, драматизируя свои беды, он таким образом заклинает их?

Пройдя по дороге примерно полмили, мы наткнулись на небольшой сельский рынок. Несколько стариков и юнцов, которые в силу своего возраста не могли много вкалывать на ферме, болтались тут в ожидании, что им удастся заработать на путешественниках, потрясенных трудностями и нищетой жизни в горах. Самым ходким товаром у них была свежая еда, но едва ли не с большим удовольствием они «торговали» всевозможными слухами, предварительно вытянув из покупателя то, что ему было известно. Происходящее по ту сторону Данда Прэш в особенности сильно интересовало их.

Я спросила девушку, которая выглядела так, точно была младшей сестрой таможенного офицера, с которым мы недавно расстались:

— Ты не запомнила никого из людей, которые проходили тут недавно? Среди них должен был спуститься мой отец, чтобы подыскать место, где устроиться. — Я в деталях описала ей, как выглядит Нарайан Сингх.

Девочка производила легкомысленное впечатление — то, что называется «без царя в голове». Она, по-моему, затруднилась бы даже вспомнить, что ела сегодня на завтрак. И, уж тем более, не помнила Нарайана, но отправилась за кем-то, кто мог бы вспомнить.

— Ах, где она была, когда я был достаточно молод, чтобы жениться? — проворчал Лебедь. — Вот подрастет и станет очень хорошенькой. А поскольку с мозгами у нее туго, никаких сложностей можно не опасаться.

— Купи ее. Води с собой. Воспитавай, как тебе хочется.

— Увы, я уже не настолько хорош, как раньше.

А кто из нас сейчас так же хорош, как раньше, подумала я? Даже о Сари этого не скажешь.

Я ждала. Лебедь продолжал что-то бубнить. Дой и Гота слонялись вокруг, дядюшка обменивался сплетнями с местными, матушка приглядывалась к тому, что было выставлено на продажу. В итоге она купила костлявого цыпленка. Одна позитивная черта у нашей команды, без сомнения, имелась — никаких сложностей с едой, поскольку среди нас не было ни Гунни, ни Шадар. Только вот Гота упорно продолжала заниматься готовкой... Может, мне стоит убить цыпленка, пока она будет спать, и зажарить его, прежде чем она проснется?

Вернулась девочка и привела с собой очень древнего старика. От него тоже не было никакого толка. Чувствовалось, что ему очень хотелось угодить мне, но... Но поручиться за то, что Нарайан перед нами не прошел через перевал, он не мог.

Одна надежда — на Мургена и его возможности.

Я еще не успела закончить разговор, удивляясь тому, что, по-видимому, неплохо владею языком, а Гота и Дой уже начали спуск по дороге. Гота решила ехать верхом — чтобы осел не слишком разбаловался.

— Кто это? — спросила девочка.

— Осел, — ответила я, еще раз подивившись тому, что у меня нет практически никаких трудностей с языком:

Что они тут, ослов никогда не видели?

— Осла я знаю. Я спрашиваю про птицу.

— А! Понятно.

Белая ворона сидела на узле, который вез осел. Подмигнула. Засмеялась. И сказала:

— Сестра, сестра...

А потом взмыла в воздух и полетела вниз, в предгорья.

— Мне только что пришло в голову, что у этого путешествия есть своя хорошая сторона, — заявил Лебедь. — По эту сторону перевала внизу нет дождя.

— А я подумала — может, стоит мне забрать с собой эту девочку? Ты ведь лодырь, пусть она потрудится.

— Да, у нас тут с тобой как-то мало семейных радостей получается, жена... Дрема? У тебя вообще-то было когда-нибудь настоящее имя?

— Анайнайдир, Последняя Принцесса Джайкура. Однако сейчас, когда моя злая мачеха обнаружила, что я жива, она призвала принцев-ракшасов и заключила с ними сделку, чтобы они убили меня. Ха! Это шутка. Я — Дрема. И мы знакомы с тобой практически с тех пор, как я стала Соней, с небольшими перерывами. Пусть так и будет.

59

Как только мы спустились с гор, до Кьяулуна было уже рукой подать. Все тут было изрядно разрушено во время войны с Хозяевами Теней, а потом Кьялуунской войны между Радишей и теми, кто остался верен Черному Отряду. Жаль, что даже развалины были убраны еще до того, как Душелов решила, что победила, и пора отправляться на север, чтобы провозгласить себя Протектором Всея Таглиоса. Радиша, безусловно, понимала, как дурно все это пахло, в особенности то, что она предала Отряд. Но все, что дурно пахло, сейчас жило лишь в памяти уцелевших. Когда-то многолюдная долина теперь могла похвастаться лишь одним сравнительно крупным городом и расположенными в шахматном порядке фермами, населенными местными, бывшими пленниками войн и дезертирами всех типов. Мир, разрушенный, практически, до основания, сейчас с энтузиазмом осваивался вновь на основе самонадеянного предположения, что больше такое не повторится.

В процессе превращения старого Кьяулуна, прежде Тенелова, в новый, называемый просто Новый Город, одно осталось неизменным. Далеко-далеко на склоне долины, позади осыпавшихся и заросших кустами руин когда-то могущественной крепости Вершина, там, где земля состояла из заросших травой и почти бесплодных коричневых лоскутов, находилось сооружение, внушающее страх всем и называемое Вратами Теней. Оно не бросалось в глаза, но я чувствовала его призыв. И сказала своим спутникам:

— Сейчас нужно вести себя в особенности осторожно и ни в коем случае не спешить. Торопливость может стоить нам жизни.

Врата Теней — не просто единственный путь на равнину, где находятся Пленные. Это так же единственный проход, по которому могли вырваться на волю Тени. Случись такое, и они обрушились бы на мир, бесчинствуя точно так же, как те, которых Душелов спускала на Таглиос. И Врата были в очень ненадежном состоянии. Хозяева Теней сильно повредили их, когда открывали дорогу Теням, которых впоследствии подчинили себе.

— Никаких возражений, — ответил дядюшка Дой. — Всем известно, что здесь требуется особая осторожность.

Совсем недавно между нами возникли кое-какие разногласия. Он снова начал носиться со своей идеей о том, что Летописцу Отряда должен стать его дублером в той специфической роли, которую он играл среди нюень бао. Летописца Отряда это абсолютно не интересовало, но Дой относился к тем людям, которые, услышав слово «Нет», начинают лишь искать новые пути для преодоления возникших трудностей.

— Это что-то новенькое, — сказала я, заметив небольшое сооружение в четверти мили ниже Врат Теней, рядом с дорогой. — И мне не нравится, как оно выглядит. — Пока нельзя было утверждать со всей определенностью, но сооружение выглядело, точно небольшое укрепление, построенное из камня, собранного с развалин Вершины.

Дой усмехнулся.

— Вот и сложности намечаются.

— Мы стоим и оглядываемся по сторонам, точно шпионы, — вмешался Лебедь. — Кому-то это может не понравиться.

Может быть, хотя попадавшие к нам до сих пор чиновники и были ужасающе расхлябанны. Наверняка в последнее время им жилось спокойно. По крайней мере, с тех пор, как исчез Черный Отряд.

— Кому-то — скорее всего, мне, поскольку я — единственная среди нас, чья легенда соответствует внешнос-

ти — нужно отправиться на разведку. — Первоначально планировалось раскинуть лагерь на бесплодном склоне холма неподалеку от того места, где теперь стояло это новое строение.

Меня охватила тревога. Почему нет дозорных, которые должны были дожидаться, когда мы спустимся с гор? Я очень надеялась, что это всего лишь оплошность Сари. Она была связана с Отрядом целую эпоху, то так и не научилась мыслить как воин и, подобно многим гражданским, не понимала, к чему все эти мелкие предосторожности. Ей могло просто не придти в голову, как это важно — выставить наблюдателя.

Я молилась, чтобы дело было именно в этом.

Никто не стал оспаривать мое предложение отправиться на разведку. Бедная я. Иди, разбивай и дальше измученные ноги, пока остальные будут бездельничать в тени молодых сосен. Белая ворона материализовалась спустя несколько минут после того, как я обогнула холм и оставшиеся исчезли из вида. Она буквально набросилась на меня и проскрипела что-то. Потом развернулась и налетела снова. Я попыталась отмахнуться от нее, точно от огромного, надоедливого комара. Она засмеялась и повторила свой маневр, но теперь в ее скрипе послышалось что-то вроде слов.

И тут до меня дошло — в конце концов. Птица хотела, чтобы я последовала за ней.

— Веди меня, предвестник беспощадный, но только помни, что я не Гунни и, значит, не связана запретом есть мясо. — В самые трудные времена моей военной карьеры я не раз имела удовольствие — если это подходящее слово — есть жареную ворону.

Ворона, похоже, в точности знала, что у меня на сердце. Она полетела прямо к большому палаточному городку на склоне холма, возвышающегося над окраинными домами Нового Города. Наши люди, скорее всего, составляли лишь часть поселенцев, но рука Сари чувствовалась во всем. Чисто, аккуратно, прибрано. Точно так, как этого требовал Капитан, хотя в его времена в порядке держали, главным образом военное снаряжение.

Меня раздирали внутренние противоречия. Что делать? Броситься вперед, чтобы увидаться с теми, кого мне так недоставало на протяжении этих месяцев? Или вернуться обратно и прихватить моих спутников? Стоит мне увидаться со своими, и все остальное просто вылетит из головы...

Мне принимать решение не пришлось — это сделал за меня Тобо.

— Дрема!

Откуда-то слева затопали ноги, и мгновение спустя меня заключили в объятия.

Я с трудом освободилась.

— Ты вырос.

Заметно. Теперь он был выше меня. И голос стал звучнее и глубже.

— Больше ты не сможешь изображать Шики. Сердца всех Шики в Таглиосе будут разбиты.

— Гоблин говорит, что очень скоро я начну разбивать девичьи сердца.

Без сомнения. Из него должен был получиться очень представительный мужчина, к тому же явно не страдающий недостатком самоуверенности.

Совершенно нехарактерным для меня образом, я обняла его рукой за талию, и мы направились туда, где уже замелькали другие знакомые лица.

— Как прошло ваше путешествие? — спросила я.

— По большей части весело, за исключением тех моментов, когда они заставляли меня учиться, а это случалось очень часто. Сри Сурендранат еще хуже Гоблина, но он говорит, что я могу стать ученым. Поэтому ма всегда соглашалась с ними, когда кому-нибудь приходило на ум заниматься со мной. Но все же мы видели множество удивительных вещей. Например, этот храм в Прайпарбед, весь покрытый замечательной резьбой... Ох, прости, тебе это, наверно, не интересно.

В сознании Тобо я была кем-то вроде целомудренной монахини. И большую часть своей взрослой жизни вполне соответствовала этому образу. Но дело не в том, что я была принципиальной противницей приключений, — мне

просто было наплевать на себя. Вероятно, потому, настаивал Лебедь, что мне не довелось встретить мужчину, чье животное начало полностью подавило бы мое чисто интеллектуальное нерасположение к таким вещам. Лебедь считал себя большим специалистом в этой области.

Он не давит на меня. Кто знает? Может быть, в один прекрасный день во мне проснется любопытство — настолько, что я решусь на эксперимент. Просто чтобы выяснить, способна ли я войти в столь тесный контакт и не броситься тут же наутек, туда, где я буду чувствовать себя в безопасности.

Теперь и другие подошли, чтобы поприветствовать меня с сердечностью, которая пробудила к жизни еще одно местечко в моей душе, маленькое, теплое местечко. Я затрепетала. Мои друзья. Мои братья. Все вокруг суетились, шумно и много говорили. Теперь дело пойдет. Теперь мы отправимся, куда следует. Теперь мы нанесем очередной удар. Дрема здесь, значит, все будет в порядке.

— Бог знает все секреты и все шутки, — сказала я. — Хорошо бы Он поделился со мной, зачем Ему вздумалось так пошутить — создать эту команду паршивых наемных убийц. — Мизинцем я потихонечку смахнула слезинку, прежде чем до кого-то дошло, что это не дождь. — Все вы, парни, кажетесь на редкость упитанными для людей, которые так долго находились в пути.

Кто-то сказал:

— Проклятие, мы ждали тебя почти целый чертов месяц. Даже те, кто тащились медленнее всех, здесь уже неделю.

— Как там Одноглазый? — спросила я, когда Сари пробилась через толпу.

— Дерьмово, — ответил кто-то. — Как ты узнала?..

Мы с Сари обнялись.

— Мы уже беспокоиться начали, — сказала она.

В ее тоне прозвучала вопросительная нотка.

— Тобо, твоя бабушка и дядюшка Дой ждут в лесу на той стороне дороги. Сбегай и скажи им, чтобы шли сюда.

— Где остальные? — спросил кто-то.

— С ними только Лебедь. Остальные немного отстали. Добравшись до предгорий, мы разбились на три группы. Там вокруг летали вороны. Мы хотели заморочить им головы.

— Мы действовали точно так же, когда высадились на берег, — сказала Сари. — Ты видела много ворон? Мы — всего несколько. Может, они вовсе и не связаны с Протектором.

— Одна белая все время вертелась поблизости.

— Мы ее тоже видели. Ты голодна?

— Шутишь? Я ела только стряпню твоей матери с тех пор, как мы покинули Джайкур.

Я оглянулась по сторонам. Люди, не принадлежавшие к Черному Отряду, стояли поодаль, наблюдая. Может, они тоже беглецы. Энтузиазм, с которым меня приветствовали, наверняка вызовет в их среде разговоры.

Сари засмеялась. Это был скорее смех облегчения, чем хорошего настроения.

— Как мама?

— Мне кажется, с ней что-то не так, Сари. Она больше не та занудная, вечно всем недовольная старая Кы Гота. Большую часть времени она погружена в себя. А когда просыпается, ведет себя почти прилично.

— Сюда. — Сари приподняла клапан палатки. Самой большой в лагере. — А дядюшка Дой?

— Ходит уже не так быстро, но в целом все тот же прежний дядюшка Дой. Хочет обратить меня в нюень бао и сделать своей ученицей. Якобы ему некому больше передать свои обязанности. Какие, мне неизвестно. Видимо, он полагает, что я должна сначала дать согласие, а уж потом последуют объяснения, в чем они состоят.

— Ключ у тебя?

— Да. Он в вещах дядюшки Доя. Но Сингха пришлось отпустить, как и предполагалось. Его нет тут? По дороге до нас доходили разные слухи, и у меня сложилось впечатление, что, может быть, он обогнал нас. Девчонка у тебя?

Сари кивнула.

— Но с ней одни неприятности. Мне кажется, чем ближе к югу, тем теснее ее связь с Киной. Здравый смысл подсказывает, что нам следовало бы нарушить свое обещание и убить ее. — Она опустила на подушку. — Я рада, что ты здесь. Знаешь, как трудно держать всех этих людей в узде, когда им почти нечем заняться. Чудо еще, что до сих пор никаких серьезных неприятностей не произошло... Я купила ферму.

— Ты... что?

— Я купила ферму. Неподалеку от Врат Теней. Земля там, правда, не слишком хороша, но зато многие наши люди будут поблизости и в то же время не на виду. Заодно и делом займутся — строить дом, работать на земле. В результате мы, может быть, сможем даже сами себя содержать. Большинство этих парней и сейчас были бы там, если бы Мурген не предупредил, что ты сегодня появишься. Правда, мы думали, что это произойдет чуть позже.

— Надо понимать, ты в курсе всего, что творится в мире?

— Мой муж обладает, конечно, необычными талантами, но вовсе не все мне рассказывает. И я тоже делюсь с ним не всем, что мне известно. И, наверно, оба мы не совсем правы. Нам с тобой нужно тысячу вещей обсудить, Дрема. Не знаю прямо, с чего начать. Может, с того, чтобы просто спросить — как ты?

60

С нашим приходом все пришло в движение.

В палатку без приглашения ворвался Гоблин и, задыхаясь, сообщил следующее. Наше триумфальное прибытие не ускользнуло от взглядов местных информаторов и вызвало подозрение у властей. До того чиновники не интересовались лагерем беженцев по причине полного отсутствия честолюбивых устремлений. Я послала Кендо с дюжиной парней охранять с юга перевал через Данда Прэш, преследуя две цели: встречать наших, которые шли позади, и не пропускать никого на север, чтобы новости

о нашем пребывании здесь не просочились туда. Еще я послала несколько небольших отрядов, чтобы захватить местных офицеров и чиновников рангом повыше, прежде чем они раскachaются и сумеют как-то организовать. Реально действующих, четко очерченных, жестких правительственных структур не существовало, поскольку Протектор предпочитала править в условиях ограниченной анархии.

Было совершенно ясно, что эти земли, в прошлом называемые Страной Теней, несмотря на их близость к Сияющей равнине, меньше всего интересовали власти в Таглиосе. Великий Генерал может быть только один, это ясно. Ни одного мало-мальски достойного чиновника тут не обнаружилось, а из воинских формирований было всего лишь несколько небольших отрядов. Зачем? Безопасная удаленная провинция, самое подходящее место для тех, кого не обязательно уничтожать, а можно просто держать подальше.

Но даже несмотря на все это, с учетом обширности региона, их было гораздо больше, чем нас, да мы и сами не хотели ввязываться ни в какие сражения. Ум, скорость и ярость — вот что должно быть нашим оружием до тех пор, пока мы не соберем все силы в единый кулак и не будем готовы отправиться дальше на юг.

— Ну вот, теперь, когда ты сделала все первоочередные дела и можешь, наконец, поговорить, расскажи, черт возьми, как ты, Дрема? — спросил Гоблин.

Он выглядел измученным.

— Кости целы, но характер ничуть не изменился. Приятно поговорить с человеком, когда не нужно задирать голову, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Вот дерьмо! Выставляю за дверь, если будешь так разговаривать. Недаром я не слишком скучал по тебе.

— Приятно слышать. Как там Одноглазый?

— Чутко получше. Теперь, когда Гота здесь, дело пойдет еще быстрее. Но полностью он уже никогда не оправится. Будет нетвердо стоять на ногах, все делать медленно и с перерывами. Если, конечно, ему взбредет в голову чем-то заняться. И с общением у него

тоже всегда будут трудности, в особенности, если разволнуется.

Я кивнула, набрала в грудь побольше воздуха и спросила:

— Это может повториться?

— Может. Так часто бывает. Хотя, по-моему, не должно бы. — Он потер лоб. — Голова болит. Мне нужно поспать.

— Если ты хочешь выспаться, лучше ложись прямо сейчас. Дело сдвинулось с мертвой точки, сам видишь. Когда мы расшевелимся как следует, ты будешь нужен нам свеженький, как огурчик.

— Есть и еще одна причина, по которой я не скучал по тебе. Пока ты тут не появилась, все было тихо и спокойно. А сейчас, пожалуйста, и люди, и вещи — все кувыркком, все готовы вцепиться друг другу в глотку.

— Да, со мной не соскучишься. Как думаешь, стоит мне пойти проведать Одноглазого?

— Решай сама. Но ты разобьешь ему сердце, если не сделаешь этого. Он и так уже, наверно, весь испереживался — как это ты явилась и не пришла к нему первому.

Я спросила, как найти Одноглазого, и ушла. По дороге мне бросилось в глаза, что беженцы, не связанные с Отрядом, потихоньку покидали лагерь. В Новом Городе тоже явно было беспокойно.

Гота, Дой и Лебедь расположились неподалеку от лагеря на склоне холма. Тобо, точно щенок, бегал и прыгал вокруг них. Интересно, какую позицию займет Лебедь теперь, когда дело по-настоящему пошло. Скорее всего, постарается оставаться нейтральным, пока сможет.

— Ты выглядишь лучше, чем я ожидала, — сказала я Одноглазому, который и впрямь был занят каким-то делом, когда я заглянула к нему в палатку. — Это копье? Я думала, ты давным-давно потерял его.

Оружие, о котором шла речь, было покрыто сложной резьбой и богато украшено. Вещь огромной магической силы, над которой Одноглазый начал работать еще во время осады Джайкура. Тогда он изготавливал это копье со вполне определенной целью — чтобы добраться до Хозяина

Теней Тенелова. Позднее Одноглазый усовершенствовал его, собираясь использовать против Длиннотени. Копье отличалось такой мрачной, но впечатляющей красотой, что казалось грехом использовать его просто как орудие убийства.

Одноглазому потребовалось некоторое время, чтобы взять себя в руки. Он поднял на меня взгляд. Когда я видела его в последний раз, это были лишь жалкие остатки того Одноглазого, каким он был во времена моей молодости. Но сейчас от него осталось еще меньше.

— Нет.

Вот и все, что он сказал. Одно слово. Никакой обычной для него изобретательной брани, или выпадов, или оскорблений. Он не хотел, чтобы я заметила его беспомощность. Удар повредил ему скорее эмоционально, чем физически. Он был хозяином своего положения более двухсот лет — столько, сколько многим и не снилось, — а теперь утратил даже способность выражать свои мысли полно и внятно.

— Вот я и здесь. Ключ у меня. И дело близится к завершению.

Одноглазый медленно кивнул. Надеюсь, он меня понял. В Джайкуре была женщина, которая умерла в возрасте ста девятнадцати лет, так говорили. И лично я никогда не видела, чтобы она делала что-нибудь, кроме как сидела в кресле и несла всякую чушь. Не понимала ни слова из того, что ей говорили. Впала в детство. Даже кормить ее приходилось как маленькую. Не хотелось бы мне, чтобы такое случилось с Одноглазым. Старый и придирчивый — в общем, сплошная «головная боль», — он был стержнем моей вселенной. Он был моим братом.

— Эта другая женщина. Которая замужем. В ней нет огня.

Тень того многословия, которым он страдал прежде. Во время этой «речи» его руки крупно вздрагивали, силась удержать инструмент.

— Ее пугает то, что будет, если мы добьемся успеха.

— И пугает, если ничего не получится. Ты деятельная, Малышка. — Его лицо просветлело, потому что ему

удалось произнести все это без особого труда. — Ты делаешь то, что должна. Но мне нужно будет непременно поговорить с тобой еще раз. Вскоре. Прежде чем это случится со мной снова. — Он произносил слова медленно и очень старательно. Наклонившись ко мне, Одноглазый пробормотал: — солдаты никогда не умирают. Хотелось бы знать, почему.

Кто-то резко откинул клапан палатки, и внутрь хлынул ослепительный свет. Даже не видя, я поняла, что это Гота. Ее выдавал запах.

— Не давай ему болтать слишком много. Он быстро устает, — сказала она спокойно, почти вежливо. Чуть более оживленная, чем во время нашего путешествия, но все еще не та язвительная, часто нелогичная Гота, которой она была на протяжении последнего года. — От меня тут будет больше толку. — Ее акцент ощущался гораздо меньше, чем всегда. — Иди убей кого-нибудь, Каменный Солдат.

— Давненько никто не называл меня так.

Гота насмешливо поклонилась, ковыляя мимо.

— Каменный Воин. Солдат Тьмы. Веди вперед Детей Смерти из Страны Неизвестных Теней. Все Зло Умирает Там Бесконечной Смертью.

Я вышла наружу, чувствуя печаль на сердце. О чем она толковала?

Позади меня раздалось:

— Призываю Небеса и Землю, День и Ночь.

Я подумала, что уже слышала этот призыв прежде, но не могла вспомнить, при каких обстоятельствах и в каком контексте. Одно из самых загадочных изречений нюень бао.

Всеобщее возбуждение нарастало. Кто-то уже украл нескольких коней... прошу прощения, приобрел их. Не будем спешить с выводами. Несколько всадников гарцевали вокруг, просто так, безо всякой разумной цели. Я тут же накинулась на них:

— Вот что происходит, когда никто не хочет быть за старшего. Вы, трое! Хватит! Ради Бога, чем вы тут занимаетесь?

Выслушав их бессвязные оправдания, я отдала несколько приказаний. Всадники ускакали с моими сообщениями. Я пробормотала:

— Нет Бога кроме Бога. Бог Всемогущ и Безграничен в Своем Милосердии. Будь милостив ко мне, Господи. Сделай так, чтобы кавардак у моих врагов был еще хуже, чем у моих друзей. — У меня возникло ощущение, точно я нахожусь в самом сердце закручивающегося спиралью смерча.

Моя вина? Все подтверждало — да. И если мои усилия дают такой плачевный результат, то все, что требуется, это упрятать меня на ферму Сари, с глаз долой. Тогда, может быть, все и образуется само собой, без всякого «мудрого» руководства.

Формально мы действительно были очень плохо организованы — никакого командования как такового, никакой иерархии. И вся наша политика сводилась к тому, чтобы поддерживать определенный уровень враждебности к врагам и хранить верность чисто эмоциональным обязательствам по отношению к Плененным. Мы вырождались, уже мало чем отличаясь от прославленной бандитской шайки, и это обстоятельство смущало меня. Потому что тут была и доля моей вины.

Я потеряла затылок. Много лет я всячески увиливала от того, чтобы быть кем-то вроде дублера Мургена, пока он похоронен, хотя не имела на это морального права. Потому что была избрана на эту должность. Летописец же часто и Знаменосец, а Знаменосцем, как правило, назначают того, кто в принципе способен стать Лейтенантом или даже, в конечном счете, Капитаном. Значит, еще давным-давно Мурген увидел во мне что-то в этом роде, и Старик не нашел аргументов, чтобы возразить ему. И как же я себя повела? Придумывала всякие хитроумные способы помучить наших врагов и больше ничего. В то время как женщина, которая формально-то и членом Отряда не являлась, взяла на себя роль лидера. Не потому, что хотела, а потому, что больше было некому. Мужество, ум и решимость Сари не подлежали сомнению, но как солдат и командир она стоила немногого. Просто за

отсутствием навыков. Имея самые хорошие намерения, она была специалистом скорее в области тактики, чем стратегии. Она хотела воскресить Пленных, конечно, но не ради Черного Отряда. Ради того, чтобы вернуть своего мужа. Для Сари Отряд был средством, а не самоцелью.

Похоже, еще немного, и мы начнем расплачиваться за мое нежелание выйти вперед и служить интересам Отряда.

Мы почти стали всего лишь бандой головорезов, кем и объявила нас Протектор. Маленький семейный дух-хранитель Отряда едва не покинул его. Или уже покинул? Мы все чаще забывали, кем и чем были.

Ух, как я разозлилась! Главным образом, на саму себя, конечно. Наверно, даже выросла вдвое. Ух, и навела я шороху! Прошло совсем немного времени, и все, как маленькие, занимались каким-нибудь полезным делом.

А потом из Нового Города, точно стая гусей, которых гонят невесть куда, в лагерь беженцев притащилась жалкая кучка оборванцев, воображающих, что они — военный отряд. Их было около пятидесяти, все при оружии. Оружие выглядело впечатляюще, не то что солдаты. Местный оружейник хорошо делал свое дело, а тот, кто обучал солдат, — нет. По сравнению с моей «бандой» они выглядели просто убого. И наши парни имели то преимущество, что были уже битые и не желали, чтобы это повторилось снова.

— Тобо, приведи сюда Гоблина.

Мальчишка внимательно посмотрел на «воинов».

— Я и сам справлюсь с этой мелкотой, Дрема. Одноглазый и Гоблин обучили меня своим трюкам.

Путающая перспектива — плохо контролирующий себя подросток, владеющий навыками наших колдунов и такой же безответственный, как они.

— Может, и так. Может, ты — бог. Но разве я сказала, чтобы ты справился с ними? Я сказала, чтобы ты привел сюда Гоблина. Шевелись.

Он покраснел от злости, но послушался. Будь на моем месте его мать, спор продолжался бы до тех пор, пока волна южан не захлестнула бы нас.

Я двинулась навстречу этим воякам, сожалея, что не успела переодеться — на мне все еще были обноски той одежды, в которой я вышла из Таглиоса. И никакого серьезного оружия, лишь короткий меч, который я использовала разве что для того, чтобы срубить дерево. Ближний бой — не самая сильная моя сторона; лучше всего у меня получается нападать издалека и исподтишка.

Я выбрала подходящее место и остановилась, скрестив руки.

61

Никто не потрудился ни толком обучить, ни хотя бы прилично одеть этих горе-солдат. Сказывалось пренебрежительное отношение Протектора к мелочам. С какой стати? Только что оперившейся таглианской империи извне никто не угрожал, а остальное не имело значения.

Офицер, возглавлявший отряд, был молод, но толст не по годам. Что тоже определенным образом характеризовало здешних вояк. Мир не нарушался уже на протяжении десяти лет, но в целом времена не благоприятствовали появлению в стране тучных мужчин.

Офицер так запыхался, что поначалу лишь хватал ртом воздух, не в силах выдать из себя ни слова. Я сказала ему:

— Спасибо, что сами явились. Это свидетельствует об инициативе и способности правильно и быстро оценивать ситуацию. И покоряться неизбежному. Прикажи своим людям сложить оружие вот сюда. Если все пойдет как надо, через два-три дня они смогут вернуться домой.

Офицер чуть не подавился воздухом, силясь понять, не осыпался ли он. Похоже, эта крошка вообразила себя хозяйкой положения? Хотя, по правде говоря, я даже не уверена, мог ли он разобрать, кто перед ним — он, она или оно.

Я слегка подраспахнула свои лохмотья в области шеи, чтобы стал виден медальон Черного Отряда, висящий на сербряной цепочке. И сказала:

— Воды спят.

Не сомневаюсь, что даже в такой глухомани уже слышали это изречение.

Хотя мне и не удалось добиться, чтобы его люди немедленно сложили оружие, зато я выиграла несколько секунд, что дало возможность подтянуться нашим. А вид у них был устрашающий — ну, точно банда головорезов. По сторонам от меня встали Тобо и Гоблин. Позади послышался голос Сари, окликающей сына, но он, естественно, и ухом не повел. Вообразил, что теперь он один из этих взрослых парней. Не сомневаюсь, что Гоблин, от которого, как всегда, пованивало, всячески поддерживал эти его фантазии.

— Советую разоружиться, — сказала я офицеру. — Как тебя зовут? В каком ты звании? Если не прислушаешься к моему совету, пострадает множество людей. И главным образом твоих. Если же будешь сотрудничать с нами, все обойдется без кровопролития.

Толстяк снова начал хватать ртом воздух. Не знаю, чего он ожидал. Явно не того, что обнаружил. Все было не так, как он рассчитывал. В том числе и я. Привык, наверно, запугивать несчастных беженцев, слишком потрепанных судьбой, чтобы у них могла возникнуть сама мысль о сопротивлении.

Гоблин прокаркал:

— Это твой шанс, парень. Покажи нам, на что ты способен.

— Вот что я отработывал, когда никого не было поблизости. — Тобо добавил что-то еще, но так тихо, что я не разобрала ни слова.

Прошло несколько секунд, и меня перестало волновать, что именно он сказал. Тобо начал превращаться во что-то непонятное. Тобо начал превращаться во что-то такое, от чего даже у меня мороз по коже пошел.

Неужели парнишка научился менять свой облик? Невозможно. Даже мастеру на это потребовались бы годы.

В первый момент мне показалось, что он собирается превратиться в какое-то мифическое существо — в тролля, великана-людоеда или в некое уродливое, клыкастое и зубастое создание, в какой-то степени все же смахивающее на

человека. Однако он продолжал изменяться, превращаясь во что-то насекомоподобное, вроде богомола, и становясь по-настоящему отвратительным, вонючим и огромным, причем с каждым мгновением делаясь все отвратительнее, все зловоннее и все больше.

Собственно говоря, запах мог быть моим собственным. Наверняка я пахну не слишком приятно, то есть для других людей, — просто чудовищно; однако в обычном состоянии человек не ощущает своего собственного запаха.

Подобно тому, как в большинстве случаев действовали его учителя, Тобо создал лишь иллюзию, не переходящую в подлинную трансформацию. Но южане не понимали этого.

Со мной тоже происходили кое-какие изменения — также иллюзорные, конечно. Широкая ухмылка Гоблина поведала мне, кто именно ответственен за эту маленькую шутку. Он, однако, не слишком преуспел, так что я, возможно, ничего и не заметила бы, если бы не была так насторожена из-за того, что происходило с Тобо.

Мой облик больше всего смахивал на обычный ночной кошмар. Что-то вроде того, кем нас воображали люди, наслушавшиеся разной чепухи о том, что парни из Черного Отряда едят свою собственную молодежь, если им не удастся зажарить никого из чужих.

— Прикажи своим людям сложить оружие! Пока это не откусило им руки.

Тобо издал «ртом» клацающий звук. Бочком продвигаясь вперед, он странно завертел своей насекомообразной головой, как бы примериваясь, кого сжевать первым. Офицер, по-видимому, чисто инстинктивно вспомнил о том, что хищники прежде всего набрасываются на толстяков. Не сходя с места, он отшвырнул свое оружие, надеясь, что это остановит приближение Тобо.

Я сказала, обращаясь к нашим ребятам:

— Помогите этим людям избавиться от своего снаряжения.

Наши были потрясены не меньше местных солдат. Я и сама была ошеломлена, но не настолько, чтобы забыть

о ситуации и не использовать свое временное психологическое преимущество. Я обошла южан, и они, таким образом, оказались между «двух огней». Никто из них пока еще не разобрался, мерещатся им эти ужасы или они реально существуют. Колдуны иногда вызывали на редкость отвратительных тварей. Или, по крайней мере, мне приходилось об этом слышать.

Думаю, что это правда. Братья рассказывали о тех, которых видели сами. И в Анналах об этом упоминается.

Южане начали сдавать оружие. Красавчик, или Прыпц, или кто-то еще напомнили, что нужно велеть им лечь на землю лицом вниз. Как только первые подчинились, у остальных пропало всякое желание сопротивляться.

Сари не могла больше сдерживаться и набросилась на Гоблина.

— Что такое ты вытворяешь с моим сыном, старый дурак? Я же говорила тебе, что не хочу, чтобы он играл в...

— Ш-ш-ш! Клак! Клак! — послышалось со стороны Тобо.

Очень длинная конечность протянулась к Сари, и коготь, которым она заканчивалась, щелкнул ее по носу.

Мальчику еще придется пожалеть о своей шутке.

К нам протолкался дядюшка Дой.

— Не сейчас, Сари! Не здесь!

Он потащил ее куда-то, с такой силой схватив за руку, что она сморщилась. Гнев ее не ослабел, но голос звучал теперь гораздо тише. Последнее, что я слышала, было что-то нелестное относительно ее бабушки, Хонь Тэй

— Гоблин, заканчивай представление, — сказала я. — Я не могу разговаривать с этим человеком, пока выгляжу, точно мать какого-нибудь ракшаса.

— Это не ко мне, Дрема. Я здесь только для того, чтобы приглядывать за парнишкой. Обращайся к Тобо.

Невинен, точно младенец, — вот как он при этом выглядел.

Обращаться к Тобо не имело смысла — все его внимание было поглощено игрой в жуткого монстра. Я сказала Гоблину:

— Раз уж ты учишь его выделывать все эти штучки, потрать как-нибудь немного времени и объясни ему, что существует такое понятие, как самодисциплина. Не говоря уж о том, что тебе не следует самому морочить людям головы, чтобы не подавать ему плохого примера. Я прекрасно понимаю, кто, что и для чего здесь делает. Прекрати все это, Гоблин.

Я отнюдь не была разочарована, когда выяснилось, что у Тобо тоже есть какой-никакой талант. На самом деле, это было почти неизбежно. Это было у него в крови. Беспокоило другое. А именно, что Гоблин и, предположительно, Одноглазый решили, будто для него настало время проявить этот свой талант в открытую. С моей точки зрения, у Тобо был сейчас самый неподходящий возраст для того, чтобы вообразить себя всемогущим. Если никто не будет контролировать его, пока он не научится делать это сам, он рискует так никогда и не выйти из состояния внутреннего полудетского хаоса, как это произошло с Душеловом.

— Конечно, Дрема, а как же. Это входит в программу. Но ты должна понять, что он уже гораздо более взрослый и ответственный, чем вы с его матерью желаете признавать. Он не дитя. Он прекрасно понимает, чего вы от него ждете, и ведет себя соответственно, но это не значит, что он такой на самом деле. Не забывай об этом. Он хороший парнишка, Дрема. С ним все будет в порядке, если вы с Сари не занячите его до смерти. И сейчас он как раз в том возрасте, когда вам следует отступить и позволить ему сбивать себе копыта, пусть даже позднее он и пожалеет об этом.

— Совет специалиста в области воспитания детей?

— Даже специалист способен сообразить, когда с воспитательной частью следует заканчивать. Дрема, этот мальчик обладает крупным и многогранным талантом. Он — будущее Черного Отряда. И именно это предсказывала та самая бабуля нюень бао, когда впервые во время осады увидела вместе Мургена и Сари.

— Складно говоришь, старик. И что характерно — момент, когда ты решил довести все это до моего сведе-

ния, выбран с точностью до наоборот. У меня на руках пятьдесят пленников, с которыми надо что-то делать. И впридачу к ним упитанный, симпатичный такой новый дружок, которого нужно убедить в том, что он должен склонить остальных командиров сотрудничать с нами. Чего у меня нет, это времени, чтобы разбираться с юношескими трудностями Тобо. Обрати внимание — в случае, если ты до сих пор этого не заметил, наше существование перестало быть тайной. Кьяулунская война началась снова. Ничуть не удивлюсь, если в один прекрасный день к нам нагрянет сама Душелов. Теперь сделай так, чтобы я выглядела как обычно и могла заняться неотложными делами.

— Ох, ты бываешь такой убедительной!

Иллюзия Гоблина развеялась. Та, что окружала мальчика, тоже. Тобо, казалось, удивился той легкости, с которой над ним взяли верх, но маленький колдун смягчил удар, нанесенный его эго, тут же начав критический разбор «творения», созданного Тобо.

Меня впечатлило то, что я увидела. Но Тобо как будущее Отряда? От этой мысли мне стало как-то не по себе, несмотря даже на то, что сама такая постановка вопроса предполагала, что у Отряда есть будущее.

62

Я поманила толстого офицера пальцем.

— Иди сюда. Нам нужно поговорить. Красавчик, позволь этим людям сесть, как только их оружие унесут. В самое ближайшее время я, скорее всего, отпущу их домой. Гоблин, ты собираешься объясняться с Сари? Давай займись этим сейчас, пока есть время.

Толстый офицер уже стоял рядом с совершенно несчастным видом. Я могла его понять. У него выдался не самый лучший денек. Я взяла его под руку.

— Давай прогуляемся — ты и я.

— Ты женщина.

— Выбрось это из головы. Как тебя зовут? В каком ты звании?

Он назвал местное имя длинной, наверно, в целый абзац, с какими-то невообразимыми прищелкиваниями — просто язык сломаешь. Чтобы защититься от подобного исхода, я сказала, что произносить такое мне не по силам. Из всего этого набора звуков я выбрала одно короткое сочетание.

— Можно мне называть тебя Суврин?

Он вздрогнул. Спустя мгновение до меня дошло, почему. Суврин звучало как уменьшительное имя. Можно не сомневаться, что его уже лет двадцать не называл так никто, кроме матери.

— Суврин, до тебя, вероятно, доходили слухи о том, что мы не слишком приятные люди. Я хочу немного просветить тебя. Все, что ты слышал, правда. Но на этот раз мы здесь не для того, чтобы грабить, мародерствовать и насильничать — то есть заниматься тем, чем мы занимались всегда. Нам просто необходимо пройти через эту местность и притом с минимальными неурядицами и для вас, и для нас. От тебя мне нужно вот что. Во-первых, настройся на то, что ты сотрудничаешь с нами, а не лежишь в могиле. А во-вторых, помоги обеспечить официальную помощь, которая позволила бы нам как можно скорее убраться отсюда. Я не слишком быстро говорю?

— Нет. Я хорошо знаю твой язык.

— Я не... Неважно. Теперь о том, что здесь происходит. Мы собираемся отправиться на Сияющую равнину...

— Зачем?

В его голосе отчетливо послышался страх. Со времен появления Хозяев Теней и он сам, и его предки жили в состоянии ужаса перед этой равниной.

Не говорить же ему правду? Пришлось выдать небольшую порцию чепухи.

— По той же самой причине, по которой цыпленок решается пересечь дорогу. Чтобы оказаться на другой стороне. — Эта концепция настолько поразила Суврина своей новизной, что он затруднился с ответом. — Нам понадобится время, чтобы подготовиться к походу. Пополнить запасы провизии, раздобыть кое-что из снаряжения. Да и разведку нужно произвести. Так что сей-

час нам не до сражений. Вот и давай обсудим, как избежать их.

В ответ послышалось нечленораздельное ворчание.

— Что такое?

— Я никогда не хотел служить в армии. Это мой отец хотел. Чтобы я не болтался дома, не беспокоил его. Но в то же время ему хотелось сделать это так, чтобы перед всеми он выглядел как хранитель семейной чести. Он думал, что армия — самый лучший выход из положения. Тем более, что и воевать-то особенно не с кем.

— Всякое бывает. Твоему отцу следовало бы понимать это. Он достаточно пожил на свете, раз имеет взрослого сына.

— Ты не знаешь моего отца.

— Может, тебя это удивит, но я встречала немало похожих на него людей. Некоторые были даже еще хуже. В нашем мире нет ничего нового. Это относится к людям всех типов... Сколько еще здесь солдат? Есть ли среди них доносчики? Или люди, проявляющие особую преданность Таглиосу? Сохранят ли они свою верность Таглиосу, если перевал будет закрыт?

Территории к югу от Данда Прэш были обширны, но малолюдны. Сначала их более тридцати лет нещадно эксплуатировал Длиннотень, потом опустошение довершили Хозяева Теней и Кьяулунская война.

— Уф...

Он попытался увильнуть от ответа, но не слишком настойчиво. Ровно в той степени, чтобы не уронить себя в собственных глазах. Оставшуюся часть дня мы провели вместе. За это время с Суврином произошла трансформация — из недоброжелательно настроенного пленника он превратился сначала в нервного соучастника, а затем и в весьма полезного сотрудника. С ним, в общем-то, не было никаких особых сложностей, если только не скупиться на умеренные похвалы и проявления благодарности. Думаю, за всю недолгую жизнь ему не слишком часто доводилось слышать приятные вещи. К тому же он был напуган до смерти — полагал, что, если не станет сотрудничать со мной, я расправлюсь с ним в мгновение ока.

Остальных солдат мы отпустили домой, как только наши люди разграбили арсенал Нового Города. Большая часть хранившегося там оружия выглядела так, точно его подобрали на полях сражений и в дальнейшем обращались с ним в высшей степени пренебрежительно. А между тем, изготовлено оно было замечательным оружейным мастером, чья работа еще раньше вызвала мое восхищение.

Я нашла этого человека и забрала его к нам. Это был мастер экстракласса, с ярко выраженной художественной жилкой. Мне подумалось, что, может быть, Одноглазый сумеет приручить его.

Суврин сопровождал меня и когда я отправилась на ферму, купленную Сари. Военачальником Суврин был никудышным, и, тем не менее, во всех вооруженных силах Кьялулунского региона старше его по званию никого не обнаружилось. Что, конечно, тоже определенным образом характеризовало как качество подготовки здешних солдат, так и отношение к своим обязанностям тех, кто стоял над ним. Но я твердо решила держать его при себе. Он мог оказаться полезен хотя бы в качестве символа, если не в каком другом смысле.

Развив всю эту деятельность, я добилась, чтобы и все остальные занялись делом. Везде, где только можно, мы расставили дозорных, чтобы, в случае любой угрозы, реагировать быстро и сильно.

— Теперь вся провинция нейтрализована, за исключением маленькой крепости чуть пониже Врат Теней. Так? — спросила я у Суврина.

Ворота в этой крепости были наглухо закрыты. Я отправила туда посланца, но никто не вышел на его зов.

Суврин кивнул. Он вообще-то был немного тугодум.

— Они покинут крепость, если ты прикажешь?

— Нет. Они не из местных. Их оставил Великий Генерал, чтобы перекрыть дорогу к Вратам Теней.

— Сколько их?

— Четырнадцать.

— Хорошие солдаты?

Смушенно:

— Намного лучше моих.

Это, впрочем, могло означать лишь то, что они умеют маршировать в ногу.

— Расскажи мне об этой крепости. Как им доставляют провизию и воду?

Толстяк прочистил горло и пробормотал что-то невнятное.

— Суврин, Суврин, не морочь сам себе голову.

— Уф...

— Ты не можешь замараться сильнее, чем это уже произошло. Ты можешь лишь не щадить усилий, если хочешь выбраться из этой заварухи. Слишком многие уже видели, что ты сотрудничаешь с нами. Прости, дружище. Ты влип.

Я прикладывала невероятные усилия, чтобы не проникнуться духом Вайры-Нага, как ни соблазнительно это было. Чертовски выгодная позиция.

Суврин издал звук, больше всего похожий на хлопанье носом.

— Мужайся, друг Суврин. Мы сталкиваемся с подобным отношением к себе каждый день. Все, что ты можешь сделать, это напустить на себя такой вид, точно плевать на всех хотел, дергать их за бороды и выдирать у них перья из хвоста... Нам сюда. Похоже, это то самое место.

Из мрака проступило плохонькое строение. Свет просачивался сквозь крышу и стены. Интересно, зачем им все это понадобилось? Может, дом был еще недостроен? Позади можно было различить смутные силуэты палаток.

Что-то закопошилось под крышей, когда я открыла дверь, чтобы Суврин смог войти. Белая ворона. Птица негромко захихикала.

— Сестра, сестра! Таглиос начинает просыпаться.

Ворона взмахнула крыльями. Я проводила ее взглядом, пока она летела в ярком свете луны. На небе не было ни облачка.

Я пожала плечами и вошла внутрь. Белой вороной можно будет заняться и попозже, когда у меня, наконец, появится шанс добраться до постели.

— Парни, до вас дошло, что мы находимся в состоянии войны? Разве сейчас не самое время выставить караул, если не хотите, чтобы кто-нибудь прокрался в лагерь?

В ответ на свою реплику я увидела дюжину обращенных ко мне безмятежных лиц.

— Ты ничего не видела по дороге? — спросил Гоблин.

— Там и видеть было нечего, старина.

— О! И ты добралась сюда живая и здоровая.

И тут до меня дошло. Снаружи были расставлены ловушки, которые не сработали лишь потому, что караульные не позволили им сделать этого. Караульные, которых я не только не заметила, но даже не заподозрила, что они тут есть.

— Все, что я могу сказать по этому поводу, так это что кое-кому не мешало бы мыться хотя бы раз в столетие. — Эти слова могли быть отнесены к большинству из присутствующих. Может, поэтому они не стали заделывать прорехи в стенах и крыше? — Это мой новый друг Суврин. Он был капитаном местного гарнизона. Я напела ему в уши, и он решил, что хочет помочь нам убраться отсюда до того, как тут объявится Протектор и осложнит всем жизнь.

Кто-то позади произнес:

— Может, ты и мне напоешь... Ох! Вот дерьмо! Ты чего дерешься, Лозан?

Вайра-Наг сказал:

— Хватит. Лебедь, не распускай руки. Виган, придержи язык. Соображать надо. Парни, лучше скажите мне, что вы сделали, чтобы нанести удар по этой крепости около Врат Теней?

Ни слова в ответ.

— Вы ведь, как я понимаю, не сидели без дела, пока дожидались нашего прихода. — Я повела рукой, указывая на то, что нас окружало. — Умудрились даже построить дом. Плохонький, конечно. Точнее говоря, барак. И это все? Не производили разведку? Не составляли планов? Не вели никаких приготовлений? Может, вы занимались чем-то, о чем я просто не слышала?

Бочком-бочком Гоблин приблизился ко мне и пробормотал совершенно нехарактерным для него, извиняющимся тоном:

— Нечего жилы тянуть, сейчас не время. Просто скажи людям, куда идти и что делать.

У этого колдуна не слишком много мудрости, но время от времени я ей доверяю.

— Садись. Вот что мы будем делать. Если у нас еще остались пускатели огненных шаров, разыщите их. Виган, отбери десять человек. Пускатель для самых крупных шаров понесешь сам. Если у нас мало пускателей, возьмите луки. Мы займемся крепостью прямо сейчас. Виган, приступай.

Вот так — будет знать, как злить меня. Он встал и угрюмым тоном назвал имена своих помощников. Не исключено, что все они не так давно чем-то разозлили его. Это как снежный ком.

Пока Виган собирался, остальные рассказывали о том, что, по их мнению, мне следовало знать.

63

Мои люди окружили крепость. Мы шли с факелами, не предпринимая попыток укрыться. Как ему и было сказано, Виган нес самый крупный бамбуковый пускатель, с внутренним диаметром три дюйма. Он сказал мне:

— В этом пускателе осталось всего два-три шара.

— Хватит, я думаю. Ну, вот тут, похоже, то, что надо.

Конечно, умелый лучник с мощным луком мог устроить нам неприятности, но в современной таглианской армии они попадались редко. Могаба был воином. Он считал, что настоящие мужчины должны сражаться лицом к лицу, забрызгивая кровью друг друга. Такое вот у него было «слепое пятно», и мы не раз с успехом использовали его во время Кьяулунской войны. И будем делать это дальше, пока до него не дойдет.

Гоблин сопел где-то позади нас. Тобо тоже был тут. Им приходилось молчать, что, наверно, было нелегким испытанием для мальчика. Он говорил даже во сне.

— Что будем делать? — спросил Виган.

— Выстрели один раз. Прямо сквозь каменную кладку над воротами. — Потом я добавила, уже громче: — всем встать. Не предпринимать ничего, пока я не скажу.

Виган попытался освободить рычаг, но у него ничего не получилось.

— Пусто? — спросила я.

— Не должно бы.

Гоблин посоветовал:

— Попробуй еще раз. Прошло уже десять лет с тех пор, как этой штукой пользовались. Может, заело?

— Готова поспорить, что никто не потрудился держать механизм в порядке, — сказала я. — А вы еще удивляетесь, почему я так жажду нанять оружейника. Давай, попробуй снова. Осторожно, руку береги.

Трах! Крак-крак-крак-вззз! Огненный шар пропорол обе наружные стены маленькой крепости и все, что находилось между ними. Камень частично испарился и потек. Алый шар унесся дальше, покрыл расстояние в несколько миль, потерял инерцию, постепенно потемнел и упал позади развалин Вершины.

— Переместись влево на несколько ярдов, прицелься пониже примерно на пять футов и выстрели еще раз.

Настроение у Вигана заметно улучшилось. Он даже слегка подпрыгивал, занимая новую позицию. На этот раз ему понадобилось сделать всего две попытки, чтобы освободить рычаг.

Огненный шар взлетел. Он был цвета извести и напоминал большой волдырь. Прорезав стену, он наткнулся внутри крепости на какую-то существенную преграду и, прошив дальнюю стену, уже утратил почти всю свою энергию.

Над верхушкой башни густо гоняли пар.

— Наверно, угодил в бочку с водой, — сказала я. Комбинация огненного шара и воды приводила к ужасным последствиям — возникали целые вихри обжигающе горячего пара. — Суврин, где ты? — Два огненных шара не могли не привлечь внимания тех, кто находился внутри, и должны были заставить выжив-

ших задуматься. — Суврин! Ты когда-нибудь был внутри этой груды камней?

Толстяк неохотно вышел вперед. На его лицо упал свет, когда он оказался рядом со мной. Гарнизон внутри запомнит его, без сомнения. Судя по выражению его лица, он хотел солгать мне, но не хватило мужества.

— Да.

— Как она устроена? На вид — ничего сложного.

— Так и есть. Животные и припасы на первом этаже, где земляной пол. Наверно, они подтащили что-то к воротам, чтобы вы не смогли открыть их. Все люди размещаются на втором этаже. Это просто одна большая комната. Там есть печь для приготовления пищи, тьюфяки для спанья и подставки для оружия и всего, что с ним связано.

— А крыша — это, по существу, просто оружейная площадка, верно? Подожди минуту, Виган. Нужно экономить огненные шары. Пусть подумают немного. Тобо, беги всех и скажи, что, когда они будут стрелять, пусть целятся во второй этаж. И, желательно, пониже. Эти вояки, наверно, рухнут на пол, когда смерть обрушится на них.

— А мне можно разок пальнуть, Дрема?

— Сначала сделай, что я сказала. — Я проследила взглядом, когда он бросился бежать. Вот и от него есть какой-то толк. Время от времени за амбразурами мелькали лица. Пара стрел вылетела наружу и упала, не причинив никому вреда. Я сказала Гоблину: — еще немного, и мы сможем составить план этой крепости до последней койки и стола и будем совершенно точно знать, куда целиться, чтобы добиться наилучшего результата.

— Ты абсолютно права. Как всегда. Только постой секунду. Там что-то не то. Эти люди не так напуганы, как должны бы.

Пока он говорил, я заметила возникшее над парапетом лицо. Спустя мгновение из тьмы прямо на него камнем упала ворона и скинула с солдата кожаный шлем.

Я закричала:

— Всем внимание! Они что-то затевают!

Гоблин забормотал, делая какие-то странные движения пальцами.

Наверху маленькой крепости появились люди. Каждый сжимал в руке какой-нибудь метательный снаряд. Поддюжины огненных шаров обрушились на них без моего приказа. Один гренадер упал, успев прежде бросить то, что держал в руке.

Стекло, разглядела я. Того же типа, который Одноглазый применял при изготовлении огненных бомб много лет назад. У нас еще оставалось несколько штук. Но швырять в нас огненные бомбы не имело никакого смысла — мы были вне их досягаемости.

— Цельтесь ниже! — завопила я. — Тени идут!

Таких слов никто не слышал уже целый век, но веретаны не забыли его и среагировали, не задумываясь.

Гоблин уже ковылял по склону — почти бежал, насколько позволяли его старые кости. И по-прежнему бормотал что-то, загадочно шевеля пальцами. Между ними вспыхнули розовые искры и охватили его всего, отчего немногие уцелевшие волосы встали дыбом. Он выхватил у одного из парней небольшой бамбуковый пускатель, на котором были нарисованы черные полосы. Это означало, что тот предназначен для борьбы с Тенями.

Огненные шары взмывали один за другим. Некоторые летели в сторону крепости, другие устремлялись вслед за Тенями, которые выскальзывали из разбившихся стеклянных сосудов. За моей спиной что-то зашептал Суврин. Я сказала ему:

— Не вздумай бежать. Тогда они уже точно доберутся до тебя. Им нравится, когда жертва убегает.

В крепости завопили — огненные шары достали, наконец, и людей. В каком-то смысле огненные шары были убийцами не хуже Теней.

Вскрикнул и кто-то из моих людей — Тень настигла его. Но он был единственным. Отчасти помогло заклинание Гоблина, но еще больше — быстрота, с какой косили людей огненные шары.

Гоблин тоже выстрелил несколько раз, но его шары полетели куда-то в сторону севера, а не в направлении

маленькой, упорно сопротивляющейся крепости. Потом он подошел ко мне.

— Они сделали свое дело, эти храбрые ребята в крепости,— сказал он так кисло, точно лимон разжевал.— Их явно предостерегли.

— Выходит, Душелов не погибла, грохнувшись в воду.

К этому моменту мне лишь частично были известны новости из Таглиоса, но я знала, что ковер Протектора развалился в воздухе, когда она летела на нем над рекой на высоте четырехсот футов. Никто не ставил себе целью специально драматизировать события — просто так уж получилось; тот, кто ломал ковер, торопился, боясь, что его схватят. Мурген подтвердил это. Вообще в последнее время Мурген трудился изо всех сил, желая облегчить Сари ее переживания и трудности.

— Она была одной из Десяти Взятых, Дрема, а с этими людьми справиться нелегко. Черт, она ведь выжила даже после того, как ей отрезали голову! Пятнадцать лет повсюду таскала ее в ящике за собой.

Я усмехнулась. Иногда и впрямь забываешь, что Душелов нечто несравненно большее, чем из рук вон скверный, равнодушный к людям правитель страны.

— Ну что, на этом их сюрпризы кончились? — Я адресовала свой вопрос Суврину, но ответил Гоблин.

— Если бы были, они наверняка уже пустили бы их в ход. Пошлем туда кого-нибудь из ребят?

— О, черт, нет! Не хочу никем рисковать. Из наших, я имею в виду. Суврин, отправляясь туда и скажи им, что если они сдадутся на протяжении получаса, то смогут уйти. Если же нет, следующий час им не пережить.

Толстяк запротестовал было. Виган ткнул его в спину кончиком кинжала. Я сказала Суврину:

— Если с тобой что-то случится, я отомщу за тебя.

— Это снимает тяжесть с моей души.

Гоблин спросил:

— Интересно, как ты собираешься отомстить? Учитывая, что посылать туда никого не хочешь.

Протектор не боялась столкновения ни с какой рассерженной или голодной тварью. Охраняя ее, вокруг сидели сотни ворон. Другие захлопали крыльями и умчались во тьму, чтобы пригнать целую эскадрилью летучих мышей. Такое количество птиц и летучих мышей отбивало охоту приближаться к ней у любого хищника или животного, питающегося падалью. Окончательно придя в себя, Душелов в припадке оскорбленного самолюбия заставила целую стаю шакалов умчаться прочь с горящими шкурами.

Потом она заковыляла в город, потихоньку восстанавливая силы и ворча себе под нос, что стареет и теряет способность быстро приходить в норму.

В конце концов, она добралась до дома одного ростовщика, откуда ее доставили во Дворец уже со всеми удобствами. Прибыла туда она где-то вскоре после времени завтрака, в таком отвратительном настроении, что служащие постарались сделать все, чтобы их не видели и не слышали. Только Великий Генерал осмелился зайти, чтобы спросить, как она себя чувствует. И тут же ретировался, когда она стала рвать и метать.

Несмотря на всю свою паранойю, Душелов не подозревал, что случившееся с ней было не просто несчастным случаем — до тех пор, пока не проверила оставшийся ковер, собираясь, несмотря ни на что, нагреться к нюень бао. Вот тогда-то она и обнаружила, что деревянные части каркаса, на которые натягивался ковер, оказались подпилены в нескольких стратегически важных местах.

Для того, чтобы вычислить, кто это сделал и, предположительно, почему, понадобилось всего несколько секунд. Душелов послала за Джаулем Барунданди и его помощниками.

Тут ее ожидал еще один сюрприз. Барунданди нигде обнаружить не удалось. Он сказал, что у него что-то случилось в семье и нужно срочно уйти. И произошло это буквально перед самым ее возвращением. Так ей доложили Серые, когда она занялась расследованием.

— Забавное совпадение. Найдите его. Найдите тех, с кем вместе он постоянно работал. Нам с ним непременно нужно кое-что обсудить.

Серые мгновенно разбежались. Один отважный капитан, однако, задержался, чтобы сообщить:

— В городе ходят слухи, что Бходи собираются возобновить свои самосожжения. Они хотят, чтобы Радиша вышла к народу и занялась их делами лично.

Эта новость не улучшила настроения Душелова.

— Поинтересуйся, может, им не хватает керосину? Я сегодня особенно щедрая. И еще спроси, может, они чуть-чуть повременят, пока плотники построят трибуны, чтобы преданные подданные Радиши могли получить удовольствие от их представления. Мне плевать, что делают всякие сумасшедшие. Убирайся отсюда! Найдите этого слизняка Барунданди! — Все это было сказано голосом, в котором сквозило возмущение пополам с безумием.

Джаулю Барунданди не повезло. Он ухитрился скрыться от летучих мышей, ворон и Теней, которых Протектор выпустила на свободу, когда выяснилось, что Серым не удастся выяснить, куда он подевался. Но в конечном счете на него донесли — когда вознаграждение за его поимку стало достаточно велико. Был распушен лживый слух, что он напал на Радишу, серьезно ранил ее и что только благодаря быстрому вмешательству Протектора и ее могущественному колдовству княгине удалось спасти жизнь. Однако Радиша находится на краю гибели.

Таглианцы любили свою Радишу. Джауль Барунданди обнаружил, что у него нет друзей — только соучастники; один из них и выдал его в обмен на часть вознаграждения (большую часть, как водится, прикарманили Серые) и возможность сбежать.

Джаулю Барунданди пришлось пройти через ужасные мучения. Он был готов рассказать все, что угодно, лишь бы они прекратились, но того, что хотелось услышать Протектору, он попросту не знал. Кончилось тем, что она приказала посадить его в клетку и подвесить ее на высоте пятнадцати футов над тем местом, где Бходи обычно устраивали свои самосожжения. Одновременно она издааа указ, согласно которому прохожим рекомендовалось швырять в него камнями. Она рассчитывала, что он провисит там достаточно долго, испытывая бесконеч-

ные страдания, но из этого ничего не вышло. В первую же ночь неизвестно кто и неизвестно как ухитрился бросить ему кусок отравленного фрукта. А под клеткой были оставлены трупы предателя и одного из Серых. В рот каждого засунули клочок бумаги с надписью: «Воды спят». Вороны исклевали оба трупа, прежде чем их обнаружили.

То были последние «дары» Черного Отряда, но они почему-то так подействовали на Протектора, что она почти лишилась разума. На протяжении нескольких дней те из Серых, кто оставался ей предан, были заняты по уши, арестовывая людей, большинство из которых не могли даже примерно предположить, чем они так досадили Душелову.

Она так и не посетила нюень бао, несмотря на то, что оставшийся ковер отремонтировали. В Таглиосе час за часом становилось все беспокойнее, и все свое внимание она уделяла тому, чтобы город совсем не вышел из повиновения.

Потом вернулись преданные и измученные маленькие Тени. Они шныряли в горах и лесах, над озерами, реками и равнинами — и принесли ей новости о том, что произошло на самом дальнем юге.

Душелов испустила крик ярости, настолько мощный, что все в городе слышали его. Переселенцы из других мест заговорили о том, что умнее было бы вернуться в свои провинции.

Великий Генерал с двумя своими приближенными офицерами взломали дверь покоев Протектора, не сомневаясь в том, что ее нужно спасать. Вместо этого они обнаружили, что она в ярости мечется туда и обратно, разговаривая сама с собой разными голосами.

— У них есть Ключ. Они наверняка раздобыли Ключ. Наверно, убили Обманника. Может быть, даже заключили союз с Киной. Зачем они отправились туда? Что им делать на равнине после того, что случилось с их вожаками? Что их так тянет туда? Я читала Летописи. Там ничего нет. Что им известно? Что за Страна Неизвестных Теней? Что нового они могли придумать или узнать с тех

пор, как служили мне еще на севере? Зачем? Зачем? Что им известно такого, чего не знаю я?

Тут до Душелова дошло, что рядом стоят Могаба и его люди. Последние заметно нервничали, не понимая, где источник всех этих голосов. Когда Душелов начинала волноваться, обычно возникало впечатление, что они исходят отовсюду.

— Ты! Тебе удалось поймать кого-нибудь из террористов?

— Нет. И я не смогу этого сделать, разве что кто-нибудь так сильно разобидится на других, что сам предложит свои услуги. Их здесь осталось совсем немного, и те, скорее всего, не знают друг друга. Я выяснил, по крохам собирая сведения, что они ушли в Тенелов.

В свое время он служил Хозяину Теней Длиннотени. И не смог избавиться от привычки называть Кьялуун так, как это делал его прежний хозяин.

— Все верно. Они вернулись туда, где были пятнадцать лет назад. Только теперь у них Радиша и Ключ. — По ее тону чувствовалось, что во всем случившемся она винит Могабу.

Его это ничуть не беспокоило. Во всяком случае, в данный момент. Он уже привык к тому, что его обвиняют в проступках, которые совершают другие. И он не верил, что остатки Черного Отряда представляют собой сколько-нибудь реальную угрозу. Они потерпели слишком сокрушительное поражение и были не у дел слишком долго. Они лишь воображают, что остаются воинским формированием — по сравнению, скажем, с Обманниками. Достаточно нескольких небольших отрядов, чтобы стереть их с лица земли и похоронить окончательно. И у тенеземцев им не найти ни помощи, ни сочувствия. Тамошний простой люд не забыл последнего нашествия Черного Отряда.

— Ключ? Что за Ключ?

— То, с помощью чего можно открыть Врата Теней без вреда для себя. Талисман, который позволит им проникнуть на равнину, — сказала она голосом ученого педанта и тут же сменила его на гневный. — Одно время я

владела этим талисманом. И много лет назад использовала его, чтобы проникнуть туда и все там обследовать. Длиннотень обделаался бы, если бы узнал об этом. Однако Ключ исчез в самом начале этой заварухи в Кьяулуне. Наверно, Кина помутила мой разум, чтобы дать возможность Обманнику Сингху украсть и Ключ, и дорогую доченьку моей сестры. Я даже представить себе не могу, зачем этот сброд так рвется на равнину после того, что там произошло. Но что бы они ни задумали, я хочу этому помешать. Готовься к путешествию.

— Мы не можем надолго оставить Таглиос без верховной власти, ведь до Тенелова не близко. У нас больше нет жеребца, даже если бы он смог унести двоих.

— О чем ты? — непонимающе спросила Душелов.

— О черном жеребце с севера. У меня оставался один, но теперь он исчез. Разбил свое стойло и сбежал. Я рассказывал тебе об этом в прошлом месяце. — По всей видимости, она ничего не помнила.

— Мы полетим.

— Но... — Могаба терпеть не мог летать. В те дни, когда он был генералом у Длиннотени, ему приходилось летать вместе с Ревуном почти ежедневно. Он с очень неприятным чувством вспоминал те времена. — Я думал, именно большой ковер уничтожен.

— Маленький выдержит двоих. Нам придется нелегко. Я должна как следует отдохнуть. Но мы сможем обернуться так быстро, что здешние людишки не успеют узнать об этом и воспользоваться преимуществом нашего отсутствия. Неделя, я думаю. Самое большее, десять дней.

Великий Генерал много чего мог бы на это возразить, но предпочел держать язык за зубами. Из-за реакции на то, чего ей не хотелось слышать, Протектор была еще хуже Длиннотени.

Душелов продолжала:

— Мы отправимся туда, как следует замаскировавшись, чтобы иметь возможность затеряться среди них. Я должна собственными глазами увидеть молот. У него есть одна особенность — он тяжелее, чем кажется на вид.

Мобаба еле заметно поклонился. И снова промолчал, хотя понимал, как трудно им будет затеряться среди людей, на которых они охотятся.

— Займись подготовкой своих людей, — закончила свои инструкции Душелов. — Им придется пару недель держать Таглиос в узде.

На этом Мобаба отбыл, так и не сказав ни слова, даже по поводу того, что уже за время их разговора временные рамки оказались сдвинуты. Положение у него было такое — делать много, а говорить мало. Или, лучше, вообще молчать.

Протектор, забавляясь в душе, проводила его взглядом. Ему казалось, что он очень хорошо скрывает свои мысли. Но она была столь древней в своей порочности и изучила внутреннюю подоплеку человеческого поведения столь глубоко, что почти могла читать мысли.

65

Маленькая крепость медленно оплывала, словно сделанная из разогретого воска. Как только я заснула и не могла больше помешать ему, Гоблин тут же переложил всю дальнейшую колдовскую работу на плечи Тобо. Последнему пришлось немало потрудиться, чтобы выкурить уцелевших врагов из их убежища. Скверный мальчишка учился у своих наставников гораздо дольше, чем и он, и они хотели признавать.

Солдаты гарнизона выносили наружу своих мертвых и раненых, когда меня разбудил крик. Я села. Уже близился рассвет. И мир вокруг стал совсем другим.

— Красавчик, что случилось? — спросила я.

Один из моих ветеранов узнал одного из врагов.

— Этот парень у них за старшего, — объяснил Красавчик. — Это — Кусавир Пете, Дрема. Помнишь? Мы думали, что он погиб, когда бахратский батальон попал в засаду под Кушкоши и был уничтожен.

— Помню.

Я помнила и еще кое-что, то, чего Красавчик не знал. То, о чем рассказала лишь Мургену, который находился в

одном из своих призрачных блужданий в то время, когда произошла эта резня. Кусавир Пете, в те времена один из братьев Отряда, присягнувший ему на верность, завел в ловушку наше самое крупное воинское формирование, скомплектованное из союзников Отряда. Можно считать, что именно это поражение стало для нас концом Кьяулунской войны. Кусавир Пете нарушил свою клятву. Кусавир Пете предал своих братьев. В моем списке людей, с которыми я жаждала встретиться, он стоял очень высоко. Даром, что до сих пор мне довелось столкнуться лишь с одним человеком, который утверждал, что Пете уцелел, а его предательство было вознаграждено высоким постом, деньгами и новым именем. Но даже те из наших, кто ничего этого не знал, быстро вычислили, что к чему, стоило им увидеть его.

— Что же ты не попросил ее изменить свою внешность? — сказала я, когда они швырнули его, истекающего кровью, к моим ногам. — Хотя ты, наверно, не ожидал и такой щедрости с ее стороны.

Я не позволяла ему отвести взгляд. То, что он увидел в моих глазах, убедило его, что нет смысла отрицать что-либо. Вайра-Наг выполз наружу, и я не стала удерживать его.

Все больше и больше людей собиралось вокруг. Поскольку многие были не в курсе дела, я рассказала, как Душелов склонил Кусавира Пете к предательству и как он помог ей уничтожить более пятисот наших братьев и союзников. Первоначальные и не совсем искренние приветствия тут же сменились красноречивыми советами относительно разных способов, с помощью которых мы можем разделиться с предателем. Я не мешала людям выговориться — до тех пор, пока некоторые не начали распускать руки. Тогда я сказала Гоблину:

— Спрячь его куда-нибудь. Он еще может нам пригодиться.

Возбуждение постепенно улеглось, и я смогла позволить себе удовольствие плотно поесть. Почувствовав себя гораздо лучше, я воспользовалась возможностью побеседовать с господином Сурендранатом Сантаракситой.

— Похоже, такая жизнь вам по душе, — сказала я, добравшись до него. — Вы выглядите лучше, чем в то время, когда покидали город. — И это была чистая правда.

— Дораби? Парень, я думал, ты погиб. Несмотря на бесконечные уверения, что это не так. — Наклонившись поближе, он добавил доверительно: — они не все честные люди, твои товарищи.

— Что, Гоблин и Одноглазый уже взялись обучать вас игре в тонк?

Вид у библиотекаря стал немного... смущенный, что ли?

— У них есть чему поучиться. — Потом застенчивость сменилась некоторой игривостью. — Мне кажется, я тоже кое-чему научил их. В юности карточные трюки были одним из моих хобби.

Я не удержалась от смеха, представив себе, как эти пройдохи сами оказались в дураках.

— Вы нашли что-нибудь полезное для меня?

— Я прочел каждое слово в каждой книге, которые мы прихватили с собой, включая современные хроники вашего Отряда, написанные на известном мне языке. И не обнаружил ничего выдающегося. Тогда я позволил себе немного поразвлечься, попытавшись разобраться в хрониках, которых не мог прочесть, путем сравнения текстов, написанных на разных языках.

Это в большой степени было делом рук Мургена. Он носился с идеей копирования материала с целью отсеять все ненужное и неправильное. Один из его грандиозных проектов состоял в том, чтобы проверить на точность изложения Летописи, написанные Госпожой и Капитаном, сравнивая их с показаниями других свидетелей и переводя на современный таглианский. Некоторые из наших предшественников тоже поступали так, так что все последние тома Летописей фактически были результатом совместной работы нескольких авторов.

— Похоже, мы много книг унесли с собой? — спросила я.

— Точно улитки, вы таскаете всю свою историю на спине.

— Это точно. Удачный образ, однако. Не надоедает копаться во всем этом?

— Мальчик не дает мне скучать.

— Мальчик?

— Тобо. Он — блистательный ученик и поражает меня даже больше, чем ты в свое время.

— Тобо?

— Именно. Кто мог ожидать этого от нюень бао? Благодаря тебе, Дораби, все мои предубеждения рушатся одно за другим.

— Я и сама поражена. — Тобо? Либо у Сантаракситы открылся неожиданный талант вдохновлять учеников трудиться, либо Тобо имел озарение, в результате которого им овладела сверхъестественная жажда знаний. — Вы уверены, что говорите о Тобо, а не о подменыше, оставленном эльфами?

Только мы о нем заговорили — и, пожалуйста, дьяволенок уже тут как тут.

— Дрема, Ранмаст, Речник и остальные, кто с ними, вот-вот доберутся сюда. Доброе утро, господин Сантараксита. Я сейчас свободен. — Он что, и впрямь так тянется к знаниям? — Ох, прости, Дрема. Па хочет поговорить с тобой.

— Где?

События разворачивались слишком стремительно, и до сих пор у меня не было возможности поймать Мургена.

— В палатке Гоблина. Все, кроме ма, считают, что это для него самое безопасное место.

Сари можно понять. В результате она лишилась возможности обсудить с мужем кос-какие личные моменты.

Когда я уходила, мальчик и старик уже склонились над книгой. Я бросила на Сантаракситу предостерегающий взгляд, который, однако, остался незамеченным.

Гоблина в палатке не было. Ну конечно, нет. Весь в трудах — не покладая рук выполнял многочисленные поручения, которые я возложила на него. Ха-ха.

Трудно себе представить, как одно-единственное человеческое существо в состоянии устроить такой беспорядок

на столь ограниченном пространстве. Палатка Гоблина была значительно выше и вдвое вместительнее, чем любая из наших. Я могла в ней стоять, и еще оставалось примерно два дюйма про запас. То, что выглядело как скамейка какой-нибудь доярки — без сомнения, украденная, — составляло всю мебель колдун. Остальное пространство было завалено случайными вещами, большинство из которых имели такой вид, точно их выбросили за ненадобностью предыдущие владельцы. Догадаться, по какому принципу их тут собирали, не представлялось возможным.

И всем этим он наверняка обзавелся уже после того, как прибыл сюда. Сари ни за что не позволила бы ему занимать место на барже подобной рухлядью.

Туманный прожектор стоял в головах вонючей постели Гоблина, опасно наклонившись и истекая водой.

— Если здесь самое безопасное место для хранения этой проклятой вещи, тогда весь Отряд — просто сборище сумасшедших, неспособных адекватно воспринимать реальность.

Со стороны колдовского устройства послышался шепот. Я уселась поближе к нему, получив уникальную возможность в полной мере ощутить неповторимый аромат постели Гоблина, сопровождающий его с тех самых пор, как он был еще в пеленках.

— Что?

Несмотря на все усилия Мургена, его шепот был едва слышен.

— Воды. Добавь еще воды, без нее туман долго не сохраняется.

Я собралась схватить устройство и вытащить из палатки. Мурген разозлился, и от этого его голос зазвучал чуть-чуть громче.

— Нет, черт возьми! Принеси сюда воду, а не тащи меня к воде. Если у тебя возникло желание таскать меня за собой, сначала, по крайней мере, долей сюда воды. И поторопись. Через несколько минут я собираюсь сняться с якоря.

Найти галлон воды оказалось совсем непросто.

— Проклятие, почему ты так долго возилась?

— С водой возникли небольшие трудности. Похоже, до этих слабоумных никак не дойдет, что необходимо постоянно иметь некоторое количество воды под рукой. К примеру, на случай, если княжеская армия вздумает разбить лагерь между нами и ручьем, где мы ее берем. У нас тут все гении, где им заниматься такими мелочами. Пришлось озадачить их этой проблемой. Как я вылью ее туда?

— Здесь сзади есть пробка... Может, тебе имеет смысл начать снова читать им Летописи. Вроде того, как это делают в храмах. Я сам время от времени организовывал такие чтения. Выбери что-нибудь соответствующее данной ситуации. «В те дни Отряд состоял на службе...» и так далее в том же духе, чтобы они на примерах увидели, почему может оказаться полезным запастись водой, а не бегать в поисках нее, если она понадобится. Ты имеешь дело со взрослыми людьми. Нельзя просто взять и заставить их поступать правильно. Но если ты возобновишь чтения, они услышат рассказ о совсем других временах и вспомнят, что люди всегда поступают так перед большой заварухой и что это правильно. Ты сумеешь завладеть их вниманием, и они не станут пропускать твои слова мимо ушей.

— Тобо сказал, что ты хочешь поговорить со мной.

— Мне нужно рассказать тебе о том, что происходит в других местах. И еще я хочу дать кое-какие советы относительно вашей подготовки к походу на эту равнину. Один из них — прислушиваться к Лозану Лебедю, но самый важный состоит в том, что у вас должна быть железная дисциплина. Эта равнина смертельно опасна. Даже хуже, чем Равнина Страх, которой ты не помнишь. Стоит там нарушить хотя бы одно правило — и ты покойник. Вот еще идея для тебя. Не хороните и не сжигайте труп человека, которого прошлой ночью убила Тень. Пусть каждый непременно взглянет на него и задумается над тем, что случится со всеми вами, если хотя бы один даст там промашку. Прочти им отрывки, где описываются наши

приключения. И пусть Лебедь подтвердит, что все это правда.

— Можно собрать здесь самых надежных ребят, чтобы они послушали тебя.

— Но все остальные будут не слишком довольны, что они остались в стороне. Прямо сейчас, вот в эту самую минуту, на север летит Тень, чтобы рассказать Душелову, где вы находитесь. И Душелову наверняка уже известно достаточно, чтобы можно было вычислить остальное относительно ваших планов. Она совершенно определенно не захочет, чтобы ее сестра и Ворчун, пылающие жаждой мести, обрели свободу. Она объявится тут очень скоро — как только сможет. А кроме Душелова существует ведь еще и Нарайан Сингх. Он бережет спокойствие Кины, вот почему его так трудно выследить, но кое-что мне случайно выяснить удалось. Он на этой стороне Данда Прэш и, скорее всего, где-то неподалеку отсюда. Хочет освободить Дочь Ночи и отдать ей книгу, которую получил у тебя за Ключ. Между прочим, забери его у Дядюшки Доя, пока он не поддался искушению попытаться сделать что-то самостоятельно. И отдай Гоблину, пусть поизучает его.

— М-м-м? — В это утро он просто затопил меня информацией, к чему, видимо, тщательно и долго готовился.

— С Ключом все не так просто. У меня такое чувство, что Обманник проглядел что-то. Дой продолжает ковыряться в нем, пытаясь выяснить, что внутри, под слосм железа. Нужно разузнать о Ключе побольше, прежде чем пускать его в ход. И сделать это необходимо как можно быстрее. Тень быстро доберется до Таглиоса.

— Вот-вот должны придти Речник и Ранмаст. Они, в общем и целом, ответственные люди. Как только они отдохнут, я поручу им кое-что из того, о чем ты говорил. Потом я смогу заняться...

— Займись этим сейчас. Пусть Лебедь будет твоим сержантом. Он человек опытный, и теперь у него нет другого выбора, как только вместе с нами пройти через все это. Душелов никогда ему по-настоящему не доверяла и оказалась права.

— Я как-то не задумывалась об этом.

— Ты не можешь все делать сама, Дрема. Если ты собираешься стать командиром, нужно научиться говорить людям, что делать, а потом отходить в сторону и не мешать им выполнять твой приказ. Если ты, точно заботливая мамаша, будешь следить за каждым их шагом, никакого сотрудничества не получится. Ты уже приручила этого толстого мальчишку?

— Какого?

— Эту деревеншину, местного капитана. Того, что не может ходить в ногу, даже если они будут выкрашены в разные цвета. Ты ведь втянула его во все это?

— Что-то я тебя не совсем понимаю. О чем ты?

— Сейчас объясню. Картина в целом складывается такая. Ты забыла сказать ему, что сюда собирается заглянуть Душелов. Но при этом ты как бы заключила с ним сделку. Он делает то, что нам нужно, в надежде, что в этом случае мы от него отвяжемся. Ты приглядываешь за ним, чтобы не сбежал, поэтому, когда заваруха начнется, ему просто не останется ничего другого, как держаться нас.

— Ну, если ты это имел в виду, то да, я втянула его в наши дела. На семьдесят процентов.

— Вот-вот. Продолжай в том же духе. Улещивай его. Кокетничай с ним. Делай все, что в твоих силах. Если Душелов лишится его, ей просто не на кого будет здесь опереться.

Гоблин, когда я с ним увиделась, чуть ли не слово в слово повторил то, что говорил Мурген. В особенности он пришел в восторг от последнего совета Мургена.

— Точно! Ухвати толстяка за член и не отпускай его от себя. А время от времени сжимай посильнее, чтобы доставить ему удовольствие.

— Я уже, по-моему, не раз говорила, кто ты. Старый инициальный развратник.

— Это все годы, когда мне приходилось остерегаться Одноглазого, который норовил проделать то же самое со мной. А ведь я был совершенно чистым, невинным мальчиком, когда встретился с ним.

— Ты родился порочным и циничным.

Гоблин захихикал и сменил тему.

— Ты лучше скажи мне, сколько людей хочешь собрать, прежде чем отправиться в путь? И сколько времени еще намерена тут болтаться?

— Не так уж долго, если удастся уговорить Суврина сотрудничать с нами.

— Никаких «если»! И никаких «долго»! Забудь это слово! Ты что, не понимаешь? Душелов вот-вот объявится. Хотя, конечно, где тебе. Ты же никогда не видела ее в деле.

— Кьяулунская война не в счет?

Наверно, ему и впрямь выпало на долю столкнуться с чем-то из ряда вон — он буквально затрясся.

— Кьяулунская война не в счет. Там она просто развлеклась.

Я заставила себя отправиться туда, куда до этого избегала заглядывать.

Ноги Дочери Ночи были закованы в кандалы. Сама она сидела в железной клетке, густо оплетенной заклинаниями, которые причинили бы ей все усиливающуюся боль, попытайся она выбраться оттуда, и попросту убили бы, удались она на значительное расстояние.

Казалось, было сделано все возможное, чтобы удерживать ее под контролем. За исключением того, что она была еще жива, хотя разум упорно подталкивал меня к тому, что с этим надо кончать. Вообще-то не было больше никаких поводов для того, чтобы не убивать ее — за исключением данного слова.

Когда нужно было покормить ее или требовалось еще что-нибудь, наши люди приближались к ней по двое и строго по очереди. Тут Сари не допускала ни малейшей расхлябанности. Она прекрасно понимала, какую опасность представляет собой эта девушка.

Бросив на нее первый взгляд мельком, я почувствовала укол зависти. Несмотря на крайне невыгодное положение, она была чудо как хороша и очень похожа на свою мать, только сильно помолодевшую. Однако из пре-

красных голубых глаз на меня глянуло что-то бесконечно древнее и темное. На мгновение она показалась мне не Дочерью Ночи, а воплощением самой Тьмы.

У нее была масса времени, чтобы общаться со своей духовной матерью.

Она улыбнулась, как будто осознавала, как змеи мрачного искушения заскользили в темных коридорах моего сознания. Мне захотелось приласкать ее. Мне захотелось убить ее. Мне захотелось убежать, моля о милосердии. Потребовалось немалое усилие воли, чтобы напомнить себе — ни сама Кина, ни ее дети не были злом в том смысле, какой северяне или даже веднаиты вкладывали в это слово.

И тем не менее... Она была сама Тьма.

Я отступила назад и откинула полог палатки, открывая доступ своему союзнику, солнечному свету. Улыбка на лице девушки угасла. Она отодвинулась как можно дальше в глубь клетки. Мне нечего было ей сказать. На самом деле нам обоим нечего было сказать друг другу. Злорадствовать было не в моем духе, а рассказ о том, что происходит в мире, мог подтолкнуть ее к нежелательным действиям. Пока что она лишь ждала — вот пусть и ждет дальше.

Терпения ей было не занимать, так же, как и ее духовной матери.

Что-то ткнуло меня в спину. Я сжала рукоятку короткого меча.

Белые крылья взъерошили мои аккуратно уложенные волосы, когти вцепились в плечо. Дочь Ночи, пристально глядя на белую ворону, впервые за долгое время проявила хоть какие-то чувства. Ее самоуверенность дала трещину. Она буквально вжалась в решетку за спиной.

— Ну и как мы посмотримся вместе? — спросила я ворону.

Ворона ответила что-то вроде:

— Карр! Виранда!

Девушка задрожала. И даже побледнела, если это вообще было возможно. Она так крепко стиснула челюсти, что, казалось, было слышно, как трещат зубы. Я сделала

пометку в уме обсудить случившееся с Мургенем. Ему было известно что-то об этой белой вороне.

Что могло так сильно напугать девушку?

Ворона засмеялась, прошептала: «Сестра, сестра», — и унеслась прочь, утонула в солнечном свете. Ее неожиданное появление, по-видимому, напугало кого-то из братьев неподалеку, и он крепко выругался.

Пристально глядя на девушку, я видела, как она вновь обретает свой внутренний стальной стержень. Наши взгляды встретились, и мне стало ясно, что ее страх исчез. Я для нее была ничто, меньше, чем какое-нибудь насекомое, — всего лишь крошечная точка на ее долгом пути сквозь века.

Содрогнувшись, я отвела взгляд.

Жуткое дитя.

66

Дни наши начинались до рассвета, а заканчивались после захода солнца. В основном они проходили в учении и тренировках. Тобо с почти фанатической страстью совершенствовал свои навыки как иллюзиониста. Я настояла на том, чтобы возобновить ежедневное чтение Летописей, имея в виду таким образом углубить и расширить чувство нашего братства, которое лежало в основе самого существования Отряда. Поначалу, конечно, мне пришлось столкнуться с некоторым сопротивлением, но постепенно чтение, которое вначале казалось не имеющим к нам никакого личного отношения, захватило всех. Люди все больше осознавали, что мы — действительно! — собираемся проникнуть на Сияющую равнину, либо умереть перед Вратами Теней, если Душелов решит написать последнюю главу нашей истории.

Обучение быстро принесло свои плоды. Восемь дней спустя после того, как мы захватили крепость неподалеку от Врат Теней, к западу от Нового Города объявился еще один отряд горе-воjak, наподобие того, которым руководил Суврин, но много больше. Спасибо Мургену, он пре-

достерег нас. С помощью Тобо и Гоблина мы устроили им классическую засаду с применением иллюзий и заклинаний. Сбитый с толку и полностью дезорганизованный отряд даже не догадывался о том, что же происходит на самом деле. Наше нападение было быстрым, сильным и безжалостным. На протяжении нескольких минут отряд распался на небольшие группки, неспособные оказывать ни малейшего сопротивления. Люди попросту разбежались, и нам не удалось захватить столько пленников, сколько мне хотелось, но большая часть офицеров попала к нам в руки. Суврин великодушно опознал тех, с кем был знаком.

К этому времени Суврин практически стал новобранцем Отряда, так отчаянно хотелось ему принадлежать хоть к какому-нибудь человеческому сообществу и заслужить одобрение окружающих. Меня грызло ощущение вины за то, что я фактически использовала его.

Пленники выполняли для нас разного рода подготовительные работы. Большинство трудились изо всех сил, потому что я обещала освободить тех, кто не будет лениться. А лодырей, сказала я, мы возьмем с собой в качестве носильщиков. Среди пленников также распространился слух, что проход сквозь Врата Теней может потребовать человеческих жертв.

Я нашла Гоблина у Одноглазого, чье выздоровление, казалось, пошло быстрее с появлением Готы. Хотя не исключено, что причиной этого было страстное желание получить возможность избавиться от старухи и ее стряпни. Не знаю. Ключ лежал на маленьком столике между ними. Дой, Тобо и Гота просто сидели тут же и наблюдали. Даже Матушка Гота помалкивала.

Сари отсутствовала, и это бросалось в глаза.

В своем беспокойстве за Тобо она зашла слишком далеко. Она очень волновалась из-за него, очень. Гораздо больше, чем признавала. И огромная часть ее страхов была связана с ближайшим будущим.

— Вот здесь, — сказал Одноглазый как раз в тот момент, когда я наклонилась, чтобы посмотреть, чем занимается Гоблин.

Маленький лысый старик держал в руках небольшой молоток и резец. Он приставил резец, ударил, и от Ключа отскочил кусок железа. Очевидно, это продолжалось уже некоторое время, потому что примерно половина железа уже была снята, и внутри показалось что-то, сделанное из золота. Что это они вытворяют с Ключом?

Я открыла было рот, но Одноглазый, не поднимая глаз, опередил меня:

— Попридержи язык, Малышка. Мы не причиним вреда Ключу. Ключ — это то, что внутри. Золотой молот. Ты не могла бы наклониться немного пониже и прочесть, что там написано?

Я так и сделала, внимательно вглядываясь в буквы, которые стали видны, когда отлетело железо.

— Вроде бы алфавит того же самого языка, на котором написана первая книга Летописей. Не говоря уж о первой Книге Мертвых.

Концом резца Гоблин указал на рельефно выступающий символ, повторяющийся в нескольких местах.

— Дой говорил, что видел этот знак в храме в Роковом Перелеске.

— Ему там самое место. — Я узнала этот символ. Господин Сангтараксита объяснил мне его значение. — Это личный знак богини. Ее персональное клеймо, можно так сказать. — Я сознательно не называла ее по имени. — Не произносите ни одного из ее имен, иначе, в сочетании с этой вещью, мы рискуем привлечь ее внимание. — Все изумленно уставились на меня. — Может, вы уже делали это? Нет? Дядюшка, ты имеешь хоть какое-то представление о том, что это за штука на самом деле?

У меня было интуитивное ощущение, что Нарайан Сингх никогда не отдал бы нам эту вещь, если бы знал, чем именно владеет. Возможно, ее единственное назначение состоит в том, чтобы жрец, у которого она находится, мог в любой момент мгновенно привлечь к себе внимание богини. Даже в соответствии с канонами моей религии, в древние времена люди имели гораздо более непосредственные и, прямо скажем, путающие взаимоотношения с Богом. Об этом сказано в священном пи-

сании. Но в мифологии Кины, насколько мне помнилось, нет упоминания ни о каком золотом молоте. Любопытно. Может быть, господин Сантараксита сможет просветить меня на этот счет.

Между тем Гоблин продолжал отковыривать железо. Я не сводила с молота взгляда. Чем больше кусков железа отваливалось, тем быстрее продвигался процесс.

— Никакой это не молот, — сказала я. — Это что-то вроде кирки. Вещь, имеющая отношение к культу Обманников. И такая же древняя, как сама земля. Ее религиозное значение должно быть исключительно велико. Давайте покажем эту штуку девушке и посмотрим, как она среагирует.

— Ты, похоже, стала прямо специалистом по Кине, Дрема. И все-таки, что это может быть?

— У такого рода инструментов имеется специальное название, но я его не помню. Каждый отряд Обманников имел кирку наподобие этой. Правда, не из золота. Они использовали их после того, как убивали людей, во время церемониальных похорон. Чтобы растолочь кости своих жертв как можно мельче. А иногда они с помощью этих штук рыли могилы. Все с соответствующими церемониями, с целью уболаговорить Кину, конечно. Мне в самом деле кажется, что нужно показать это Дочери Ночи и проследить за ее реакцией.

Все, не отрываясь, смотрели на меня, дожидаясь, по-видимому, что я вызовусь добровольцем.

— Я не стану делать этого. Я иду спать.

И что же? Все взгляды по-прежнему были прикованы ко мне. А, ну ладно. Я сама приняла решение стать командиром. Такие вещи рядовые парни не делают.

— Хорошо. Дядюшка, Тобо, Гоблин. Вы пойдете со мной и, в случае чего, вытащите меня оттуда. Это дитя имеет такие таланты, о которых мы даже не догадываемся.

Я знала, что она все еще пытается по ночам выбираться из тела, несмотря на все применяемые к ней меры принуждения. Она была подлинной дочерью обеих своих матерей, а что могло случиться, если она слишком разволнуется, вообще никто даже представить себе не мог.

Тобо запротестовал:

— Не люблю я приближаться к ней. У меня от нее мурашки по коже бегут.

Гоблин опередил меня.

— Парень, у всех от нее мурашки бегут. Я за сто пятьдесят лет не встречал никого, кто нагонял бы на людей столько страху. Привыкай. Учись справляться с такими вещами. Это — часть нашей работы. Той самой, для которой якобы ты рожден и к которой так рвешься.

Любопытно. Гоблин в качестве наставника и инструктора выражался гораздо более членораздельно, чем Гоблин, которому хотелось выглядеть бездельником и лодырем.

Маленький колдун продолжал давать свои указания:

— Ты понесешь Ключ. Ты — молодой и сильный.

Когда мы вошли в палатку, Дочь Ночи не подняла глаз. Может быть, она даже не осознала нашего присутствия. Вид у нее был такой, точно она медитировала. Или беседовала со своей Темной Матерью. Гоблин постучал по решетке, с которой посыпалась ржавчина.

— Нет, вы только посмотрите на нее! Ловко!

— Что такое? — спросила я.

— Она творит какое-то заклинание, воздействующее на железо. Оно ржавеет в тысячу раз быстрее, чем должно бы. Сообразительная девчонка. Только...

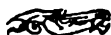
Сообразительная девчонка посмотрела вверх. Наши взгляды встретились. Меня до костей пробрал озноб.

— Только что? — спросила я.

— Только все заклинания, удерживающие ее саму, привязаны к этой клетке. Все, что творится с клеткой, происходит и с ней. Посмотрите на ее кожу.

Я поняла, что он имел в виду. Дочь Ночи, конечно, не заржавела, но кожа ее выглядела пятнистой и изношенной.

Ее взгляд сместился в сторону дядюшки, Гоблина, Тобо и... Она изумленно открыла рот, точно впервые видела этого мальчика. Медленно поднялась, подошла к решетке, не сводя с него взгляда. Слегка нахмурила бровь. Ее взгляд метнулся к предмету, который Тобо держал в руках.

Она открыла рот, и, клянусь, из него вырвался рев, который мог бы издать рассерженный слон. Глаза стали, как блюда, она ринулась вперед. С решетки снова посыпалась ржавчина, ее прутья согнулись, но не поддались. Девчонка просунула между ними руку в отчаянной попытке схватить Ключ. Кусочки почерневшей кожи отваливались от нее, как ржавчина от решетки. И все равно девушка была чудо как хороша.

— Полагаю, теперь мы можем утверждать, что эта вещь имеет определенное значение для Обманников, — заметила я.

— Похоже на то, — согласился Гоблин.

Теперь уже вся рука девушки выглядела так, точно была обожжена.

— Давайте тогда поскорее унесем Ключ и посмотрим, что еще нам удастся выяснить. А также укрепим клетку и заменим кандалы. Тобо! — Парнишка продолжал смотреть на девушку с таким выражением, точно и он видел ее впервые. — Только не говорите мне, что он в нее влюбился. Я не справлюсь, если в дополнение ко всему остальному мне придется заниматься еще и этим.

— Нет, — успокоил меня дядюшка Дой. — Это не любовь, конечно. Но, может быть, это — предощущение будущего.

Мои настойчивые расспросы ни к чему не привели. Он все еще оставался прежним дядюшкой Доем, таинственным жрецом нюень бао.

67

Все текло гладко после того, как мы разобрались с присланным нас усмирить отрядом. Мурген сказал, что без помощи из-за гор больше никто не осмелится бросить нам вызов. Но, к сожалению, эта помощь была уже на пути. Душелов поднялась в воздух и устремилась на юг, почему-то небольшими перелетами, и все же она приближалась быстрее, чем если бы двигалась любым другим способом. Даже если бы скакала на одном из волшебных жеребцов из Башни в Чарах. Хотя, конечно,

ее ковер летел подозрительно медленно. Учítывая, что Ревун был способен покрыть расстояние между Вершинной и Таглиосом за одну ночь.

Душелову приходилось отдыхать несколько часов на каждый час полета. Но даже с учетом этого, главное — она была уже в пути. И известие об этом поразило всех до глубины души. Чувствуя, что в нашем распоряжении осталось лишь несколько дней, а может быть, и часов, все энергично взялись за дело и трудились, не покладая рук. Никто не лодырничал, не тратил времени зря. Все были серьезны, сосредоточенны. В особенности, в том, что касалось военной подготовки.

Суврин был в самой гуще дел, его воспитание шло полным ходом. Оказавшись среди нас не так уж давно, он начал терять вес, а его фигура — обретать форму. Вскоре после того, как от Мургена и Гоблина стали поступать регулярные сообщения о продвижении Душелова, он подошел ко мне.

— Я хочу остаться с вами, мэм, — сказал он.

— Ты... что? — удивилась я.

— Не уверен, что хочу вступить в ваш Черный Отряд, но в одном не сомневаюсь уж точно. Не хочу оказаться здесь, когда появится Душелов. Поговаривают, что она не слишком верит людям. И сколько бы я ни клялся, что оказал вам сопротивление, она наверняка решит, что я вру.

— Скорее всего. Раз ты жив, значит, не очень-то и сопротивлялся. Ну, она восполнит этот пробел и позаботится о том, чтобы ты умер. По возможности, не самым приятным образом. — Он вздрогнул. — Все правильно, Суврин. Ты сдержал свое слово и трудился на совесть.

— Ты понимаешь, что на самом деле означает имя «Суврин»?

— Ну, по сути, «Младший», да? Или, может быть, даже «Младшенький». Теперь оно к тебе прилипло, ничего не поделаешь. В Отряде, практически, нет людей, которых называли бы именами, полученными ими при рождении, в ходу все больше клички. Но даже тех, у кого вроде бы есть имена, на самом деле зовут совсем иначе.

Наши люди покончили со своим прошлым. И с тобой произойдет то же самое. — Он состроил гримасу. — Отправляйся к господину Сантаракситу. Будешь помогать ему, пока я не найду для тебя другого дела. От старого Баладитая вообще никакого толку. В нем нет того огня, который заставляет Сантаракситу зарываться все глубже и глубже. Нет той увлеченности, понимаешь?

Сантараксита ухитрился даже в этой дыре отыскать у местных несколько древних томов, чудом сохранившихся во время бесчисленных бедствий, обрушившихся на этот регион за несколько последних десятилетий.

Суврин поклонился.

— Спасибо.

И удалился, едва ли не подпрыгивая.

Очень может быть, у них с Сантаракситой обнаружится много общего. Черт, Суврин даже умеет читать.

Материализовался Тобо.

— Отец велел сказать тебе, что Душелов уже добралась до Чарандапраши. И решила передохнуть, прежде чем переваливать через Данда Прэш.

— Значит, в нашем распоряжении чуть больше времени. И возрастают шансы, что, оказавшись здесь, она нас уже не застанет. Как у тебя с матерью? Ты собираешься налаживать с ней отношения?

— Па советует также поставить дозорного, который затрубит в рог, как только Душелов приблизится. И пусть кто-нибудь следит за перевалом уже сейчас, на тот случай, если она раздумает отдохнуть.

Хорошая идея.

Ранмасту и Речнику не повезло как раз в этот момент оказаться в поле моего зрения. Я тут же отправила их выполнять пожелания Мургена.

— Тобо, нельзя игнорировать собственную мать. Иначе все это закончится тем, что твои отношения с ней будут еще хуже, чем ее — с твоей бабушкой.

— Дрема... Ну, почему она никак не поймет, что я расту?

— Потому что ты ее ребенок, идиот! Неужели не понятно? Даже став вдвое старше Одноглазого, ты все

равно останешься ее ребенком. Только таким, которого злая судьба не отняла у нее. Ты не забыл, что у твоей матери были другие дети, которых она потеряла?

— Ну... Да, я помню.

— У меня никогда не было детей. И я никогда не хотела их иметь. Отчасти потому, что хорошо представляю себе, как это ужасно, если с ними что-то случится. Видеть, что твоя собственная плоть и кровь погибает, и не иметь возможности помешать этому. Что может быть хуже? Семья всегда играла очень важную роль у нюенбао. Я хочу, чтобы ты унялся. Вот с этого самого момента, прямо не сходя с места. Иди сюда и сядь на этот валун. Потратить два часа, думая только о том, что для твоей матери означало увидеть твоих брата и сестру мертвыми. Подумай, как сильно она должна бояться пережить это снова. Подумай, что с ней в этом случае будет, после всего, через что ей пришлось пройти. Ты — умный парнишка. И при желании сможешь представить себе все это.

Общаясь с людьми достаточно долго, начинаешь чувствовать их реакцию. Не сомневаюсь, что в первом порыве обиды ему захотелось напомнить мне, что я была моложе него, когда увязалась за Бадьей и ушла с Отрядом. Пример был не слишком подходящий, но в его возрасте хватаешься за такие вещи, если нет других аргументов.

— Если хочешь что-то сказать, подумай сначала, имеет ли это смысл. Потому что если ты не способен мыслить логически и спорить, опираясь на разум, а не чувства, тогда вряд ли из тебя получится хороший колдун, каким бы талантливым ты ни был. Я знаю. Я знаю, что говорю. На первый взгляд кажется, что чем сильнее колдун, тем он безумнее. Но в рамках своего безумия каждый из них математически строго рационален. На службе у этого безумия состоит вся мощь их разума. И если у них что-то идет наперекосяк, то лишь тогда, когда они позволяют своим эмоциям и желаниям взять верх над разумом.

— Ладно. Сдаюсь. Буду сидеть на этой проклятой скале, пока до чего-нибудь не додумаюсь. Ох, па сказал еще,

что Нарайан Сингх где-то совсем рядом. Он чувствует Обманника, но не может точно засечь его местоположение. Кина защищает его. Па сказал, что ты должна попросить белую ворону поискать его. Если тебе удастся найти ее и заставить себя выслушать.

— Охотница-на-ворон. Как ты думаешь, подходящее имя? Звучит эффектнее, чем какая-то Дрема.

— Тобо звучит не намного лучше Сони.

Тобо подошел к валуну и уселся на него. Надеюсь, зерна, которые я посеяла, укоренятся и прорастут, пока он будет сидеть тут и думать о чем угодно, кроме того, о чем следует.

— По крайней мере, ты сможешь изменить его, когда вырастешь...

Нет, от Охотницы-на-ворон придется отказаться. Я потерпела неудачу. Белое чудище нигде найти не удалось. Ну, я пошла и провела немного времени с Сари, хотя она поначалу и не выказала радости от моего общества. Мы вспоминали старые дни, трудные времена, то, насколько ее муж далек от совершенства и прочее в том же духе. Потом, убедившись, что она расслабилась в достаточной степени, я сочла возможным сказать ей то, что думаю по поводу Тобо.

Этот разбойник сделал удачный ход, появившись в самый подходящий момент с оливковой ветвью в руках. Я решила быстренько исчезнуть, раз дела пошли на лад. Надеюсь, мир между ними установится надолго; жаль, что нельзя сказать — навсегда.

Нам предстояла решающая неделя. Всего через неделю мы будем знать, сможем ли воскресить Пленных. Через неделю мы либо погибнем на Сияющей равнине, либо обретем возможность вернуться к жизни как сила, которая все сметает со своего пути. Или, может быть...

Дозорный затрубил в рог глубокой ночью, когда даже караульные едва не клевали носом. Но человек, который трубил в рог, знал свое дело. Он дул, и дул, и дул. Прошло

всего несколько минут, и весь наш лагерь словно вскипел. Я торопливо обошла его — сердце колотилось где-то в области горла — и убедилась, что хаос был лишь кажущимся. Все сохраняли спокойствие и сосредоточенность. Никакой паники. Неплохо. Даже недолгие тренировки и учения лучше, чем ничего.

Я заглянула в палатку Гоблина. Сари и Тобо были уже там и разговаривали вполне мирно. Наверно, мне и впрямь удалось пронять парнишку. Нужно и дальше приглядывать за ними. В свободное время, которого у меня, как известно, масса. Я склонилась над туманным прожектором.

— Что скажешь?

Мурген прошептал:

— Душелов в воздухе и летит на юг. Собирается добраться до вас сразу же после восхода солнца. Ей известно, где вы. Во время последнего привала она послала Тень уточнить вашу позицию. Правда, ничего больше ей выяснить не удалось. Тень не решилась приблизиться настолько, чтобы иметь возможность подслушать. Душелов собирается замаскироваться и в таком виде проникнуть в лагерь, чтобы разузнать все, что ее интересует. Изначально она в своих действиях исходила из предположения, что мы, находящиеся здесь, в пещерах, мертвы. Несмотря на то, что в прямом смысле она не убила нас, когда заманила в ловушку. Покидая равнину, она была убеждена, что через несколько дней мы погибнем. Полагаю, когда она узнает, что Ворчун и Госпожа еще живы, это вызовет у нее что-то вроде шока.

— С какой скоростью она движется? Попробуй прикинуть. Ты говоришь, она будет здесь сразу после восхода солнца? Могаба с ней?

Мне важно было знать, явится она сюда свежей или измотанной. Это определило бы мои действия на ближайшее время.

— Нет. Если ей удастся получить ответ на все интересующие вопросы, она расшвыряет вас, захватит Ключ и вернется за Великим Генералом.

В голосе Мургена послышалась усмешка, когда он назвал Могаба этим титулом. Тот факт, что нам не удалось

одержат над ним победу во время Кьяулунской войны, ничуть не уменьшал нашего презрения к нему как дезертиру и предателю.

— Сообщи, если она сделает что-нибудь неожиданное. Сари, как там твоя мать?

— Дой и Джоджо помогают ей и Одноглазому. Мне кажется, она немного не в себе. Все время бормочет что-то о ловушке и Стране Неизвестных Теней. Призывает небеса и землю, день и ночь.

— Все зло умирает там бесконечной смертью.

— И это тоже. Что это?

— Не знаю. Фраза, которую я слышала когда-то. Она имеет отношение к равнине, но мне неизвестно, какое. Может, Дой способен что-то прояснить. Он говорил, что будет помогать мне и не отдаляться, но поскольку я пренебрегла предложением стать его ученицей, эти обещания пока так и остаются обещаниями. Вероятно, в этом есть доля как моей, так и его вины. Я так и не выбрала время, чтобы надавить на него. Ладно, у меня дел полно. — И я вышла из палатки.

Все шло по плану. Появились факелы и фонари, призванные освещать дорогу к Вратам Теней. Наш передовой отряд находился уже почти у самых Врат. По пути они время от времени поджигали цветной порох в качестве своеобразных дорожных знаков. Готовые тронуться в путь, выстроились в ряд нагруженные животные и кареты. Дети плакали, ребята постарше хныкали, собаки лаяли без передышки. Ночную тишину разорвали звуки развороченного человеческого муравейника. Пленники, уверенные, что мы берем их с собой на равнину исключительно с целью принести в жертву, в ужасе зывали к Новому Городу. Некоторые из наших предлагали использовать их вместо вьючных животных, а потом избавиться от них, когда они больше будут не нужны. Я возражала. Они станут упрямыми и беспокойными после того, как несколько первых умрут, и мы не сможем съесть их после того, как покончим с припасами, которые они несли. Конечно, не все наши могли есть человечину. Но те, кто мог, не устоят перед соблазном.

Лозан Лебедь бродил среди людей, раздавая приказания, точно на строевых учениях. Я подошла к нему.

— Что, терзаешься ностальгией по добрым старым временам, когда ты был начальником Серых?

— Одна несомненно гениальная девушка, чье имя было бы неуместно называть среди присутствующих, отправила всех сержантов к Вратам Теней. Ей даже в голову не пришло оставить здесь хотя бы одного, чтобы руководить сборами.

Неназванная гениальная девушка была вынуждена признать, что он прав. Речник, Ранмаст, Красавчик и все остальные, которых я знала дольше и кому доверяла больше всех, были там, где он сказал, или где-то во тьме. Наверно, я думала, что мы с Сари сами тут управимся. Позабыв о том, что в этом случае мне придется носиться туда и сюда, принимая решения за тех, кто сам не в состоянии сообразить.

— Спасибо. Если не получу лучшего предложения до своего сорокалетия, то так и быть, выйду за тебя замуж.

Лебедь без особого энтузиазма изобразил, что щелкает пятками.

— Ага. Сколько тебе сейчас?

— Семнадцать.

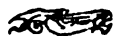
— Я примерно так и предполагал. Хотя фактически лет на двадцать больше, с учетом накопленного опыта и износа.

— В наше время трудно быть подростком. Вон, спроси Тобо. Никто никогда не переживал это так тяжело, как он.

Лебедь рассмеялся.

— Кстати о подростках. Кто будет заниматься Дочерью Ночи? Лично мне не хотелось бы.

— Проклятие! Я предназначала для этого Доя и Гоблина. Но Гоблин помогает отслеживать Душелова, а Дой возится с Готой и Одноглазым. Спасибо, что напомнил. — Я вернулась в палатку Гоблина. — Эй, коротышка! Пусть здесь на время останутся Тобо и Сари. Нам нужно заняться погрозкой Дочери Ночи.

Гоблин поплелся следом за мной, ругаясь себе под нос. Заметив всеобщее возбуждение, он проворчал:

— Порядок. Сделаем. Только как получилось, что мы так и не дали этому отродью приличного имени? Мало ли что она не хочет. Она и жить в клетке не хочет. Даже Бубу выговорить легче, чем Дочь Ночи. Ха! А это что за дерьмо? — Он пронесся мимо меня вниз по склону холма.

Я повернулась, увидела пару горящих во мраке красных глаз и быстро зашагала в их сторону, сжав рукоятку меча. Недоуменно нахмурилась, услышав стук копыт. И сказала:

— Эй, дружище! Неужели это ты? Какого черта ты здесь делаешь? Я думала, ты служишь одному известному предателю.

Старый черный жеребец подошел поближе и, наклонив голову, обнюхал волосы у моего правого уха. Я обняла его за шею. Когда-то мы были друзьями, но я никак не думала, что это для него значит так много. Так много, что, увидев меня живой, он сбежит от Могабы и отыщет мой след, проскакав расстояние в несколько сот миль. Этих жеребцов создали, чтобы служить Госпоже Башни, но на деле они переходили от одного мелкого хозяина к другому. Этот принадлежал Мургену до того, как стать моим, а потом я потеряла его.

— Тебе нужно бы убраться отсюда, — сказала я ему. — Ты выбрал исключительно неудачное время. Всего через несколько часов нам на головы свалится Душелов. Если только мы не успеем уйти на эту равнину.

Конь оглядел моих товарищей и вздрогнул. Потом, обратив взгляд в сторону Лебеда, жеребец издал звук, очень похожий на человеческое фырканье.

Я похлопала его по шее.

— Не уверена, что не согласна с тобой, но у Лозана есть и кое-какие хорошие качества. Просто он очень успешно скрывает их. Идем с нами, если хочешь. Я не поскокачу. Не могу без седла.

Лебедь захихикал.

— А как же знаменитые всадники-веднаиты, которые считают ниже своего достоинства пользоваться и седлом, и стремянами?

— Не рассматривая это как недостаток, все же должна заметить, что большинство этих гордых всадников были, в отличие от меня, шести футов ростом.

— Я найду для тебя лестницу.

— Укуси его, дружище.

К моему изумлению, жеребец внезапно остановился и укусил Лозана в плечо. Тот отпрянул.

— У тебя всегда был скверный нрав и плохие манеры, осел недоделанный!

— С кем поведешься...

— Прости, что я мешаю тебе кокетничать с Лозаном, Охотница-на-ворон, — сказал Гоблин, — но мне казалось, что ты хотела заняться Бубу.

— Ах, ты еще и подслушиваешь, ехидный старый развратник! Да, да, я хотела. И еще я совсем упустила из вида нашего старого приятеля Кусавира Пете. Я как-то давно не заглядывала к нему. Он по-прежнему здоров?

Конь снова обнюхал меня. Я похлопала его по шее. Похоже, ностальгия по старым добрым временам мучила его сильнее, чем меня.

— Могу выяснить. Составляя свой грандиозный план, ты определенно упустила его из вида.

— О, нет, нет, нисколько. Я собираюсь возложить на Кусавира Пете выполнение совершенно особой, предназначенной специально для него задачи. И если он с ней справится, я не только сохраню ему жизнь, но прошу все, что он натворил в Кушкоши.

Кто-то закричал. Алый огненный шар вспорол ночную тьму. Он пролетел мимо цели, но угодил в палатку. Потом в другую, потом в грубые деревянные бараки, которые ребята построили, дожидаясь, пока я прибуду. Все сразу же вспыхнуло.

— Это Нарайан Сингх, — сказал Лозан Лебедь. — И Бубу уже у него...

— Возможно, Лебедь. — Я начала кричать на всех, кто находился поблизости, пытаясь организовать преследование.

— Уймись, Дрема,— сказал Гоблин.— Все, что нужно, это подождать, пока она завопит, а потом пойти и схватить ее.

Я совсем позабыла о заклинаниях, которыми была опутана Дочь Ночи. По мере удаления от клетки ее страдания будут возрастать в геометрической прогрессии. Потом, на каком-то расстоянии, точно известном лишь Гоблину и Одноглазому, вступит в действие заклинание, вызывающее шок. Нарайан мог увести девчонку отсюда лишь ценой ее жизни. Если только не...

Я спросила.

— Эти заклинания можно снять лишь снаружи. Даже если бы на месте Бубу были ее мать и сестра, Хозяева Теней и Десять Взятых — все вместе, слившиеся в одно умопомрачительное создание,— все равно ему потребовалась бы помощь извне, чтобы освободиться.

— Прекрасно. Будем ждать криков.

Но их не было. Ни сразу после случившегося, ни спустя некоторое время.

Мурген старался изо всех сил, но не обнаружил никаких признаков ни Сингха, ни Дочери Ночи. Кина постаралась, защищая то, что ей принадлежало. Гоблин несокрушимо верил, что они должны быть где-то поблизости, что для Дочери Ночи не существовало способа разорвать свою связь с клеткой.

— Собери несколько человек и скажи, пусть тащат клетку к Вратам Теней,— сказала я Лебедю.— Мы заставим ее тащиться за нами.

И тут снова затрубил рог. Душелов пронеслась над вершинами гор и была уже на нашей стороне Данда Прэш. На востоке посветлело. Пришло время уходить.

Лучи восходящего солнца били ей в спину, когда Душелов, едва не чиркая ковром по скалам, подлетала к месту своего назначения, ожесточенно споря сама с собой, как это ей было свойственно. Какая-то часть ее хотела плюнуть на всякую маскировку, равно как и на

первоначальный замысел проникнуть в стан врага. Эта часть жаждала обрушиться на нас, точно смертоносная буря, сметая все и всех на своем пути. Но, поступив таким образом, она обнаружит свое присутствие и вызовет ответные действия людей, которые в прошлом не раз доказывали свою изобретательность. Склонность придумывать что-нибудь новенькое была одной из наиболее досадных традиций Черного Отряда.

Она посадила ковер, сошла на землю и замаскировала его с помощью несложного заклинания. И двинулась в направлении лагеря Отряда — небольшими перебежками в несколько ярдов за раз, — но остановилась, не дойдя до него, как только обнаружила хорошее укрытие. Там она занялась маскировкой, изменяя свой облик ровно в той степени, какая требовалась, чтобы ее не узнали. Эта работа требовала полной сосредоточенности.

В кустарнике за ее спиной, неподалеку от того места, где она расположилась, неслышно крадся дядюшка Дой. Добравшись до ковра и использовав свои слабые колдовские навыки, чтобы убедиться в отсутствии каких бы то ни было ловушек, он уничтожил ковер. Без особых изысков, самым примитивным, но надежным способом — используя топорик. Может, дядюшка и был стар, и двигался уже не так быстро, но он не утратил ни сноровки, ни умения передвигаться совершенно бесшумно. Он уже был почти рядом с тем местом, где пряталась Душелов, когда она появилась — живое воплощение мужского начала, отмеченное печатью юности, хотя и несколько потрепанной.

Ее появление заметила белая ворона, которая занимала не слишком надежную позицию, покачиваясь на хрупкой, истосковавшей по дождю ветке. Когда Душелов отошла достаточно далеко и, даже оглянувшись назад, не могла бы заметить то, чего не следовало, птица перелетела туда, где Душелов изменяла свой облик, и принялась рыться в одежде и прочих мелочах, которые та оставила. При этом ворона издавала звуки, больше всего напоминающие разговор с самой собой.

Душелов вошла в лагерь, надеясь обнаружить там тех, кто принадлежал к Черному Отряду или помогал ему. Лагерь был пуст. Однако далеко впереди тянулась длинная вереница людей — уже за Вратами Теней! Не прошел Врата всего один-единственный человек с мечом за спиной, но и он двигался быстро, торопясь навстречу тем, кто поджидал его на другой стороне.

Так у них все-таки был этот проклятый Ключ! И они воспользовались им! Ей следовало быть порасторопнее! И напасть, напасть, уничтожить их всех! Проклятие, почему-то все ее хитрости никогда толком не срабатывали с этими людьми. А-а-а, вот в чем дело! Они, по-видимому, каким-то образом узнали о ее приближении. Другого объяснения всему этому не было. Они знали о ее приближении, знают, где она находится сейчас, и...

Первый огненный шар оказался так точно нацелен, что наверняка снес бы ей голову, если бы она вовремя не рухнула на землю. Спустя несколько мгновений эти проклятые штуки замелькали в воздухе, явно посылаемые из нескольких разных точек. Кусты пылали, скалы раскалывались и плавилась. Душелов поползла на животе, удаляясь от фокусной точки сосредоточения огня. И какого черта она занималась наведением иллюзий и маскировкой? Все ее усилия пропали даром. Нападающим, казалось, было совершенно точно известно, где именно она находилась, и все ее ухищрения ни на мгновение не ввели их в заблуждение.

Спасаясь от шквала огненных шаров, Душелов забралась в глубокую яму, не так давно служившую выгребной. Плевать. В данной момент играло роль лишь то, что здесь можно было спрятаться. Теперь стрелки смогут добраться до нее, только подойдя совсем близко.

Она воспользовалась этой передышкой, чтобы обдумать дальнейшие действия, подготовиться и перейти к контратаке. Это действие сопровождалось цветными всполохами, огнями, выбросами пара и взрывами, но не причинило ни малейшего вреда ее противникам, которые покинули поле боя через Врата Теней, как только она забралась в яму.

В конце концов Душелов выкарабкалась оттуда. Ничего не произошло. Глянула вдоль склона холма. Так. Даже те, кто стрелял в нее, были уже по ту сторону Врат Теней. Там в кружок стояли люди, что-то около дюжины, и явно ожидали, что она предпримет дальше. Она постаралась взять себя в руки. Нельзя допустить, чтобы они спровоцировали ее на какую-нибудь глупость. Врата Теней требовали исключительно деликатного обращения. Один продиктованный пением, непродуманный шаг с ее стороны — и они могли оказаться повреждены совершенно необратимо.

Ей удалось подавить гнев. Слишком древней в своей порочности она была. Время — вот ее самый надежный союзник. Умение ждать — вот ее главный козырь.

Она энергично зашагала по склону холма, перекачивая свою ярость в энергию движения с такой легкостью, на которую обычное человеческое существо было бы не способно.

Склон непосредственно перед Вратами Теней был покрыт полосами скошенной травы и пятнами разноцветного мела. Тщательно помеченная безопасная тропа проходила через это место. Душелов не поддавалась искушению пойти по ней. А вдруг они забыли, что она прежде уже проходила этим путем? Или, может быть, не верили, что она помнила, как именно пролегал этот путь — на восемь футов западнее, сразу за ржавой, искореженной железной клеткой, которая лежала на стороне Душелова. Она погрозила пальцем:

— Нехорошо, ох, плохо.

Лозан Лебедь — проклятый якобы погибший предатель — и семья нюень бао безмятежно смотрели на нее с той стороны. Белокожий крошечный колдун Гоблин самодовольно ухмылялся, очевидно, вспоминая, по чьей вине у нее оказалась повреждена нога. И эта отвратительная маленькая женщина тоже улыбалась недоброй улыбкой. А потом сказала:

— Я не просто попыталась тебя обставить, Конфетка. Я тебя обставила. — Она подняла руку, выставив средний палец, как это делали северяне. — Воды спят, Протектор.

Черт, что она хотела этим сказать?

Ни одно человеческое существо не способно прыгать так высоко, как Душелов. Она ухитрилась вознестись на высоту десяти футов за одно крошечное мгновение перед тем, как огненный шар пронесся сквозь воздух в том месте, где она только что стояла. Мне следовало держать рот на замке и не злорадствовать раньше времени. Сколько историй и сказаний повествуют о героях, которым удается уцелеть только потому, что захватчики теряют драгоценное время, хватаясь и злорадствуя еще до того, как расправятся со своим пленником? Вот и еще один пример того же самого — Летописец Отряда Дрема совершает совершенно идиотский поступок, добиваясь лишь того, что настораживает противника.

Конечно, она среагировала быстро. Потрясающе быстро. Бедный старый Кусавир Пете успел выстрелить огненными шарами еще только два раза, а Душелов уже оказалась рядом с тем местом, где мы его приковали.

Все получилось не так, как я надеялась, а так, как ожидала. Пришло время Кусавиру Пете отдать свой должок.

Только я заметила проблеск какого-то движения, как белая ворона, точно ястреб, камнем упала вниз. Однако тут же снова взмыла в высоту и улетела прочь. Я пробормотала себе под нос:

— Сестра, сестра.

Еще немного, и я начну читать мысли.

— Иди сюда, Тобо. — В руках он держал Ключ. Вообще-то он должен был находиться во главе колонны, но, интересуясь стрельбой, потихоньку подошел сюда. Тобо среди нас был единственным, кто не выглядел испуганным. Из-за того, что он покинул свое место в строю, наше передвижение застопорилось. Он подошел ко мне с виноватым видом, явно ожидая выговора. И он его получает, но позже. — Подними Ключ.

— Но зачем...

— Отряд — не дискуссионный клуб, Тобо. Покажи ей Ключ. Сейчас же.

Он с недовольным видом поднял Ключ над головой. Золотая кирка вспыхнула в ярком утреннем свете.

Душелов не выказала никаких признаков волнения. Но я устроила эту демонстрацию на самом деле вовсе не для нее. Мне хотелось, чтобы Нарайан Сингх понял, что он выпустил из рук.

Конечно, это был Ключ, но не только. Одновременно он являлся древней и святой реликвией культа Душил, приверженцев Кины. Во дни их славы у каждого отрядного жреца Обманников была точная копия этой святыни. Я пробормотала:

— Кое в чем ты одержал победу, но кое-что и потерял, Нарайан. Воспользовавшись суматохой, ты забрал девушку. Зато у меня осталось вот это. Теперь, когда Дочь Ночи в твоих руках, можешь убираться вместе с ней куда угодно. Если сможешь унести и ее, и клетку.

Гоблину и Одноглазому на этот раз великолепно удалось сотворить свое злое колдовство. Девчонка не могла сбежать, даже разрушив клетку. Что бы ни случилось с клеткой, то же самое произойдет и с ней.

Мне не нравилась идея оставить клетку на той стороне, но Врата Теней упорно сопротивлялись попытке ее протащить. Может быть, это сопротивление и удалось бы преодолеть с помощью чисто мышечной силы, но для этого требовалось достаточно быстро объяснить достаточно большому количеству людей, что они должны делать. У меня попросту не хватило времени — на нас начали падать огненные шары.

Удачи тебе, Дитя Тьмы. Таскай за собой это железо на своем мрачном пути.

Я очень надеялась, что Сингх оставил Книгу Мертвых по ту сторону Данда Прэш, и пройдет еще достаточно много времени, прежде чем девушка и книга воссоединятся. Достаточно много для того, чтобы я имела возможность уйти туда, куда хочу, и завершить то, что задумала.

— Хорошо, Тобо. Теперь возвращайся на свое место и веди всех дальше. Лебедь, расскажи мне об этих кру-

гах, где вы раскидывали лагерь. И скажи свое мнение насчет того, насколько сильно может быть повреждена защита пути.

— Насколько я помню, до первого такого круга идти не больше нескольких часов. И хотя мы использовали их как лагерные стоянки, на самом деле это, по-моему, перекрестки. Ночью сама поймешь, что я имею в виду. — И добавил зловеще: — вот увидишь, ночью все будет совсем по-другому.

Мне не понравилось, как это было сказано.

Я все еще была в тылу колонны и лишь на полпути к вершине холма, когда Душелов обнаружила, что произошло с летающим ковром. Мы услышали ее яростный рев, несмотря на смягчающий эффект того барьера, который отделял нас от остального мира. Земля, и та содрогнулась.

Дядюшка Дой, стоя неподалеку, на краю пути, наблюдал за делами своих рук. Я сказала:

— Ее, похоже, не радует перспектива добираться до-мой пешком.

Мой друг-конь стоял чуть позади, глядя поверх моего плеча. И фыркнул, совсем как человек.

Лицо Доя озарилось столь редкой для него улыбкой. Он был в полной мере доволен собой.

Лозан Лебедь спросил меня:

— Что ты ей сделала на этот раз?

— Не я. Дой. Он уничтожил ее транспортное средство. Теперь, кроме двух собственных копыт, у нее ничего нет, а ведь она находится за сотню миль от своего единственного друга. И Гоблин уже «подлечил» ей одну ногу, лишив возможности бегать и танцевать.

— Выходит, твоими усилиями у нас теперь еще один Хромой.

Он был достаточно стар, чтобы помнить эту Немезиду Отряда. Что я могла ему возразить? Улыбка сбегала с моего лица. Я частенько перечитывала те Летописи, потому что их писал сам Капитан, когда был еще молодым.

— Не думаю. Душелов не обладает тем концентрированным ядом и почти божественной злобой, которые были присущи Хромому. Она не такая одержимая, как

он. В ней очень сильно хаотическое начало, в то время как он был воплощенное зло. — Я скрестила пальцы и показала их Лебедю. — Пойду-ка я лучше вперед и притворюсь, будто знаю, что делаю. Где Тобо?

— Уже давно впереди. Ты расстроила его.

Я заметила, что колонна возобновила движение. Это означало, что Тобо уже на равнине, с Ключом в качестве защитного талисмана.

Мне было о чем подумать. Например, о том, что этот артефакт, который Душили, очевидно, рассматривали как свою святая святых, на самом деле принесли с равнины в наш мир предки нюень бао. Или вот еще интересная мысль — что мог значить Ключ для последнего неформального жреца нюень бао?

71

Что-то рядом с дорогой привлекло мое внимание как раз перед тем, как я достигла вершины холма и бросила первый взгляд на Сияющую равнину. Это оказался маленький лягушонок, в основном черный, но с темно-зелеными полосами и разводами на спине. Глаза у него были цвета свежей крови. Он сидел, припав к слегка наклоненному обломку серовато-черной скалы. По-видимому, у него была повреждена правая задняя лапка, потому что, попытавшись прыгнуть, он просто завертелся на месте.

— Черт, откуда он взялся? Ведь предполагается, что здесь нет ничего живого.

Я рассчитывала на то, что тучи мух, которые преследовали животных, заметно поредеют, когда мы окажемся за пределами безопасной зоны.

— Этот тоже долго не проживет, — ответил Лебедь. — На него напала белая ворона. Думаю, она собиралась им закусить.

Он сделал жест в сторону белой вороны. Та настолько осмелела, что устроилась прямо на спине мистического жеребца, моего друга. Его, казалось, такая ситуация вполне устраивала. Он выглядел даже почти довольным!

— Я только что вспомнил, — сказал Лебедь. — Это может оказаться полезным. В прошлый раз, когда мы проходили здесь, Ворчун заставил всех, кто принадлежал к Отряду, прикоснуться своими нагрудными знаками и амулетами к черной полосе, которая тянется посередине дороги. Сразу же после того, как он дотронулся до нее наконечником знамени. Может, это ничего и не значит. Но я — человек суеверный, и мне было бы спокойнее...

— Ты прав. Так будет спокойнее. Я недавно перечитала все, что Мурген рассказывает о своем путешествии. Он тоже считает это хорошей идеей. Тобо! Остановись!

Я не думала, что из-за шума, создаваемого движущейся колонной, он услышит меня, но надеялась, что люди передадут ему. Я еще раз взглянула на злополучного лягушонка, удивляясь тому, что ворона позволила ему уйти. И тут же заторопилась вперед, догоняя нашего недавно оперившегося колдуна.

Колонна остановилась — до Тобо дошел мой приказ. И на этот раз он решил выполнить его.

Его мать и бабка держались рядом с ним, чтобы он, не дай Бог, не отколол что-нибудь. Это явно вызывало у него раздражение. Он уже давно обогнал бы всех, если бы не Сари и Гота...

Ах! Насколько я помню, у Мургена были точно такие же проблемы с Копьем Страсти.

Бросив мельком первый взгляд на равнину, я испытала чувство благоговейного ужаса. Ее безбрежность не поддается описанию. И на всем этом невероятном пространстве она была ровной, как стол. Сплошные бесконечные напластования серого на сером, на фоне которых дорога выделялась лишь потому, что была чуть темнее. Никаких сомнений — чем бы ни была эта равнина, она представляла собой один громадный артефакт.

— Остановись, Тобо! Не ходи дальше, — крикнула я. — Мы едва не упустили кое-что из вида. Прикоснись Ключом к черной полосе, которая тянется по центру дороги.

— Какой черной полосе?

— Сейчас она стала почти незаметна, — сказал Лебедь. — Но если постараться, ее можно разглядеть.

Никуда она не делась, вот она, тут.

— Иди сюда, здесь хорошо видно.

Тобо с явной неохотой попятился назад. Может быть, следовало поручить нести Ключ Готе. Вряд ли она способна обогнать кого-то из нас.

Я устремила взгляд вдаль, за спину Тобо, и почувствовала, что меня саму тянет поторопиться. До братьев теперь было рукой подать... Над равниной начали собираться густые темно-серые облака. Мурген говорил, что здесь это происходит частенько, хотя и нельзя сказать, чтобы всегда. Сколько я ни вглядывалась, так и не увидела никаких признаков разрушенной крепости, которая должна была находиться впереди в нескольких днях пути. Мне удалось заметить лишь множество каменных столпов — только они и нарушали монотонную гладкость равнины.

— А, вот она! — закричал Тобо, указывая вниз, и с размаху — вот идиот! — ударил киркой по поверхности дороги.

Земля содрогнулась. Не так сильно, как бывает при землетрясениях, которые пришлось пережить многим из нас и которые опустошили половину Страны Теней. И все же достаточно сильно, чтобы люди ощутили толчок, и чтобы это вызвало среди них всякие толки, и чтобы животные выразили свое неудовольствие.

Утренний свет причудливо залил равнину, все каменные столпы заискрились. Люди заахали и заохали. Я сказала:

— Вот, наверно, почему ее называют равниной из Сияющего Камня.

— Не думаю, — возразил Лебедь. — Правда, я могу и ошибаться. Не забудь, что я сказал о нагрудных знаках Отряда.

— Помню.

Тобо вытащил кончик кирки из дорожного покрытия. Земля снова содрогнулась, так же мягко, как в прошлый раз. Когда я подошла к нему, он удивленно смотрел вниз.

— Дрема, она исцеляет сама себя.

— Что?

— Когда я ударил, кончик кирки проткнул дорогу, точно она... мягкая. А когда я вытащил кирку, дыра тут же сама затянулась.

Лебедь заметил:

— Центральную полосу теперь лучше видно.

И правда. Может быть, причиной тому был ослепительный солнечный свет.

Земля задрожала снова. Тональность голосов за моей спиной изменилась, теперь в них слышались испуг и даже благоговейный ужас. Я оглянулась.

Огромный гриб густой темной пыли, который пронизывали черные, ярко очерченные всполохи, вырос там, откуда мы пришли. Его наружная поверхность казалась почти твердой, хотя по мере того, как он поднимался, во все стороны летели темные ошметки.

Гоблин расхохотался так злобно и громко, что его, наверно, было слышно за много миль отсюда.

— Похоже, кое-кто получил мой прощальный подарочек. Надеюсь, на этот раз ей по-настоящему больно.

Я же, стоя совсем неподалеку от него, добавила шепотом:

— Хорошо бы «подарочек» оказался для нее роковым, но на это надежды мало.

— Да уж.

— Ну, будем надеяться, что теперь она, по крайней мере, повредила и вторую ногу, — сказала я и продолжала, обращаясь к Сари: — мне нужно, чтобы ты кое-чем занялась. Помнишь, Мурген рассказывал, как он все время обгонял остальных, когда проходил здесь с Копьем? Тобо делает то же самое. Прошу тебя, придерживай его.

Сари устало вздохнула, но кивнула.

— Хорошо, я буду останавливать его, — ответила она почти безразличным тоном.

— Не надо его останавливать, надо просто не давать ему забегать вперед. Позднее это может оказаться важным.

Я тут же решила про себя, что нам с ней нужно непременно улучшить время и как следует потолковать по душам, как мы нередко делали раньше. Чувствовалось, что ее что-то беспокоило, и нужно было не замалчивать это, а вытащить на свет Божий, разложить по полочкам, а потом отбросить в сторону. И подальше, чтобы ее душа исцелилась.

Она нуждалась в исцелении. Хотя бы потому, что во всем винила одну себя. Что-то в ней мешало принять мир таким, каким он был. Она все время сражалась с ним и... устала. И все больше и больше начинала походить на свою мать.

— Привяжи его к себе, если понадобится, — сказала я.

Глаза у Тобо засверкали, но я проигнорировала это. И обратилась ко всем нашим с короткой речью, призывая тех, у кого были отрядные значки, подойти и прижать их к поверхности дороги в том месте, где Тобо повредил ее. Чтения, которые я возобновила в последнее время, включали в себя и ту часть Летописей, где Мурген описывал свои приключения на этой равнине. Никто не задал никаких вопросов и не стал отказываться. Колонна снова двинулась в путь, но теперь гораздо медленнее, поскольку все по очереди подходило за благословением, за исключением тех, у кого не было нагрудных знаков Отряда. Я оставалась на месте и каждому подходившему говорила что-нибудь если не утешительное, то вдохновляющее. Меня поразило, сколько, оказывается, не только мужчин, но даже женщин и детей присоединились к Отряду, а я этого и не заметила. Капитан ужаснется.

Дядюшка Дой подошел последним, и это вызвало во мне ощущение смутного беспокойства. Один нюень бао замыкает шествие, другой возглавляет его, пусть даже он и метис... Но смешанные браки стали в Отряде нормой. Сейчас среди всего этого множества людей оставалось всего два человека, которые принадлежали к Отряду, когда он прибыл с севера. Гоблин и Одноглазый. С Одноглазым, можно сказать, было покончено, и Гоблин поступал очень мудро, стараясь научить Тобо всему, что умел и знал сам, не дожидаясь, пока неотвратимое настигнет и его тоже.

Я медленно двинулась вдоль колонны вперед. Проходя мимо людей, я ни в ком не почувствовала какого-то особого энтузиазма. Складывалось впечатление, что все впали в состояние тихого отчаяния. Плохой признак. Он свидетельствовал о том, что эйфория по поводу нашего маленького успеха закончилась. Большинство людей осознали, что превратились в беглецов.

Лебедь выразил это ощущение словами:

— У меня такое чувство, что мы, как говорят на севере, «попали из огня да в полымя».

— Почему это?

— Мы удрали от Душелова. И что теперь?

— Теперь будем шагать, пока не найдем наших братьев. А потом освободим их.

— Ты что, в самом деле такая простушка или притворяешься?

— Нет, не такая. Но трудности существуют часто по большей части в нашем сознании, и мне нравится напоминать людям об этом. — Я оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не слышит. — Я тоже ни в чем не уверена, Лебедь, как и остальные. Я иду этим путем, потому что не представляю себе никакого другого, и мне нет дела до высоких идеалов. Иногда, оглядываясь на свою жизнь, я начинаю жалеть себя. Может быть, я потратила десять лет, замышляя и совершая преступления только ради того, чтобы выкопать из-под земли людей, которые будут принимать решения за меня.

— Подчинись Воле Ночи.

— Что?

— Так мог бы сказать Нарайан Сингх, не правда ли? Во времена моего пра-прадедушки был такой лозунг у приверженцев Госпожи. Они верили, что мир, процветание и безопасность возможны только тогда, пока вся власть будет сосредоточена в руках этой справедливой и волевой женщины. Так и произошло, более или менее. В княжествах, которые «Подчинились Воле Ночи», в особенности в самом центре империи, на протяжении многих десятилетий царили мир и процветание. Мора, чумы и голода

не было вообще. Война воспринималась как диковина, возможная лишь где-то очень, очень далеко от этих мест. Преступников преследовали с такой беспощадностью, что уцелели лишь те из них, кто был безумен. Но всегда были очень большие сложности на границах. Каждый из любимчиков Госпожи, те, кто принадлежал к Десяти Взятым, жаждал создать свою собственную маленькую империю внутри большой, и все вместе они не испытывали недостатка во внешних врагах. А ведь они еще враждовали и друг с другом. Черт, даже мир и процветание порождают врагов. Если ты делаешь все как надо и живешь хорошо, всегда найдется кто-то, кому захочется прибрать к рукам твоё имущество.

— Никогда не думала, что ты у нас философ, Лебедь.

— А ты уверена, что вообще знаешь меня?

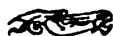
— Уверена. К чему ты клонишь, Лебедь?

— Сам не знаю. Наверно, просто убиваю время. Путь кажется короче, когда работаешь языком. Или, может быть, хочу напомнить себе, что нет смысла слишком огорчаться из-за капризов человеческой природы. Все мои связи с прошлым оказались оборваны, жизнь перевернута с ног на голову, а самого меня зашвырнуло в неизвестное будущее, куда я лечу с завязанными глазами. Поневоле станешь философом. Теперь я просто радуюсь каждому прожитому мгновению. Какой бы смысл ни вкладывать в эти слова, я, да, Подчинился Воле Ночи.

Несмотря на свое религиозное воспитание, я всегда терпеть не могла фаталистического подхода к жизни. Подчинись Воле Ночи? Отдай свою жизнь в руки Бога? Бог — это Могущество, Добро и Милосердие. Нет Бога, кроме Бога. Так нас учили. Но, может быть, последователи Бходи и правы, когда говорят, что почтение к богам лучше всего проявляется, если человек пытается что-то сделать сам. Как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай.

— Скоро начнет темнеть, — напомнил мне Лебедь.

— Это одна из вещей, о которых я стараюсь не думать, — призналась я. — Однако Нарайан Сингх был прав. Тьма приходит всегда.

И когда это произойдет, мы, может быть, узнаем, какой прекрасный талисман наш Ключ.

— Ты заметила, что каменные столпы продолжают светиться, несмотря на то, что небо хмурится, как будто вот-вот пойдет дождь?

— Да.

Мурген рассказывал об этом феномене. Интересно, может случиться с нами хоть что-то такое, что никогда и ни с кем не случалось прежде?

— Когда вы в прошлый раз тут проходили, было то же самое?

— Нет. В солнечном свете они сияли очень ярко, но такого впечатления, будто они способны светиться сами, не возникало.

— А-а-а... Тут было так же холодно? — На протяжении всего дня становилось все холоднее.

— Я запомнил ощущение, похожее на прохладу в горах. Ничего невыносимого. Погоди! Что там такое?

В голове колонны слышались возгласы и выкрики, однако издали понять их причину было невозможно.

— Что случилось?

— Наш парнишка остановился. Похоже, что-то нашел.

72

То, что нашел Тобо, оказалось останками нара по имени Зиндаб, одного из наших лучших офицеров прежних дней и, возможно, брата злодея Могабы. Во всяком случае, во время осады Джайкура, когда Могаба задумал захватить власть в Отряде, они были близки, как братья.

— Расступитесь, люди, — крикнула я. — Дайте возможность подойти специалистам.

Под специалистами подразумевался прежде всего Гоблин. Он опустился на колени и медленно пополз вокруг трупa, двигая головой то вверх, то вниз, бормоча себе под нос какую-то кодовую абракадабру и не прикасаясь абсолютно ни к чему, пока не убедился, что опасность не угрожает. Я тоже опустилась на одно колено.

— Надо же, как он далеко забрался! Не ожидал, — сказал Гоблин.

— У него была дубленая кожа. Что, Тени поработали? — У тела был именно такой вид.

— Да. — Гоблин осторожно толкнул его, труп слегка перекатился. — Ничего не осталось. Высохшая мумия.

Голос позади меня произнес:

— Обыщи его, придурок. Может, он нес сообщение.

Я оглянулась. За моей спиной стоял Одноглазый, опираясь на свою безобразную черную трость. Время от времени он вздрагивал — от затраченных усилий или, может быть, просто от холодного воздуха. Вообще-то он ехал верхом на осле, привязанный таким образом, чтобы не свалиться, даже если задремлет, что с ним случилось час-тенько в последнее время.

— Оттащи его в сторону от дороги, — предложила я. — Не стоит задерживать движение. До привала на ночь нам предстоит пройти еще примерно восемь миль. — Эти восемь миль я, как говорится, взяла с потолка, но факт оставался фактом — останавливаться не следовало. Мы подготовились к этому походу лучше своих предшественников, и все же наши ресурсы были не безграничны. — Лебедь, когда мимо будет проходить мул с палаткой, отведи его в сторону.

— М-м-м?

— Нужно же нам как-то перевезти тело. — Все, кто слышал меня, выглядели озадаченными. — Мы пока что по-прежнему Черный Отряд. И, значит, не бросаем своих.

Что никогда в полной мере не соответствовало истине, но нужно в любых обстоятельствах работать на идеал, если не хочешь, чтобы он померк. Закон, столь же древний, как сама монетная система, утверждает, что плохие деньги всегда вытесняют хорошие. О том же самом говорят принципы, этика и правила поведения. Если всегда идти по легкому пути, то вряд ли в случае необходимости хватит твердости сделать трудный шаг. Нужно делать то, что считаешь правильным. И если знаешь, что это так. В девяноста девяти случаях из ста ты знаешь, что нужно

делать, но просто выдумываешь всякие отговорки, потому что поступать правильно очень нелегко и причиняет много неудобств.

— У него нагрудный знак,— сказал Гоблин, показывая искусно выполненный серебряный череп, единственный рубиновый глаз которого, казалось, светился своей собственной внутренней жизнью. Зиндаб выточил его сам. Очень изящная вещь, сделанная талантливыми руками.— Хочешь взять его?

Таков был обычай, который постепенно возник после того, как Отряд получил свои первые нагрудные знаки из рук Душелова, в те далекие времена, когда Капитан был просто молодым человеком с птичьим пером в волосах. Нагрудные знаки павших отдавали новобранцам, которые хотели их иметь, в расчете на то, что они будут знать и помнить свою «родословную» и хранить память о погибших.

В каком-то смысле это бессмертие.

Я подскочила, Сари испуганно ойкнула. Мне припомнилось, что нечто похожее в прошлый раз случилось с Мургеном. Хотя в тот раз только он понял это. Я задумалась. Может быть, нужно с ним посоветоваться. Целая команда обеспечивала транспортировку туманного прожектора настолько бережно, насколько это вообще в человеческих силах. Даже Тобо было строго-настрого приказано приравнивать свой шаг к возможностям этой команды, которая несла едва ли не самый наш ценный груз.

Тобо, правда, не слишком хорошо выполнял этот приказ.

Мимо проскрипели телеги. Несколько животных путиливо отскочили в сторону от останков Зиндаба, но не настолько далеко, чтобы сойти с безопасного пути. У меня возникло ощущение, что они чувствуют опасность лучше меня, поскольку мое спасение целиком и полностью зависит лишь от интеллекта. Только черный жеребец, казалось, остался равнодушен к судьбе Зиндаба.

Зато им, по-видимому, очень заинтересовалась белая ворона. Может, она знала его и теперь оплакивала?

Глупость, конечно. Если только это не Мурген, как предполагали некоторые, угодивший в ловушку за пределами своего времени.

Прошел господин Сантараксита, ведя осла, на котором сидел копийист Баладитай. По пути этот последний читал книгу, совершенно не замечая того, что происходило вокруг. Может, он просто вдаль ничего толком не видел? Или не верил в существование мира за пределами своей книги? К его запястью была привязана веревка от другого осла. Это бедное животное пошатывалось под грузом, состоящим, в основном, из книг и всякого инвентаря, используемого в библиотечной работе. Среди книг были и Летописи, заимствованные, конечно, включая и те, которые я утащила из библиотеки.

Сантараксита подошел ко мне.

— Я в восторге, Дораби. Пережить такие удивительные приключения в моем возрасте. Столкнуться со всеми этим древними, сверхъестественными, живыми артефактами, ужасными колдунами и таинственными силами. Все равно что шагнуть на страницы древних Вед.

— Я рада, что вы получаете удовольствие. Этот человек когда-то был одним из наших братьев. Приключение догнало его примерно сорок лет назад.

— И его еще не растащили на куски?

— На этой равнине выживает только то, что ей угодно. Здесь нет ни мух, ни пожирателей падали.

— Но тут есть вороны.

Он указал на птиц, круживших в отдалении. Я и сама обратила на них внимание, потому что они не издавали никаких звуков и лишь немногие находились в воздухе. Не меньше дюжины сидели на верхушках каменных столпов. Самые ближние были на расстоянии несколько сот ярдов по ходу нашего движения.

— Они здесь не для того, чтобы пировать, — сказала я. Это — глаза Протектора. Полетают тут, а потом отправятся к ней и доложат, что мы делаем. Если они опустятся на землю после наступления темноты, то будут мертвы точно так же, как Зиндаб. Эй, Лебедь! Давай-ка, пройдишь вдоль колонны туда и обратно, скажи всем,

чтобы никто не вздумал стрелять в ворон. Еще понаделают дыр в дороге, которая защищает нас от Теней.

— Хочешь, чтобы я попал в список первоочередных жертв Душелова?

— Что?

— Она ведь пока не знает, кажется, что я жив. Вороны доложат ей об этом.

Я засмеялась.

— Думаю, в данный момент тебя меньше всего должно волновать отношение Душелова. Ей до тебя не добраться.

— Кто знает?

И он отправился предупреждать людей, чтобы они обращались с этими соглядателями-воронами так же бережно, как со своими домашними любимцами.

— Станный, загадочный человек, — заметил Санта-раксита.

— Станный — да, в каком-то смысле. Но он чужак, может, в этом все дело?

— Здесь все мы чужаки, Дораби.

Вот это верно. Очень верно. Даже с закрытыми глазами я необыкновенно остро ощущала чужеродность этой равнины. По правде говоря, не глядя на нее, — даже сильнее. С закрытыми глазами я чувствовала, что она осознает мое присутствие, так же, как я — ее.

Как только тело Зиндаба погрузили, я двинулась дальше рядом с господином Сантаракситой. Библиотекарь продолжал восхищаться — всем, кроме погоды.

— Здесь всегда так холодно, Дораби?

— И это даже еще не зима. — Он знал о снеге только понаслышке. Лед же, по его представлениям, это то, что падает с неба во время яростных гроз сезона дождей. — Возможно, будет еще гораздо холоднее. Не знаю. По словам Лебеда, он не помнит, чтобы в прошлый раз, когда он проходил здесь, было так холодно. Но тогда было другое время года и совсем другие обстоятельства похода.

Готова поспорить на что угодно — равнине не часто доводилось слышать плач страдающих от колик младенцев

или лай собаки. Кто-то из ребятишек протащил с собой пса, а теперь уже поздно было что-либо менять.

— Сколько мы пробудем здесь?

— Ах, вот вопрос, который никто не решается задавать. Вы лучше меня знаете ранние Летописи. У вас было несколько месяцев на их изучение, а я еле-еле успеваю писать свои. Что там сказано об этой равнине?

— Ничего.

— Неужели ни слова о том, кто создал ее? И зачем? Тут, конечно, какую-то роль сыграла Кина. Так же, как Свободные Отряды Хатовара и этот демон Шиветай. По нашим предположениям, именно он находится в крепости, которая у нас впереди. Охраняет сон Кины. До сих пор, правда, он делал это не слишком успешно, судя по тому, что один из королей древности Райдрейнак загнал Обманников своего времени в те же самые пещеры, куда Душелов заманила Пленных. Нам известно также, что Книга Мертвых имеет ко всему этому какое-то отношение. Еще дядюшка Дой говорит — не приводя убедительных доказательств, — что нюень бао — потомки какого-то другого Свободного Отряда. Однако все знают, что дядюшка и матушка Гота иногда говорят вещи, не укладывающиеся в рамки обычного знания.

— Дораби? — Лицо Сантаракситы приняло такое выражение, как бывало всегда, когда я удивляла его. Усмехнувшись, я продолжала: — я перебираю все это в уме снова и снова, каждый день, двадцать раз на дню. По правде говоря, я надеялась, что и вы что-нибудь добавите к этой мешанине. Неужели ничего? По опыту тех, кто уже бывал здесь, мы знаем, что до крепости добираться три дня. Мне почему-то кажется, что она расположена в самом сердце равнины. Нам известно, что существует сеть защитных дорог и кругов; так мы называем места, где дороги пересекаются. А если есть дороги, значит, они куда-то ведут, верно? Лично я отсюда делаю вывод, что должны быть, по крайней мере, еще одни Врата Теней. Что скажете?

— Ты поставила на кон само наше выживание в зависимости от того, что, может быть, на равнине существует другой выход?

— Вот именно. Все равно обратного пути у нас нет. Снова тот же озадаченный вид.

Так же, как и у Суврина, который обогнал нас и слышал мои последние слова.

— Хотя я всю свою жизнь прожила в окружении Гунни,— сказала я,— их наиболее мрачные легенды мне неизвестны. А о других, более древних и менее широко распространенных культах, я знаю еще меньше. Вы что-нибудь слышали о Стране Неизвестных Теней? Она, похоже, имеет какое-то отношение к таким высказываниям: «Все Зло Умирает Там Бесконечной Смертью» и «Призываю Небеса и Землю, День и Ночь».

— Ну, что касается последнего, то здесь все просто, Дораби. Это обращение к Высшему Существу. Иногда это высказывание звучит как «Призываю Землю и Ветер, Море и Небо» или даже как «Призываю Вчера и Сегодня, Вечер и Утро». Они легко запоминаются, их можно произносить, не вдумываясь в смысл, если ставить своей целью каждый день определенное число раз повторять молитвы. Не сомневаюсь, что у веднаитов, не пренебрегающих обязанностью молиться, тоже есть что-нибудь коротенькое в этом духе.

Меня охватило чувство вины. За последние полгода я свои обязанности верующей исполняла просто отвлратно.

— Вы уверены?

— Нет. Но звучит правдоподобно, не правда ли? Тут все дело в легкости. Ты спрашивала насчет Гунни. Я не слишком разбираюсь в различных религиозных контекстах.

— Понятно. А что скажете насчет Каменного Солдата, Каменного Воина или Солдата Тьмы?

— Прошу прощения? Дораби?

— Неважно. Раз у вас не возникает никаких ассоциаций. А теперь я лучше пробежусь вперед и снова скажу Тобо, чтобы он шел помедленнее.

Проходя мимо черного жеребца и белой вороны, я опять услышала запоздалое хихиканье и шепот: «Сестра, сестра...» Птица слышала весь наш разговор с

Сантаракситой. Вероятнее всего, это все же не Мурген и не творение Душелова, но она явно очень интересовалась делами Черного Отряда и в некоторых случаях даже пыталась предостеречь нас. Вид у нее был такой, точно ее полностью устраивает, что мы движемся на юг и не имеем возможности повернуть назад.

За моей спиной группа господина Сантаракситы остановилась. Он и Баладитай принялись изучать поверхность первого каменного столпа, на которой искрились золотые буквы.

В каком-то смысле и это бессмертие.

73

Жители бывшей Страны Теней, забившись в свои норы, следили за тем, как карающая Немезида, клокоча от гнева, пересекала их страну, медленно ковыляя к перевалу через Данда Прэш. Там, где проходила Душелов, возникал слух, что Кади возродилась и вновь явила себя миру.

Она всегда была любительницей славных шуток. И умела извлекать из них выгоду.

Взорам наблюдателей предстала богиня в своем наиболее ужасном виде. Полностью обнаженная, если не считать пояса, с которого свисали сушеные фаллосы, и ожерелья из детских черепов. Черная кожа с оттенком полированного красного дерева. И полное отсутствие волос. Когти, как у вампира, дополнительная пара рук, рост около десяти футов. Сытой она не выглядела, и люди норовили поскорее убраться с ее пути.

Она была не одна. По пятам за ней, спотыкаясь, тащилась еще одна, совсем молодая женщина, на этот раз белая. Пяти с половиной футов ростом. Привлекательная, несмотря на царапины, синяки и грязь. Лицо, лишенное всякого выражения, и горящие неизбывной ненавистью глаза. На ней ничего не было, кроме сбруи, охватывающей плечи, и прикрепленного к ней каната десяти футов длиной. Этот канат с другой стороны был соединен с ржавой железной клеткой, плывущей по-

зади девушки в воздухе. В клетке сидел тощий старик, серьезно раненный, включая сломанную ногу и сильные ожоги. Девушка, прикованная к клетке, ни разу не издала ни звука, даже когда возглавляющее процессию чудовище подгоняло ее ударом хлыста. Может быть, она утратила способность говорить.

Именно незадачливый Нарайан Сингх угодил в ловушку Гоблина, а не та, для кого она предназначалась.

В клетке рядом с Обманником лежала большая книга. Ветер играл ее страницами, потому что у Сингха не хватало сил захлопнуть ее. Иногда ветер, разъярившись, вырывал страницу и уносил ее прочь.

Временами впадая в бредовое состояние, Сингх думал, что находится в руках своей богини. То ли его наказывают за какой-то забытый проступок, то ли везут прямо в Рай. И, может быть, в чем-то он был прав. Душелова совершенно не волновало, жив он или умер. Не беспокоила ее судьба и Дочери Ночи.

74

Я успела догнать Тобо до того, как он вышел за пределы круга на перекрестке.

— Останавливаемся здесь, — сказал я, схватив его за плечо. Он посмотрел на меня с таким видом, словно пытался вспомнить, кто я такая.

— Вернись в круг.

— Хорошо. Вовсе ни к чему так толкаться.

— Ладно. Самое главное, чтобы ты вернулся. Да. Извини. Но мне нужно было остановить тебя. Здесь должно быть... — продолжала я, оглядываясь. — А! Вот оно. — Я имела в виду дыру в дорожном покрытии, четырех дюймов глубиной и размером с мой кулак. — Сунь туда кирку рукояткой вниз.

— Зачем?

— Если Тени и способны попасть внутрь защищенного пространства, то только отсюда. Ну же, давай! У нас полно дел, если мы хотим разбить тут лагерь.

Нас было слишком много, чтобы все могли уместиться внутри круга. Это означало, что некоторым придется провести ночь на дороге — то, что Мурген рекомендовал по возможности не делать.

Я хотела, чтобы за пределами круга оказались только самые выдержанные из нас. По словам Мургена, ни одна ночь на равнине не обходится без приключений.

Суврин нашел меня, когда я пыталась разместить семейство Икбала в центре круга. Животные начали прихрамывать. Меня не покидало чувство, будто равнина недовольна, что ее топчут существа с копытами.

— Что тебе, Суврин?

— Господин Сантараксита хочет, чтобы ты пришла, как только сможешь. — Он улыбался и выглядел очень довольным.

— Суврин, что с тобой? Ты случайно не накурился травы?

— Я просто счастлив. Избавился от Протектора, и теперь у меня будет полный порядок. Участвую в величайшем приключении своей жизни, иду по таким местам, о которых еще несколько недель назад даже представления не имел. И это еще не все. Я имею в виду, что равнина — еще не все. Это — моя полоса удачи. Да, я чертовски доволен. Плохо только, что ноги стер.

— Черный Отряд приветствует тебя. А что касается ног — привыкай. Нашим символом должен быть не огнедышащий череп, а волдыри на пятках. Кто-нибудь выяснил что-нибудь полезное сегодня?

— По-моему, у господина Сантаракситы что-то есть. Иначе зачем бы он посылал меня за тобой?

— Умнеешь прямо на глазах — с тех пор, как оказался здесь.

— Мне всегда казалось, что я лучше, когда не боюсь. Я оглянулась по сторонам — куда подевался наш маленький гений? Но не увидела его.

— Ну, води меня к нашему большому ребенку.

Суврин, как выяснилось, любил поболтать. Плохо — для него.

— Он замечательный, правда?

— Сантараксита? Насчет этого ничего не могу сказать. Будь с ним поосторожнее, а то как бы его рука случайно не оказалась в твоих штанах.

Суврин вместе с обоими-стариками устроился прямо на краю круга, на восточной стороне. Должно быть, это место выбирал Сантараксита — прямо напротив ближайшего каменного столпа. Библиотекарь сидел со скрещенными ногами, как обычно сидят Гунни, и почти у самого края. Он пристально смотрел на камень.

— Это ты, Дораби? Присядь рядом со мной.

Я сдержала готовый вырваться возглас нетерпения и уселась. Настроение у меня сейчас было самое неподходящее для таких вещей. Отряд никак не мог отказаться от своих северных замашек — таскать за собой кресла, стулья и черт знает что еще, — хотя в нем и осталось всего двое из Старой Команды. Сила инерции, никуда не денешься.

— Что вы там выглядываете, господин? — Его, без сомнения, интересовал каменный столп.

— Давай посмотрим, так ли ты хорошо соображаешь, как мне кажется.

Такой вызов оставить без ответа я не могла. Я уставилась на столп, надеясь, что истина возвестит о себе сама.

В какой-то момент на камне ослепительно вспыхнули буквы. Это никак не было связано со светом заходящего солнца, которое к тому же скрылось за облаками. Приглядевшись повнимательнее, я сказала Сантаракситу:

— Похоже, это светящиеся буквы. И они расположены в определенном порядке.

— В таком, чтобы их можно было прочесть, мне кажется.

— Как? Сверху вниз? Или слева направо?

— Расположение букв столбцом сверху вниз довольно часто встречается в храмовой литературе древности. Не все чернила высыхали быстро, и если писать в горизонтальном направлении, можно смазать написанное раньше. А если надпись сделана столбцами и

справа налево, можно предположить, что писал левша. Может быть, надпись на этой колонне сделана именно левшой.

Выходит, если писать так, как тебе удобно, это может создать определенные трудности для читающего. Я сказала об этом.

— Совершенно верно, Дораби. Расшифровка классических текстов — это всегда вызов. В особенности, если древний копиист располагал временем и имел склонность пошутить. Мне приходилось видеть рукописи, которые, если их сложить вместе, можно было прочесть и по горизонтали, и по вертикали. Причем в каждом случае получалась своя история. Такую работу мог выполнить лишь человек, которому не нужно было беспокоиться о том, что есть на обед. Нынешние официальные правила действуют на протяжении всего лишь нескольких поколений. Они были введены именно ради того, чтобы мы могли читать тексты друг друга, но многие по-прежнему пренебрегают ими.

Большая часть того, о чем он говорил, была мне известна, но он не мог совладать со своей педантичностью. Что мне, трудно было подыграть ему?

— И что мы имеем здесь?

— Точно не знаю. Зрение у меня слабое, я не все могу разобрать. Но буквы на этом камне очень похожи на те, которыми написаны твои самые древние книги, и я смог разобрать несколько простых слов.

Он показал мне то, что прочел. Слишком мало, чтобы можно было уловить хоть какой-то смысл.

— Мне кажется, это, в основном, имена. Может быть, часть текста вроде священного писания. Или просто перечень. Погибших, к примеру

— В каком-то смысле это бессмертие.

— Возможно. Уверен, схожие монументы можно обнаружить почти во всех более-менее древних городах. Железо было очень популярным материалом у тех, кто считал себя по-настоящему богатым и исторически значимым. Как правило, такие плиты устанавливались, чтобы прославить в веках ту или иную личность, особенно

королей и победителей, желающих, чтобы грядущие поколения не забыли их.

— И все те, которые мне приходилось видеть, представляли собой сушью головоломку для современных людей. Это, скорее, не бессмертие, а лишь его видимость.

— И в этом есть смысл. Бессмертия как такового мы все достигнем в другом мире, как бы мы себе его ни представляли, но мы все хотим, чтобы нас помнили в этом. Полагаю, когда вновь преставившийся прибывает на небеса, там уже знают, кто он такой.

— Мне всегда бывает очень интересно побеседовать с вами, господин Сантараксита, но при нынешних обстоятельствах у меня просто нет времени вот так сидеть и размышлять над бесчисленными фобиями человечества. Увы, даже если они имеют отношение к Богу. Или к богам, если вам так больше нравится.

Сантараксита рассмеялся.

— Тебе не кажется забавным, что мы с тобой как бы поменялись ролями?

Несколько месяцев, проведенных в реальном мире, чудесным образом изменили его жизненную позицию. Он принял ту ситуацию, в которой оказался, и попытался как можно больше извлечь из нее. Может, еще немного, и он станет последователем Бходи?

— Боюсь, меня в гораздо меньшей степени можно назвать мыслителем, чем вам кажется, господин. У меня никогда не хватало на это времени. Я, вероятно, больше похожа на попутая.

— Чтобы выжить при твоём роде занятий, Дораби, нужно, по-моему, быть философом в гораздо большей степени, чем тебе хочется признавать.

— Или огрубеть. Среди нас нет тех, кого обычно называют «солидными» людьми.

Сантараксита пожал плечами.

— Все равно ты чудо, независимо от того, хочешь того или нет. — Он сделал жест в сторону каменного столпа. — Ну, у тебя есть вот это. Может быть, здесь рассказывается о чем-то важном. Или это просто напоминание о тех безвестных, из чьего праха растет сорная трава. И

вот что интересно. Складывается впечатление, что столп пытается вступить с нами в общение. Смотри — некоторые знаки стали другими. — Последние слова он произнес тоном крайней заинтересованности. — Дораби, эта надпись меняется! Мне необходимо взглянуть на этот столп с более близкого расстояния.

— Выбросьте эти мысли из головы. Вы до него и дойти не успеете, как все будет кончено. А заодно можете погубить и всех нас.

Он надул губы.

— Это — опасная часть любого приключения, — продолжала я втолковывать ему. — Та, которая не оставляет нам пространства для новаций, или отклонений, или излишней впечатлительности, или проявлений индивидуальности. Вы видели Зиндаба. На свете было мало людей лучше и сильнее него. Он не заслужил такого конца. Как только у вас разыграется воображение, лучше пойдите и взгляните лишний раз на повозку с его телом. А потом еще раз. И еще. Фу! Ну и запах — точно в конюшне. Небольшой ветерок не помешал бы. — Если бы он дул в направлении от меня.

Животных собрали в середине, чтобы они со всех сторон были окружены людьми и лишены возможности сделать какую-нибудь глупость. Например, выйти за пределы защитного круга. А травоядные, как известно, большие мастера по части выработки обратного продукта.

— Хорошо, хорошо. У меня нет привычки делать глупости, Дораби. — Сантараксита усмехнулся.

— В самом деле? Как, в таком случае, вы оказались здесь?

— Может, это у меня хобби такое. — Он, оказывается, мог и посмеяться над собой. — Тупо и глупо. Я не стою того, чтобы увековечивать мое имя на каменном столпе.

— Не берусь судить, что это, комплимент или упрек. Ладно, не спускайте глаз с этого камня, и если появится что-нибудь интересное, сообщите. — У меня не раз возникал вопрос, не связаны ли каким-то образом эти стол-

пы с теми, с которыми Отряд когда-то давным-давно столкнулся на Равнине Страха. Правда, те камни даже ходили и разговаривали — если только Капитан не был склонен к преувеличениям даже больше, чем я думала. — Стойте! Взгляните-ка туда! У самого края дороги. Это Тень, крадется потихоньку. Уже достаточно темно, чтобы они зашевелились.

Пора было и мне пошевеливаться, обойти всех и убедиться, что люди сохраняют спокойствие. Тени не смогут добраться до нас, если все будут сидеть тихо, не делая никаких глупостей. Но они могут попытаться спровоцировать панику — способ, которым охотники вспугивают свою жертву.

75

Несмотря на большое количество людей, наличие животных и овладевший мной пессимизм, все шло гладко. Мы с Гоблином несколько раз обошли круг и ту часть защитной дороги, которая тоже была занята людьми. Все как будто понимали ситуацию и вели себя соответственно. Полагаю, главным образом, под воздействием Теней, которые шныряли в темноте по сторонам от нашей невидимой защиты, точно злобные пиявки. Ничто так не помогает собраться, как угроза близкой и ужасной смерти.

— Вот чего я никак не пойму, — сказала я. — Круг — это перекресток, верно? Значит, должны быть и другие пути, чтобы входить и выходить из него. Кроме тех, по которому мы пришли сюда и по которому пойдем завтра. Почему же их не видно?

— Понятия не имею. Может, это колдовство. Спроси Одноглазого.

— Почему его?

— Ты столько времени прожила с ним бок о бок, что и сама бы должна понимать, почему. Потому что он знает все. Просто спроси. Он объяснит тебе.

Похоже, сейчас он уже меньше беспокоился о том, как бы не потревожили его друга.

— Знаешь, ты навел меня на интересную мысль. Я почти не имела возможности поговорить с Одноглазым, но у меня осталось впечатление, что он из кожи вон лезет, лишь бы выглядеть больным. Почему бы нам не разбудить его, оставить за старшего, а самим немножечко вздремнуть?

Мы так и сделали, с незначительными отклонениями, но сначала обеспечили смену караула на всех потенциальных входах в круг, независимо от того, видны они или нет. С помощью Готы и дядюшки Доя Одноглазый держался молодцом, даже если и не желал признавать этого.

Только я с удобством расположилась на жесткой постели, как подошла Сари. Я была совершенно вымотана и абсолютно не склонна к разговорам. При виде нее мне захотелось одного — чтобы она ушла. И она не стала задерживаться надолго.

— Мурген хотел поговорить с тобой, но я сказала, что ты устала и нуждаешься в отдыхе. Он просил предупредить, что сны тут бывают очень живыми и часто сбивают с толку. Самое главное, сказал он, это не впадать в панику и никуда не идти. То же самое мне нужно объяснить Гоблину, Одноглазому, дядюшке Дою и некоторым другим, чтобы они довели эти сведения до всех. Отдыхай.

Она легонько похлопала меня по руке, давая понять, что мы по-прежнему друзья. В ответ я промычала что-то невразумительное и закрыла глаза.

Мурген оказался прав. Ночь на Сияющей равнине — это было еще одно, совершенно особенное приключение. Все приметы местности казались очень похожими, но напоминали призраки самих себя в дневное время. А небо и вовсе не вызывало доверия. Сама равнина была вся еще в тенях серого, но ее пронизывало призрачное свечение, позволяющее все отчетливо видеть. В какой-то момент, подняв взгляд, я увидела полную луну и усыпанное звездами небо, но уже спустя несколько мгновений все оно оказалось сплошь затянуто плотными облаками, без единого проблеска света. Буквы на каменных столпах все время менялись, чего Мурген, похоже, не заметил, когда был здесь в прошлый раз. Я немного понаблюдала за

ними, узнавая отдельные буквы, но не слова. Тем не менее, у меня возникло отчетливое ощущение, что утром непременно надо будет подойти к господину Сантаракситу. Это было нечто вроде озарения — я поняла, как нужно читать надписи на столпах. Начинать с верхнего правого угла и двигаться вниз — по первому столбу. А потом по второму, но уже снизу вверх. Затем по третьему, опять сверху вниз. И так далее.

Однако гораздо больше меня интересовало то, что двигалось между столпами. Там были большие Тени, один вид которых вызывал ужас, и множество мелких, излучающих чувство острого голода, когда они скользили прямо у края нашей защиты. Большие не подходили слишком близко. От них исходило ощущение злобного терпения — казалось, они готовы ждать хоть тысячу лет, пока кто-нибудь из нас зазевается, и в защите откроется брешь.

Во сне все дороги, ведущие в круг, были хорошо видны. Каждая, словно мерцающая нить, вела к величественному зданию вдали. Однако среди всех этих путей и сооружений только наша дорога, тянувшаяся с севера на юг, казалась по-настоящему живой. Как будто эта дорога знала, что мы собираемся по ней идти, или же хотела, чтобы мы именно это и сделали.

И тут же я в одно и то же время почувствовала себя изумленной, сбитой с толку, испуганной, ликующей — осознав, что не могла бы видеть всего этого, если бы линия обзора проходила на уровне моих глаз. Значит, я вышла из своего тела, так, как это делал Мурген. Хотя я тысячу раз испытывала желание обладать этой способностью, и зрелище было потрясающее, где-то в глубине души я почувствовала страх. И возвала к небесам — время от времени не грех напомнить Богу о себе. Я иступленно, страстно желала оставаться просто Дремой, без намека на какой-нибудь мистический талант. Правда, правда. Если так уж необходимо, чтобы кто-то из наших людей непременно умел делать что-либо подобное, пусть бы этим занимались Гоблин, Одноглазый, дядюшка Дой... Да кто угодно, исключая лишь Тобо, несмотря на то, что ему предсказывали стать будущим Отрядом. Он был слишком

юн, слишком плохо умел держать себя в руках, чтобы совладать еще и с этой способностью.

Снующие туда-сюда маленькие Тени напоминали стаю голубей. В этом призрачном мире они не молчали, но общались лишь друг с другом. Не требовалось особых усилий, чтобы не подпускать их к себе.

Что по-настоящему внушало беспокойство, так это небо над головой. Каждый раз, стоило мне поднять взгляд, как там все оказывалось совершенно другим. То непроглядные, плотные тучи, то россыпь звезд и полная луна. То совсем мало звезд и две луны. То отчетливо различимое созвездие, повисшее прямо над дорогой, которая вела на юг. Оно в точности соответствовало описанию того, которое Мурген называл Арканом. А мне-то всегда казалось, что этот Аркан был выдумкой соплеменников матушки Готы.

Потом, прямо рядом с золотой киркой, я увидела троицу рослых страшилищ, которых, по словам Мургена, он встретил на этом самом месте в свою первую ночь на Сияющей равнине. Кто они? Уакшасы? Ракшасы? Я попыталась примерить их к мифологии Гунни или даже Кины, но не могла вспомнить ничего подходящего. Хотя, полагаю, там им нашлось бы место. Гунни гораздо более гибки в вопросах доктрины, чем Ведна. Нас учили, что нетерпимость — это дар веры. Уступчивость Гунни — одна из причин того, что они обречены гореть вечным огнем. Идолопоклонство, вот что это такое.

Бог — это Могущество. Бог — это Милосердие. В Прощении Своем Он Подобен Земле. Но по отношению к неверующим Он может быть беспощаден.

Я отчаянно пыталась вспомнить, что Мурген рассказывал о своей встрече с этими созданиями из мира снов. Бесплезно, хотя именно я записывала его рассказ. Мне даже не удалось припомнить, были ли его ночные гости в точности такими же, как эти. Они, в общем-то, напоминали людей и были примерно такого же роста, но человеческие черты у них были заметно стерты. Может, они надели маски животных? Судя по их неистовым жестам, они звали меня идти за собой. Вроде бы Мурген

упоминал о чем-то в этом роде. Он, помнится, отказался. Я — тоже, хотя и приблизилась к ним, попытавшись вовлечь в разговор.

В отсутствие тела или каких-либо специальных приспособлений я, конечно, не могла издавать звуков. И они говорили на неизвестном мне языке, так что все мои усилия оказались тщетны.

Они, казалось, сильно расстроились. Наверно, думали, что я буду играть по их правилам. В конце концов, они здорово разозлились и заковыляли прочь.

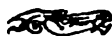
«Мурген, я не знаю, где ты. Но тебе придется объяснить мне все это».

Чудища ушли, не причинив мне никакого вреда. Теперь, может быть, удастся немного поспать. Самым обычным сном, безо всяких этих чересчур реальных сновидений и ужасного, неправдоподобного неба.

Начался дождь. Самый настоящий, без сомнения — я лежала, скрючившись, а холодные капли падали прямо на меня. Спрятаться не представлялось возможным — на этой равнине палаток не расставишь. Кстати, составляя свои планы, мы вообще упустили из вида погоду. Не знаю даже, почему, хотя, похоже, сколько ни планируй, всегда упустишь что-нибудь важное. Что-то, что непременно проглядают все те, кто разрабатывает планы. И уже потом, когда начинаются неприятности, ломаешь голову, как можно было упустить нечто столь очевидное.

Неизвестно почему, но мы, по-видимому, думали, будто такое понятие, как погода, к этой равнине неприменимо. Может быть, из-за того, что в Анналах Мургена о ней не сказано ни слова. Но кое-кто мог бы обратить внимание, что Плененные совершали свой поход «в другое время года». Кое-кому следовало бы отдать себе отчет в том, что стоит за этими словами. Кое-кому — значит, в первую очередь, мне.

Было достаточно знобко и до того, как начался дождь, теперь же похолодало еще сильнее. Двигаясь на ощупь, я встала и помогла укрыться тем, кто лежал поблизости. Потом натянула на себя еще одно одеяло и кусок палатки, свернулась калачиком и уснула, несмотря ни на

что. Это был всего лишь мелкий, морозящий дождик, а когда устанешь, ничто не имеет значения, кроме сна.

76

Вернувшись в страну снов, я встретила там Мургена.

— Ты удивлена? Я говорил, что увижусь с тобой на равнине.

— Ну да, говорил. Но именно сейчас мне больше всего хочется спать.

— Ты и спишь. И проснешься такой свеженькой, будто спала как убитая.

— Мне не нравится выходить из тела.

— Ну, так не выходи.

— Я не могу контролировать это.

— Можешь. Просто реши, что не станешь. Это — основное. Большинство людей поступают так чисто инстинктивно. Поспрашивай других завтра. Увидишь, что многие из этих людей могут не только выходить из плоти, когда захотят, но и возвращаться.

— Значит, это происходит со всеми?

— Да, здесь это может делать каждый. Если захочет. Большинство не хотят этого так сильно, что даже не осознают открывающейся перед ними возможности. Ладно, все это не имеет значения. Я здесь не для того.

— Но для меня эти люди имеют очень даже большое значение. Они напуганы. А я всего лишь самая обыкновенная городская девчонка, не слишком образованная...

— Кончай хныкать, Дрема. Не трать времени даром. Я тебя знаю, как облупленную. А вот тебе кое-что следует узнать.

— Слушаю.

— До сих пор у тебя на равнине все шло более-менее гладко, потому что ты руководствовалась Летописями. Держись и дальше этого и у тебя не будет никаких неприятностей. Не трать зря время. У вас маловато воды — даже если вы зарежете по дороге своих животных, как и планировалось. Здесь есть лед, который можно растопить, но если ты будешь тратить время впустую, вам придет-

ся убить больше животных, чем вы рассчитывали. И позаботьтесь о них хорошенько, пока они еще живы. Не допускайте, чтобы они страдали от жажды, а то они начнут бродить вокруг в поисках воды и могут пострадать. Это, конечно, излечимо, но тоже может потребовать времени. А у вас его нет.

— Тогда с нами не случится того, что произошло с Зиндабом и некоторыми другими?

— Да. Завтра вы найдете Бадью. Я нарочно предупреждаю тебя об этом, чтобы ты успела подготовиться.

Я уже успела сделать это. Давным-давно. Увидеть Бадью мертвым и вправду будет нелегко, но я смогу пройти через это.

— Скажи, что еще нужно делать.

— Ты все делаешь как надо. Просто поторопись.

— Может, разбить отряд на группы? Послать ударные силы вперед?

— Нет, не стоит. Ты не сможешь руководить теми, кого не будет с тобой. А среди них может оказаться человек, который допустит серьезный промах и погубит всех вас.

— И вас тоже?

— Если вы потерпите неудачу, никто не вытащит нас отсюда. Кроме вас, никто даже не знает о том, что мы живы.

— Дочь Ночи и Нарайан Сингх знают. Скорее всего. — Не сомневаюсь, они слышали достаточно, чтобы сделать такой вывод.

— Значит, и Душелов знает. Но, как ты догадываешься, эти люди вряд ли заинтересованы в воскрешении мертвых. Не говоря уж о том, что сейчас Врата Теней можно открыть только с этой стороны. Это — последняя ставка в игре, Дрема. И на кону все.

Я не стала напоминать Мургену, что Нарайан Сингх и его подопечная очень даже заинтересованы в воскрешении кое-кого, кто был похоронен вместе с ним. Он был прав насчет Врат Теней — больше снаружи Ключей не осталось.

— Как я узнаю, что ты собираешься поговорить со мной вот как сейчас? — Он одарил меня улыбкой —

наверно, той самой, которая покорила сердце Сари.— Ты должен увидаться с Сари.

— Уже. Вот почему я не сразу пришел к тебе.

— Что я могу сказать? Ох! Я видела этих тварей... этих... — Я не знала, как их зовут, но попыталась описать.

— Вашейн, Вашин и Вашон, три ипостаси Нефа. Они тоже сноходцы.

— Тоже?

— Я — сноходец. Ты можешь видеть меня, но не по правде, не глазами. Ну, как бы ты вспоминаешь меня. Неф находятся не здесь. Может быть, угодили в ловушку или не имеют тел, в которые могли бы вернуться. Я никогда не мог поговорить с ними. Они очень страстно жаждут общения — потому что они всего жаждут страстно, — но, похоже, не знают, как это сделать. Они из другого мира. Если у них и вправду нет тел, они могут даже оказаться Ворами Тел, поэтому будь с ними очень осторожна.

— М-м-м... О чем ты толкуешь, не пойму?

— По правде говоря, я думал, ты догадалась о многом, читая между строк. Отряды должны же были прийти откуда-то и вряд ли с равнины, где ничего нет, кроме голого камня. Значит, откуда-то еще. Откуда-то совсем из другого места, потому что эта равнина не так уже велика, и, обойдя ее всю, можно понять, что отсюда армии появиться не могли. Чем дальше, тем холоднее и негостеприимнее эта земля.

— Я и в самом деле туго соображаю, командир. Расскажи поподробнее.

— Не знаю, стоит ли.

— Ты — мой брат.

Он как будто не слышал моих слов.

— Тут, знаешь ли, не спят, поэтому в моем распоряжении масса времени. И я использовал его для кое-каких исследований. Существует шестнадцать Врат Теней, Дрема. И пятнадцать из них открываются в другие миры. Или в другое время. Большинство из них сейчас бездействуют, и в моем состоянии я не могу узнать, что находится на другой стороне, не побывав там. А сделать это

у меня не хватает духу, потому что я люблю свой собственный мир, который просто прекрасен, и боюсь угодить в ловушку где-нибудь на краю вселенной, откуда мне и вовсе не будет возврата.

— Только четыре из этих Врат еще действуют. И те, которые ведут в наш мир, так сильно повреждены, что, вероятно, будут оставаться в таком состоянии на протяжении еще многих поколений.

Я была ошарашена. Все эти его откровения застали меня абсолютно неподготовленной. А между тем, и тут он был прав, прежде уже не раз звенели, звенели звоночки, к которым мне следовало бы прислушаться.

— Какое все это имеет отношение к Кине? В легендах, относящихся к ней, ничего похожего нет. И, если уж на то пошло, какое все это имеет отношение к нам? В наших легендах тоже ни о чем таком не упоминается.

— Упоминается, Дрема. Просто эта истина так стара, что время полностью растворило ее. Ознакомься как следует с мифологией Гунни. Там много чего сказано о других равнинах, других реальностях, других небесах и прочем в том же духе. Эти истории ходили еще до появления Свободных Отрядов, тысячу лет назад. Насколько мне удалось выяснить, когда первый Свободный Отряд почти шестьсот лет назад покинул равнину, за последние восемь столетий это был первый случай использования наших Врат Теней. Время, вполне достаточное для того, чтобы истина подверглась искажениям и стала неузнаваема.

— Постой, постой! Ты опять начинаешь толковать о таких вещах, которые в моем сознании просто не укладываются.

— Тогда лучше распахни свое сознание пошире, потому что вся истина гораздо, несравненно больше. И это при том, что мне едва ли известна ее десятая часть.

В глубине души заворчалась ее темная, циничная, полная недоверия половина, иногда способная поставить под сомнение мотивы, которыми руководствовались даже мои ближайшие друзья.

— Почему ты до сих пор ни словом не обмолвился обо всем этом? Ты что, только вчера сам узнал?

— Нет, конечно. Но я уже говорил, что хочу выбраться отсюда. Очень хочу. И я решил придерживаться любую информацию, которая могла бы помешать тебе.

— Помешать мне? Какого черта? О чем ты?

— Кина и Плененные — не единственные, кто спит здесь. Существует множество истин, способных потрясти сами основы нашего мира. Не о всеобщей кровавой резне или священных войнах идет речь. И не о том, что моя семья и Отряд могут погибнуть, — это и без того им угрожает. Все гораздо серьезнее.

— Я пытаюсь распахнуть сознание пошире, но это, знаешь ли, нелегко. Возникает такое чувство, точно меня затягивает в бездну.

— Что я тебе могу сказать? Продолжай в том же духе, держись, вот и все. Я уж давно влез во все это и то мне бывает очень, очень нелегко. Думаю, чтобы тебе было понятнее, нужно начать с истории этой равнины.

— Почему бы и нет? Увлекательная, надо думать, история.

— Ну, и язычок у тебя! Может, Лебедь прав, и все, что тебе на самом деле нужно, это хороший... Ладно, ладно. Слушай внимательно. Эта равнина была создана так давно, что ни в одном из миров никто уже не помнит, кто это сделал, как и зачем. Считается, что это что-то вроде системы мостов между мирами.

— А к чему Тени, и все эти каменные столпы, и...

— Я ничего не успею рассказать, если ты будешь все время перебивать меня.

— Извини.

— Вначале была эта равнина. Просто равнина, с сетью дорог, предназначенных для того, чтобы можно было по ним попадать в другие миры. Причем для этого требовалось пройти вполне определенный путь. К примеру, прежде, чем покинуть равнину, нужно было обязательно добраться до большого круга в центре. Тогда не было ни Теней, ни Врат Теней, ни каменных столпов, ни огромной крепости в середине большого

круга, ни пещер под каменной поверхностью равнины, ни спящих богов, ни Книги Мертвых. Не было ничего, кроме равнины. Перекрестка миров. Или, возможно, времени. Есть учение, весьма сомнительное, правда, что Врата ведут в один и тот же мир, только с разрывом в десять тысяч лет во времени.

— На каком-то этапе все еще в очень давние времена, когда человечество занималось самоутверждением, возникла мысль, что потенциально через равнину в миры могут проникать захватчики. Вот тогда-то мудрецы из нескольких миров договорились между собой внести первые изменения в равнину. Они построили в большом круге крепость, в задачу которой входило не пропускать из мира в мир большие группы вооруженных людей.

— Теперь мы добрались до края протоистории, эпохи, которую сейчас, с легкой руки мифотворцев Гунни, в значительной степени искаживших ее, вспоминают как «больную».

— Несмотря на все препятствия, завоеватели пытались проникнуть из мира в мир. Кина, по-видимому, вначале была кем-то вроде вашего дьявола, Темного Лорда, из тех, которые непременно всплывают раз в несколько столетий — первый муж Госпожи был таким. Сама же Госпожа была из другого теста и связана со многими такими же. Теперь их называют богами из-за того влияния, которое они оказали на свое время. Правители тех времен решили пожаловаться Кине и попросить ее одолеть «демонов» на равнине. Выполняя их просьбу, она стала тем, что, для большей наглядности, мы будем называть богом. И она потрудились на славу, как и ожидали те, кто обратился к ней, и с теми результатами, о которых более или менее точно рассказывают мифы. Потом, когда Кина уснула, те, кто прежде призвал ее, создали под равниной лабиринт пещер и похоронили ее там. Затем они же создали Шиветая, Непокколебимого Стража, который должен был охранять ее. А может, они использовали для этой цели одного из уцелевших демонов с таким именем, лишь добавив ему мощи и обязав выполнять эту работу, если ты предпочитаешь менее общеизвестную

версию этой истории. Потом, слишком, по-видимому, утомившись, чтобы вновь обрести свое величие, они удалились. Вот каким образом Кина сначала возвысилась, а потом оказалась в плену.

— Почему они просто не убили ее? Вот чего я никогда не понимала, когда речь заходила об этих сварах между богами. Существует единственная версия мифа о Кине, согласно которой ее враги не просто спрятали ее. Они разрубили ее на куски и разбросали их в разные стороны, но допустили, чтобы эти куски остались живы и получили возможность пытаться воссоединиться.

— Мне кажется, что она владела заклинанием, которое позволяло связать судьбы других богов с ее собственной судьбой. Эти создания ни одной секунды не доверяли друг другу. Все они обладали разного рода защитными механизмами, вроде того, который использовал Длиннотень, когда связал свою судьбу с благополучием Врат Теней.

— Но Врата Теней больше не зависят от его здоровья. Во всяком случае, пока он остается по эту сторону от них.

— Я просто упомянул его как пример, Дрема. Давай вернемся к истории равнины. То, что последовало за падением Кины, не подтверждается никакими документами. Но известно, что завоеватели на этом не успокоились, и были предприняты дальнейшие попытки помешать им, сохранив равнину открытой для торговли. Были созданы Ключи и Врата. Один из миров собрал своих колдунов, велел им украсть души миллионов пленников войны и создать таким образом Тени, обладающие свойством ненавидеть все живое. В их намерения входило полностью закрыть равнину. Тогда, что вполне естественно, какая-то другая раса создала особые поля для защиты кругов и дорог. Никто не знает точно, как и когда начали появляться каменные столпы, но они — одно из самых последних «добавлений» к равнине. Вероятнее всего, они были установлены предшественниками некоего религиозного движения, того самого, которое создало Свободные Отряды. Эти камни — не живые существа, а

всего лишь предметы, созданные с определенной целью. Им равно безразличны и Тени, и защитные поля, но они настроены на различные Ключи, которые проносили мимо них в эпоху Свободных Отрядов.

— У меня просто голова идет кругом. Понадобится немало времени, чтобы переварить все это. Что же, выходит, Кина вполне реальна?

— Абсолютно. Похоронена прямо где-то под тем местом, где и мы. У меня никогда не возникало искушения отправиться разыскивать ее — вдруг да ненароком выпустишь на свободу? Не знаю, возможно ли это, но лучше не рисковать.

— А при чем тут Райдрейнак и Книга Мертвых? Какова их роль во всем этом?

Война Райдрейнака против культа Кины предположительно происходила за несколько столетий до появления Свободных Отрядов, но между тем и другим было много общего, что наводило на мысль о связи между ними.

— О возникновении Свободных Отрядов известно, как ни странно, очень мало, несмотря на относительную близость во времени. На протяжении нескольких столетий существовало множество таких Отрядов. Они приходили из разных миров и уходили в другие, представляя собой различные секты приверженцев Кины. В основном, они не были захватчиками; их посылали с исследовательской целью, или в качестве торговцев, или даже чтобы провести Годину Черепов. Однако складывается впечатление, что их подлинной задачей было решить, кому из миров следует предоставить честь быть принесенным в жертву для того, чтобы эта самая Година Черепов наступила.

— И вся шайка миров решила, что мы лучше всего годимся для этой роли?

— Кина связывает между собой множество миров. Ее злоба универсальна, по-видимому.

— И мы оказались «крайними» и были вынуждены захоронить ее у нас?

— Ты больше не в нашем мире, Дрема. Ты — между мирами. Где ты окажешься в итоге, будет зависеть от

того, через какие Врата ты выйдешь. И в наши дни у тебя практически нет выбора. Это Врата, которые расположены прямо впереди, на дальней стороне равнины. Как будто сама равнина закрывает перед тобой все другие выходы.

— Не понимаю. Зачем это делается? И как?

— Иногда кажется, что равнина — живое существо, Дрема. Или, по крайней мере, способна мыслить.

— Мы попадем в тот мир, откуда пришли? И куда так стремился Капитан, потратив на это большую часть своей жизни?

— Нет. Отряд не может вернуться в Хатовар. Ворчун никогда не доберется до своей земли обетованной. Те Врата Теней закрылись. Мир, куда вас ведут, очень похож на наш собственный. В других мирах его называют, в переводе на таглианский, не совсем точном, конечно, Страной Неизвестных Теней.

Не успев ни о чем подумать, я выпалила:

— Все Зло Умирает Там Бесконечной Смертью.

— Что? — Он явно выглядел испуганным. — Как ты узнала? Эти люди убивали тех, кто создал Тени.

— Услышала мимоходом. От нюень бао.

— Да. Нюень бао де дуань. На современном нюень бао это означает что-то вроде «Избранные Дети», в разговорном варианте, далеком от буквального значения. В те дни, когда их предки были посланы из Страны Неизвестных Теней, это означало, тоже приблизительно, «Дети Смерти».

— Ты изрядно потрудился, — заметила я.

— Вряд ли можно так сказать, учитывая, как давно я здесь. Что ни говори, десять лет, Дрема. Ничто меня не отвлекало, на что ты так любишь ссылаться, когда не успеваешь сделать то, что хотела.

— Издеваешься? Я, по-моему, тружусь, даже когда сплю.

— Ладно, сейчас отдохнешь. Кое-кто, способный управлять этим туманным прожектором, призывает меня к себе. Тебе стоило бы пробраться туда и избить этого паразита, чтобы он то и дело не выдергивал меня по всяким пустякам.

— Не стоит, бывший командир.

— Ты будешь... — Мурген исчез, точно его и впрямь выдернули.

Могу поклясться, что я слышала, как расхохоталась белая ворона, которая слушала весь наш разговор.

77

— Ты что, с цепи сорвалась? — спросил Лебедь, когда я безо всякого повода окрысилась на него. — Может, у тебя опять месячные?

Я покраснела. И это после двадцати лет, проведенных среди грубых мужланов на двух копытах!

— Нет, зануда. Просто я неважно спала этой ночью.

— Что? — взвизгнул он — точно крыса, на которую наступили.

— Я неважно спала этой ночью.

— Ах, ну да. Наша прелестная маленькая Дрема не выпалась. Эй, парни, кто-нибудь! Ро, Речник, кто угодно! Не хотите ли подойти поближе и поделиться незабываемыми воспоминаниями о Храпе Во Время Дождя, который вы слышали этой ночью?

— Командир, ты храпела похлеще, чем тигр в жару, — сказал Речник. — Люди вставали и уходили на южную часть дороги, чтобы не слышать. Некоторым хотелось задушить тебя или, по крайней мере, засунуть твою голову в мешок. Готов поспорить, что если бы еще кто-то знал, что нам делать и куда идти, ты уже была бы на одной повозке с Генералом Зиндабом.

— Я, такой нежный, душистый цветочек! Не может быть, чтобы я храпела. — Меня и прежде обвиняли в этом преступлении, но всегда шутливо и никогда с таким пылом.

Речник фыркнул.

— Лебедь раздумал жениться на тебе.

— Я убита. Придется попросить Одноглазого полечить меня.

— Полечить тебя? Да он о себе самом позаботиться не может.

Я попросила, чтобы мне дали поесть. Ах! Не стоило и трудиться. Еще долго, долго мы будем на очень жестком рационе. Не успела я привести себя в порядок — насколько это было возможно, — как движение возобновилось. Общее настроение правильное всего было бы назвать расслабленным. Мы пережили эту ночь. И вчера, что ни говори, подобру-поздорову убрались от Протектора.

С расслабленностью было покончено, как только мы наткнулись на останки Бадьи.

Огромный Бадья — настоящее имя его было Като Далья — в прошлом вор, а потом офицер Черного Отряда, был почти отцом для меня. Он никогда не говорил этого, а я никогда не спрашивала, но, по-моему, он все время догадывался, что я — существо женского пола. Он очень не нравился некоторым моим родственникам-мужчинам и, по-моему, имел с ними стычку.

Не дай Бог разгневать Бадью!

Каким-то образом я ухитрилась сдержать себя при виде него. У меня было достаточно времени, чтобы привыкнуть к мысли о его гибели, хотя всегда оставалась крошечная, бессмысленная надежда, что Мурген ошибается, что смерть позабыла о нем, и он похоронен вместе с Плененными.

Я не успела сказать ни слова, а Бадью уже положили на повозку рядом с Зиндабом.

Я потащила дальше, и меня захлестнула волна совершенно неуместных мыслей, которые неуместным образом часто приходят в голову в такие моменты.

На том месте, где мы провели ночь, осталось множество мусора, в особенности связанного с животными. Когда Плененные шли этим путем, было то же самое. Однако, если не считать еще одного странно выглядевшего трупа, не было никаких признаков того, что они проходили здесь. Ни навозных куч, ни выброшенных за негодностью, полуизъеденных точильных камней, ни обрезков овощей, ни пепла от угольных жаровен — ничего. Остались лишь совершенно высохшие человеческие тела.

Нужно будет обсудить это с Мургенем. Пока же это небольшое умственное упражнение позволяло мне не сосредоточиваться на мыслях о Бадье.

Мы медленно двигались на юг. Дождь начинал идти и прекращался — все тот же мелкий, морозящий, хотя временами, подув сильнее, ветер заставлял его обжигать кожу. Я дрожала от холода, опасаясь, как бы не пошел дождь с мелкой ледяной крупой или даже снег. Ничего худшего с нами пока не происходило. В конце концов впереди неясно проступил силуэт таинственной крепости в центре равнины — нашей первой цели.

Ветер начал дуть все сильнее и устойчивее.

Некоторые жаловались на холод. Другие жаловались на сырость. Значительно меньшее число людей жаловались на скудное меню и уж совсем горстка на все сразу. Я тоже была не в восторге от происходящего.

Весь день я чувствовала себя одинокой, почти покинутой, несмотря на совершенно искренние усилия Лебеда, Сари и некоторых других. Только дядюшка Дой делал вид, что ничего не замечает; не мог простить мне того, что я отказалась стать его ученицей. Обычные для него эмоциональные махинации, с целью оказать на меня давление, надо думать. Несколько раз я как бы выпадала из реального времени и вынуждена была напоминать себе, что сейчас не следует этого делать. Те люди, которые ушли, больше не смогут сделать мне больно. Если я не позволю им этого. Реальность их существования зависит от меня. Они живы лишь в моей памяти...

Даже это — своего рода бессмертие.

Мы, Ведна, верим в духов. И верим в то, что существует зло. Меня всегда удивляло, что Гунни не признают ничего этого. Для них боль, вызванная уходом близкого человека, носит менее личностный и гораздо более фаталистический характер. Они воспринимают смерть как обязательную стадию жизни, которая отнюдь не заканчивается данной трансформацией.

Если вера Гунни — в порядке своеобразной и не поддающейся нашему осмыслению шутки божества — более точно отражает реальную теологию, я, наверно, в

прошлой жизни была очень, очень скверной девчонкой. Надеюсь, что хотя бы тогда я от души повеселилась... Прости меня, о Лорд Времени, Милосердный и Сострадательный. Я согрешила в сердце своем. Ты — Бог, и, значит, Не Можешь Не Простить.

78

Теперь ветер приносил снежинки и швырял крошечные льдинки, которые обжигали лицо и руки. Все это, конечно, пугало людей, но открытого недовольства не проявлял никто. Лозан Лебедь рысью бегал туда и обратно вдоль колонны, напоминая людям, чтобы они не отклонялись с пути, продолжая идти только вперед. Похоже, погода ему ничуть не мешала. Видимо, он находил ее бодрящей. И рассказывал всем, как это будет замечательно, когда самый настоящей снег покроет землю на высоту эдак четырех-пяти футов. Мир тогда выглядит чище, да, уж можете мне поверить! Снег... Он такой... Но, самое главное, он скрывает от вас реальный мир.

Время от времени его суетня людям надоедала. Они кричали, чтобы он заткнулся, и обещали, что отблагодарят Одноглазого, Гоблина или даже Тобо — в общем, любого, кто сумеет забить Лебеда рот быстро схватывающимся строительным раствором.

— Тебе, похоже, весело? — спросила я его.

— О, да! Никто ни за что не ругает — отлично.

Судя по его мальчишеской улыбке, все это не было проявлением ненужного геройства. Скорее, игрой, в большой степени, возможно, предназначенной специально для меня.

Все северяне, казалось, обладали склонностью к игре. Даже Капитан и Госпожа временами заигрывали друг с другом. А Одноглазый и Гоблин? Может быть, удар, хвативший маленького черного колдуна, на самом деле был послан Богом. Я даже представить себе не могла, что они могли тут учинить, разыгрывая друг друга, найдись оба в добром здравии.

Я высказала свое мнение по этому поводу Лебедю, но он меня не понял. Когда же я объяснила, что имела в виду, ответил:

— Тут ты ошибаешься, Дрема. Если только эти двое не пьяны вдрызг, они не представляют опасности ни для кого, кроме самих себя. Я уяснил это еще двадцать лет назад. Как ты могла так промахнуться?

— Ты прав. И я знаю это. Просто все время пытаюсь нащупать, откуда может прийти опасность, чтобы успеть подготовиться к ней. И от этого у меня портится настроение. Как тебе удастся сохранять свою жизнерадостность?

— Погляди-ка вперед. Еще один день, максимум, два. И я смогу обнять своих старых приятелей, Корди и Ножа.

Я искоса взглянула на него. Неужели возможность освобождения Пленных вызвала у него, единственного среди нас, исключительно чувство радостного волнения, но никак не страха? Что ни говори, все они провели последние пятнадцать лет в ловушке, наедине со своим собственным разумом. Я вовсе не была уверена, что даже Мурген не тронулся умом и что ему не приходилось трудиться денно и нощно, чтобы успешно скрывать это. Другие же... Не сомневаюсь, что некоторые зашли гораздо дальше и находятся на грани буйного помешательства. Как тут было не бояться?

Очевиднее всего этот страх ощущался в Радише.

Она казалась почти невидимкой с тех пор, как присоединилась к нам на этой стороне Данда Прэш. Речник и Ранмаст все время старались держаться поблизости, но в этом, в общем-то, не было необходимости; и у нее было очень мало потребностей. Она все больше погружалась в себя, о чем-то размышляя. Чем дальше мы были от Таглиоса и ближе к ее брату, тем более замкнутой она становилась. По дороге, после Рокового Перелеска, между нами возникли почти сестринские отношения. Но после Джайкура маятник качнулся в другую сторону, и за время, проведенное по эту сторону гор, мы едва ли обменялись сотней слов. Нельзя сказать, чтобы меня это радовало. Общество Радиши, наши беседы и проявляющийся в них ее сильный ум — все это доставляло мне удовольствие.

В последнее время даже господину Сантараксите не удавалось разговорить ее, хотя ей явно нравились его заумные шутки. Эта пара, взявшись за дело вместе, была способна разнести в пух и прах доводы любого глупца быстрее, чем мясник — распотрошить цыпленка.

Я сказала Лозану Лебедю, что думаю по поводу этой проблемы.

— Готов поспорить, что дело тут не в ее брате. С ним у нее никаких серьезных проблем не будет. Подозреваю, что она пала духом из-за невозможности вернуться назад. Черная меланхолия овладела ею, как только стало ясно, что мы, скорее всего, движемся по дороге с односторонним движением.

— М-м-м?

— Раджахарма. Для нее это не просто первый под-вернувшийся под руку лозунг, Дрема. Она серьезно относится к своим обязанностям как правительницы Таглиоса. Ты уводила ее сюда, месяц за месяцем, и при этом она знала, что делает Протектор от ее имени. Ты должна понять — она огорчена тем, что позволяла использовать себя. И к тому же ей совершенно ясно, что, скорее всего, возможности что-то исправить она лишилась навсегда. Ума ей не занимать.

Ну, конечно, ему ли не знать, он ведь провел рядом с ней почти тридцать лет.

— Мы вернемся.

— Ну, конечно! Один шанс на... даже не берусь сказать, на сколько, что это произойдет. Но даже если и так, никто там нас дожидаться не станет. Во всяком случае, не Душелов, верно?

— Согласна. Более того, я уверена, что через полгода она вообще выкинет нас из головы. Найдет себе более интересную игрушку.

— Ну, теперь скажи — кому уместнее говорить «Воды спать», тебе или Душелову? Ты ее не знаешь, Дрема. Никто ее не знает, кроме, может быть, Госпожи, и то немного. Но я довольно долго находился рядом с ней. Пусть и не желая этого, но — факт. Ее нельзя назвать целиком и полностью бесчеловечной. И она не настолько тщеславна

и невнимательна, какой хочет казаться. Самое главное, думая о Душелове, нужно никогда не забывать об одном решающе важном факте. А именно — она все еще жива в мире, где ее смертельным врагом была Госпожа Башни. Вспомни, что в свое время рядом с Госпожой даже Хозяева Теней выглядели неопытными забияками.

— Тебя на самом деле все это задевает, не правда ли?

— Просто констатирую факты.

— Тогда позволь напомнить тебе то, о чем ты только что сказал. Воды спят. Женщина, которая прежде была Госпожой Башни, спустя всего несколько дней вернется к жизни.

— Ты лучше поинтересуйся у Мургена, хочет ли она этого. Готов поспорить, что там, где она сейчас, не так холодно. — Теперь холодный ветер безжалостно пронизывал нас до самых костей.

Я не стала возражать, хотя ему было известно, что это не так. Он не мог забыть, что помогал Душелову упрятывать Плененных в ледяные пещеры, пусть и против воли.

Вороны, которые следили за нами, прилетели с севера, сражаясь с ветром. Сделали несколько кругов, набрали высоту и унеслись к своей Мамочке. Не много же они смогут ей доложить.

Нам снова стали попадаться тела, иногда по двое и по трое. Никто вообще не знал точного числа Плененных. Мурген рассказывал, что почти половине Отряда удалось уйти после того, как Душелов оказалась на свободе. Они остались здесь. Я не помнила большинства из них. Среди них больше было таглианцев и джайкури, чем членов Старой Команды, а это означает, что они были завербованы в то время, когда я по просьбе Мургена отправилась на север.

Мы наткнулись на Суен Дин Дака, телохранителя Бады из нюень бао. Тело Дака было искусно подготовлено к ритуальному огненному погребению. То, что Бадя посреди всего этого ужаса остановился, чтобы отдать эту честь одному из самых своих спокойных и ненавязчивых товарищей нюень бао, говорило о характере моего названного отца лучше, чем целые тома, — и о характере

Дака тоже. Бадья утверждал, что ему не нужна никакая защита и, следовательно, телохранитель. Но Суен Дин Дак отказался покинуть его. Он чувствовал зов силы, несравненно более могущественной, чем воля Бадьи. Не сомневаюсь, что они стали друзьями, хотя и не демонстрировали этого на людях.

Потекли слезы, которых не было, даже когда мы нашли самого Бадью.

Лозан Лебедь и Суврин попытались успокоить меня. Оба маялись, не зная, как я среагирую, если они обнимут меня. Я ничего против не имела, но не знала, как без слов довести это до их сведения. Мне было слишком не по себе.

Сари удалось успокоить меня, когда нюень бао собралась, чтобы отдать честь одному из своих.

Лебедь нес всякую чушь. Белая ворона опустилась ему на плечо и клюнула в ухо. Одним глазом она разглядывала труп, другим — всех нас

— Твой друг был совершенно уверен, что кто-то пройдет этим путем снова, Летописец, — заметил дядюшка Дой. — Он оставил Дака в позе, которую мы называем «В ожидании упокоения». Так мы поступаем в тех случаях, когда похороны приходится отложить. Ни боги, ни дьяволы не посмеют побеспокоить мертвого, уложенного таким образом.

Я фыркнула.

— Воды спят, дядюшка. Бадья верил. Он знал, что мы придем.

Вера Бадьи была сильнее моей, которую едва не убила Кыяулунская война. Если бы не непреклонное желание Сари воскресить Мургена, я бы не сумела пройти через те времена, полные отчаяния. Если бы и Сари начала сомневаться, у меня просто не хватило бы сил вынести все, что пришлось пережить.

Теперь мы здесь, и другого пути у нас нет, только вперед. Я вытерла слезы.

— У нас нет времени на разговоры. Наши припасы крайне ограничены. Давайте погрузим его на...

— Мы предпочитаем оставить его в том же положении, — прервал меня дядюшка Дой, — и на том же

месте — до тех пор, пока у нас не появится возможность проводить его как положено.

— Когда это еще...

— Что?

— Я видела не слишком много мертвых нюень бао после осады Джайкура. У вас, конечно, прекрасные похоронные ритуалы, но я не раз была свидетельницей того, что вы нарушаете их. Некоторых хоронили в горах, как Гунни. Одного в земле, точно он был Ведна. Мне даже приходилось видеть труп, который натерли сильно пахнущими мазями, завернули, точно мумию, и повесили вниз головой на ветку высокого дерева.

— Похороны должны соответствовать и человеку, и ситуации, — объяснил Доя. — Решающим является не то, что сделают с телом. Все церемониалы предназначены облегчить душе переход в ее новое состояние. Они — вот что по-настоящему существенно. Если они не соблюдены, дух умершего может быть обречен скитаться по земле.

— Как призрак? Или как сноходец?

Доя, казалось, испугал мой вопрос.

— Что? Как призрак? Нет, просто как не знающий покоя дух, который хочет завершить все, что не успел в своей земной жизни. Но сделать этого он не может, поэтому просто скитается, как неприкаянный.

Хотя по понятиям Ведны призраки — это злые духи, проклятые Самим Богом и обреченные на вечные скитания, я не собиралась ни в чем разубеждать Доя.

— Ну, так оставим его здесь. Вы будете стоять рядом, пока все пройдут мимо? Хотите удостовериться, что никто ненароком не заденет его?

Бадья положил Дака на краю дороги, чтобы те, кто придут после, не потревожили его.

— Отчего он умер? — спросил Лебедь.

И тут же вскрикнул — белая ворона снова клюнула его в ухо.

Все повернулись и уставились на Лебеда.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

— Послушай, если бы до Дака добралась Тень и кто-то попытался вытащить его, он тоже лежал бы здесь, рядом с ним. Правильно? Значит, Дак умер как-то иначе, еще раньше... — Чувствовалось, что мысли лихорадочно крутятся у него в голове.

— Это сделала Душелов! — сказала ворона. Точнее, прокаркала, но слова можно было разобрать. — Карр! Карр! Это сделала Душелов!

Нюень бао угрожающе придвинулись к Лебедю.

— Это сделала Душелов, — напомнила я им. — Вероятно, с помощью какой-нибудь колдовской ловушки. К тому времени, когда Дак добрался до этого места, она на десять миль опережала всех. Она была верхом, вспомните. Скорее всего, как я представляю себе Дака, он заметил эту ловушку в тот момент, когда Бадья споткнулся о нее, и прыгнул, чтобы спасти его.

— Если бы Протектор не освободилась, она не смогла бы установить эту проклятую ловушку, которая убила Дака, — зловещим тоном заявила Гота.

Ее таглианский был сейчас лучше, чем когда-либо. И гнев, пылающий в ее глазах, убедил меня в том, что это не было случайностью.

— Суен Дин Дак был вторым двоюродным братом моего отца, — прошептала Сари.

— Люди, люди, мы уже проходили через это, — сказала я. — Забыть то, что сделал Лозан Лебедь, невозможно. Другое дело — простить его, вспомнив, в каких обстоятельствах он находился. Неужели кто-то из вас всерьез полагает, что, оказавшись с Протектором один на один, повел бы себя лучше? Нет таких? И все же, мне кажется, в глубине души некоторые думают именно так. — Большинство нюень бао не страдали недостатком самоуверенности. — Это — вызов всем вам. Докажите, что можете достойно ответить на него. Врата Теней позволили вам уйти, но Душелов уже в пути. Она покалечена. Сражайтесь с ней, кто вам мешает? — Я помолчала. — Что? Нет желающих? Тогда отвяжитесь от Лебедя.

Белая ворона разразилась насмешливым карканьем.

Судя по выражению лиц, некоторые призадумались над моими словами, но только не Гота. Гота ни разу в своей жизни не ошибалась — за исключением того единственного случая, когда она подумала, что, возможно, ошиблась.

Лебедю все было как с гуся вода. Точно так, как это происходило годами. У него была самая требовательная учительница на свете, и она отлично его натаскала.

— Ты сказала, что нам не следует задерживаться, Дрема,— заметил он.— Если будем и дальше разговоры разговаривать, то, я полагаю, всем нам придется стать вегетарианцами.

— Бери Ключ, Тобо. Спасибо тебе, Сари.

Она подошла к Готе.

— Матушка, оставайся с Тобо. Не позволяй ему обгонять тебя.

Кы Гота проворчала что-то себе под нос и, отвернувшись от нас, заковыляла к Тобо. Довольно быстро, надо сказать, так что невольно закрадывалась мысль, что, может быть, все ее ковыляние — просто притворство. Она нагнала парня и для опоры вцепилась в его рубашку. Пока они удалялись, язык старухи молотил, не переставая. Я не игрок по натуре, но, тем не менее, была готова поставить на кон что угодно — она выплескивает на него все, что думает о нас, предателях.

— Кы Гота, похоже, снова в форме,— заметила я.

Никто из нюень бао радости по этому поводу не выказал.

Спустя милоу мы наткнулись на останки животных — первых, которые нам до сих пор попались. Сваленные в кучу, кости и клочья сухой плоти настолько спеклись в единое целое, что не представлялось возможным понять, сколько здесь животных и зачем они собрались все вместе, то ли на жизнь, то ли на смерть. Складывалось впечатление, что вся эта жуткая масса медленно оседает на поверхность равнины. Еще с десятков лет и от нее ничего не останется.

С наступлением ночи вернулись эти мерзкие сноходцы. На этот раз они действовали более энергично. Дождь вернулся тоже и тоже действовал более энергично, призвав себе на помощь молнию и гром, который грохотал так сильно, что мешал спать. Казалось, холодная дождевая вода стекается исключительно внутрь крута, где мы разбили лагерь. Странно, конечно, ведь каменная поверхность с виду наклона не имела. Но факт. Животные напились от пуза. И люди тоже. Речник и Ранмаст проследили, чтобы все наполнили доверху мехи для воды и фляги. И как только кто-то подал голос, возблагодарив нашу удачу, начали падать первые снежинки.

Я все же ухитрилась заснуть, но особого удовольствия от этого не получила. То, что творилось вокрут, затрагивало и призрачный мир, вторгаясь в мои сны. Потом дочка Икбала решила, что сейчас самое подходящее время плакать всю ночь напролет. Она разбудила пса, который принялся выть. Или, может быть, это он ее разбудил.

Тени так и кишели у края защитного поля. Сейчас они больше интересовались пришельцами — то есть нами, — чем во времена Мургена. Он сам в разговоре со мной отметил это обстоятельство.

Тени вспоминали прошлые времена — каким-то образом я могла слышать, о чем они говорят, проникая в их сны.

В их ночные кошмары. Они вспоминали те ужасные времена, когда люди, похожие на нюень бао, терзали и убивали их в огромном количестве. В результате ими овладела такая яростная ненависть к живым существам, что они стали набрасываться на всех подряд, даже на такие ничемные создания, как тараканы. Некоторые Тени, хищные по своей природе, настолько озлобились, что нападали на другие Тени и пожирали их.

Так погибли миллионы Теней. И единственной их заслугой было то, что им удалось сдержать вторжение захватчиков, хлынувших из мира, которым правил безумный колдун-король. Он провозгласил себя полубогом и задался целью захватить все шестнадцать миров.

К тому времени, когда Теням удалось остановить поток захватчиков, равнина оказалась устлана десятками тысяч трупов. При этом некоторые Тени сбежали в соседние миры, где сеяли ужас и хаос до тех пор, пока Врата не переделали таким образом, чтобы помешать их проникновению. Движение через равнину приостановилось на несколько столетий. Затем какой-то гений изобрел защитное поле, прикрыв им дороги и круги как щитом, после чего настала эпоха вялой торговли.

Тени видели все. Они помнили все. Они видели и помнили миссионеров Кины, сбежавших из нашего мира, когда Райдрейнак разбушевался не на шутку. Во всех мирах, до которых им удалось добраться, находились люди, в чьи уши — и сердца — мрачная песнь богини проникла достаточно глубоко. Среди них были даже дети тех, кто создал Тени.

Движение через равнину, вынужденно сдерживаемое опасностью нападения Теней, тем не менее, потихоньку продолжалась. Не всякий человек был готов рисковать собой, пересекая равнину. Хождение туда-обратно по равнине достигло своего апогея, когда мир, который мы называем Хатоваром, начал рассылать во все концы экспедицию за экспедицией, целью которых было выявить среди миров наиболее подходящий для проведения космической церемонии Годины Черепов.

Последователи Кины из других миров тоже приняли участие в этих поисках. Отряды то и дело маршировали сначала в одну сторону, потом в другую. Между ними не было никакого согласия, и, возможно, поэтому дело продвигалось вперед крайне медленно. В конце концов, однако, удалось прийти к общему мнению. Жертвой должен был стать мир, который в самом начале так отвратительно обошелся с Детями Кины. Потомкам Райдрейнака предстояло пожать то, что он посеял.

Отряды, о которых идет речь, вряд ли можно было назвать сборищем фанатиков. Очень немногие люди решались пересекать опасную равнину. Большинство солдат были из числа призванных на военную службу или совершивших незначительные преступления, а

возглавляли отряды главным образом посвященные жрецы. Они отправлялись в путь, не рассчитывая вернуться. Семьи новобранцев, как правило, следовали за своими Каменными Воинами или Каменными Солдатами, несмотря на то, что священники всегда морочили людям голову, обещая вернуться, самое большее, через несколько месяцев.

Те немногие, что и в самом деле вернулись, выглядели настолько измочаленными и изменившимися, полными горечи и суровыми, что их стали называть Солдатами Тьмы.

Религия Кины, хотя и пустила корни во многих местах, никогда не стала по-настоящему популярной. Этот культ, всегда немногочисленный, с годами все больше и больше утрачивал даже ту власть, которую имел. Далее произошло неминуемое — первоначальные ревностные поборники культа постепенно превратились просто в скучных функционеров. Миры один за другим отказывались от Кины и не хотели иметь никаких дел с равниной. Повсюду наступили Темные Времена. Врата приходили в негодность, и никто их не восстанавливал. Теми же, которые еще функционировали, не пользовались. Миры состарились, устали и отчаянно нуждались в обновлении. Предки нюень бао, возможно, были последним большим отрядом, который отправился в путь из одного мира в другой. По-видимому, они преследовали убегающих приверженцев Кины; те же, кто остался на родине, страдали ксенофобией и решительно противились всякому иноземному влиянию. Предки нюень бао, Дети Смерти, поклялись с победой вернуться в свою Страну Неизвестных Теней. Но, и это вполне естественно, их потомки, которые обитали в безопасности по другую сторону равнины, забыли, кем и чем они были. Лишь горстка жрецов помнила, хотя и с определенными искажениями.

Тихий голос зазвучал в моем сознании. Он произнес:
— Сестра, сестра...

Я ничего не видела, чувствуя лишь очень легкое, еле осязаемое прикосновение. Но его оказалось достаточно, чтобы моя душа свернула со своего пути и оказалась заброшена в совершенно другое место, туда, где в ноздри хлынула вонь разложения. Море костей окружало меня

со всех сторон, и его поверхность время от времени шевелилась, словно это и впрямь была морская гладь, которую тревожили подводные течения.

Что-то странное творилось у меня с глазами — то, что я видела, деформировалось и двоилось. Я подняла руку, чтобы потерять их и... увидела белые перья!

Нет! Это невозможно! Я ведь никогда не следовала по стопам Мургена и, значит, не могла затеряться во времени. Я не потерплю этого! Я сама решаю...

— Карр! — Это вырвалось не из моего клюва.

Внезапно прямо передо мной возникла черная фигура с распростертыми крыльями. Они медленно приближались, угрожающе нацелив в мою сторону когти.

Резко повернувшись, я рванулась прочь с ветки, на которой сидела. И тут же пожалела об этом.

Передо мной, всего в нескольких ярдах, возникло огромное лицо пяти футов высотой. С жуткими клыками — больше, чем зубы у акулы. Темное, точно ночной мрак. Из рта тянуло зловонием разлагающейся плоти.

Победоносная усмешка на этих злобно изогнутых черных губах мгновенно увяла, когда я ускользнула от удара гигантской когтистой руки. Меня, Дрему, охватила жуткая паника, но птица, которая тоже была во мне, испытывала совсем другие чувства. Она забавлялась! Сестра, сестра, она уже рядом. Эта дрянь подкрадывается все ближе. Но она не застанет меня врасплох. Не сможет, хотя так никогда и не догадается об этом.

Кого это «меня»?

И тут же все исчезло. Я снова оказалась в своем теле, на равнине, вздрагивая от дождя и вспоминая все, что только что произошло со мной во сне. И пришла к выводу, что таким образом мне было передано сообщение, суть которого сводилась к тому, что Кина знает о нашем приближении. На протяжении последних десяти лет богиня лишь притворялась спящей. Она знала, что такое терпение, не понаслышке.

И еще одна мысль пришла мне в голову. Кина по-прежнему оставалась Матерью Обмана. Очень может быть, все, что я только что узнала, было полностью или

частично неправдой — если Кина нашла способ пробираться в тайные закоулки моего сознания. А она могла делать это, без сомнения. Она сумела внушить целым поколениям на пространстве многих регионов истерический страх перед Черным Отрядом еще до появления Старой Команды.

В глубине души ожило и стало глубже чувство острого недоверия ко всему, что окружало меня. И клянусь, я почувствовала, что это обрадовало ее.

80

Суврин разбудил меня совсем рано. В темноте невозможно было разглядеть выражение его лица, но голос звучал утрюмо.

— Тревога, Дрема, — прошептал он.

И оказался прав. Он первый осознал пагубные для нас последствия снегопада.

Мне хотелось застонать, если не взвыть, но толку от этого не было бы, а действовать следовало немедленно.

— Быстро соображаешь, — сказала я ему. — Спасибо. Иди в этом направлении и буди всех сержантов. Я пойду по кругу в левую сторону. — Несмотря на ночные кошмары, я чувствовала себя отдохнувшей.

Снегопаду было наплевать на защитные поля. Снег падал и падал, скрывая границы, отделяющие безопасное пространство от всего остального. Чувствовалось, что и Тени поняли это — они просто излучали жажду убийства. Такое уже происходило прежде, они помнили это. Их ждет легкая закуска, если кто-то с перепугу вырвется за пределы защищенной зоны.

С нами, однако, были Одноглазый и Гоблин. И Тобо тоже. Они могли сделать так, чтобы границы проступили отчетливо.

Но для этого им требовалось хотя бы немного света.

Я обошла всех одного за другим, разбудила людей и объяснила, в какой тяжелой ситуации мы оказались. Было важно, в особенности, чтобы это поняли матери. По-мо-

ему, до всех дошло, что нужно оставаться на местах, пока не рассветет.

Чудо из чудес! Никто не откалывал никаких глупостей. Как только появились первые проблески света, колдуны начали проводить линии на снегу.

Я отрядила команду парней, которые должны были углубить эти линии, сделав их более заметными.

Все шло настолько удачно, что мной овладело чувство самодовольства, когда пришло время отправляться в путь. Я еще не знала, какой долгий день ждет нас впереди, — хотя должна была бы почувствовать это инстинктивно.

Чтобы совершить предстоящий нам переход, Плененным потребовалось всего несколько часов. Мы, конечно, будем тащиться гораздо дольше. Разрушенная крепость не была видна из-за снегопада. И к тому же, прежде чем мы могли сделать хотя бы шаг, старым, очень старым людям приходилось размечать безопасный путь. Они шли по обеим сторонам дороги, а Тобо — посередине, с Ключом в руках. Они ни на шаг не обгоняли его, просто на всякий случай.

Мы сделали всего четверть мили, а я уже начала беспокоиться из-за времени. У нас было слишком много ртов и слишком мало припасов. Мы и без того придерживались очень жесткого рациона. Людям придется пересекать равнину быстро, очень быстро — за исключением тех, кто поведет Плененных.

— С этим снегом никакого сладу! — взвыл Гоблин. — Если он повалит еще сильнее, все мы окажемся в дерьме по уши.

Все правильно. Если снегопад обернется бураном, нам больше беспокоиться будет не о чем. Все мы умрем прямо тут и сделаем Душелова самой счастливой девочкой в мире.

Душелов, ау, где ты? Теперь у нее достаточно времени для размышлений. Теперь не осталось никого, кто мог бы помешать ей осуществить любой свой каприз. Воды спят? Ну и что? Пусть себе. Эти деньки миновали.

Нет, они не миновали — пока я жива.

Лебедь подсел ко мне за завтраком.

— Как моя женушка чувствует себя нынче утром?

— Холодна, как лед.

Проклятие! Будто нельзя было выразиться иначе!

Лебедь усмехнулся.

— Это для меня не новость. Не слишком здорово, правда? Выпало уже больше дюйма.

— Да уж. К несчастью, многие никогда не видели снега. Поглядывай, чтобы кто-то не сделал какую-нибудь глупость. Держись поближе к Радише. Я не хочу, чтобы она пострадала.

— Хорошо. Тебе снились сны этой ночью?

— Конечно. И еще я встретилась с Киной.

— Я видел огни на дороге к востоку от нас.

Я чуть не подскочила.

— В самом деле?

— Во сне. Колдовские огни. Может, воспоминания самой равнины или что-то в этом роде. Когда я подошел поближе, то ничего не обнаружил.

— Какой ты смелый стал, несмотря на преклонный возраст.

— Это произошло мгновенно. Я не сделал бы этого, если бы успел подумать.

— Я снова храпела этой ночью?

— Ты просто заиклилась на своем лидерстве и хочешь ни в чем не отставать от мужчин.

— Эти сны меня просто достали. Нужно что-то делать с ними.

Мимо с утрюмым видом прошла Сари. Ей не нравилось, когда что-то задерживало нас. Но она промолчала. Понимала, что ничего с этим не поделаешь.

Прохромал Одноглазый. Он размечал границу с помощью палки, которую кто-то сделал для него из маленького бамбукового пускателя. Интересно, было оружие еще заряжено? Запросто, ведь это же Одноглазый.

— Меня надолго не хватит, Малышка, — сказал он. — Но буду продолжать, пока смогу.

— Покажи Тобо, что нужно делать, и скажи, пусть он займется этим. Кирку пусть несет Гота, а ты давай садись на коня.

Старик просто кивнул, вместо того, чтобы начать спорить, выдав тем самым, насколько он ослаб. Гоблин, однако, бросил на меня хмурый взгляд, всем своим видом показывая, что ему надоели непрошенные советчики. Однако и он не поддался искушению вступить со мной в дебаты.

— Тобо, иди сюда! Ты понимаешь, что нужно делать?

— Да, Дрема.

— Тогда отдай Ключ бабушке. Где этот конь, мой приятель? Иди сюда, дружище. Повезешь Одноглазого. — Белая ворона уже не сидела у него на спине. К слову сказать, ее вообще что-то не было видно. — Залезай, старик.

— Кого ты называешь стариком, Малышка? — Одноглазый изо всех сил пытался вскарабкаться на коня.

— Тебя, кого же еще? Ты совсем усох от старости, ниже меня стал. Ну, поднимай свою корму. Мне в самом деле хотелось бы сегодня добраться до места.

Я бросила на Гоблина суровый взгляд, просто на всякий случай, чтобы не вздумал фокусничать. В ответ он посмотрел на меня безо всякого выражения. Или, может быть, с оттенком иронии.

Испорченное дитя, вот что я такое.

Двинулись дальше. Развалины крепости еле-еле проступали сквозь пелену падающего снега. Как только Тобо наловчился обнаруживать границу достаточно хорошо, чтобы не отставать от Гоблина, мы стали двигаться со скоростью, ограниченной лишь возможностями матушки Готы. А она, похоже, испытывала настоящую потребность поторопиться, какая бы судьба в дальнейшем ни ожидала того, кто нес Ключ.

Мой врожденный пессимизм опять почти пропал втуне. Если бы мальчишки Икбала не обнаружили, какое это чудо — швыряться снежками, и вовсе не на что было бы жаловаться. Несмотря даже на то, что несколько снежков едва не угодили в меня.

А вот и расщелина, о которой говорил Мурген. Шрам на лице равнины, нанесенный силами почти невообразимыми.

Отголоски этого землетрясения чувствовались даже в Таглиосе, а по эту сторону Данда Прэш оно разрушило целые города. Интересно, насколько пострадали другие миры, связанные с равниной?

И еще интересно, было ли это землетрясение естественным по своей природе? Или его вызвали потуги Кины прежде времени проснуться и выкарабкаться из неволи?

— Лебедь! Лозан Лебедь! Иди сюда!

Матушка Гота остановилась на краю расселины, не зная, куда идти дальше. Остальные столпились позади — естественно, всем хотелось посмотреть.

— Расступитесь, люди, расступитесь! — воззвала я. — Дайте человеку пройти.

Я посмотрела на разрушенную крепость. Вообще-то «разрушенная» — это было слишком сильно сказано, но вид у нее был заброшенный, безусловно. Думаю, если бы приставленные к ней демоны все еще находились тут, она была бы в лучшем состоянии, и в данный момент все они высыпали бы наружу, убирая снег, который так и лип к малейшей неровности камня.

— Нужно быть более последовательной, дорогая, — проворчал Лебедь. — То ты хочешь, чтобы я пригладел за Радишей, то...

— Отстань со всякой ерундой, у меня нет времени. Я замерзла, устала и хочу как можно скорее покончить с этим. Взгляни-ка на эту трещину. Она такая же, как раньше? Потому что, хотя она, конечно, производит впечатление, но все же не кажется такой огромной, как ее описывал Мурген. Через нее разве что малышка Икбала не перепрыгнет.

Лебедь устался на расселину.

Удивляло то, что у нее не было резких краев. Камень казался мягким и вязким, словно конфета-тянучка.

— Нет. Она вообще выглядит совсем иначе. От нее не осталось и четверти. Как будто равнина исцеляет сама себя, затягивая рану. Готов поспорить, что лет эдак через тридцать не останется даже шрама.

— Да, и впрямь похоже. И с дорогой то же самое происходит. Но, видно, равнина исцеляет не все. — Я указала на крепость.

— Наверно.

— Ладно, начинаем переход. Лебедь, держись около Тобо и Готы. Никто понятия не имеет, как добираться дальше. А, вот и ты, — ответила я на нетерпеливое «Карр», донесшееся сверху.

Взглянув искоса, я увидела белую ворону, которая сидела на зубчатой стене, глядя вниз.

Продолжая ворчать себе под нос, хотя и вполне добродушно, Лебедь перешагнул расселину, поскользнулся, упал, притормозил и поднялся, разразившись длинным бессмысленным ругательством северян. Остальные засмеялись.

Я подозвала Ранмаста и Речника.

— Давайте-ка подумайте над тем, как переправить животных и телеги. Привлеките Суврина, если хотите. Он утверждает, что имеет небольшой практический инженерный опыт. И не забывайте напоминать всем, что, если они будут сохранять спокойствие и прислушиваться к нашим советам, мы все этой ночью будем спать в сухом, теплом месте.

Ну, в сухом наверняка. Насчет тепла, пожалуй, на это вряд ли можно было рассчитывать.

Дядюшка Дой и Тобо помогли матушке Готе перебраться на ту сторону. За ними последовали Сари и еще несколько нюень бао. Внезапно оказалось, что в одном месте собралось ужасно много нюень бао. Моя параноя затрепетала, подозрительно сощулив глаза.

— Гоблин, Одноглазый, не застревайте. Слинк? Где ты? Пойдем с нами.

Я твердо знала, что, если скажу Слинку: «Убей», — он будет действовать мгновенно и смертоносно, как копье, — несмотря на моральное нежелание делать такие вещи.

Дядюшка Дой не преминул отметить тот факт, что даже сейчас я доверяла ему лишь отчасти. Его, казалось, это одновременно и раздражало, и забавляло. Он сказал мне:

— Наши люди не преследуют тут никакой выгоды, Летописец. Это все ради Тобо.

— Прекрасно. Прекрасно. Мне не хотелось бы, чтобы «будущее Отряда» подвергало себя хоть малейшему риску.

Дой нахмурился, явно огорченный моим сарказмом.

— Мне все еще не удалось завоевать твое сердце, Каменный Солдат?

— А как может быть иначе, если ты называешь меня какими-то непонятными именами и даже не объясняешь ничего?

— Боюсь, скоро все и так прояснится.

— Конечно. Как только мы доберемся до Страны Неизвестных Теней. Правильно? Может, все полуправды и «дымовая завеса» твоей доктрины не так уж далеки от истины. «Все Зло Умирает Там Бесконечной Смертью». Не исключено, что так оно и есть.

Дой не сказал ни слова, лишь бросил на меня сердитый взгляд, в котором, однако, не было ни злости, ни желания вычислить, откуда мне все это известно.

— Давай, Лебедь, показывай дорогу,— сказала я.

81

— Я не могу рассказать тебе, что там дальше,— сказал Лебедь. Он выглядел как человек, с трудом пытающийся привести в порядок свои мысли.— Не знаю. Все ускользает. Помню, что заходил внутрь. Помню, что делал. Но как только пытаюсь сосредоточиться на чем-то конкретном между моментами, как я вошел сюда и когда скакал обратно, все как в тумане. Воспоминания приходят только сами, когда я не прикладываю к этому никаких усилий. Может, Душелов каким-то образом повредила мне мозги.

— Думаю, это еще мягко сказано,— пробормотал Гоблин.

Лебедь проигнорировал его высказывание.

— Клянусь, мы и вправду уже были за пределами равнины, когда до меня дошло, что все остальные не с нами,— жалобно сказал он.

Не знаю, поверила ли я, но сейчас это не имело значения.

— Может, попробуешь просто угадать? Вдруг твоя душа вспомнит, если мозги не в состоянии.

— Для начала нужен хоть какой-то свет.

— Для чего у меня колдуны; хотела бы я знать? — мрачно поинтересовалась я. — Уж, конечно, не для того, чтобы сделать что-то полезное. К примеру, обеспечить нас светом. Зачем он им? Они могут видеть и в темноте.

Гоблин пробормотал что-то нелестное о женщинах, которым доставляет удовольствие иронизировать.

— Ну-ка, сядь вот здесь, — сказал он Лебедю. — Я хочу осмотреть твою голову.

— Ой, можно я! — В тот же момент с энтузиазмом воскликнул Тобо. — Можно я попытаюсь сделать так, чтобы стало светло? У меня получается.

Не дожидаясь разрешения, он поднял руки, и над ними зазмеились нити серебряного и лимонного света, быстрые и жаркие. Тьма вокруг отступила. Неохотно, как мне показалось.

— Здорово! — сказала я. — Вы только посмотрите на него!

— Сила и энтузиазм юности, что ты хочешь, — вынужден был признать Одноглазый.

Я оглянулась. Он все еще сидел верхом на черном жеребце и вид имел самодовольный, хотя и явно усталый. Белая ворона устроилась прямо перед ним. Одним глазом она изучала Тобо, другим — все, что нас окружало. И, казалось, забавлялась. Одноглазый захихикал.

Тобо удивленно и пронзительно вскрикнул.

— Подождите! Постойте! Гоблин! Что это?

Светящиеся змеи стремительно взбирались вверх теперь уже по его рукам. Тобо закричал, чтобы они исчезли. Никакой реакции. Он начал хлопать себя по предплечьям, а Гоблин и Одноглазый засмеялись.

Одновременно они продолжали делать что-то, что должно было прочистить Лебедю мозги. Вид у него был самотлупленный и отсутствующий.

Сари ситуация Тобо повсе не казалась забавной. Она закричала на колдунов — дескать, сделайте что-нибудь! Путаясь в словах, почти бессвязно, выдав тем самым, чего ей стоило прежде держать себя в руках.

— Нет никакой опасности, Сари, — сказал ей Дой. — Мальчик просто слегка отвлекся. Так бывает. Без этого не научишься. — Он повторил что-то в этом роде несколько раз, пока Сари не успокоилась и не стала выглядеть одновременно вызывающе и смущенно.

— Я займусь светом, пока ты снова не сосредоточишься, — сказал Гоблин Тобо, и в то же мгновение вспыхнул свет, достаточно яркий, чтобы можно было разглядеть стены огромного зала. Да уж, если кто что умеет, у того все легко получается. Маленький нахальный колдун не был исключением. Он сказал Одноглазому: — давай, помоги Лебедю, пока у него опять в голове все не перепуталось.

Как бы то ни было, подумала я, спать тут будет приятнее, чем на свежем воздухе. Плохо, что у нас с собой нет топлива, чтобы развести костер.

— Куда теперь? — спросила я Лебеда.

Жаль, что в последнее время я во сне не встречалась с Мургеном, он бы мне объяснил, что здесь и как.

Белая ворона пронзительно вскрикнула и взлетела. Одноглазый выругался — она задела его крыльями по лицу.

В последнее время я начала понимать, что эта птица ничего не делает просто так.

— Видели, куда она полетела? Кто-то из вас, гениев-колдунов, может сделать так, чтобы огонек последовал за ней?

Тобо, наконец, совладал со своим светом и поддерживал его в хорошей форме, но на это уходило все его внимание. Надеюсь, он переживет нынешнюю стадию «самоуверенности-больше-чем-ума», не причинив себе понастоящему серьезного увечья.

Дядюшка Дой с достоинством зашагал вслед за вороной. Я последовала за ним, поскольку считала, что должна не только принимать решения и отдавать приказы. Внезапно меня догнал шарик ослепительно зеленого све-

та и угнезвился точнехонько на моих спутанных волосах. Кожа на голове зачесалась. Не исключено, что Одноглазый таким образом поиздевался над моим отношением к личной гигиене, которое в последнее время отличалось небрежностью. Или как-то еще решил подцепить меня.

— Может, хоть это научит меня, что нужно просто взять и выкинуть этот проклятый шлем, — проворчала я.

Не оглядываясь назад, чтобы не доставлять Одноглазому удовольствия одарить меня своей самодовольной беззубой усмешкой.

Вообще-то шлема как такового я не надевала ни разу, Бог уберег. Носила только кожаный вкладыш от шлема, чтобы не обморозить уши. Помогало, но не слишком. Ничего не поделаешь, зима. Одно из тех обстоятельств, которых мы не предвидели, составляя свои планы.

Я торопливо шагала вслед за Доем. Он испугался, увидев мои волосы, но тут же ухмыльнулся так широко, как мне никогда не приходилось видеть прежде. Я бросила на него кровожадный взгляд. К несчастью, при этом я повернулась достаточно резко, чтобы заметить, как Одноглазый и Гоблин внезапно прекратили обмениваться шлепками и усмешками. Даже Сари слегка отвернулась, чтобы скрыть улыбку. Прекрасно. Значит, из меня делают принцессу клоунов? Ну, хорошо. Посмотрим. Эти двое увидят...

Закаркала ворона. Она прыгала туда и обратно на холодном каменном полу, мягко клацая по камню когтями и явно проявляя все признаки нетерпения. Я опустилась на колени, едва не коснувшись ее, прежде чем она отскочила и скрылась в темноте.

Позади нас свет разгорался все ярче по мере того, как люди и животные с шумом входили внутрь. Всем вновь прибывшим хотелось знать, что тут происходит.

Наклонив голову и прижав щеку к полу, я могла видеть силуэт вороны.

— Там откуда-то исходит свет, — сказала я Дою. — Может, это внутренняя часть крепости, куда в свое время проникли Плененные?

Я легла на живот. Определенно в каменной стене имелась щель, но света было мало, и я не могла разглядеть, что находится по ту сторону.

Дой улегся рядом со мной и тоже прижал щеку к полу.

— Действительно.

Я крикнула:

— Нам нужно сюда побольше света! И какие-нибудь инструменты. Речник, Ранмаст, пусть люди устраивают там что-то вроде лагеря. И подумайте, что можно сделать, чтобы защититься от холода. В наружной стене несколько больших щелей.

Гоблин и Одноглазый перестали ухмыляться, точно два придурка, и направились в нашу сторону, придав своим физиономиям деловое выражение. Тобо они привели с собой, очевидно решив преподать ему урок прямо тут же, на ходу.

Когда стало светлее, удалось разглядеть то, что хотела показать мне птица. Это наверняка была щель, которую Душелов запечатала, наложив свои мерзкие заклинания.

— Есть тут какие-нибудь заклинания или ловушки? — спросила я.

— Малышка у нас гений, — проворчал Одноглазый. Его речь стала немного неразборчивой, он явно нуждался в отдыхе. — Птица пролезла туда, и ничего с ней не случилось. Правильно? Это тебе о чем-нибудь говорит?

— Никаких заклинаний, — сказал Гоблин. — Не обращайтесь на него внимания. Он просто слегка раздражен, потому что уже неделю они с Готой не оставались наедине.

— Я тебе устрою уединение, коротышка! На пару ближайших веков! Вот как врежу сейчас, старый осел...

— Хватит! Давайте посмотрим, нельзя ли расширить эту щель.

Птица на другой стороне нетерпеливо шумела. Какое-то отношение к Пленным она, безусловно, имела. Даже если это был не Мурген из другого времени.

Я ворчала и рывкала на всех, шагая туда и обратно, как заведенная, пока поддюжины молодых расширяли дыру, жалуясь, что им мало света. От меня, как от чело-

века-свечи, толку было не слишком много. Может быть, этим шариком в моих волосах Гоблин и Одноглазый хотели подчеркнуть, какая я способная и яркая девушка? Хотя вряд ли. Прожив на свете всего две сотни лет, невозможно развить у себя такую тонкость и сообразительность.

Все больше и больше народу толпилось у меня за спиной.

— Речник! — окликнула я. — Тебе было сказано занять людей каким-нибудь полезным делом. Тобо, отойди оттуда! Хочешь, чтобы камень упал тебе на голову?

Голос позади меня произнес:

— Прибавь света и посмотри, не нужно ли тут установить подпорку.

Я повернулась.

— Слинк?

— У меня в семье были горняки.

Одноглазый пихнул Гоблина кулаком.

— У этого карлика есть саперный опыт. Он помогал минировать стены в Тембере. — Его физиономию расколола отвратительная ухмылка.

Гоблин что-то недовольно проскрипел; наверняка этот «Тембер» был для него не самым приятным воспоминанием. В Анналах никаких упоминаний о Тембере не было, насколько мне помнится. Скорее всего, связанное с ним событие произошло задолго до того, как Ворчун стал Летописцем, а ведь он занимался этим еще с юных лет.

Два непосредственных предшественника Ворчуна, Миллер Ладора и Канвас Скар, настолько пренебрегали своими обязанностями, что об их времени известно крайне мало — главным образом то, что реконструировали их преемники, опираясь на воспоминания тех, кто был еще жив. Это происходило на протяжении всего периода времени, когда Ворчун, Масло и Ведьмак присоединились к Отряду. Сам Ворчун мало что рассказывает о тех днях.

— Я правильно понимаю — на инженерные навыки Гоблина особенно рассчитывать не приходится?

Одноглазый прокаркал, точно ворона:

— Как инженер наш шибко одаренный приятель способен лишь крушить и ломать. Стоит ему появиться и все летит вверх тормашками. — Гоблин предостерегающе зарычал, точно мастиф. — Суди сама. Наш гениальный замухрышка поймал Старика на удочку, предложив проникнуть в город Тембер, прорыв туннель под его стенами. Дескать, зароемся поглубже, это будет нетрудно, земля мягкая. — Одноглазый фыркнул, с трудом сдерживая смех. — Это и вправду оказалось нетрудно. Когда туннель прорыли, стены провалились. Те из наших, кто смог, выкарабкались и разобрались с этим чертовым Тембером.

Гоблин проворчал:

— Прошло целых пять дней, пока кое-кто вспомнил о тех, кого засыпало.

— Кое-кому просто чертовски повезло, что у него был такой друг, как я, который не поленился выкопать его. Старик совсем было уже собрался устанавливать на этом месте надгробный камень.

— Все не так было, — проворчал Гоблин. — Туннель в жизни не обрушился бы, если бы один двуногий, зажившийся на свете пес не вздумал затеять там свою очередную дурацкую игру. Знаешь, я почти забыл эту историю. Ни разу не вспоминал за столько лет. Никогда не прошу тебе, что ты разворошил ее. Не следовало тебе это делать, недоносок. Проклятие! Одной ногой стоит в могиле, того и гляди сдохнет, не расплатившись со мной за все свои безобразия, и туда же! Главное дело, ты ведь не просто так все это вспомнил, а с какой-то подлой целью, верно?

— А как же, простофиля! При малейшей возможности я стараюсь поставить тебя на место, чтобы ты не цеплялся ко мне. Тебе ведь нравится делать это, а? Я спас твою задницу, а тебе нравится делать это? Нет хуже дурака, чем старый дурак. Так и заруби у себя на носу, ты, лысый жабеныш, — тебе меня не обскакать. Я, может, хожу сейчас помедленнее, чем раньше, и все равно на три шага впереди и на десять факелов ярче, чем какой-то белокожий...

— Мальчики! — не выдержала я. — Детки вы мои ненаглядные! У нас тут дел по горло. — Представляю,

как они сводили всех в Отряде с ума во времена своей молодости, когда энергия у обоих была через край. — На данный момент мне плевать на все эти события, имевшие место еще до моего рождения. Забудьте о них и просто откройте эту дыру, чтобы я смогла увидеть, что там дальше.

Ворча, угрожая и мешая друг другу по мелочам, оба кодуна, тем не менее, используя весь свой огромный опыт, сделали то, что от них требовалось.

82

Как только дыра была распечатана и расширена в той мере, чтобы в нее оказалось возможно пролезть, возникли краткие дебаты по поводу того, кто пойдет первым. Последовало универсальное:

— Не я!

Но когда я опустилась на корточки, собираясь пролезть внутрь и хотя бы успеть разглядеть то, что собиралось закусить мной, прежде чем оно сомкнет свои челюсти, в некоторых истинных джентльменах проснулись благородство и рыцарские чувства. По-моему, весьма показательно, что двое из них, Суврин и Лебедь, даже не были отрядными братьями.

Гоблин проворчал:

— Сильна, сильна. Теперь ты заставляешь нас чувствовать, какие мы гадкие. Ну-ка, вы все, прочь с дороги. — Он протолкался вперед.

Он не должен был этого делать!

А я — должна и поэтому тут же полезла следом.

Я не нуждаюсь в том, чтобы кое-кто демонстрировал свое рыцарское благородство, прокладывая мне путь.

— Нет Бога кроме Бога, — пробормотала я. — Велики и Таинственны Дела Его. — Пройдя едва ли пять шагов, я налетела на Гоблина, который тоже внезапно остановился. — По-моему, это демон Шиветай.

— Или его мерзкий младший братец.

Мурген ни словом не обмолвился о том, в каком состоянии находится демон. Мне было известно лишь,

что он висит над бездной, возникшей в результате подземного толчка, и прибит серебряными кинжалами к огромному деревянному трону.

— Похоже, равнина здесь тоже исцеляет сама себя,— заметила я.

Бездна была столь глубока, что вызывала головокружение. Заглянув в нее, я вынуждена была на мгновение закрыть глаза. Шиветай по-прежнему висел над ней, но расселина явно стала уже по сравнению с тем, как ее описывал Мурген. Стягиваясь, поверхность выталкивала деревянный трон вверх. Шиветаю больше не угрожала опасность в любой момент упасть в бездну. Складывалось впечатление, что еще несколько десятилетий, и он будет лежать здесь, уткнувшись носом в исцеленный камень, а трон навалится на него сверху.

Рядом со мной возник Лозан Лебедь.

— Он примерно в том же состоянии, что и в прошлый раз,— сказал он.

— Ты же, вроде бы, ничего не помнишь.

— Не знаю, что там эти умники со мной делали, но оно, похоже, работало. Глядя на вещи, я вспоминаю то, что связано с ними.

— Учитывая, что мог бы натворить Шиветай, если бы имел возможность скакать тут повсюду, меня вполне устраивает, что он пребывает в том же состоянии,— сказал Гоблин Лебедю. — Что скажешь по этому поводу?

— Мог бы ты не шелохнуться на протяжении пятнадцати лет?

— Он находится в таком состоянии гораздо дольше, Лебедь,— сказала я. — Его распяли на этом троне сотни лет назад. А может, и тысячи. Это произошло перед тем, как Обманники, убежавшие от Райдрейнака, прошли здесь и спрятали Книги Мертвых. — Это сообщение заставило некоторых удивленно взглянуть на меня. В особенности, господина Сантаракситу. За неимением времени, я пока не успела никому рассказать о том, что узнала от Мургена. — Иначе из-за него им пришлось бы тут задержаться. Он как страж и должен был бороться с такими, как они.

— Кто распял его? — спросил Гоблин.

— Не знаю.

— Неплохо бы выяснить. Лучше приглядывать за парнем, который способен сделать такое.

— Это уж точно, — согласился Лебедь, заметно нервничая.

— Он нас слышит, — сказала я.

Сделав несколько шагов вдоль края бездны, я присела на корточки. Из этого положения мне были видны глаза демона — чуть приоткрытые, как щелочки. И у него было не два, а три глаза! Третий — прямо в центре лба, над и между двумя другими. Мне никогда не приходилось видеть такого, хотя вообще-то от демона в духе Гунни можно было ожидать чего-нибудь в этом роде.

Эта оплошность была тут же исправлена, как только демон заметил мой испытующий взгляд. Третий глаз закрылся и исчез.

— Этот трон, наверно, весит немало? — спросила я Лебеда.

— Да. Ну и что?

— Просто подумала, не могли бы мы его передвинуть, не уронив в расселину.

— Я не инженер, но на мой взгляд, для этого нужно его опрокинуть. Наверно, можно. Правда, одно неосторожное движение... Это чертовски глубокая трещина. Но...

Позади нас столпились любопытствующие, их неумолчная болтовня раздражала. Даже шепот отдавался гоголом эха, от чего создавалось впечатление, будто это помещение обитаемо. Что, конечно, не соответствовало действительности.

— Помолчите. Вы мешаете мне думать. — Это прозвучало резче, чем я хотела. Люди смолкли, продолжая таращить глаза. — Кто-нибудь видит способ повернуть эту штуку правой стороной вверх и оттащить от расселины?

— Что за идея? — спросил Одноглазый. — Не толкайся, сосунок.

Суврин спросил:

— Используя то снаряжение, которое у нас есть?

— Да. И это нужно сделать сегодня. Я хочу, чтобы большинство людей завтра с первыми лучами солнца продолжили путь на юг.

— Это можно сделать, используя грубую физическую силу. Часть людей должна перейти на ту сторону излома и наклонить трон настолько, чтобы те, кто на этой стороне, смогли перетащить его к себе. С помощью веревок и, возможно, животных.

— Если начать его наклонять, предварительно не отодвинув, нижняя часть трона просто соскользнет с края, — заявил Лебедь. — И эта громадина полетит прямо в недра земли.

— Что ты задумала? — продолжал допытываться Одноглазый, но я снова оставила его вопрос без ответа.

Я сосредоточилась на споре, который разгорелся между Лебедем и Суврином. Послушала несколько минут и заявила:

— По-моему, Суврин — единственный из присутствующих, у кого есть толковые соображения на этот счет. Поэтому он будет за старшего. Суврин, бери всех, кого сочтешь нужным. Используй любые подручные средства. Только оттащи Шиветая подальше от трещины. Ты слышишь, Непокосимый Страж? Любой, у кого есть какие-то идеи, может поделиться ими с господином Суврином.

— Я не смогу... Я не... Я не должен... — забормотал Суврин. — Самое главное, мне кажется, это более-менее точно выяснить, с каким весом нам придется иметь дело. И нужно построить на скорую руку что-то вроде мостков через расселину. Господин Лебедь, займитесь этим. Господин Тобо, молодой человек! Насколько я понимаю, ты кое-что смыслишь в математике. Поможешь мне вычислить вес этой штуки?

Тобо усмехнулся и подошел к трону, по-видимому, не испытывая никакого страха перед демоном.

— Одно уточнение, — сказала я. — Лебедь останется при мне. Он уже бывал здесь прежде. Ранмаст и Икбал, мостками займетесь вы. Лозан, пошли со мной.

Как только мы отошли достаточно далеко, чтобы нас нельзя было услышать, Лебедь спросил:

— Что происходит?

— Не хочу, чтобы ты болтался у них на глазах как напоминание о том, что случилось с Отрядом.

— А-а. Спасибо. Я так и подумал.

Он бросил взгляд туда, где столпились нюень бао. Чувствовалось, что матушка Гота продолжала лелеять свое «доброе» отношение к нему. Еще бы — под этими камнями находился ее сын.

— У меня, возможно, несколько необычный взгляд на вещи. Я, конечно, не сомневаюсь, что мы должны нести ответственность за свои действия, но не уверена, что мы всегда понимаем, почему поступаем так или иначе. Ты можешь четко ответить на вопрос, почему тогда помог Душелову освободиться? Готова поспорить, что ты потратил немало странных минут, снова и снова пытаясь разобраться в этом.

— Ты выиграла. Если не считать того, что правильное было бы сказать — немало странных лет. И до сих пор не могу найти удовлетворительного объяснения. Она каким-то образом воздействовала на меня. Только с помощью взгляда. На протяжении всего пути через равнину. Вероятно, играла на моих чувствах к ее сестре. Когда пришло время, возникло ощущение, что я все делаю как надо. Ни капли сомнения до тех пор, пока все не закончилось и мы уже были в пути.

— И она сдержала свое слово.

Он понял мой намек.

— Она дала мне все, что обещал ее взгляд. Все, чего я так желал и чего не могла мне дать ее сестра. У Душелова много недостатков, но свое слово она держит.

— Иногда, получив желаемое, мы обнаруживаем, что хотели совсем не того, что нам на самом деле нужно.

— Точка в точку. История моей жизни.

— На равнину пришло около пятидесяти человек. Выбрались отсюда лишь двое. Тринадцать погибли по дороге, пытаясь спастись. Остальные все еще где-то здесь. И ты помогал доставить их туда, где они сейчас. Только ты можешь показать мне дорогу. Как там твоя память, оживает?

— О, эти заклинания оказались очень действенными. Все вспоминается, но не само собой, а как бы это сказать... При определенных условиях. Тебе придется мириться с тем, что иногда я все же могу запутаться.

— Понятно. — Пока мы разговаривали, одним глазом я поглядывала на остальных. Чувствовалось, что Сари напряжена и в тревоге. Дой выглядел как человек, который многого ждет от этого дня. Гота, как обычно, пилила Одноглазого, не забывая время от времени бросать мрачные взгляды в сторону Лебеда. Гоблин пытался наладить туманный прожектор прямо посреди снующего туда-сюда народа. — Здесь, кажется, светлее, чем можно было заключить из рассказов Мургена.

— Намного светлее. И теплее тоже. Если мне будет позволено высказать свое мнение, я бы предположил, что это как-то связано с непрекращающимся исцелением.

Не жарко, конечно. Во всяком случае, я не испытывала желания снять часть одежды. Но, безусловно, теплее, чем на равнине. И, главное, ветер отсутствовал.

— Где находятся Плененные?

— Где-то здесь была лестница. Нужно спуститься примерно на милю под землю.

— Как вам удалось свести вниз тридцать пять находящихся в бессознательном состоянии человек, а потом подняться обратно, и все это до наступления темноты и, следовательно, появления Теней? Разве это возможно?

— Главную роль тут играла Душелов. Она знает заклинание, которое заставляет все, что угодно, плыть по воздуху. Мы связали людей вместе и тащили их за собой, точно связку колбас. Фактически, она тащила. Я все время находился наверху. Дело в том, что лестница имеет несколько изгибов и поворотов. Трудности возникали, когда приходилось огибать углы. Но все равно, хлопот было гораздо меньше, чем если бы мы сводили их туда по одному.

Я кивнула. Мне были известны случаи, когда Душелов использовала именно это колдовство. Полезная штука, может пригодиться. И не когда-нибудь, а прямо здесь и

прямо сейчас — если удастся поднять моего будущего дружка Шиветая.

Любопытно. Прежде Мурген говорил, что это имя означает «Не Ведающий Смерти», хотя совсем недавно он перевел его как «Непоколебимый Страж». Однако он много чего нового из области мифологии порассказал.

Мне приходилось бороться с желанием плюнуть на то, что я тут вроде бы командир, и прямо сейчас спуститься по этой лестнице. Нельзя, конечно. Я вернулась, чтобы обсудить ситуацию с остальными. Большинство из них столпилось вокруг Шиветая, пытаюсь повернуть его трон направо силой своих языков. Суврин сказал:

— Хороший способ согреться.

И снять напряжение тоже, без сомнения. В толпе то и дело раздавались вопросы и замечания вполне в традиционном стиле по поводу огромного безобразного создания, припиленного к трону.

— Лебедь знает дорогу вниз, в пещеры, — объявила я, когда все собрались вокруг. — Его память восстанавливается. — Гоблин и Одноглазый приосанились, но я не дала им возможности насладиться своим очередным достижением публично. — Я хочу отправиться вниз на разведку, а вы пока оборудуйте тут лагерь. И обдумайте поконкретнее, как именно мы разделимся завтра, когда большая часть отправится дальше на юг.

Мы уже не раз обсуждали, как лучше разделить отряд, чтобы здесь осталось минимум людей и максимум припасов, с учетом того, что оставшимся придется вывести Пленных, а уходящие, не задерживаясь, двинутся дальше, к светлomu — как я надеялась — будущему.

Дой занял сугубо рациональную позицию. Он считал, что пока не нужно заниматься Пленными, а нужно всем вместе отправиться в Страну Неизвестных Теней, а потом выслать оттуда хорошо подготовленную и снаряженную эспедицию. Однако никто точно не знал, чем закончится этот поход. К тому же, большинство из нас было не способно чисто эмоционально вот так взять и покинуть наших братьев, когда мы находились в двух шагах от них.

Мне следовало обсудить эту проблему с Мургеном, пока мы еще могли раздумывать. С каждой отсчитываемой секундой возможность выбора становилась все меньше.

Реакция Сари на настойчиво повторяемые призывы дядяюшки была такой бурной, что могла бы расплавить и свинец. По некоторым причинам она боялась встречи со своим мужем, но тем меньше было у нее желания откладывать возможный кризис.

Лебедь склонился к моему плечу и прошептал:

— Мы состаримся и умрем с голоду, если станем дожидаться, пока все они придут к общему мнению.

И в этом был смысл. Определенно, был.

83

Перед тем, как начать спуск, я получила причитающуюся мне ежедневную норму продуктов. Только сейчас, когда мы пересекали зал, направляясь к лестнице, до меня дошло, насколько он был велик. Наш отряд в нем совершенно затерялся.

— Тут, наверно, расстояние не меньше мили, — заметила я.

— Почти точно. Душелов говорила, что лишь на несколько ярдов меньше. Не знаю, зачем нужен такой огромный зал. Жаль, что у нас нет факела. В прошлый раз я заметил, что они свалены тут где-то в углу — кстати, тогда было гораздо меньше пыли, — но она сказала, чтобы я не отвлекался.

Здесь и впрямь было много пыли, а снаружи — нет. Равнина, видимо, не терпела на своей поверхности ничего, кроме трупов рискнувших пересечь ее людей. Даже тут мы не обнаружили никаких признаков животных или снаряжения, которые были у Плененных.

— Далеко еще?

— Почти пришли. Осторожнее, не оступись.

— Что такое?

— Тут что-то вроде ступеньки. Очень высокой, около восемнадцати дюймов. Если не знать, можно сломать ногу. В прошлый раз я подвернул здесь лодыжку.

Я оглянулась, прежде чем шагнуть вниз. Все наши гении трудились, как пчелки, выполняя мои задания. Сари, Радиша и некоторые другие, не получившие конкретных заданий, решили последовать за мной и сейчас немного отстали от нас с Лебедем.

— Смотри-ка, инкрустация, — сказала я. — Неплохо бы разглядеть повнимательнее, если будет время. — Я наклонилась, изучая край выступа. — Он идет по кривой. Полированный камень.

— Эта выступающая часть пола представляет собой круг. По размеру — почти точно одна восемнадцатая самой равнины. Если верить Душелову. Та часть, на которой установлен трон демона, приподнята уже по отношению к этому уровню и тоже имеет форму круга, но меньшего размера — одна восемнадцатая большего.

— Наверно, во всем этом есть какой-то смысл. К Плененным это имеет какое-то отношение?

— Нет, насколько мне известно.

— Тогда займемся этим позже.

— Ступеньки начинаются отсюда.

Да, вот они, у самой стены. Рядом пол пересекала трещина. Вначале она, по-видимому, была забита обломками частично обрушившейся стены, но по мере того, как «рана затягивалась», их выдавливало наружу. Сейчас трещина уже почти затянулась.

Лестница начиналась просто — прямоугольная дыра в полу и больше ничего, даже перил. Ступеньки круто уходили вниз, примерно параллельно внешней стене.

Опустившись на двадцать ступенек, мы оказались на площадке размером восемь футов на восемь. Дальше ступеньки заворачивали вправо. Этот пролет казался бесконечным. Камень ступенек источал слабое свечение, достаточное лишь для того, чтобы было видно, куда ставить ногу.

Сари и Радиша были сейчас достаточно близко позади нас, чтобы я могла слышать их разговор, не разбирая слов. По звучанию голосов чувствовалось — обе женщины напуганы тем, что сулит им ближайшее будущее.

Их можно понять. Я сама нервничала, приближаясь к заветной цели всей моей жизни. Правда, совсем немного.

— Хочешь идти впереди? — спросил Лебедь.

Сам он, похоже, не проявлял в этом отношении сколько-нибудь заметного энтузиазма.

— Там нет никаких дурацких ловушек или еще чего-нибудь в этом роде?

— Нет. У нее возникла идея установить их, исключительно ради забавы, на тот случай, если кто-нибудь когда-нибудь пойдет этим путем, но времени не хватило. Она так долго возилась тут со всякой ерундой, что я уже и надежду потерял когда-нибудь выбраться отсюда. И мы не выбрались бы, не будь она тем, кем была. Ее заклинания отогнали Теней. Ей уже приходилось делать это прежде, напрактиковалась.

— Так вот в чем дело!

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Просто вспомнила кое-что.

Ну и тупица же я! Все эти годы ломала голову над тем, как Лебедею и Душелову удалось успеть и Плененных похоронить, и не угодить на обед к Теням, а ответ, между тем, был совершенно очевиден. Душелов, одна из самых мощных колдуний, к этому времени уже имела некоторый опыт манипулирования Тенями. Так часто бывает — истина лежит, можно сказать, под носом, но ты ее не замечаешь, если не дашь себе труд хорошенько поработать головой.

Прости меня, Лорд Времени. Будь Милосерден. Будь Сострадателен. Обещаю Тебе, что постараюсь трудиться не только разумом, но и душой, — как только мои братья окажутся на свободе.

Поскольку Лебедь не предостерегал меня о грозящей опасности, я начала спускаться.

Архитекторы, инженеры и каменщики не заботились о геометрическом совершенстве, создавая это сооружение. Хотя в целом лестница прорезала скальный массив в одном, вполне определенном направлении, она виляла из стороны в сторону, то и дело отклоняясь от прямой ли-

нии. И ступеньки были разной высоты. Хорошо хоть, что довольно часто попадались площадки. Каково же будет подниматься обратно?

— Если нам понадобится свести вниз Одноглазого, то обратно придется тащить его на руках. Выкарабкаться отсюда будет ему не по силам.

— Ну, что-нибудь да придумаем, когда дойдет до дела.

— Вот почему я сейчас здесь. Хочу посмотреть сначала сама, что именно нас ожидает.

— Вызови своего гения из бутылки. Попроси у него совета.

— Он никогда много не рассказывает о том месте, где находится. С тех пор, как оказался тут сам. Вроде как ему это неприятно. Мне несколько раз снилось что-то похожее, но неизвестно, насколько точны мои сны.

Лебедь тяжело вздохнул.

— По правде говоря, мне вовсе не хочется туда спускаться.

— Что, нелегко нам придется?

— Вниз еще ничего, но вот обратно...

— У меня голова немного кружится, даже когда мы опускаемся.

— Тогда иди помедленней. Несколько минут ничего не изменят — после всех этих лет.

Он был прав. И ошибался. Что касается Пленных, никакой спешки и вправду не было. Но для нас, с нашими ограниченными ресурсами, время неизбежно становилось решающим фактором.

— Правда, иди помедленнее, Дрема. Что ты на этом потеряешь? Можно сказать, всего ничего.

Беспокойтся за меня. Только к чему так уж драматизировать ситуацию?

Лестница изогнулась вправо. Левая ее часть оказалась отсечена расселиной, вызванной, скорее всего, землетрясениями, происходившими во времена, когда правили Хозяева Теней.

Ступеньки были наполовину обрублены — лестница как бы повисла на краю утеса. Внизу, куда она уходила, мерцал красновато-оранжевый свет, исходящий,

по-видимому, от самого камня, поскольку никакого другого источника не было видно. Правда, неяркий, так что приходилось раскрывать глаза пошире. Оттуда же, паря в воздухе, поднимались вверх похожие на привидения клочья пара. Воздух стал заметно теплее. Я спросила:

— Там, внизу, случайно не сам Ад?

Некоторые Ведна верили, что аль-Шейл — место, где злые души горят вечным огнем.

Лебедь понял, что я имела в виду.

— Не в вашем понимании этого слова. Но для тех, кто оказался здесь в ловушке, это да, самый настоящий Ад, так мне кажется.

На следующей площадке я остановилась. Дальше ступеньки сужались до двух футов. Слегка наклонившись, я могла разглядеть, что лестница находилась внутри огромного полого цилиндра с диаметром поперечного сечения, по крайней мере, в двадцать футов. Изнутри шахтный ствол был выложен более темным камнем, чем тот, в котором он был вырезан. Может быть, этот ствол сделали таким большим, чтобы иметь возможность проташить по нему Кину.

— Представляешь, какой грандиозный инженерный проект лежит в основе всего этого? — спросила я.

— Людей, у которых много рабов, не пугают грандиозные проекты. У тебя проблема?

— Да. Она состоит в том, что я боюсь высоты. Без молитвы и помощи следующий пролет мне не одолеть. Я хочу, чтобы ты шел первым. Я хочу, чтобы ты шел медленно. И я хочу, чтобы в любой момент, протянув руку, я могла коснуться тебя. Если мне станет плохо и я почувствую, что леденею от страха, я хочу иметь возможность продолжать идти с закрытыми глазами. — Я сама удивилась, как спокойно и рассудительно звучал мой голос.

— Понятно. Вопрос в том, кто будет вести меня с открытыми глазами? Стой! Не паникуй, Дрема. Я пошутю! Мне это раз плюнуть. В самом деле.

Это была не самая худшая ситуация, в которой мне приходилось оказываться. Способность рационально мыслить я, по крайней мере, не утратила ни на мгнове-

ние. Но это было трудно. Даже когда Лебедь заверил меня, что со стороны обрыва имеется невидимый защитный барьер, и продемонстрировал его присутствие, какое-то животное чувство страха — нет, ужаса! — внутри подталкивало меня убраться отсюда к черту, куда-нибудь в такое местечко, где над головой небо, земля ровная, зеленая, и даже, может быть, растут деревья.

Лебедь все твердил, что я пропускаю чертовски эффективное зрелище, в особенности, когда мы подошли к нижнему краю расселины, где свет был ярче и где клубился туман; туман, скрывающий бездонные глубины. Но я продолжала идти зажмурившись, пока трещина не закончилась.

По дороге мне пришло в голову считать шаги, чтобы составить представление о том, насколько глубоко мы опустились. Но я сбилась со счета, когда в сознании возник образ мухи, ползущей по стене. Однако это занятие на какое-то время отвлекло меня. Правда, ориентация все же, видимо, отчасти нарушилась — временами казалось, что мы прошли по горизонтали не меньший путь, чем по вертикали.

Только я об этом подумала, лестница вильнула влево и тут же снова влево. Оранжево-красный свет исчез. Мы довольно быстро свернули еще пару раз в полной темноте, порождающей новые, совершенно особые и не слишком приятные ощущения. Но никто не бросился на меня, никто не пришел по мою душу.

Потом снова появился свет, но его яркость нарастала настолько медленно, что я почти не заметила, когда именно это началось. Свет имел золотистый, но странно холодноватый оттенок. Мне стало ясно, что цель близка.

Ступеньки привели нас в естественную пещеру. Землетрясения и тут частично разрушили каменные стены.

— Мы пришли? — спросила я.

— Почти. Поосторожнее на этих камнях, они не слишком устойчивы.

— Что это?

— Что?

— Звук.

Мы прислушались. Спустя некоторое время Лебедь сказал:

— Думаю, это ветер. Он тут и в прошлый раз дул временами.

— Ветер? На глубине мили под землей?

— Только не проси меня объяснить это. Дальше снова пойдешь первой?

— Да.

— Я так и подумал.

84

...Золотые пещеры, где бок о бок сидят древние люди, застывшие во времени, бессмертные, но не способные пошелохнуться. Эти безумцы покрыты паутиной волшебного льда, как будто тысячи пауков оплели их нитями замерзшей воды. Над ними, свисая с потолка пещеры, растет зачарованный лес сосул.

Такое впечатление все это произвело на Мургена десять лет назад. В целом ничего не изменилось, только свет казался не таким золотистым, а нежная филигрань льда выглядела гуще и запутанней. И еще — люди, сидящие у стены, не смотрели на нас широко распахнутыми глазами, как это описывал Мурген. Они казались мертвыми. Или спящими. Никаких раскрытых глаз. И ни одного узнаваемого лица.

— Лебедь, кто это?

Резкий ветер продолжал гулять по пещере высотой с дюжину футов и примерно такой же ширины. Относительно ровный пол имел наклон вдоль длины пещеры и выглядел, точно замерзшая грязь, покрытая ледяным мехом изумительной красоты. Чувство возникало такое, что эта ныне застывшая вода струилась по пещере еще в ту эпоху, когда сюда не ступала нога человека.

— Эти люди? Понятия не имею. Они были здесь и в прошлый раз.

Я наклонилась поближе, стараясь ни до чего не дотрагиваться.

— Пещеры естественные, верно?

— По виду, да.

— Тогда эти люди были здесь с самого начала. Еще до того, как построили равнину.

— Возможно. Скорее всего.

— Кто бы ни похоронил Кину, он знал о них. И Обманники, преследуемые Райдрейнаком, тоже. Ха! Вот этот уж точно скончался. Замумифицировался естественным образом, но определенно мертв. — Труп совершенно иссох. На согнутых коленях и локтях кожа треснула, обнажив голые кости. — А остальные? Кто знает? Может, умелый колдун сумеет пробудить их к жизни, так что они снова забегают не хуже мальчишек Икбала.

— С какой стати нам этим заниматься? У нас и без них хватает парней, которых мы с Душеловом здесь похоронили. Они вон там. — Он указал вверх по скату пола, где свет был уже почти не золотистым, а льдисто-голубым.

И неярким. Во всяком случае, зрительно. Может быть, он вообще воздействовал не столько на зрение в физическом смысле, сколько на психику. Колдовской, похожий на тот, который присутствовал в моих снах.

— Может, они расскажут нам что-нибудь интересное.

— Я сам расскажу тебе кое-что интересное, — буркнул Лебедь себе под нос и дальше заговорил обычным голосом, рассчитанным на меня: — не думаю. По крайней мере, для нас это вряд ли окажется интересным. Душелов из всех сил старалась избегать соприкосновения с ними. Провести пленников мимо и не задеть никого — это оказалось едва ли не самой трудной частью работы, которую мы проделали.

Я наклонилась, вглядываясь в другого человека. Он принадлежал к абсолютно неизвестной мне расе.

— Они, наверно, из других миров.

— Может быть. Есть такая поговорка: «Не буди спящую собаку». Очень тонко замечено и, главное, как раз к месту. Неизвестно, почему они оказались тут.

— Я не собираюсь выпускать на свободу никакие темные силы. Смотри-ка, эти люди не такие, как те.

— Да, я еще в прошлый раз заметил, что их тут несколько разных групп. Вряд ли что-то изменилось. По-моему, они оказались здесь в разное время. Смотри, вон эти совсем мало обросли льдом, а на тех, первых, он, похоже, накапливался на протяжении столетий.

— Ой!

— Что такое?

— Я стукнулась головой об эту проклятую сосульку.

— Надо же... А я и не заметил.

— Будешь ехидничать, и я врежу тебе по коленной чашечке, Воображала. У тебя нет ощущения, точно здесь внезапно похолодало? — Это чувство определенно возникло не потому, что у меня разыгралось воображение или дул холодный ветер.

— Так всегда было. — Его усмешка увяла. — Это из-за них. Начинают осознавать, что здесь кто-то есть. Дальше — больше. Может начать действовать на нервы, если слишком обращать внимание.

Я и впрямь чувствовала нарастание... чего? Безумия, становящегося почти ощутимым. Это впечатляло.

— Почему мы можем ходить тут среди них? — спросила я. — Почему не замерзаем, как они?

— С нами, скорее всего, именно это и произойдет, если задержаться тут подольше и уснуть. Этих людей доставляли сюда в бессознательном состоянии.

— В самом деле? — Чем выше мы поднимались по склону, тем меньше становилось льда. На изморози, покрывающей пол, виднелись следы, оставленные много лет назад Душеловом и Лозаном Лебедем. Люди, сидящие у стены, снова были другие. Они походили на нюнь бао, кроме одного, высокого, стройного и очень бледного. — Но потом же они проснулись?

Несколько пар открытых глаз, казалось, следили за мной. Я очень надеялась, что это всего лишь игра воображения, подхлестнутая сверхъестественной обстановкой пещеры. Никто из них не сделал ни малейшего движения.

Шаги.

Прежде чем до меня дошло, что это Сари, Радиша или кто-то еще из наших, я подскочила чуть ли не на высоту собственного роста.

— Пойди скажи им, чтобы старались не спотыкаться и ничего тут не трогали. Я немного передохну и подумаю, что нам делать дальше.

Лебедь нахмурился и жалобно заворчал, но потом осторожно засеменял вниз по склону к лестнице, по дороге разговаривая сам с собой. И я не винила его.

Я сделала шаг в том направлении, куда вели старые следы. Пол ушел из-под ног, я упала, сильно ударились, заскользила по склону и остановилась, лишь наткнувшись на Лебеда. Убедительно притворившись, будто его все это лишь позабавило, он спросил:

— Ты в порядке?

— Отделаюсь синяками. Потихе, ты повредишь мне запястье.

— Мне следовало предупредить тебя. Там, где много изморози, пол очень скользкий.

— Тебе повезло, что я не ругаюсь.

— М-м-м?

— Ты нарочно все это подстроил. Такой же гадкий, как Одноглазый и Гоблин.

— Что я слышу? Кто-то поминает мое имя всеу? — Из полумрака, оттуда, где лестница опускалась в пещеру, послышался голос Одноглазого, сопровождающийся хриплым, тяжелым дыханием, точно у него была чахотка.

— Бог Великий, Бог Всемогуший! Бог Всезнающий и Бог Всепрошающий! Его Планы Недоступны Для Нас, Простых Смертных. — И хорошо, и прекрасно. Убереги меня, Господи, и дальше от проникновения в Тайну Твоих Планов; когда не знаешь, что тебя ждет, меньше расстраиваешься. — Что он здесь делает? — спросила я Лебеда. — А-а, отлично! Я просто брошу его здесь. Не собираюсь тащить этого шустрика вверх только ради того, чтобы его не хватил еще один удар от чрезмерных усилий. Тресни его по голове, когда отвернется. — Я снова двинулась в глубину пещеры. — Попробую еще раз.

По дороге я еле слышно продолжала беседовать с Богом. Как обычно, Он не потрудился объяснить мне Свои Замыслы. Расплата за то, что я женщина.

Я чуть не проскочила то место, где вслед за древними нюень бао сидели наши парни из Отряда, потому что первые, так сказать, «свежие» тела принадлежали телохранителям из нюень бао. Я остановилась, лишь когда осознала, что прохожу мимо одного из них по имени Пам Гуанг. Некоторое время я внимательно разглядывала его.

И осторожно попятилась.

Стоило приглядеться, и граница, разделяющая пленников, бросалась в глаза. Изморозь накапливалась на братьях и их спутниках на несколько столетий меньше. Нежная паутина, полностью спеленавшая тех, кто находился здесь дольше, на наших только начала возникать. И все же она нарастала очень быстро, если сравнить, сколько времени провели тут наши парни и те, другие люди. Может быть, Душелов доставила себе маленькое удовольствие каким-то образом ускорить этот процесс. Творческая личность, ничего не скажешь.

Между телами братьев были размещены тела настолько древние, что их полностью скрывали ледяные коконы. Я и догадалась-то, что это люди, лишь по позе, в которой сидели «куколки».

Интересно... Может, в конечном счете и неплохо, что с нами здесь Одноглазый. Душелов запросто могла установить тут парочку ловушек, просто черт знает ради чего.

Нары-генералы Изи и Очиба сидели у стены напротив Пам Гуанга. Глаза Очибы были открыты. Они не двигались, но, казалось, сосредоточились на мне. Присев на корточки, я наклонилась как можно ближе, только что не касаясь его.

Влажные коричневые озера. На поверхности — ни пыли, ни изморози. Они открылись совсем недавно.

Холодок пробежал по спине, стало ужасно не по себе. Возникло чувство, точно я хожу среди мертвецов. Далеко на севере, там, откуда родом Лебедь, по слухам существуют религиозные течения, приверженцы которых представля-

ют себе Ад как очень холодное место. Ужас, пробудившийся в сердце при виде той ситуации, в которой находились братья, подталкивал разыгравшееся воображение — эта пещера вполне могла быть преддверьем Ада.

Я осторожно поднялась и пошла дальше. Теперь пол стал почти совсем ровным. Братья не сидели тесной кучкой, разбросанные на расстоянии следующих нескольких сот футов, с этими древними «коконами» между ними. Некоторых невозможно было даже разглядеть из-за изгиба пещеры.

— Вижу Копье! — закричала я.

Это было замечательно. Теперь мы спокойно можем разделиться на два отряда, и оба будут иметь возможность проникнуть на равнину.

Мой голос отозвался эхом, которое звучало так, словно «меня» тут было множество и все мы говорили разом. До сих пор мы с Лебедем непроизвольно разговаривали тихо. Эхо было похоже на призрачный шепот, но все равно ошеломляло.

— Потихе, потихе, — сказал Одноглазый. — С какой стати ты так разошлась, Малышка? Ты даже понятия не имеешь, с чем здесь столкнулась.

Он заковылял мимо Лебеда и дальше, в мою сторону. И двигался чертовски проворно для жертвы недавнего удара, которой минуло двести лет. Все, что происходило, действовало на него поистине возбуждающе.

Мои подозрения вновь ожили. С чего бы он так оживился? Но разбираться в этом не было времени.

Я заглянула в другую пару глаз, которые принадлежали высокому, костлявому, ужасно бледному человеку, колдуну по имени Длиннотень. Пленнику Отряда. Его возили с собой, потому что ни Ворчун, ни Госпожа не считали возможным доверить его охрану никому, кроме самих себя. А прикончить его они тоже не могли, так как состояние Врат Теней находилось в прямой зависимости от его благополучия. И хорошо, что они оказались столь предусмотрительны. Наш мир был бы совсем другим — и гораздо хуже, — если бы этот Хозяин Теней смог реализовать свои злые замыслы так, как подсказывала ему

фантазия. Зло Душелова капризно и рассосредоточено. Порочность и безумие Длиннотени были глубоки и имели гораздо более устойчивый характер.

Даже сейчас это безумие смотрело на меня из его глаз. Я сделала пометку в уме — этого типа мы трогать не будем, пусть остается там, где есть. Может, кое у кого были насчет него другие планы, но пока я тут за старшего. Если нам когда-нибудь удастся привести в порядок Врата Теней нашего мира, мы попросту прикончим его.

Я двинулась дальше вдоль ряда, мысленно производя сортировку и все время испытывая чувство недоумения, потому что большинство лиц были мне незнакомы. Наверно, эти люди вступили в Отряд, пока я находилась в стороне от центра событий.

— Ох, проклятие!

— Что такое? — Одноглазый, оказывается, уже почти догнал меня, шустрый старикашка. Голос у него дребезжал, точно эхо.

— Это Сопатый. Он не в стасисе.

Одноглазый усмехнулся, с явным безразличием. Старик Сопатый происходил из того же народа, что и сам Одноглазый, но был больше чем на столетие моложе колдуна. Между ними никогда не было и намека на дружескую привязанность.

— Пусть спасибо скажет — он заслуживал худшего.

Сопатый был стар и умирал от чахотки уже тогда, когда вступил в Отряд во время похода на юг, десять лет назад. И, тем не менее, он выжил, несмотря на свою немощь и те испытания, которые выпали на долю Отряда.

— Здесь Свеча и Клетус. Они тоже мертвы. Так же, как и пара нюень бао и двое Шадар, которых я не знаю. Тут что-то произошло. Семеро мертвых, и все в одном месте.

— Не двигайся, Малышка. Не прикасайся ни к чему, пока я не осмотрю все как следует.

Я застыла. Сейчас было самое время предоставить действовать специалисту.

— Я еще не нашла их! — крикнула я Сари и Радише. — И не сделаю ни шагу дальше, пока Одноглазый не заверит меня, что я не убью никого одним своим присутствием.

Вопреки всем советам, эти двое прошли как можно дальше вперед, до той самой черты, за которую я не позволила им переступить. Их желание поскорее увидеть своих мужа, брата и друзей было, конечно, по-человечески понятно, но нужно все-таки и разум иметь. Нужно сдерживать себя, пока не станет ясно, что можно и чего нельзя делать, не причиняя вреда этим самым мужу, брату и друзьям.

Сари бросила на меня острый, неприязненный взгляд.

— Прости, — сказала я неискренне. — Подумай хорошенько. По-моему, оттуда, где ты стоишь, видно, что стасис перестал действовать на тех, кто находится рядом с нами. Лебедь, как далеко тянется эта пещера за поворотом? — Мне видна была группа из восьми лежащих фигур, но среди них явно не было Капитана, Госпожи, Мургена, Тай Дэя, Корди Махера или Ножа. — Я вижу всех, кроме так примерно одиннадцати человек.

— Не помню, — угрюмо ответил Лебедь.

Раскаты басовитого эха принялись гоняться друг за другом по пещере. Однако эхо моего, более тонкого голоса звучало еще хуже.

— Что, заклинания уже не действуют? Память снова ослабела?

— Не думаю. Скорее всего, я этого никогда и не знал. У меня по-прежнему очень смутные представления о том, как именно все здесь происходило.

Одна из серьезнейших проблем состояла в том, что никто в точности не знал, сколько именно Пленных находится здесь. Лебедь, конечно, был лучшим свидетелем из всех возможных, но в его памяти сохранились лишь ключевые фигуры. Мурген тоже практически не мог ничем помочь в этом вопросе. Оказавшись

здесь, среди Пленных, он, по-видимому, утратил способность обследовать свое непосредственное окружение.

— Мургена нужно разбудить первым, только он знает все имена и лица. — Не исключено, что некоторые неизвестные мне люди вообще не входили в Отряд. — Одноглазый, хватит копаться, переключись полностью на проблему того, как разбудить этих людей. Я хочу, чтобы, как только Мурген будет обнаружен, он оказался в состоянии поговорить со мной. Ну что, можно идти дальше? — Вздорное эхо тут же напомнило мне, что надо говорить потише.

— Да, — раздраженно ответил Одноглазый. — Только ни к кому не прикасайся. И ни к чему тоже, если не уверена, что это такое. И прекрати понукать меня.

— Ты можешь вывести их из стасиса?

— Да не знаю я пока! А тут еще ты со своими дурацкими вопросами. Не мешай мне, может, я тогда и разберусь, что к чему.

Так, характер у нас портится прямо на глазах, а о манерах мы и вовсе забыли. Я вздохнула, потирая лоб, виски — начиналась головная боль — и прислушиваясь к звукам, доносящимся со стороны лестницы.

— Лебедь, попытайся никого не подпускать сюда, пока Одноглазый не созреет.

Я без особого энтузиазма посмотрела вперед. Как только пещера завернула вправо, наклон пола стал заметно круче. Сам пол сверкал от замерзшей воды и изморози. Коварная опора для ног, ничего не скажешь.

— Карр!

Белая ворона все время была где-то наверху, постоянно напоминая о своем присутствии и с каждым разом все более нетерпеливо.

Я осторожно двинулась вперед. Добравшись до места, где крутизна начала увеличиваться, встала на четвереньки и принялась сметать изморозь.

— Если вам не удастся тащиться сейчас следом за мной, будьте вдвойне осторожны! — крикнула я Сари и Радише.

Они, конечно, не отступились. И были осторожны. Во всяком случае, никто из нас не поскользнулся и не скатился вниз по склону.

— Здесь Лонго и Искра, — сказала я. — А это вот, похоже, Ревун.

Без сомнения, это был он, маленький и страшно вредный Господин Колдун. Когда-то давно, на далеком севере, он был одним из приверженцев Госпожи, а потом здесь стал нашим врагом. Он попал в плен вместе со своим союзником, Длиннотенью. Госпожа, должно быть, знала какой-то способ использовать его, иначе давно прихлопнула бы его. Но пока я тут командую, ему, скорее всего, свободы не видать. Он был безумнее Душелова, в своем роде, конечно.

Ворона принялась бранить меня за то, что я так копаюсь.

Ревун проснулся. Его воля была настолько сильна, что он оказался в состоянии двигать глазами, хотя этим его возможности и ограничивались. В этих глазах тлело такое безумие, что мне стало окончательно ясно — этот человек ни в коем случае не должен возвращаться в мир.

— Будьте особенно осторожны рядом с ним, — сказала я. — А не то он заарканит вас, как Душелов Лебеда. Одноглазый, Ревун проснулся и может двигать глазами.

Одноглазый с отсутствующим видом повторил мое же предостережение:

— Не подходите к нему слишком близко.

Ворона продолжала меня «пилить». Ее голос тоже порождал эхо, но создавал совершенно неповторимый эффект.

— Ах, Радиша. Вот и твой брат. И, похоже, в отличной форме. Нет! Не прикасайся! Кто знает, от чего нарушился стасис у мертвых? Нужно просто еще немного потерпеть, и тебе, и всем нам тоже.

Она издала что-то вроде утробного рычания.

Ледяной потолок над нами негромко потрескивал — своеобразное звуковое приложение к то и дело возникающим раскатам эха.

— Это трудно, — продолжала я. — Ясное дело, трудно. Но в данный момент именно терпение — вот то лучшее орудие, которое позволит нам вытащить их отсюда, не причинив вреда. — Убедившись, что остальные прониклись сознанием необходимости держать себя в руках, я потихоньку двинулась дальше. Белая ворона продолжала нетерпеливо каркать. Я подумала вслух:

— Когда-нибудь я не выдержу и сверну этой птице шею.

— И отяготишь свою карму, — напомнила мне Радиша. — Может быть, станешь в следующей жизни вороной или попугаем.

— Одна из прекрасных особенностей Ведны состоит в том, что, согласно ее учению, никакой следующей жизни не существует. Значит, и беспокоиться не о чем. А Бога, Всемогущего и Милосердного, вороны вообще не интересуют. Разве что как средство для того, чтобы наслать чуму на неверующих. Никто не знает, господин Сантараксита не собирался сюда спускаться?

Мои организаторские способности быстро пошли на убыль, как только возникла возможность добраться до Плененных. Только сейчас до меня дошло, что знания ученого могли бы оказаться в особенности полезны здесь; не исключено, что он сумел бы найти связь всего, что находилось в этой пещере, с известными мифами.

Ответа не последовало.

— Я пошлю за ним, если понадобится. Ах, Сари, вот и твой любимый. Не прикасайся!

Я произнесла последние слова чуть-чуть слишком громко — эхо загремело просто неистово. Несколько маленьких сосулук упали с потолка, разбившись о пол с почти металлическим звяканьем.

Ворона сказала, совершенно отчетливо:

— Иди сюда!

Я, поискав ее взглядом, ответила:

— Если твои манеры существенно не улучшатся, ты рискуешь навсегда остаться здесь.

Птица нервно бегала туда и обратно перед Ворчунном и Госпожой. Вот где Душелов потрудились на славу. Эти двое сидели рядышком, почти прижавшись друг к другу. Капитан обнимал Госпожу за талию, а она держала его руки в своих. В этой сцене злобное чувство юмора Душелова явно достигло апогея; она сделала все, чтобы воссоздать крошечный кусочек мирной жизни.

Если Душелов и расставила где-то ловушки, то они должны быть здесь.

— Одноглазый! Мне нужна твоя помощь.

Глаза Госпожи были открыты, и пыль на них отсутствовала. Она сердилась, и белая ворона явно хотела именно это довести до моего сведения.

— Терпение,— посоветовала я Госпоже, чувствуя, что сама уже теряю его.— Лебедь, Одноглазый, идите сюда.— Лебедь первым добрался до меня, хотя и находился дальше.— Не припомнишь, Душелов ничего особенного не делала с этими двумя? Какую-нибудь маленькую подлость, а?

— Не помню. Тогда меня это не волновало. Усавив их, она просто занялась следующим делом. Такой у нее способ существования. Начав какое-то дело, она целиком и полностью погружается в него, забывая обо всем остальном. А когда идет дальше, напроць выкидывает из головы то, что происходило совсем недавно.

— Приятно обнаружить, что ей тоже не чуждо хоть что-то человеческое.— Я не собиралась сейчас обсуждать это.— Одноглазый, осмотри тут все на предмет ловушек. И пошевели мозгами. Скажи мне, наконец, ты можешь пробудить этих людей или нет, черт возьми? — Моя головная боль не прошла, хотя, слава Господу, больше не усиливалась.

Упала еще одна сосулька.

— Да знаю я, знаю. Слышал, когда ты первый раз спрашивала.— И дальше завел свою любимую песню о том, что мне нужен любовник и что он все отдал бы, лишь бы увлечь меня этой идеей.

Я прошла мимо Ворчуна и Госпожи. Пещера здесь не заканчивалась. Бледный свет едва освещал ее. Золотистый оттенок в нем теперь начисто отсутствовал. Немного серебра, чуть-чуть серого, а в основном — льдисто-голубой. Похоже, осадочная порода там, впереди, сменилась почти чистым льдом.

— Лебедь, Душелов ходила туда, дальше, пока вы были здесь?

Он поискал меня взглядом.

— Нет. Но она, возможно, делала это прежде.

Кто-то прошел в том направлении сравнительно недавно — по меркам времени пещеры. На изморози следы были видны совершенно отчетливо. Возникло неприятное ощущение — скорее, предчувствие, — что, пойдя я по ним, и ничего хорошего я не обнаружу. И все же у меня не было выбора. Хватит того, что я упустила Нарайана и Дочь Ночи. И то, что им, без сомнения, помогла Кина, существенного значения не имело. Мне следовало получше пошевелить мозгами.

— Одноглазый, скажи мне, наконец. Можешь ты воскресить этих людей или нет?

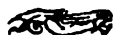
— Если ты не будешь приставать ко мне хотя бы пять минут, я отвечу на этот вопрос.

— Получай свои пять минут, ласковый мой. Это не смертельно, можно и подождать.

— Ты проболтался без толку все время, о котором просил, — сказала я Одноглазому. — Выкладывай. Можешь ты сделать это? Да или нет. Никаких проволок больше.

— Я не в форме, мне нужно отдохнуть.

Речь Одноглазого снова стала замедленной, неразборчивой и изливалась в каком-то странном ритме в соответствии, видимо, с его состоянием. Он был прав, конечно. Мы все нуждались в отдыхе. Но не меньше мы нуждались и в том, чтобы закончить свои дела тут и подняться наверх. Голод, уже ставший реальностью, со временем будет только усиливаться. Я боялась его — после осады Джайкура.

Я уже решила для себя, что в какой-то степени буду придерживаться стратегии, на которой настаивал дядюшка Дой. Сейчас мы воскресим лишь несколько человек, а за остальными вернемся позже. Но это означало, что предстоит сделать очень суровый выбор. И каким бы этот выбор ни был, кому-то он обязательно придется не по душе. Будь я похитрее, сумела бы придумать какой-нибудь добрый старый способ — в духе Гоблина — сделать так, чтобы виноватыми оказались все вокруг. Те, для кого ожидание затягивается, не смогут возненавидеть за это всех.

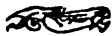
И еще существует доброе старое мнение, о котором не следует забывать, Дрема. Мы ведь говорим о человеческих существах, так? Ну, а если есть хоть какая-то возможность быть против, пусть даже безрассудная и не слишком достойная, человеческие существа, можно не сомневаться, отыщут и не упустят ее. С энтузиазмом, энергией и совершенно не считаясь с тем, что сейчас для этого самое неподходящее время.

86

— Есть вообще еще кто-нибудь наверху? — спросила я. — Такое впечатление, что сюда сбежались все.

Выбрав подходящий момент, я решила немного вздремнуть. Однако сон мой затянулся и мог плавно перейти в беспробудный, не будь рядом со мной столько народу, что слишком уж разоспаться просто не представлялось возможным. Мне что-то снилось, это точно, но я ничего не помнила. Ноздри еще хранили запах Кины, но, с другой стороны, я ведь знала, куда мне предстоит отправиться.

Одноглазый устроился рядом, по-видимому, чтобы мне не скучно было храпеть одной. Появился обеспокоенный Гоблин, собираясь убедиться, что его лучший друг не отправился в слишком уж далекое путешествие во сне. Позади матушка Гота была поглощена затянувшимися дебатами с белой вороной. Классический пример того, когда спорщики не слышат друг друга.

— Начиная прямо с этого момента, не делай никаких непродуманных движений, Дрема,— принялся поучать меня Гоблин.— Обязательно оглядись сначала, убедись, что даже нечаянно не причинишь вреда никому из наших друзей.

Быстро, тихо, деловым тоном заговорил Тобо, но слов было не разобрать. Где-то вдалеке что-то быстро и громко произнес дядюшка Дой.

— Что происходит?

— Мы начали будить их. Это не так сложно, как мы опасались, но потребует много времени и усилий. И еще — от этих людей после пробуждения не будет для нас никакого толку. На случай, если у тебя были в этом отношении другие планы. Одноглазый вконец вымотался, а потом просто отключился.— Голос маленького колдуна звучал неожиданно мрачно.

— Отключился? В каком смысле «отключился»? Ты имеешь в виду крайнюю степень усталости?

— Не знаю и знать не хочу. Пока. Сейчас я просто собираюсь дать ему хорошенько отдохнуть. На грани или даже, если понадобится, в стасисе. Вот когда он восстановит силы и я выведу его из этого состояния, тогда и посмотрим, насколько плох он был.— В его голосе не звучало и намека на оптимизм.

— Может, имеет смысл оставить его здесь, в стасисе, пока мы не найдем способа вылечить его,— сказала я и тут же кое-что вспомнила.— Надеюсь, они не будут вести себя, точно малые дети? У нас нет возможности нянчиться со всей этой оравой и кормить их с ложечки.

Конечно, просидев неподвижно пятнадцать лет, неважно, в стасисе или нет, Плененные вряд ли смогут позаботиться о себе сами. Очень может быть, они в самом деле будут слабы, как дети, и утратят все необходимые для жизни навыки, которым им придется обучаться заново.

— Нет, Дрема. Мы собираемся разбудить пять человек. Это все.

— М-м-м... Хорошо. Эй! Куда, к чертям, подевалось знамя? Оно стояло вон там. Я — Знаменосец. Я должна знать, куда...

— Я переставил его к лестнице. Если кто-то надумает подниматься, сможет захватить его с собой. Перестань суетиться и нервничать. Этим у нас Сари занимается.

— Кстати о Сари... Тобо! Куда это ты собрался? — Пока я разговаривала с Гоблином, парень проскользнул мимо и сейчас шагал в ту сторону, куда вели неизвестные следы.

— Я просто хочу взглянуть, что там.

— Нет. Ты просто хочешь остаться здесь и помочь дядюшке и Гоблину позаботиться о твоём отце, Капитане и Лейтенанте.

Он одарил меня сердитым взглядом. Несмотря на все, временами он по-прежнему оставался просто мальчишкой. Я усмехнулась, увидев надутые губы и недовольную гримасу.

Сзади подошел Лебедь.

— У меня проблема, Дрема.

— И?..

— Не могу найти Корди Махера. Нигде.

Краешком глаза я заметила, что Радиша прислушивается к нашему разговору. До этого она сидела на корточках перед братом, а тут медленно поднялась, поглядывая в нашу сторону. Но не произнесла ни слова и ничем не выдала своей заинтересованности. Не все знали о ее близких отношениях с Махером.

— Ты уверен?

— Уверен.

— А вы завели его сюда?

— Абсолютно точно.

Я промывчала что-то нечленораздельное. Речь шла о человеке, чье отсутствие меня лично волновало меньше всего — если бы не тот факт, что его исчезновение не имело никакого рационального объяснения. И было не единственным. Оборотень Лиза Бовок, так и оставшаяся в облике черной пантеры, тоже

находилась среди пленников, которых Отряд взял с собой на равнину. Однако сейчас ее не было ни среди спящих, ни среди мертвых.

Лиза Бовок лютой ненавистью ненавидела Отряд и, в особенности, Одноглазого, потому что именно ему она была обязана тем, что не могла сменить облик огромной кошки ни на какой другой.

— А что относительно пантеры, Лозан? Ее тоже нет нигде.

— Какой пантеры? А, помню. Понятия не имею. — Он оглянулся с таким видом, точно думал, будто его старый друг Махер прячется за каким-нибудь сталагмитом. — Помню только, что нам пришлось оставить ее наверху, потому что мы не сумели протащить клетку через первый же поворот лестницы. Думаю, она прошла бы, если бы мы с Душеловом протаскивали ее одну, а не в связке с остальными. Тогда Душелов решила оставить клетку на потом. А что случилось, когда настало это «потом», я не помню. Как и многое другое из того, что произошло после спуска. Может быть, Одноглазому следует еще немного поколдовать, чтобы оживить мою память. — Говоря все это, он теребил свои волосы — точно нервная девчонка, честное слово! — и смотрел в пол. — Я знаю, что оставил Корди прямо вот тут, рядом с Ножом. Мне казалось, что здесь им будет удобно.

«Прямо вот тут» приходилось точнехонько на конце группы из семи мертвецов. Явно тут должна быть какая-то связь.

— Гоблин, что ты копаешься? Мы собираемся будить этих людей или нет?

Усмешка Гоблина перешла в самодовольную лягушачью ухмылку.

— Я уже освободил Мургена.

— Прекрасно. Я хочу немедленно поговорить с ним.

— Я имею в виду, что освободил его от стасиса, умница ты наша. Он вот там. Сейчас я работаю над Капитаном и Госпожой. Тобо и Дой подготавливают Тай Дзя и Пабриндрах Драха.

В точности, как я и ожидала. Двое последних были включены в этот список целиком и полностью по политическим соображениям. Ни тот, ни другой не прибавили славы Отряду и даже не играли существенной роли с точки зрения самого его выживания.

Я подошла туда, где, похрапывая, лежал Мурген. На его лице таяла ледяная паутина — единственное изменение, которое я заметила, если не считать громовых раскатов эха, вторившего храпу. Я присела на корточки.

— Кто-нибудь догадался прихватить с собой одеяла?

Я — нет. Когда дело дошло до самого напряженного этапа, с точки зрения организованности я определенно оказалась не на высоте. Мне не пришло в голову захватить с собой ни одежду, ни одеяла, ни еще какие-нибудь принадлежности. У меня чертовски хорошо получается планировать лишь кровопролитие или драку.

Где-то здесь внизу были, правда, сокровищницы. Я мельком видела их во сне. Там могло обнаружиться что-нибудь полезное, — если бы мы сумели отыскать их.

В животе у меня заурчало от голода. Да, еще чуть-чуть, и наша ситуация в этом смысле может стать просто отчаянной.

Мурген открыл глаза. Попытался выразить что-то взглядом, попытался улыбнуться Сари, но это оказалось ему не по силам. Его взгляд сместился в мою сторону, с губ с невероятным усилием сорвался шепот:

— Книги. Найди... Дочь...

Глаза снова закрылись. Все правильно. Вряд ли после пробуждения Пленные смогут скакать и плясать танталу.

Я поняла, что он хотел сказать. Книги Мертвых находятся здесь, внизу. Нужно что-то предпринять, чтобы лишить Дочь Ночи возможности начать снова копировать их. Я не сомневалась, что она ухитрится сделать это, несмотря на Душелова, и что Кина окажет ей всяческую помощь и поддержку.

— Хорошо, хорошо, все сделаю.

Проклятие! На самом деле я понятия не имела, как хотя бы подступиться к этому.

87

Выходя из стасиса, люди приходили в себя медленно, но верно — так осада, осуществляемая небольшой, но хорошо организованной армией, тем не менее, постепенно достигает своей цели. Мургена и Ворчуна уже понесли наверх на носилках.

Ворчун не произнес ни слова и даже не приложил к этому ни малейших усилий, хотя не спал и был в сознании. Он долго и пристально разглядывал меня. Понятия не имею, что творилось у него в голове. От всей души надеюсь лишь, что он в своем уме.

Прежде чем отбыть наверх, Мурген слегка сжал мою руку. Надеюсь, это было проявлением благодарности или желания подбодрить.

Жаль, очень жаль, что он не мог разговаривать, не мог сообщить мне нужную информацию или дать совет. До сих пор я не слишком задумывалась о том, какова будет моя роль после того, как Пленные проснутся. В основном исходила из предположения, что смогу вернуться к своим Летописям — или останусь Знаменосцем, если Летописями захочет заниматься Мурген.

Все больше и больше людей спускались к нам, хотя я послала наверх предостережение, что подниматься будет крайне тяжело.

Белая ворона продолжала ругаться и болтать полубессвязный вздор, пока не потеряла голос. Меня беспокоила Госпожа. Она так долго и успешно руководила этой крылатой шпионкой, ни разу не выдав себя, даже когда пыталась помочь мне свести концы с концами, но сейчас выглядела как человек, утративший всякий контроль. Даже над собой. Я снова и снова заверяла ее, что она окажется наверху при первой же возможности. Как только Дой,

Сари и Гота подготовили Тай Дзя, я дала «добро» на его отправку. За ним должен был последовать Одноглазый, потом — Госпожа. Прабриндрах Драг был последним — на этот раз.

Тобо был очарован отцом. Мне кажется, он никак не мог до конца поверить, что, наконец-то, видит этого человека во плоти. Обстоятельства сложились так, что чуть ли не со времени его зачатия родители жили врозь.

Мальчик хотел подняться наверх вместе со своей семьей, но я удержала его.

— Тобо, оставайся здесь. Для тебя полно работы. Наглядишься на отца после того, как мы поднимем Госпожу и князя. Привет, Суврин. А тебя что сюда привело?

— Любопытство. Любопытство господина Сантаракситы. Он настоял, что должен непременно увидеть эти пещеры. Буквально свел меня с ума рассказами о том, сколько религиозных легенд с ними связано. Оказаться так близко и не познакомиться со всем этим лично — нет, это было выше его сил.

— Понятно.

Теперь я заметила и старого библиотекаря. Он шел вдоль ряда древних людей, внимательно разглядывая каждого, что-то бормоча себе под нос и время от времени возбужденно подпрыгивая. Лебедь ни на шаг не отставал от него, то и дело напоминая, что руки надо держать при себе — Сантараксите так и хотелось потрогать и чуть ли не обнюхать каждый кусочек древнего металла или материи. До него, похоже, никак не доходило, что хотя в этих древних людях еще сохранилась жизнь, они были очень уязвимы.

— Лебедь, веди его сюда, — мне хотелось поговорить с Сантаракситой как со специалистом по древним временам. Понизив голос, я сказала Суврину: — ты отдаешь себе отчет в том, что именно тебе придется нести его наверх, если он не сможет подняться сам? А я буду идти сзади и для бодрости подталкивать тебя копьём.

Суврин, похоже, такого поворота никак не ожидал.

— Этот человек не имеет понятия...

— Что там Шиветай? — прервала я его.

— Все в порядке. Его развернули правой стороной вверх и оттащили от бездны. Не похоже, правда, чтобы он был благодарен нам за это.

— Он как-то проявил свои чувства?

— Нет. Я сужу по выражению лица. Наверно, все дело в том, что мы уронили его лицом вниз. Я и сам вряд ли испытывал благодарность к тем, кто заставил бы меня рыть носом землю.

Сантараксита, отдуваясь, подошел к нам. Он был в восторге.

— Мы идем по стопам легенд, Дораби! Я молю Лордов Света, чтобы они позволили мне прожить подольше и успеть описать все свои приключения для бхадрака!

— То есть для тех, кто не поверит ни единому вашему слову, Сри. Разве вы не знаете, что с Правильными Людьми никаких приключений не происходит? А теперь вот что. Идите за мной, все вы. Сейчас нам предстоит еще одно самое настоящее приключение — путешествие в мифологию. — Я зашагала по круто уходящему вверх склону.

Да, кто-то, безусловно, уже прошел этим путем до меня. Сначала я заподозрила, что Тобо все же не послушался и забрел дальше, чем я думала. Потом решила, что следы на изморози слишком стары и что, скорее всего, их оставила Душелов, которой просто захотелось взглянуть, что там такое.

Основная пещера имела выходы в другие, меньшего размера. Некоторые были настолько малы, что туда едва ли смог бы проникнуть взрослый человек. Главная пещера стала заметно уже и ниже, нам пришлось сначала пригнуться, а потом и вообще поползти. Кто бы ни проходил тут до нас, он вынужден был делать то же самое. Через некоторое время, однако, мы снова получили возможность хотя бы распрямиться.

— Ты знаешь, куда идешь? — спросил Лебедь.

— Конечно.

Вершина мастерства любого хорошего командира: говорить уверенным тоном, даже если на самом деле не имеешь о предмете ни малейшего представления. Только не надо слишком уж этим увлекаться, иначе в конце концов люди все поймут.

Я бывала здесь во сне. Но запомнила все лишь в самых общих чертах и через каждые несколько шагов натыкалась на детали, которые были для меня совершенно вновь. А потом нам попало то, что вряд ли можно было назвать просто деталью.

Увлечшись расшифровкой следов на изморози, я едва не ткнулась носом в подошву сапога. Следы поведали мне историю человека, который неся, как сумасшедший или, может быть, охваченный паникой. Не только сметая изморозь, но оставляя царапины и на самом камне.

— Думаю, я нашла Махера, Лозан. — Это был один из тех странных моментов, когда в глаза бросаются всякие мелочи. Махеру следовало поставить на сапоги новые подметки. И как можно было суметь так неестественно вывернуться, чтобы лежать на животе, а носок сапога указывал почти точно вверх? — Давайте лучше остановимся и хорошенько все тут осмотрим. По-моему, по собственной воле этот человек в таком положении вряд ли оказался бы.

— Я схожу за Гоблином, — сказал Лебедь. — Не предпринимайте ничего, пока он не придет.

— Не волнуйся. Лично мне моя шкура дорога. Лишившись ее, я упустил возможность насладиться нашим «медовым месяцем».

Я вытащила меч, хотя неизвестно, был бы от него толк, и медленно распрямилась, стукнувшись макушкой о пещерный свод.

Корди Махер наклонился над каким-то бугорком в полу пещеры, и тут с ним случилось нечто ужасное, от чего его туловище оказалось буквально перевернутым.

Неподалеку облегчился Суврин, и внезапно я совершенно необъяснимым и болезненным образом осознала, что рядом со мной находится существо мужского пола. По счастью, он был — по сравнению со мной — еще меньшим специалистом в области взаимоотношений между людьми и не заметил моей взволнованной и смущенной реакции.

Странно. С абсолютной уверенностью могу сказать: вожделение отнюдь не досаждало мне постоянно. Но что-то такое иногда накатывало внезапными и как бы ничем не спровоцированными волнами, которым временами было очень трудно противостоять. Интересно, почему? Ведь девяносто девять процентов времени у меня и в мыслях не было, что поиски приключений могут привести и к такой комбинации: я, постель и мужчина.

Может, мне не следует поддразнивать Лебедя?

— Выглядит не слишком аппетитно, — сказал Суврин. — Как думаешь, что тут произошло?

— Не собираюсь гадать. Буду сидеть и ждать, пока явится специалист.

— Можно мне взглянуть? — спросил Сантараксита.

Суврину пришлось отодвинуться, чтобы старик смог протиснуться мимо него. Я снова предупредила Сантаракситу, чтобы он не подходил ближе, чем я.

— Я уж, во всяком случае, вас на себе точно не поташу. — Хотя, конечно, он сейчас был гораздо худее, чем когда я работала у него в библиотеке. — И потом, вы же хотите вернуться домой и рассказать обо всем бхадралоку.

— Знаешь, ты был абсолютно прав относительно этого, Дораби. Они не поверят ни единому моему слову. И не только потому, что они Правильные Люди, но и потому, что Сурендранат Сантараксита никогда в жизни не участвовал в приключениях. У него и желания-то настоящего не было — до тех пор, пока приключение само не нашло его.

— Богатым снятся сны. Бедные умирают ради того, чтобы воплотить их в жизнь.

— Ты продолжаешь изумлять меня, Дораби. Откуда эта цитата?

— В.Т.С. Гош. Он был помощником Б.Б.Мукерая, одного из шести последователей-бомпаранов Сондела Госха-Джанака.

Лицо Сантараскиты просто сияло.

— Дораби! Ты в самом деле чудо. Чудо из чудес! Подумать только, ученик уже превосходит учителя! По какому источнику ты цитируешь? Не помню, чтобы мне когда-либо приходилось читать, что Гош или Мукерай имеют отношение к школе Джанака.

Я захихикала, точно расшалившийся ребенок.

— Они и не имеют. Я просто дурачу вас. — Тут он от изумления и вовсе рот открыл.

Гоблин прервал нашу дискуссию.

— Лебедь говорит, вы нашли мертвеца.

— Да. Вроде бы похож на Корди Махера, хотя его лица я не видела. И не собираюсь ничего тут трогать, пока мы не вычислим, что с ним произошло. Не хочу, чтобы то же самое случилось со мной.

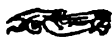
Гоблин ухмыльнулся.

— Эй, толстяк, а ну, подвинься, чтобы я смог протиснуться мимо тебя. Эти пещерки чертовски узкие. Не боишься, Дрема, что твоя задница тут застрянет? Ума не приложу, с какой стати тебя вообще потянуло сюда?

— С такой стати, что, пройдя в этом направлении еще дальше, я найду место, где Обманники спрятали подлинники Книг Метрвых.

Гоблин взглянул на меня удивленно, но поверил на слово. Он знал, какие у меня были осведомители. Призрак из туманного прожектора. Птица, которая разговаривала только со мной. Даже сейчас одна очень болтливая птица сопровождала меня на расстоянии. Много она, правда, сказать в данный момент не могла, потому что у нее болело горло. Так, два-три ругательства, если приходилось увертываться у кого-то из-под ног.

— Интересно...

— Надо думать.

— Ах! Да. Это не колдовство. Обыкновенная механическая ловушка, довольно примитивная. Заряженная пружиной и снабженная отравленной иглой. Между этим местом и тем, куда ты так рвешься, их, может, установлено не меньше двадцати. Как тебе кажется, что Махер тут делал?

— По-моему, он каким-то образом проснулся. Обнаружив, где оказался, и не понимая, что произошло, он мог запаниковать и сломя голову броситься не в ту сторону. Спорю, что это по его вине умерли все те люди. Он, скорее всего, пытался разбудить их.

Гоблин усмехнулся.

— Так, эта ловушка уже сработала и теперь опасности не представляет. Давай-ка я лучше пойду вперед и посмотрю, что там нас ждет. Но сначала нужно оттащить Махера, чтобы вы все смогли пройти мимо него.

— Если ты сумел, то уж как-нибудь и я проскользну.

— Да, ты проскользнешь. А как насчет твоего молодого дружка и этого престарелого поклонника? Они малость потолще тебя.

Он негромко выругался, оттаскивая останки Махера от крошечной выпуклости на полу. Я впервые заметила, что здесь, в более замкнутом пространстве, к тому же забитом людьми, эхо звучало по-другому. Его почти не было слышно.

В уме как-то не укладывалось, что мы прошагали не одну милю до места, где древние Обманники спрятали свои сокровища и реликты, но тело поверило в это прежде, чем мы дошли. Гоблин обезоружил еще дюжину ловушек и нашел несколько штук, которые сами собой разрушились от времени. Подземный ветер шелестел и посвистывал в более тесном пространстве. Я мерзла, но с пути не сворачивала. Шла туда,

куда собиралась. И так проголодалась, что, казалось, могла бы съесть и верблюда.

Со времени завтрака прошло так много времени! А до ужина наверняка было еще очень далеко. Жуткое ощущение.

— Покоже на храм, правда? — спросил Суврин.

Открывшееся нашим взорам зрелище взволновало его меньше, чем всех остальных. Несмотря на то, что, в отличие от нас, он вырос не так уж далеко отсюда, легенды о Темной Матери почти не коснулись его ушей. Он стоял, изумленно глядя на три аналога с огромными книгами на них.

А потом предложил мне кусок сухой лепешки, достав ее из небольшой сумки, которая висела у него за спиной.

— Ты прямо будто прочел мои мысли.

— А что их читать? Ты разговариваешь сама с собой. И, похоже, не осознаешь этого. — Скверная привычка, от которой давно следовало избавиться. — Я слышал, когда мы шли по туннелю.

Как раз тогда, когда я вела личную беседу с моим Богом. Сокровенный диалог, так я полагала. Был поднят, в частности, вопрос еды. И, пожалуйста — вот она, еда. Может быть, Всемиловитый в конце концов решил поработать?

— Спасибо. Гоблин, как тебе кажется, есть тут какие-нибудь ловушки или другие хитрости?

Здесь снова зазвучало эхо, хотя и другого тембра. Мы находились внутри большой комнаты. Пол и стены покрывал лед. Надо думать, неразличимый в высоте потолок — тоже. Чувствовалось, что это место священное — даже несмотря на то, что то была святость Тьмы.

— Никаких ловушек я не чувствую. И вообще, откуда у тебя подобные мысли? Вряд ли они считали возможным вносить внутрь своего храма такое, — задумчиво, точно беседуя сам с собой, произнес он.

— Хочешь, чтобы я напомнила тебе, какова психология тех, кто поклоняется демонам и ракшасам?

Жрецы-веднаиты утверждают, что нет такого зла или подлости, на которые были бы не способны эти самые грешные среди всех неверующих.

И у жрецов есть основания для таких утверждений, в особенности, если им приходилось слышать о Душилах. О которых известно далеко не всем. Я, во всяком случае, услышала о них, лишь когда вступила в Отряд.

— Сри, мне кажется, вам не следует... — сказал Суврин.

Господин Сантараксита, в отличие от него, прекрасно понимал, что такое эти книги, и не смог преодолеть искушения подойти поближе. Я была согласна с Суврином.

— Господин Сантараксита! Не подходите слишком...

Послышался шум. Сначала он напоминал звук рвущейся ткани, а потом — шелканье хлыста. Сложившись вдвое, господин Сантараксита вознесся над полом этой несвятой часовни и полетел в нашу сторону по дуге, точно больше не подчиняясь силе тяжести. Суврин попытался поймать его. Гоблин попытался поднырнуть под него. Сантараксита врезался в Суврина, который рикошетом угодил прямо в меня. Все мы покатались, превратившись в пыхтящий спутанный клубок рук и ног.

Белая ворона пробурчала что-то нелестное по поводу происходящего.

— От тебя одни неприятности, мерзкий колдунишка. — Я жадно хватала ртом воздух, как только обрела возможность дышать. — Значит, нет больше ловушек, да? — Я ущипнула Гоблина за ногу. — Значит, они не считали возможным вносить их внутрь, да? Что тогда, к дьяволу, это такое?

— А это колдовская ловушка, женщина. И, должен сказать, отличный экземпляр. Ее невозможно было обнаружить, пока Сантараксита не угодил туда.

— Сри? Вы ранены? — спросила я.

— Если что и ранено, то лишь моя гордость, Дораби, — отдуваясь, сказал он. — Лишь моя гордость. Од-

нако понадобится не меньше недели, прежде чем я отдышусь.

Он отполз от Суврина, стоя на руках и коленях. Вид у него был, по правде говоря, бледный.

— Зато вы имели удовольствие получить бесплатный урок, — сказала я ему. — Не суйся, куда не знаешь.

— Думаешь, я запомню его на всю жизнь?

— Думаю, да.

— Никто не поинтересуется, как себя чувствует Младший, — пожаловался Суврин. — Как будто он и пораниться не может.

— Мы знаем, что с тобой все в порядке, — сказал ему Гоблин. — Ведь он же приземлился тебе на голову.

Маленький колдун встал. Подойдя к тому месту, откуда взлетел в воздух Сантараксита, он принялся медленно и крайне осторожно ощупывать все пальцами.

Снова послышался звук разрываемой ткани, на этот раз совсем слабый. Гоблин резко повернулся, отдернув руку. Шатаясь, сделал пару шагов и рухнул передо мной на колени.

— Прошли года, и он, наконец, понял, каким должно быть естественное положение вещей.

Гоблин затряс рукой, точно обжег пальцы.

— Черт, больно! Вот это заклинание! Отличное. Прямо как выстрел... Не делай этого!

Суврину вздумалось бросить в сторону аналогов кусок льда.

Отлетев обратно, ледяной снаряд вырвал у Суврина клочок волос, врезался в стену пещеры и обдал белую ворону ледяными брызгами. Птица имела свое мнение по этому поводу и тут же высказала его, а потом взлетела повыше, продолжая в том же духе. Может, у Госпожи из памяти выветрился тот факт, что сама она была не белой вороной, а всего лишь ее «пассажиром», просто использующим глаза птицы-альбиноса?

Гоблин сунул раненый палец в рот, сел на корточки и принялся внимательно осматривать всю комнату. Я не пожалела времени, еще раз втолковала

Сантараксите и Суврину, чего им не следует делать, если они не хотят новых неприятностей, а потом тоже седа на корточки.

И тут в комнату вошел Лебедь, вспугнув ворону. Птица промолчала, что удивительно. Она просто с совершенно отсутствующим видом бочком отскочила в сторону. Лебедь уселся рядом со мной.

— Поразительно. Казалось бы, ничего особенного, но впечатляет.

— Это — подлинные Книги Мертвых. Предположительно столь же древние, как сама Кина.

— Тогда почему вы все просто сидите здесь?

— Гоблин пытается вычислить, как добраться до них. — Я рассказала ему, что произошло.

— Проклятие! Я всегда пропускаю все самое интересное. Эй, Младший! Давай-ка, сунься туда снова, посмотрим, как ты умеешь летать.

— Господин Сантараксита уже летал, господин Лебедь.

Суврину нужно поработать над своим чувством юмора. Его позиция в этом вопросе заметно отличается от позиции Черного Отрада.

— Почему бы тебе самому не попробовать, Лебедь? — поинтересовалась я. — Пойди, возьми книги.

— Обещаешь, что позволишь мне приземлиться на тебя?

— Нет, но я пошлю тебе воздушный поцелуй, когда ты будешь пролетать мимо.

— Ну-ка, заткнитесь, вы мне мешаете, — сказал Гоблин и встал. — Благодаря своему исключительно потрясающе яркому уму, я уже разобрался в этой хреновине, несмотря на вашу трескотню. Мы сможем добраться до книг, лишь используя золотую кирку как отмычку. Вот почему Нарайан Сингх так расстроился, когда увидел, что попало к нам в руки.

— Кирка все еще у Тобо, — сказала я и добавила после минутного молчания: — предлагаю сходить за ним тому, кого еще ноги держат.

— Давайте просто пойдем все вместе, и все будем в равной степени страдать,— предложил Гоблин.— Такие уж мы, Черный Отряд. И хорошие времена, и плохие — все делим поровну.

— Хочешь внушить мне мысль, что сейчас у нас хорошие времена? — спросила я, отползая к выходу из пещеры.

— Почему бы и нет? Никто не хочет нас убить. Никто даже не пытается сделать это. Лично для меня это и означает «хорошие времена».

Он был прав. Определенно, прав.

Может быть, мне тоже в чем-то надо пересмотреть свою позицию по отношению к Отряду.

Прежде чем выйти из комнаты, я оглянулась. Лебедем овладело желание проявить здравый смысл. Он решил, что будет замыкать шествие, надеясь, что в этом случае господину Сантараксите не удастся учинить еще что-нибудь и заставить Гоблина изменить свое мнение о том, что сейчас у нас «хорошие времена».

— Куда он подевался? — обращаясь больше к самой себе, спросила я. В пещере древних все еще продолжалась суетливая работа по подготовке Госпожи и Прабриндрах Драха к подъему вверх. Но Тобо нигде не было видно.— Может, ему просто вздумалось сбегать наверх?

Вряд ли. Даже энергия юности, которой он обладал с избытком, не может заставить человека проделать этот нелегкий путь просто так, под влиянием настроения.

Пока я топала туда-обратно, ворча себе под нос и выискивая нашего парнишку, Гоблин поступил разумнее, начав опрашивать всех присутствующих. Он получил ответ еще до того, как я почувствовала, что схожу с ума.

— Дрема, он ушел.

— Вот сюрприз так сюрприз... Что такое?

Это было еще не все — маленький колдун выглядел крайне расстроенным.

— Он пошел дальше, Дрема.

— Он... Ох! — Вот теперь я определенно схожу с ума. В голове загудело, точно на нее обрушился удар. И это желание: «Ну, погодите, вы все мне за это заплатите!» Чем не безумие? — Этот идиот! Этот слабоумный! Этот проклятый дурак! Я ему ноги оторву! Пойдемте, может, еще успеем догнать его.

«Он пошел дальше» означало, что он пошел вниз. В глубину земли и времени, в глубину отчаяния и тьмы. Он пошел к месту упокоения Матери Ночи.

Рванувшись с места с намерением догнать Тобо, я схватила знамя. Белая ворона одобрительно прокричала что-то. Гоблин сказал с усмешкой:

— Ты пожалеешь об этом, не успев спуститься и на сто ступенек, Дрема.

Мною овладело искушение бросить эту проклятую вещь прямо сейчас. Тащить ее за собой по всей этой лестнице... Уф, это слишком долго.

89

— По-моему, у лестницы нет конца, — сказала я Гоблину.

Мы тяжело дышали — несмотря на то, что спускались по ней. Не раз по пути нам попадались другие пещеры, которые прорезала лестница, уходя все дальше вниз. В каждой заметны были признаки того, что когда-то в прошлом ее посещали люди. Там были и сокровища, и кладбища. Уверена, что даже если бы господин Сантараксита, Баладитай и я прожили достаточно долго, все равно мы не успели бы составить каталог всех таинственных, непонятных древних предметов, похороненных под этой равниной. И стоило мне хотя бы мельком бросить на любой из них взгляд, как он начинал взывать ко мне, точно легендарная сирена.

Но Тобо по-прежнему опережал нас и оставался глух к нашим призывам. Возможно, он просто не желал зря тратить время и дыхание, поступая точно так же, как мы по отношению к Суврину и Сантаракситу,

которые намного отстали, но тоже звали нас сверху. Я от всей души надеялась, что в конце концов у них хватит здравого смысла бросить все это дело и повернуть назад.

Гоблин никак не реагировал на мои замечания. Берёт дыхание.

— Ты не можешь с помощью заклинания сделать так, чтобы Тобо шел помедленнее? — спросила я. — Или даже еще лучше — чтобы он свалился? Я всерьез обеспокоена. Не мог он настолько обогнать нас, чтобы не слышать наших криков. О, черт!

Я едва не споткнулась о знамя. Уже не в первый раз.

Гоблин покачал головой, продолжая спуск.

— Он не может слышать нас. — Уф! Уф! — Но не знает, что не может слышать.

Все ясно. У этой лестницы был конец. И там, внизу, дремала Королева Обмана. Того проблеска сознания, который у нее остался, вполне хватило, чтобы манипулировать самоуверенным, всезнающим мальчишкой. Он обладал некоторым талантом и, самое главное, владел инструментом, который мог стать грозным оружием в руках тех, кто обезоружил ее и погрузил в бесконечный сон.

Спустя некоторое время мы были вынуждены пойти медленнее. Неестественный свет пошел на убыль и, в конце концов, стал настолько слаб, что уже и не видно было, куда ставить ногу. Ветер, по-прежнему обдувающий нас, больше не нес с собой холода, но зато все ощутимее становился хорошо знакомый тошнотворный запах.

Почувствовав этот «аромат», Гоблин пошел совсем медленно, с трудом восстанавливая дыхание.

— Давненько я не встречался лицом к лицу с богом, — сказал он. — Не знаю, получится ли из этого что-нибудь, кроме еще одной склоки.

— И как ты себе это представляешь? Никогда не предполагала, что вожу компанию с человеком, для которого затеять склоку с богом — дело привычное.

— Подумаешь... Для этого всего-то и требуется, что юношеский задор. И самоуверенность. И нахальство. Но, главное, для этого требуется море глупости и океан везучести.

— Тогда почему бы нам просто не сесть здесь и не дать возможность Тобо проявить все эти свои замечательные качества? Правда, одно меня смущает — с везучестью у него дело всегда обстояло не ахти как.

— Я и сам испытываю подобное искушение, очень сильное и искреннее. Ему позарез требуется хороший урок. — Однако голос у Гоблина звучал обеспокоенно и, может быть, даже немного испуганно. — Но у него Ключ, и сам мальчишка нужен Отряду. Он — наше будущее. Я и Одноглазый — это сегодня и вчера. — Он снова начал медленно спускаться, и моя борьба со знаменем возобновилась с удвоенной силой.

— В каком это смысле он — будущее?

— Никто не вечен, Дрема.

Сейчас мы еле ползли. Мало было тьмы, так теперь мы погрузились в туман. Видимость стала практически нулевой, что могло кончиться крайне скверно для невысокого человека, вынужденного тащить длинный шест по узкой и непредсказуемо петляющей лестнице. Насыщенный влагой воздух был настолько плотен, что я такого и не упомяну. Разве что во время осады Джайкура, когда вода, в которой плавали трупы, подступала вплотную к городу.

Внезапно далеко позади, выше по лестнице, раздался леденящий душу вопль. Мое сознание мгновенно затопили образы ужасных тварей, с ликованием рвущих на куски Сантаракситу и Суврина. Крик продолжался, приближаясь с такой скоростью, с какой не могло бы спускаться по лестнице ни одно человеческое существо.

— Что за черт? — взорвался Гоблин.

— Я не... — Крик оборвался, и одновременно, попытавшись сделать очередной шаг вниз, я обнаружила, что ступеньки кончились. Я едва не грохнулась, зацепившись копьём за стену. Еще одна площадка, решила

я, ощупывая все по сторонам ногами и копьём, но не находя края. — Что там у тебя?

— Шаги где-то позади. Стена вправо продолжается примерно на шесть футов и потом кончается. Дальше, видимо, проход.

— А у меня стена уходит влево и потом тоже проход. Ох!

Что-то стукнуло меня в спину. Могла бы и догадаться, что, — точнее, кто. Прежде чем врезаться в меня, птица сильно захлопала крыльями.

Приземлившись на полу, белая ворона выругалась. Попрыгав туда-сюда, она поскакала в мою сторону. Это было зрелище, не сомневаюсь; жаль, что отсутствие света не позволяло мне им насладиться.

Я с трудом справилась с желанием вцепиться ей хорошенько. Ладно, надеюсь, она прибыла, чтобы помочь.

— Тобо!

Мой голос покотился вдаль и вернулся обратно раскатами эха, в которых, казалось, звучали отголоски отчаяния.

Парень не отвечал, но он явно двигался. Или что-то другое двигалось. На расстоянии меньше двадцати футов был отчетливо слышен шелест.

— Гоблин. Скажи, что ты обо всем этом думаешь.

— Мы ослеплены. С помощью колдовства. Тут есть свет. Я стараюсь вернуть нам способность видеть. Дай руку. Давай держаться вместе.

Ворона пробормотала:

— Сестра, сестра. Иди прямо вперед. Смелее. Тьма скоро кончится.

Ее дикция существенно улучшилась в последнее время. Может быть, потому, что теперь мы находились совсем рядом с силой, которая ею управляла.

Я начала ощупывать темноту вокруг в поисках Гоблина, нашла его, схватила, потянула к себе, уронила знамя, подняла его и потянула Гоблина снова.

— Порядок. Я готова.

Ворона знала, о чем говорила. Сделав не больше полудюжины шагов, мы оказались в освещенной

ледяной пещере. Ну, относительно освещенной, скажем так. Тусклый серо-голубой свет сочился сквозь полупрозрачные ледяные стены, как будто по ту их сторону просто был белый день. Гораздо больше света излучало все, что окружало женщину, спящую в гробу посреди просторной комнаты, размером примерно семьдесят футов на семьдесят. На полпути между нею и нами стоял Тобо, оглядываясь назад с выражением крайнего удивления на лице как при виде нас, так и всего остального, что было вокруг.

— Не двигайся, мальчик, — резко сказал Гоблин. — Даже не дыши глубоко, пока я не скажу, что это безопасно.

Фигура на помосте видна была неясно, как будто она тонула в жарком сиянии. И, несмотря на это, я совершенно точно знала, что лежащая там женщина — самое прекрасное создание на свете. И знала, что люблю ее больше самой жизни, что хочу броситься к ней и прильнуть к этим совершенным губам в страстном поцелуе.

Белая ворона чихнула мне в ухо.

И сбила настроение.

— Где мы видели все это прежде? — В голосе Гоблина явно чувствовалась ирония. — Она, должно быть, ужасно ослабела, иначе выудила бы из наших мозгов что-нибудь получше старой сказки о Спящей Красавице и феях. Где-то к югу от Моря Мук есть замок, похожий на то, что мы видим.

— Замок? Какой еще замок?

Ни в таглианском, ни на джайкури нет слова для обозначения такого понятия, как «замок». Я понимала, что оно означает нечто вроде крепости, только потому, что потратила много времени на изучение Летописей.

— Мы находимся как бы внутри заброшенного замка. Снаружи все это место увито спящими розами и затянуто паутиной. А в центре в открытом гробу лежит прекрасная блондинка. Всем своим существом она молит, чтобы ее поцеловали и таким образом вернули к

жизни. Правда, наша нелюбезная хозяйка, похоже, упустила из вида тот факт, что дрянь, являющаяся героиней этой истории, почти наверняка была вампиром.

— А я вижу совсем другое...

Очень тщательно, деталь за деталью, я описала ледяную пещеру и лежащую в гробу женщину, которую при всем желании нельзя было назвать блондинкой. Пока я говорила, Гоблин, в конце концов, наложил на Тобо искусное заклинание, которое не позволяло тому двигаться из-за потери ориентации.

— Ты помнишь свою мать, Дрема?

— Я смутно помню женщину, которая могла ею быть. Она умерла, когда я была совсем маленькой. Никто не рассказывал мне о ней. Что за необходимость обсуждать все это прямо здесь, прямо сейчас? У нас дел полно. — Я очень надеялась, что он понял, какова моя позиция.

— Давай поспорим — ты видишь идеализированный образ своей матери, отягощенный множеством неудовлетворенных сексуальных фантазий.

Я не стала спорить. Может, он и прав. Ему лучше знать, на какие выдумки способна Тьма. Я продолжала медленно продвигаться вперед, приближаясь к Тобо. Гоблин продолжал рассуждать:

— Все это лишь подтверждает тот факт, что, если Кине приходится действовать быстро, получается не слишком хорошо, потому что у нее отсутствует реальная связь с внешним миром. — Два десятилетия назад стало ясно, что в реальном времени Кина и соображает, и действует плохо, и что у нее получается лучше, если есть возможность оказывать воздействие на протяжении лет, а не минут. — Я слишком стар, чтобы угодить в ловушку плоти, а ты ничего не представляешь собой в сексуальном плане, и твои желания, если они и есть, слишком расплывчаты. — Он еле заметно усмехнулся. — С другой стороны, наш парень — как раз то, что нужно. Готов пожертвовать палец или даже два, лишь бы увидеть то, что видит он. Все! — Он взмахнул рукой, и Тобо рухнул, точно подкошенный. —

Дрема, возьми молот. Держи его крепко. Не подходи к ней ближе, чем сейчас, без крайней необходимости. Оттащи Тобо назад, ко входу.

— Что происходит, Гоблин? Объясни мне. — Это был не тот случай, когда нужно умалчивать об опасности.

— Мы столкнулись с величайшей манипуляторшей, которая уродовала наши жизни на протяжении двадцати пяти лет. Она очень медлительна, но гораздо более опасна, чем все, с кем мы имели дело до сих пор.

— Понятно, — ответила я почти ликуя.

Душа моя воспарила. Все тайные сомнения, скрываемые столь тщательно и столь долго, сейчас казались мелочными, даже глупыми. Это прекрасное создание не было богом. Во всяком случае, не в том смысле, в каком Богом был мой Бог. Прости мне мои слабости и сомнения, Отец Небесный. Тьма — везде, и внутри нас тоже. Прости меня сейчас, в этот миг, когда смерть смотрит мне в лицо.

В Прощении Своем Он Подобен Земле.

Я схватила Тобо за руку и рванула вверх. Вцепилась в него с такой же силой, как и в знамя. Ему не удастся вырваться без борьбы. Утратив ориентацию, он не сопротивлялся, когда я потащила его прочь от спящей красавицы.

— Отдай мне кирку, Тобо.

Я попыталась не думать о том, зачем именно мне понадобилось дьявольское орудие. На таком расстоянии Кина была способна выудить эти мысли из моего сознания.

Замедленными движениями Тобо вытащил кирку из-под рубашки и протянул мне.

— Она у меня! — крикнула я Гоблину.

— Тогда иди сюда!

Однако не успела я сделать и шагу, как, задыхаясь и отфыркиваясь, ввалились Суврин и Сантараксита. Оба замерли, увидев Кину. Голосом, в котором звучал благоговейный ужас, Суврин еле слышно прошептал:

— Вот дерьмо! До чего же хороша.

Господин Сантараксита молча стоял, словно ничего не соображая.

Неся всякую чушь, Суврин бросился вперед. Я стукнула его по мягкому месту тупым концом кирки. В результате мне удалось не только привлечь его внимание, но и погасить все затмевающий интерес к Кине.

— Мать Обманников, — объяснила я ему. — Госпожа Иллюзий. Кругом, марш! Отведи мальчишку наверх, к матери. Сри, не заставляйте меня и к вам применять силу.

Что-то, похожее на клочок тумана, поднялось из рта спящей женщины и воспарило над ним. В первые мгновения это нечто выглядело бесформенным, напомнив мне об афритах, несчастных душах убитых людей. В распоряжении Кины наверняка имелись миллионы и миллионы их.

— Беги, черт возьми! — сказал Гоблин.

— Беги, — прокаркала мне ворона.

Я не побежала. Я вцепилась в Сантаракситу и потянула его за собой.

Гоблин пробормотал себе под нос что-то вроде — дескать, жаль, что у него не хватило ума украсть у Одноглазого копье, зная, во что он может вляпаться.

— Гоблин!

Я высоко подняла знамя. В мои намерения не входило делать это, но оно внезапно само выпрямилось, подскочило пару раз на своем древке, наклонилось вперед и упало прямо в жаждущие руки маленького колдуна. И как только он повернулся с ним к Кине, окружающие ее иллюзии исчезли.

Если Кина когда-то была человеком, если любой из бесчисленных мифов о ее создании хоть в какой-то степени отражал реальные факты, то наверняка было затрачено немало труда, чтобы сделать ее такой большой и безобразной.

Она — Мать Обманников, Дрема. Мать Обманников. Это огромное отвратительное тело, покрытое гноящимися прыщами вроде тех, которые высыпают на лицах юнцов, вполне могло быть еще одной иллюзией и отражать подлинный облик Кины не больше, чем недавняя спящая красавица.

Зловоние древней смерти стало почти нестерпимым.

Я смотрела на тело, теперь лежащее просто на ледяном полу. Пурпурно-черное, оно очень напоминало ту, которая вторгалась в мои сны, только вот рядом с ним Шиветай казался бы карликом. Оно было обнажено. Его совершенные женские пропорции портили десять тысяч шрамов, покрывающих кожу. Оно не двигалось и даже не дышало.

Новый клочок тумана поднялся из одной огромной ноздри.

— Убирайтесь к чертям отсюда! — завопил Гоблин.

Внезапно он резко дернулся вправо и нанес Копьем Страсти удар по чему-то, чего я не могла видеть. Наконечник Копья вспыхнул, точно облитый горящим спиртом.

Душераздирающий, беззвучный вопль ворвался в мое сознание. Суврин и господин Сантараксита застонали, Тобо пронзительно завизжал. Белая ворона, точно отбросив всякую сдержанность, разразилась потоком непристойностей. Пинками и тычками подталкивая остальных к выходу, я почувствовала, что горло у меня болезненно перехватило.

Гоблин отклонился влево и пронзил обрывок тумана, совсем недавно выползший из ноздри Кины.

И снова бледно-голубой огонь охватил наконечник Копья. На этот раз, прежде чем погаснуть, он пробежал по древку почти на фут, а на концах Копья возникло темно-рубиновое свечение.

Из носа Кины появилась новая эманация ее существа.

Сейчас тьма и туман в узком проходе, ведущем к лестнице, исчезли — внимание Кины было сосредото-

чено в другом месте. Суврин и Сантараксита уже поднимались, тратя впустую дыхание на жаркое обсуждение того, что им довелось увидеть. Я влепила Тобо по затылку со всей силой, на которую была способна.

— Убирайся отсюда!

Он открыл рот, собираясь возразить, и я врезала ему снова. Я не хотела слышать то, что он собирался сказать. Я не хотела слышать ничего. Даже Божественного откровения. Даже оно могло подождать.

— Гоблин! Уноси свою тощую задницу! Мы уходим.

Наконечник Копья пронзил третий сгусток тумана. На этот раз огонь охватил пять яров древка, хотя, казалось, никакого прямого действия на дерево он не оказывал. Однако наконечник так сильно раскалился, что часть древка, соприкасающаяся с ним, начала дымиться.

Гоблин попятился, но следующий клоч тумана, двигаясь быстрее старого колдуна, завис на полпути между ним и лестницей. Гоблин несколько раз ткнул в него Копьем, но проклятый сгусток все время уходил от соприкосновения, продолжая отрезать ему путь к отступлению.

Я колдуньей не была. Проведя жизнь в окружении колдунов, женщин-ведьм и прочих «специалистов» в том же духе, я, тем не менее, понятия не имела, как работают их мозги. Поэтому для меня всегда оставался тайной мыслительный процесс, который приводил Гоблина к принятию того или иного решения. Однако, зная этого человека на протяжении большей части своей жизни, я давно пришла к выводу — он делает то, что делают, руководствуясь соображениями наибольшей эффективности.

Понимая, что ему не пронзить сгусток тумана, и заметив второй, который начал обходить его с противоположной стороны, маленький, похожий на жабу человечек просто увернулся, наклонил наконечник Копья и атаковал саму Кину. Он испустил яростный рев и вонзил свое оружие в плоть предплечья и дальше, под правую грудь богини. За мгновение до того, как Копье

сделало свое дело, взлетел еще один сгусток тумана и, рванувшись вперед, попытался заблокировать удар. Тщетно. Наконечник Копья вспыхнул и проткнул демоническую плоть.

Гоблина охватило пламя, когда сгусток тумана коснулся его.

Даже вопя от боли и крича мне, чтобы мы уходили, Гоблин продолжал давить на Копье, всаживая его все глубже в плоть Кины, возможно, в какой-то безумной, неистовой надежде добраться до ее черного сердца.

Голубое пламя пожирало тело Гоблина. В конце концов он выпустил Копье и бросился на ледяной пол, яростно катаясь по нему и охлопывая себя ладонями. Бесполезно. Он начал истаивать, словно перегретая свеча.

И при этом кричал, и кричал, и кричал.

На том психическом уровне, на котором я ощущала ее совсем недавно, Кина тоже кричала, и кричала, и кричала. Вопили Суврин и Сантараксита. Вопил Тобо. Я вопила, отступая к лестнице, несмотря на то, что некая обезумевшая часть меня рвалась вернуться обратно и попытаться помочь Гоблину. Это было бы самым безумным поступком из всех возможных. Разрушительница была заточена в этой пещере, но правила в ней она.

Гоблин нанес удар со всей возможной яростью и силой, но, по правде говоря, для нее он значил не больше, чем укус волчонка для дремлющего тигра. Мне это было совершенно ясно. Так же, как и то, что волчонок, поняв, что ему не вырваться, пытается выиграть время для своей стаи.

Тяжело дыша, я сказала:

— Тобо, поднимайся как можно быстрее. Расскажи остальным. — Он был моложе, он был шустрее, он доберется наверх гораздо быстрее меня.

Он — наше будущее.

А я пойду замыкающей и, если понадобится, постараюсь не пропустить никого наверх.

Вопли внизу продолжались, из обоих источников. Гоблин не желал сдаваться; такого упрямства он никогда не проявлял даже с Одноглазым.

Скорость нашего подъема была ограничена возможностями господина Сантаракситы. Я была готова в любой момент повернуть обратно и преградить дорогу нашим преследователям — кто бы или что бы они ни были — с помощью золотой кирки. Меня не покидала уверенность, что сила этого талисмана защитит нас.

Тьма на лестнице исчезла. Видимость была настолько хорошей, что, если бы не лестничные клетки, можно было бы видеть лестницу не меньше чем на милю вверх.

Дышать становилось все труднее, ноги начало сводить судорогой, и тут крики внизу смолкли. Суврина уже прежде вывернуло наизнанку. Как ни странно, самым стойким среди нас оказался господин Сантараксита. Ни единой жалобы, хотя он так сильно побледнел, что я опасалась, как бы его не подвело сердце.

С трудом пытаясь восстановить дыхание, я замерла, прислушиваясь к зловещей тишине внизу.

— Господи Всемогущий... Уф... Нет Бога, кроме Бога... Уф... Он Милосерден Как Сама Земля... Уф... Он Не Оставляет Нас Во Все Дни Жизни Нашей... Уф... О, Владыка Всего Сущего, я знаю, я — Твое Дитя.

Господину Сантараксите хватило дыхания, чтобы проворчать:

— Как ты не понимаешь, Дораби? Ему надоело, и он нашел себе другое занятие.

— Как это? Уф... Пытается излечить себя!

— Нет, лучше. Гораздо лучше. Суврин! Пошли.

Белая ворона стрелой взлетела вверх по лестнице и опустила мне на плечо, едва не сбив с ног. Я тоже внесла свой вклад в ситуацию, испуганно отшатнувшись. Крылья хлестнули меня по лицу.

— Иди наверх, — сказала она. — Медленно, без паники. Ровным шагом. Я посмотрю, что там внизу.

Казалось, путь наверх занял пять дней. Или, может быть, все десять. От страха и недосыпа мне то и дело мерещилось то, чего там на самом деле не было. Я

боялась оглянуться, — а вдруг увижу чудовище, догоняющее нас? Мы шли все медленнее и медленнее по мере того, как иссякали энергия, воля и способность восстанавливать силы. Только бы добраться до следующей площадки... а потом до следующей... и так без конца. Потом мы начали отдыхать между площадками, и инициатором были не Суврин, и не Сантараксита.

Ворона сказала мне:

— Нужно остановиться и поспать.

Никто не возражал. Ужас, конечно, способен загнать человека очень далеко, заставить его преодолеть небывалые трудности, но всему есть пределы. Мы свои исчерпали. Я рухнула так быстро, что, как утверждала позднее, услышала свой храп, еще не ударившись о каменную площадку. Последнее, что сохранилось в памяти — ворона, снова улетающая вниз, во тьму.

91

— Дрема!

Душа подталкивала меня вскочить, озираясь в ужасе, однако плоть отнеслась к ее призывам с полным безразличием. Измученное, окостеневшее тело утратило способность шевелиться. Голова, однако, пока еще работала. Мысли проносились в ней с быстротой горного потока.

— А? — Я продолжала сражаться с затекшими мышцами.

— Спокойно. Это я, Лебедь. Просто открой глаза. Ты в безопасности.

— Что ты делаешь здесь, внизу?

— В каком смысле внизу?

— Ну...

— Вы не дошли до пещеры древних всего один лестничный марш.

Я попыталась встать. Постепенно, мышца за мышцей, тело начало подчиняться моей воле. Оглянувшись по сторонам, видя все как в тумане. Суврин и Сантараксита все еще спали. Лебедь сказал:

— Они совершенно вымотались. Твой храп можно было слышать даже в пещере.

Всплеск страха.

— Где Тобо?

— Наверху. Все ушли. Я заставил их уйти, а сам остался на случай... Ворона рассказала мне, что произошло внизу. Тут всего один марш. Дойдешь? Я не в состоянии никого нести, сам на ногах еле стою.

— Мне нужно сходить в ту дальнюю пещеру. На большее я пока не способна.

— В пещеру?

— Там у меня остались кое-какие незаконченные дела.

— Ты уверена, что в твоём теперешнем состоянии стоит туда тащиться?

— Уверена, Лебедь. — Я могла бы сказать даже, что это вопрос жизни или смерти. Для всего мира. Или, не исключено, для множества миров. Но не хотелось быть излишне мелодраматичной. — Можешь ты привести этих двоих в чувство и заставить идти? Подниматься на поверхность, я имею в виду? — Не думаю, что Сантараксита будет в состоянии вынести зрелище того, что я собиралась сделать.

— Попробую. Но я пойду с тобой.

— В этом нет необходимости.

— Не думаю. Ты вряд ли сможешь даже стоять.

— Я справлюсь.

— Ты будешь идти впереди и рассказывать. Это снимет спазм с твоего горла. Но я остаюсь.

Я посмотрела на него долгим взглядом. Нет, он не отступится. И не выдаст своих истинных мотивов, прикрываясь заботой обо мне просто как об одной из наших, у которой, правда, слегка крыша поехала. Я на полминуты закрыла глаза, а открыв их, перевела взгляд вниз, во тьму, куда уходила лестница.

— Богу виднее...

Лебедь трудился над Суврином. Наконец, наш доблестный офицер-тенеземец открыл глаза, но казался неспособным двигаться.

— Похоже, я жив,— пробормотал он.— Иначе у меня все так не болело бы.— Огонь паники зажегся в его глазах.— Мы выбрались?

— Выбираемся,— ответила я.— Впереди еще долгий подъем.

— Гоблин мертв,— сказал Лебедь.— Ворона сообщила мне об этом, когда прилетела наверх, чтобы перекусить.

— Где она?

— Опять внизу. Наблюдает.

У меня мурашки побежали по телу — очередной приступ паранойи. Между Госпожой и Киной существовала связь еще с тех пор, как Нарайан Сингх и Кина использовали Госпожу в качестве сосуда для создания Дочери Ночи. Именно тогда между ними возникла эта связь, связь, которой позже не позволяла оборваться уже Госпожа, потому что она позволяла ей безо всяких ограничений черпать мощь богини.

— Прости меня, Господи. Помоги мне избавиться от этих недостойных мыслей.

— Что? — спросил Лебедь.

— Ничего, просто продолжение бесконечного диалога между мной и моим Богом. Суврин! Конфетка! Ты готов к новым подвигам?

Суврин бросил на меня сердитый, я бы даже сказала, угрожающий взгляд.

— Шлепни ее, Лебедь. Шутить в такие времена, как сейчас? Это идет вразрез со всеми законами земными и небесными.

— Подожди, через минуту у тебя тоже будет хорошее настроение. Как только до тебя дойдет, что ты все еще жив.

— Гм!

Он принялся помогать Лебедю будить господина Сантаракситу, я же сделала несколько несложных расслабляющих упражнений.

— Ах, Дораби,— негромко сказал Сантараксита.— Вот я и пережил с тобой еще одно приключение.

— С нами Бог.

— Превосходно. Постарайся, чтобы так было и дальше. Не думаю, что буду в состоянии пережить следующее приключение без Божественного вмешательства.

— Вы еще меня переживете, Сри.

— Может быть. Скорее всего, если выберусь отсюда и не стану искушать судьбу снова. Тебе же, судя по всему, без танцев с кобрами и жизнь не в жизнь.

— Сри?

— Я принял решение. Хватит с меня приключений, Дораби. Я слишком стар для них. Пора снова окунуться в уют моей библиотеки. Я просто чуть живой. О! Молодой человек...

Лебедь усмехнулся. Он был ненамного моложе библиотекаря.

— Поднимайся, долгожитель. Пока ты валяешься тут, какое-нибудь приключение подкрадется и затянет тебя снова.

Возможность подобного поворота событий оказалась прекрасным побудительным мотивом для всех нас.

Когда мы, в конце концов, двинулись дальше, я снова замыкала шествие. Лебедь пререкался с моими спутниками. Я с такой силой сжимала золотую кирку, что заболели костяшки пальцев.

Гоблин мертв.

Это казалось невысказанным, невозможным.

Гоблин был неизменной принадлежностью жизни. Ее краеугольным камнем. Без Гоблина, может, и Черного Отряда не станет... Не сходи с ума, Дрема. Наше содружество не прекратит свое существование только потому, что один из нас неожиданно пал жертвой злой судьбы. Жизнь будет продолжаться, несмотря на отсутствие в ней Гоблина. Просто она станет значительно труднее. Казалось, я слышу его шепот:

— Он — наше будущее.

— Дрема, все.

— Что?

— Мы уже в пещере, — сказал Лебедь. — Вы, двое, продолжайте подниматься. Мы вас догоним.

Суврин открыл было рот, чтобы задать вопрос, но я покачала головой и указала пальцем вверх.

— Идите. Сейчас же. И не оглядывайтесь назад. — Я подождала, пока Суврин провел господина Сантаракситу через камни и дальше, к лестнице. — Мы вас догоним.

— Что это? — спросил Лебедь, приложив к уху согнутую ладонь.

— Я ничего не слышу.

Он пожал плечами.

— Сейчас прошло. Что-то в верхней части лестницы.

Мы вошли в пещеру древних. Все вокруг было изрядно истоптано отрядными ордами. Чудо еще, что они ухитрились не причинить вреда никому из спящих. Удивительно, как это им удалось, учитывая, что почти вся чудесная ледяная паутина и коконы оказались разрушены. С потолка попадало множество ста-лактитов.

— Что здесь произошло?

Лебедь нахмурился.

— Землетрясение.

— Землетрясение? Какое землетрясение?

— Ты не... Тут был суший ад, так все тряслось. Не могу точно сказать, как давно. Вероятно, когда ты еще спускалась вниз. Здесь трудно определять время.

— Не лги. О, черт!

До меня дошло, почему белая ворона обладала такой потрясающей энергией. Пищей ей служил один из моих мертвых братьев.

Злой голосок у меня в голове прошептал, что я могла бы последовать примеру птицы. Другой тут же поинтересовался, — а что случится, если Ворчун узнает об этом? Этот человек был одержим идеей святости отрядного братства.

— Никогда не знаешь, что будешь делать, пока не окажешься один на один с быком на ринге.

— Что?

— Поговорка такая. Означает, что встреча с реальностью всегда отличается от того, как ее себе пред-

ставляешь. Никогда не знаешь, что на самом деле будешь делать, пока не окунешься во все с головой.

Я прошла мимо остальных Плененных. У всех глаза были закрыты. Интересно, могли ли они слышать? Вряд ли. Мы говорили так тихо, что даже я с трудом разбирала слова. Пещера начала сужаться. Когда настало время ползти, я поползла.

— Может быть, это в конечном счете хорошо, что ты здесь, — сказала я Лебедю. — У меня начинает немного кружиться голова.

— Ты ничего не слышишь?

Я прислушалась, и на этот раз до меня тоже долетели странные звуки.

— Как будто кто-то поет. Походная песня? Что-то вроде «О-хо-хо».

Какого черта?

— Здесь, внизу? Разве еще существуют карлики?

— Карлики?

— Мистические создания. Похожи на людей маленького роста с большими бородами и неизменно скверным характером. Живут под землей, как наги, занимаются горным делом и работают по металлу. Если они когда-либо и существовали, то вымерли много лет назад.

Пение зазвучало громче.

Пессимист в моей душе не верил, что я смогу сделать то, что задумала. Землетрясение, о котором упоминал Лебедь, каким-то образом могло преградить доступ в несвятую комнату с нечистыми книгами. Если этого не произошло, я могла угодить в единственную смертельную ловушку, которую проглядел Гоблин. Если Гоблин не проглядел ни одной ловушки, то кирка могла оказаться не «отмычкой», а пусковым устройством, способным пробудить к жизни тысячи маленьких «неожиданностей», с помощью которых колдуны защитили свои книги.

— Дрема, ты знаешь, что разговариваешь сама с собой, когда тебя что-то беспокоит?

— Что?

— Ты ползешь и все время бубнишь что-то о всяких ужасах, которые могут произойти. Продолжай в том же духе, и я поверю, что так и будет.

Опять то же самое. Нужно взять это под контроль. Раньше со мной такого не случалось.

На вид в комнате, где лежали Книги Мертвых, ничего не изменилось. Однако пессимист в моей душе не сдавался, усиленно пытаюсь заметить разницу.

В конце концов, Лебедь спросил:

— Так и будешь таращиться, пока мы не умрем с голоду? Или все же перейдешь к делу?

— Планировать у меня всегда получалось лучше, чем делать, Лебедь. — Я вдохнула побольше ледяного воздуха, достала из-за пояса кирку и произнесла нараспев: — о, Хозяин Небес и Земли, сделай так, чтобы эта штука и впрямь оказалась пропуском.

— Я за тобой, командир. — Лебедь в шутку слегка подтолкнул меня сзади. — Сейчас уже поздно бояться.

Конечно. К тому же, это значило бы умалить значимость жертвы Гоблина.

Дойдя до того места, откуда господин Сантараксита отправился в полет, я почувствовала, что дыхание мое стало частым и поверхностным. Кирку я держала перед собой обеими руками — ужас, до чего она была тяжелая! — сжимая ее с такой силой, что, наверно, отпечатки моих пальцев останутся на ней навсегда.

Ладони ощутили покалывание. Оно ползло вверх, к предплечьям, по мере того, как я продвигалась вперед. Мурашки побежали по телу, вся я покрылась «гусиной» кожей.

Лебедь положил руки мне на плечи за мгновение до того, как покалывание охватило все тело. Я задрожала. Меня знобило и трясло, как во время осенней простуды.

— Ого! — сказал Лебедь. — Это что-то сверхъестественное?

— Смотри, заразишься,— пообещала я.— У меня лихорадка, которая передается.

— О-о... Да. Я тоже ощущаю это. И боль в суставах. Вперед. Давай поскорее разожжем огонь, тогда хоть согреемся.

Согреемся ли?

Когда мы продвинулись футов на десять, состояние стало улучшаться. Покалывание на коже исчезло.

— Думаю, теперь можно идти спокойно.

— Видела бы ты свои волосы! На полдороге они встали дыбом. Так продолжалось всего пару шагов, но это было зрелище.

— Не сомневаюсь. — Мои волосы и без того представляли собой зрелище, даже в их обычном состоянии. Я уделяла им слишком мало внимания и месяцами не стригла. — У тебя есть что-нибудь, чтобы разжечь огонь?

— А у тебя нет? Ты не позаботилась об этом? Знала, что собираешься делать, и не захватила...

— Успокойся, ни о чем я не забыла. У меня просто осталось мало трута. Не хотелось тратить свой, если можно потратить твой.

— Очень благодарен. Ты становишься такой же вредной, как ваши мерзкие старикашки. — Тут он с огорчением вспомнил, что одного из этих мерзких старикашек больше уже нельзя назвать нашим — срок его пребывания в Отряде истек.

— Учусь у лучших. Слушай, мне вот что пришло в голову. Даже если все ловушки позади, опасность может таиться в самих книгах. Учítывая то, каким образом у колдунов работают мозги, можно предположить, что опасность запросто может крыться в самих страницах. Один взгляд на написанное, и ты, весьма вероятно, потратишь всю оставшуюся жизнь, стоя тут и читая, даже если при этом не будешь понимать ни слова. Я припоминаю, что читала где-то о подобных заклинаниях. Ракшасы вплетают их в переплеты своих книг.

— Что же нам делать?

— Ты заметил, что все три книги открыты? Нужно подобраться к ним снизу, захлопнуть переплеты и перевернуть книги лицевой стороной вниз. Даже тогда, и даже если мы будем поджигать их с закрытыми глазами, у нас может возникнуть желание взять их в руки.

— Говорящая книга, которая будет читать себя сама. Вот что мне нужно.

— А я-то думала, что Душелов заставила тебя научиться читать, раз ты стал князем Серых.

— Заставила, да. Но это не означает, что мне нравится читать. Чтение — чертовски трудное занятие.

— Надо же! А мне казалось, управлять пивоваренным заводом — вот по-настоящему трудное занятие. Ни минутки свободного времени.

Поскольку я была меньше ростом, то решила, что сама подкрадусь к этим трем аналоям снизу. Я действовала крайне осторожно. От этих книг, конечно, можно было ожидать всего чего угодно, но видеть, как я приближаюсь, они не могли.

— Мне нравится делать пиво. И не нравится читать.

В таком случае, именно ему следует поджечь книги. Я переживала сейчас кризис совести, не менее тяжелый, чем любой из моих кризисов веры. Я любила книги. Я верила в книги. Как правило, я не считала возможным уничтожать книги из-за несогласия с их содержанием. Но эти книги хранили жуткие тайные «рецепты» того, как привести наш мир к концу. И даже не только наш мир, но и множество других миров, потому что если в жертву Године Черепов с успехом будет принесен наш мир, то такая же судьба постигнет и другие, связанные с Сияющей равниной.

Впрочем, этот кризис для меня, можно сказать, был уже разрешен. Я знала ответ, иначе не стояла бы на руках и коленях под аналоями, воспринимая как словесное надругательство все, что говорил неверующий, который в равной степени презирал и моего Бога, и безжалостную Разрушительницу Обманников. Я зах-

лопнула книги, ломая голову над тем, не могут ли Дети Ночи еще каким-нибудь способом разделаться со мной.

— На обложках ничего не написано,— сказал Лебедь.

— Естественно, ведь я перевернула их лицевой стороной вниз.

— Постой.— Он поднял палец и наклонил голову, прислушиваясь.

— Эхо.

— Нет, там кто-то есть.

Я прислушалась получше.

— Опять поют. Лучше бы уж не пели. Во всем отряде ни у кого нет слуха, кроме Сари. Можешь подойти сюда. Думаю, это безопасно.

— Думаешь?

— Я же еще жива.

— Не уверен, что это достаточно убедительный довод. Такую кислую и горькую, как ты, даже монстры не захотят есть. С другой стороны, я...

— С другой стороны, хватит болтать. Вот тут самое подходящее место для костра.

Лебедь был уже рядом со мной. Под «вот тут» я разумела что-то вроде большой жаровни, в которой еще сохранились остатки древесного угля. Она была сделана из латуни в местном стиле.

— Хочешь, я для трута вырву несколько страниц?

— Нет, я не хочу, чтобы ты вырывал страницы. Ты, наверно, пропустил мои слова мимо ушей. Я же сказала — книги могут сделать так, что ты захочешь их читать.

— Нет, почему же, я слышал. Хотя вообще-то иногда слышу не очень хорошо.

— Как и большинство людей.

Я внутренне собралась. Через несколько минут маленький костер запылал. Я осторожно подняла одну из книг, стараясь все время держать ее так, чтобы ни я, ни Лебедь не видели верхней обложки. Слегка распушила ее страницы и положила в огонь переплетом вверх. Первым сожжению подвергся последний том. Просто на всякий случай.

Что-то могло помешать нам. Я хотела в первую очередь уничтожить тот том, который еще не видела Дочь Ночи. Ту книгу, которую она частично скопировала, а частично могла помнить, я сожгу последней.

В конце концов, огонь охватил книгу, но горела она плохо. Хотя выпускала клубы отвратительного черного дыма, который заполнил всю пещеру, так что нам с Лебедем пришлось лечь на ледяной пол.

Подземный ветер понемногу унес дым. Дышать стало полегче, когда я предавала огню вторую книгу.

Дождаясь, пока можно будет сжечь последнюю, я ломала голову, почему Кина не предпринимает никаких попыток помешать нам уничтожить то, в чем заключалась ее надежда на воскрешение. Оставалось лишь молиться, что ценой собственной жизни Гоблин ранил ее достаточно сильно, и теперь она полностью сосредоточилась на себе самой. И что я не стала жертвой нового грандиозного обмана. Кто знает? Может быть, эти книги были ненастоящие. Может быть, я делала в точности то, чего от меня хотела Кина.

Сомнения оставались. Всегда.

— Ты опять разговариваешь сама с собой.

— Угу...

Вся надежда, хотя и очень слабая, была на то, что теперь Кина долго будет не в состоянии причинять страдания миру.

— Уф, вот мы и сделали это. По-моему, я могу уснуть прямо тут. — И я немедленно отключилась.

Добрый старый Лебедь! Чувство долга или самозащиты, а может быть, и еще что-то удержало его от того, чтобы рухнуть следом за мной. Только дождавшись, пока сгорела последняя Книга Мертвых, он опустился на пол и задремал.

Оказалось, мы слышали пение Ранмаста, Икбала и Речника. Они отправились вызволять нас, когда Тобо

рассказал обо всем, что случилось внизу. Меня и Лебедя им удалось обнаружить по запаху дыма.

— Преодолевая сильное искушение употребить непристойные выражения или, попросту говоря, выругаться, я просто спрашиваю вас, с какой стати вы расхаживаете тут, да еще и с песнями? Почему не последовали за остальными в Страну Неизвестных Теней?

Ранмаст и Икбал захихикали, точно они были моложе Тобо и слышали очень удачную грязную шутку. Речник вел себя посдержаннее — совсем чуть-чуть.

— Ты устала и голодна, Дрема, поэтому мы прощаем тебе твою раздражительность. Возьми себя в руки. Давай-ка садись и перекуси.

Мы с Лебедем обменялись взглядами.

— Вы имеете представление о том, что здесь произошло?

— На некоторой стадии голодания возникает головокружение и человек резко глупеет.

— Джайкур, наверно, был исключением из этого правила.

Речник достал что-то, по форме и цвету похожее на гриб-дождевик, но не меньше восьми дюймов в диаметре. Эта штука оказалась тяжелее, чем гриб того же размера.

— Что за черт? — спросил Лебедь.

У Речника в сумке было еще несколько таких штук, и у остальных тоже.

Речник достал нож и принялся резать.

— Это подарок нашего дружка-демона, Шиветая. В конце концов, после целого дня размышлений, он пришел к выводу, что спасение его мерзкой задницы все-таки заслуживает вознаграждения. — Речник протянул мне ломтик в дюйм толщиной. — Тебе понравится.

Лебедь оказался смелее меня — или просто его не мучила паранойя. Он наклонился в мою сторону.

— Вкус как у свинины. Ха-ха...

Потом ему стало не до шуток. Он с жадностью сожрал свой кусок, который и внутри выглядел точно так же, как снаружи.

По строению он был плотный — почти как сыр. Уступив неизбежному и откусив кусочек, я почувствовала, что рот наполнился слюной. Вкус был такой острый, что вызывал почти болезненное ощущение. Ничего похожего мне пробовать не приходилось. Привкус имбиря, корицы, лимона, запах засахаренной фиалки... Первое, почти шоковое ощущение сменилось другим, необыкновенно приятным, распространившимся из области рта к желудку — как только я сделала первый глоток.

— Еще, — сказал Лебедь.

Речник протянул ему второй ломтик.

— Еще, — потребовала я и тут же впилась зубами в следующий кусок. Ладно, может, он и отравлен, но, в таком случае, из всех существующих с позволения Бога ядов это — самый вкусный на свете. — Это правда, что ли, дал Шиветай?

— Примерно тонну. Я не шучу. Годится и для людей, и для животных. Даже малышке нравится.

Икбал и Ранмаст развлекались, как дети. Лебедь хихикал тоже, хотя вряд ли понимал, что их так развеселило. Я и сама разделяла их чувства. Во всем можно найти что-то забавное. Я расслабилась, на душе стало спокойнее. Даже всевозможные болевые ощущения поутихли, отойдя на второй план и не досаждая так сильно, как прежде.

— Продолжим.

Икбал чуть ли не повизгивал от удовольствия.

— Он их вырастил. Сначала весь покрылся жуткими волдырями наподобие нарывов, а потом, когда они лопнули, оттуда появились вот эти штуки.

В обычных обстоятельствах сама эта идея и сопровождающие ее образы могли показаться отталкивающими. Я усмехнулась, сделала еще глоток, представила себе этот процесс творения и чуть не расхохоталась. Взяла себя в руки, хотя и не без труда.

— Значит, в конце концов он решил вступить с нами в контакт?

— Вроде того. Когда мы уходили, он как раз пытался завязать что-то вроде беседы с Доем. Хотя, кажется, у них не очень-то получалось.

Лебедь вздохнул.

— Я не чувствовал себя таким расслабленным и умиротворенным с тех пор, как мы с Корди еще детьми удили рыбу. Ну, «удили рыбу» — это только так говорится. На самом деле мы валялись в тени неподалеку от ручья, дремали или следили взглядом за облаками, проплывающими над головой, ничуть не стремясь чего-либо на самом деле поймать.

Даже мысль о судьбе друга не испортила ему настроения.

Я понимала, о чем он пытается рассказать, хотя лично у меня не было близкого друга, с которым мне выпала бы радость делить редкие золотые моменты детства. У меня не было детства. Я чувствовала себя просто прекрасно и сказала:

— Отличная штука, что бы это ни было. Речник, а какими еще свойствами они обладают?

— Настроение улучшается. Как начнешь хихикать, так почти и не можешь остановиться.

— Значит, нужно просто стараться не начинать. Потрясающе! Ну, долго мы будем тут рассиживаться? Пора идти.

Икбал и Ранмаст продолжали веселиться, вспоминая какую-то шутку, услышанную давным-давно.

— Парни,— сказала я, указывая направление.— Вон туда. Не дотрагивайтесь ни до чего. Просто идите и все. Нам еще подниматься вверх по лестнице.

Черт побери, меня одолевали какие-то совершенно дурацкие мысли. Один вид этих парней вызывал желание расхохотаться.

— Мы сделали открытие,— сообщил Речник.— Когда поешь, голова вроде как занята, и не до смеха.

Широко ухмыльнувшись, он загудел одну из самых грязных маршевых песен. В ней пелось о том, чем у большинства мужчин голова занята большую часть времени.

Я тоже стала подпевать и в конце концов заставила их сдвинуться с места.

Вонючий дым от сгоревших книг наполнил и пещеру древних. На лестнице он ощущался даже

сильнее. Без сомнения, какая-то часть его просочилась и вниз.

Кина так и не проснулась, в этом я была уверена. Знай она, что произошло, уже наверняка предприняла бы что-нибудь. Но, конечно, ее неведение не будет продолжаться вечно.

Я очень надеялась, что мы успеем уйти достаточно далеко, прежде чем до нее дойдет вся суть случившегося. У такого создания, как она, даже сны могли нести в себе смерть.

94

Я прислонилась к возвышению на полу рядом с выходом на лестницу. Сидела, тупо размышляя о том, зачем надо было сооружать эти возвышающиеся друг над другом и постепенно уменьшающиеся круги. Впрочем, этот вопрос не слишком занимал мои мысли. Я снова ела.

— Надо же... Так и тянет все время.

И не потому, что эта пища заставляла меня чувствовать себя глупо-счастливой. Просто, благодаря ей, я не испытывала ни боли, ни даже желания спать. Осознавая умом, что тело находится на своем физическом пределе, я сидела, не испытывая никаких страданий, связанных с этим состоянием. Разум был повышенно насторожен и бодр, поскольку его не отвлекали мучения, терзающие плоть.

Лебедь проворчал что-то в знак согласия. Охватившее нас всех хорошее настроение, похоже, затронуло его меньше остальных. Хотя меня и саму не так уж сильно тянуло насвистывать или петь.

И в то же время настроение у меня улучшилось после еды, что правда, то правда.

В один из моментов просветления Речник сказал:

— Нам нельзя тут засиживаться, Дрема. Остальные сейчас уже должны быть в пути, но они уходили, надеясь, что ты вместе со знаменем догонишь их.

— Что касается знамени, то тут у меня плохие новости. Разве Тобо не говорил?

— О знамени он не сказал ни слова. Не имел возможности. Все были просто потрясены, узнав о Гоблине, и больше всего беспокоились о том, как бы Одноглазый не узнал, что случилось с его другом.

— Гоблин вонзил Копье Страсти в тело Кины. Оно все еще там. Ты знаешь меня, знаешь, какое значение я придаю тому, что символизирует дух Отряда. Я убеждена, что, не считая Летописей, знамя — самый важный наш символ. Оно сопровождало нас на всем пути в Хатовар. Благодаря ему осуществляется связь поколений. Я пойму, если у кого-то возникнет желание вернуться за ним, но этот «кто-то» буду не я. По крайней мере, в ближайшие десять лет.

Ощущение довольства вновь растеклось по телу. Я встала. Лебедь протянул руку и помог мне подняться на возвышение.

— Вот это да!

Речник засмеялся.

— А я все жду, когда ты, наконец, заметишь.

Трещина в полу почти исчезла.

Я подошла поближе. Она по-прежнему уходила в неведомые глубины, но по ширине стала не больше фута.

— С чего это она исцелилась так быстро? — У меня мелькнула мысль, что, возможно, наше присутствие послужило своего рода катализатором. Проследив взглядом расселину до трона демона, я заметила Тобо и Доя, которые торопливо шагали в нашу сторону. Глаза Шиветая были открыты. Он наблюдал. — А мне послышалось, будто ты сказал, что все ушли.

— Все дело в землетрясении, — ответил Речник, делая вид, что не замечает присутствия Доя и Тобо.

— Нет, это появилось совсем недавно, — возразил Лебедь. — Спустись вниз, нанеси этой твари еще один удар, и, может быть, равнина полностью исцелится.

— Механизм может включиться снова, — вмешался в наш разговор подошедший Дой.

— Механизм?

Дой слегка подпрыгнул.

— Эта более высокая часть пола сделана в виде круга. Одна восемнадцатая всей равнины в целом. А инкрустация — карта дорог. Круглая площадка установлена на каменных валах и была способна поворачиваться до того, как Тысячу Голосов одолело любопытство, и она нарушила работу этого механизма.

— Интересно. Я так понимаю, твое общение с демоном протекает весьма результативно.

— Но медленно, — проворчал Дой. — Да, вот это проблема, даже несмотря на понимание того, что общение с ним и должно происходить очень медленно. Его жизнь протекает не на обычном физическом уровне. К примеру, если бы ему вздумалось встать — если бы такое вообще было возможно, — на это ушел бы не один час. Но ведь он Непокколебимый Страж и, как таковой, не должен двигаться быстро. Отсюда он держит под контролем всю равнину, используя карту на полу и механизм, о котором я уже говорил.

Никогда не видела Доя таким оживленным и откровенным. Вновь обретенное знание, должно быть, ошеломило его, как какого-нибудь молокососа — поцелуй кузины, породив желание поделиться со всеми сногшибательной новостью. Он был просто сам на себя не похож и вообще ни на одного нюень бао, с которыми мне приходилось сталкиваться. Только матушка Гота и Тобо иногда болтали друг с другом, но даже между собой они откровенничали меньше, чем дядюшка Дой сейчас.

— Он говорит, что первоначально его создали для отслеживания с помощью этого механизма, какие путешественники объявляются на равнине и куда они идут, — продолжал Дой. — Шли годы, на равнине гремели битвы и войны между мирами, вокруг него была построена эта крепость, а его обязанности становились все сложнее. Дрема, это создание почти так же старо, как само время. Он был свидетелем битвы между Киной и демонами, когда Лорды Света сражались с Лордами Тьмы. Это была первая великая война, которая произошла тут,

на равнине, и ни один миф даже близко не отражает того, как все происходило на самом деле.

— Очень интересно,— сказала я. Но в данный момент прошлому не удастся снова зачаровать и увлечь меня.

— Должен признаться, я испытываю огромное искушение задержаться тут надолго,— с энтузиазмом продолжал Дой.— Человеческой жизни не хватит, чтобы выслушать и записать все. Он видел так много! Он помнит Детей Смерти, Дрема. Для него поход нюень бао де дуань произошел вчера. Необходимо лишь убедить его, что нам нужна его помощь.

Я вопросительно посмотрела на своих товарищей. Наконец, Речник «прорезался»:

— Он, наверно, объелся этой демонической пищи.— Значит, и Речник заметил, что Дой был как бы не в себе.— Некоторые из тех, кто слишком ею увлекся, тоже на себя не похожи.

— Это до меня уже дошло. Тобо, у тебя тоже переменялся характер, нет?

До сих пор он не произнес ни слова. Удивительно. Обычно у него обо всем было свое мнение.

— Он выбил всю чушь у меня из головы, Дрема.

— Он? Кто это?

— Демон. Монстр. Шиветай. Он забрался ко мне в голову и разговаривает со мной оттуда. Мне кажется, то же самое он проделывал и с отцом. Может, даже на протяжении многих лет. Помнишь, в Анналах? Когда па думал, что Кина или Протектор манипулируют им? Готов поспорить, что по большей части это на самом деле был Шиветай.

— Не исключено. В самом деле, не исключено.

Мир кишмя кишит сверхъестественными силами, которые играют судьбами отдельных людей или даже целых наций. Жрецы Гунни твердят об этом на протяжении не одной сотни лет. Боги локтями распахивают друг друга, взбаламучивая этот кипящий котел. Кроме моего Бога, Истинного Бога, Бога Всемогущего, Который предпочитает возвышаться над схваткой.

Как раз сейчас я остро нуждалась в утешении со стороны жреца моей веры. И надо же! Ни одного не было ближе чем за пятьсот миль.

— Сколько историй рассказывают об этом месте, — сказала я Дою. — Интересно, многие ли из них соответствуют действительности?

— Подозреваю, что мы пока не слышали и десятой доли, — ответил старый меченосец. И усмехнулся. У него было отличное настроение. — И я не удивлюсь, если большинство из них правда. Подумай сама. Эта крепость, эта равнина — они такие и в то же самое время совершенно другие. Для каждого и в соответствующее время они оборачиваются чем-то своим. До недавнего времени я был убежден, что именно здесь находится Страна Неизвестных Теней. Как ваш Капитан верил, что здесь — Хатовар. Однако на самом деле это всего лишь дорога, которая ведет в другие места. Точно так же многолик и Шиветай, Непокколебимый Страж. В нем есть все — в том числе и безмерная усталость от того, что ему приходится быть всем тем, чем он должен быть.

Тобо так не терпелось вставить словечко, что он приплясывал вокруг, точно маленький мальчик, которому отчаянно хочется сделать пи-пи.

— Шиветай хочет умереть, Дрема, — выпалил он. — Но не может. До тех пор, пока жива Кина, а она бессмертна.

— Да, нелегко ему, в таком случае.

Лебеда осенило:

— Пусть поделится с нами. Я, к примеру, не откажусь. Еще пара тысяч лет мне не помешают. Конечно, после того, как подойдет к концу мое теперешнее существование.

Пока мы разговаривали, я медленно подходила все ближе и ближе к демону. Мой естественный пессимизм снова ожил, хотя я по-прежнему чувствовала себя моложе, счастливее и энергичнее, чем когда-либо на протяжении многих последних лет. Другое дело, что я не хихикала, как остальные.

— Где твоя мать, Тобо? — спросила я.

Его хорошее настроение тут же пошло на убыль.

— Она ушла с бабушкой Готой.

Быстрый взгляд на лицо Доя пробудил во мне подозрение, что произошло резкое столкновение между Сари как матерью и людьми, рассматривающими ее сына просто как одного из них. Тут, несомненно, проявило себя знаменитое упрямство нюень бао, причем обоюдное. И Тролль, тоже совершенно очевидно, была на стороне внука и Доя.

Я сменила тему.

— Ладно. Вот вы двое заявляете, что проникли в сознание Шиветая. Или он в ваше. Как бы то ни было, объясните мне, чего он хочет. Ни за что не поверю, что демон помогает нам просто по доброте сердечной. Это невозможно в принципе. Он — демон и, как таковой, проклят Богом, независимо от того, чье он создание, света или тьмы. И для демона мы, искатели приключений, так же недолговечны, как пчелы для нас — хотя, подобно пчелам, можем быть и надоедливы, и несносны. Очень короткое время, правда.

— Он хочет того, чего хотел бы любой в его положении, — сказал Дой. — Это же очевидно.

Тобо опять встрял:

— Еще он хочет освободиться, Дрема. Он уже так давно распят. Равнина изменяется, потому что он не в состоянии помешать этому.

— Как он себя поведет, если мы выдернем эти кинжалы? По-прежнему останется нашим добрым приятелем? Или начнет рубить головы?

Дой и Тобо обменялись неуверенными взглядами. Так. До сих пор этот вопрос, видимо, не слишком занимал их.

— Понятно, — сказала я. — Он, возможно, милейшей парень на всей чудесной Божьей земле и все же останется там, где сейчас. Несколько недель или месяцев для него ничего не значат. Какого черта он допустил, чтобы его пригвоздили?

— Кто-то обманул его, — сказал Тобо.

Интересно, интересно.

— Думаешь?

Казалось, сейчас тут было гораздо светлее, чем совсем недавно, когда я вместе с Лебедем направлялась в другую сторону. Или, может быть, глаза у меня адаптировались к освещению внутри крепости. Я отчетливо различала рисунки на полу, все детали равнины, кроме каменных столпов с их светящимися золотыми буквами. Но и они наверняка тут были, только обозначенные не слишком ярко; уверена, что мне удалось бы разглядеть их, имея я возможность изучить каменную поверхность с более близкого расстояния. Там были даже крошечные движущиеся точки, которые, несомненно, обозначали что-то вполне конкретное. Жаль, что среди нас не было никого, кто бы знал, что именно.

Трон Шиветая покоился посреди круглого возвышения, находящегося в центре большой круглой площадки и имеющего примерно двадцать яров в поперечнике. По словам Доя, диаметр этого меньшего круга составлял одну восемнадцатую большого, а диаметр того — одну восемнадцатую всей равнины. Я обратила внимание, что на самом маленьком круге тоже было изображение равнины, но с гораздо меньшими подробностями. Предположительно, Шиветай мог, сидя на троне и поворачиваясь, обозревать все свое царство, а в случае необходимости — когда ему требовалась более детальная информация — опуститься на следующий уровень, где все изображалось в восемнадцать раз подробнее.

Это сооружение просто источало магическую силу, столько ее было потрачено для его создания. Я была сражена наповал. Те, кто создал все это, по могуществу наверняка были подобны богам. Самым сильным известным мне колдунам до них было так же далеко, как нам, бесталанным, до них самих. По-моему, даже Госпожа и Длиннотень, Душелов и Ревун не намного лучше представляли себе вовлеченные в создание этого грандиозного сооружения принципы и силы, чем я, простая смертная.

Я остановилась перед Шиветаем. Глаза демона были открыты. Я почувствовала его легкое прикосновение — изнутри. Не знаю почему, но вид Шиветая заставил меня вспомнить горный ландшафт, места, где никогда не тает снег. Древние горы, которым некуда спешить. Молчание и камень. Наверно, мое сознание не нашло лучшей интерпретации того, что предсталая собой Шиветай.

Я напомнила себе, что этот демон был древнее моего мира. И ощутила то, о чем говорил Тобо, — спокойное, твердое желание Шиветая закончить свой жизненный путь, найти дорогу в нирвану. Это неугаемое — в духе Гунни — желание было для него своего рода противоядием, которое он противопоставлял скуке и боли бытия.

Я попыталась заговорить с Шиветаем. Попыталась обменяться с ним мыслями. Пугающий опыт, несмотря на прекрасное самочувствие и уверенность, переполнявшую меня благодаря дару того же Шиветая. Не хотела бы я допустить в свое сознание даже бессмертного демона, который, скорее всего, не в состоянии по-настоящему понять, что и почему волновало меня.

— Дрема?

— А?

Я подскочила. Самочувствие — прекрасное. Такое, как в подростковом возрасте, когда у меня не было никакой нужды жалеть себя. Дар демона продолжал свою магическую работу, проявляя исцеляющее действие.

— Нас всех сморил сон, — сказал Лебедь. — Не знаю, как долго это продолжалось. И даже не знаю, как вообще это произошло.

Я взглянула на демона. Он по-прежнему не двигался, но поражало другое. На его плече сидела белая ворона. Как только до нее дошло, что я не сплю, она взлетела, направляясь в мою сторону. Я подняла руку, и птица уселась мне на запястье — как сокол на руку

соколиному охотнику. Очень медленно, так что едва не терялся смысл сказанного, ворона произнесла:

— Она... будет... моим... голосом. Она... обучена, а ее... разум... не загроможден... убеждениями... и мыслями, которые... могли бы... помешать.

Потрясающе. Интересно, что думает по этому поводу Госпожа. Если Шиветай отобрал у нее ворону, она будет слепа и глуха до тех пор, пока мы не пробудим ее от зачарованного сна.

— Теперь она будет моим голосом.

До меня дошло, что это повторение было реакцией на всплеск моего невысказанного любопытства.

— Понятно.

— Я помогу тебе в твоих поисках. В обмен ты уничтожишь эту Дрин, Кину. Потом ты освободишь меня.

Я поняла, что он имел в виду. Не просто выдернуть кинжалы, которыми он был распят. Освободить его от бремени жизни и обязанностей.

— Я сделала бы это, если бы имела силу.

— У тебя есть сила. Ты всегда обладала силой.

— Что ты имеешь в виду?

Сейчас птица произносила слова загадочным, колдовским тоном.

— Поймешь в свое время. А сейчас тебе пора отправляться в путь, Каменный Солдат. Иди. Стань Той, Кто Несет Смерть.

— Какого дьявола? Что происходит?

Я вскрикнула. Все остальные тоже. Они проснулись вместе со мной и тут же принялись поглощать демоническую пищу, слушая наш разговор.

Пол начал поворачиваться, сначала почти незаметно. Вскоре стало ясно, что это происходит лишь с самой маленькой, полностью исцелившейся частью, которая примыкала непосредственно к трону. И тут в меня хлынуло знание.

Я узнала, что все повреждения, включая сильнейшее землетрясение, которое ощущалось даже в Таглиосе, были целиком и полностью вызваны действиями Душелова, находившейся во власти нездоровой страсти к эксперимен-

тированию. Обнаружив «механизм», она, в свойственной ей своенравной, «плевать-мне-на-последствия» манере, начала пробовать то одно, то другое и смотреть, что получится. Я как будто увидела все это собственными глазами — потому что воспоминания того, кто и в самом деле видел все это, стали моим достоянием.

Я узнала, чем Душелов занималась во время всех своих посещений крепости, происходивших тогда, когда Длиннотень свято верил, что он — единственный хозяин Врат Тьмы, и так же свято не верил, что кто-то, пусть даже владеющий Ключом, осмелится приблизиться к ним.

Я узнала и многое другое, как если бы пережила все это сама. Кое-что мне вовсе не хотелось знать. Кое-что касалось вопросов, мучивших меня годами; ответы на них наверняка заинтересовали бы господина Сантаракситу. Но по большей части это были сведения, которыегодились бы мне, если бы я стала тем, кем Шиветай хотел меня видеть.

Мысли жужжали в голове, точно испуганная муха. Были, были вопросы, на которые я не получила ответа. К примеру, я не стала обладательницей никаких воспоминаний о том, что могло произойти с Ключом, без которого нам не обойтись, если Длиннотень в качестве Мариша Мантара Думракши вместе со своим учеником Ашутошем Вакшей действительно пришли в наш мир из Страны Неизвестных Теней.

И, уж точно, я не избавилась от страха перед высотой.

Спустя мгновение после того, как пол перестал вращаться, белая ворона рванулась вверх. И будь я проклята, если сама тут же не взлетела вслед за ней! Хотя отнюдь не по собственному желанию.

Мои товарищи тоже поднялись в воздух. От удивления и страха некоторые выронили оружие, всякие мелкие вещи и даже... кое-что из того, что вырабатывают человеческие тела. Только Тобо воспринял этот неожиданный полет как чудесное, невероятно прекрасное приключение.

Ранмаст и Икбал зажмурились и забормотали молитвы, обращенные к их лже-Богу. Я мысленно воззвала к единственному Истинному Богу, напомнив Ему о милосердии. Речник обратился со страстным призывом к своим небесным покровителям. Дой и Лебедь молчали. Лебедь — просто потому, что потерял сознание.

Тобо, захлебываясь от восторга, обращался ко всем, стараясь внушить им мысль, как прекрасно то, что мы переживали. Взгляните туда, взгляните сюда! Какая огромная пещера! Как отлично видна сверху круглая площадка — точно сама равнина...

Мы прошли сквозь дыру в потолке и окунулись в прохладный воздух настоящей равнины. Наступили сумерки; небо, все еще багровое на западе, впереди уже затянула глубокая синева оттенка индиго. Звезды Аркана слабо сияли перед нами. Когда мы летели уже над поверхностью равнины, у меня хватило духа оглянуться. Силуэт крепости четко вырисовывался на фоне северной части неба; снаружи она сейчас выглядела хуже, чем в день нашего прибытия. Все, что мы выростили во время взлета и что не имели времени захватить с собой, сейчас летело следом за нами.

У меня возникло страстное, безумное желание, чтобы среди этих вещей оказалось и знамя. Увы, мои надежды не оправдались, оно не появилось.

Позднее, обдумывая все происшедшее, я никак не могла взять в толк, на чем основывалась эта надежда.

Теперь Тобо изображал птицу. Поэкспериментировав, он обнаружил, что с помощью рук отчасти может управлять полетом — подниматься и опускаться, слегка убыстрять и замедлять движение. Он не умолкал ни на мгновение, наслаждаясь происходящим и беспрерывно призывая остальных разделить свой восторг — ведь никто из нас никогда больше не получит возможности пережить нечто подобное.

— Устами младенца глаголет истина, — выкрикнул Дой.

И взмыл вверх.

Оба они были правы.

Наш полет закончился там, где отряд расположился лагерем. На последнем круге перед дорогой, уходящей в юго-западном направлении к заветной цели — Вратам Теней. Преимущество скорости, которое обеспечил полет, было очевидно. Мы обогнали даже белую ворону, прибывшую спустя два часа после того, как наши ноги коснулись твердой каменной поверхности. Неплохо иметь под рукой этого дружка Шиветая.

Я попыталась разглядеть то, что лежало за краем равнины, но было уже слишком темно. Вроде бы там горели два-три огонька. Или нет, трудно сказать.

Мы опускались вперед ногами и, по всей видимости, были неприкосновенны для Теней. Я почувствовала, что они шныряют неподалеку, но не проявляют желания приблизиться. Вот она, мощь Шиветая, способная воздействовать даже на эти сгустки ненависти и голода, толкающего их к убийству.

Дорожное покрытие от нашего приземления не пострадало. Вся, кто прибыл сюда раньше, наблюдали за нами, не веря своим глазам. Тобо ухитрился сманеврировать таким образом, чтобы опуститься точно рядом с матерью, перед этим, естественно, перекувырнувшись в воздухе. Я оказалась менее удачлива и плюхнулась на каменную поверхность, но радовалась уже тому, что тяжкое испытание осталось позади. Братья Сингхи бросились разыскивать свою семью. Точно так же поступил и Дой; в смысле, он проигнорировал Сари и направился напрямик к Готе. Гота пребывала не в лучшем расположении духа и, возможно, не очень хорошо себя чувствовала. Разглядеть остальных в неверном свете луны мне не удалось. Гота воздержалась от жалоб и критики.

Лебедь буквально вцепился в меня.

Пока он убеждал себя, что можно, ничего не опасаясь, открыть глаза, Речник, как человек, преданный

делу и хлопотун по природе, уже шнырял туда и обратно, желая убедиться, что все обустроено в точном соответствии с правилами, о которых ему случилось вспомнить именно в этот момент. Я нахмурилась, покачала головой, но вмешиваться не стала. Ритуалы — штука полезная; они помогают прийти в себя.

— Сари,— спросила я,— как они?

Я, конечно, имела в виду тех, кого мы вывели из пещеры. Настроение Готы вызвало у меня подозрения. Я боялась услышать то, что подтвердило бы их.

Сари не удалось настроить себя по отношению ко мне на дружеский лад. Ну, как же! Ее малыш уже летает по небу; конечно, это моя вина. Неважно, что он опустился на землю в целости и сохранности и, точно в счастливом бреду, только и твердил о том, что ему пришлось пережить.

Можно было ожидать, что полет и падение с большой высоты окажут пагубное воздействие на мое настроение, однако все обошлось. Тем не менее, это удалось сделать Сари.

— Плененные все в том же состоянии. Одноглазый очень тяжело пережил сообщение о смерти Гоблина и с тех пор не произнес ни слова. Мать не знает, то ли он просто крайне подавлен, то ли с ним случился еще один удар. Ее беспокоит ощущение того, что он, возможно, просто не хочет больше жить.

— С кем он теперь будет пикироваться?

Я вовсе не хотела преуменьшать силу его переживаний, хотя, к сожалению, мои слова прозвучали именно так.

На мгновение Сари приоткрыла завесу над тем, насколько она раздражена.

— Моя мать — неплохая замена в этом смысле.

— Теперь они друг для друга значат еще больше.— Я промолчала о своих опасениях по поводу того, что, очень может быть, Гота скоро покинет нас. Матушке Троль было уже почти восемьдесят.— Я хочу поговорить с ним.

— Он спит. Это может подождать.

— Ну, тогда утром. Мы все еще можем вступить в контакт с Мургенем?

Света вполне хватало, чтобы разглядеть, как помрачнела Сари. Может быть, она была права. И двух минут не прошло с тех пор, как мои ноги коснулись земли, а я уже рвусь снова использовать помощь ее мужа. Но она сдержала свои эмоции. Слишком давно мы с ней уже работали бок о бок. Сначала, как правило, всем заправляла она, а я по большей части отступала на второй план. И всегда нам удавалось обходиться без резких слов. Потому что мы обе понимали — для достижения нашей цели необходимо сотрудничать. Сейчас я взяла руководство на себя, но в случае необходимости она по-прежнему могла выступить в этой роли.

Только теперь она была гораздо ближе к тому, чего хотела, не так ли? Мурген больше не пленник, он здесь, наверху. Теперь, когда он с ней, все эти хлопоты становились ей ни к чему. Разве что только он окажется не тем человеком, которого она так ждала. В этом случае и ей придется стать новой Сари, совершенно другим человеком.

Я чувствовала, что она на грани срыва больше, чем когда-либо. Ни она, ни Мурген не остались теми, кем были прежде. Все мы изменились. Предстояли трудности привыкания друг к другу; может быть, очень серьезные трудности.

Я не сомневалась, что не менее серьезные проблемы будут с Госпожой и Капитаном.

— Я сделала все возможное, чтобы поддерживать туманный прожектор в рабочем состоянии, но с тех пор, как мы покинули крепость, мне ни разу не удалось установить контакт, — сказала Сари. — Такое ощущение, будто он не хочет больше покидать свое тело. А разбудить его по-настоящему не удастся. — Так вот в чем дело! Она боялась, что освобождение было ошибкой, что оно повредило Мургену вместо того, чтобы спасти его. С надеждой в голосе она добавила: — может быть, Тобо сумеет помочь.

Интересно, много ли в ней осталось от той твердой, сосредоточенной, целеустремленной Сары, которая в случае необходимости превращалась в Минх Сабредил? Я попыталась успокоить ее.

— С Мургенем все будет в порядке. — Один из даров Шиветая — теперь я твердо знала, что Плененные вернутся к жизни. — Но мы сможем разбудить его в полной мере, лишь когда увезем с равнины. То же самое относится и к остальным.

Речник закончил свой обход.

— Еда, которой нас снабдил демон, теперь расходуется быстро, Дрема. Ее хватит, чтобы убраться с равнины и еще пару раз перекусить, а потом придется надеяться только на себя. Либо съесть пса и коней, либо воровать и попрошайничать у местных.

— А, ладно. Мы знали, на что шли, а ведь получилось все даже гораздо лучше. Надеюсь, никто не украл ничего ценного, пока мы были тут?

В ответ я увидела смущенные взгляды. Ну, конечно, вряд ли никто, кроме тех, кто отправился вдогонку за Тобо, не обнаружил сокровища, на которые мы наткнулись, спускаясь в глубину земли. Стоило этому мальчишке увидеть что-то, и он оказывался просто не в силах промолчать. Держать рот на замке — нет, это было за пределами его возможностей.

Лебедь сказал, обращаясь ко мне:

— То, что нас ждет впереди, будет потруднее всего, что было там.

— Откуда?..

Он пожал плечами.

— Просто знаю.

Да, это он мог.

— Слушайте все. Ложитесь спать и отдохните как следует. Я хочу, чтобы мы поднялись и выступили с рассветом. Никто не знает, что ждет нас в конце пути.

Ни слова в ответ — вроде того, что, мол, если хочешь, чтобы мы спали, для начала сама перестань болтать.

Странно. Я не так уж давно проснулась возле трона Шиветая, и, тем не менее, глаза у меня просто слипались, а сознание почти отключилось. Я сказала:

— Выкиньте все прочее из головы. Лично я собираюсь воспользоваться собственным советом. Где можно расстелить одеяло, прежде чем я рухну?

Свободное пространство оставалось только в хвосте Отряда. Все мои товарищи по полету, за исключением Тобо, уже обосновались там. Вообще-то я хотела сначала поесть, но усталость навалилась на меня, прежде чем я проглотила третий кусок демонической пищи. Последнее, что мне пришло в голову, — может, Бог не заметит, что одна из Его верующих приняла дар от Проклятого? И вот еще, интересная мысль. Бог знает все. Следовательно, Он знает, что делает Шиветай, и позволяет ему делать это. Следовательно, тот факт, что великодушие демона обернулось для нас выгодой, отвечает Божьей воле.

А противиться Божьей воле грешно.

96

Мне приснился странный сон.

Конечно, это был сон. Не может быть, чтобы Шиветай проник в мое сознание.

Сначала я была на Сияющей равнине. Камень вспоминал. И хотел, чтобы я узнала все, что он помнил.

Потом я оказалась в другом месте. И в другом времени. Я стала демоном Шиветаем и ставила опыты над миром — бледная имитация Бога. Я была вездесуща, потому что пол, окружающий трон, связывал мое царство в единое целое. Мы слились воедино — и певец, и песнь.

Мой лик пересекали люди, большая группа людей. Для меня время значило совсем не то, что для смертных, но я понимала, что прошли века с тех пор, как это случилось в последний раз. Смертные больше почти не появлялись здесь. Очень редко. И никогда в таком количестве, как сейчас.

Во мне оставалось достаточно от Дремы, чтобы осознать — Шиветай вспоминает появление Плененных, еще до того, как они наткнулись на ловушку Душелова. Зачем демону понадобилось, чтобы я увидела это? Мне и так все было известно. Мурген не раз рассказывал мне эту историю, добиваясь, чтобы она была отражена в Анналах в точности так, как он хотел.

Не было четкого ощущения чьего-то присутствия рядом, и все же я почувствовала мягкое давление, принуждающее меня перестать проявлять любопытство, задаваться ненужными вопросами и смотреть на происходящее со стороны, принуждающее меня позволить цветку распуститься. Мне следовало уделять больше внимания дядюшке Дою. Способность полностью отказываться от собственного «я» могла пригодиться в ситуации, подобной той, в которой я оказалась.

Да, время для демона текло совершенно по-другому. Но он старался приспособиться к недолговечным смертным, встать на их точку зрения, снабдить меня информацией о том, что, по его представлениям, могло оказаться полезным.

Вся авантюра прошла перед моими глазами с начала до конца. Включая отчаянное бегство, во время которого погиб Бадья, а Лебедь получил возможность войти в историю как заложник злых сил. И поначалу я никак не могла понять, почему сперва мне были показаны лишь наиболее важные моменты истории — быстро, как бы наскоком.

Но я же не тупица. В конце концов, до меня дошло. Этот вопрос вставал передо мной и прежде, но не казался решающе важным. Теперь нужно было просто пробудить мою собственную память, чтобы я смогла вытащить из нее этот вопрос и снова поставить его перед собой.

А вопрос был такой: что стало с одним из участников этой экспедиции, которого мы так и не досчитались? Речь шла о невероятно опасной Лизе Дэли Бовок, владеющей искусством принимать разные облики и угодившей в ловушку из-за невозможности изменить

свой тогдашний облик черной пантеры. Ее везли по равнине в клетке, так же, как и других пленников, Длиннотень и Ревуна. В общей суматохе она исчезла. Мургену так и не удалось выяснить, что с ней стало.

Теперь я знала правду. Если можно верить Шиветая.

Не все мелкие детали были видны одинаково отчетливо. Шиветай испытывал трудности с точной фокусировкой во времени. Но, похоже, клетка Бовок оказалась повреждена во время панической попытки сбежать, предпринятой теми братьями Отряда, которым не повезло оказаться в числе Плененных.

Паника рождает панику. Огромную злобную кошку охватило нервное возбуждение. У нее хватило сил сломать клетку. Прокладывая путь на свободу, она сильно поранилась. Бежала на трех лапах, держа переднюю левую на весу и касаясь ею каменной поверхности только в случае крайней необходимости. И жалобно скулила, когда приходилось это делать. До наступления сумерек она пробежала почти тридцать миль — но направление было выбрано наобум, и до нее не доходило, что она бежит не в сторону дома, пока уже поздно было что-либо менять.

Не возвращаться же назад? Она помчалась дальше. И глубокой ночью одна маленькая, хитрая Тень подловила ее на самом краю дороги. И сделала то, что всегда делают неприрученные Тени. Она напала на пантеру и — о, чудо! — лишь ранила, но не убила ее. Между ними произошла схватка, пантера победила и... замерла как вкопанная. Перед ней были заброшенные Врата Теней. И прежде чем какая-нибудь Тень покрупнее смогла догнать и прикончить ее, она, шатаясь, прошла сквозь эти Врата, и стала недоступна восприятию Шиветая. То есть последний раз ее видели живой, когда она уходила в мир, который не был ни нашим, ни Страной Неизвестных Теней. Надеюсь, эти поврежденные Врата прикончили ее или хотя бы смертельно ранили, потому что она была обуреваема такой же жуткой ненавистью, как та, которая владела Тенями.

С одной существенной разницей — ее ненависть была гораздо более узко направленной, и объектом этой ненависти был Черный Отряд.

Той части «я» Дремы, которая все время как бы слегка дистанцировалась от Шиветая, было любопытно, что подумает Капитан, когда узнает — Бовок оказалась в Хатоваре благодаря случайному стечению обстоятельств, в то время как предполагалось, что для Отряда, который так туда рвался, это невозможно.

Та же часть «я» Дремы не понимала, почему все эти события так важны для Шиветая, чтобы стоило ради них вторгаться в мой сон, но, выходит, для него они имели большое значение.

Так же, как и Неф, сноходцы, которых Мурген называл Вашейн, Вашин и Вашон.

Мое слияние с Шиветаям углубилось после того, как след оборотня затерялся в другом мире. Я стала единым целым с демоном, а он стал единым целым с равниной, и с ним вместе мы медленно продвигались в глубь времен. Перед моим внутренним взором мелькали золотые века мира, процветания и просвещения. Я стала свидетельницей нашествия множества захватчиков. Я видела фрагменты самых древних войн, о которых упоминают религиозные учения Гунни, Обманников и даже мое собственное. Став Шиветаям, я охватывала сразу все времена, в том числе и то, наступившее вскоре после создания Богом всего сущего, когда происходила война на Небесах. Она закончилась тем, что Враг был сброшен в преисподнюю. Может быть, все наши войны были лишь отголосками этой Божественной борьбы, нашедшей свое отражение в разных религиозных учениях в зависимости от направленности каждого из них.

Равнина существовала еще до войны богов. А еще до равнины существовал Неф. Равнина, этот гигантский механизм, в конце концов, силой своего воображения вызвала к жизни Шиветая как своего Непокосимого Стража и слугу. В свою очередь, демон силой своего воображения вызвал к жизни Вашейна, Вашина

и Вашона. Эти призраки-сноходцы были богами Шиветая. Их жизнь протекала независимо от его сознания, но не от его существования. Если бы он погиб, они исчезли бы вместе с ним.

Непостижимо. Я находилась среди персонифицированных аспектов религий, в которые не верила. Сталкивалась с фактами, которые моя религия категорически отрицала. Приняв их, я оказалась бы проклята навек.

Все это происки жестокого, безжалостного Врага. Я получила в дар разум, который стремился разобраться, выяснить, понять. И я получила в дар веру. А сейчас я получила в дар сведения, породившие конфликт между фактами и верой. И я не получила в дар верткой изворотливости жрецов, позволяющей им примирять непримиримое.

Но, может быть, в этом и не было необходимости. На равнине истина и реальность были изменчивы и многообразны. Существовало огромное множество историй о Кине, Шиветаяе и крепости в сердце равнины. И не исключено, что каждая из них была истинной, по крайней мере отчасти.

Передо мной вставал чисто интеллектуальный вопрос, и, тем не менее, значение его для души трудно было переоценить. Что, если мои верования полностью обоснованы и правильны — но только часть времени и только там, где я нахожусь сама? Что тогда? Возможно ли такое? И что это означало?

А это означало, что в загробной жизни ничего хорошего меня не ждет, если и дальше моя бдительность, нацеленная на ересь, будет слабеть. Может быть, женщине и нелегко попасть в Рай, но, чтобы обеспечить себе местечко в аль-Шейле, ей вообще не нужно прикладывать никаких усилий.

— Успокойся, это просто ночной кошмар. — Стоя на коленях рядом со мной, Лебедь тряс меня за плечо,

пытаясь разбудить. — Ты не только храпела, но ворчала, скулила и болтала сама с собой на трех разных языках,

— Я — женщина чрезвычайно одаренная. Любой подтвердит это. — Я встряхнула головой, чувствуя себя точно с похмелья. — Сколько сейчас времени? Еще темно.

— Ну вот, еще один талант прорезался. Ничто не ускользнет от внимания моей девочки.

— Священники и святые книги говорят нам, что Бог создал мужчину по Своему образу и подобию, — проворчала я. — Но я, прочтя множество святых книг — в том числе и книги идолопоклонников, — ни разу не обнаружила никаких доказательств того, что Он обладает чувством юмора. Что же можно сказать о человеке, который пытается шутить, когда солнце еще не взошло? Ты — ненормальный, Лозан Лебедь. Что происходит?

— Этой ночью ты сказала, что хочешь встать пораньше. Ну, Сари сделала отсюда вывод, что мы должны быть готовы отправиться в путь, как только света станет достаточно, чтобы видеть. Тогда у нас весь день будет в запасе.

— Сари — мудрая женщина. Разбуди меня, когда она будет готова тронуться в путь.

— В таком случае, тебе пора вставать, так мне кажется.

Я подняла руки — света вполне хватало, чтобы разглядеть их.

— Люди, идите все сюда!

Когда меня обступили со всех сторон, я объяснила, что все мы, остававшиеся в крепости, обрели знание, которое поможет нам в грядущие времена.

— Шиветай, похоже, очень заинтересован в нашем успехе. Он рассказал нам о том, что, по его мнению, будет для нас полезно. Но он очень медлителен с нашей точки зрения, смотрит на все со своей собственной, демонической позиции, и объяснить нам все доходчиво и ясно ему трудно. Поэтому весьма вероятно, что мы обладаем знанием, о котором даже не догадываем-

ся, пока что-то не заставит нас задуматься именно в этом направлении. Проявляйте терпение по отношению к нам. Временами мы, наверно, будем производить странное впечатление. Лично я иногда чувствую себя совершенно другим человеком. Стоит мне оглянуться по сторонам, и новые знания буквально вспыхивают в моем сознании. Хотя именно сейчас, вот в этот самый момент, я хочу одного — убраться с этой равнины. Наши ресурсы по-прежнему ограничены. Мы должны поторопиться.

На лицах обступивших меня людей можно было прочесть страх перед будущим. Где-то в стороне взвыл пес, и девочка Икбала моментально захныкала, несмотря на то, что Сурувайя прикладывала ее то к одной груди, то к другой. По моим понятиям, ее пора уже было отнимать от груди, но кто я такая, чтобы иметь в этом вопросе свое мнение? Никто из моих детей еще даже не появился на свет. И, похоже, я упустила возможность обзавестись ими.

Люди ждали, что я скажу им что-то конкретное, по делу. Более мудрых волновал вопрос, с какими трудностями мы можем столкнуться. Не исключено, что Лебедь прав и в Стране Неизвестных Теней нас ждут тяжелейшие времена. Кто знает? Может быть, сейчас там как раз самая пора скальпировать чужестранцев?

Я и сама была обеспокоена, но так часто сталкивалась с неизвестным, что стала невосприимчива к страху. Одно не вызывало у меня сомнений — будет только хуже, если начать суетиться и волноваться, не зная толком, что ждет впереди. И все же я волновалась, конечно. Несмотря на то, что во сне получила заверения — покинув равнину, мы ни с какими серьезными несчастьями не столкнемся.

У меня было намерение произнести возвышенную, вдохновляющую речь, но оно быстро растаяло, как дым. Кому это нужно? Никому, даже мне.

— Все готовы? Тогда отправляемся.

Мы собрались и тронулись в путь гораздо быстрее, чем я ожидала. Большинство братьев не бросило своих

дел, чтобы послушать мои разглагольствования. Что нового она может сказать, заявили они? Поэтому, когда я закончила, работа по свертыванию лагеря шла уже полным ходом. Я сказала Лебедю:

— Похоже, «В те дни Отряд...» срабатывает гораздо лучше после целого дня тяжелой работы и ужина.

— По мне, да. А лучше всего получается, когда есть что выпить. Учитывая, что спать-то приходится одному.

Некоторое время я шла рядом с Сари, стараясь оживить нашу дружбу, уменьшить возникшую между нами напряженность. По правде говоря, мне это плохо удавалось — она по-прежнему была натянута, как струна. Не удивительно. Впервые за пятнадцать лет она имела дело со своим мужем во плоти, и, по-видимому, это было нелегко. Я не знала, как помочь ей.

Потом я около часа шла вместе с Радишей. Она тоже была в расстроенных чувствах. Она не имела дела со своим братом еще дольше. Однако ей был свойственен реалистичный подход к жизни.

— Мне нечего ему дать, не правда ли? Я уже потеряла все. Сначала уступая Протектору, по причине собственной слепоты. Потом вы выкрали меня из Таглиоса и лишили даже надежды на то, что я могу вновь занять подобающее мне место.

— Спорю на что угодно, Радиша. Спорю, что вы уже вспоминаете прошлое как золотые деньки, — так всегда бывает. Прошлое кажется лучше, когда в настоящем не все ладится. Протектор все еще в столице. И все же, как только мы устроимся, первой миссии, которую я отправлю в Таглиос, будет поручено сообщить, что вы и ваш брат живы, что вы в негодовании и намерены вернуться обратно.

— Мечтать не вредно, — ответила мне эта женщина.

— Вы не хотите вернуться обратно?

— Ты помнишь, как Бходи насмеялись надо мной каждый день? Раджахарма?

— Конечно.

— Неважно, чего хочу я. Не имеет значения и то, чего, может быть, хочет мой брат. Он уже получил свою долю приключений. Теперь я получаю свою. Раджахарма сковывает нас надежнее, чем самые прочные цепи. Пока мы дышим, Раджахарма вызывает к нам через немыслимые дали, через невообразимые пространства. Какие бы невероятные создания ни вставали на пути, какой бы смертельный риск нам ни угрожал, ты снова и снова напоминала мне о моем долге. Поступая таким образом, ты добилась того, что меня больше нет. Мое место занял монстр, способный выдержать схватку с любым зверем. Меня больше нет, Дрема, есть Раджахарма. Она и только она движет мной. Я продолжаю следовать за вами лишь потому, что, уводя от Таглиоса, это кратчайший путь к тому, что мне предначертано судьбой.

— Я буду помогать вам по мере сил.

Я, однако, говорила не от имени Отряда. Да и не вправе была делать это. Кто я такая? С нами — Капитан и Лейтенант. Вот проснутся окончательно, пусть и решают.

Я же решила отправиться на поиски господина Сантаракситы. Мне захотелось на время забыть о себе, забыть обо всем, предаться радости чисто интеллектуального общения. За последнее время умственный крутозор библиотекаря заметно расширился.

— Дрема!

— Радиша?

— Черный Отряд собирается мне мстить?

Мы отняли у этой женщины все, кроме любви ее людей. И она не была плохим человеком.

— В моих глазах вы уже почти искупили свою вину. Вам осталось лишь извиниться перед Капитаном, когда он настолько придет в себя, что сможет понять происходящее.

Радиша поджала губы. И она, и ее брат никогда не позволяли себе становиться рабами таких понятий, как общественное положение или каста, но... Извиняться перед наемником? Да еще и чужеземцем?

— Раз надо, значит надо. Мое мнение значения не имеет.

— Воды спят, Радиша.

Прежде чем присоединиться к Суврину и Сантаракситу, я провела несколько минут с черным жеребцом. Он вез Одноглазого, который отличался от трупа только тем, что дышал. Надеюсь, это был просто сон очень, очень старого человека. Конь тоже имел понурый вид. Наверно, устал от приключений.

— Господин Сантараксита, Суврин! С тех пор, как мы идем по равнине, появлялись ли у вас мысли, каких никогда не было прежде?

Оказывается, да, причем у Сантаракситы больше, чем у Суврина. Для каждого человека дар Шиветая воплощался особым, индивидуальным образом. У господина Сантаракситы возникла новая версия мифа о Кине и взаимоотношениях Шиветая с этой Королевой Смерти и Ужаса, отражающая точку зрения демона. Ничего особенно нового эта версия не содержала. Она лишь слегка смещала относительное значение некоторых личностей и, как следствие, обвиняла Кину в смерти нескольких последних строителей равнины.

В этой версии Кина осталась жестокосердной злодейкой, зато Шиветай превратился в одного из величайших невоспетых героев, заслуживающего того, чтобы занять несравненно более высокое положение в мифологии. Что вполне могло быть правдой. Он, бедняга, не занимал в ней вообще никакого положения.

— Вернувшись в Таглиос, господин Сантараксита, вы можете существенно улучшить свою репутацию, толкуя мифы с точки зрения тех, кому они обязаны своим созданием.

Сантараксита кисло улыбнулся.

— Ты ведь понимаешь, что это не так, Дораби. Мифология — такая сфера, где никто на самом деле не хочет знать абсолютную истину, потому что время выковывает великие символы из очень грубого материала, поставляемого событиями древности. Искаже-

ние прозаических фактов превращает их в истины, которые лучше воспринимаются душой.

Что же, в этом был смысл. В религии, к примеру, точные истины не в ходу. Что не мешает подлинным верующим убивать и разрушать, защищая их.

И это — истина, заслуживающая доверия.

98

Подняв голову, я внимательно вглядывалась в Страну Неизвестных Теней, простирающуюся за краем равнины. Лозан Лебедь стоял справа от меня и делал то же самое, Речник — слева.

— Будь я проклят! — сказал Речник.

— Будешь, будешь, не сомневайся. Дой, Гота, идите сюда и взгляните. Кто-нибудь может принести сюда Одноглазого?

Маленький колдун начал разговаривать около часа назад. Чувствовалось, что, по крайней мере, часть времени он находится в контакте с реальным миром.

Я поманила белую ворону. Проклятая птица выдаст нас, если будет продолжать кружить над головами.

— Кому она выдаст нас? — спросил Лебедь. — Я никого не вижу.

Наверно, я опять подумала вслух. Лебедь подвинулся, чтобы Дой мог встать рядом со мной.

Старик вытянул шею. И замер. Спустя пятнадцать секунд он издал горестный стон.

— Это то же самое место, которое мы покинули. Ты привела нас обратно, глупый Каменный Солдат.

На первый взгляд дело обстояло именно так. Только...

— Посмотрите направо. Здесь нет никакой Вершины. И никогда не было. И Кьяулун — это не Новый Город. — Я никогда не видела Кьяулуна до того, как он стал Тенеловом, но не сомневалась, что эти развалины скорее напоминали старый город. — Позовите Суврина. Он может знать.

Я продолжала вглядываться. И чем дольше, тем больше замечала отличий. Дой выразил мою мысль словами:

— Человеческий род успел здесь меньше навредить. И люди давно покинули это место.

Ландшафт — вот что осталось без изменений.

— Как было незадолго до землетрясения, да?

Там, где в нашем мире повсюду были разбросаны фермы и окружающие их возделанные поля, здесь все выглядело так, будто люди покинули эти места лет двадцать назад. Все заросло кустарником, ежевикой и кедровником, но по-настоящему больших, старых деревьев не было, за исключением тех, которые росли правильными рядами, и других, покрывающих вдали предгорья Данда Прэш. Они отливали такой глубокой зеленью, что казались почти черными.

Появился Суврин. Я задала ему несколько вопросов.

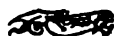
— Похоже на то, как, по рассказам, выглядел Кыялуун до прихода Хозяев Теней, — ответил он. — Когда мои дед с бабкой были еще детьми. Город начал расти только тогда, когда Длиннотень принял решение строить Вершину. Только там, внизу, ничего нет, кроме развалин.

— Посмотри на Врата Теней. Они выглядят лучше, чем наши. — Однако, по всем меркам, нельзя было сказать, что они в хорошем состоянии. Землетрясения изрядно потрепали их. — Теперь мы можем точно определить свое местоположение.

Уф-ф, гора с плеч. Я-то боялась, что мы совсем оголодаем, пока будем толочься тут, пытаюсь вычислить, куда идти.

Несколько человек принесли Одноглазого и усадили его среди нас. Их силуэты четко вырисовывались на фоне неба. Сколько я ни ворчала, все без толку. С другой стороны, по ту сторону Врат никаких кровожадных орд видно не было. Может быть, и впрямь тут некому замечать наше присутствие.

— Одноглазый, какое все это на тебя производит впечатление?

Я не была уверена, что он сможет ответить. Его, казалось, снова сморил сон. Подбородок был прижат к груди. Люди расступились, потому что именно в такие моменты он прежде начинал махать своей тростью. Однако спустя несколько секунд он поднял подбородок, открыл глаза и пробормотал:

— Это место, где я смогу отдохнуть. — Ветер, не покидавший нас на равнине, уносил его слова прочь. — Место, где все зло умирает бесконечной смертью. Здесь нет никакого зла, Малышка.

Эти слова Одноглазого взволновали людей. Все засуетились, забегали — если кто-то наблюдал за нами, то сейчас уж непременно заметил бы. Некоторые полагали, что нужно, не задерживаясь, отправляться в путь всей нашей большой, беспорядочной оравой.

— Кендо! — окликнула я. — Слинк! Я хочу, чтобы вы взяли каждый по шесть человек и прошли сквозь Врата. В полном вооружении, включая бамбук. Слинк, ты отвечаешь за правую сторону дороги, а ты, Кендо, за левую. Будете прикрывать нас, когда мы пойдем. Речник, ты остаешься в резерве. Возьми десять человек и встань с ними внутри Врат. Если все пойдет нормально, пропустишь нас и обеспечишь прикрытие с тыла.

Недаром мы их гоняли и натаскивали. Обучение и дисциплина высокой пробы стали едва ли не самыми могущественными и смертоносными орудиями Отряда. Мы с первого дня пытались приучать новичков к дисциплине — к дисциплине и здоровому недоверию к любому постороннему человеку. Мы неустанно объясняли, вдабливали, что и как нужно делать в той или иной ситуации. И, похоже, не зря.

Склон от края равнины к Вратам Теней протянулся, казалось, на несколько миль. Мне было не по себе от того, что мы спускались по нему без знамени. Пришлось уступить свое место Тобо, потому что он нес золотую кирку. Я сказала ему:

— Не воображай, что будешь делать это всегда. Быть Знаменосцем — это, возможно, все, что мне

останется, как только Капитан и Лейтенант придут в себя. А может, и этого не будет, если твой па захочет сам исполнять свои обязанности.

Простой опыт показал, что для выхода с равнины Ключ не нужен. Однако Врата Теней отозвались на наше присутствие пощелкиванием и звоном.

Первое, что я ощутила по ту сторону, был густой аромат шалфея и сосен. На равнине запахов было очень мало. Потом я отметила, как тут невероятно тепло. Гораздо теплее, чем на равнине. Здесь стояла ранняя осень... как и было обещано, Лебедь. Как и было обещано.

Команды Кендо и Сlinkа шли по сторонам дороги, охраняя нас. Люди один за другим проходили сквозь ворота. Я взгромоздилась на черного жеребца, чтобы лучше видеть. Одноглазого пришлось нести на руках. Я сказала Сари:

— Идите к развалинам.

И только хотела добавить, что там будет легче укрыться, как закричал Кендо Резчик.

Я взглянула в ту сторону, куда он указывал. Пришлось прищуриться, чтобы разглядеть их. По склону холма медленно спускались согбенные старцы. Их одежды были почти в точности такого же цвета, как дорога и земля у них за спиной. Пятеро.

— Ну, нас все-таки заметили! И следили за нашим приближением. Дой!

Пустая трата сил. Меченосец уже бежал им навстречу. Сразу позади — Тобо с Готой, и плевать им на то, что Сари нервничает. Я рванулась вперед и схватила мальчишку.

— Ты останешься здесь.

— Но, Дрема!

— Желаете обсудить это с Ранмастом и Икбалом?

Нет, он не хотел вступать в спор с этими большими, сильными шадаритами.

А я не хотела вступать в спор с Троллем. И позволила ей уйти. Ее испугаются скорее. Кто такой Дой? Всего лишь старик с мечом. А кто такая Гота? Злобная старуха с очень ядовитым языком. Вот то-то.

Я проверила, на месте ли мой выдавший виды короткий меч. Хотя, конечно, это можно будет рассматривать как чудо, если им удастся справиться с Дядюшкой Доем. Потом я и сама побежала по склону холма. Сари не отставала от меня.

Один из местных быстро произнес что-то. Модуляция была непривычной, но отдельные слова звучали смутно знакомо. Я уловила фразу: «Дети Смерти». Дой ответил на нюень бао. Среди прочего, он произнес: «Страна Неизвестных Теней» и «Все Зло Умирает Там Бесконечной Смертью». Старика, по-видимому, сильно смутил акцент Доя, но по тому, какое волнение его охватило, чувствовалось, что эти фразы он понял. К добру или к худу, этого я сказать не могла.

Тут и Матушка Гота забормотала свои магические заклинания, включая «Призываю Небеса и Землю, День и Ночь». Старик совсем разволновался.

— Похоже, язык очень сильно изменился с тех пор, как Дети Смерти ушли отсюда, — сказала Сари.

Значит, она поняла, что именно Дой сказал старикам.

Потом они заговорили все разом, явно обращаясь к Дою с вопросами, на которые он не мог ответить.

Сари продолжала:

— Они волнуются из-за кого-то, кого называют «этот дьявол-пес Мерика Монтера». И еще из-за его ученика. По-видимому, эти двое были изгнаны и ушли отсюда вместе.

— Мерика Монтера — это, скорее всего, Длиннотень. Известно, что одно время он пользовался именем Мариша Мантара Думракша. У него тогда был помощник по имени Ашуттош Вакша, которого он подослал к нюень бао с целью выяснить, где находится Ключ, и украсть его. Наша золотая кирка.

— Дрема, эти старики не говорят по-таглиански или по-джайкурийски, но имена понять можно, — сказал дядюшка Дой. — В данный момент их волнуют те, кого у нас называют Длиннотень и Тенелов. До своего изгнания они были последними из расы

иноземных колдунов, поработившей предков этих людей с помощью своего умения командовать Тенями-убийцами, которых они вызывали с равнины.

— Будто ты не знаешь, что отвечать. Эти двое ушли отсюда и продолжили свои грязные дела у нас. Скажи этим людям то, что им нужно знать. Скажи им правду. Скажи, кто мы такие и что намерены делать. И что мы уже сделали с их приятелями Длиннотенью и Тенеловом.

— Может быть, разумнее сначала узнать побольше о них самих, а уж потом откровенничать.

— Я и не ожидала, что ты способен отказаться от привычек всей жизни.

Дой еле заметно кивнул и широко улыбнулся. Вернулся к старикам и заговорил. Я обнаружила, что мой нюень бао заметно улучшился — теперь в его монологе я безо всякого труда улавливала слова «Каменные Солдаты» и «Солдаты Тьмы». Местные повернулись в мою сторону, на их физиономиях отчетливо проступило удивление.

— Они — в некотором роде монахи, — сказала Сари. — Уже давно ждут здесь Детей Смерти. Ожидание — это и есть то, чем они занимаются. Предполагалось, что наши предки ушли за помощью и вернутся с ней. Никого другого они не ожидали.

— Ха! И, в особенности, женщин!

— Да, это поразило их. И еще их беспокоит Лебедь. Они по опыту знают, что от белых дьяволов хорошего ждать не приходится.

Потом, конечно, прилетела белая ворона и уселась мне на плечо. Огромный черный жеребец со своим чернокожим всадником подошел к нам и ткнул ворону носом. Старики заверещали еще громче, без конца повторяя «Каменный Солдат», «Солдат Тьмы», «Непоколебимый Страж», и тут, движимые любопытством, начали подтягиваться все наши. Тобо стоял справа от меня, рядом с ним Ранмаст, Икбал с Сурувайей, все их отпрыски и пес. В толпе все отчетливее и громче звучали голоса, спрашивающие, что делать с Пленеными, где будем разбивать лагерь...

— Ты слышишь, чем интересуются люди? — спросила я Доя.

— Слышу. Я так понял, что в нашем распоряжении вся эта долина. На время. Пока они пошлют сообщение своим властям. Сами они ничего решать не могут, сюда должны прибыть люди поважнее. И тогда мы сможем обосноваться, где захотим. Хотя я не ручаюсь, что все понял точно. Сложный диалект.

Наши ветераны тут же принялись изучать долину с точки зрения возможностей обороны. Не стоило никакого труда выделить их среди прочих — по глазам; эти взгляды запомнились всем еще со времен Кыялуунской войны.

Интересно, подумала я, неужели все миры, связанные между собой через равнину, так похожи физически?

Я сделала выбор. Никто не спорил, никто не колебался. Ранмаст и Сингхи в сопровождении дюжины вооруженных парней тут же отправились осматривать долину. Пять старых монахов не возражали. Они лишь потрясенно смотрели на нас.

Вот так получилось, что Черный Отряд оказался в Стране Неизвестных Теней вместо мифического Хатовара. Здесь Отряд обосновался, здесь он отдыхал, восстанавливая силы. Здесь я заполняла своими записями книгу за книгой, а в промежутках планировала и посылала экспедиции с целью освобождения моих плененных братьев. Заодно они привели сюда даже этого дьявола-пса Мерику Монтеру, где его ожидала не слишком приятная встреча с правосудием. Внуки бывших рабов этого монстра больше не боялись его.

Я добилась отсрочки в рассмотрении его дела — по настоянию Госпожи, — чтобы он помог в обучении Тобо. Он был предупрежден, что эта отсрочка будет продолжаться до тех пор, пока мы будем удовлетворены его работой — и ни минутой больше. Старые монахи, поджав губы в точности так, как это делал их соплеменник Дой, согласились, что Тобо нужен учитель, но, как обычно, никаких объяснений не дали.

Одно время Страна Неизвестных Теней страдала от нашествия тощих белокожих людей, очень похожих на Длиннотень. Они проникали сюда из других миров и не приводили с собой жен. Скверные были люди.

Они приходили снова и снова.

Солдаты никогда не умирают. Хотелось бы знать, почему.

Одноглазый прожил еще три года. У него было несколько новых ударов, но каждый раз его здоровье восстанавливалось, хотя и медленно. Он редко покидал дом, который мы построили для них с Готой. По большей части он возился со своим черным копьем, а Гота вертелась поблизости и приставала к нему со всякими пустяками. Он неизменно отбрехивался, но никогда не забывал уделять время и обучению Тобо.

У Тобо не было недостатка в наставниках; все опекали, все заботились о нем, и настоящие родители, и те, кто себя таковыми считал.

Он занимался с Одноглазым, он занимался с Госпожой, он занимался с Длиннотенью и господином Сантаракситой, с Радишей и Прабриндрах Драхом, и с теми, кто в приютившем нас мире слыли мастерами. Он оказался исключительно талантлив. Он оказался тем, появление кого предсказывала его прапрабабка Хонь Тэй.

Все Пленные вернулись к нам, за исключением тех, кто погиб на равнине, но даже лучшие из них — Мурген, Госпожа, Капитан — производили странное впечатление и очень сильно изменились. Так сложилась их судьба. Но мы изменились тоже — так сложилась наша судьба, — и те, кого они помнили, стали для них почти чужими.

Начиналась новая жизнь. Так и должно быть. В один прекрасный день мы снова пересечем равнину, а пока... Воды спят.

Пока я просто отдыхаю. И наслаждаюсь возможностью писать, вспоминать павших, обдумывать странные

повороты, которые так любит жизнь, размышлять о замыслах Божьих. Почему добро умирает молодым, а зло процветает? Почему праведные люди способны совершать злые поступки, а дурные — проявлять совершенно неожиданную человечность?

Солдаты никогда не умирают. Хотелось бы знать, почему.

99

Великий Генерал отправился на юг через Данда Прэш после того, как Душелов покинула его, чтобы лететь с большей скоростью. В результате он встретил ее спустя неделю уже за перевалом, на южной стороне. Когда ее разбудили, она непрерывно и невнятно разговаривала сама с собой на разные голоса. Дочь Ночи, которая, по мнению Могабы, выглядела просто ужасно, прямо у него на глазах рухнула от истощения.

— Убей их,— настаивал Могаба, когда, наконец, ему удалось выкроить минутку, чтобы поговорить с Душеловом без свидетелей. — С ними одна забота, а выгоды никакой.

— Может, ты и прав,— лукаво ответила Протектор. — А может, у меня хватит хитрости через девчонку позаимствовать силы у Кины, как это сделала моя сестрица.

— Если я что и усвоил в этой жизни, которая принесла мне столько разочарований, так это то, что не стоит полагаться на хитрость. Ты и без того могущественная женщина. Убей их, пока это в твоей власти. Убей их, прежде чем они найдут способ поменяться с тобой ролями. Хватит с тебя и той силы, которой ты владеешь. Теперь в целом мире никто не способен бросить тебе вызов.

— Всегда существует кто-то, кто способен на это, Могаба.

— Убей их. Уверен, они ни на секунду не задумались бы, чтобы поступить так с тобой.

Душелов подошла к Дочери Ночи, которая так и лежала без движения с тех пор, как упала без сил.

— Моя дорогая прелестная племянница не причинит мне вреда. — Все это она произнесла голосом четырнадцатилетней простушки, рассказывающей старшим о том, что ее двадцатипятилетнего любовника интересует только одно. Потом она злобно рассмеялась и яростно пнула Дочь Ночи ногой. — Даже если у тебя и есть такие мысли, погань, я зажарю и съем тебя по частям. И вдобавок постараюсь, чтобы ты прожила достаточно долго и имела возможность увидеть, как твоя мать первой отправится на тот свет.

Великий Генерал не издал ни звука, не сделал ни одного движения. Его лицо не выражало ничего, даже для зоркого взгляда Душелова. Но в глубине души он понимал, что вступил в союз с человеком, который был полностью и непредсказуемо безумен. И снова ему не оставалось ничего другого, как, оседлавши тигра, постараться не свалиться с него.

— Может быть, нам следует подумать, как защитить свое сознание от вторжения Королевы Ужаса и Тьмы. — Вот и все, что он произнес.

— Я уже позаботилась об этом, Генерал. Я — профессионал. — Это был голос самодовольной маленькой мышки-чиновника. Поскольку самоуверенная женщина в последнее время стала очень разговорчивой, Могаба пришел к выводу, что этот голос был ее собственным. Он очень походил на голос ее сестры, Госпожи. — На протяжении последней недели я ничего не делала, кроме как сбивала ноги до волдырей и думала. Я изобрела изумительные новые пытки для Черного Отряда — и что же? Слишком поздно, я не смогу насладиться ими. Почему так всегда бывает? Самые великолепные мысли приходят в голову тогда, когда уже оказывается слишком поздно. Правда, я верю, что найду других врагов, и новые идеи не пропадут даром. Большую часть времени, однако, я потратила на обдумывание того, как с помощью хитрости вытянуть из Кины силу. — Она не боялась

называть богиню по имени. — И пришла к выводу, что мы можем сделать это.

Дочь Ночи слегка пошевелилась и на мгновение перевела взгляд вверх. Она выглядела немного неуверенной, немного обеспокоенной.

Впервые со дня появления на свет она была полностью отрезана от своей духовной матери. И это продолжалось уже несколько дней. Происходило что-то скверное. Происходило что-то ужасно скверное.

Душелов посмотрела на Нарайана Сингха. От старика вряд ли будет много толку. Вернувшись в Таглиос, можно будет испытать новые пытки на нем, перед соответствующей аудиторией, конечно.

— Генерал, если я опять займусь какими-нибудь пустяками, которые так часто отвлекали мое внимание, подтолкни меня локтем, чтобы я снова вспомнила о деле. Под делом я подразумеваю создание империи. И, в свободное время, создание новой коллекции летающих ковров. Я справлюсь, мне известны почти все секреты Ревуна. Эта последняя неделя заставила меня признаться себе самой, что я лишена врожденной любви к труду.

Душелов снова пхнула Дочь Ночи, уселась на гнилой пень и сняла сапоги.

— Могаба, не рассказывай никому, что ты видел, как величайшая в мире колдунья застряла в дороге из-за того, что ей понадобилось избавиться от такой тривиальной вещи, как волдыри на пятках.

Нарайан Сингх, который лежал, судорожно дыша, внезапно поднялся и вцепился в прутья своей клетки. Его лицо посерело и исказилось от ужаса.

— Воды спят! — завопил он. — Тхи Ким! Тхи Ким идет!

И рухнул, снова потеряв сознание, хотя его тело продолжала сотрясать судорога.

— Воды спят? — проворчала Душелов. — На что способны мертвые? — Теперь они все мертвы. Это — ее мир. — Что там еще он бормотал?

— Что-то, похожее на имя у нюень бао.

— М-м-м... Да. Но это не имя. Это что-то вроде смерти. Или убийцы. Тхи Ким. Идет. Да-а-а... Может, это уменьшительное имя? Убийца идет? Мне надо изучить их язык получше.

Она обратила внимание, что Дочь Ночи задрожала даже сильнее, чем Сингх.

Ветер жалобно скулит и стонет посреди ледяных торосов. Он яростно набрасывается на безымянную крепость, но ни молния, ни буря не властны больше разрушать по ночам каменную твердыню. Сидящий на деревянном троне расслабился. Впервые за долгий, долгий срок ночь станет для него временем спокойного отдохновения. Серебряные кинжалы не причиняют ему неудобства.

Шиветай спит и видит сны о конце бессмертия.

Ярость потрескивает между каменными столпами. Тени убегают. Тени прячутся. Тени в ужасе мечутся туда и обратно.

Бессмертие под угрозой.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитал Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Квином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Литературно-художественное издание

**Кук Глен
Воды спят**

Ответственный редактор *А.М. Лактионов*

Редактор *А.В. Етоев*

Художественные редакторы *О.Н. Адашкина, А.Е. Печаяев*

Компьютерный дизайн *А.С. Сергеев*

Технический редактор *Ю.Ю. Смирнов*

Корректор *Ю.В. Голубева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»

Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.

674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84.

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Тerra Fantastica» издательского дома

«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,

Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».

Электронные адреса:

WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

При участии ООО «Харвест».

Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.2001.

220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155-1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

Кук Г.

K88 Воды спят: Роман / Г. Кук; Пер. с англ. Б. Жужунавы. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 538, [6] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-010917-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0278-3 (Terra Fantastica)

Знаменитому Черному Отряду снова предстоит бой. И пускай Отряд уже не тот, что прежде, пускай он потерял почти всех своих лучших бойцов — об отступлении никто не помышляет. Бой будет жестоким. И предотвратить его не смогут никакие интриги Душелова...

^{*} УДК 820(73)
ББК 84 (7США)

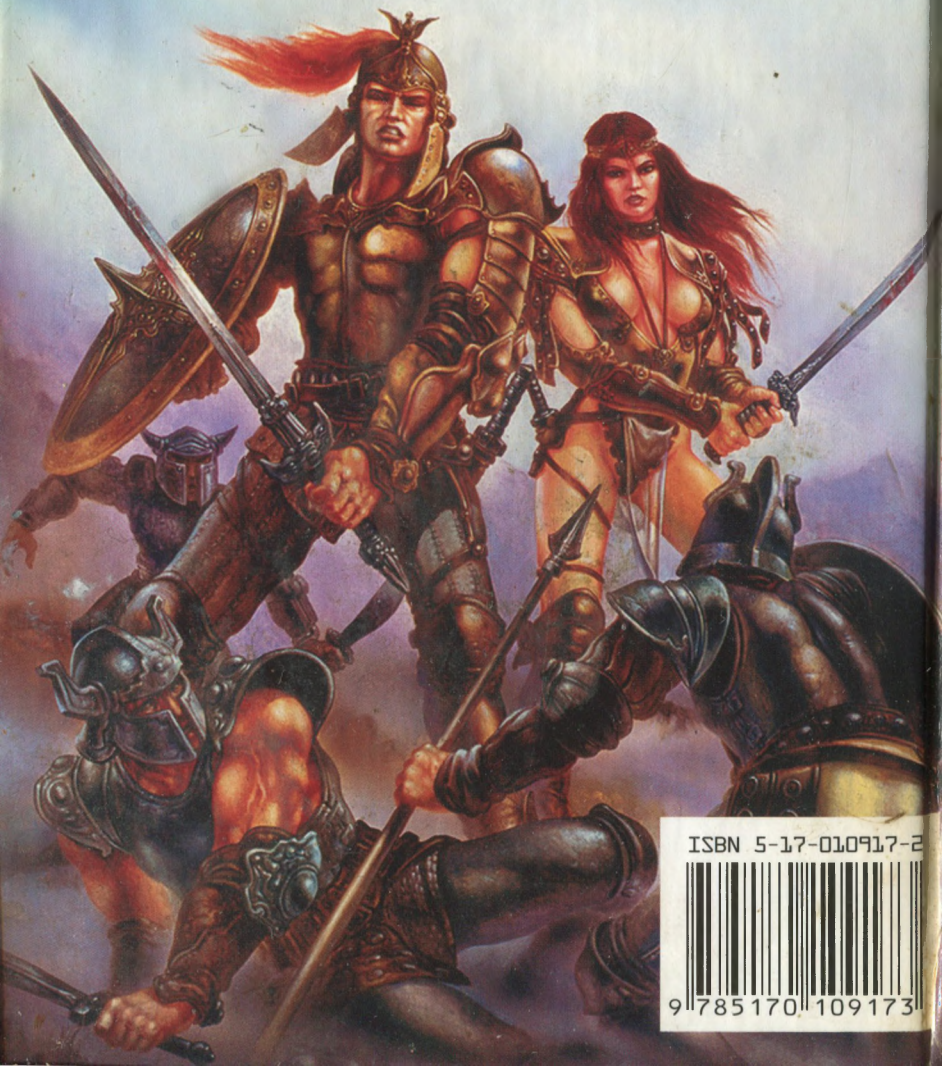
Глен Кук — мастер захватывающего сюжета, один из немногих, кому равно подвластны искрометный юмор балагана и высокая героика эпической саги, магия слова — и магия живого мира, который вновь и вновь призывает к себе читателя.

Добро пожаловать в мир Черного Отряда — лучшей роты наемников на службе у зловещей Госпожи и Десяти Взятых...

Они сражаются мечом и магией — и не сдаются даже тогда, когда не помогает ни магия, ни меч. Они знают: победа дается тому, кто умен, отважен и дерзок, тому, кто до конца верен себе. Они всегда готовы подтвердить свое право называться лучшей ротой наемников во всей вселенной.

Не верите?

Прочтите — и убедитесь сами!

ISBN 5-17-010917-2

9 785170 109173